

КЛИФФОРД САЙМАК

ВСЕ ЛОВУШКИ ЗЕМЛИ

Клиффорд Саймак

Том 2

Собрание сочинений

ТПО «ИНТЕРФЕЙС»

1992

Клиффорд Саймак

ВСЕ ЛОВУШКИ ЗЕМЛИ

Фантастические рассказы

ТПО „ИНТЕРФЕЙС“
Москва
1992

84.7 США
С 14

Клиффорд Саймак

С 14 Все ловушки Земли: Фантастика. Т. 2 / Сост. Д.М. Исаков. — М., ТПО „Интерфейс”, 1992. — 448 с., ил.

В книгу входят фантастические рассказы популярного американского писателя Клиффорда Саймака.

Автор проекта и составитель *Д. Исаков*

Иллюстрации *М. Никитенко*

Редактор и корректор *В. Шибаев*

Художественный редактор *П. Навдаев*

С $\frac{4702010201-02}{К 27(03)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-7016-0004-1

© ТПО „ИНТЕРФЕЙС”, 1992

© Исаков Д.

© Худ. Никитенко М.

© Худ. Навдаев П.

Подписано в печать 4.08.92. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Объем 15 физ. п. л. Тираж 100 000 экз. Заказ 471. „С”-2.

Издательство МП «Принтекс»

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

ПОВЕДАЙ МНЕ СВОИ ПЕЧАЛИ

Была суббота, и дело шло к вечеру, так что я устроился на крылечке и решил как следует поддаться. Бутылку я держал под рукой, настроение у меня было приподнятое и поднималось все выше, и тут на дорожке, ведущей к дому, показались двое: пришелец и его робот.

Я сразу смекнул, что это пришелец. Выглядел он в общем-то похожим на человека, но за людьми роботы по пятам не таскаются.

Будь я трезв как стеклышко, у меня, может, глаза слегка и полезли бы на лоб — с чего бы пришельцу возиться у меня на дорожке, — и я бы хоть чуточку усомнился в том, что вижу. Но трезв я не был, вернее, был уже не вполне трезв.

Так что я сказал пришельцу «Добрый вечер» и предложил присесть. А он ответил «Спасибо», и сел.

— Ты тоже садись, — обратился я к роботу и подвинулся, чтобы ему хватило места.

— Пусть стоит, — ответил пришелец. — Он не умеет сидеть. Это просто машина.

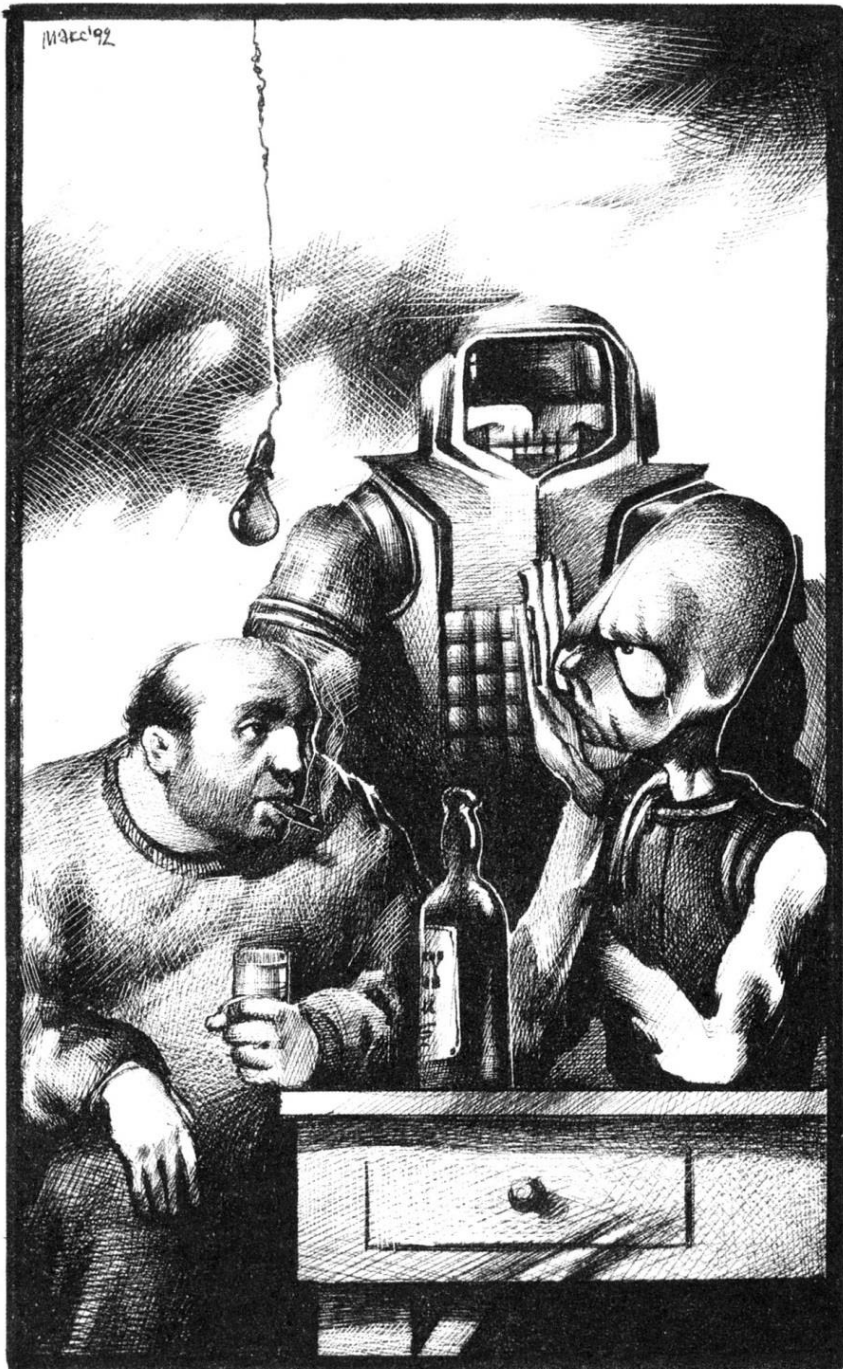
Робот лязгнул на него шестеренкой, а больше ничего не сказал.

— Глотни, — предложил я, приподнимая бутылку, но пришелец только головой помотал.

— Не смею, — ответил он. — Метаболизм не позволяет.

Это как раз из тех хитроумных слов, с какими я немного знаком. Когда работаешь в лечебнице у доктора Абея, поневоле поднахватаешься медицинской тарабарщины.

11/3/92

– Какая жалость, – воскликнул я. – Не возражаешь, если я хлебну?

– Нисколько, – сказал пришелец.

Ну, я и хлебнул от души. Видно, чувствовал, что выпить надо позарез. Потом я поставил бутылку, вытер губы и спросил, нет ли чего другого, чем могу его угостить. А то с моей стороны ужасно негостеприимно было сидеть и лакать виски, а ему даже и не предлагать.

– Вы можете рассказать мне про этот город, – ответил пришелец. – Кажется, его имя Милвилл?

– Милвилл, это точно. А что тебе надо про него знать?

– Всевозможные грустные истории, – сказал робот. Он, наконец, решил заговорить.

– Робот не ошибается, – подтвердил пришелец, устраиваясь поудобнее в позе, явно выражающей предвкушение. – Поведайте мне обо всех здешних бедах и несчастьях.

– А с чего начать? – поинтересовался я.

– Хотя бы с себя.

– С меня? У меня никогда не было никаких несчастий. Всю неделю я подметаю в лечебнице, а по субботам надираюсь в дым. За воскресенье мне надо протрезветь, чтобы с понедельника начать подметать снова. Поверь мне, мистер, – втолковывал я ему, – нет у меня несчастий. Сижу я на своем месте крепко. Свою концы с концами...

– Но, вероятно, есть и другие...

– Что есть, то есть. Ты за всю жизнь не слышал столько жалоб, сколько, нынче развелось в Милвилле. Тут у всех, кроме меня, целая прорва всяких бед. Еще бы куда ни шло, если б они не трепались про них направо и налево...

– Вот и расскажите мне, – перебил он.

Пришлось хлебнуть еще разок и рассказать ему про вдову Фрай, что живет чуть дальше по улице. Я сказал, что вся ее жизнь была сплошной мукой: муж сбежал от нее, когда сынишке едва исполнилось три годика, и она брала стирку и сдираала себе пальцы в кровь, чтобы прокормиться с ребенком, а потом, когда сыну исполнилось тринадцать или четырнадцать, не больше, он угнал машину, и его отправили на два года в исправительную колонию в Глен-Лейк.

– И это все? – спросил пришелец.

– В общих чертах все, – ответил я. – Но я, конечно, упустил многие цветистые и мрачные подробности из тех, до которых так охоча вдова. Послушал бы ты, как она сама об этом рассказывает...

– А вы можете это устроить?

– Что устроить?

– Чтобы она сама мне обо всем рассказала.

– Обещать не могу, – заявил я честно. – Вдова обо мне невысокого мнения. Она со мной и говорить не захочет.

– Но я не понимаю...

– Она достойная, богобоязненная женщина, – объяснил я, – а я подлый бездельник. Да еще и пьяница.

– Она что, не любит пьяниц?

– Она полагает, что пить – грех.

Пришелец вроде как вздрогнул.

– Ясно. Видно, всюду, как присмотришься, одно и то же.

– Значит, и у вас есть такие, как вдова Фрай?

– Не совсем такие, но с такими же взглядами.

– Ну, что ж, – сказал я, приложившись еще разочек, –

значит, другого выхода у нас нет. Как-нибудь продержимся.

– Вас не слишком затруднит, – осведомился пришелец, – рассказать мне еще про кого-нибудь?

– Что ты, вовсе нет, – заверил я.

И рассказал ему про Элмера Троттера, который зубами прогрыз себе дорогу в юридическую школу в Мэдисоне, не гнушаясь никаким занятием, лишь бы заработать на учебу – ведь родителей у него не было. Он закончил курс, сдал экзамен на адвокатское звание, вернулся в Милвилл и открыл собственную контору.

Я не мог передать пришельцу, как это случилось и почему, хотя про себя всегда считал, что Элмер был по горло сыт бедностью и ухватился за первый шанс зашибить деньгу. Никто, наверное, не понимал лучше его, что сделка бесчестная – он же был юрист, не что-нибудь. Однако он все равно не отступился, и его поймали.

А что потом? – спросил пришелец, затаив дыхание. – Он был наказан?

И я рассказал ему, что Элмера лишили права на адвокатуру, а Элиза Дженкинс расторгла помолвку и вернула ему кольцо, и пришлось Элмеру стать страховым агентом и владеть самым жалким существованием. Как он только ни пыжился, чтобы вернуть себе адвокатскую практику, да ни шиша у него больше не вышло.

– Ты все записал? – спросил пришелец у робота.

– Все записано, – ответил тот.

– Какие потрясающие нюансы! – воскликнул пришелец. – Какая жестокая, всеподавляющая реальность!..

Я не мог взять в толк, о чем это он, ну и попросту еще выпил.

А потом продолжал, не дожидаясь новых просьб, и рассказал про Аманду Робинсон и ее несчастливую любовь и про то, как она стала самой благонаправной и унылой из милвиллских старых дев. И про Эбнера Джонса и его бесконечные неудачи: он никак не желал расстаться с убеждением, что родился великим изобретателем, и семья у него жила впроголодь и в рванье, а он только и знал, что изобретать...

— Какая скорбь! — воскликнул пришелец. — Какая замечательная планета!..

— Лучше бы вы закруглялись, — предупредил его робот. — Вам же известно, что будет дальше...

— Ну, еще одну, — взмолился пришелец. — Я ни в одном глазу. Одну самую-самую последнюю...

— Послушай, — сказал я ему. — Я не против рассказывать тебе байки, раз тебе этого хочется. Но, может, ты сначала расскажешь хоть немножко о себе. Я понимаю так, что ты пришелец...

— Разумеется, — ответил пришелец.

— И ты прилетел к нам в космическом корабле?

— Ну, не то чтобы в корабле...

— Но, если ты пришелец, отчего ты говоришь нашему так гладко?

— А, вот вы про что, — сказал пришелец. — Это для меня не очень приятный вопрос.

Робот сокрушенно пояснил:

— Они обобрали его до нитки.

— Значит, ты заплатил за это?

— Непомерно много, — ответил робот. — Они увидели, что ему невтерпеж, и взвинтили цену.

– Но я с ними расквитаюсь, – вставил пришелец. – Если я не сумею извлечь из этой поездки прибыль, пусть меня никогда больше не назовут...

И он произнес что-то длинное, заковыристое и совершенно бессмысленное.

– Это тебя так зовут? – спросил я.

– Конечно. Но вы зовите меня Вильбур. А работа – работа можете звать Лестер.

– Привет, ребята. Очень рад с вами познакомиться. Меня зовут Сэм, – сказал я и глотнул еще чуточку.

Мы сидели на крылечке, и всходила луна, и светлячки мерцали в зарослях сирени, и мир готов был пуститься в пляс. Мне еще никогда в жизни не было так хорошо.

– Ну, еще одну, – умоляюще произнес Вильбур.

Тогда я пересказал ему несколько историй болезни, замешанных из психолечебницы. Я старался выбирать случаи потяжелее, и Вильбур принялся реветь, а робот заявил:

– Сами видите, что вы наделали. У него пьяная истерика.

Но тут Вильбур вытер глаза и сообщил, что все в порядке и чтобы я только не останавливался, а уж он постарается как-нибудь сдержаться.

– Что такое? – спросил я, слегка удивившись. – Ты что, хмелеешь от этих грустных историй?

– А вы что думали? – ответил робот Лестер. – Зачем бы ему иначе сидеть здесь и слушать вашу болтовню?

– А ты тоже хмелеешь? – осведомился я у Лестера.

– Конечно, нет, – ответил Вильбур, – он лишен эмоций. Это просто машина.

Я хлебнул еще разок и хорошенько все обдумал, и все сделалось ясно как день. И я поведал Вильбуру свою жизненную философию:

— Сегодня субботний вечер, самое время налакаться и поплакаться в жилетку. Так что давай...

— Я — за, — всхлипнул Вильбур, — пока у вас язык ворочается, я — за...

Лестер лязгнул шестеренкой, вероятно выразив свое неудовольствие, но смолчал.

— Запиши все до слова, — приказал Вильбур роботу. — Мы заработаем на этом миллион. Надо ж вернуть себе то, что переплачено за обучение. — Он тяжело вздохнул. — Нет, я не жалею о деньгах. Что за прелестная, преисполненная скорбей планета!

И я завелся и уже не снижал оборотов, и ночь становилась все краше с каждой благословенной минутой.

Где-то к полуночи я надрался до того, что едва держался на ногах, а Вильбур — до того, что икал от слез, и мы, вроде как по обоюдному согласию, сдались. Мы поднялись с крылечка и в обнимку прошли через дверь в дом, правда, я потерял Вильбура по дороге, но до кровати кое-как добрел, а больше я ничего не помню.

Когда я проснулся, то сразу понял, что уже воскресное утро. Солнце било сквозь окно, было ясно и пахло ханжеством, как всегда по воскресеньям в наших краях.

Обычно по воскресеньям тихо, и этого одного довольно, чтобы не любить воскресений. Однако сегодняшнее выдалось вовсе не тихим — снаружи доносился ужасный шум, словно кто-то швырял камнями в пустую консервную банку.

Я выкатился из постели, и вкус у меня во рту был такой пакостный, какого и следовало ожидать. Тогда я протер глаза, а то в них будто песку насыпали, и потопал в другую комнату, и только перешагнул порог, как едва не наступил на Вильбура.

Сперва я здорово испугался, а потом припомнил, кто это, и застыл, глядя на него и не слишком веря своим глазам. Подумал, что он, не дай Бог, мертв, но тут же убедился — живой. Он лежал на спине плашмя, раскрыв свою плоскую, как у сома, пасть, и похожие на перья усики у него над губой при каждом вздохе вставали торчком, а затем опадали.

Я перешагнул через него и направился к двери разобратся, что за тарарам на дворе. Там стоял Лестер, робот, в точности на том месте, где мы оставили его вечером, а на дорожке собралась ватага ребятни и кидалась в него камнями. Ребята попались меткие, как по заказу — что ни бросок, то в Лестера почти без промаха.

Я цыкнул на них, и они бросились врассыпную. Им ли было не знать, какую я могу задать трепку.

Только-только я собрался вернуться в дом, как на дорожку влетела машина. Из нее выпрыгнул Джо Флетчер, наш констебль, и я сразу понял, что настроеньице у него — не приведи Господи. Джо остановился перед крыльцом, упер руки в боки и принялся сверлить нас взглядом — сначала Лестера, потом меня.

— Сэм, — спросил он с отвратительной усмешкой, — что тут происходит? Один из твоих сиреневых слонов ожил и явился к тебе на постой?

— Джо, — сказал я торжественно, пропуская оскорбление мимо ушей, — разреши представить тебе Лестера.

Джо совсем уже изготовился заорать на меня, как вдруг в дверях появился Вильбур.

— А это Вильбур, — добавил я. — Вильбур — пришелец, а Лестер, как ты сам понимаешь...

— Вильбур кто? — гаркнул Джо.

Вильбур выступил на крыльцо и объявил:

— Что за скорбное лицо! И сколь благородное притом!..

— Он тебя имеет в виду, — пояснил я констеблю.

— Если вы вздумаете продолжать в том же духе, — про-
рычал Джо, — я засажу вас обоих в каталажку.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Вильбур. — Если я ненароком задел ваши чувства, то готов принести извинения.

Чувства Джо — с ума сойти можно!

— Вижу с первого взгляда, — продолжал Вильбур, — что жизнь вас не баловала...

— Чего не было, того не было, — согласился Джо.

— Меня — тоже, — сказал Вильбур, усаживаясь на ступеньку. — А теперь настали деньки, когда, как ни старайся, не отложишь и цента.

— Мистер, вы правы, — откликнулся Джо. — Ну, точно это же я сказал своей хозяйке нынче утром, когда она взялась пилить меня, что у детишек башмаки прохудились...

— Просто чудо, как еще удастся заработать себе на хлеб.

— Слушайте, вы же еще ничего не знаете...

И, разрази меня гром, не успел я и до трех сосчитать, как Джо уселся рядом с пришельцем и начал выкладывать ему свои горести.

— Лестер, — предупредил Вильбур, — не забудь записать все это...

Я поплелся обратно в дом и быстренько опрокинул стопку, чтобы успокоить желудок, прежде чем приступить к завтраку. Есть в общем-то не хотелось, но я понимал, что надо. Я отыскал яйца и бекон и задумался, чем же кормить Вильбура. Мне вдруг припомнилось, какой у него странный метаболизм, что не выносит спиртного, а если пришьелцу не по нутру доброе виски, то не похоже, чтобы он набросился на яичницу с беконом.

Не успел я покончить с завтраком, как через заднюю дверь ко мне на кухню ворвался Хигмен Моррис. Хигги — наш мэр, столп церкви, член школьного совета, директор банка и вообще шишка на ровном месте.

— Сэм, — завопил он, — довольно наш город от тебя натерпелся! Мы мирились с твоим пьянством, с твоей никчемностью, и с отсутствием патриотизма. Но это уже слишком!

Я вытер яйца с подбородка.

— Что — слишком?

Хигги едва не задохнулся от негодования.

— Это публичное представление! Этот бесплатный цирк! Нарушение общественного порядка! И еще в воскресенье!..

— Вон оно что, — сказал я, — вы намекаете на Вильбура и его работа.

— Перед домом собирается толпа, мне звонили уже человек десять, а Джо сидит себе там с твоим... твоим...

— Пришьельцем, — подсказал я.

— И они режут, обнявшись как трехлетние дети, и... Что? Пришьельцем?..

— Точно, — подтвердил я. — Кем же еще он, по-вашему, может быть?

Хигги дрожащей рукой подтянул к себе стул и бес- сильно опустился на сиденье.

– Сэмюель, – тихо сказал он, – повтори-ка свои слова еще раз. Кажется, я чего-то недослышал.

– Вильбур – пришелец, – повторил я ему, – из другого мира. Он и робот явились к нам, чтобы слушать грустные истории.

– Грустные истории?

– Точно. Ему нравятся грустные истории. Одним нравятся истории веселые, другим похабные, а ему вот грустные.

– Он пришелец, – произнес Хигги, ни к кому не обращаясь.

– Пришелец, пришелец, не сомневайтесь, – отозвался я.

– Ты в этом совершенно уверен?

– Совершенно.

Хигги разволновался.

– Неужели ты не понимаешь, что это значит для Милвилла! Наш малюсенький городок – первое место на Земле, которое посетил пришелец!

Я хотел только одного: чтобы он заткнулся и убрался восвояси – и дал мне опрокинуть стопку после завтрака. Хигги не употреблял спиртного, особенно по воскресеньям. Он, чего доброго, умер бы от ужаса.

– К нам теперь будут ломиться со всего света! – закричал Хигги. Вскочив со стула, он кинулся из кухни в комнату. – Я обязан официально приветствовать высокого гостя!..

Я поплелся следом за ним – я не простил бы себе, если бы упустил такое зрелище.

Джо успел уйти, Вильбур сидел на крылечке в одиночестве, и я-то видел, что он уже основательно нагрузился. Хигги приблизился к нему, выпятил грудь, простер вперед руку и завел торжественно, по полной форме:

– Мне как мэру города Милвилла доставляет величайшее удовольствие передать вам наш сердечный привет...

Вильбур пожал ему руку и сказал:

– Быть главой города – высокая честь и большая ответственность. Уму непостижимо, как вы не сгибаетесь под тяжестью подобной ноши.

– Признаться, временами... – вымолвил Хигги.

– Но вы, как видно, принадлежите к числу людей, озбоченных всецело благополучием ближнего своего, а потому, естественно, вынуждены повседневно сталкиваться с непониманием и неблагодарностью.

Хигги грузно опустился на ступеньки.

– Сэр, – обратился он к Вильбуру, – вы не поверите, сколько мук мне приходится выносить.

– Лестер, – произнес Вильбур, – не забудь записать...

Я ушел в дом. Этого я переварить не мог.

На улице уже собралась целая толпа: Джейк Эллис, мусорщик, Дон Майерс, хозяин «Веселого мельника» и множество других. И там же – ее оттирали кому не лень, а она все равно высывалась – крутилась вдова Фрай. Люди как раз шли в церковь, ну и останавливались по пути поглазеть, потом топали дальше, но на их месте тут же появлялись другие, и толпа нисколько не редела, а, напротив, росла и росла.

Я пошел на кухню и опрокинул свою стопку, вымыл посуду и опять задумался, чем бы покормить Вильбура.

Хотя в данный момент он, судя по всему, не слишком-то нуждался в еде.

Потом я перешел в комнату, сел в кресло-качалку и скинул с ног сапоги. Я сидел в качалке, шевеля пальцами ног и размышляя о том, что за дикая у Вильбура привычка надуваться печалью вместо доброго алкоголя.

День выдался теплый, а я притомился, и покачивание, должно быть, наваяло на меня дремоту, потому что я вдруг очнулся и понял, что не один. Я не сразу увидел, кто это, но все равно знал, что в комнате кто-то есть.

Это оказалась вдова Фрай. Она надела свое воскресное платье – после стольких-то лет, когда она проходила мимо по противоположной стороне улицы, словно вид моей халупы или мой собственный вид могли осквернить ее зрение, – после стольких-то лет она явилась ко мне, разодевшись и сияя улыбкой! А я сижу себе похмельный и в одних носках.

– Сэмюель, – сказала вдова Фрай, – не могу не поделиться с тобой. По-моему, твой мистер Вильбур – просто чудо...

– Он пришелец.

Я едва-едва проснулся и был еще порядком не в себе.

– Какая мне разница, кто он! – воскликнула вдова. – Он джентльмен, преисполненный такого сочувствия... Ни капельки не похож на жителей этого ужасного города.

Я вскочил на ноги, не зная, в сущности, что предпринять. Она застала меня врасплох, в самом что ни на есть непрезентабельном виде. Уж кого-кого со всего белого света я мог ждать к себе в гости, только не ее. Я чуть не предложил ей выпить, да хорошо – в последнюю секунду опомнился.

– Вы что, говорили с ним? – спросил я, заикаясь.

– И я, и все остальные, – ответила вдова Фрай. – Он такой обаятельный! Поделишься с ним своими заботами – и они вроде как улетучатся. Там целая уйма народу ждет своей очереди.

– Ну что ж, – сказал я ей, – рад слышать это от вас. Но как он выдерживает такую нагрузку?

Вдова придвинулась поближе ко мне и снизила голос до шепота.

– По-моему, он изнемогает. Я бы сказала... я бы сказала, что он в состоянии опьянения, если бы не боялась его обидеть.

Я быстренько взглянул на часы.

– Мама родная! – вырвалось у меня.

Было уже почти четыре часа дня. Вильбур просидел там шесть или семь часов подряд, поглощая без разбора все печали, какие только мог предложить ему этот городишко. Сейчас он, дело ясное, насосался до самых бровей.

Я кинулся к двери – и точно, Вильбур сидел на крыльчке, слезы текли у него по лицу, и слушал он не кого-нибудь, а Джека Риттера, – вряля нахальнее, чем старина Джек, не встретишь ни в нашей округе, ни в соседних. Он, наверняка, выкладывал Вильбуру чистый бред, который выдумывал сходу.

– Извини, Джек, – бросил я, поднимая Вильбура на ноги.

– Но я как раз говорил ему о том...

– Ступай домой! – цыкнул я на него. – И остальные тоже! Вы его вымотали до упора...

– Мистер Сэм, – признался Лестер, – как я рад, что вы пришли. Меня он совсем не слушался.

Вдова Фрай придержала дверь, а я втащил Вильбура в дом и положил его на свою кровать, чтобы он проспался. Вдова подождала меня на крылечке.

– Знаете что, Сэмюель, – сказала она, – я приготовила на ужин цыплят. Их у меня больше, чем я могу съесть одна. Не хотите ли зайти и составить мне компанию?

Я просто онемел на мгновение, потом покачал головой:

– Спасибо за приглашение, только я должен последить за Вильбуром. На работа он – ноль внимания.

Вдова была разочарована.

– Может, как-нибудь в другой раз?

– Да, как-нибудь в другой раз.

Когда она удалилась, я вышел снова и пригласил в дом Лестера.

– Ты можешь сесть, – спросил я, – или должен стоять?

– Я должен стоять, – ответил Лестер.

Тогда я успокоился – пусть стоит, – а сам сел в качалку.

– Что ест Вильбур? – спросил я. – Он, наверное, проголодался.

Робот раскрыл дверцу посередине груди и достал странного вида бутылочку. Он встряхнул ее, и я услышал, как внутри что-то задребезжало.

– Вот его пища, – сказал Лестер. – Он принимает по бутылочке в день.

Лестер уже собирался отправить бутылочку обратно, как из дверцы выпала тугая объемистая пачка. Робот нагнулся и подобрал ее.

– Деньги, – пояснил он.

– Значит, у вас там тоже есть деньги?

– Эти нам дали, когда мы прошли обучение. Стодолларовые купюры.

– Стодолларовые!..

– Иначе получилось бы слишком громоздко, – учтиво ответил Лестер, запихнул деньги и бутылочку обратно в глубь груди и защелкнул дверцу.

Я сидел, как в тумане. Стодолларовые купюры!..

– Лестер, – посоветовал я, – не следовало бы, пожалуй, показывать эти деньги кому попало. Неровен час, попробуют отнять.

– Знаю, – ответил Лестер, – и держу при себе.

Он похлопал себя по груди. Такой хлопок без труда снес бы человеку голову с плеч.

Я сидел, покачиваясь в кресле, и от обилия разных мыслей казалось, что мозг мой тоже раскачивается взад-вперед в такт с креслом. Во-первых, Вильбур со своим дикийковинным способом напиваться, во-вторых, поведение вдовы Фрай, да еще эти стодолларовые купюры.

Особенно стодолларовые купюры.

– Слушай, что там у вас получилось с обучением? – поинтересовался я. – Ты упомянул, что оно нелегальное...

– Самое что ни на есть нелегальное, – ответил Лестер. – Этим занимается один растленный тип, который прокрался сюда и записал все на пленку, а теперь торгует потихоньку...

– Но почему прокрался? Почему потихоньку?

– Запретная зона, – ответил Лестер. – Вне пределов разрешенного. За чертой дозволенного. Ясно ли я выражаюсь?

– И этот растленный тип догадался, что можно продать

вам информацию, записанную на пленку, и эту... Как ты сказал?..

– Модель чужой культуры, – ответил Лестер. – Ваша логика ведет вас по верному пути, однако это в действительности не столь просто.

– Наверное, нет, – согласился я. – И тот же растленный тип заграбастал ваши денежки, не так ли?

– Вот именно. Заграбастал целую кучу денег.

Я посидел еще немного, потом пошел взглянуть на Вильбура – он спал без просыпа, при вдохе втягивая усики в свою сомовью пасть, а при выдохе выплевывая их обратно. Тогда я отправился на кухню и приготовил себе обед.

Только-только я поел, как в дверь постучали. На сей раз это оказался доктор Абель из лечебницы.

– Добрый вечер, док, – сказал я. – Сейчас я организую чего-нибудь выпить.

– Проживу без выпивки, – отозвался док. – Лучше покажи мне своего пришельца.

Он двинулся в комнату, увидел Лестера, да так и остолбенел. Лестер, надо думать, понял, что доктор удивлен не на шутку, и постарался тотчас же его успокоить:

– Я так называемый робот пришельца. Невзирая на тот очевидный факт, что я просто машина, я в то же время преданный слуга. Если вы хотите поведать нам свои печали, можете конфиденциально сообщить их мне. А я не премину передать их своему хозяину.

Доктор как будто слегка попятился, но на ногах все же удержался.

– Вы принимаете любые печали, – спросил он, – или вам желателен какой-то особый сорт?

– Хозяин, – отвечал Лестер, – предпочитает глубокую скорбь, но не отказывается и от печалей всякого иного рода.

– Вильбур от них косеет, – вставил я, – Сейчас он в спальне, дрыхнет с перепоею.

– Более того, – продолжал Лестер, – говоря между нами, такой товар нетрудно и продать. У нас дома найдется немало страстных охотников до первосортных горестей, присущих данной планете.

Брови у доктора взлетели так высоко, что почти коснулись шевелюры.

– Тут все по чести, – заверил я его. – Без всяких фокусов. Хотите взглянуть на Вильбура?

Док кивнул. Я подвел его к кровати, и мы застыли у изголовья, глядя на Вильбура сверху вниз. Когда пришелец спал вытянувшись, то представлял собой премерзкое зрелище.

Док поднял руку ко лбу и с силой провел ею по лицу, оттягивая челюсть и приобретая сходство с ищейкой. Его большие, толстые, отвислые губы издали под ладонью хлюпающий звук.

– Будь я проклят! – произнес док.

Тут он повернулся и вышел из спальни, а я потащился следом. Он, не задерживаясь, направился к двери и вышел на улицу. Спустился немного по дорожке, потом остановился и подождал меня, а потом внезапно, вытянув руки, схватил меня за грудки – рубаха до того натянулась, чуть не лопнула.

– Сэм, – сказал он, – ты у меня работаешь много лет и вроде становишься стар. Большинство других на моем ме-

сте уволили бы тебя, старика, и наняли кого помоложе. Я вправе уволить тебя в любую минуту, когда захочу.

– Наверное, так, – ответил я и испытал гнусное чувство, потому что раньше ни разу не задумывался, что меня когда-нибудь уволят. Подметаю я в лечебнице на совесть и не чураюсь грязной работы. Представляете, как это будет скверно, когда придет очередная суббота, а у меня не окажется денег на выпивку.

– Ты был преданный и честный работник, – продолжал между тем док, вцепившись мне в рубаху, – а я – добрый хозяин. Я всегда ставил тебе бутылку на рождество и еще одну на пасху.

– Все точно, – подтвердил я, – Все до последнего слова.

– Ты же не станешь водить за нос своего друга доктора, – сказал док. – Всех остальных в этом глупом городишке, может, и станешь, а своего друга доктора нет.

– Но, док, – запротестовал я, – я и не вожу никого за нос...

Док наконец отпустил мою рубаху.

– Бог с тобой, я и не думаю, что водишь. Все действительно так, как мне говорили? Он сидит выслушивает чужие беды, и те, кто побеседовал с ним, сразу чувствуют себя лучше?

– Вдова Фрай уверяет, что да. Говорит, посидела с ним – заботы вроде как улетучились.

– Святая правда, Сэм?

– Святая правда.

Доктор Абель разволновался. Он опять схватил меня за рубаху.

– Ты что, не видишь, что на нас свалилось? – чуть не закричал он на меня.

– На нас? – переспросил я.

Он не обратил на это внимания.

– Величайший психиатр, – изрек док, – какого когда-либо знал мир! Крупнейший вклад в психиатрию с самого начала времен! Понимаешь, к чему я клоню?

– Пожалуй, понимаю, – сказал я, хотя не понял ровным счетом ничего.

– Больше всего, – изрек док, – человечество нуждается в ком-то или в чем-то, на кого или на что можно перевалить свои заботы. В ком-то, кто одним магическим касанием изгонит все тревоги. Суть дела тут, разумеется, в исповеди – в том, чтобы символически переложить свою ношу на чужие плечи. Один и тот же принцип срабатывает в церковной исповедальне, в профессиональной психиатрии и в дружбе – дружба глубока и прочна лишь тогда, когда на плече у друга можно поплакаться.

– Док, вы правы, – сказал я, начиная помаленьку сообщать что к чему.

– Беда в том, что принимающий исповедь тоже человек, и по-человечески ограничен. Тому, кто исповедуется, это известно. Исповедник не в силах гарантировать, что сумеет разделить любое несчастье, любую страсть. А здесь перед нами нечто принципиально иное. Пришелец – существо со звезд, не связанное человеческими предрассудками. Из самого определения следует, что он в состоянии принять любые печали и вобрать их своим нечеловеческим естеством...

– Док, – завопил я, – если бы вы заполучили Вильбура в лечебницу!..

Док мысленно потирал руки.

– Именно об этом я и подумал.

С каким удовольствием я дал бы себе пинка под зад за свой неумеренный восторг! Теперь я сделал все, что мог, лишь бы вернуть себе утраченные позиции.

– Не знаю, док. С Вильбуром, наверное, не сговориться.

– Ну что ж, давай вернемся и попробуем.

– Не знаю, – упирался я.

Нельзя терять ни минуты. К утру слухи расползутся на много миль, и здесь будет не продохнуть от газетчиков, телевизионных фургонов и Бог весть кого еще. Набегут ученые сопляки, правительственные агенты, и дело выскользнет из наших рук.

– Лучше я потолкую с ним с глазу на глаз, – сказал я, – У него, неровен час, язык с перепугу отнимется, если вы начнете путаться под ногами. А меня он знает и, может, послушает...

Как ни крутился док, как ни мялся, но в конце концов согласился.

– Я подожду в машине, – предложил он. – Если понадобится, позовешь.

Хрустя гравием, он ушел по дорожке к своей машине, а я возвратился в дом.

– Лестер, – обратился я к роботу, – мне необходимо поговорить с Вильбуром. Это очень важно.

– Никаких грустных историй, – предупредил Лестер. – На сегодня с него хватит.

– Нет-нет. У меня к нему предложение.

– Предложение?

– Сделка. Деловое соглашение.

– Ладно, – согласился Лестер, – я его подниму.

Поднять его оказалось не так-то просто, но в конце концов мы вынудили его проснуться и сесть в постели.

– Вильбур, слушай меня внимательно, – начал я. – Я тут припас кое-что специально для тебя. Есть такое место, где всех терзают страшные заботы и ужасающие печали. Понимаешь, не некоторых, а всех без исключения. Эти люди настолько озабочены и скорбны, что не могут жить с другими вместе.

Вильбур выбрался из постели и, покачиваясь, встал на ноги.

– В-веди м-меня туда немедленно, – произнес он.

Я толкнул его обратно на кровать.

– Это вовсе не так просто. Туда нелегко проникнуть.

– Но вы как будто сказали...

– Понимаешь, у меня есть друг, который может это для тебя устроить. Но, пожалуй, потребуются деньги...

– Приятель, – заявил Вильбур, – денег у нас вагон. Сколько тебе нужно?

– Трудно сказать заранее.

– Лестер, передай ему деньги, чтобы он обо всем договорился.

– Хозяин, – воспротивился Лестер, – не знаю стоит ли...

– Сэм заслуживает доверия, – заявил Вильбур. – Он не хапуга и не потратит ни на цент больше, чем необходимо.

– Ни на цент, – пообещал я.

Лестер отворил дверцу у себя на груди и вручил мне пачку стодолларовых купюр, а я кое-как запихнул ее в карман.

— Ждите меня здесь, — объявил я им, — пока я не повидаюсь со своим другом. Я скоро вернусь.

И я быстренько занялся сложением и вычитанием, теряясь в догадках, какую же сумму можно вытрясти из доктора Абеля. Не мешает сперва заломить побольше, чтобы было что уступить, когда док примется рычать, стонать и плакать и напоминать мне, что мы с ним старые друзья, и что он всегда ставил мне бутылку на рождество и еще одну на пасху.

Я собрался уже выйти из комнаты — и остолбенел.

В дверях стоял второй Вильбур. Хотя, едва я пригляделся к нему попристальнее, сразу уловил некоторую разницу. И не успел новый Вильбур и слова вымолвить, не успел и шагу ступить, как я испытал тошнотворное чувство, что все покатилося вкривь и вкось.

— Добрый вечер, сэр, — сказал я. — Очень мило с вашей стороны заглянуть ко мне.

Он и ухом не повел.

— Я вижу, у вас гости. Прискорбно, но придется разлучить их с вами.

Лестер заскрежетал у меня за спиной, словно у него шестеренки поотваливались, а Вильбур — я видел уголком глаза — вытянулся, будто палку проглотил, и побелел как полотно.

— Ну, зачем же так, — вступился я. — Они едва-едва были...

— Вы не улавливаете сути дела, — сообщил пришелец, стоящий в дверях. — Они нарушители закона. Я уполномочен забрать их.

— Приятель, — обратился ко мне Вильбур, — я искренне сожалею. Так я и знал, что ничего у нас не выйдет.

– Теперь, – заявил Вильбуру второй пришелец, – вы окончательно убедились в этом и оставите свои попытки...

Все было яснее ясного, если хоть чуточку пошевелить мозгами, – даже удивительно, как я не додумался до этого раньше. Ведь если Земля запретна для авантюристов, собиравших информацию для обучения Вильбура, то тем более...

– Мистер, – обратился я к тому пришельцу, что застрял в дверях, – тут имеется кое-что, в чем вы, по-видимому, не отдаете себе отчета. Не могли бы мы с вами обсудить это дело один на один?

– Буду рад, – отвечал пришелец вежливо до боли, – но, пожалуйста, поймите, что я обязан выполнить свой долг.

– Ну, о чем речь, – сказал я.

Пришелец отделился от двери, подал знак – и в комнату ввалились два робота, до того стоявшие за дверью, где я их не видел.

– Меры безопасности приняты, – заявил пришелец, – и мы вправе удалиться для разговора. Готов слушать вас со всем вниманием...

Тогда я вышел на кухню, а он следом за мной. Я сел у стола, он напротив.

– Должен принести вам свои извинения, – степенно сказал он. – Этот негодяй проник на вашу планету и лично к вам обманным путем.

– Мистер, – сказал я в ответ, – ничего-то вы не поняли. Мне этот ваш перебежчик нравится.

– Нравится? – переспросил он, потрясенный. – Но это немыслимо! Он – ничтожный пропойца, более того...

– Более того, – закончил я за пришельца, перехватывая инициативу, – он приносит нам уйму пользы!

Пришельца будто током ударило.

— Вы не ведаете, что говорите! Он тащит из вас ваши печали и смакует их самым омерзительным образом, и записывает на пленку, чтобы пережевывать их снова и снова к вашему вечному стыду, и более того...

— Да вовсе это не так! — крикнул я. — Нам идет на пользу, когда мы вытаскиваем свои печали и выставляем их напоказ...

— Отвратительно! Более того — нескромно! — Он запнулся. — Что вы сказали?..

— Расписывать свои печали идет нам на пользу, — произнес я так торжественно, как только мог. — Это вопрос мироощущения.

Пришелец стукнул себя ладонью по лбу, и перья вокруг сомовьей пасти встали торчком и затрепетали.

— А вдруг это правда? — сказал он, объятый ужасом. — Если цивилизация столь примитивна, так погрязла в грехах и бесстыдстве...

— Как мы, например, — поддержал я.

— На нашей планете, — заявил пришелец, — нет ни тревог, ни печалей. Ну, во всяком случае, их не очень много. Мы в совершенстве приспособлены к жизни.

— Кроме таких, как Вильбур?

— Вильбур?..

— Ваш приятель, который в той комнате, — пояснил я. — Я не сумел выговорить его имя, так я назвал его Вильбуром. Между прочим...

Он провел рукой по лицу, и что бы он там ни болтал, было ясно, как день, что в тот момент его обуревали тревоги.

– Зовите меня Джейк. Зовите меня как вам заблагорассудится, лишь бы найти выход из этого дурацкого положения.

– Нет ничего проще, – ответил я. – Оставьте Вильбура здесь, только и всего. На самом-то деле вы им вовсе не дорожите, не так ли?

– Им? Дорожим? – взвыл Джейк. – От него и подобных ему одни неприятности. Но мы их породили – нам за них и отвечать. Мы не вправе взваливать эту ношу на ваши плечи.

– Стало быть, есть и другие такие же, как Вильбур? Джейк печально кивнул.

– А мы заберем их всех, – решил я. – И будем их очень любить. Всех до единого.

– Вы с ума сошли!

– Конечно, – подтвердил я. – Потому-то они нам и нужны.

– Вы в этом уверены, у вас нет и тени сомнения?

– Совершенно уверен.

– Приятель, – заявил Джейк, – тогда по рукам!..

Я протянул руку, чтобы он пожал ее, но он моей руки, кажется, и не заметил. Он поднялся со стула, и видели бы вы, какое безмерное облегчение отразилось на его лице. Потом он повернулся и горделиво зашагал из кухни прочь.

– Эй, погодите минутку, – завопил я. Ведь надо бы еще утрясти кое-какие детали. Но он, мне кажется, меня уже не слышал.

Я бросился в комнату, однако Джейком там и не пахло. Я – в спальню, но обоих роботов тоже след простыл. Вильбур и Лестер пребывали в блаженном одиночестве.

– Говорил я вам, – обратился Лестер к Вильбуру, – что мистер Сэм все уладит...

– Глазам своим не верю, – отозвался Вильбур. – Неужели они в самом деле ушли? Ушли навсегда? И ни при каких обстоятельствах не явятся обратно?

Я вытер лоб рукавом.

– Больше они вас не потревожат. Наконец-то вы от них избавились.

– Прекрасно! – воскликнул Вильбур. – Ну, как насчет той сделки?

– Сейчас, – ответил я, – минуточку. Только выйду и повидаюсь с тем человеком.

Я выбрался на крылечко и постоял там чуток, чтобы унять дрожь в коленках. Джейк со своими двумя роботами чуть было не погубили все на свете. Хотелось выпить, как никогда в жизни, но я не смел замешкаться. Я должен был взять доктора за жабры, пока не стряслось еще чего-нибудь.

Я приблизился к машине.

– Сколько можно ждать? – раздраженно произнес док.

– Пришлось уламывать Вильбура, чтобы он согласился, – ответил я.

– Но он согласился?

– Да, согласился.

– А тогда, – спросил док, – чего же мы ждем.

– Десять тысяч долларов, – сказал я.

– Десять тысяч?..

– Такая у Вильбура цена. Я продаю вам своего пришельца.

– Твоего пришельца? Вовсе он не твой!

– Может, и не мой, – ответил я, – да велика ли разница! Скажу ему словечко, и никуда он с вами не поедет.

– Две тысячи, – провозгласил док. – Ни центом больше.

Поторговавшись, мы сошлись на семи тысячах долларов. Если бы я захотел убить на это всю ночь, то выколол бы восемь с половиной. Но я был выжат до изнеможения, и стопка мне нужна была куда больше, чем лишних полторы тысячи. Так что мы сговорились на семи.

Мы вернулись в дом, и док выписал чек.

– Ты, конечно, сам понимаешь, что уволен, – сказал док, вручая его мне.

– Об этом я как-то еще не думал, – ответил я – и ответил честно. В руке я держал чек на семь тысяч долларов, а в кармане топорщилась пачка стодолларовых купюр, и сколько же выпивки можно закупить на такие деньги!

Я вызвал из спальни Вильбура с Лестером и сказал:

– Старина док соглашается взять вас.

И Вильбур ответил:

– Я так счастлив, так благодарен. Надеюсь, уговорить его оказалось не слишком сложно?

– Да, пожалуй, нет. Он не запросил лишнего.

– Эй, – окликнул нас док с кровожадным блеском в глазах, – что тут происходит?

– Ничего особенного, – заверил я.

– Мне померещилось...

– Вот ваш пришелец, – перебил я, – Забирайте его, если хотите. А если вдруг передумали, я буду рад оставить его себе. Найдутся и другие охотники...

И я протянул ему его чек обратно. Рискованная это была штука, но, по-моему, настала самая пора сблефовать.

Доктор отстранил чек — он по-прежнему подозревал, что его провели, только не мог сообразить на чем. Но и упустить Вильбура он не хотел ни при каких обстоятельствах. Я видел, что он уже все взвесил и намерен, держа инопланетянина в неволе, сделаться с его помощью мировой знаменитостью.

Правда, была тут одна тонкость, о которой он понятия не имел. Он и не догадывался, что пройдет немного времени, и на Земле появятся другие Вильбуры. И я хохотал от души — про себя, конечно, пока док бережно выводил Вильбура и Лестера за дверь.

Прежде чем перешагнуть порог, он обернулся ко мне.

— Что-то тут нечисто, — сказал он, — дай мне только докопаться, в чем дело, я вернусь и сдеру с тебя шкуру.

Я не ответил ни слова, просто стоял и слушал, как они втроем хрупают по гравию на дорожке. Когда я услышал, что машина отъехала, я отправился на кухню и достал бутылку.

Я хлопнул полдюжины стопок одну за другой. Потом опустился на стул у кухонного стола и попытался взять себя в руки.

С этой целью я высосал еще полдюжины стопок, но с расстановкой.

Потом я принялся размышлять обо всех прочих Вильбурах, которых Джейк согласился прислать на Землю, и пожалел, что не сумел его хоть слегка подоить. Но я просто-напросто не успел, он вскочил и исчез в тот самый миг, когда я вознамерился приступить к делу.

Оставалось только надеяться, что он передаст их мне — или перед крыльцом, или на дорожке, — но ведь он ничего

подобного не обещал. Какой мне интерес, если он возьмет да и бросит их, где попало!

Я недоумевал, когда же он их пришлет и сколько их в конечном счете окажется. Какое-то время ему, понятно, потребуется: ведь прежде чем отправить их на Землю, надо пройти с ними курс обучения, – а вот что касается их числа, тут я терялся в догадках. Из речи Джейка вряд ли следовало, что их наберется десятка два, если не больше. С таким-то отрядом нетрудно будет зашибить огромные деньги, если, конечно, взяться за это с головой.

Впрочем, коль на то пошло, у меня и так поднакопилась кругленькая сумма.

Я выудил из кармана пачку стодолларовых купюр и попробовал пересчитать их поточнее, но, режьте меня на части, не мог удержать цифры в памяти. Я был пьян – и даже не в субботу, а в воскресенье. Я остался без работы, зато теперь смогу надираться в любой день, когда захочу.

Так я и сидел, прикладываясь к бутылке, пока не отключился.

Проснулся я от чудовищного грохота и не сразу понял, где нахожусь. Спустя какое-то время до меня дошло, что я заснул за кухонным столом, – шею совсем свело, а уж похмелье было – страшнее не придумаешь.

Я с грехом пополам поднялся на ноги и посмотрел на часы – десять минут десятого.

А грохот все продолжался.

Я перебрался из кухни в комнату, потом открыл входную дверь. Вдова Фрай чуть не растянулась на полу – так яростно она колотила по филенке.

– Сэмюель, – задыхаясь, произнесла она, – ты слышал?

– Ничего я не слышал, – ответил я ей, – пока вы не начали барабанить в дверь.

– Да нет, по радио!

– Вы же знаете, черт вас возьми, что у меня нет ни радио, ни телефона, ни телевизора. У меня нет времени на всякую новомодную ерунду...

– Про пришельцев, – сказала она, – про таких же точно, как твой. Про славных, добрых, участливых пришельцев. Они повсюду, повсюду на всей Земле. Их множество, куда ни глянь – тысячи, а может миллионы...

Я кинулся мимо нее к двери.

Пришельцы сидели на каждом крылечке вниз и вверх по улице, ходили взад-вперед по мостовой, а на пустыре неподалеку собрались гурьбой и затеяли игру, гоняясь взапуски друг за другом.

– И так теперь везде! – надрывалась вдова Фрай. – По радио так прямо и сказали. Их теперь хватит, чтобы каждый на Земле завел себе своего собственного пришельца. Ну, не чудо ли это?

«Грязный мошенник Джейк», – выругался я про себя. А говорил-то, словно их совсем-совсем немного, распинаясь, – мол, цивилизация у них такая культурная и совершенная, что и психов почти не осталось...

Хотя, говоря по чести, он ведь цифр не называл. И, может, все, кого он вышвырнул на Землю, – лишь горстка по сравнению с численностью их цивилизации, если взять ее целиком.

И тут я внезапно вспомнил еще кое о чем. Я выхватил из кармана часы и поглядел на них снова. Было только четверть десятого.

– Миссис Фрай, – бросил я, – извините меня. У меня срочное поручение, я должен бежать...

И почесал вниз по улице быстро, как только мог. Один из Вильбуров отделился от группы и припустил рядом со мной.

– Мистер, – спросил он, – нет ли у вас печалей, которые вы хотели бы мне поведать?

– Нет, – отмахнулся я. – Нет у меня никаких печалей.

– Ну, хотя бы забот?

– Забот тоже нет.

Тогда-то мне и пришло в голову, что забота есть, да еще какая – и не для меня одного, для всей планеты.

Потому что с помощью всех тех Вильбуров, которых Джейк сослал на Землю, у нас вскоре не останется ни единого собственного психа. Не останется никого, кто будет чем-то опечален или озабочен. Ну, и скукотища же наступит, не приведи Бог!

И все равно мне было не до того.

Я мчался по улице с предельной скоростью, с какой только меня несли ноги.

Я должен был попасть в банк раньше, чем док успеет приостановить платеж по чеку на семь тысяч долларов.

ВЕДРО АЛМАЗОВ

Полиция задержала дядюшку Джорджа, когда в три часа утра он шел по Элм-стрит. Он брел посреди улицы, пошатываясь и что-то бормоча себе под нос. А главное – с него текло так, словно он только что побывал под страшным ливнем, хотя у нас в округе вот уже три месяца не было даже намека на дождь; пожелтевшая кукуруза в полях годилась разве что в печку. Под мышкой дядюшка Джордж держал большую картину, а в руке – ведро, до краев полное алмазов. Он шествовал без ботинок, в одних носках. Когда дежурный полицейский Элвин Сондерс остановил старика и спросил, что с ним происходит, дядюшка Джордж в ответ пробормотал что-то нечленораздельное. Он, видимо, был здорово на взводе.

Именно поэтому Элвин доставил его в полицейский участок, и только там кто-то обратил внимание на его оттопыривающиеся карманы. Естественно, полицейские вывернули их и разложили содержимое на столе. Когда же они повнимательнее осмотрели все это добро, сержант Стив О’Доннелл тут же позвонил шерифу Чету Бэрнсайдю за указаниями, что делать дальше. Шериф, отнюдь не в восторге, что его подняли среди ночи, приказал до утра запереть дядюшку Джорджа в камере, что и было исполнено. Конечно, трудно в чем-нибудь винить шерифа. Из года в год старик доставлял достаточно неприятностей и хлопот полиции Уиллоу-Гроув.

Но стоило дядюшке Джорджу попасть в камеру, немного очухаться и разобраться, что к чему, как он тут же

схватил стул и принялся дубасить в решетчатую дверь, крича, что эти подонки опять все подстроили, наплевав на его законные конституционные права свободного и добропорядочного гражданина.

— Вы обязаны дать мне позвонить! — что есть мочи вопил дядюшка Джордж. — Вы еще пожалеете, когда я выйду на свободу и подам на всех вас в суд за несправедливый арест.

Он настолько всем надоел своим криком, что они открыли камеру и разрешили ему подойти к телефону.

Конечно же, как и всегда, звонок был ко мне.

— Кто там еще? — Элси проснулась и села в кровати.

— Твой дядюшка Джордж, — сказал я.

— Так я и знала! — воскликнула жена. — Стоило тетушке Мирте уехать в Калифорнию навестить родственников, и он снова принялся за старое.

— Ладно, что там приключилось на этот раз? — спросил я дядюшку.

— Почему ты говоришь со мной таким тоном, Джон? — обиженно ответил он. — Я тебе звоню всего раз или два в году. Какой смысл иметь в семье адвоката, если...

— Может быть, ты все-таки перейдешь к делу? — прервал я. — Что случилось?

— На этот раз они у меня попляшут! С правами они попались, как миленькие. Будь спокоен, на этот раз тебе будет уплачено сполна. Все, что с них присудят, разделим пополам. Я ничего не сделал, я просто шел по улице, когда появился этот подонки и потащил меня в каталажку. Я не шатался, не пел и не нарушал порядка. Послушай, Джон, разве человек не имеет права ходить по улицам, хотя бы и в полночь...

– Сейчас приеду, – вновь перебил я его.

– Долго там не торчи, – заметила Элси. – У тебя завтра в суде трудный день.

– Ты что, смеешься? – не сдержался я. – Раз появился дядюшка Джордж, считай, что день потерян.

Когда я подъехал к полицейскому участку, все уже были в сборе. Дядюшка Джордж сидел за столом, на котором высилось ведро с алмазами и лежала кучка отобранных у него вещей. К ножке стола была прислонена картина. Шериф прибыл в участок за несколько минут до меня.

– Итак, – сказал я, – перейдем к делу. В чем его обвиняют?

– Пока нам не требуется никаких обвинений.

Шериф до сих пор злился, что его подняли с постели среди ночи.

– Вот что, Чет, – сказал я, – не пройдет и нескольких часов, как тебе потребуется официальное обвинение, да еще как. Так что советую подумать над этим сейчас.

– Я предпочитаю подождать, что скажет Чарли.

Он имел в виду прокурора Чарли Нивинса.

– Ладно, раз нет обвинения, то каковы хотя бы обстоятельства ареста?

– Этот Джордж тащил ведро алмазов. А теперь ты мне ответь, где он их добыл?

– Возможно, это вовсе не алмазы, – предположил я. – Ты в этом уверен?

– Утром, когда Гарри откроет свою лавочку, мы пригласим его посмотреть.

Гарри был ювелиром, который держал магазинчик на другой стороне площади.

Я подошел к столу и взял несколько камней. Конечно, я не ювелир, но мне они показались настоящими алмазами. Камни были превосходно отшлифованы, и их грани так и горели, когда на них падал свет. Некоторые были с кулак величиной.

— Даже если это алмазы, при чем здесь арест? Я что-то не слышал о законе, который запрещал бы человеку носить алмазы в ведре.

— Вот-вот, выложи-ка им, Джон! — обрадовался дядюшка Джордж.

— Помолчи, — сказал я, — и вообще не суйся не в свое дело, раз я им занялся.

— Но ведь у Джорджа сроду не водилось никаких алмазов, — не сдавался шериф. — Должно быть, они краденые.

— Значит, вы обвиняете его в краже?

— Ну, не то чтобы вот так, сразу, — шериф держался не слишком уверенно. — У меня пока нет доказательств.

— А потом еще эта картина, — вставил Элвин Сондерс. — Сдается мне, весьма ценная — похоже, кого-то из старых мастеров.

— Удивительное дело, — сказал я, — не скажет ли мне кто-нибудь из вас, где в Уиллоу-Гроув можно было бы украсть картину, принадлежащую кисти старого мастера, или же ведро алмазов?

Тут они, конечно, притихли. В нашем Уиллоу-Гроув если у кого и можно найти порядочную картину, то только у банкира Эймаса Стивенса, который привез одну, когда ездил в Чикаго. Впрочем, с его познаниями в искусстве, не исключено, что ему всучили подделку.

— И все-таки, согласись, тут что-то не то, — вздохнул шериф.

– Возможно, но я сомневаюсь, что этого достаточно, чтобы держать человека в тюрьме.

– Дело даже не столько в картине или алмазах, – шериф был явно озабочен, – сколько в остальном добре. Из-за него-то мне и сдается, что дело нечистое. Взгляни-ка сам.

Он взял со стола какую-то штуковину и протянул мне.

– Осторожно, – предупредил он, – один конец у нее очень горячий.

Вещица была около фута длиной и по форме напоминала песочные часы из прозрачного пластика. Узенькая в центре, она расширялась к полым концам. В середину был вставлен небольшой, по-видимому металлический, прут. Один его конец рдел, как раскаленное железо, и когда я поднес ладонь к открытой полости, то почувствовал дуновение горячего воздуха. Другой же конец, белый, был покрыт кристалликами. Я повернул непонятное приспособление.

– Смотри, не вздумай до него дотронуться, – предупредил шериф, – палец примерзнет – видишь, на нем лед.

Я осторожно положил вещицу на стол.

– Как ты думаешь, что это такое? – спросил шериф.

– Откуда мне знать.

Я действительно не имел ни малейшего представления. Физика никогда не была в числе моих любимых предметов, к тому же я давно забыл даже то небольшое, что когда-то учил в школе. И все же я готов был голову дать на отсечение, что лежавшая на столе штуковина не могла существовать в природе. Тем не менее вот она перед нами: один конец раскален, другой – холоднее льда.

– А как тебе нравится это? – шериф взял в руки небольшой треугольник из тонких прутиков металла или пластика, – По-твоему, что это такое?

– Что это такое? Ну просто...

– Просто? Попробуй-ка просунуть в него палец.

В голосе шерифа послышалось настоящее торжество.

Я попытался выполнить его указание, но из этого ничего не вышло. Внутри треугольника была пустота. Во всяком случае, мой палец не встретил никакого препятствия, и все же я не мог продвинуть его ни на миллиметр, словно треугольник был заполнен невидимым и неосязаемым, но твердым, как сталь, веществом.

– Разреши-ка взглянуть, в чем там дело, – попросил я.

Шериф охотно передал мне загадочную вещицу. Я поднял ее так, чтобы свет от лампочки проходил через самый центр. Ничего. Я вертел треугольник и так и этак, но не обнаружил даже намека на какую-нибудь прозрачную пластинку. Но всякий раз, когда я пытался просунуть палец через отверстие, что-то его не пускало.

Дело кончилось тем, что я положил треугольник на стол рядом со штуковиной, похожей на песочные часы.

– Хватит или еще показать? – осведомился шериф.

Я мотнул головой.

– Согласен, Чет, я ни черта во всем этом не понимаю, и все-таки это еще не основание держать Джорджа под замком.

– Он останется здесь, пока я не поговорю с Чарли, – заупрямился шериф.

– Надеюсь, ты понимаешь, что, как только откроется суд, я явлюсь сюда с постановлением о его освобождении.

— Знаю, Джон. — Спорить с шерифом было явно бесполезно. — Конечно, ты отличный адвокат, но я просто не могу отпустить Джорджа.

— В таком случае составьте заверенную опись всех вещей, которые вы отобрали у него. Я отсюда не уйду, пока не удостоверюсь, что они заперты в сейфе.

— Но...

— Теоретически все это собственность Джорджа.

— Это невозможно, ты же сам знаешь, Джон, что это немыслимо. Ну, посуди сам, где он, черт побери, мог достать...

— До тех пор пока вы не докажете, что он украл все эти вещи у какого-то конкретного лица, по закону они принадлежат ему. Человек вовсе не обязан предоставлять доказательства того, где он приобрел свою собственность.

— Ладно, ладно, — согласился шериф, — я составлю опись, вопрос только, как назвать все эти штуковины.

Ну, это была уже его забота.

— А сейчас мне надо обсудить с моим клиентом некоторые вопросы наедине, — сказал я.

Немного поспорив и поворчав, шериф открыл комнату для свидания с арестованными.

— Итак, Джордж, расскажи, что же все-таки с тобой произошло. Я имею в виду все-все. И постарайся по порядку.

Джордж понял, что я не шучу. К тому же он давно убедился, что лгать мне бесполезно: я все равно всегда на чем-нибудь ловил его в таких случаях.

— Ты, конечно, знаешь, что Мирта уехала, — начал он.

— Да.

– И ты знаешь, что, когда ее нет, я позволяю себе не-много развлечься, пропустить рюмочку-другую и в конце концов влипаю в какую-нибудь историю. На этот раз я дал себе слово, что не возьму ни капли в рот и обойдусь без всяких там неприятностей. Бедняжке Мирте из-за меня и так уже изрядно досталось, вот я и решил доказать, что вполне могу держаться в рамках приличия. Сижу это я вчера вечером в гостиной. В одних носках – ботинки я снял. Включил телевизор, смотрю бейсбол. Знаешь, Джон, если бы «Близнецы» нашли себе стоппера получше, на будущий год у них могли бы быть шансы. Конечно, кроме стоппера, им нужна еще и отбивка поприличнее да парутройку левшей не мешало бы...

– Не отвлекайся, – прервал я.

– Да, так вот, сижу я тихо-мирно, смотрю игру. Ну, пиво потихоньку потягиваю – я притащил полдюжины, и у меня как раз пятая бутылка кончалась...

– А мне показалось, что ты дал себе обещание не пить.

– Конечно, Джон, чтоб мне провалиться! Так ведь это же было пиво. Я его могу целый день дуть и ни в одном глазу...

– Хорошо, продолжай.

– Значит, я и говорю, сижу, пью пиво. Шел седьмой период, «Янки» уже двоих провели, и вдруг Мэнтл как...

– Да черт с ней, с игрой! – не выдержал я. – Я хочу знать, что приключилось с тобой. Ведь влип-то ты, а не какой-то Мэнтл.

– А больше ничего и не было. Как раз в седьмом периоде Мэнтл вдарил с лета, а потом смотрю: иду это я по улице, а из-за угла выныривает полицейская машина.

– Ты хочешь сказать, что не помнишь, что произошло в промежутке? Что не знаешь, откуда у тебя оказалось ведро алмазов, картина и все прочее.

Джордж покачал головой:

– Я тебе рассказываю все, как было. Больше ничего не помню. Я бы не стал тебе врать. Нет смысла, все равно ты на чем-нибудь подловишь.

Некоторое время я молча разглядывал дядюшку Джорджа. Расспрашивать его дальше было без толку. Возможно, он рассказал правду, хотя, скорее всего, и не всю, но, чтобы вытянуть из него остальное, у меня сейчас не было времени.

– Ладно, – сказал я, – пусть пока будет так, как ты говоришь. А теперь возвращайся к себе в камеру, и чтобы было тихо. Веди себя прилично. Часам к девяти я вернусь и постараюсь выцарапать тебя отсюда. Ни с кем не разговаривай. Не отвечай ни на какие вопросы. Ничего не объясняй и не рассказывай. Если будут приставать и настаивать, скажи, что я запретил тебе говорить.

– Мне оставят алмазы?

– Трудно ручаться, может, это вовсе и не алмазы.

– Но ты же сам потребовал, чтобы составил опись.

– Ну и что из того? Я не могу гарантировать, что заставлю их вернуть отобранное.

– Послушай, Джон, у меня во рту пересохло, сил больше нет...

– Нет, и не надейся.

– Ну, всего бутылочки три-четыре пивка, а? С них не будет никакого вреда. Так, глотку промочить! Человек не может опьянеть от нескольких бутылок пива. Я вчера вообще не был пьян. Клянусь, ни в одном глазу...

— Где я тебе достану пива среди ночи?

— У тебя в холодильнике всегда несколько бутылок припрятано. А ехать каких-нибудь шесть кварталов.

— Так и быть, я поговорю с шерифом.

Шериф не имел ничего против: ладно, пусть дядюшка Джордж хлебнет пива, ничего страшного не случится.

Из-за купола здания суда выглядывал краешек луны. В свете раскачивающейся на ветру лампы то возникал, то скрывался во тьме памятник Неизвестному солдату, стоявший в центре площади. Я поднял голову: на небе ни облачка. О дожде не могло быть и речи. Скоро наступит утро, взойдет солнце, и опять на полях будет сохнуть кукуруза, а фермеры будут с тревогой следить, как насосы, фыркая и кашляя от натуги, с трудом выплевывают в деревянные корыта тонкие струйки воды, которой все равно не хватит, чтобы как следует напоить скот.

На газоне перед зданием суда возились пять-шесть собак. Выпускать их на улицы было запрещено, но никто из жителей Уиллоу-Гроув не обращал внимания на этот запрет в надежде, что собаки успеют вернуться домой раньше, чем Вирджил Томпсон, городской собачник, выйдет на промысел.

Я сел в машину, поехал к себе, взял из холодильника четыре бутылки пива и отвез их дядюшке Джорджу в полицию, после чего снова вернулся домой.

Часы показывали половину пятого утра. Я решил, что нет смысла ложиться, сварил кофе и начал жарить яичницу. Услышав, как я громыхаю на кухне посудой, Элси спустилась вниз. Пришлось добавить пару яиц и на ее долю. Потом мы уселись за стол и принялись обсуждать случившееся.

Дядюшка Джордж уже не раз попадал во всякого рода истории, впрочем не очень серьезные, и мне всегда удавалось уладить дело. Он вовсе не был забулдыгой, напротив, в городе его любили за честность и незлобивый характер. Он держал свалку на окраине города и умудрялся жить на мизерную плату, которую взимал с тех, кто прибегал к его услугам. Мусор он отправлял на заболоченный участок неподалеку, а всякую дребедень, которая еще на что-либо годилась, тщательно отбирал и затем продавал по дешевке. Конечно, это было не слишком прибыльное и процветающее предприятие, но, во всяком случае, дядюшка Джордж имел свое дело, а в таком маленьком городишке, как наш Уиллоу-Гроув, это кое-что значило.

Но вещицы, которые обнаружили у него на сей раз, были совершенно иного рода, и это-то меня беспокоило. Где он мог их заполучить?

— Тебе не кажется, что следует позвонить тетушке Мирте? — озабоченно спросила Элси.

— Не сейчас. От нее все равно проку не будет. Единственно, на что она способна, так это причитать и заламывать руки.

— Что ты собираешься предпринять?

— Прежде всего нужно найти судью Бенсона и получить от него постановление об освобождении дядюшки Джорджа. Если только Чарльз Нивинс не придумает каких-нибудь оснований для продления ареста, хотя это и маловероятно. По крайней мере, сейчас.

Увы, утром мне так и не удалось получить постановления. Я уж совсем было собрался поехать в суд и отыскать судью Бенсона, как моя секретарша Дороти Инглез, суро-

вая старая дева, сообщила, что меня просит к телефону Чарли Нивинс.

Не успел я взять трубку, как прокурор, не дав мне даже поздороваться, начал кричать:

— Не вздумай отмалчиваться! Лучше говори сразу, как ты это устроил? Как помог Джорджу удрать из камеры?

— Но ведь он в полиции! Когда я уезжал, он сидел под замком, и я как раз собирался к судье...

— Ну так вот, его там давно уже нет! — надрывался Чарли. — Дверь заперта, а он исчез. Единственное, что от него осталось, это четыре пустые бутылки из-под пива, выстроенные в ряд на полу.

— Послушай, Чарли, ты же меня знаешь. Так вот, поверь, я не имею ровно никакого отношения ко всей этой истории.

— Конечно, я тебя знаю. Нет такой грязной проделки...

От возмущения он даже подавился и закашлялся. И поделом ему. Из всех крючкотворов-законников в нашем штате Чарли Нивинс самый несносный.

— Если ты намерен отдать приказ о задержании Джорджа как беглеца, то не забывай об отсутствии оснований для его первоначального ареста.

— Какие, к черту, основания! Достаточно одного ведра алмазов.

— Если они подлинные.

— Это самые настоящие алмазы, будь спокоен. Гарри Джонсон смотрел их сегодня утром. Так вот, он утверждает, что нет ни малейшего сомнения в их подлинности. Вся загвоздка, по его словам, только в том, что на Земле таких огромных алмазов нет. Да и по чистоте с ними ни один не сравнится.

Чарли на мгновение умолк, а затем произнес хриплым шепотом:

– Послушай, Джон, скажи честно, что происходит? Я никому...

– Я и сам не знаю, что тут творится.

– Но ты же беседовал с Джорджем, и он заявил шерифу, что ты приказал ему не отвечать ни на какие вопросы.

– Обычная юридическая процедура, – сказал я. – Против этого тебе нечего возразить. И еще одно. Ты отвечаешь за то, чтобы алмазы ненароком не исчезли. Я заставил Чета составить и подписать опись, и поскольку не выдвинуто обвинения...

– А как насчет бегства из участка?

– Сначала еще нужно доказать, что арест был произведен на законных основаниях.

Чарли грохнул трубкой, а я уселся в кресло и попытался привести факты в порядок. Однако все происшедшее казалось слишком фантастичным, чтобы в нем можно было толком разобраться.

– Дороти, – позвал я секретаршу.

Она просунула голову в дверь, всем своим видом выказывая неодобрение. Судя по всему, она уже слышала – как, впрочем, и весь город – о том, что произошло, и к тому же вообще была весьма невысокого мнения о дядюшке Джордже. Наши с ним отношения вызывали у нее недовольство, и она не упускала возможности подчеркнуть, что он стоил мне немалых денег и времени без какой-либо надежды на компенсацию. Это, конечно, соответствовало истине, но нельзя же ожидать от владельца городской свалки, чтобы он платил адвокату баснословный гонорар.

А кроме всего прочего, Джордж ведь приходился Элси дя-
дюшкой.

– Дороти, свяжитесь с Кэлвином Россом из института
искусств в Миннеаполисе, он мой старый друг...

Банкир Эймос Стивенс ворвался в комнату словно ме-
теор. Он промелькнул мимо Дороти прежде, чем она успе-
ла вымолвить слово.

– Джон, ты знаешь, что у тебя там?..

– А, ты имеешь в виду ту картину?

– Как, по-твоему, где Джордж раздобыл Рембрандта?
Ведь картины этого художника на дороге не валяются, их
только в музеях и увидишь.

– Скоро мы все это выясним, – я поспешил успокоить
Стивенса, единственного эксперта по вопросам искусства
в Уиллоу-Гроув. – Мне сейчас должны звонить и...

В дверях опять показалась голова Дороти:

– Мистер Росс на проводе.

Я взял трубку и почувствовал некоторую неловкость. С
Кэлом Россом мы не виделись лет пятнадцать, и я даже не
был уверен, что он меня помнит. Но все же я назвал себя и
непринужденным тоном начал разговор, словно мы только
вчера вместе завтракали. Впрочем, и он меня приветство-
вал в том же духе.

Затем я перешел к делу:

– Кэл, у нас тут есть одна картина, по-моему, тебе не
мешало бы на нее взглянуть. Кое-кто считает ее старин-
ной. Возможно, она даже принадлежит кисти одного из
старых мастеров. Понятно, это может показаться тебе не-
вероятным, но...

– Где, ты говоришь, находится эта картина?

– Здесь, в Уиллоу-Гроув.

– Ты ее видел?

– Взглянул разок, но мне трудно...

– Скажи ему, что это Рембрандт, – свирепо шептал Стивенс.

– Кто ее владелец?

– Пока практически никто. Она находится в полицейском участке.

– Джон, признайся честно, не намереваешься ли ты втянуть меня в какую-нибудь историю? Может быть, я тебе понадобился как свидетель-эксперт?

– Об этом речь не идет, хотя в какой-то мере твоя помощь связана с делом, которым я сейчас занимаюсь. Возможно, мне удастся договориться, чтобы тебе заплатили за...

– Скажи ему, – не унимался Стивенс, – что это Рембрандт!

– Там, кажется, кто-то говорит о Рембрандте? – спросил Кэл.

– Да нет, никто точно этого не знает.

– Ну что ж, возможно, я сумею к вам выбраться.

Кэл явно заинтересовался. Или точнее, пожалуй, был заинтригован.

– Я найму самолет, чтобы тебя доставили прямо в Уиллоу-Гроув. – пообещал я.

– Неужели дело настолько важно?

– Откровенно говоря, Кэл, я и сам толком не знаю. Мне хотелось бы услышать твое мнение.

– Ладно, договаривайся насчет самолета и позвони мне. Через час я могу быть в аэропорту.

– Спасибо, Кэл. Я тебя встречу.

Я заранее знал, что Элси будет на меня дуться, а Дороти придет в негодование. Какому-то адвокату в таком заштатном городишке, как наш, нанимать самолет было явным сумасбродством. Но если нам удастся выцарапать алмазы или хотя бы часть их, плата за самолет покажется такой мелочью, о которой и говорить не стоит. Правда, я не был полностью уверен, что Гарри Джонсон сумеет отличить настоящий алмаз от поддельного, даже если увидит его. Конечно, ему приходилось торговать алмазами в своей лавчонке, но я подозреваю, что он просто верил какому-нибудь оптовому поставщику на слово, что это действительно алмазы.

– С кем это ты говорил? – спросил Стивенс.

Я рассказал ему, кто такой Кэлвин Росс.

– Тогда почему ты не сказал ему, что это Рембрандт? – набросился на меня банкир. – Неужели ты не веришь, что кого-кого, а уж Рембрандта я всегда смогу отличить?

Я чуть было не сказал ему, что именно это и имел в виду, но вовремя спохватился: не исключено, что в будущем мне еще не раз придется обращаться к нему за кредитом.

– Послушай, Эймос, – схитрил я, – мне просто не хотелось бы раньше времени влиять на его заключение. Как только он прибудет сюда и взглянет на картину, он, без сомнения, увидит, что это Рембрандт.

Моя уловка несколько утешила банкира. Затем я вызвал Дороти и попросил ее договориться о самолете для

Кэла. С каждым моим словом ее тонкогубый рот все больше поджимался, а лицо приобретало не просто кислое, а прямо-таки уксусное выражение. Не будь при этом Эймаса, она бы не преминула прочитать мне нотацию о том, как пагубно швыряться деньгами.

Глядя на Дороти, я мог понять, почему она получала огромное наслаждение на слетах Приверженцев Очищения, которые каждое лето, словно грибы после дождя, рождались в Уиллоу-Гроув и окрестных городках. Она не пропускала ни одного из них – неважно, какая община или секта была организатором, – стоически высиживала часами на жестких скамьях в летнюю жару, неизменно бросала монетку на тарелку для сбора пожертвований и с огромным удовлетворением выслушивала всю эту болтовню о грешниках и адском огне. Она постоянно уговаривала меня посетить такое собрание, причем у меня сложилось впечатление, что, по ее глубокому убеждению, это пошло бы мне только на пользу. Но до сих пор я успешно противостоял всем ее атакам.

– Вы опоздаете в суд, – в голосе Дороти сквозило явное неодобрение, – а ведь сегодня слушается дело, на которое вы затратили столько времени.

Это нужно было понимать так, что мне не следовало бы зря тратить время на дядюшку Джорджа.

Пришлось отправиться в суд.

Во время перерыва я позвонил в полицию, но дядюшки Джорджа там не было и в помине. В три часа пришла Дороти с сообщением о том, что Кэлвин Росс прибудет в пять. Я попросил ее позвонить Элси и предупредить, что к обеду у нас будет гость, который, возможно, останется но-

чевать. Дороти промолчала, но по ее глазам я прочитал, что она считает меня зверем, и будет только справедливо, если в один прекрасный день Элси соберется и уйдет от меня.

В пять часов я встретил Кэла на аэродроме. К тому времени там уже собралась изрядная толпа — люди каким-то образом пронюхали о приезде эксперта, который даст свое суждение о картине, чудом попавшей в руки Джорджа Уэтмора.

Кэл здорово постарел и выглядел еще более важным, чем я его помнил. Но, как и раньше, он был вежлив и так же поглощен своим искусством. Больше того, я сразу же увидел, что он не на шутку взволнован. Возможность открытия давно утерянного полотна, представлявшего хоть какую-то ценность, — насколько я понимаю, — мечта каждого искусствоведа.

Я оставил машину на площади, и мы отправились с Кэлом в полицию, где я познакомил его с нашими блюстителями порядка. Чет сказал, что о Джордже по-прежнему нет ни слуху ни духу. После недолгих препирательств он достал картину и положил на стол прямо под лампой.

Кэл подошел взглянуть на нее и вдруг замер, словно сеттер в стойке, заметивший перепелку. Он стоял и смотрел, не произнося ни слова, а мы, столпившись вокруг, старались не слишком сопеть от нетерпения.

Наконец Кэл достал из кармана лупу, наклонился над полотном и принялся изучать его дюйм за дюймом. Прошло еще немало томительных минут, прежде чем он выпрямился и обратился ко мне:

– Джон, поддержи, пожалуйста, полотно вертикально...

Я поднял картину, и Кэл отступил на несколько шагов и вновь принялся рассматривать. Затем он наклонился немного в одну сторону, потом в другую, все так же не спуская с картины глаз, вновь приблизился к столу и взялся за лупу. Наконец он выпрямился и обратился к Чету:

– Весьма вам признателен. Будь я на вашем месте, то собрал бы для охраны этой картины все ваши наличные силы.

Чет просто умирал от нетерпения, так ему хотелось знать мнение Кэла, но я предусмотрительно решил не предоставлять ему возможности задавать вопросы, хотя и не сомневался, что Кэл не станет особо распространяться. Поэтому я поспешил увести Кэла на улицу и втолкнуть в машину, где мы некоторое время сидели молча, уставившись друг на друга.

– Если только мне не изменяет зрение и я вдруг не позабыл все, что знал о живописи, это картина Тулуз-Лотрека «Кадриль в Мулен-Руж».

Значит, это все-таки был не Рембрандт! Мне бы следовало об этом догадаться. Хорош же знаток искусства Эймс Стивенс!

– Готов дать голову на отсечение, – Кэл начал горячиться, – это подлинник. Скопировать картину столь безупречно просто физически невозможно. Загвоздка только в одном.

– В чем?

– «Кадриль в Мулен-Руж» находится в Вашингтоне, в Национальной галерее.

Я почувствовал, как внутри у меня что-то оборвалось.

Если дядюшка Джордж каким-то чудом ухитрился обокрасть Национальную галерею, мы оба конченные люди.

— Вполне возможно, что картина Тулуз-Лотрека пропала из Национальной галереи, а ее дирекция хочет выждать день-другой и не сообщает об этом, — продолжал Кэл. — Хотя обычно в таких случаях они уведомляют большие музеи и кое-кого из оценщиков.

Он недоуменно покачал головой.

— Но кто мог додуматься до этого, ума не приложу. Конечно, всегда есть возможность продать украденную картину какому-нибудь коллекционеру, который будет украдкой любоваться ею. Однако это сопряжено с предварительными переговорами, да и, кроме того, немногие коллекционеры рискнут купить такой всем известный шедевр, как «Кадриль в Мулен-Руж».

Я ухватился за его слова.

— Значит, ты исключаешь вероятность кражи картины дядюшкой Джорджем?

Кэл озадаченно посмотрел на меня.

— Насколько я понимаю, этот твой дядюшка вряд ли отличит одну картину от другой.

— Вот именно.

— В таком случае не стоит даже думать о краже. Видно, он где-то подобрал эту картину. Но где? Вот в чем вопрос.

Тут я ничем не мог ему помочь.

— Надо немедленно позвонить в Вашингтон, — сказал Кэл.

Мы поехали ко мне на работу. В приемной меня встретила Дороти.

— В кабинете вас дожидается Шелдон Рейнольдс, сухо сообщила она. — Полковник военно-воздушных сил.

– Я тогда позвоню отсюда, – извиняющимся тоном сказал Кэл.

– Полковник Рейнольдс ждет вас уже не меньше часа. Он производит впечатление весьма терпеливого человека.

Дороти ясно давала понять, что она не одобряет моих отношений с людьми из мира искусства, еще более осуждает мою встречу с представителем военно-воздушных сил и очень сердита на меня за то, что я счел возможным предупредить Элси о госте к обеду в самую последнюю минуту. Моя секретарша буквально кипела от негодования, но была слишком хорошо воспитана и слишком лояльна ко мне, как к хозяину, чтобы устраивать сцену в присутствии Кэла.

Я вошел в кабинет, и, конечно же, полковник Рейнольдс был там и всем своим видом демонстрировал крайнее нетерпение, сидя на самом краешке стула и раздраженно барабанил по нему пальцами. Увидев меня, он прекратил свои музыкальные упражнения и встал.

– Мистер Пейдж, если не ошибаюсь?

– Извините, что заставил вас ждать. Чем могу быть полезен?

Мы пожали друг другу руки, и он опять уселся на стул, на сей раз достаточно плотно, а я с тревожным предчувствием примостился на краешке стола.

– До меня дошли сведения о том, что в вашем городе имели место несколько необычные... происшествия, – начал полковник, – причем с ними связана находка определенных предметов. Я говорил с прокурором, и тот указал на вас как на человека, к которому следует обратиться

по данному вопросу. Кажется, существуют некоторые неясности относительно того, кому конкретно принадлежат указанные предметы?

— Если вы говорите о том, что имею в виду я, то никаких неясностей не существует, — возразил я. — Все предметы, о которых идет речь, являются собственностью моего клиента.

— Насколько мне известно, ваш клиент бежал из полиции.

— Исчез, — поправил я. — Причем первоначально он был взят под арест совершенно незаконным путем. Он не совершил никакого преступления, просто шел по улице.

— Мистер Пейдж, меня совершенно не касаются подробности этого дела. Военно-воздушные силы, которые я представляю, интересуют лишь определенные предметы, имевшиеся у вашего клиента.

— Вы видели эти предметы?

Рейнольдс покачал головой:

— Нет. Прокурор заявил, что в суде вы распнете его на кресте, если он разрешит мне осмотреть их. Однако, по его словам, вы человек разумный и при соответствующем подходе...

— Послушайте, полковник, — прервал его я, — в тех случаях, когда благосостоянию моего клиента что-нибудь угрожает, я никогда не являюсь разумным человеком.

— Вы не знаете, где сейчас находится ваш клиент?

— Понятия не имею.

— По-видимому, он рассказал вам, где достал эти вещицы?

— Мне кажется, он и сам толком не знает.

Я видел, что полковник не поверил ни единому моему слову, и не мог винить его в этом.

— Разве ваш клиент не сказал вам, что встретился с «летающей тарелкой»?

Я был настолько изумлен, что лишь покачал головой. Вот это новость! У меня даже мысли об этом не было.

— Мистер Пейдж, — Голос полковника стал необыкновенно серьезным, — Не стану от вас скрывать: эти предметы очень важны для нас. Причем не только для ВВС, а для всей нации. Если противная сторона завладеет ими раньше...

— Минуточку, — прервал я его. — Вы на самом деле пытаетесь уверить меня в том, что на свете существуют такие вещи, как «летающие тарелки»?

— Я вовсе не пытаюсь делать этого, — моментально насторожился полковник. — Я просто спрашиваю...

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Кэла.

— Извините, что прерываю вас, но мне нужно ехать, — сказал он.

— Нет, нет, ты этого не сделаешь, — запротестовал я, — Элси ждет тебя к обеду.

— Мне необходимо быть в Вашингтоне, — не сдавался Кэл.

— Твоя секретарша обещает отвезти меня на аэродром. Если пилоту удастся доставить меня домой за час с небольшим, я могу успеть на самолет в Вашингтон.

— Ты дозвонился до Национальной галереи?

— Картина у них. — Кэл бы явно озадачен. — Правда, ее могли подменить, но это слишком невероятно, особенно

при такой строгой охране. Я почти не рассчитываю, что ты позволишь...

И правильно делаешь. Картина в любом случае должна быть здесь.

— Но ее место в Вашингтоне!

— Только не в том случае, если их две! — не выдержал я.

— Это невозможно!

Теперь мы оба перешли на крик.

— И все же, по-видимому, это так, — не сдавался я.

— Мне было бы намного спокойнее, Джон, если бы картина находилась в надежном месте.

— Полиция стережет ее.

— Сейф в банке представляется мне куда более надежным.

— Ладно, постараюсь что-нибудь сделать, — пообещал я.

— Что тебе сказали в Национальной галерее обо всем этом?

— Да почти ничего. Они поражены. Кто-нибудь от них, возможно, приедет сюда.

— Пускай. Пентагон уже здесь.

Мы пожали друг другу руки, и Кэл поспешно вышел, а я опять примостился на краю стола.

— Да, с вами нелегко иметь дело, — протянул полковник. — Чем вас пронять: может быть, патриотизмом?

— Боюсь, что я не слишком патриотичен. Предупреждаю, что и моему клиенту я дам указание не перебарщивать с патриотизмом.

— Деньги?

— Если их будет целая куча.

— Интересы общества?

— Сначала вам придется доказать, что это действительно в его интересах.

Мы в упор смотрели друг на друга. Полковник Рейнольдс не вызывал во мне ни малейшей симпатии, как, впрочем, и я в нем.

Зазвонил телефон. Это оказался Чет, который затараторил с бешеной скоростью, едва я взял трубку.

— Джордж объявился, — кричал он. — С ним еще один тип, и они приехали на какой-то штуковине вроде автомобиля, только без колес...

Я бросил трубку и устремился к двери. Краем глаза увидел, что полковник Рейнольдс тоже вскочил и последовал за мной.

Чет был прав. Эта штуковина действительно выглядела как спортивный автомобиль без колес. Она стояла перед полицейским участком, точнее, висела в двух футах от земли, и легкое гудение свидетельствовало о том, что внутри помещался какой-то механизм, который работал необычайно ровно. Вокруг собралась целая толпа, и я едва протолкнулся к машине.

Джордж сидел там, где должен был находиться водитель, а рядом торчало настоящее пугало с неопишимо унылой физиономией. Незнакомец был одет в черный застегнутый спереди и стянутый у горла балахон, голову плотно облежала черная шапочка, спускавшаяся на самые глаза, лицо и кисти рук этого чудовища были белые как снег.

— Что с тобой произошло? — строго спросил я Джорджа. — И вообще чего ради ты здесь расселся?

— Понимаешь, Джон, я боялся, что Чет опять упрячет меня под замок. Если он шевельнет хоть пальцем, я мо-

ментально улечусь. Эта штука просто чудо. Она и по земле может катить и летать, как самолет. Я, правда, еще толком в ней не разобрался, ведь вожу-то я ее всего ничего, но управлять ею одно удовольствие, и младенец бы смог.

— Скажи ему, — вмешался Чарли Нивинс, — что никто его не собирается арестовывать. Тут творится что-то необычное, но я вовсе не уверен, что это является нарушением закона.

Я с удивлением оглянулся. Проталкиваясь к машине, я и не заметил прокурора, а теперь он стоял рядом. В тот же миг Рейнольдс оттолкнул меня в сторону и протянул руку Джорджу.

— Я полковник Рейнольдс из военно-воздушных сил. Совершенно необходимо, чтобы вы рассказали мне обо всем подробно. Это очень важно.

— Так она просто стояла там вместе со всяким барахлом, — принялся объяснять Джордж, — ну я и взял ее. Видно, она никому не нужна, и ее просто выкинули. Там целая куча людей выбрасывала всякие штуки, которые им без надобности.

— Вот, вот, и алмазы кто-то выбросил, и картину тоже, — ехидно вставил Чет.

— Про них я ничего не знаю, — на полном серьезе ответил Джордж. — Я про тот раз почти ничего не помню. Дождь шел, и куча разного добра лежала...

— Помолчи-ка, Джордж, — сказал я.

Мне он ничего не говорил о какой-то куче добра. Или память у него улучшилась, или прошлый раз он просто врал мне.

– Мне кажется, – примирительно сказал Чарли, – что нам следует спокойно сесть и постараться разобраться в том, что происходит.

– Не возражаю, – ответил я, – только учтите, что эта машина является собственностью моего клиента.

– По-моему, ты слишком много на себя берешь.

– Ты же сам видишь, Чарли, что меня к этому вынуждают. Стоит мне хоть на секунду ослабить бдительность, и вы вместе с Четом и Пентагоном растопчете меня.

– Хорошо, оставим это. Джордж, опусти машину на землю и пойдем с нами. Чет останется здесь и последит, чтобы никто ее и пальцем не тронул.

– При этом не забудьте, что картина и алмазы тоже должны находиться под постоянной охраной. Думаю, картина стоит огромных денег, – добавил я.

– Самое подходящее время для ограбления банка, – с раздражением заявил Чет, – если я поставлю всех моих полицейских охранять добро вашего Джорджа.

– Мне кажется, что при нашей беседе должен присутствовать и спутник Джорджа, – не обращая внимания на слова шерифа, продолжал Чарли. – Возможно, он сможет добавить кое-что весьма важное.

Спутник Джорджа, казалось, не слышал, о чем мы говорили. Он вообще не обращал никакого внимания на то, что происходило вокруг. Он просто сидел в машине, словно аршин проглотил, и смотрел отсутствующим взглядом вперед.

Чет с важным видом обошел вокруг машины, и в этот момент необычный пассажир заговорил каким-то странным, высоким и пронзительным голосом. Я не понял ни

слова, но, хотя это и может показаться невероятным, совершенно точно знал смысл его речи.

– Не прикасайтесь ко мне!– потребовал незнакомец. – Уйдите прочь. Не мешайте.

После этого он открыл дверцу и ступил на землю. Чет попятился, остальные тоже. Наступило тягостное молчание, хотя за секунду до этого толпа гудела, как пчелиный рой. По мере того как незнакомец шел по улице, люди расступались перед ним. Чарли и полковник тоже отступили назад, давая ему дорогу, и притиснули меня к машине. Незнакомец прошел всего в каких-нибудь десяти шагах от меня, и я смог хорошенько рассмотреть его лицо: на нем не было совершенно никакого выражения, а сердито-кислым оно явно было от природы. Именно таким, как я представляю, мог бы выглядеть средневековый инквизитор. При этом в незнакомце было еще что-то, что трудно выразить словами. Он как бы оставлял ощущение какого-то необычного запаха, хотя на самом деле от него ничем не пахло. Пожалуй, наиболее точным для передачи этого ощущения будет запах святости, если таковой вообще существует. От него словно бы исходило вибрирующее излучение, которое действовало на органы чувств так же, как ультразвук воздействует на собаку, хотя человек его и не слышит.

Незнакомец прошествовал мимо меня и направился дальше по улице сквозь строй расступающихся людей. Шагал он медленно, отрешенно, так, как если бы вокруг никого не было, и, очевидно, не замечал никого из нас. Зато все мы не отрывали от него глаз, пока он не вышел из толпы и не повернул за угол. Даже после этого мы еще ка-

кое-то время стояли, не двигаясь, словно бы в растерянности, и только чей-то шепот вывел нас из транса. Толпа вновь загудела, хотя куда более приглушенно, чем раньше.

Чьи-то пальцы жестко схватили меня за руку. Оглянувшись, я увидел, что это Чарли. Впереди стоял полковник и не сводил с меня глаз. Его наряженное лицо побледнело, а на лбу выступили капли пота.

— Джон, — тихо произнес Чарли, — нам нужно немедленно уединиться и все обсудить.

Я обернулся к машине и увидел, что она уже стоит на земле, и из нее вылезает Джордж.

— Пошли, — сказал я ему.

Впереди, расталкивая людей, шел Чарли, за ним — полковник Рейнольдс, а мы с Джорджем замыкали шествие. Не произнеся ни слова, мы прошли к площади и прямо через газон направились к зданию суда. Когда мы расположились в кабинете Чарли, тот запер дверь и достал из ящика письменного стола бутылку виски и четыре бумажных стаканчика, которые он наполнил почти до краев.

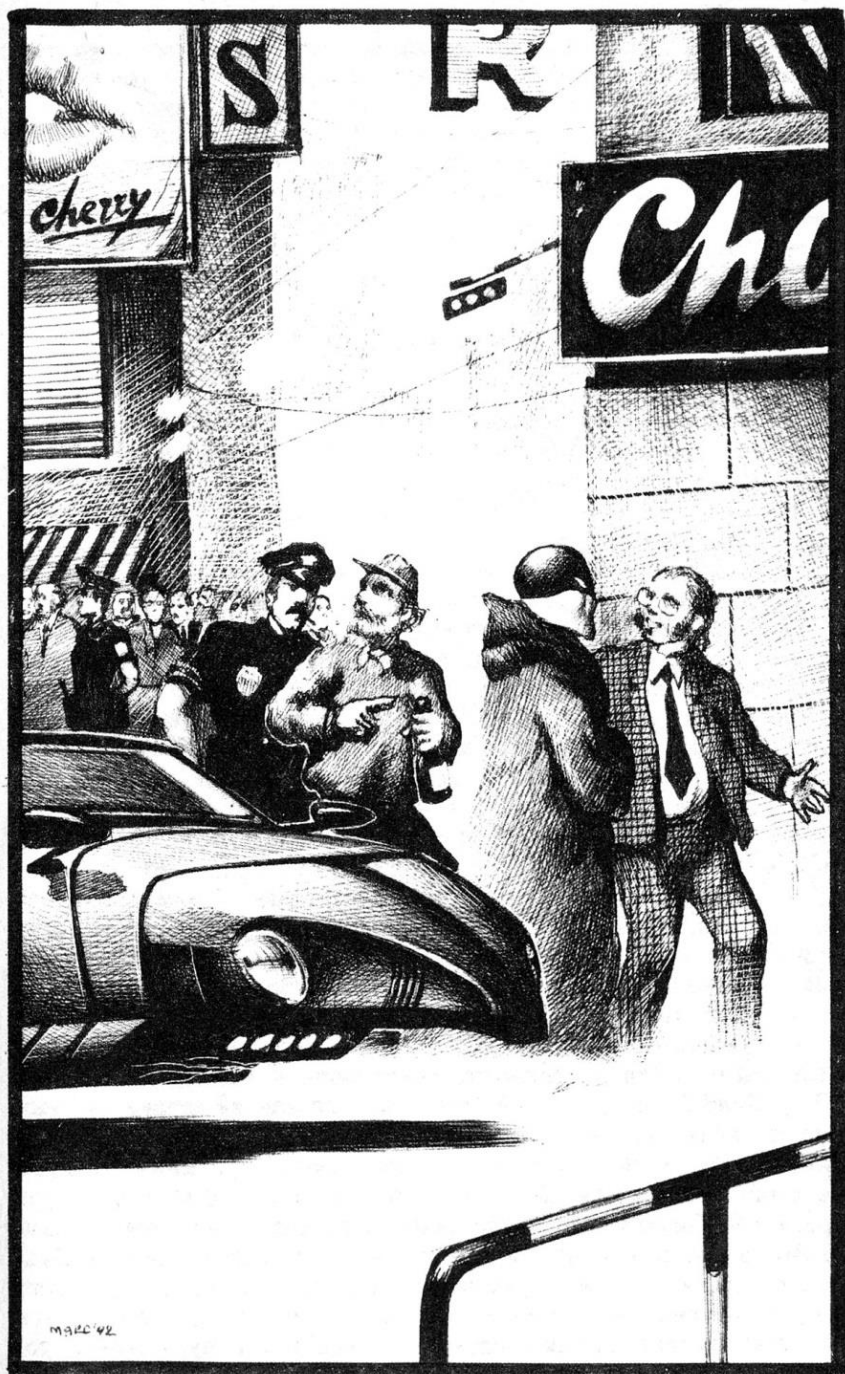
— Льда нет, — извинился он. — Впрочем, шут с ним, сейчас нужно как раз что-нибудь покрепче.

Мы молча разобрали стаканчики, уселись, кто где сумел, и так же молча залпом выпили неразбавленное виски.

— Вы что-нибудь поняли, полковник? — спросил Чарли.

— Было бы полезно побеседовать с пассажиром, — вместо ответа заметил Рейнольдс. — Надеюсь, его постараются задержать.

— Не мешало бы, — согласился Чарли. — Хотя, убей меня бог, не представляю, каким образом можно его взять.

– Он захватил нас врасплох, – заявил полковник. – В следующий раз мы будем наготове: заткнем уши ватой, чтобы не слышать его птичьей тарабарщины...

– Едва ли этого будет достаточно, – возразил Чарли, – Кто-нибудь из вас слышал, как он говорил?

– Он на самом деле говорил, – вставил я. – Произносил слова, но все они были совершенно незнакомые – какое-то непонятное щебетанье.

– И все же мы поняли, о чем он говорил, – не сдавался Чарли. – Каждый из нас. Может быть, это была телепатия?

– Сомневаюсь, – скептически заметил полковник Рейнольдс. – Телепатия вовсе не такая простая штука, как полагают многие.

– Скорее новый язык, – предположил я, – созданный на научной основе. Звуки в нем подобраны так, чтобы вызывать определенные понятия. Если хорошенько покопаться в семантике...

Чарли прервал меня, не дослушав мое весьма интересное предположение относительно семантики, которое ему мало что говорило, ибо он в ней ничего не смыслил.

– Джордж, что ты о нем знаешь?

С зажатым в изрядно грязной руке стаканчиком, вытянув ноги в носках чуть ли не на середину кабинета, Джордж почти лежал в кресле и благодушествовал. Не так уж много спиртного потребовалось, чтобы привести его в расслабленное состояние.

– А ничего, – лениво произнес он.

– Но ведь ты же приехал с ним. Неужели он ничего тебе не рассказывал?

– За все время не проронил ни звука. Я как раз отъез-

жал, когда он примчался и молча прыгнул рядом со мной, а потом...

– Откуда ты отъезжал?

– Ну, оттуда, где лежала куча всякого барахла. Она, пожалуй, занимала несколько акров, да и ввысь было навалено порядочно. Вроде нашей площади перед судом, только без газона, а просто мостовая, может, из бетона, а может, из чего другого, но она тянулась во все стороны, и кругом, только довольно далеко, стояли огромные дома.

– Ты узнал это место? – прервал выведенный из терпения Чарли.

– Так я же его прежде никогда не видел, – ответил Джордж, – ни на картинках, ни так.

– Вот что, Расскажи-ка нам все по порядку.

Джордж начал почти теми же словами, какими в свое время описывал мне приключившееся с ним.

– Первый раз там лил такой дождь, что просто ужас. И было темновато, вроде как бы вечер наступал, и я заметил только кучу всякой всячины. Никаких зданий я не видел.

Мне он, правда, не говорил, что вообще что-то видел. Он утверждал, что ни с того ни с сего очутился прямо в Уиллоу-Гроув на улице, и к нему подъехала полицейская машина. Но я промолчал и продолжал слушать его рассказ.

– Потом, когда Чет посадил меня в каталажку...

– Минуточку, минуточку, – остановил его Чарли. – Мне кажется, ты кое-что пропустил. Где ты взял алмазы, картину и все прочее?

– Да из той кучи, что лежала там, – ничуть не смутив-

шись, ответил дядюшка Джордж. – Там было много всякой ерунды, и, если бы у меня хватило времени, я бы выбрал кое-что получше. Но мне словно что-то шептало, что все вот-вот кончится, да еще дождь лупил, холодный, как осенью, а само место казалось каким-то диковинным. Ну, я и взял первое, что подвернулось, положил в карман. Потом смотрю – ведро с алмазами, только я не думал, что они настоящие. А затем еще картину прихватил, а то моя Мирта все ныла, что ей, видите ли, нужна первоклассная картина для столовой.

– После этого ты пошел домой?

– Ага, только я оказался на улице. Иду себе, никого не трогаю, никаких законов не нарушаю...

– А что произошло во второй раз?

– Это как я снова туда попал?

– Совершенно верно, – подтвердил Чарли.

– Первый раз это у меня получилось случайно. Сажу я в гостиную, ботинки снял, потягиваю пиво, смотрю телевизор, и вдруг в седьмом периоде, когда «Янки» уже провели двоих, и Мэнтл как... Послушайте, что произошло дальше, я ведь так и не знаю? «Янки» выиграли?

– Выиграли, выиграли, – успокоил его Чарли.

Джордж удовлетворенно кивнул.

– Второй раз я вроде бы повторил все это. Дело даже не столько в том, что меня посадили в камеру, сколько в несправедливости, ведь я ничего такого не сделал. В общем, я уговорил Джона принести мне пива, устроился поудобнее и решил немного промочить горло. Телевизора, конечно, там не было, но я его очень ясно себе представил. И игру, все как было. У «Янки» уже двое в «дому», Мэнтл

выходит на удар — все это в уме, ясное дело, — и видно, оно и сработало. Я враз очутился на том месте, где лежала куча всякого барахла, хотя это вовсе не было барахло на самом деле — это все были хорошие вещи, некоторые из них вообще не поймешь для чего. Так вот, они там лежали, и время от времени кто-нибудь подходил из тех высоченных домов, — поверьте мне, до них было вовсе не два шага, это только казалось, что они близко, — тащил что-нибудь в руках, бросал в общую кучу и шел назад.

— Насколько я понимаю, во время второго посещения этого места вы пробыли там значительно дольше, — встал полковник.

— Дело было днем, да и дождь не лил как из ведра, — объяснил дядюшка Джордж. — Само место уже не выглядело таким диковинным, хотя и казалось унылым, точнее, пустынным. Людей не было видно, если не считать тех, кто приходил что-нибудь бросить в общую кучу. Никто из них не обращал на меня никакого внимания, они вели себя так, словно меня вообще не было. Сказать по чести, я не знал, удастся ли еще раз побывать там, а много в руках не унесешь, ну я и решил, что уж на этот раз торопиться не буду, сделаю все как следует. Осмотрю всю кучу и выберу то, что мне нужно. Вернее, там было много, чего бы мне хотелось, но я решил отобрать то, что понравилось больше всего. Вот я и начал ходить вокруг кучи и брать разные вещи, которые приглянулись, а потом попадалось что-нибудь еще лучше и приходилось выбирать из отобранного. Иногда я сразу клал вещь назад, а иногда оставлял и бросал что-нибудь из взятого. Сами знаете, человек всего не унесет, а у меня и так уже набрались полные руки. По

краям той груды лежало множество отличных вещей. Один раз я было попытался взобраться наверх за очень любопытной штуковиной, но там все было навалено кое-как, и, когда я начал лезть, вся куча зашевелилась, и я побоялся, что она свалится на меня. Я поскорее слез, как можно осторожнее, и потом волей-неволей брал только то, что лежало внизу.

Рассказ дядюшки Джорджа настолько заинтересовал полковника Рейнольдса, что он весь подался вперед, боясь пропустить хоть слово.

— Не могли бы вы описать, каковы были предметы в этой грудке вещей?

— Ну, например, пара очков с какой-то нашлепкой на оправе. Я их примерил, и мне сразу стало так радостно, что я просто испугался. Стоило снять их, и я сразу перестал чувствовать себя счастливым. Еще раз надел, и опять чуть ли не сомлел от счастья.

— Ты почувствовал себя счастливым? — переспросил Чарли. — Иными словами, от очков ты опьянел?

— Да нет, я был счастлив вовсе не так, как бывает после доброй порции виски. Просто счастлив, и все. Заботы, неприятности куда-то исчезли, мир вдруг показался прекрасным, а жизнь — отличной. Была там еще одна вещь — большой кусок стекла, квадратный, а может, и кубический. У гадалок бывают похожие, только у них маленькие, круглые. Так вот, это стекло было такое красивое, смотрел бы в него и смотрел. Нет, в нем ничего не отражалось, как, скажем, в зеркале, и все равно казалось, что где-то глубоко внутри в нем картина. Сначала мне только почудилось, будто это дерево, а потом пригляделся — точно, дерево.

Большой вяз, как тот, что рос во дворе у моего деда, с гнездом иволги на кривой ветке. На этом тоже было гнездо иволги, и сама птичка рядом сидела. Смотрю еще: ба, да ведь это тот самый вяз, а за ним дом деда и загородка со сломанной жердью, и сам дед сидит на траве, курит свою трубку из кукурузного початка. Значит, сообразил я, стекло показывает все, что вы захотите. Сперва в нем было только дерево. Стоило мне подумать про иволгу и про гнездо, и они тут как тут, деда вспомнил – и он сразу появился, хотя уже больше двадцати лет прошло, как его похоронили. Я немного посмотрел на деда, а потом заставил себя отвернуться – уж очень я любил его, и тут, как увидел, сразу не по себе стало. К этому времени я уже разобрался, что это было за стекло, и для пробы подумал про пирог с тыквой – ну, он тоже сразу появился, корочка поджаристая и вся в пупырышках от масла. Про пиво еще вспомнил, и оно...

– Я не верю ни единому слову из всей этой сказки, – сказал Чарли.

– Продолжайте, – вмешался полковник, – Расскажите нам, что произошло дальше.

– Ну, я обошел почти вокруг всей кучи, насобирал всякой всячины да и обратно выкинул немало, и все равно у меня рук не хватало, еле тащил. И карманы набил полнехоньки, а кое-что даже на шею повесил. Вдруг от домов мчится машина, летит над землей совсем низко и прямохонько ко мне...

– Вы имеете в виду машину, на которой приехали?

– Вот именно. А в ней сидит какой-то грустный старикан. Подъехал он к куче, опустил машину на землю, вылез

и назад заковылял. Тогда я подошел к машине, положил все свое добро на заднее сиденье и подумал: «Вот, черт возьми, как подвезло! Сколько еще добра можно взять!» Конечно, сначала я решил попробовать, сумею ли ею управлять, влез внутрь, туда, где старикашка сидел, и оказалось, что это проще пареной репы. Я приподнял машину над землей и двинулся потихоньку вдоль кучи; все вспомнить пытаюсь, где я разные штуковины побросал: хотел вернуться, собрать их и сложить на заднее сиденье. Вдруг слышу, кто-то бежит сзади. Обернулся – этот тип в черном, что со мной приехал. Подбежал к машине, положил руку на борт и плюхнулся рядом. И тут раз – и мы в Уиллоу-Гроув.

Полковник Рейнольдс вскочил на ноги.

– Вы хотите сказать, – закричал он, – что на заднем сиденье в машине лежат все те необычные предметы, о которых вы нам только что рассказывали?!

– Пожалуйста, сядьте, полковник, – вмешался Чарли. – Надеюсь, вы не верите всем этим басням, которыми он нас потчевал. Совершенно очевидно, что то, о чем говорил Джордж, просто физически невозможно и...

– Чарли, – сказал я, – разреши мне напомнить еще о нескольких невозможных вещах, таких как картина, которая находится в Национальной галерее и одновременно у нас, в Уиллоу-Гроув, машина без колес, штуковина, один конец которой раскален, а другой – холодный как лед.

– Боже, у меня ум за разум заходит, – прошептал Чарли в отчаянии. – И надо же, чтобы все это свалилось на мою голову.

– Послушай, Чарли, – заметил я, – по-моему, на твоей

голове пока еще ничего нет. Все эти загадки не имеют ни малейшего отношения к нарушениям закона. Конечно, ты можешь сослаться на то, что Джордж взял автомобиль без разрешения владельца. Но ведь это же не автомобиль...

— Все равно, это средство передвижения, — заупрямился Чарли.

— Но владелец выбросил его! Он бросил его, ушел и...

— Мне бы прежде всего хотелось узнать, где находится это место, и почему люди выбрасывали свое добро, — заявил полковник.

— И конечно, вы бы хотели прибрать его к рукам, — добавил я.

— Вы чертовски правы, — согласился он. — Именно это я намерен сделать. Вы отдаете себе отчет, что могут значить подобные предметы для нашей страны? Например, склонить чашу весов в нашу пользу, имея в виду потенциального противника, и я отнюдь не...

На лестнице, а затем в холле послышался топот. Дверь распахнулась, и в комнату, чуть не грохнувшись, ворвался помощник шерифа.

— Сэр, — с трудом переводя дыхание, обратился он к Чарли, — я не знаю, что делать. Какой-то сумасшедший проповедует возле памятника Неизвестному солдату. Мне сказали, что шериф отправился с намерением прогнать его в шею, поскольку у того нет разрешения выступать с проповедями в общественном месте, а потом шерифа видели бегущим в участок. Я вошел туда с заднего входа. Смотрю: шериф хватает винтовки и подсумки, а когда я спросил его, в чем дело, он не захотел со мной разговаривать, потащил целую охапку оружия на площадь и свалил все у

памятника. Там собралась толпа, и все тащат разное добро и бросают...

Я не стал дожидаться, когда он кончит, и бросился к двери.

Куча вещей у памятника выросла настолько, что уже сравнялась с его подножием. Там были навалены велосипеды, радиоприемники, пишущие машинки, электробритвы, швейные машины, пылесосы и много чего еще. Стояло даже несколько автомобилей. Наступали сумерки, в город стекались окрестные фермеры, и вместе с жителями со всех сторон шли через площадь, таща разное добро, чтобы прибавить его к быстро растущей куче.

Незнакомца, приехавшего с Джорджем, нигде не было видно – он сделал свое черное дело и исчез. Стоя на площади и глядя на темные фигурки людей, которые, словно муравьи, спешили со всех сторон прямо к памятнику Неизвестному солдату, мрачно замершему в неровном свете трех качающихся на легком ветерке уличных ламп, я представил себе множество других городов по всей стране с огромными грудями всевозможных выброшенных вещей.

Боже, подумал я, ведь никто из них не понял ни слова, ни единого звука из птичьего языка проповедника. Однако то, что он хотел им сказать, как и тогда, когда мы все отступили назад, давая ему дорогу, явилось для них неоспоримым приказом. Значит, я не ошибся, когда предположил, что весь секрет кроется в семантике.

Конечно, в нашем языке есть множество слов, гораздо больше, чем необходимо обыкновенному человеку, однако мы так к ним привыкли, привыкли к их беспрерывным

приливам и отливам, что многие из них – возможно, большинство – утратили глубину и точность содержания. А ведь было время, когда великие ораторы овладевали вниманием множества людей с помощью простой поэзии своих речей; такие ораторы подчас меняли общественное мнение и направляли его по другому руслу. Увы, теперь слова, которые мы произносим, потеряли свою былую силу.

«Вот смех всегда сохранит свою ценность», – подумал я. Простой веселый смех, даже если человек и не знает его причины, способен поднять настроение. Громкий и раскатистый смех означает дружелюбие, тихий и сдержанный – свидетельствует о превосходстве интеллекта и в соответствующих условиях может даже выбить почву из-под ног.

Все дело в звуках, в звуках, которые вызывают главные эмоции и реакции человека. Не использовал ли чего-нибудь в этом роде таинственный пришелец? Не были ли это звуки настолько хитро сплетены, настолько глубоко проникающие в психику человека, что они проникнуты таким же большим содержанием, как и тщательно составленные предложения в нашей речи, но с одним решающим преимуществом: присущая им сила убеждения недоступна обычным словам. Ведь существовали же на заре истории человечества и предупреждающее ворчание, и вопль ярости, крик, обозначающий пищу, и дружелюбное кудахтанье знакомства! Так не является ли странный язык незнакомца некой сложнейшей разновидностью этих примитивных звуков?

Старик Кон Узэрби тяжело протопал по газону и водрюзил на самый верх кучи портативный телевизор. Шед-

шая следом молодая женщина, которую я не узнал в лицо, бросила рядом с телевизором сушилку для волос, пылесос и тостер. Мое сердце обливалось кровью при виде этого зрелища. Наверно, мне следовало бы подойти к ним и попытаться привести их в чувство – по крайней мере Кона, – постараться остановить, доказать, что они совершают величайшую глупость. Ведь тот же Кон по центам копил деньги, страдал без рюмочки, выкуривал лишь три дешевые сигары в день вместо обычных пяти, и все ради того, чтобы приобрести этот телевизор. Однако каким-то образом я знал, что останавливать их бесполезно.

Я шел прямо по газону, чувствуя себя разбитым и опустошенным. Навстречу мне, пошатываясь под тяжестью ноши, шла знакомая фигура.

– Дороти? – удивленно воскликнул я.

Дороти резко остановилась, и несколько книг, которые она тащила в охапке, шлепнулись на землю. Меня словно молнией озарило – ведь это же были мои книги по юриспруденции!

– Немедленно соберите все и отнесите назад! – приказал я. – Что это взбрело вам на ум?

Вопрос, разумеется, совершенно излишний. Кто-кто, а уж она-то обязательно ухитрилась оказаться на месте, чтобы послушать невесть откуда взявшегося проповедника, и, безусловно, первой уверовала в его бред собачий. Она чуяла всяких евангелистов миль за двадцать, и самыми волнующими моментами в ее жизни были часы, проведенные на жестких скамьях в удушливой атмосфере молитвенных собраний, где заезжий пророк вещал о геенне огненной.

Я направился было к Дороти, но тут же забыл и о ней, и о моих книгах – с противоположной стороны площади донесся захлебывающийся лай, и из темноты боковой улицы на свет выбежала нескладная фигура, которую преследовала свора собак. Незнакомец в черном, а это был именно он, подобрал полы своего балахона, чтобы они не путались в ногах, и явно показывал неплохие результаты в этом импровизированном состязании. Время от времени то одной, то другой собаке удавалось в прыжке отхватить кусок его развевающегося балахона, но это не умаляло его прыти.

Да, с людьми у него явно дело обстояло лучше, чем с собаками. Их как раз выпустили погулять с наступлением темноты, и, естественно, просидев целый день на цепи, они теперь нуждались в хорошей разминке. Видимо, собаки не понимали птичьего языка незнакомца, а быть может, сам он был настолько необычен для них, что они сразу же решили, что это чужой, с которым нечего церемониться.

Он промчался по газону вместе с преследующей его сворой, свернул в идущую от площади улицу, и только тогда я понял, куда он бежит – я что-то прокричал и ринулся вслед за ним. Ведь он наверняка хотел добраться до машины, на которой прибыл дядюшка Джордж и которая была собственностью последнего. Этого допустить было нельзя.

Я знал, что едва ли сумею догнать пришельца, и рассчитывал только на Чета. Надо полагать, он поставил одного-двух полицейских охранять машину, а пока проповедник будет их уговаривать, пройдет какое-то время, и я успею перехватить его раньше, чем он умчится.

Конечно, он может попытаться одурачить и меня своим щебетаньем, но я усиленно внушал себе, что должен устоять.

Так мы мчались по улице — впереди незнакомец, чуть сзади свора лающих собак, а за ними я, — когда показалась стоящая у полицейского участка машина, которую все еще окружала порядочная толпа. Проповедник несколько раз каркнул — я затрудняюсь подобрать другое слово, — и люди поспешно стали расходиться. Он даже не замедлил своего бега, и тут следует отдать ему должное — он показал себя неплохим спортсменом, а футах в десяти от машины просто сильно оттолкнулся, подпрыгнул и словно поплыл к ней по воздуху, а затем плюхнулся прямо на место водителя. Возможно, все дело было в том, что собаки до смерти его напугали, а при определенных критических обстоятельствах человек способен буквально на чудеса, которые в обычное время кажутся невероятными. Впрочем, даже в этом случае проповедник продемонстрировал отличную атлетическую подготовку, никак не вязавшуюся с его внешностью огородного пугала.

Едва он оказался на месте водителя, как машина мгновенно взмыла в воздух и в считанные секунды, легко порхнув над крышами, исчезла в темном небе. Двое полицейских, которых Чет выделил для охраны, стояли, разинув рты и глядя на то место, где она только что находилась. Начавшие было расходиться по приказу незнакомца люди остановились и тоже удивленно таращились на пустое место. Даже собаки, носившиеся по кругу, были обескуражены и то и дело поднимали головы и жалобно подвывали.

Я стоял вместе со всеми, стараясь отдышаться после пробежки, когда сзади послышался топот, и кто-то схватил меня за руку – это был полковник Шелдон Рейнольдс.

– Что случилось? – встревоженно спросил он.

Я с горечью и отнюдь не стесняясь в выражениях объяснил ему, что именно произошло.

– Он улетел в будущее, – заключил полковник. – Ни его, ни машины мы никогда больше не увидим.

– В будущее?

– Да, скорее всего туда. Иначе это никак не объяснишь. Сначала я полагал, что Джордж установил контакт с «летающей тарелкой», но я ошибался. Незнакомец, должно быть, – путешественник из будущего. Видимо, вы были правы в отношении его языка. Это новая семантика – своего рода стенографический язык, составленный из основополагающих звуковых комбинаций. Вероятно, такой язык можно создать искусственно, но это потребует много времени. Надо полагать, он возник или был позаимствован, когда их раса отправилась к звездам, – знаете, своего рода универсальный язык, вроде языка знаков некоторых индейских племен...

– Но ведь тогда выходит, что и дядюшка Джордж путешествовал во времени! – воскликнул я. – Да у него не хватит ума...

– Послушайте, – остановил меня полковник, – для того, чтобы путешествовать во времени, возможно, вообще ничего не нужно знать. Возможно, человек просто должен что-то почувствовать или быть в соответствующем настроении. Не исключено, что в современном мире найдется всего лишь один человек, способный испытывать подобные чувства...

– Но, полковник, это же абсурд! Допустим, чисто теоретически, что Джордж действительно побывал в будущем. Почему же, скажите на милость, люди будущего выбрасывали свои вещи, почему там была эта самая свалка?

– Откуда мне знать, – сказал полковник. – Вернее, я не могу ручаться, но у меня есть одна гипотеза.

Он подождал, не спрошу ли я, какая именно, но так как я промолчал, начал сам:

– Мы немало говорили о контактах с другими цивилизациями, которые рассеяны в космосе, и даже проводили специальные прослушивания космоса в надежде поймать сигналы, посланные разумными существами. Пока таких сигналов не удалось принять, и, возможно, что мы их вообще никогда не услышим, ибо отрезок времени, на протяжении которого цивилизация является высокоразвитой в технологическом отношении, может оказаться очень коротким.

Я покачал головой:

– Не пойму, к чему вы ведете. Какое отношение к сигналам из космоса имеет то, что произошло в Уиллоу-Гроув?

– Согласен, возможно, не такое уж большое, если не считать того, что если контакт когда-либо и состоится, он должен произойти с технологически развитой расой, подобной нашей. А, по мнению ряда социологов, технологическая фаза любого общества со временем сама себя изживает или же создает такие условия, против которых восстают люди, или, наконец, приводит к тому, что интерес общества переходит с технологии на другие вопросы, и...

– Постойте-ка, – прервал я его. – Уж не хотите ли вы сказать, что та груда разного добра, которую видел Джордж, – это результат того, что человеческая раса далекого будущего отвергла технологическое общество и выбросила различные продукты техники. Но ведь это невозможно. Если даже когда-нибудь это и случится, то отмирание техники и всех ее атрибутов произойдет постепенно. Люди просто не могут в один прекрасный день решить, что техника им больше не нужна, и начать выбрасывать всевозможные отличные и полезные вещи...

– И все же это возможно, – мрачно произнес полковник. – Это могло быть и в том случае, если отказ явился следствием какого-то религиозного движения. Незнакомец, видимо, как раз и был евангелистским проповедником из будущего. Посмотрите, что он натворил здесь за такое короткое время. Пишущие машинки, радиоприемники, телевизоры, пылесосы, сваленные в кучу у памятника, – это же все продукты технологии!

– А как быть с картиной и ведром алмазов? – возразил я. – Их ведь не назовешь техническими изделиями.

Мы оба вдруг замолчали и уставились друг на друга в сгустившейся темноте. Нам одновременно пришла мысль – как глупо стоять и спорить просто ради спора.

– Не знаю, – пожал плечами полковник Рейнольдс. – Я только высказал предположение. Машина, конечно, пропала навсегда, а с нею и все то, что Джордж сложил на заднем сиденье. Но кое-что у нас все же осталось...

Один из двух полицейских, оставленных сторожить машину, внимательно прислушивался к нашему разговору.

– Простите, что позволяю себе вмешиваться, – запинаясь, сказал он. – Но от всего этого добра ничего не осталось. Все пропало.

– Все пропало! – в отчаянии закричал я. – И картина, и алмазы?! Но ведь я же предупреждал Чета, чтобы он принял...

– Шериф тут ни при чем, – возразил полицейский. – Он оставил нас двоих здесь, а двоих в здании сторожить вещи. А позднее, когда на площади началась вся эта петрушка, ему понадобились люди и он...

– ...принес картину, алмазы и все остальное сюда и положил в машину! – с ужасом догадался я, зная Чета и его образ мышления.

– Он считал, что таким образом мы вдвоем сможем охранять все сразу, – оправдывающимся тоном сказал полицейский. – Мы бы прекрасно справились, если бы...

Я повернулся и пошел прочь. Я не желал больше ничего слышать. Попадись мне сейчас Чет, то бы задушил его. Я выбрался на тротуар и почувствовал, что за мной кто-то идет. Я обернулся – так и есть! – опять полковник. Глядя на меня, он безмолвно произнес: «Джордж». И тут меня осенило, я понял, что он имел в виду.

– Сегодня по телевизору будут передавать встречу «Янки» с «Близнецами»?

Полковник молча кивнул.

– Господи, тогда нужно скорее достать где-нибудь пива!

Мы сделали это в рекордно короткое время, причем каждый притащил по целой дюжине бутылок.

Но Джордж нас перехитрил – он сидел перед телевизором в одних носках и с бутылкой пива в руке следил за перипетиями игры.

Мы не промолвили ни слова, а просто поставили бутылки рядом с ним на пол, чтобы запас, не приведи бог, не кончился раньше времени, вышли в столовую и, тихо сидя в темноте, терпеливо принялись ожидать развития событий.

В шестом периоде ситуация повторилась – «Янки» провели уже двоих, а Мэнтл вышел на удар, – но ничего не произошло. Джордж продолжал потягивать пиво, чесать пятки и смотреть телевизор.

– Возможно, это случится в седьмом периоде, – сказал полковник.

– Возможно, – согласился я.

Мы упорно сидели в столовой, и наши надежды постепенно таяли, ведь до конца сезона «Янки» всего лишь четыре раза встретятся с «Близнецами». А в следующем сезоне Мэнтл, как писали газеты, по всей вероятности, больше не выйдет на поле.

ДУРАК В ПОХОД СОБРАЛСЯ

Долгое время я был деревенским дурачком, но теперь я уже не дурак, хотя меня до сих пор обзывают болваном, а то и почище.

Я теперь гений, но об этом я никому не скажу. Ни за что. Если узнают, станут остерегаться.

Никто не догадывается и не догадается. Я все так же шаркаю ногами, мой взгляд все так же пуст, и речь бессвязна, как и прежде. Порой нелегко бывает помнить, что надо непременно шаркать, смотреть бессмысленным взглядом и бормотать чепуху, а иногда, наоборот, с большим трудом удерживаешься, чтобы не переиграть. Главное – не вызвать подозрений!

Все началось в то утро, когда я пошел на рыбалку.

За завтраком я сказал маме, что собираюсь порыбачить, и она не возражала. Она знает, что я люблю ловить рыбу. Когда я рыбачу, со мной не случается никаких неприятностей.

– Сходи, Джим, – сказала она. – Хорошо бы отведать рыбки.

– Я знаю, где ее ловить, – сказал я. – В яме, что сразу за домом Алфа Адамса.

– Сынок, не затевай ты ссоры с Алфом, – предупредила меня мама. – Если ты невзлюбил его...

– Он надул меня. Заставил работать больше, чем положено, а сам ничего не заплатил мне за это. Да еще смеется.

Не надо было мне говорить этого. Мама очень расстраивается, когда слышит что надо мной смеются.

– Ну и пусть, не обращай внимания, – ласково сказала

она. — Вспомни, что говорил проповедник Мартин в прошлое воскресенье. Он сказал...

— Я помню, что он сказал, но все равно не люблю, когда надо мной смеются. Я не позволю смеяться надо мной.

— Ладно, — с грустью согласилась мама. — Не позволяй.

Я доедал завтрак и думал о том, что проповедник Мартин мастак говорить о смирении и покорности. Но я-то знаю, что он за человек, знаю и про его дела с органисткой Дженни Смит.

После завтрака я пошел в сарай за удочкой, а Баунс прибежал помогать мне. После мамы Баунс — мой лучший друг. Конечно, он не умеет разговаривать со мной... по-настоящему, но он и не смеется надо мной.

Копая червей, я спросил его, не хочет ли он отправиться со мной на рыбалку. Я видел, что ему очень хочется, и пошел в дом напротив предупредить миссис Лоусон, что Баунс пойдет со мной: Баунс ведь принадлежал ей, хотя почти все время проводил со мной.

Так мы и пошли: я с удочкой впереди, а Баунс следом, словно я был важной персоной. Но Баунс все равно гордился тем, что нас видят вместе.

Путь наш лежал мимо банка, и через большое окно я увидел банкира Пэттона, сидевшего за письменным столом. Вот у кого был важный вид! Да он и в самом деле был самой важной персоной в Мэплтоне. Я убавил шаг, чтобы вволю насладиться своей ненавистью к нему.

Мы с мамой не жили бы в этой старой развалюхе, где живем сейчас, если бы после смерти папы банкир Пэттон не лишил нас права выкупа закладной на наш дом.

Мы миновали усадьбу Алфа Адамса, у которого была

лучшая ферма в городе, и о нем я тоже подумал с ненавистью, но не с такой, как о банкире Пэтгоне: Адамс мне насолил поменьше — заставил работать больше положенного и не заплатил за это.

Алф был рослый хвастливый человек и, кажется, неплохой фермер. Во всяком случае, ферма приносила доход. У него был большой новый коровник, и только он мог решиться выкрасить коровник не в красный цвет, как красят все коровники, а в белый с красной полосой. Ну разве бывают коровники в полоску?

Сразу за домом Алфа мы с Баунсом свернули с дороги и пошли через луг к речке, туда, где яма...

На другом конце луга вместе с остальным стадом пасся бык-медалист, принадлежавший Алфу. Увидев нас, он пошел в нашу сторону — не потому, что был зол и собирался напасть на нас, а просто для порядка, на случай, если кто-нибудь вздумает сразиться с ним. Я не боялся его, потому что подружился с ним в то лето, когда работал у Алфа. Я, бывало, баловал его, чесал за ушами. Алф сказал, что я сумасшедший дурак, когда-нибудь бык прикончит меня.

— Никогда не доверяй быку, — говорил Алф.

Подойдя поближе и узнав, кто перед ним, бык понял, что мы ничего дурного ему не сделаем, и вернулся к стаду.

Мы подошли к яме, и я стал удить, а Баунс поскакал вверх по речке на разведку. Я вытащил несколько рыб, но не очень больших. Клев был плохой, и мне стало неинтересно. Я люблю ловить рыбу, когда хорошо ловится.

Тогда я стал фантазировать. А что, если взять какое-нибудь маленькое поле... скажем, в сто квадратных фу-

тов... и хорошенько рассмотреть эту землю – сколько в ней можно найти самых разных растений!.. Я посмотрел на землю рядом с тем местом, где сидел, и увидел... обыкновенную луговую траву, несколько одуванчиков, листья щавеля, две фиалки и еще не распустившийся лютик.

Но что это? Вглядываясь в одуванчик, я вдруг заметил, что вижу весь цветок, а не только ту его часть, что растет над землей!

Не знаю, стал ли я видеть сквозь землю в то самое мгновение, когда засмотрелся на одуванчик, или немного раньше, но так или иначе, я увидел, как уходит в землю стержневой корень одуванчика, как от него отходят маленькие мохнатые корешки, увидел, где сидят вообще все корни, как они берут воду и минеральные соли из земли, как откладываются запасы питательных веществ в корне, и как одуванчик при помощи солнца делает их годными для усвоения. Странное дело, я ведь никогда не знал ничего этого прежде!

Я посмотрел на другие растения и увидел их точно так же – целиком. И я подумал: может, с моими глазами что-то случилось и теперь я буду видеть не только поверхность вещи, но и то, что у нее внутри? Тогда я попробовал увидеть все как прежде, и у меня это получилось. Потом мне снова захотелось увидеть корень одуванчика, и я увидел.

Я сидел и думал: почему никогда раньше я не мог так видеть, а теперь могу? Тем временем мне захотелось узнать, что делается на дне ямы... и мне стало видно все, как на ладони. Я мог теперь заглядывать в любой омут, где прячутся такие рыбины, каких в нашей речке еще никто не ловил.

Я ясно увидел, что возле моего крючка нет ни одной рыбки, и стал передвигать его, пока он не очутился перед самым носом большущей рыбы. Но рыба, казалось, не замечала червяка. Может, она была сыта и просто лежала, шевеля плавниками и жабрами.

Я подвел крючок так близко, что он задел рыбу по носу, но она и на это не обратила ни малейшего внимания.

Тогда я заставил рыбу проголодаться.

Не спрашивайте меня, как я это сделал. Я не смогу объяснить, просто решил, что знаю, как выкинуть эту штуку, заставил, значит, я рыбу проголодаться, и она накинута на наживку, как Баунс на кость.

Рыба утянула поплавок под воду, я подсек ее и выдернул из воды. Сняв рыбку с крючка, я протернул сквозь ее жабы и рот веревку, на которой уже было нанизано штук пять рыбешек, пойманных раньше.

Потом я выбрал еще одну большую рыбку, подвел к ней крючок и заставил ее проголодаться.

За полтора часа я выловил всех больших рыб. Оставалась разная мелочь, но возиться с ней мне было уже ни к чему. На веревке почти не было места, и, когда я взял ее и пошел, конец связки волочился по земле. Мне пришлось перекинуть ее через плечо, и от рыбы рубашка сразу же стала мокрой.

Я позвал Баунса, и мы двинулись в город.

Всякий, кто попадался мне навстречу, останавливался и расспрашивал, где я поймал рыбу, на что ловил, осталась ли там еще рыба или я выловил всю. Когда я говорил, что выловил всю, люди хохотали до упаду.

Только было собрался я свернуть с главной улицы к

дому, как из парикмахерской вышел банкир Пэттон. От него чудесно пахло всеми одеколонами, которыми парикмахер Джейк опрыскивает своих клиентов.

Увидев меня с рыбой, банкир остановился. Он посмотрел на меня, на рыбу и потер свои жирные руки, потом заговорил со мной как с маленьким:

— А ну, Джимми, говори, где ты взял всю эту рыбу?

Он сказал это таким тоном, будто рыба не моя или будто я ловил ее каким-нибудь запрещенным способом.

— В яме за домом Алфа, — ответил я.

И вдруг само собой получилось так, что я увидел его внутренности — точно так же, как корни одуванчика под землей. Желудок, кишки и еще что-то, наверное, печень, а надо всем этим в какой-то рыхлой розовой массе — пульсирующий ком, в котором я узнал сердце.

Я вытянул вперед руки... не руки, конечно, потому что в одной руке я держал удочку, а в другой рыбу, но у меня было такое ощущение, будто я протянул их, схватил его сердце и сильно сжал.

Банкир открыл рот, охнул и обмяк, как будто из него ушла вся сила, и мне пришлось отскочить в сторону, чтобы он не свалился прямо на меня.

Он упал и больше не вставал.

Из своей парикмахерской выбежал Джейк.

— Что с ним? — спросил он меня.

— Взял и упал, — ответил я.

Джейк посмотрел на банкира.

— Это сердечный приступ. Уж я-то знаю, бегу за доктором.

Он побежал по улице к дому врача Мейсона, а со всех сторон стали сбегаться люди.

Я узнал Бена с сыроварни, Майка из клуба и двух фермеров, приехавших за покупками.

Выбравшись из толпы, я пошел домой. Мама увидела рыбу и обрадовалась.

— Вот вкусно-то будет! — сказала она. — Как тебе удалось наловить так много, Джим?

— Клев был хороший, — пробормотал я.

— Так не теряй же времени, начинай чистить. Немного мы съедим сейчас, несколько штук я отнесу проповеднику Мартину, а остальное посолю и положу в погреб. Там она продержится еще не один день.

Тут прибежала миссис Лоусон, что живет напротив, и рассказала маме о том, что случилось с банкиром Пэттоном.

— Он как раз разговаривал с Джимом, — заметила она.

— Почему же ты молчал, Джим? — спросила меня мама.

— Не успел сказать, — ответил я. — Я показывал тебе рыбу.

Мама и миссис Лоусон заговорили, перебивая друг друга, о банкире, а я пошел в сарай чистить рыбу. Баунс сидел со мной рядом и наблюдал. Я готов поклясться, что он был доволен не меньше меня, будто и в самом деле помогал мне ловить рыбу.

— Хороший выдался денек, Баунс, — сказал я, и Баунс согласился со мной. Он вспомнил, как носился вдоль реки и дразнил лягушку, вспомнил, как приятно пахнет земля, если ее хорошенько обнюхать.

Я вовсе не хочу убедить вас, что Баунс заговорил со мной. Но у него был такой вид, будто он и в самом деле умеет говорить.

Люди все смеются надо мной, отпускают шуточки и стараются поддеть меня, потому что я деревенский дурачок. Но когда-нибудь этот дурачок покажет им всем! Они бы до смерти испугались, если бы с ними, например, заговорила собака. Ну а я считаю, что в этом нет ничего странного. Просто я подумал, как было бы хорошо, если бы Баунс заговорил, и мне не надо было бы угадывать, что он хочет сказать. Ничего удивительного я в этом не увидел бы, потому что всегда считал, что Баунс смысленный пес, и стоит ему только захотеть, как он начнет говорить.

Так мы и болтали с Баунсом, пока я чистил рыбу. Когда я вышел из сарая, миссис Лоусон уже ушла домой, а мама на кухне готовила сковороду для рыбы.

— Джим, ты... — сказала она и запнулась. — Джим, ты ведь никакого отношения не имеешь к тому, что случилось с банкиром Пэттоном, правда? Ты не толкнул его, не ударил?

— Даже пальцем до него не дотронулся, — сказал я, и это была сушая правда — я и в самом деле не касался его рукой.

Днем я работал на огороде. Мама иногда помогает кому-нибудь по хозяйству и зарабатывает немного, но если бы не огород, нам бы на это не прожить. Прежде зарабатывал и я, но после ссоры с Алфом из-за того, что он не заплатил мне, она не разрешает мне работать. Она говорит, что я и так ей помогаю, копаясь в огороде и добывая время от времени немного рыбы.

В огороде я нашел еще одно применение моему новому умению видеть. В капусте были черви — я их всех видел сквозь капустные листья и давил, как раздавил сердце

банкира Пэттона. Обнаружив белесые пятнышки на кустах помидоров, я решил, что это какой-то вредитель. Они были такие маленькие, что сначала я их не заметил. Поэтому я их увеличил своим новым зрением, внимательно разглядел и заставил исчезнуть. Я не давил их, как червей, а просто сделал так, чтобы они пропали.

Интересно работать на огороде, когда можешь заглядывать в землю и видеть, как прорастают семена пастернака и редиса, убивать вредителей, узнавать, хороша ли земля и все ли в порядке.

На обед мы ели рыбу, на ужин – тоже рыбу. А после ужина я пошел прогуляться.

Сам не знаю, как я очутился у дома банкира Пэттона и, проходя мимо, почувствовал, что в доме этом горе.

Не входя в дом, я позволил горю войти в меня. Наверно, стоя снаружи, я мог бы совершенно легко увидеть сквозь стены, что делается в любом доме нашей деревни, но тогда я этого еще не знал. Я почувствовал горе в доме Пэттона только потому, что оно было глубокое и сильное.

Старшая дочь банкира была у себя в комнате наверху, и я почувствовал, что она плачет. Вторая дочь сидела с матерью в гостиной. Ни та, ни другая не плакали, но у обеих был скорбный вид. В доме были еще какие-то люди, но они не очень-то печалились. Вероятно, соседи пришли посидеть.

Мне стало жаль всех троих и захотелось помочь им. Ведь не их вина, что банкир Пэттон был таким плохим человеком.

И вдруг мне показалось, что я могу им помочь, и начал с той дочери, что сидела наверху в своей комнате. Я мыс-

ленно приблизился к ней и стал внушать ей светлые мысли. Начало было не из легких, но очень скоро я освоился, и утешить ее не составило большого труда. Потом я утешил двух других и, довольный, пошел дальше.

Я прислушивался к тем домам, мимо которых проходил. Почти везде жили счастливые или, во всяком случае, довольные люди, хотя попало и несколько печальных. Машинально я задумывался о них и давал им счастье. Я вовсе не думал, что мне надо делать добро каким-то определенным людям. По правде говоря, я даже не помню, какие дома сделал счастливыми. Просто я подумал, что раз я могу делать это, надо делать.

Когда я вернулся, мама еще не ложилась, ждала меня и была немного встревожена: она всегда тревожится, когда я надолго исчезаю.

Я пошел в свою комнату, лег в постель, но долго не мог заснуть: все думал, как могло случиться, что я оказался способным на все эти штуки, и как неожиданно проявились сегодня эти способности. Наконец я заснул.

* * *

Умывшись и позавтракав, я вышел на улицу и увидел, что Баунс ждет меня. Он сказал, что хочет погонять кроликов, и я согласился пойти с ним. Раз теперь мы можем разговаривать, вдвоем нам ловить кроликов будет сподручнее. Взобравшись на пень или на грудку камней, или даже на дерево, я высматриваю кролика и кричу Баунсу, куда он бежит, а Баунс мчится ему наперерез.

Мы пошли по дороге, ведущей к дому Алфа, потом свернули на луг и направились к поляне на склоне холма, что на той стороне реки.

Когда мы свернули с дороги, я оглянулся и снова подумал о том, как ненавижу Алфа. И вдруг мне пришла в голову мысль. Я не знал, смогу ли осуществить ее, но мне она понравилась, и решил попробовать.

Я перевел взгляд на коровник Алфа, мысленно прошел сквозь стены и очутился посреди сеновала. Кругом было сено, но, как вы помните, сам я в это время стоял на лугу рядом с Баунсом, с которым мы пошли гонять кроликов.

Мне хотелось бы объяснить, что я сделал потом и как я это сделал, да только мне самому непонятно, откуда у меня взялось все это... Словом, знание химических реакций или как их там называют... Что-то сделалось с сеном, что-то с кислородом, и в сеновале зажегся огонь. Увидев, что огонь занялся хорошо, я убрался оттуда и снова очутился рядом с Баунсом. Потом мы перешли речку и стали подниматься по склону холма.

Я все оглядывался, думая, что огонь не разгорится, как вдруг из-под крыши сеновала потянулась тоненькая струйка дыма.

К тому времени мы уже вышли на поляну, я сел на пенек и увидел, что огонь разгорелся вовсю, и теперь уже ничто не может спасти коровник — пламя с шумом вырвалось наружу, и в небо поднялся густой столб дыма.

Возвращаясь домой, я зашел в лавку. Алф был там, но для человека, у которого только что сгорел коровник, у него был слишком довольный вид.

Очень скоро я понял, почему он такой довольный.

— Я застраховал коровник, — сказал он хозяину магазина Берту Джонсу, — застраховал до последнего гвоздика. Коровник был слишком велик, мне такой не нужен. Когда я строил его, то рассчитывал, что стадо будет побольше.

Берт хихикнул:

– Нагрел ты руки на пожаре, Алф!

– Такого везения у меня еще не бывало. Я построю новый коровник, да еще деньжата останутся.

Мне было досадно, что все так вышло, но я не терял надежды расквитаться с Алфом.

После полдника я пошел на луг Алфа и отыскал быка. Он обрадовался мне, хотя и рыл землю копытом и громко ревел – хотел себя показать.

По дороге я все думал, смогу ли разговаривать с быком так, как разговаривал с Баунсом. Я боялся, что ничего не получится: ведь Баунс намного смышленнее быка.

И конечно же, я оказался прав: втолковать что-либо быку было ужасно трудно.

Зря я стал чесать у него за ушами – он закрыл глаза и почти заснул. Я чувствовал, как это ему приятно. Тогда я растормошил быка, ткнул кулаком в бок – он зашевелился и даже пробормотал что-то в ответ. Очень эти быки неразговорчивы.

Но я был уверен, что он понял меня как следует, – он вдруг так расвирепел и разбушевался, что меня даже страх взял – не перестарался ли. Я едва успел добежать до забора и перемахнуть через него. Домчавшись до забора, бык снова стал рыть землю копытами и так заревел, что меня как ветром сдуло.

Я вернулся домой очень довольным собой. Я ничуть бы не удивился, если бы слышал в тот же вечер, что Алфа покалечил его собственный бык. Что ж, так Алфу и надо: разве приятно, когда у тебя заживают заработок!

Когда кто-то принес известие о том, что случилось, я

как раз был в клубе. Кто-то вспомнил, как Алф всегда говорил, что ни одному быку нельзя доверять. Еще кто-то добавил, что Алф часто говорил, будто только я могу управляться с его быком, и он все время опасался, как бы бык не убил меня.

Меня тоже спросили, что я думаю о случившемся. Но я притворился, будто двух слов связать не могу, и все смеялись надо мной, но мне было все равно. Я знал то, чего не знали они. Воображаю, как удивились бы они, узнав правду!

Но они ее, конечно, не узнают.

Не такой уж я простак.

* * *

Придя домой, я достал блокнот с карандашом и стал писать имена всех моих врагов, всех, кто хоть раз посмеялся надо мной, навредил мне или плохо говорил обо мне.

Список получился довольно длинный и включал почти всех в деревне.

Я подумал, что, может быть, не стоит убивать всех — я бы, конечно, сделал это запросто. Но, думая об Алфе и банкире Пэттоне, я понял, что от гибели людей, которых ненавидишь, радости мало. И еще мне было ясно как день, что, поубивав всех, можно остаться совсем одному.

Я перечитал список. Два имени у меня вызвали сомнение, и я вычеркнул их, потом еще и еще... Снова просмотрев список, я все-таки решил, что все оставшиеся в нем люди — плохие, и если не уничтожу их, то что-нибудь сделаю, потому что нельзя позволить им оставаться плохими.

Долго я думал о дурном и хорошем, вспоминал, что

слышал об этом от проповедника Мартина, который большой мастак на всякие такие разговоры. И я решил в конце концов, что с ненавистью к врагам мне надо кончать. Лучше платить добром за зло.

* * *

Утром я так торопился, что буквально проглотил завтрак. Мама спросила, куда я собираюсь, и я ответил, что хочу прогуляться.

Сперва я пошел к дому приходского священника и уселся за церковной оградой. Вскоре из дому вышел проповедник Мартин. Он стал прохаживаться взад и вперед по своему, как он говорил, саду и делал вид, будто погружен в благочестивые размышления.

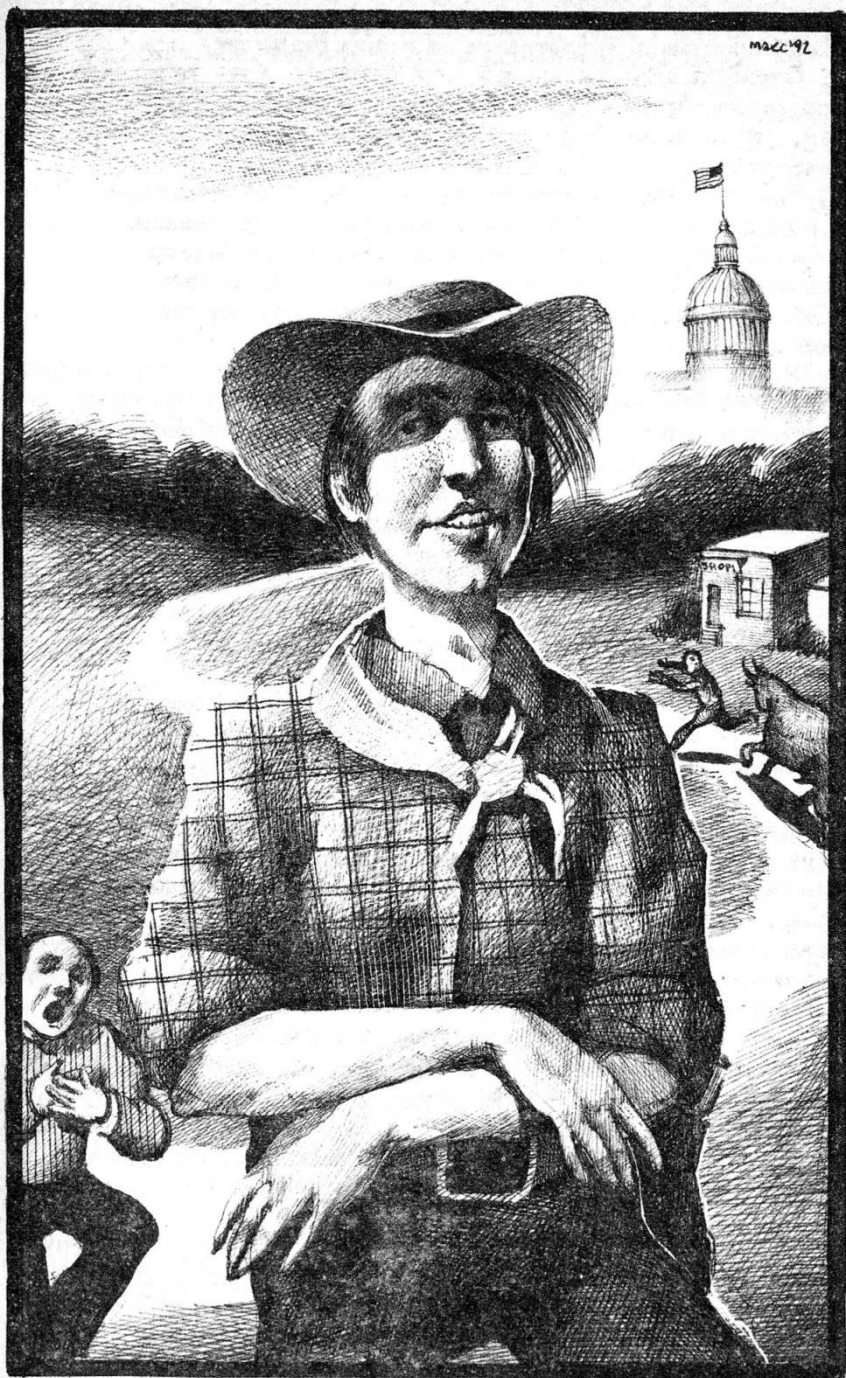
Правду сказать, мне всегда казалось, что он делает это для того, чтобы произвести впечатление на наших старушек.

Очень легко я соединился с его разумом, и так тесно, что мне показалось, будто не он, а я сам прохаживаюсь по саду. И, скажу вам, странное это было ощущение: я ведь превосходно знал, что сижу за оградой.

Благочестивых размышлений у проповедника Мартина в голове и в помине не было. Он, оказывается, обдумывал доводы, которые собирался привести на приходском совете, чтобы ему повысили жалованье. Он мысленно осыпал проклятиями некоторых членов совета за их скупость, и я согласился с ним, потому что они и в самом деле скряги.

Я заставил его подумать о том, что прихожане верят ему и видят в нем своего духовного наставника. Я заставил его вспомнить о том, как в молодые годы, только что

mac 192

окончив семинарию, он считал, что жизнь – сплошное подвижничество. Я внушил ему мысль, что он предал все то, во что верил тогда, и довел его до такой степени самоуничижения, что он чуть не разрыдался. Тогда я заставил его прийти к выводу, что спастись он может, лишь покайся и начав другую, праведную, жизнь.

Решив, что неплохо поработал над проповедником, я пошел дальше. Но я знал, что время от времени мне еще придется его проверять.

Я зашел в лавку, сел и понаблюдал, как Берт Джонс подметает пол. Пока мы с ним разговаривали, я пробрался к нему в разум и напомнил ему, что он сплошь и рядом платит фермерам за яйца меньше положенного. Заставил я его вспомнить и о привычке приписывать лишнее в счетах, которые он посылает покупателям, берущим в кредит, и о жульничестве с подходящим налогом. При мысли о подходящем налоге он перепугался, а я продолжал обработку, пока не почувствовал, что он почти решил возместить убытки всем, кого обманывал. После этого я ушел из лавки, уверенный, что могу вернуться в любое время и сделать из Берта честного человека.

В парикмахерской я понаблюдал за Джейком, который кого-то подстригал. Меня не очень интересовал человек, которого стриг Джейк: он жил милях в пяти от нас, а я решил пока обрабатывать жителей только нашей деревни.

Когда я уходил, Джейк уже горько раскаивался о том, что увлекается азартными играми в клубе и был готов во всем чистосердечно признаться жене.

Я направился в клуб. Майк сидел в углу и читал в утренней газете отчет о бейсболе. Я взял вчерашнюю газе-

ту и сделал вид, что тоже читаю. Майк засмеялся и спросил, когда это я научился читать. За это ему, конечно, здорово достанется: я знал, что стоит мне выйти за дверь, как он помчится в подвал и спустит весь запас самогона в канализацию, а немного погодя, когда я еще поработаю над ним, прикроет азартные игры в задней комнате клуба.

На сыроварне, куда я пошел, у меня не было возможности поработать над Беном – фермеры везли молоко, и Бен был слишком занят, чтобы я мог по-настоящему пробраться к нему в голову. Но я все-таки заставил его подумать о том, что случится, если парикмахер Джейк когда-нибудь застанет его со своей женой. И я знал, что, как только мы останемся с ним одни, я его обработаю как миленького: он ведь очень труслив.

Так вот все и шло.

Это была тяжелая работа, и порой мне хотелось бросить ее. Тогда я напоминал себе, что это мой долг, – ведь недаром мне дана такая власть. Значит, надо сделать все, что от меня зависит. Кроме того, я должен применять ее не в своих эгоистических интересах, а только на благо других людей.

Кажется, я обработал в нашей деревне всех до единого.

* * *

С тех пор как Берт исправился, он стал самым счастливым человеком на свете. Его не тревожит даже потеря покупателей, которые обиделись на него, узнав, что он обжуливал их. Он рассказал им все, когда возвращал деньги. Я не знаю, как поживает Бен: он исчез сразу же после того, как Джейк стрелял в него. Все в один голос говорят,

что Бен перестарался, попросив у Джейка прощения за то, что крутил с его женой. Впрочем, жена Джейка тоже исчезла. Говорят, она ушла с Беном.

По правде сказать, я очень доволен тем, как все получилось: все стали честные, не жульничают, не пьянствуют, не играют в азартные игры. Мэплтон, наверное, стал самой праведной деревней в Соединенных Штатах.

Думаю, все это вышло потому, что я начал с искоренения собственных дурных мыслей, и вместо того, чтобы поубивать всех, кого ненавидел, превратил их в хороших людей.

Когда вечерами я хожу по улице, меня удивляет одно: почему это у людей все меньше становится светлых мыслей? Порой приходится трудиться весь вечер, чтобы развеселить их. Казалось бы, честные люди должны быть счастливыми, ведь, по-моему, теперь они не плохие, а хорошие, теперь они не убивают время на легкомысленные развлечения, а заняты разумными, серьезными делами.

Только о себе вот немного беспокоюсь. Я сделал много добра, но, наверно, руководствовался эгоистическими побуждениями, хотел искупить убийство Алфа и банкира Пэттона. Кроме того, я делал добро не людям вообще, а тем, кого знаю лично. Наверно, это неправильно. Почему я должен помогать только знакомым?

* * *

Я провел ночь в раздумьях, и теперь мне все стало ясно.

Приняв решение, почувствую себя одновременно и могучим, и робким. Я знаю, что призван творить добро, и

меня ничто не остановит. Я знаю, что деревня была всего лишь пробным камнем: здесь я познал, на что способен, и теперь намерен осчастливить все человечество.

Мама уже давно копит деньги. На приличные похороны.

Я знаю, где она их прячет.

Этого мне хватит, чтобы добраться до ООН. Там я развернусь вовсю!

ОПЕРАЦИЯ «ВОНЮЧКА»

Я сидел на заднем крыльце своей лачуги, держа в правой руке бутылку, в левой – ружье и поджидал реактивный самолет, как вдруг за углом хижины подозрительно оживились собаки.

Я наспех отхлебнул из бутылки и неловко поднялся на ноги, схватил метлу и обошел вокруг дома.

По тявканью я понял, что собаки загнали в угол скунса¹, а у скунсов и так от реактивных самолетов поджилки трясутся, нечего им докучать без нужды.

Я перешагнул через изгородь там, где она совсем завадилась, и выглянул из-за угла хижины. Уже смеркалось, но я разглядел, что три собаки кружат у зарослей сирени, а четвертая, судя по треску, продирается прямо сквозь кусты. Я знал, что, если сразу не положить этому конец, через минуту нечем будет дышать – скунс есть скунс.

Я хотел подобраться к собакам незаметно, но то и дело спотыкался о ржавые консервные банки и пустые бутылки и тут же дал себе слово, что утром расчищу весь двор. Я и раньше часто собирался это сделать, да как-то руки не доходили.

Я поднял такой шум, что все собаки удрали, кроме одной, – та застряла в кустах. Я хорошенько примерился и с удовольствием огрел ее метлой. Надо было видеть, как она оттуда выскочила, – тощая такая собака, шкура на ней обвисла, того и гляди сама выпрыгнет из нее.

¹ Скунс – североамериканский пушной зверек, который при нападении на него выделяет зловонную жидкость, вызывающую у человека головокружение и тошноту. – *Прим. перев.*

Собака взвыла, зарычала, вылетела из кустов, как пробка из бутылки, и метнулась мне прямо под ноги. Я пытался устоять, но наступил на пустую бутылку и постыдно шлепнулся на землю. Я так расшибся, что света божьего не взвидел, а потом никак не мог прийти в себя и подняться на ноги.

Пока я приходил в себя, из-под сиреневого куста вынырнул скунс и направился прямо ко мне. Я стал отгонять его, но он никак не отходил от меня, а завилял хвостом, словно встретил родную душу, подошел вплотную и с громким мурлыканьем стал тереться о мои ноги.

Я и пальцем не шевельнул. Даже глазом не моргнул. Рассудил, что если я не шелохнусь, то скунс, может, и отстанет. Вот уже три года у меня под хужиной жили скунсы, и мы с ними отлично ладили, но никогда не были, что называется, на короткой ноге. Я их не трогал, они меня не трогали, и все были довольны.

А этой веселой зверюшке, как видно, втемяшилось в голову, что я ей друг. Может, скунса распирало от благодарности за то, что я отогнал собак.

Он обошел вокруг меня, потыкался мордой, потом вскарабкался ко мне на грудь, заглянул в лицо и без устали мурлыкал с таким азартом, что весь дрожал.

Так он стоял на задних лапках, упершись мне в грудь передними, заглядывал мне в лицо и мурлыкал – то тихо, то громко, то быстро, то медленно. А сам наострил уши, будто ожидал, что я замурлычу в ответ, и все время дружелюбно вилял хвостом.

В конце концов я протянул руку (очень осторожно) и погладил скунса по голове, а он как будто не возражал.

Так мы пролежали довольно долго — я его гладил, а он мурлыкал.

Потом я отважился стряхнуть его с себя.

После двух или трех неудачных попыток я кое-как поднялся с земли и пошел к крыльцу, а скунс тащился за мной по пятам.

Я опять сел на крыльцо, взял бутылку и как следует приложился к ней; это было самое умное, что можно сделать после стольких треволнений. А пока я пил из горлышка, из-за деревьев выскользнул реактивный самолет, свечкой взмыл над моим участком, и все кругом подпрыгнуло на метр-другой.

Я выронил бутылку и схватил ружье, но самолет скрылся из виду, прежде чем я успел взвести курок.

Я отложил ружье и как следует выругался.

Только позавчера я предупреждал полковника — и во все не в шутку, — что если реактивный самолет еще раз пролетит так низко над моей хижинкой, я его обстреляю.

— Безобразия, — говорил я полковнику. — Человек строит себе хижину, живет тихо-мирно, ни к кому не пристаёт. Так нет, правительству непременно надо устроить воздушную базу именно в двух милях от его дома. Какой может быть мир и покой, когда чертовы реактивные самолеты чуть не цепляют за дымовую трубу?

Вообще-то полковник разговаривал со мной вежливо. Он напомнил мне, как необходимы нам воздушные базы, как наша жизнь зависит от самолетов, которые там размещены, и как он, полковник, старается наладить маршруты вылетов так, чтобы не тревожить мирное население окрестностей.

Я сказал, что реактивные самолеты вспугивают скунсов, и он не стал смеяться, а даже посочувствовал и вспомнил, как в Техасе еще мальчишкой ставил на скунсов капканы. Я объяснил, что не промышляю ловлей скунсов, что я, можно сказать, живу с ними под одной крышей, что я к ним искренне привязан, по ночам не сплю и слушаю, как они шныряют взад и вперед под хужиной, а когда слышу это, то чувствую, что я не одинок, что делю свой кров с другими тварями божьими.

Но тем не менее он не обещал, что реактивные самолеты больше не будут сновать над моим жильем, тут-то я пригрозил обстрелять первый же самолет, который увижу у себя над головой. Тогда полковник вытащил из письменного стола какую-то книгу и прочитал мне вслух, что стрельба по воздушным кораблям — дело незаконное. Но я ничуть не испугался.

И надо же такому случиться! Я сижу в засаде, мимо пролетает реактивный самолет, а я прохлаждаюсь с бутылкой.

Я перестал ругаться, как только вспомнил о бутылке, и тут же услышал бульканье. Она закатилась под крыльцо, я не сразу нашел ее и чуть с ума не сошел, услышав, как она булькает.

Я лег на живот, дотянулся до того места под ступеньками, куда закатилась бутылка, и наконец поднял ее, но она уже добулькалась досуха. Я швырнул ее во двор и, вконец расстроенный, опустил на ступеньки.

Тут из темноты вынырнул скунс, взобрался вверх по ступенькам и уселся рядом со мной. Я протянул руку, погладил его, и он в ответ замурлыкал. Я перестал горевать о бутылке.

— А ты, право, занятный зверь. Что-то я не слыхал, чтобы скунсы мурлыкали.

Так мы просидели с ним, и я рассказал ему обо всех своих неприятностях с реактивными самолетами, как рассказывает животным человек, когда ему не с кем поделиться, а порой и когда есть с кем.

Я его ни капельки не боялся и думал, как здорово, что наконец-то хоть один скунс со мной подружился. Интересно, теперь, когда лед, так сказать, сломан, может, какой-нибудь скунс переселится из подполья ко мне в комнату?

Затем я подумал: теперь будет о чем порассказать ребятам в кабачке. Но тут же понял, что, как бы я ни клялся и ни божился, никто не поверит ни единому моему слову. Вот я и решил прихватить с собой живое доказательство.

Я взял ласкового скунса на руки и сказал:

— Поехали. Надо показать тебя ребятам.

Я налетел на дерево и запутался в старой проволочной сетке, что валялась на дворе, но кое-как добрался до того места перед домом, где стояла моя Старушка Бетси.

Бетси не была ни самой новой, ни лучшей машиной в мире, но зато отличалась верностью, о которой любой мужчина может только мечтать. Мы с ней многое пережили вместе и понимали друг друга с полуслова. У нас было что-то вроде сделки: я мыл ее и кормил, а она доставляла меня куда надо и всегда привозила обратно. Ни один разумный человек не станет требовать большего от автомобиля.

Я похлопал Бетси по крылу и поздоровался с ней, уложил скунса на переднее сиденье и залез в машину сам.

Бетси никак не хотела заводиться — она предпочитала остаться дома. Однако я потолковал с ней по-хорошему, наговорил всяких ласковых слов, и наконец, дрожа и фыркая, она завелась.

Я включил сцепление и вывел машину на шоссе.

— Только не разгоняйся, — сказал я ей. — Где-то на этом перегоне автоинспекция ловит злостных нарушителей, так что у нас могут быть неприятности.

Бетси медленно и плавно довезла меня до кабачка, я оставил ее на стоянке, взял скунса под мышку и вошел в зал.

За стойкой работал Чарли, а в зале было полно народу — Джонни Эшленд, Скелет Паттерсон, Джек О'Нийл и еще с полдюжины других.

Я опустил скунса на стойку, и он сразу же двинулся к ребятам, будто ему не терпелось с ними подружиться.

А они как его увидели, так сразу нырнули под табуреты и столы. Чарли схватил бутылку за горлышко и попятился в угол.

— Эйса, — заорал он, — сейчас же убери эту пакость!

— Да ты не волнуйся, — сказал я, — этот клиент не скандальный.

— Скандальный или не скандальный, проваливай отсюда с ним вместе!

— Убери его ко всем чертям! — хором подхватили посетители.

Я на них здорово разозлился. Подумать только, так лезть в бутылку из-за ласкового скунса!

Все же я смекнул, что их не переспоришь, подхватил скунса на руки и отнес к Бетси. Я нашел куль из рогожи,

сделал скунсу подстилку и велел сидеть на месте, никуда не отлучаться – мол, скоро вернусь.

Задержался я дольше, чем рассчитывал, потому что пришлось рассказывать все подробности, а ребята задавали вопросы и сыпали шуточками, но никто не дал мне заплатить за выпивку – все подносили наперебой.

Выйдя оттуда, я не сразу увидел Бетси, а, увидев, не сразу подошел – пришлось с трудом прокладывать к ней курс. Времени на это ушло порядком, но, поворачивая по ветру то на один галс, то на другой, я в конце концов подобрался к ней вплотную.

Я с трудом попал внутрь, потому что дверца открывалась не так, как обычно, а войдя, не мог отыскать ключ. Наконец я все-таки нашел его, но тут же уронил на пол, а когда нагнулся, то растянулся ничком на сиденье. Там было страшно удобно, и я решил, что вставать вовсе глупо. Переночую здесь, и дело с концом!

Пока я лежал, у Бетси завелся мотор. Ха! Бетси надулась и хочет вернуться домой самовольно. Вот какая у меня машина! Ну чем не жена?

Она дала задний ход, развернулась и направилась к шоссе. У самого шоссе остановилась, поглядела, нет ли там движения, и выехала на магистраль, направляясь прямехонько домой.

Я нисколько не тревожился, знал, что могу положиться на Бетси. Мы с ней многое пережили вместе, и она была умницей, хотя прежде никогда не ходила домой самостоятельно.

Лежал я и удивлялся, как она раньше до этого не додумалась.

Нет на свете машины, которая ближе человеку, чем автомобиль. Человек начинает понимать свой автомобиль, а автомобиль приучается понимать человека, и со временем между ними возникает настоящая привязанность. Вот мне и показалось совершенно естественным, что настанет день, когда машине можно будет доверять точно так же, как лошади или собаке, и что хорошая машина должна быть такой же верной и преданной, как собака или лошадь.

Так я размышлял, и настроение у меня было отличное, а Бетси тем временем свернула с шоссе на проселок.

Но только мы остановились у моей лачуги, как позади раздался визг тормозов; я услышал, как открылась дверца чужого автомобиля и кто-то выпрыгнул на гравий.

Я попытался встать, но чуть замешкался, и этот кто-то рывком открыл дверцу, просунул руку, сгреб меня за шиворот и выволок из машины.

На неизвестном была форма государственного дорожного инспектора, второй инспектор стоял чуть подальше, а рядом с ним торчал полицейский автомобиль с красной мигалкой. Я просто диву дался, как это не заметил, что они за нами гонятся, но тут же вспомнил, что всю дорогу лежал пластом.

— Кто вел машину? — рявкнул тот фараон, что держал меня за шиворот.

Не успел я рта раскрыть, как второй фараон заглянул в Бетси и проворно отскочил шагов на десять.

— Слейд! — взвыл он, — Там внутри скунс!

— Не хочешь ли ты сказать, что скунс сидел за рулем? — осведомился Слейд.

Второй возразил:

– Скунс по крайней мере трезв.

– Оставьте-ка скунса в покое, – сказал я им, – это мой друг. Он никому не причинил зла.

Я шарахнулся в сторону, рука Слейда выпустила мой воротник, и я метнулся к Бетси, ударился грудью о сиденье, вцепился в руль и попытался втиснуться внутрь.

Внезапно взревев, Бетси сама завелась, из-под ее колес вылетел гравий и пулеметной очередью ударил в полицейский автомобиль. Бетси устремилась вперед и, пробив изгородь, вырвалась на шоссе. Она со всего размаха врезалась в заросли сирени, и я вывалился на ходу, а машина понеслась дальше.

Я лежал, увязнув в кустах сирени, и следил, как Бетси выходит на большую дорогу. «Она старалась, как могла, – утешал я сам себя. – Она пыталась выручить меня, и не ее вина, что я не усидел за рулем. А теперь ей надо сматываться. И у нее это, видно, неплохо выходит. А ревет-то как – словно внутри у нее двигатель от линкора».

Инспекторы вскочили в автомобиль и пустились в погоню, а я стал соображать, как бы выпутаться из сирени.

В конце концов я оттуда выбрался, подошел к парадному крыльцу хижины и уселся на ступеньках. Тут вспомнил про изгородь и решил, что чинить ее все равно не стоит – проще пустить на растопку.

За Бетси я не очень беспокоился – был уверен, что она не даст себя в обиду.

В этом-то я был прав, потому что немного погодя автоинспекторы вернулись и поставили свою машину на подъездной дорожке. Они заметили, что я сижу на ступеньках, и подошли ко мне.

– А где Бетси? – спросил я.

– Бетси? А фамилия? – ответил Слейд вопросом на вопрос.

– Бетси – это машина, – пояснил я.

Слейд выругался.

– Удрала. Идет с незажженными фарами, делает сто миль в час. Я не я, если она ни во что не врежется.

На это я только головой покачал.

– С Бетси ничего такого не случится. Она знает все дороги на пятьдесят миль в окружности.

Слейд решил, что я над ним просто насмехаюсь, схватил меня и, встряхнув для острастки, поднял на ноги.

– Ты за это ответишь. – Он толкнул меня к другому инспектору, а тот поймал меня на лету. – Кидай его на заднее сиденье, Эрни, и поехали.

Похоже было, что Эрни не так бесится, как Слейд. Он сказал:

– Сюда, папаша.

Втащив меня в машину, они больше не желали со мной знаться. Я ехал с Эрни на заднем сиденье, а Слейд сидел за рулем. Не проехали мы и мили, как я задремал.

Когда я проснулся, мы как раз въезжали на стоянку у полицейского управления. Я вылез из машины и хотел было пойти сам, но они подхватили меня с двух сторон и поволокли силком.

Мы вошли в помещение вроде кабинета, с письменным столом, стульями и скамьей. За столом сидел какой-то человек.

– Что там у вас? – спросил он.

– Будь я проклят, если сам знаю, – ответил Слейд, злой как черт. – Боюсь, вы нам не поверите, капитан.

Эрни подвел меня к стулу и усадил.

– Пойду принесу тебе кофе, папаша. Нам надо с тобой потолковать. Желательно, чтобы ты протрезвел.

Я подумал, что с его стороны это очень мило.

Я вволю напился кофе, в глазах прояснилось, и все кругом перестало плясать и двоиться – я имею в виду мебель. Хуже было, когда я принялся соображать. То, что прежде само собой разумелось, теперь показалось очень странным. Например, как это Бетси сама отправилась домой.

В конце концов меня подвели к столу, и капитан засыпал меня вопросами о том, кто я такой, когда родился и где проживаю, но постепенно мы подошли к тому, что было у них на уме.

Я не стал ничего скрывать – рассказал о реактивных самолетах, о скурсах и о своем разговоре с полковником, рассказал о собаках, о ласковом скурсе и о том, как Бетси разобиделась и пошла домой самовольно.

– Скажите-ка, мистер Бейлз, – спросил капитан, – вы не механик? Я знаю, вы говорили, что работаете поденно и перебиваетесь случайным заработком. Но я хочу выяснить, может, вы со своей машиной что-нибудь намудрили.

– Капитан, – ответил я честно, – да я не знаю, с какого конца берутся за гаечный ключ.

– Вы, значит, никогда не работали над своей Бетси?

– Просто ухаживал за ней на совесть.

– А кто-нибудь еще над ней работал?

– Да я бы к ней никого и на пушечный выстрел не пустил.

– В таком случае не можете ли вы объяснить, как это машина движется сама по себе?

– Нет, сэр. Но ведь Бетси умница...

– Вы точно помните, что не сидели за рулем?

– Конечно, нет. Мне казалось нормальным, что Бетси сама везет меня домой.

Капитан в сердцах швырнул на стол карандаш.

– Сдаюсь!

Он встал из-за стола.

– Пойду сварю еще кофе, – сказал он Слейду.

Может быть, у вас лучше получится.

– Еще одно, – обратился Эрни к Слейду, когда капитан хлопнул дверью. – Этот скунс...

– При чем тут скунс?

– Скунсы не виляют хвостом, – заявил Эрни, – и не мурлыкают.

– Этот скунс проделывал то и другое, – саркастически заметил Слейд. – Это был особенный скунс. Не скунс, а диво – хвост колечком. Кстати, скунс действительно ни при чем, его только прокатали.

Мне было здорово не по себе, и я спросил:

– Не найдется ли у вас рюмашечки, а?

– Конечно, – ответил Эрни. Он подошел к шкафчику в углу и вынул оттуда бутылку.

Через окно я увидел, что восток начал светлеть. Скоро рассвет.

Зазвонил телефон. Слейд снял трубку.

Эрни подал мне знак, и я подошел к нему, вернее, к шкафчику. Эрни вручил мне бутылку.

– Только не увлекайся, капитан, – посоветовал он. – Ты ведь не хочешь снова перебраться, правда?

Я и не увлекался – высосал стакана полтора, и все.

Слейд заорал:

– Эй!

– Что случилось? – спросил Эрни и отнял у меня бутылку – не то чтобы силой, но вроде того.

– Какой-то фермер обнаружил машину, – сказал Слейд.
– Она обстреляла его собаку.

– Она... что собаку? – с запинкой переспросил Эрни.

– Так утверждает этот малый. Он выгнал коров. Было раннее утро. Он собирался на рыбалку и хотел заблаговременно сделать кое-что по хозяйству. В конце узкого тупичка, между тремя изгородями, он увидел машину и решил, что ее здесь бросили.

– А что там насчет стрельбы?

– Вот слушай. Собака подбежала к машине и облаяла ее, но вдруг из машины вырвалась большая искра, и пса сбило с ног. Он встал и давай удирать, а машина пустила вдогонку ему вторую искру и угодила псу прямо в ногу. Этот малый говорит, что у пса вскочили волдыри.

Слейд взял курс на дверь.

– Ну, вы там, поторапливайтесь!

– Ты нам, может, понадобится, папаша, – сказал Эрни.

Мы выбежали на улицу и прыгнули в машину.

– Где находится эта ферма? – спросил Эрни.

– Западнее воздушной базы, – ответил Слейд.

Фермер поджидал нас на лавочке у ворот скотного двора. Когда Слейд затормозил, он вскочил на ноги и доложил:

– Машина еще там, я с нее глаз не спускаю. Оттуда никто не выходил.

– А она не может оттуда выбраться другим путем?

– Никак – кругом леса да поля. Это тупик.

Слейд удовлетворенно хмыкнул. Он отвел полицейскую машину к началу проулка и развернул ее, надежно перегородив проезд, и заявил:

– Отсюда дойдем на своих двоих.

– Сразу за тем вон поворотом, – показал фермер.

Мы зашли за поворот и увидели, что там стоит Бетси.

– Это моя машина, – сказал я.

– Давайте рассредоточимся, – предложил Слейд. – С нее станется и нас обстрелять.

Он расстегнул кобуру пистолета.

– Не вздумайте палить по моей машине, – предупредил я, но он и бровью не повел.

Мы все четверо рассредоточились и стали подкрадываться к Бетси. Чудно было, что мы ведем себя, будто она нам враг и надо захватить ее врасплох.

Вид у нее был такой же, как всегда, – обыкновенная развалюшка дешевой марки, но очень умная и преданная. И я все вспоминал: куда она только меня не возила, а ведь всегда привозила домой.

И вдруг она нас атаковала – стояла-то носом к тупику, и пришлось дать задний ход, но это не помешало ей напасть на нас.

Она слегка подпрыгнула и покатила к нам полным ходом, с каждой секундой все увеличивая скорость, а я увидел, что Слейд выхватил пистолет.

Я выскочил на середину проулка и замахал руками. Не доверял я этому Слейду. Я боялся, что, если Бетси не подчинится, он изрешетит ее пулями.

А Бетси и не собиралась останавливаться. Она надвигалась на нас, и притом гораздо быстрее, чем положено такой старой колымаге.

– С дороги, кретин! – завопил Эрни. – Она тебя сшибет!

Я отскочил в сторону, но при этом не больно старался. Я подумал: «Если уж до того дошло, что Бетси хочет сшибить меня, то стоит ли тогда жить на свете?»

Я споткнулся и растянулся ничком, но, падая, заметил, что Бетси оторвалась от земли, точно собиралась через меня перепрыгнуть. И сразу смекнул, что уж мне-то ничего не угрожает – у Бетси и в мыслях не было наехать на меня.

А Бетси поплыла прямиком в небо; колеса у нее все еще крутились, будто она взбиралась задним ходом на невидимый крутой холм.

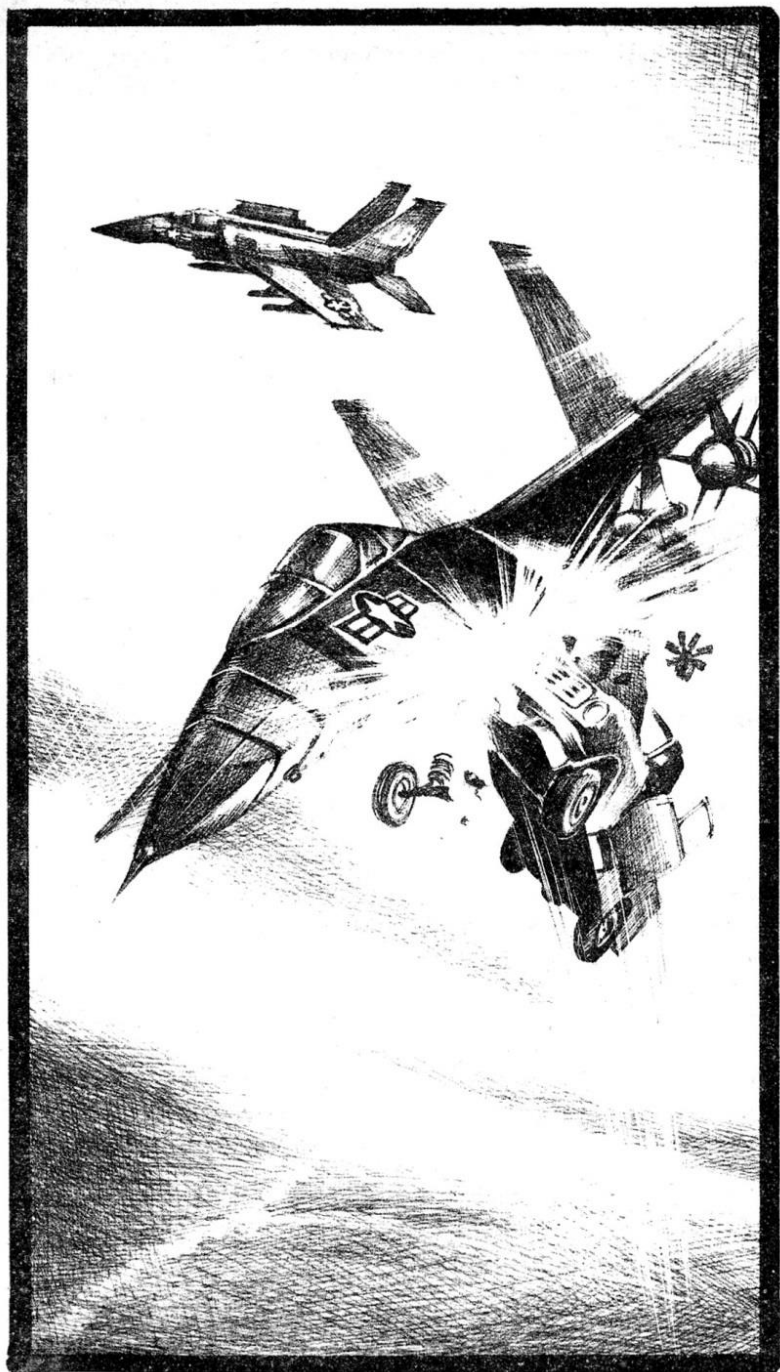
Я перевернулся на спину, сел и давай глядеть на нее, а поглядеть было на что, это уж поверьте. Она летела точь-в-точь как самолет. Я просто черт знает как гордился ею.

Слейд стоял разинув рот, опустив руку с пистолетом. Ему и в голову не пришло стрелять. Скорее всего, он вообще забыл, что у него есть пистолет.

Бетси взмыла над верхушками деревьев и вся засияла, засверкала под солнцем – двух недель не прошло с тех пор, как я ее драил, – и я подумал, до чего же это здорово, что она научилась летать.

Тут я увидел реактивный самолет и хотел крикнуть Бетси, чтоб побереглась, но во рту у меня пересохло, будто туда квасцов насыпали, – я онемел.

Наверное, все это длилось с секунду, но мне казалось,

будто они летят уже целую вечность, – в небе повисла Бетси и повис самолет, и я знал, что катастрофы не миновать.

Потом по всему небу разлетелись куски металла, а реактивный самолет задымился и пошел на посадку влево, в сторону кукурузного поля.

Я сидел посреди дороги – руки-ноги стали прямо ватные – и глаз не сводил с кусков, которые еще недавно были моей Бетси. У меня на душе кошки скребли, сердце кровью обливалось от такого зрелища.

Обломки машины с грохотом падали на землю, но один кусок спускался не так стремительно, как остальные. Он как будто планировал.

Я все следил за ним и недоумевал, с чего это он планирует, когда остальные куски давно упали, и вдруг заметил, что это крыло машины и что оно болтается вверх-вниз, словно тоже хочет упасть, но кто-то ему мешает.

Крыло спланировало на землю у опушки леса. Оно легко опустилось, покачалось и осело на бок. А когда оно оседало, из него что-то выскочило. Это «что-то» встряхнулось и вприпрыжку умчалось в лес.

Ласковый скунс!

К этому времени все метались как угорелые. Эрни бежал к фермерскому дому – звонить на воздушную базу насчет самолета, а Слейд с фермером мчались на кукурузное поле, где самолет пропахал в кукурузе такую межу, что там прошел бы и танковый дивизион.

Я встал и подошел к тому месту, где, как я приметил, упали куски. Кое-что я нашел – фару (даже стекло на ней не разбилось), искореженное и перекрученное колесо, ме-

таллическую решетку с радиатора. Я понимал, что это все без толку. Никто уж никогда не соберет Бетси заново.

И вот стоял я с куском хромированного металла в руке и думал о том, как славно мы с Бетси, бывало, проводили время, — как она возила меня в кабачок и терпеливо дожидалась, когда мне захочется домой, и как мы уезжали на рыбалку и вдвоем съедали там походный ужин, и как осенью подавались к северу охотиться на оленей.

Пока я там стоял, с кукурузного поля вернулись Слейд и фермер, а между ними плелся летчик. У него был очумелый вид, ноги подгибались, и он просто висел на своих спутниках. Глаза у него остекленели, язык заплетался.

Дойдя до проулка, они перестали поддерживать летчика, и тот тяжело опустился наземь.

— Какого черта, — только и спросил он, — неужто стали выпускать летающие автомобили?

Никто ему не ответил. Зато Слейд накинулся на меня:

— Эй, папаша! Оставь в покое обломки! Не смей к ним прикасаться!

— У меня есть полное право к ним прикасаться, — возразил я. — Это моя машина.

— Ничего не трогай! Здесь что-то нечисто. Эта рухлядь, возможно, покажет, в чем дело, если к ней никто не сунется раньше времени.

Бросил я решетку от радиатора и вернулся в проулок.

Мы все четверо расселись рядком и стали ждать. Летчик, видимо, пришел в себя. Ему рассекло кожу над глазом, и на лице запеклась кровь, но в общем-то он был целехонек, даже попросил сигарету, и Слейд дал ему закурить и поднес огонек.

Мы слышали, как в начале проулка Эрни задним ходом вывел полицейскую машину из тупичка. Вскорости он подошел к нам.

– Сейчас будут.

Он сел рядом с нами. О том, что произошло, мы и словом не обмолвились – по-моему, все боялись об этом говорить.

Не прошло и четверти часа, как нагрянула вся воздушная база. Сначала появилась санитарная машина; туда погрузили летчика, и она отъехала, вздымая клубы пыли.

Вслед за санитарной машиной подъехали пожарные, а за ними – джип с самим полковником. За полковничьим потянулись другие джипы и три-четыре грузовика – все машины были битком набиты солдатами. Мы и глазом моргнуть не успели, как они наводнили всю округу.

Полковник сразу побагровел, – видно, расстроился. Оно и понятно: где это видано, чтобы самолет в воздухе налетал на автомобиль?

Громко топая, полковник подошел к Слейду и наорал на него, а Слейд в ответ тоже заорал, и я удивился, с чего это они так взъелись друг на дружку, но оказалось – ничего подобного. Просто такие уж у них голоса, когда они волновались.

Кругом все бегали и сустились и тоже орали, но это продолжалось недолго. Прежде чем полковник и Слейд перестали шуметь, набежало полным-полно солдат, и инициатива перешла к военно-воздушным силам.

Окончив разговор со Слейдом, полковник подошел ко мне.

– Итак, машина была ваша, – сказал он таким тоном, будто я во всем виноват.

– Да, моя, и я стребую с вас убытки по суду. Машина была первый сорт.

Полковник вперился в меня так, словно хотел убить на месте, и вдруг узнал.

– Постойте-ка, – сказал он. – Это не вы у меня на днях были?

– Точно. Я еще рассказывал вам о своих скунсах. Один из них как раз сидел сейчас в старушке Бетси.

– Валяйте дальше, приятель, – сказал полковник. – До меня что-то туго доходит. Только не травите.

– Старушка Бетси – это машина, – объяснил я, – и в ней сидел скунс. Когда в нее врезался ваш самолет, скунс приземлился на крыле от машины.

– Вы хотите сказать, что скунс... крыло... что...

– Он вроде бы спланировал, – докончил я.

– Капрал, – обратился полковник к Слейду, – что там у него на счету?

– Да только езда в пьяном виде, – ответил Слейд. – Пустяки.

– Я хотел бы взять его с собой на базу.

– Буду вам очень признателен, – неуверенным голосом ответил Слейд.

– В таком случае пошли, – сказал полковник, и я последовал за ним к джипу.

Мы расположились на заднем сиденье, а машину вел солдат – шпарил как на пожар. Мы с полковником особенно не разговаривали, а только зубы стискивали и надеялись, что доберемся живыми. Так по крайней мере было со мной.

Там, на базе, полковник сел за свой письменный стол, жестом приказал мне занять кресло. Потом откинулся на спинку стула и давай меня изучать. Счастье, что ничего плохого я не сделал, иначе под его взглядом я бы, пожалуй, не выдержал и раскололся.

— Вы тут много чего наговорили, — начал полковник. — Устраивайтесь-ка поудобнее и расскажите все с самого начала, не пропуская ни единой мелочи.

Я стал рассказывать ему все как есть и пустился во всякие подробности, чтобы втолковать ему мою точку зрения, а он ничего, не перебивал, только сидел и слушал. Ни разу еще мне не попадался такой хороший слушатель.

Когда я выложил все до конца, он нашарил на столе блокнот и карандаш.

— Давайте-ка зафиксируем основные выводы, — сказал он. — Вы утверждаете, что раньше машина никогда не совершала самовольных действий?

— Насколько я знаю, не совершала, — ответил я как на духу. — Но, конечно, она могла тренироваться в мое отсутствие.

— И никогда до сих пор не летала?

Я покачал головой.

— А когда она стала проделывать то и другое, в ней находился этот ваш скунс?

— Совершенно верно.

— И вы утверждаете, что после катастрофы скунс спланировал, сидя на крыле машины?

— Крыло перевернулось, а скунс убежал в лес.

— Вам не кажется странным, что крыло планировало, тогда как остальные обломки просто грохнулись оземь?

Я согласился, что это и вправду чудно.

– Теперь о скунсе. Вы утверждаете, что он мурлыкал?

– Еще как! Любо-дорого было слушать!

– И вилял хвостом?

– Прямо как собака.

Полковник отодвинул блокнот, откинулся на спинку стула и сложил руки на груди, точно обнял себя за плечи.

– По личному опыту, накопленному в детстве при ловле скунсов в капканы, могу вам сообщить, что скунсы не мурлыкают и никогда не виляют хвостом.

– Я знаю, что у вас на уме, – объявил я, озлившись, – но не так уж я был пьян – сделал глоток-другой, чтобы скоротать время, покуда появится самолет. Но я видел скунса своими глазами, знаю, что это был именно скунс, и помню, как он мурлыкал. Ласковый был, будто я ему понравился, и он...

– Ну ладно, – сказал полковник. – Ладно.

Сидели мы и смотрели друг на друга. Ни с того ни с сего он ухмыльнулся.

– А знаете, – сказал он, – я вдруг понял, что мне нужен адъютант.

– Желающих нет, – ответил я упрямо. – Вы меня и на четверть мили не подтащите к реактивному самолету. Хоть вяжите по рукам и ногам.

– Вольнонаемный адъютант. Триста долларов в месяц и полное обеспечение.

– Всю жизнь мечтал толкаться среди военных.

– И выпивки сколько влезет.

– Где надо расписаться? – спросил я.

Вот так-то я и стал адъютантом полковника.

Я подумал, что у него шарики за ролики заехали, да и сейчас так думаю. Для него все сложилось бы куда лучше, если бы он тогда же вышел в отставку. Но он носился со своей идеей и был из числа тех азартных дураков, что играют ва-банк.

Мы с ним уживались как нельзя лучше, но временами кое в чем расходились. Началось все с дурацкого требования, чтобы я не отлучался с базы. Я устроил скандал, но полковник уперся.

— Ты выйдешь за ворота, распустишь слюни и начнешь трепаться, — твердил он. — А мне надо, чтобы ты прикусил язык и держал его за зубами. Как по-твоему, для чего я тебя взял на службу?

Жилось мне не так уж плохо: забот и в помине не было, просто пальцем не шевелил — никакой работы с меня никто не спрашивал, жратва была сносная, комнату с постелью дали, и полковник сдержал слово насчет выпивки.

Несколько суток я полковника вовсе не видел. В один прекрасный день забежал к нему поздороваться. Только я на порог, как входит сержант с пачкой бумаг в руке. И будто сам не свой.

— Вот рапорт о том автомобиле, сэр, — доложил он.

Полковник взял бумаги и перевернул несколько листов.

— Сержант, я ничего не понимаю.

— И я тоже, сэр.

— Ну вот это, например, что? — спросил полковник и ткнул пальцем.

— Вычислительное устройство, сэр.

— В автомобилях не бывает вычислительных устройств.

– Вот именно, сэр, то же и я говорю. Но мы нашли место, где оно было укреплено на моторе.

– Укреплено? Приварено?

– Ну, не совсем приварено. Оно вроде бы стало частью мотора, как будто их отлили вместе – там не было никаких следов сварки.

– А вы уверены, что это вычислительное устройство?

– Так утверждает Коннели, сэр. Он на вычислительных машинах собаку съел, однако таких еще не видывал. Он говорит, что это устройство работает по совершенно иному принципу, и полагает, что этот принцип очень толковый. Он говорит...

– Продолжайте! – гаркнул полковник.

– Он говорит, что по мощности это устройство в тысячу раз превосходит лучшие наши вычислительные машины, и будто, даже не обладая буйной фантазией, можно назвать это устройство разумным.

– Что вы понимаете под словом «разумный»?

– Вот Коннели уверяет, что такая штука, возможно, умеет самостоятельно мыслить.

– О, Господи! – только и выговорил полковник.

Он посидел с минуту, словно о чем-то задумался. Потом перевернул страницу и ткнул в другое место.

– А это другой блок, сэр, – сказал сержант, – чертеж блока. Что за блок – не известно.

– Не известно!

– Мы никогда ничего подобного не видели, сэр. Мы понятия не имеем, какое у него назначение. Он был связан с трансмиссией, сэр.

– А это?

– Результаты химического анализа бензина. С бензином что-то странное, сэр. Мы нашли бак, весь искореженный и на себя не похожий, но там еще оставался бензин. Он не...

– Но с какой стати вам вздумалось делать анализ?

– Да ведь это не бензин, сэр, а что-то другое. Раньше был бензин, но он изменился, сэр.

– У вас все, сержант?

Сержанту, как я видел, становилось жарко.

– Нет, сэр, есть еще кое-что. В рапорте все изложено, сэр. Нам удалось найти большую часть обломков, сэр. Отсутствует лишь несколько мелких деталей. В настоящее время мы работаем над сборкой.

– Сборкой...

– Может, вернее назвать это склейкой, сэр...

– Машина не будет ходить?

– Навряд ли, сэр. Ее здорово покалечило. Но если бы ее удалось собрать целиком, это был бы лучший автомобиль в мире. Судя по спидометру, машина прошла 80000 миль, но состояние такое, будто она только вчера с завода. К тому же она сделана из таких сплавов, что мы просто диву даемся.

Сержант помолчал некоторое время, потом продолжил:

– Осмелюсь доложить, сэр, тут дело нечисто.

– Да, да, – сказал полковник. – Вы свободны, сержант. Еще как нечисто!

Сержант повернулся кругом.

– Минуточку, – окликнул его полковник.

– Есть, сэр.

– Мне очень жаль, сержант, но вам и всему подразде-

лению, прикомандированному к машине, не разрешается покидать территорию базы. Я не могу допустить утечки информации. Сообщите своим людям. Если кто-нибудь пикнет, я с ним живо расправлюсь.

— Есть, сэр, — сказал сержант и вежливо козырнул, но вид у него был такой, словно он сейчас полковнику глотку перережет.

Когда сержант вышел, полковник сказал мне:

— Эйса, если ты что-то знаешь и молчишь, а потом это выплывет наружу и я окажусь в дураках, то я сверну твою тощую шею.

— Чтоб мне провалиться, — сказал я.

Он как-то чудно на меня посмотрел.

— Тебе известно, что это за скунс?

Я покачал головой.

— Это вовсе не скунс, — сказал он. — И мы обязаны выяснить, кто же это.

— Но ведь его здесь нет. Он убежал в лес.

— Его можно поймать.

— Это мы-то вдвоем?

— Зачем вдвоем? На базе две тысячи солдат.

— Но...

— Ты думаешь, им не очень-то по вкусу ловить скунса?

— Примерно так. Может, они и пойдут в лес, но сделают все, чтобы не найти скунса, ни за что не станут ловить.

— Станут как миленькие, если пообещать вознаграждение. Пять тысяч долларов.

Я посмотрел на него так, словно он окончательно спятил.

— Поверь, — сказал полковник, — он того стоит. Всех этих денег, до последнего цента.

Я же говорю, свихнулся человек.

В облаву на скунса я не пошел — знал, как мало шансов найти его. К этому времени он мог выбраться за пределы штата или залезть в такую нору, где его и днем с огнем не сыщешь.

Да и ни к чему мне было пять тысяч долларов. Я получал хороший оклад и пил вволю.

На другой день я зашел к полковнику покалякать. У него был крупный разговор с военным врачом.

— Вы обязаны отменить свой приказ! — разорвался костоправ.

— Не могу я его отменить! — орал полковник. — Мне необходимо это животное!

— Вы когда-нибудь видели, чтобы скунсов ловили голыми руками?

— Нет, никогда.

— У меня уже одиннадцать штук, — сказал костоправ. — Больше я не потерплю.

— Капитан, — ответил полковник, — прежде чем все это кончится, у вас будет гораздо больше одиннадцати скунсов.

— Значит, вы не отмените приказ, сэр?

— Нет.

— В таком случае я сам прекращу это безобразие!

— Капитан! — свирепо произнес полковник.

— Вы невменяемы, — заявил костоправ. — Никакой военный трибунал...

– Капитан!

Но капитан ничего не ответил. Он повернулся кругом и вышел.

Полковник взглянул на меня и сказал:

– Иной раз приходится тяжко.

Я понял, что надо срочно найти этого скунса, иначе полковника смешают с грязью.

– А все-таки я в толк не возьму, – сказал я, – на кой черт вам сдался этот зверь. Обыкновенный скунс, разве что мурлыкать умеет.

Полковник уселся за стол, стиснул голову руками и простонал:

– О, Господи! До чего же тупы люди!

– Это-то да, – не отставал я, – но все-таки непонятно...

– Сам посуди, – сказал полковник. – Кто-то копался в твоей машине. Ты же утверждаешь, что это не твоя работа, и что не подпустил бы к машине никого другого. Ребята, которые исследовали обломки, заявляют, что в машине есть такие премудрые устройства, до каких у нас еще никто не додумался.

– Если вы думаете, что этот скунс...

Полковник стукнул кулаком по столу.

– Да какой там скунс? Нечто, *похожее* на скунса! Нечто, смыслящее в машинах побольше твоего, моего, да и вообще больше, чем будет когда-нибудь смыслить человек!

– Но у него и рук-то нет. Как, по-вашему, он мог сотворить то, что вы думаете?

Но он не успел мне ответить.

С треском распахнулась дверь, и ввалились двое солдат

из караулки. Им было не до того, чтобы приветствовать полковника по всей форме.

– Господин полковник, – сказал один из них, переводя дух. – Господин полковник, нашли. Даже не пришлось его ловить: мы свистнули, и он пошел за нами следом.

За ними, виляя хвостом и мурлыча, вошел скунс, сразу подбежал ко мне и стал тереться о мои ноги. Когда я наклонился и взял его на руки, он замурлыкал так громко, что я побоялся, не взорвется ли.

– Он самый? – спросил меня полковник.

– Он и есть, – подтвердил я.

Полковник схватил телефонную трубку.

– Соедините меня с Вашингтоном!.. Пентагон? Мне нужен генерал Сандерс.

И махнул нам рукой.

– Вон отсюда!

– Но, господин полковник, вознаграждение...

– Получите! А теперь убирайтесь!

Вид у него был, как у человека, которому только сейчас объявили, что его не расстреляют на рассвете.

Мы повернулись через правое плечо и вышли из кабинета.

У двери с винтовками в руках топтались четыре субъекта устрашающего вида, типичные техасские гангстеры.

– Ты на нас не обращай внимания, друг, – сказал мне один из них. – Мы всего-навсего твои телохранители.

Это и вправду были мои телохранители. Ни на шаг от меня не отставали – куда я, туда и они. И с нами ходил скунс, поэтому они ко мне и прилипли. Вообще-то я им был до лампочки – это скунса надо было охранять.

А скунс привязался ко мне – клещами не оторвешь. Он шел за мной по пятам и шмыгал между ботинками, но по большей части ему хотелось, чтобы я таскал его на руках или сажал себе на плечо. И он все время мурлыкал – то ли смекнул, что я ему настоящий друг, то ли считал меня простофилей.

Жить стало трудновато. Скунс спал вместе со мной, и в моей комнате ночевали все четыре охранника. В отхожее место я шел со скунсом и одним охранником, а остальные трое околачивались поблизости. Я ни на миг не оставался один. Я говорил, что это непорядочно, что это неконституционно – ничего не помогало.

Деться было некуда. Охранников было двенадцать штук, и работали они в три смены, по восемь часов каждая.

Несколько дней я не видел полковника и подумал, что это странно: раньше он себе места не мог найти, пока не заполучит скунса, а теперь ему до скунса и дела нет.

А я тем временем пораскинул умом насчет того, что говорил полковник о скунсе: будто это и не скунс вовсе, а Существо, по виду схожее со скунсом, и будто оно знает о чем-то побольше нашего. И чем дольше я об этом думал, тем больше верил в то, что полковник, пожалуй, прав. Но все-таки казалось невероятным, чтобы какая-то безрукая тварь разбиралась в машинах, не говоря уж о том, чтобы мудрить с ними.

Но тут я вспомнил, как мы с Бетси всегда понимали друг друга, и, более того, представил себе, что человек и машина сближаются настолько, что могут друг с другом беседовать, и тогда человек, даже безрукий, может помочь

машине уллучиться. И хоть, когда говоришь это вслух, получается что-то вроде нелепицы, но в глубине души мне казалось, что так и должно быть, и как-то тепло становилось при мысли о том, что человек и машина могут стать закадычными друзьями.

Если на то пошло, не такая уж это нелепость.

Быть может, говорил я себе, когда я зашел в кабачок и оставил скунса в машине, то скунс оглядел ее и пожалел эту старую колымагу. Как мы с вами пожалели бы бездомную кошку или больную собаку. И, может быть, скунс тут же, на месте, решил починить ее, как умеет; с него стало бы и металлом разжиться где-нибудь, где не скоро хватятся, чтобы смастерить вычислитель и все эти хитроумные штучки.

Кто его знает, может, до него не доходило, хоть тресни, как это их не было в машине с самого начала. Может, он считал, что машина без этих штучек вообще не машина. А скорее всего подумал, что Бетси неисправна.

Охранники прозвали скунса Вонючкой, и это были враки, потому что от него ничуть не пахло — редко я встречал таких спокойных и воспитанных зверей. Я сказал охранникам, что это несправедливо, но они только ржали надо мной, и вскорости об этой кличке прознала вся база, и, куда бы мы ни шли, отовсюду кричали: «Эй, Вонючка!» Скунс, как видно, ничего не имел против, и я тоже в мыслях стал называть его Вонючкой.

Так я сам додумался, что Вонючка мог починить Бетси и почему он ее чинил. Но одного я никак не уразумел — откуда он вообще взялся? Думал я, думал, но так ничего и не надумал, кроме каких-то глупостей, и даже сам решил, что это уж слишком.

Разок-другой я заходил к полковнику, но сержанты и лейтенанты гнали меня в три шеи, и мы с ним так и не по-видались. Я обиделся и решил туда больше не соваться, пока он меня не позовет.

В один прекрасный день полковник меня позвал. Прихожу я и вижу: у него в кабинете полным-полно важных шишек. Полковник как раз переговаривался с каким-то старым, седым, свирепым старикашкой, у него был нос крючком, зубастая пасть и звезды на погонах.

– Генерал, – обратился к старикашке полковник, – разрешите представить вам ближайшего друга Вонючки.

Генерал подал мне руку. Вонючка помурлыкал ему, сидя на моем плече.

Генерал хорошенько взгляделся в Вонючку.

– Полковник, – сказал он, – от души надеюсь, что вы не заблуждаетесь. В противном случае, если когда-нибудь дойдет до огласки, военно-воздушные силы погибли. Армия и Флот будут потешаться над нами еще десятки лет, да и конгресс нам никогда не простит такого розыгрыша.

Полковник судорожно глотнул:

– Уверяю вас, сэр, я не заблуждаюсь.

– Не знаю, как это я дал себя уговорить, – разворчался генерал. – Более сумасбродный план и представить себе невозможно.

Он еще раз поглядел на Вонючку.

– По-моему, скунс как скунс, – заметил генерал.

Полковник представил меня группе других полковников и куче майоров, а с капитанами, если они там вообще были, возиться не стал, и все жали мне руку, а Вонючка им мурлыкал – получалось очень уютно.

Один из полковников подхватил Вонючку на руки, но тот стал отчаянно брыкаться и все рвался ко мне.

Генерал сказал:

– Кажется, он предпочитает именно ваше общество.

– Он мой друг, – объяснил я.

После ленча полковник с генералом зашли за мной и Вонючкой, и все мы отправились в ангар. Там навели порядок, и в ангаре стоял только один самолет, из новейших реактивных. Нас поджидала целая толпа – были и военные, но больше все спецы в гражданской одежде или в грубых бумажных комбинезонах. Некоторые держали в руках инструменты – так я считаю, – хотя эдаких диковин сроду не видывал. И всюду были понаставлены какие-то аппараты.

– А теперь, Эйса, – сказал полковник, – сядь в этот реактивный самолет вместе с Вонючкой.

– А чего там делать? – спросил я.

– Да просто посиди. Но только ничего не трогай, иначе ты нам все испортишь.

Мне показалось, что дело тут нечисто, и я заколебался.

– Не бойтесь, – успокоил меня генерал, – вам ничего не грозит. Входите смелей и усаживайтесь.

Так я и сделал, и получилось вовсе глупо. Я вскарабкался туда, где полагается сидеть пилоту, и уселся в его кресло: ну и местечко! Повсюду торчала всякая чертовщина, какие-то приборы и невиданные штучки. Я не смел шелохнуться, до того боялся их задеть – Бог его знает, что бы могло стрястись.

Вошел я, значит, уселся и некоторое время развлекался тем, что глазел на все эти диковины и гадал, для чего они служат, но почти ни разу не угадал.

В конце концов я осмотрел все в сотый раз и стал ломать себе голову, чем бы еще заняться, а делать было нечего – скущища смертная. Но тут я вспомнил, сколько денег заколачиваю, сколько дармовой выпивки получаю, и подумал, что ради всего этого можно просидеть любое кресло.

А Вонючка вообще не обратил ни на что внимания. Он пристроился у меня на коленях и заснул – так мне, во всяком случае, казалось. Он-то себя не утруждал, это уж точно. Лишь время от времени приоткрывал один глаз или поводил ухом, только и всего.

Поначалу я об этом не думал, но, когда посидел там час или около того, до меня вдруг дошло, зачем они затащили нас с Вонючкой в самолет. Они надеются, подумал я, что, если посадят в самолет Вонючку, он и этот самолет пожалеет и проделает с ним такую же штуку, как с Бетси. Но если они так полагают, то наверняка останутся в дураках: ведь Вонючка решительно ничего не стал делать, только свернулся клубочком и заснул.

Мы просидели несколько часов, а потом нам сказали, что можно вылезать.

Тут-то и закрутилась операция «Вонючка» – так они называли всю эту бодягу. Просто умора, каких только названий не выдумает военная авиация!

Это тянулось несколько дней. Утром мы с Вонючкой вставали, несколько часов сидели в самолете, делали перерыв на обед и возвращались еще на несколько часов. Вонючка как будто не возражал. Ему было все равно, где сидеть. Он только и делал, что сворачивался клубочком у меня на коленях и через пять минут уже дремал.

Насколько я мог судить, дело не двигалось ни на шаг, но с каждым днем генерал, полковник и спецы, что наводняли ангар, распалялись все больше и больше. Видно было, что им до смерти охота почесать языки, но они сдерживались.

Очевидно, работа не кончалась и после того, как мы с Вонючкой уходили. Каждый вечер в ангаре горел свет, спецы вкалывали вовсю, а вокруг них охраны было видимо-невидимо.

В один прекрасный день тот реактивный самолет, в котором мы сидели, выкатили из ангара, вместо него поставили другой, и все повторилось снова-здорово. Опять ничего не произошло. Однако атмосфера в этом ангаре до того накалилась, что, казалось, все вот-вот вспыхнет.

Ума не приложу, что там такое творилось.

Постепенно это состояние напряженности передавалось всей базе, и началось что-то совершенно невероятное. Вам и во сне не снилась воинская часть, которая бы так проворно пошевеливалась. Приехала бригада строителей и давай строить новые корпуса, а как только они были готовы, там разместили какие-то машины. Приезжали все новые и новые люди, и очень скоро база превратилась в расстроенный муравейник.

Однажды я вышел погулять (охранники тащились рядом) и увидел такое, что аж глаза выпучил – всю базу обносили четырехметровым забором, увенчанным колючей проволокой. А по эту сторону забора было столько охранников, что они чуть не наступали друг другу на пятки.

Вернулся я с прогулки перепуганный, потому что, судя

по всему, меня силком втянули в какое-то чересчур сложное и темное дело.

До сих пор я полагал, что речь идет только о полковнике, который слишком выслуживался перед начальством и теперь никак это не расхлебает. Все время я очень жалел полковника: ведь генерал, судя по его роже, был из тех типов, что позволяют водить себя за нос лишь до поры до времени, а потом раз – и к ногтю.

Примерно в то же время посреди одной из взлетных полос стали рыть огромный котлован. Как-то раз я подошел взглянуть на него и только диву дался. Была хорошая, ровная взлетная полоса, стоила больших денег, а теперь в ней роют яму – не иначе как хотят сделать бассейн для плавания. Я порасспросил кое-кого, но люди, к которым я обращался, то ли сами ничего не знали, то ли знали, да помалкивали.

А мы с Вонючкой все сидели в самолетах – теперь это был шестой по счету, – но ничто не менялось. Я сидел и скучал до одури, а Вонючка не унывал.

Как-то вечером полковник передал через сержанта, что хочет меня видеть.

Я вошел, сел и посадил Вонючку на письменный стол. Он разлегся на полированной крышке и стал переводить глаза с меня на полковника.

– Эйса, – сказал полковник, – по-моему, все идет хорошо.

– Вы хотите сказать, что добились своего?

– Мы добились неоспоримого преимущества в воздухе. Теперь мы опередили остальные страны на добрый десяток лет, если не на все сто, – в зависимости от того,

насколько нам удастся все освоить. Теперь нас никому не догнать.

– Но ведь Вонючка только и делал, что спал!

– Он только и делал, – сказал полковник, – что реконструировал каждый самолет. В ряде случаев он применял совершенно непонятные принципы, но голову даю на отсечение, что немного поводя мы их поймем. А в других случаях изменения были так просты и так очевидны, что просто удивительно, как это мы сами до них не додумались.

– Полковник, а кто такой Вонючка?

– Не знаю, – ответил он.

– Вы же что-то подозреваете.

– Безусловно. Но это только подозрение, не более. Мне страшно даже подумать об этом.

– Меня не так-то легко застращать.

Ну что ж, в таком случае... Вонючка не похож ни на что земное. Мне кажется, он с другой планеты, а может быть, даже из другой звездной системы. По-моему, он совершил к нам космический перелет. Как и зачем, не имею представления. Возможно, звездолет потерпел аварию, а Вонючка сел в спасательную ракету и прилетел на Землю.

– Но если у него была ракета...

– Мы прочесали каждый квадратный метр на много миль в окружности.

– И ничего не нашли?

– Ничего, – сказал полковник.

Переварить такую идею было трудновато, но я с этим справился. Затем подумал о другом.

— Полковник, — сказал я, — по вашим словам, Вонючка починил самолеты, и они стали даже лучше новых. Как же он мог это сделать, когда у него нет рук и он только спал и ни до чего ни разу не дотронулся?

— А как по-твоему? — спросил полковник, — Я выслушал уйму догадок. Из них только одна не совсем лишена смысла, да и то с натяжкой, — это телекинез.

Ну и словечко!

— А что это значит, полковник?

Этим словечком я собрался ошарашить ребят в кабачке, если когда-нибудь попаду туда снова, и хотел употребить его кстати.

— Передвижение предметов усилием мысли, — объяснил полковник.

— Да ведь он ничего не передвигал, — возразил я. — Все новые устройства в Бетси и в самолетах взялись прямо изнутри, никто ничего не вставлял.

— При телекинезе и это возможно.

Я задумчиво покачал головой.

— А мне все иначе мыслится.

— Валяй, — вздохнул полковник, — послушаем и твою теорию. Не понимаю, с какой стати ты должен быть исключением.

— По-моему, у Вонючки, если можно так выразиться, легкая рука на машины, — сказал я. — Знаете, как у некоторых людей бывает легкая рука на растения, а вот у него...

Полковник одарил меня долгим жестким взглядом из-под нахмуренных бровей, потом медленно склонил голову.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Новые узлы и детали никто не вставлял и не переставлял. Они выросли.

— Что-то в этом роде. Может быть, он умеет оживлять машины и все улучшает их, отращивая детали, чтобы машины стали счастливее и повысили свой к.п.д.

— В твоём изложении это звучит глупо, — проворчал полковник, — но вообще-то здесь намного больше смысла, чем во всех прочих рассуждениях. Человек работает с машинами — я говорю о настоящих машинах — всего лишь лет сто, от силы двести. Если поработать с ними десять тысяч или миллион лет, это покажется не таким уж глупым.

Мы долго молчали. Уже наступили сумерки, а мы оба все думали, и, наверное, об одном и том же. Думали о черной бездне, лежащей за пределами Земли, и о том, как Вонючка пересекал эту бездну. Пытались представить себе, из какого мира он прибыл, почему расстался со своим миром и что случилось с ним в черной бездне, что вынудило искать убежища на Земле.

И оба, наверное, думали о том, какая ирония судьбы занесла его на планету, где он похож на зверька, от которого все норуют держаться подальше.

— Чего я никак не пойму, — нарушил молчание полковник, — так это зачем ему такие хлопоты? Почему он это делает ради нас?

— Он это делает не ради нас, а ради самолетов, — ответил я. — Он их жалеет.

Дверь распахнулась, и, громко топая, вошел генерал. Он торжествовал. В комнате сгустилась тьма, и вряд ли он меня увидел.

— Разрешение получено! — радостно объявил он. — Корабль прибудет завтра. Пентагон не возражает.

– Генерал, – сказал полковник, – мы чересчур торопим события. Пора заложить какие-то основы для понимания самой сути. Мы ухватили то, что лежало на поверхности. Мы использовали этого зверька на всю катушку и получили колоссальную информацию.

– Но не ту, что нам нужна! – рявкнул генерал. – До сих пор мы занимались опытами. А вот информации по А-кораблю у нас нет. Вот что необходимо нам в первую очередь.

– Точно так же нам необходимо понять это существо, понять, каким образом оно все делает. Если бы с ним можно было побеседовать...

– Побеседовать! – генерал совсем взбесился.

– Да, побеседовать! – не испугался полковник. – Скунс все время мурлыкает. Может быть, это способ общения. Нашедшие его солдаты только свистнули, и он пошел за ними. Это было общение. Будь у нас хоть капля терпения...

– У нас нет времени на такую роскошь, как терпение, полковник.

– Генерал, нельзя же так – просто выжать его досуха. Он сделал для нас очень много. Отплатим же ему хоть чем-нибудь. Ведь он-то проявляет необычайное терпение – ждет, пока мы установим с ним контакт, и надеется, что когда-нибудь мы признаем в нем разумное существо!

Они орали друг на друга, и полковник, должно быть, позабыл о моем присутствии. Мне стало неудобно. Я протянул Вонючке руки, он прыгнул прямо ко мне. На цыпочках я прокрался через весь кабинет и незаметно вышел.

В ту ночь я лежал в постели, а Вонючка свернулся

клубком поверх одеяла у меня в ногах. В комнате сидели четыре охранника, тихие, как настороженные мыши.

Я поразмыслил над тем, что сказал генералу полковник, и сердце мое потянулось к Вонючке. Я вообразил, как было бы ужасно, если бы человека вдруг выкинули в мир скунсов, которым плевать на него, — им интересно разве только то, что он умеет рыть самые глубокие и гладкие норы, какие приходилось видеть скунсам, и делает это быстро. И вот человек должен вырыть столько нор, что скунсам некогда постараться понять этого человека, потолковать с ним или выручить его.

Лежал я, жалел Вонючку и убивался, что ничем не могу ему помочь. Тогда он полез ко мне по одеялу, забрался под простыню. Я высвободил руку и крепко прижал его к себе, а он мне тихонько замурлыкал. Так мы с ним и заснули.

На другой день появился А-корабль, последний из трех изготовленных, но все еще экспериментальный. На вид это было просто чудище, и мы стояли на порядочном расстоянии от цепи охранников и смотрели, как он, лихо маневрируя, садится торцом в заполненный водой котлован.

По трапу спустился экипаж корабля — свора наглых юнцов. За ними подъехала моторка.

Наутро мы отправились к кораблю. Я сидел в моторке вместе с генералом и полковником, и, пока лодка качалась у трапа, они опять успели разойтись во мнениях.

— Я по-прежнему считаю, что это рискованно, генерал, — сказал полковник. — Одно дело — баловаться с реактивными самолетами, совершенно другое — атомный корабль. Если Вонючке вздумается мудрить с реактором...

Не разжимая губ, генерал процедил:

– Приходится идти на риск.

Полковник пожал плечами и полез вверх по трапу. Генерал подал мне знак, и я тоже полез, а Вонючка сидел у меня на плече. За нами последовал генерал.

Раньше мы с Вонючкой сидели в самолетах вдвоем, но тут на борту оказалась еще бригада техников. Места хватало, а они ведь только так и могли выяснить, что делает Вонючка в часы своей работы. Как дошло до А-корабля, так им приспичило выяснить все доподлинно.

Я уселся в кресло пилота, Вонючка примостился у меня на коленях. Полковник побыл с нами, но вскоре ушел, и мы остались вдвоем.

Я нервничал. То, что полковник говорил генералу, показалось мне дельным. Но день прошел – ничего не случилось, и я стал склоняться к мысли, что полковник ошибся.

Так продолжалось четыре дня, и я притерпелся, перестал нервничать. На Вонючку можно положиться, твердил я себе. Он ничего не сделает нам во вред.

Техники держались бодро, с генеральской физиономии не сходила улыбка: судя по всему, Вонючка не обманул ничьих надежд.

На пятый день, когда мы плыли к кораблю, полковник сказал:

– Сегодня кончаем.

Я рад был это слышать.

Мы уже совсем было собрались сделать перерыв на обед, как вдруг все началось. Не скажу точно, как это вышло, но все перемешалось в голове. Будто бы кто-то за-

кричал, но на самом-то деле никто и рта не раскрыл. Я приподнялся в кресле и снова сел. Кто-то крикнул еще раз.

Я знал, что вот-вот случится что-то страшное. Я это нутром чуял, знал, что надо срочно уносить ноги с А-корабля. Меня охватил страх, безотчетный страх. Но сквозь этот страх и наперекор ему я помнил, что мне нельзя уйти. Я должен был остаться – за это мне платили деньги. Я вцепился в ручки кресла и против воли остался.

Вдруг я почувствовал панический ужас и тут уж ничего не мог поделать – справиться с ним не было сил. Я вскочил с кресла, уронив с колен Вонючку, добрался до двери, с трудом открыл ее и обернулся назад.

– Вонючка! – позвал я.

Я стал пересекать кабину, чтобы взять его на руки, но на полпути меня снова одолел такой страх, что я повернулся и стремглав помчался прочь, не разбирая дороги.

Я кубарем скатился по лестенке, а внизу слышался топот и вопли перепуганных людей. Тогда я понял, что мне не померещилось, и что я вовсе не трус, – что-то на самом деле было неладно.

Когда я добрался до люка, к нему уже хлынула толпа, и люди, толкаясь, бросились по трапу вниз. С берега выслали моторку. Кто-то спрыгнул с трапа в воду и пустился вплавь.

По полю к водному котловану наперегонки шпарили санитарные и пожарные машины, а над строениями, возведенными в честь операции, завывала сирена – истошно, словно кошка, которой наступили на хвост.

Я взгляделся в окружающих – у всех были напряженные, бледные лица, – и мне стало ясно, что все напуганы не меньше моего, но я почему-то не перетрусил пуще прежнего, а даже почти успокоился.

А люди все кувыркались вниз по трапу и плюхались в воду, и я твердо знаю, что если бы за ними кто-нибудь следил по хронометру, то были бы побиты все рекорды скоростных заплывов.

Я встал в очередь на выход, но опять вспомнил о Вонючке, вышел из очереди и бросился его спасать. Однако, когда я наполовину поднялся по лесенке, от моей храбрости и следа не осталось, и я не рискнул идти дальше. Смешнее всего, что не могу объяснить, отчего так струхнул.

Я в числе последних спустился по трапу и втиснулся в моторку, которая была так перегружена, что еле доползла до твердой земли.

Здесь вовсю суется военный врач, требуя, чтобы пловцов немедленно отправили на дезактивацию, повсюду метались и кричали люди, с незаглушенными моторами стояли пожарные машины и по-прежнему надрывалась сирена.

– Назад! – закричал кто-то. – Бегите! Все назад!

И все мы, конечно, разбежались, как стадо овец, которым явилось привидение.

Тут раздался неопиcуемый рев, и все мы обернулись.

Из котлована медленно поднимался атомный корабль. Под ним кипела и бурлила вода. Корабль взмыл в воздух плавно, грациозно, без единого толчка или сотрясения. Он взлетел прямо в небо, миг – и его не стало.

Внезапно я понял, что кругом мертвая тишина. Никто не смел пошевелиться. Все затаили дыхание, только стояли и глаз не сводили с неба. Сирена давно умолкла.

Я почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо. Это был генерал.

— А Вонючка? — спросил он.

— Не захотел пойти со мной, — ответил я, чувствуя себя последним подонком, — а вернуться за ним было страшно.

Генерал круто повернулся и взял курс на другой конец поля. Я кинулся за ним, сам не знаю зачем. Он перешел на бег, и я вприпрыжку понесся бок о бок с ним.

Мы ураганом ворвались в оперативный корпус и, перепрыгивая через ступеньки, взлетели по лестнице на станцию слежения.

Генерал рявкнул:

— Засекли?

— Да, сэр, в данный момент мы его ведем.

— Хорошо, — произнес генерал, тяжело дыша. — Прекрасно. Надо сбить его во что бы то ни стало. Сообщите курс.

— Прямо вверх, сэр. Он все еще идет вверх.

— Сколько прошел?

— Около пяти тысяч миль, сэр.

— Не может быть! — взревел генерал. — Он не может летать в космическом пространстве!

Он повернулся и наскочил на меня.

— Прочь с дороги!

Токая, он сбежал вниз по лестнице.

Я спустился вслед за ним, но, выйдя из здания, пошел в другую сторону. Я миновал административный корпус,

возле которого стоял полковник. Мне не хотелось останавливаться, но он меня окликнул и сказал:

– Хорошо получилось.

– Я старался увести его, – стал я оправдываться, – но он ни за что не шел.

– Еще бы. Как по-твоему, что нас вспугнуло?

Я перебрал в уме все как было и нашел только один ответ:

– Вонючка?

– Конечно. Он ждал, пока не завладеет чем-то вроде А-корабля и не переоборудует его для космического рейса. Но сначала ему надо было избавиться от нас, вот он нас и выгнал.

Над этим я тоже поразмыслил.

– Значит, он все-таки сродни скунсу.

– То есть? – покосился на меня полковник.

– Я все не мог смириться с тем, что его называют Вонючкой. Мне казалось, что это несправедливо: никакого запаха – и такое прозвище. Но, как видно, запах у него все-таки был – вы, наверное, сказали бы, что это запах мысли, – и настолько сильный, что все сбежали с корабля.

Полковник кивнул:

– Все равно я рад, что у него получилось.

Он уставился в небо.

– Я тоже, – сказал я.

Правда, я все же обиделся на Вонючку. Мог хотя бы попрощаться. На Земле у него не было друга лучше меня, и то, что он вытурил меня наравне со всеми остальными, казалось просто свинством.

Сейчас мне так не кажется.

Я по-прежнему не знаю, с какого конца берутся за гаечный ключ, но теперь у меня новая машина, купленная на те деньги, что я заработал на воздушной базе. Между прочим, эта машина умеет ездить сама собой, вернее, уметь-то умеет, но ездит только на тихих сельских дорогах. При оживленном уличном движении она начинает дрейфить. Где уж ей до старушки Бетси!

Впрочем, я мог бы исправить дело в два счета. Так я стал думать с тех пор, как моя новая машина перепрыгнула через поваленное дерево, лежащее поперек шоссе. Да, Вонючка оставил мне кое-что на память: я, например, любую машину могу сделать летающей. Только не желаю с этим связываться. Мне вовсе не хочется, чтобы со мной обращались так же, как с Вонючкой.

ДУРНОЙ ПРИМЕР

С некоторыми весьма щепетильными заданиями могут справиться только роботы – заданиями такого порядка, что их выполнение нельзя поручить ни одному человеческому существу...

Тобиас, сильно пошатываясь, брел по улице и размышлял о своей нелегкой жизни.

В карманах у него было пусто, и бармен Джо выдворил его из кабачка «Веселое ущелье», не дав как следует промочить горло, и теперь ему одна дорога – в пустую лачугу, которую он называл своим домом, а случись с ним что-нибудь, ни у кого даже не дрогнет сердце. И все потому, думал он, охваченный хмельной жалостью к себе, что он – бездельник и горький пьяница; просто диву даешься, как его вообще терпит город.

Смеркалось, но на улице еще былолюдно, и Тобиас про себя отметил, как старательно обходят его взглядом прохожие.

Так и должно быть, сказал он себе. Раз не хотят смотреть на него, значит, все в порядке. Им незачем его разглядывать. Пусть отворачиваются, если им так спокойнее.

Тобиас был позором города, постыдным пятном на его репутации, тяжким крестом его жителей, социальным злом. Тобиас был дурным примером. И таких, как он, здесь больше не было, потому что на маленькие городки всегда приходилось только по одному отщепенцу – даже двоим уже негде было развернуться.

Выписывая вензеля, Тобиас в унылом одиночестве

плелся по тротуару. Вдруг он увидел, что впереди, на углу, стоит Элмер Кларк, городской полицейский. Стоит и смотрит в его сторону. Но Тобиас не заподозрил в этом никакого подвоха. Элмер – славный парень. Элмер сообщает, что к чему. Тобиас остановился, немного подбрался, приосанился, затем нацелился на угол, где его поджидал Элмер, и без особых отклонений от курса поплыл в ту сторону. И прибыл к месту назначения.

– Тоуб, – сказал ему Элмер, – не подвезти ли тебя? Тут неподалеку моя машина.

Тобиас выпрямился с жалким достоинством забулдыги.

– Ни боже мой, – запротестовал он, джентльмен с головы до пят. – Не по мне это – доставлять вам столько хлопот. Премного благодарен.

Элмер улыбнулся.

– Ладно, ладно, успокойся. Но ты уверен, что доберешься до дома на своих двоих?

– О чем речь! – ответил Тобиас и припустил дальше.

Поначалу ему везло. Он благополучно протопал несколько кварталов.

Но на углу Третьей и Кленовой с ним приключилась беда: споткнувшись, он растянулся во весь рост на тротуаре перед самым носом у миссис Фробишер, которая стояла на крыльце своего дома, откуда ей было отлично видно, как он шлепнулся. Он не сомневался, что завтра же она не преминет расписать это позорное зрелище всем членам Дамского благотворительного общества. А те, презрительно поджав губы, будут потихоньку кудахтать между собой, мня себя святей святых. Ведь миссис Фробишер была для них образцом добродетели. Муж ее – банкир, а

сын – лучший игрок Милвилской футбольной команды, которая рассчитывала занять первое место в чемпионате, организованном Спортивной ассоциацией. Не удивительно, что это воспринималось всеми со смешанным чувством изумления и гордости: прошло немало лет с тех пор, как Милвилская футбольная команда в последний раз завоевала кубок ассоциации.

Тобиас поднялся на ноги, суетливо и неловко стряхнул с себя пыль и вырулил на угол Третьей и Дубовой, где уселся на низкую каменную ограду, которая тянулась перед фасадом баптистской церкви. Он знал, что пастор, выйдя из своего кабинета в полуподвале, непременно его увидит. А пастору, сказал он себе, это очень даже на пользу. Может, такая картина выведет его наконец из себя.

Тобиаса беспокоило, что в последнее время пастор относится к нему чересчур благодушно. Слишком уж гладко идут сейчас у пастора дела, и похоже, что он начинает обрастать жирком самодовольства: жена у него – председатель местного отделения Общества Дочерей Американской Революции, а у длинноногой дочки обнаружились недюжинные музыкальные способности.

Тобиас терпеливо сидел на ограде в ожидании пастора, как вдруг услышал шарканье чьих-то ног. Уже порядком стемнело, и, только когда прохожий приблизился, он разглядел, что это школьный уборщик Энди Донновэн.

Тобиас мысленно пристыдил себя – по такому характерному шарканью он должен был сразу догадаться, кто идет.

– Добрый вечер, Энди, – сказал он. – Что новенького?

Энди остановился и взглянул на него в упор, потом

пригладил свои поникшие усы и сплюнул на тротуар с таким видом, что, окажись поблизости посторонний наблюдатель, он расценил бы это как выражение глубочайшего отвращения.

– Если ты поджидаешь мистера Хэлворсена, – сказал Энди, – то попусту тратишь время. Его нет в городе.

– А я и не знал, – смутился Тобиас.

– Ты уже достаточно сегодня накуролесил, – ядовито сказал Энди. – Отправляйся-ка домой. Меня тут миссис Фробишер остановила, когда я недавно проходил мимо. Так вот, она считает, что нам необходимо наконец взяться за тебя всерьез.

– Миссис Фробишер – старая сплетница, – проворчал Тобиас, с трудом удерживаясь на ногах.

– Этого у нее не отнимешь, – согласился Энди, – но женщина она порядочная.

Он внезапно повернулся и зашаркал прочь, и казалось, будто передвигается он чуть быстрее, чем обычно.

Тобиас, покачиваясь, но, пожалуй, не так заметно, как раньше, заковылял в ту же сторону, что Энди, мучимый сомнениями и горьким чувством обиды.

Потому что он считал себя жертвой несправедливости.

Ну разве справедливо, что ему выпало быть таким вот пропойцей, когда из него могло бы получиться нечто совершенно иное? Когда по складу своей личности – этому сложному комплексу эмоций и желаний – он неудержимо стремился к чему-то другому?

Не для него – быть совестью этого городка, думал Тобиас. Он достоин лучшей участи, создан для более высокого призвания, мрачно икая, убеждал он себя.

Расстояние между домами постепенно увеличивалось, и они попадались все реже; тротуар кончился, и Тобиас, спотыкаясь, потащился по неасфальтированной дороге к своей лачуге, которая приютилась на самом краю города.

Она стояла на холмике над болотом, вблизи того места, где дорогу, по которой он сейчас шел, пересекало 49-е шоссе, и Тобиас подумал, что жить там – сущая благодать. Частенько он сиживал перед домиком, наблюдая за проносющимися мимо машинами.

Но в этот час на дороге было пустынно, над далекой рощицей всходила луна, и ее свет постепенно превращал сельский пейзаж в серебристо-черную гравюру.

Он продолжал свой путь, бесшумно погружая ноги в дорожную пыль, и порой до него доносился вскрик встревоженной птицы, а в воздухе тянуло дымком сжигаемых осенних листьев.

Какая здесь красота, подумал Тобиас, какая красота, но как же тут одиноко. Ну и что с того, черт побери? Он ведь всегда был одинок.

Издалека слышался рев двигателя мчавшейся на большой скорости машины, и он про себя недобрым словом помянул таких вот отчаянных водителей.

Спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, Тобиас ковылял по пыльной дороге, и теперь ему уже стали видны быстро приближающиеся с востока огоньки.

Он все шел и шел, не спуская взгляда с этих огоньков. Когда машина подлетела к перекрестку, неожиданно взвизгнули тормоза, машина круто свернула на дорогу, по которой он двигался, и в глаза ему ударил свет фар.

В тот же миг луч света, взметнувшись, вонзился в небо,

вычертил на нем дугу, и, когда с пронзительным скрипом трущейся об асфальт резины машину занесло, Тобиас увидел неяркое сияние задних фонарей. Медленно, как бы с натугой, машина заваливалась набок, опрокидываясь в придорожную канаву.

Тобиас вдруг осознал, что бежит, бежит сломя голову на мгновенно окрепших ногах.

Впереди него машина рухнула набок, с раздирающим уши скрежетом проехала по асфальту и легко, даже как-то плавно соскользнула в канаву.

Раздался негромкий всплеск воды, машина уперлась в противоположную стенку канавы и теперь лежала неподвижно, только все еще вертелись колеса.

Тобиас спрыгнул с дороги и, бросившись к дверце машины, обеими руками стал яростно дергать за ручку. Однако дверца заупрямилась: она стонала, скрипела, но упорно не желала уступать. Он рванул что было мочи, и дверца приоткрылась — этак на дюйм. Тогда он нагнулся, запустил пальцы в образовавшуюся щель и сразу почувствовал едкий запах горячей изоляции. Тут он понял, что времени осталось в обрез. И еще до него вдруг дошло, что по ту сторону дверцы, точно в ловушке, отчаянно бьется живое существо.

Помогая ему, кто-то нажимал на дверцу изнутри; Тобиас медленно распрямился, не переставая изо всех сил тянуть на себя ручку, и наконец дверца с большой неохотой поддалась.

Из машины слышались тихие, жалобные всхлипывания, а запах горячей изоляции усилился, и Тобиас заметил, что под капотом мечутся огненные языки.

Раздался щелчок, дверца приоткрылась пошире, и ее снова заклинило, но теперь размер отверстия уже позволил Тобиасу нырнуть внутрь машины; он схватил чью-то руку, поднатужился, рванул к себе и вытащил из машины мужчину.

— Там она, — задыхаясь, проговорил мужчина. — Там еще она...

Но Тобиас, не дослушав, уже шарил наугад в темном чреве машины; к запаху горячей изоляции прибавился клубами поваливший дым, а под капотом ослепительным красным пятном разливалось пламя.

Он нащупал что-то живое, мягкое и сопротивляющееся, изловчился и вытащил из машины ослабевшую, перепуганную насмерть девушку.

— Скорей отсюда! — закричал Тобиас и с такой силой толкнул мужчину, что тот, отлетев от машины, упал и уже ползком выбрался из канавы на дорогу.

Тобиас, подхватив на руки девушку, прыгнул вслед за ним, а позади него на воздух взлетела объятая пламенем машина.

То и дело спотыкаясь, они устремились прочь, подгоняемые жаром горячей машины. Немного погодя мужчина высвободил девушку из рук Тобиаса и поставил ее на ноги. Судя по всему, она была цела и невредима, если не считать ранки на лбу у корней волос, из которой темной струйкой бежала по лицу кровь.

К ним уже спешили люди. Где-то вдали хлопали двери домов, слышались взволнованные крики, а они, трое, слегка оглушенные, остановились в нерешительности посреди дороги.

И только теперь Тобиас всмотрелся в лица своих спутников. Он увидел, что мужчина – это Рэнди Фробишер, кумир футбольных болельщиков, а девушка – Бэтти Хэлворсен, музицирующая дочка баптистского священника.

Бегущие по дороге люди были уже совсем близко, а столб пламени над горящей машиной стал пониже. «Мне здесь больше делать нечего, – подумал Тобиас, – пора уносить ноги». Ибо он допустил непозволительную ошибку, сказал он себе. Нарушил запрет.

Он резко повернулся, втянул голову в плечи и быстро, только что не бегом, направился назад, к перекрестку. Ему показалось, будто Рэнди что-то крикнул вдогонку, но он даже не обернулся, еще поддав шагу, чтобы как можно скорее очутиться подальше от места катастрофы.

Миновав перекресток, он сошел с дороги и стал взбираться по тропинке к своей развалюхе, одиноко торчавшей на вершине холма над болотом.

И он забылся настолько, что перестал спотыкаться.

Впрочем, сейчас это не имело значения: вокруг не было ни души.

Охваченный паникой, Тобиас буквально трясся от ужаса, ведь этим поступком он мог все испортить, мог свести на нет всю свою работу.

Что-то белело в изъеденном ржавчиной помятом почтовом ящике, висевшем рядом с дверью, и Тобиас очень удивился – он крайне редко получал что-либо по почте.

Он вынул из ящика письмо и вошел в дом. Ощупью отыскал лампу, зажег ее и опустился на шаткий стул, стоявший у стола посреди комнаты.

«Теперь я хозяин своего времени, – подумал он, – и могу распоряжаться им по собственному желанию».

Его рабочий день закончился – хотя формально это было не совсем точно, потому что с большей ли, меньшей ли нагрузкой, а работал он всегда.

Он встал, снял с себя обтрепанный пиджак, повесил его на спинку стула и расстегнул рубашку, обнажив безволосую грудь. Он нащупал на груди панель, нажал на нее, и под его пальцами она скользнула в сторону. За панелью скрывалась ниша. Подойдя к рукомойнику, он извлек из этой ниши контейнер и выплеснул в раковину выпитое днем пиво. Потом вернул контейнер на место, задвинул панель и застегнул рубашку.

Он позволил себе не дышать.

И с облегчением стал самим собой.

Тобиас неподвижно сидел на стуле, выключив свой мозг, стирая из памяти минувший день. Спустя некоторое время он начал его осторожно оживлять и создал другой мозг – мозг, настроенный на ту его личную жизнь, в которой он и был ни опустившимся пропойцей, ни совестью городка, ни дурным примером.

Но в этот вечер ему не удалось полностью забыть пережитое за день, и к горлу снова подкатил комок – знакомый мучительный комок обиды за то, что его используют как средство защиты человеческих существ, населяющих этот городок, от свойственных людям пороков.

Дело в том, что в любом маленьком городке или деревне мог ужиться только один подонок; по какому-то необъяснимому закону человеческого общества двоим или более уже было тесно. Тут безобразничал Старый Билл,

там – Старый Чарли или Старый Тоуб. Сущее наказание для жителей, которые с отвращением терпели это отребье как неизбежное зло. И по тому же закону, по которому на каждое небольшое поселение приходилось не более одного такого отщепенца, этот единственный был всегда.

Но если взять робота, робота-гуманоида Первого класса, которого без тщательного осмотра не отличишь от человека, если взять такого робота и поручить ему разыгрывать из себя городского пьяницу или городского придурка, этот закон социологии удавалось обойти. И человекоподобный робот в роли опустившегося пьянчужки приносил огромную пользу. Пьяница-робот избавлял городок, в котором жил, от пьяницы-человека, снимал лишнее позорное пятно с человеческого рода, а вытесненный таким роботом потенциальный алкоголик поневоле становился вполне приемлемым членом общества. Быть может, этот человек и не являл собой образец порядочности, но по крайней мере он держался в рамках приличия.

Для человека быть беспробудным пьяницей ужасно, а для робота это все равно что раз плюнуть. Потому что у роботов нет души. Роботы были не в счет.

И хуже всего, подумал Тобиас, что эту роль ты должен играть постоянно: ни малейших отступлений, никаких передышек, если не считать кратких периодов, как вот сейчас, когда ты твердо уверен, что тебя никто не видит...

Но сегодня вечером он на несколько минут вышел из образа.

Его вынудили обстоятельства: на карту были поставлены две человеческие жизни, и иначе поступить он не мог.

Впрочем, сказал он себе, не исключено, что еще все обойдется. Те бедняги были в таком состоянии, что, вероятно, даже не заметили, кто их спас. Потрясенные происшедшим, они могли его не узнать.

Но весь ужас в том, вдруг понял он, что это его не устраивало: он страстно желал, чтобы его узнали. Ибо в структуре его личности появилось нечто человеческое, и это нечто неудержимо стремилось проявить себя вовне, жаждало признания, которое возвысило бы его над тем опустившимся забулдыгой, каким он был в глазах людей.

Но это же нечестно, осудил он себя. Такие помыслы недостойны робота, он ведь посягает на традиции.

Тобиас заставил себя сидеть спокойно, не дыша, не двигаясь, и попытался собраться с мыслями – уже не актерствуя, не таясь от самого себя, глядя правде в лицо.

Ему было бы куда легче, думал он, если б он не чувствовал, что способен на большее, если б роль дурного примера для жителей Милвила была для него пределом, исчерпывала все его возможности.

А ведь раньше так и было, вспомнил он. Именно так обстояли дела в то время, когда он завербовался на эту работу и подписал контракт. Но сейчас это уже пройденный этап. Он созрел для выполнения более сложных заданий.

Потому, что он повзрослел, как, мало-помалу меняясь, загадочным образом постепенно взрослеют роботы.

Никуда не годится, что он обязан нести такую службу, в то время как теперь ему по силам задания более сложные, а таких ведь найдется немало. Но тут ничего не исправишь. Положение у него безвыходное. Обратиться за помощью не к кому. Самовольно оставить свой пост невозможно.

Ведь для того, чтобы он не работал впустую, существовало правило, по которому только один-единственный человек, обязанный хранить это в строжайшей тайне, знал о том, что он робот, все остальные должны были принимать его за человека. В противном случае его труд потерял бы всякий смысл. Как бездельник и пьяница-человек он избавлял жителей городка от вульгарного порока; как никудышный паршивый пьяница-робот он не стоил бы ни гроша.

Поэтому все оставались в неведении, даже муниципалитет, который, надо полагать, без большой охоты платит ежегодный членский взнос Обществу Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода, не зная, на что идут эти деньги, но тем не менее не решаясь уклониться от платежа. Ибо не каждый муниципалитет был удостоен чести пользоваться особыми услугами ОПСЧР. Стоило не уплатить взнос, и наверняка Милвилу пришлось бы ждать да ждать, пока ему посчастливилось бы снова попасть в члены этого Общества.

Вот он и застрял здесь, подумал Тобиас, связанный по рукам и ногам десятилетним контрактом, о существовании которого город и не догадывается, но это не меняет дела.

Он знал, что ему не с кем даже посоветоваться. Не было человека, которому он мог бы все выложить начистоту, ибо, как только он кому-нибудь откроется, вся его работа пойдет насмарку, он бессовестно подведет город. А на такое не решится ни один робот. Это же непорядочно.

Он пытался логически обосновать причину такой неодолимой тяги к точному выполнению предписанного, причину своей неспособности нарушить обязательства,

зафиксированные в контракте. Но логика тут ни при чем – все это существовало в нем само по себе. Так уж устроены роботы; это один из множества факторов, сочетанием которых определяется их поведение.

Итак, выхода у него не было. По условиям контракта ему предстояло еще десять лет пить горькую, в непотребном виде слоняться по улицам, играть роль одуревшего от каждодневного пьянства, опустившегося человека, для которого все на свете – трын-трава. И он должен ломать эту комедию, чтобы подобным выродком не стал кто-нибудь из горожан.

Но как же обидно размениваться на такие мелочи, зная, что ты способен выполнять более квалифицированную работу, зная, что твой нынешний разряд дает тебе право заниматься творческим трудом на благо общества.

Он положил на стол руку и услышал, как под ней что-то зашуршало.

Письмо. Он совсем забыл про письмо.

Он взглянул на конверт, увидел, что на нем нет обратного адреса, и сразу смекнул, от кого оно.

Вынув из конверта сложенный пополам листок бумаги, он убедился, что чутье его не обмануло. Вверху страницы, над текстом стоял штамп Общества Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода.

В письме было написано следующее:

Дорогой коллега!

Вам будет приятно узнать, что на основе последнего анализа Ваших способностей установлено, что в настоящее время Вы более всего подходите для исполнения обя-

занностей координатора и экспедитора при организуемой колонии людей на одной из осваиваемых планет. Мы уверены, что, заняв такую должность, Вы принесете большую пользу, и готовы при отсутствии каких-либо иных соображений предоставить Вам эту работу немедленно.

Однако нам известно, что еще не истек срок заключенного Вами ранее контракта и, быть может, в данный момент Вы считаете неудобным поставить вопрос о переходе на другую работу.

Если ситуация изменится, будьте любезны незамедлительно дать нам знать.

Под письмом стояла неразборчивая подпись.

Тобиас старательно сложил листок и сунул его в карман.

И ему отчетливо представилось, как там, на другой планете, где солнцем зовут другую звезду, он помогает первым поселенцам основать колонию, трудится вместе с колонистами, но не как робот, а как человек, настоящий человек, полноправный член общества.

Совершенно новая работа, новые люди, новая обстановка.

И он перестал бы наконец играть эту отвратительную роль. Никаких трагедий, никаких комедий, никакого паясничанья. Со всем этим было бы раз и навсегда покончено.

Он поднялся со стула и зашагал взад-вперед по комнате.

«Как все нескладно», – подумал он. – Почему он должен торчать здесь еще десять лет? Он же ничего не дол-

жен этому городку – его ничто здесь не держит... разве только обязательство по контракту, которое священо и нерушимо. Священо и нерушимо для работа.

И получается, что он намертво прикован к этой крошечной точке на карте Земли, тогда как мог бы стать одним из тех, кто сеет меж далеких звезд семена человеческой цивилизации.

Поселенцев было бы совсем немного. Уже давно отказались от организации многолюдных колоний – они себя не оправдали. Теперь для освоения новых планет посылали небольшие группы людей, связанных старой дружбой и общими интересами.

Тобиас подумал, что такие поселенцы скорее напоминали фермеров, чем колонистов. Попытаться счастья в космосе отправлялись люди, близко знавшие друг друга на Земле. Даже кое-какие деревушки посылали на другие планеты маленькие отряды своих жителей, подобно тому как в глубокой древности общины отправляли с Востока на дикий неосвоенный Запад караваны фургонов.

И он тоже стал бы одним из этих отважных искателей приключений, если б смог нарушить условия контракта, если б смог сбежать из этого городка, избавиться от этой бездарной унижительной работы.

Но этот путь для него закрыт. Ему оставалось лишь пережить горечь полного крушения надежд.

Раздался стук в дверь, и, пораженный, он замер на месте: в его дверь никто не стучался уже много лет. Стук в дверь, сказал он себе, может означать только надвигающуюся беду. Может означать только то, что там, на доро-

ге, его узнали – а он уже начал привыкать к мысли, что ему все-таки удастся выйти сухим из воды.

Тобиас медленно подошел к двери и отворил ее. Их было четверо: местный банкир Герман Фробишер, миссис Хэлворсен, супруга баптистского священника, Бад Эндерсон, тренер футбольной команды, и Крис Лэмберт, редактор Милвилского еженедельника.

И по их виду он сразу понял, что дела его плохи – неприятность настолько серьезна, что от нее не спасешься. Лица вошедших выражали искреннюю преданность и благодарность с оттенком некоторой неловкости, какую испытывают люди, когда осознают свою ошибку и дают себе слово разбиться в лепешку, чтобы ее исправить.

Фробишер так решительно, с таким преувеличенным дружелюбием протянул Тобиасу свою пухлую руку, что впору было расхохотаться.

– Тоуб, – сказал он, – уж не знаю, как вас благодарить. Я не нахожу слов, чтобы выразить, как мы глубоко тронуты вашим сегодняшним поступком,

Тобиас попытался отделаться быстрым рукопожатием, но банкир в аффекте стиснул его руку и не желал отпускать.

– А потом взяли да сбежали! – заверещала миссис Хэлворсен. – Нет чтобы подождать и показать всем, какой вы замечательный человек. Хоть убей, не пойму, что на вас нашло.

– Дело-то пустяшное, – промямлил Тобиас.

Банкир наконец выпустил его руку, и ею тут же завладел тренер, словно только и ждал, когда ему представится такая возможность.

– Благодаря вам Рэнди жив и в форме, – заговорил он.
– Завтра ведь игра на кубок, а нам без него хоть не выходи на поле.

– Мне нужна ваша фотография, Тоуб, – сказал редактор. – У вас найдется фотография? Хотя, что я – откуда ей у вас быть? Ничего, мы завтра же вас сфотографируем.

– Но первым делом, – сказал банкир, – мы переселим вас из этой халупы.

– Из этой халупы? – переспросил Тобиас, испугавшись уже не на шутку. – Мистер Фробишер, так это ж мой дом!

– Нет, уже не ваш, баста! – взвизгнула миссис Хэлворсен. – Мы позаботимся о том, чтобы дать вам возможность исправиться. Такого шанса вам еще в жизни не выпадало. Мы намерены обратиться в АОБА.

– АОБА? – в отчаянии повторил за ней Тобиас.

– Анонимное Общество по Борьбе с Алкоголизмом, – чопорно пояснила супруга пастора. – Оно поможет вам излечиться от пьянства.

– А что, если Тоуб вовсе не хочет стать трезвенником? – предположил редактор.

Миссис Хэлворсен раздраженно скрипнула зубами.

– Он хочет, – заявила она. – Нет человека, который бы...

– Да будет вам, – вмешался Фробишер, – не все сразу. Мы обсудим это с Тоубом завтра.

– Ага, – обрадовался Тобиас и потянул на себя дверь, – отложим наш разговор до завтра.

– Э-э, нет, так не годится, – сказал банкир. – Вы сейчас пойдете со мной. Жена ждет вас к ужину, для вас приготовлена комната, и, пока все не уладится, поживете у нас.

– Чего ж тут особенно улаживать? – запротестовал Тобиас.

– Как это – чего? – возмутилась миссис Хэлворсен. – Наш город палец о палец не ударил, чтобы хоть как-нибудь вам помочь. Мы всегда держались в сторонке, спокойно наблюдая, как вы чуть ли не на четвереньках тащитесь мимо. А это очень дурно. Я серьезно поговорю с мистером Хэлворсеном.

Банкир дружески обнял Тобиаса за плечи.

– Пойдемте, Тоуб, – сказал он. – Мы у вас в неоплатном долгу и сделаем для вас все, что в наших силах.

Он лежал на кровати, застеленной белоснежной хрустящей простыней, и такой же простыней был укрыт, а когда все уснули, он вынужден был тайком пробраться в уборную и спустить в унитаз всю пищу, которую его заставили съесть за ужином.

Не нужны ему белоснежные простыни. Ему вообще не нужна кровать. В его развалюхе, правда, стояла кровать, но только для отвода глаз. А здесь – лежит среди белых простынь, да еще Фробишер заставил его принять ванну, что, между прочим, было для него весьма кстати, но как же он из-за этого разволновался!

Жизнь изгажена, думал Тобиас. Работа спущена в канализационную трубу. Он все испортил, да так поглупому. И теперь он уже не отправится с горсткой отважных осваивать новую планету; даже тогда, когда он окончательно развяжется со своей нынешней работой, у него не будет никаких шансов на что-либо действительно стоящее. Ему поручат еще одну занюханную работенку,

он будет вкалывать еще двадцать лет и, возможно, снова промахнется – уж если есть в тебе слабинка, от нее никуда не денешься.

А такая слабинка в нем была. Он убедился в этом сегодня вечером.

Но, с другой стороны, что ему оставалось делать? Неужели он должен был прошмыгнуть мимо, допустить, чтобы те двое погибли в горящей машине?

Он лежал на чистой белой простыне, смотрел на струившийся из окна в комнату чистый, белый свет луны и задавал себе вопрос, на который не мог ответить.

Правда, у него еще оставалась одна надежда, и, чем больше он думал, тем радужней смотрел в будущее; мало-помалу на душе у него становилось легче.

Еще можно все переиграть, говорил он себе; нужно только снова надраться до чертиков, вернее, притвориться пьяным, ибо он ведь никогда не бывал пьян по-настоящему. И тогда он так разгуляется, что его подвиги войдут в историю городка. В его власти непоправимо опозорить себя. Он может демонстративно, по-хамски отказаться от предоставленной ему возможности стать порядочным. Он может всем этим достойным людям с их добрыми намерениями отпустить такую звонкую оплеуху, что покажется им во сто крат отвратительней, чем прежде.

Он лежал и мысленно рисовал себе, как это будет выглядеть. Идея была отличная, и он обязательно претворит ее в жизнь... Но, пожалуй, есть смысл заняться этим немного погодя.

Такая хулиганская выходка произведет большее впечатление, если он слегка повременит, этак с недельку бу-

дет разыгрывать из себя тихоню. Тогда его грехопадение ударит их похлеще. Пусть-ка понежатся в лучах собственной добродетели, вкусят высшую радость, считая, что вытащили его из грязи и наставили на путь истинный; пусть окрепнет их надежда — и вот тогда-то он, издевательски хохоча, пьяный в дым, спотыкаясь, потащится обратно в свою лачугу над болотом.

И все уладится. Он снова включится в работу, а пользы от него буде даже больше, чем до этого происшествия.

Через одну-две недели. А может, и позже...

И вдруг он словно прозрел: его поразила одна мысль. Он попытался прогнать ее, но она, четкая и ясная, не уходила.

Он понял, что лжет самому себе.

Он не хотел опять стать таким, каким был до сегодняшнего вечера.

С ним же случилось именно то, о чем он мечтал, признался он себе. Он давно мечтал завоевать уважение своих сограждан, расположить их к себе, почувствовать наконец внутреннюю удовлетворенность.

После ужина Фробишер завел разговор о том, что ему, Тобиасу, необходимо устроиться на какую-нибудь постоянную работу, заняться честным трудом. И сейчас, лежа в постели, он понял, как истосковался по такой работе, как жаждет стать скромным, уважаемым гражданином Милвила.

Но он знал, что этому не бывать, что обстановка сложилась хуже некуда. Ведь он уже не просто партач, а предатель, причем полностью это осознавший.

Какая ирония судьбы: выходит, что провал работы был

его заветной мечтой, а теперь, когда эта мечта осуществилась, он все равно остается в проигрыше.

Будь он человеком, он бы заплакал.

Но плакать он не умел. Напрягшись всем телом, он лежал на белоснежной накрахмаленной простыне, а в окно лился белоснежный и словно тоже подкрахмаленный лунный свет.

Он нуждался в чьей-нибудь помощи. Первый раз в жизни он испытывал потребность в дружеской поддержке.

Было лишь одно место, куда он мог обратиться, – но только в самом крайнем случае.

Почти бесшумно Тобиас натянул на себя одежду, выскользнул из двери и на цыпочках спустился по лестнице.

Пройдя обычным шагом квартал, он решил, что теперь уже можно не осторожничать, и помчался во весь дух, гонимый страхом, который летел за ним по пятам, точно обезумевший всадник.

Завтра матч, тот самый решающий матч, в котором покажет класс игры спасенный им Рэнди Фробишер, и, должно быть, Энди Донновэн работает сегодня допоздна, чтобы освободить себе завтрашний день и пойти на стадион.

Интересно, который сейчас час, подумал Тобиас, и у него мелькнуло, что, вероятно, уже очень поздно. Но Энди наверняка еще возится с уборкой – не может быть, чтобы он ушел.

Оказавшись у цели, Тобиас взбежал по извилистой дорожке к темному, с расплывчатыми очертаниями зданию школы. Ему вдруг пришло в голову, что он уйдет из шко-

лы ни с чем, что бежал так сюда зря, и он почувствовал внезапную слабость.

Но в этот миг он заметил свет в одном из окон полуподвала – в окне кладовой и понял, что все в порядке.

Дверь была заперта, и он забарабанил по ней кулаком, потом, немного подождав, постучал еще раз.

Наконец он услышал, как кто-то, шаркая подошвами, медленно поднимается по лестнице, а спустя одну-две минуты за дверным стеклом замаячила колеблющаяся тень.

Раздался звон перебираемых ключей, щелкнул замок, и дверь открылась.

Чья-то рука быстро втащила его в дом. Дверь за ним захлопнулась.

– Тоуб! – воскликнул Энди Донновэн. – Как хорошо, что ты пришел.

– Энди, я такого натворил!..

– Знаю, – прервал его Энди. – Мне уже все известно.

– Я не мог допустить, чтобы они погибли. Я не мог оставить их без помощи. Это было бы не по-человечески.

– Это было бы в порядке вещей, – сказал Энди, – Ты же не человек.

Он первым стал спускаться по лестнице, держась за перила и устало шаркая ногами.

Со всех сторон их обступила гулкая тишина опустевшего здания, и Тобиас почувствовал, как непередаваемо жутко в школе в ночное время.

Войдя в кладовую, уборщик сел на какой-то пустой ящик и указал роботу на другой.

Но Тобиас остался стоять. Ему не терпелось поскорей исправить положение.

– Энди, – заговорил он, – я все продумал. Я напыюсь страшным образом и...

Энди покачал головой.

– Это ничего не даст, – сказал он. – Ты неожиданно для всех совершил доброе дело, стал в их глазах героем. И, помня об этом, горожане будут тебе все прощать. Что бы ты ни вытворял, какого бы ни строил из себя пакостника, они никогда не забудут, что ты для них сделал.

– Так значит... – произнес Тобиас с оттенком вопроса.

– Ты прогорел, – сказал Энди. – Здесь от тебя уже не будет никакой пользы.

Он замолчал, пристально глядя на вконец расстроенного робота.

– Ты прекрасно справлялся со своей работой, – снова заговорил Энди, – пора тебе об этом сказать. Трудился ты на совесть, не щадя сил, и благотворно повлиял на город. Ни один из жителей не решился стать таким подонком, как ты, таким презренным и отвратительным...

– Энди, – страдальчески проговорил Тобиас, – перестань увешивать меня медалями.

– Мне хочется подбодрить тебя, – сказал Энди.

И тут, несмотря на все свое отчаяние, Тобиас почувствовал, что его разбирает смех – неуместный, пугающий смех от мысли, которая внезапно пришла ему в голову.

И этот смех становился все неудержимее – Тобиас смеялся над горожанами: каково бы им пришлось, узнай они, что своими добродетелями обязаны двум таким ничтожествам – школьному уборщику с шаркающей походкой и мерзкому пропойце.

Сам он, как робот, в такой ситуации, пожалуй, мало

что значил. А вот человек... Выбор пал не на банкира, не на коммерсанта или пастора, а на уборщика – мойщика окон, полотера, истопника. Это ему доверили тайну, он был назначен связным. Он был самым важным лицом в Милвиле.

Но горожане никогда не узнают ни о своем долге, ни о своем унижении. Они будут свысока относиться к уборщику, будут терпеть пьяницу – вернее, того, кто займет его место.

Потому что с пьяницей покончено. Он прогорел. Так сказал Энди Донновэн.

Тобиас инстинктивно почувствовал, что, кроме него и Энди, в кладовой есть кто-то еще.

Он стремительно повернулся на каблуках и увидел перед собой незнакомца.

Тот был молод, элегантен и с виду малый не промах. У него были черные, гладко зачесанные волосы, а в его облике было что-то хищное, и от этого при взгляде на него становилось не по себе.

– Твоя замена, – слегка усмехнувшись, сказал Энди. – Уж он-то отпетый негодяй, можешь мне поверить.

– Но по нему не скажешь...

– Пусть его внешность не вводит тебя в заблуждение, – предостерег Энди, – он куда хуже тебя. Это последнее изобретение. Он гнуснее всех своих предшественников. Тебя здесь никогда так не презирали, как будут презирать его. Его возненавидят от всей души, и нравственность жителей Милвила повысится до такого уровня, о каком раньше и не мечтали. Они будут из кожи вон лезть, чтобы

не походить на него, и все до одного станут честными — даже Фробишер.

— Ничего не понимаю, — растерянно пролепетал Тобиас.

— Он откроет в городе контору, как раз под стать такому вот молодому энергичному бизнесмену. Страхование, разного рода сделки купли, продажи и найма движимой и недвижимой собственности, залоговые операции — короче, все, на чем он сможет нажиться. Не нарушив ни единого закона, он обдерет их как липку. Жестокость он замаскирует ханжеством. С обаятельной искренней улыбкой он будет обворовывать всех и каждого, свято чтя при этом букву закона. Он не постесняется пойти на любую низость, не побрезгует самой подлой уловкой.

— Ну разве ж так можно?! — вскричал Тобиас. — Да, я был пьяницей, но по крайней мере я вел себя честно.

— Наш долг — заботиться о благе всего человечества, — торжественно заявил Энди. — Позор для Милвила, если в нем когда-либо объявится такой человек, как он.

— Вам видней, — сказал Тобиас. — Я умываю руки. А что будет со мной?

— Пока ничего, — ответил Энди. — Ты вернешься к Фробишеру и подчинишься естественному ходу событий. Поступи на работу, которую он для тебя подыщет, и живи тихо-мирно, как порядочный, достойный уважения гражданин Милвила.

Тобиас похолодел.

— Ты хочешь сказать, что вы меня окончательно списали? Что я вам больше не нужен? Но я же старался изо всех сил! А сегодня вечером мне просто нельзя было поступить

по-другому. Вы не можете так вот запросто вышвырнуть меня вон!

Энди покачал головой.

— Придется открыть тебе один секрет. Лучше б ты узнал об этом чуток попозже, но... Видишь ли, в городе поговаривают о том, чтобы послать часть жителей в космос осваивать одну из недавно открытых планет.

Тобиас выпрямился и настороженно замер; в нем было вспыхнула надежда, но сразу же померкла.

— А я тут при чем? — сказал он, — Не пошлют же они такого пьяницу, как я.

— Теперь ты для них хуже, чем пьяница, — сказал Энди. — Намного хуже. Когда ты был обыкновенным забулдыгой, ты был весь как на ладони. Они наперечет знали все твои художества. Они всегда ясно представляли, чего от тебя можно ждать. А бросив пить, ты спутаешь им карты. Они будут неусыпно следить за тобой, пытаясь угадать, какой ты им можешь преподнести сюрприз. Ты лишишь их покоя, и они изведутся от сомнений в правильности занятой ими позиции. Ты обременишь их совесть, станешь причиной постоянной нервотрепки, и они будут пребывать в вечном страхе, что в один прекрасный день ты так или иначе докажешь, какого они свалили дурака.

— С таким настроением они никогда не включат меня в число будущих колонистов, — произнес Тобиас, распрощавшись с последней тенью надежды.

— Ошибаешься, — возразил Энди, — Я уверен, что ты полетишь в космос вместе с остальными. Добропорядочные и слабонервные жители Милвила не упустят такой случай, чтобы от тебя избавиться.

КОГДА В ДОМЕ ОДИНОКО

Однажды, когда Старый Моуз Эбрамс бродил по лесу, разыскивая невесть куда запропастившихся коров, он нашел пришельца. Моуз не знал, что это пришелец, однако он понял, что перед ним живое страдающее существо, а Старый Моуз, как бы его за глаза ни осуждали соседи, был не из тех, кто может равнодушно пройти в лесу мимо больного или раненого.

На вид это было ужасное создание – зеленое, блестящее, с фиолетовыми пятнами. Оно внушало отвращение даже на расстоянии в двадцать футов. И от него исходил зловонный запах.

Оно заползло, вернее, пыталось заползти в заросли орешника, но так с этим до конца и не справилось: верхняя часть его тела скрывалась в кустах, а туловище лежало на поляне. Его конечности – видимо, руки – время от времени слегка скребли по земле, стараясь подтянуть тело поглубже в кусты, но существо, вероятно, слишком ослабело, во всяком случае, оно больше не продвинулось ни на дюйм. И оно стонало, но не очень громко – точь-в-точь как ветер, тоскливо воющий под широким карнизом дома. Однако в его стоне слышалось нечто большее, чем вой зимнего ветра, – в нем звучали такие отчаяние и страх, что у Старого Моуза волосы, на голове стали дыбом.

Моуз довольно долго размышлял над тем, что ему делать с этим существом, а потом еще какое-то время набирался храбрости, хотя большинство его знакомых, не задумываясь, признали бы, что храбрости у него хоть отбавляй. Впрочем, при таких обстоятельствах одной заурядной

храбрости недостаточно. Тут нужна храбрость безрассудная.

Но перед ним лежало неведомое страдающее существо, и он не мог его оставить без помощи, поэтому Моуз приблизился к нему, опустился рядом с ним на колени, и, хотя на это создание было тяжело смотреть, в его уродстве таилось какое-то неизъяснимое обаяние — оно точно завораживало своей отталкивающей внешностью. И от него исходило ужасное, ни с чем не сравнимое зловоние.

Однако Моуз не был брезглив. В округе он отнюдь не славился своей чистоплотностью. С тех пор как около десяти лет назад умерла его жена, он жил в полном одиночестве на своей запущенной ферме, и его методы ведения хозяйства служили пищей для злословия окрестных кукушек. Этак раз в год он выгребал из дома груды мусора, а остальное время ни к чему не притрагивался.

Поэтому исходивший от существа запах смутил его меньше, чем того можно было ожидать, будь на его месте кто-либо другой. Зато Моуза смутил его вид, и он не сразу решился прикоснуться к существу, а когда, собравшись с духом, наконец сделал это, очень удивился. Он ожидал, что существо окажется либо холодным, либо скользким и липким, а может, и тем и другим одновременно. Но ошибся. Оно было на ощупь теплым, твердым и чистым — Моуз словно прикоснулся к зеленому стеблю кукурузы.

Просунув под больного руку, он осторожно вытащил его из зарослей орешника и перевернул на спину, чтобы взглянуть на его лицо. Лица не было. Верхняя часть туловища кончалась утолщением, как стебель цветком, хотя тело существа вовсе не было стеблем. А вокруг этого

утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались, точно черви в консервной банке. И тут-то Моуз чуть было не вскочил и не бросился наутек.

Но он выдержал.

Моуз сидел на корточках, уставившись на эту безликость с бахромой из червей; он похолодел, страх сковал его и вызвал приступ тошноты, а когда ему почудилось, что жалобный вой издают черви, на душе у него стало еще муторнее.

Моуз был упрям. Упрям и ко многому равнодушен. Но только не к страдающему живому существу.

Наконец, пересилив себя, он поднял существо на руки — и в этом не было ничего особенного, потому что оно весило мало. Меньше, чем трехмесячный поросенок, прикинул Моуз.

С существом на руках он стал взбираться по лесной тропинке на холм к дому, и ему показалось, что дурной запах стал слабее. Ему уже не было так страшно, как поначалу, и холод больше не сковывал его тело.

Потому что существо немного успокоилось и выло теперь потише. И хотя Моуз не был в этом уверен, порой ему казалось, будто оно прижимается к нему, как прижимается к взрослому испуганный и голодный ребенок, когда его берут на руки.

Старый Моуз вышел к постройкам и немного постоял во дворе, соображая, куда ему отнести существо — в дом или сарай. Ясно, что сарай был самым подходящим для него местом, ведь существо не было человеком — даже в собаке или кошке, или больном ягненке было больше человеческого, чем в нем.

Однако колебался Моуз недолго. Он внес существо в дом и положил в кухне около плиты на то подобие ложа, которое называл кроватью. Он аккуратно и бережно расправил его, накрыл одеялом и, подойдя к плите, принялся раздувать огонь.

Потом он придвинул к кровати стул и начал внимательно, с глубоким интересом разглядывать свою находку. Существо уже почти утихло и с виду казалось много спокойнее, чем в лесу. Моуз с такой нежностью укутал его одеялом, что и сам удивился. Он призадумался над тем, какие из его припасов могут сгодиться существу в пищу; впрочем, даже если бы он и знал это, неизвестно, как бы ему удалось покормить существо, ведь у того, судя по всему, не было рта.

— Тебе не о чем беспокоиться, — вслух сказал он. — Раз уж я принес тебя в дом, все обойдется. Хотя я и не больно смыслю, как тебе помочь, но все, что мне по силам, я для тебя сделал.

День уже клонился к вечеру, и, выглянув в окно, он увидел, что коровы, которых он недавно искал, вернулись домой сами.

— Пора мне коров доить да еще кое-что поделать по хозяйству, — сказал он существу, лежавшему на кровати, — Но я отлучусь ненадолго.

Чтобы в кухне стало теплее, Старый Моуз подбросил в плиту дров, еще раз заботливо поправил одеяло, взял ведра для молока и пошел в сарай.

Он покормил овец, свиней и лошадь и подоил коров. Собрал яйца и запер курятник. Накачал бак воды.

После этого он вернулся в дом.

Уже стемнело, и Моуз зажег стоявшую на столе керосиновую лампу, потому как был против электричества. Он даже отказался подписать контракт, когда Периферийная электрическая компания проводила здесь линию, и многие соседи за это обиделись на него. Но он плевал на их обиды.

Моуз взглянул на лежавшее в постели существо. С виду оно вроде бы находилось в прежнем состоянии. Будь это больной ягненок, Моуз сразу смекнул бы, хуже ему или лучше. Но тут он был бессилен.

Он приготовил себе немудреный ужин, поел и снова задумался над тем, как покормить существо и как ему помочь. Он принес его в дом, согрел его, но пошло ли это ему на пользу? Может, следовало сделать для него что-то другое? Этого он не знал.

Моуз было подумал, не обратиться ли к кому за помощью, но от одной мысли, что придется просить о помощи, даже не зная, в чем она должна заключаться, ему стало тошно. Потом он представил себе, каково было бы ему самому в неведомом далеком краю, и никто не сумел бы ему помочь из-за того, что там не знали бы, что он такое.

Это заставило его наконец решиться, и он направился к телефону. Но кого ему вызывать: доктора или ветеринара? Он остановился на докторе, потому что существо находилось в доме. Если б оно лежало в сарае, он позвонил бы ветеринару.

Это была местная телефонная линия, слышимость — хуже некуда, и, поскольку Моуз был туговат на ухо, он пользовался телефоном довольно редко. Временами он говорил себе, что телефон ничуть не лучше других нов-

шеств, которые только портят людям жизнь, и не раз грозился выбросить его. Но сейчас он был доволен, что этого не сделал.

Телефонистка соединила его с доктором Бенсоном, и оба не очень-то хорошо слышали друг друга, но Моуз все-таки ухитрился объяснить доктору, кто звонит и что ему нужна его помощь, а доктор обещал приехать.

Облегченно вздохнув, Моуз повесил трубку и немного постоял, ничего не делая. Но вдруг его поразила мысль, что в лесу могли остаться такие же существа. Он понятия не имел, кто они, что здесь делают, куда держат путь, но не вызывало сомнений, что тот, на кровати, был чужестранцем, прибывшим из далеких мест. И разум подсказывал, что таких, как он, может быть несколько, ведь в дальней дороге одиноко и любой человек – или любое другое живое существо – предпочтет путешествовать в компании.

Он снял с крючка фонарь и, тяжело ступая, вышел за дверь.

Ночь была темная, как тысяча черных кошек, и фонарь светил очень слабо, но для Моуза это не имело значения: он знал свою ферму как собственные пять пальцев.

Он спустился по тропинке к лесу. В этот час здесь было жутко, но Старый Моуз был не из тех, кто боится ночного леса. Продираясь сквозь кустарник и высоко подняв фонарь, чтобы осветить площадь побольше, он осмотрел поляну, где нашел существо, но там никого больше не оказалось.

Однако он нашел кое-что другое – нечто, похожее на огромную птичью клетку, сплетенную из металлических

прутьев, которая застряла в густом кусте орешника. Он попытался вытащить ее, но она так прочно засела в ветках кустарника, что не сдвинуть с места.

Он огляделся, чтобы понять, откуда она попала сюда.

Вверху над собой он увидел сломанные ветви деревьев, через которые она пробила себе дорогу, а еще выше холодно сияли звезды, казавшиеся очень далекими.

Моуз ни на миг не усомнился в том, что существо, лежавшее сейчас на его постели около плиты, явилось сюда в этом невиданном плетеном сооружении. Он, правда, немного подивился, но не стал особенно вдумываться, ведь вся эта история казалась настолько сверхъестественной, что он признавал, как мало у него шансов найти ей какое-нибудь объяснение.

Моуз вернулся к дому и едва успел задуть фонарь и повесить его на крюк, как послышался шум подъезжающей машины.

Подойдя к двери дома, доктор несколько рассердился, увидев стоявшего на пороге Старого Моуза.

— Что-то вы не похожи на больного, — сварливо произнес он. — Должно быть, не так уж вам худо, чтобы тащить меня сюда посреди ночи.

— А я и не болен, — сказал Моуз.

— Тогда зачем вы мне позвонили? — рассердившись еще больше, спросил доктор.

— У меня в доме кое-кто заболел, — ответил Моуз. — Может, вы сумеете помочь ему. Я бы сам попробовал, да не знаю как.

Доктор вошел в дом, и Моуз закрыл дверь.

— У вас тут что-нибудь протухло? — спросил доктор.

– Нет, это он так воняет. Сперва совсем было невозможно, но теперь я уже попривык.

Доктор заметил на кровати существо и направился к нему. Старый Моуз услышал, как доктор словно бы захлебнулся, и увидел, что он, напряженно вытянувшись, застыл на месте. Потом доктор нагнулся и стал внимательно разглядывать лежавшее перед ним существо.

Когда он выпрямился и повернулся лицом к Моузу, только безграничное изумление помешало ему в тот момент окончательно выйти из себя.

– Моуз! – взвизгнул он. – Что это такое?!

– Сам не знаю, – ответил Моуз. – Я нашел его в лесу, ему было плохо, оно стонало, и я не мог его там бросить одного.

– Вы считаете, что оно заболело?

– Я знаю это, – сказал Моуз. – Ему немедленно нужно помочь. Боюсь, что оно умирает.

Доктор снова повернулся к кровати, откинул одеяло и пошел за лампой, чтобы получше рассмотреть существо. Он оглядел его со всех сторон, боязливо потыкал его пальцем и многозначительно прищелкнул языком, как это умеют делать одни лишь врачи.

Потом снова прикрыл существо одеялом и отнес на стол лампу.

– Моуз, – проговорил он, – я ничем не могу помочь ему.

– Но вы же врач!

– Я лечу людей, Моуз. Мне не известно, что это за существо, одно ясно – это не человек. Я даже приблизительно не могу определить, что с ним, если вообще в его орга-

низме что-то разладилось. А если б мне все-таки удалось поставить диагноз, я не знал бы, как его лечить, не причиняя вреда. К тому же я не уверен, что это — животное. Многие в нем говорят за то, что это — растение.

Потом доктор спросил Моуза, где он нашел существо, и Моуз рассказал, как все произошло. Но он ни словом не обмолвился про клетку — сама мысль о ней казалась настолько фантастичной, что у него язык не повернулся об этом рассказать. Достаточно того, что он нашел это существо и принес его в дом, и незачем было упоминать о клетке.

— Вот что я вам скажу, — произнес доктор. — Это ваше существо не известно ни одной из земных наук. Сомневаюсь, видели ли когда-нибудь на Земле что-либо подобное. Лично я не знаю, что оно собой представляет, и не собираюсь ломать над этим голову. На вашем месте я связался бы с Мэдисонским университетом. Может, там кто-нибудь и сообразит, что это такое. В любом случае им будет интересно ознакомиться с вашей находкой. Они непременно захотят обследовать его.

Моуз подошел к буфету, достал коробку из-под сигар, почти доверху наполненную серебряными долларами, и расплатился с доктором. Добродушно пошутив над этим его чудачеством, доктор опустил монеты в карман.

Моуз с редким упрямством держался за свои серебряные доллары.

— В бумажных деньгах есть что-то незаконное, — не раз говорил он. — Мне нравится трогать серебро и слушать, как оно позвякивает. В нем чувствуется сила.

Вопреки опасениям Моуза, доктор уехал не в таком уж

плохом настроении. После его ухода Моуз пододвинул к кровати стул и сел.

«До чего же несправедливо, — подумал он, — что нет никого, кто мог бы помочь такому больному существу, — никого, кто знал бы хоть какое-нибудь средство облегчить его страдания».

Сидя между плитой и кроватью, Моуз слушал, как в тишине кухни громко тикают часы и потрескивают дрова.

Он смотрел на лежавшее перед ним существо, и в нем вдруг вспыхнула почти безумная надежда на то, что оно выздоровеет и будет жить с ним. Теперь, когда его клетка покорежена, ему волей-неволей придется остаться. И Моуз надеялся, что так оно и будет, ведь даже теперь в доме уже не чувствовалось прежнего одиночества.

И тут до Моуза внезапно дошло, как здесь раньше было одиноко. Пока не умер Тоузер, было еще терпимо. Он пробовал заставить себя взять другую собаку, но не смог. Потому что не было на свете собаки, которая могла бы заменить Тоузера, и даже сама попытка найти другого пса казалась ему предательством. Разумеется, можно было взять кошку, но тогда он стал бы слишком часто вспоминать Молли; она очень любила этих животных, и до самой ее смерти в доме всегда путались под ногами две-три кошки.

А теперь он остался один. Один на один со своей фермой, своим упрямством и серебряными долларами. Доктор, как и все остальные, считал, что, кроме как в стоявшей в буфете коробке из-под сигар, у Моуза больше серебра не было. Ни одна живая душа не знала о существовании старого железного котелка, доверху наполненного

монетами, который он спрятал под досками пола в гостиной. При мысли о том, как он провел всех соседей, Моуз хихикнул. Он много бы отдал, чтобы посмотреть на их лица, если бы они об этом пронюхали. Сам-то он никогда не скажет. Если уж им суждено узнать, обойдутся без него.

Он сидел, клюя носом, и в конце концов так и заснул на стуле с опущенным на грудь подбородком, обхватив себя руками, словно хотел подольше сохранить тепло.

Когда он проснулся, в предрассветном мраке слабо мерцала на столе лампа, догорали в плите дрова, а прищелец был мертв.

То, что существо умерло, не вызывало сомнений. Оно похолодело и вытянулось, а поверхность его тела стала жесткой и уже начала засыхать – так с концом роста засыхает в поле под ветром стебель кукурузы.

Моуз прикрыл его одеялом и, хотя еще рано было начинать обычную работу на ферме, вышел и сделал все, что требовалось, при свете фонаря.

После завтрака он согрел воды, умылся и побрился – и это впервые за много лет он брился не в воскресенье. Потом надел свой единственный приличный костюм, пригладил волосы, вывел из гаража старый полуразвалившийся автомобиль и поехал в город.

Он отыскал Эба Деннисона, чиновника муниципалитета, который одновременно был секретарем правления кладбища.

– Эб, – сказал Моуз, – я хочу купить участок земли на кладбище.

– Но у вас уже есть участок! – запротестовал Эб.

– Так то семейный, – возразил Моуз. – Там хватит места только для меня и Молли.

– А зачем же вам еще один? – спросил Эб.

– Я нашел кое-что в лесу, – сказал Моуз. – Я принес его домой, и прошлой ночью он умер. Я хочу похоронить его.

– Если вы нашли в лесу покойника, вам надо сообщить об этом следователю или шерифу, – предостерег Эб.

– Все в свое время, – сказал Моуз, и не думая этого делать. – Так как же насчет участка?

И, сняв с себя ответственность за эту сомнительную сделку, Эб продал ему место на кладбище.

Купив участок, Моуз отправился в похоронное бюро Алберта Джонса.

– Ал, – сказал он, – мой дом посетила смерть. Покойник не из здешних мест, я нашел его в лесу. Не похоже, чтобы у него были родственники, и я должен позаботиться о похоронах.

– А у вас есть свидетельство о смерти? – спросил Ал, который не утруждал себя лицемерной деликатностью, свойственной большинству служащих похоронных бюро.

– Нет.

– Вы обращались к врачу?

– Пройшей ночью заезжал док Бенсон.

– Он должен был выдать вам свидетельство. Придется ему позвонить.

Он соединился по телефону с доктором Бенсоном и, потолковав с ним немного, покраснел как рак.

Наконец он раздраженно хлопнул трубкой.

– Не знаю, с какой целью вы все это затеяли, – злобно

набросился он на Моуза, — но док говорит, что ваш покойник вовсе не человек. Я не занимаюсь погребением кошек, собак или...

— Это не кошка и не собака.

— Плевать я хотел на то, что это такое! Чтобы я взялся за устройство похорон, мне нужен покойник-человек. Кстати, не вздумайте сами зарыть его на кладбище. Это незаконно.

Сильно упав духом, Моуз вышел из похоронного бюро и медленно заковылял на холм, на котором стояла единственная в городе церковь.

Он нашел пастора в кабинете, где тот трудился над проповедью. Моуз присел на краешек стула, беспокойно вертя в искалеченных работой раках изрядно поношенную шляпу.

— Пастор, — произнес он, — я хочу рассказать вам все, как было, с начала до конца. — И он рассказал. — Я не знаю, что это за существо, — добавил он. — Сдается мне, что этого никто не знает. Но оно скончалось, и его нужно похоронить честь по чести, а у меня с этим ничего не получается. Мне нельзя похоронить его на кладбище и, видно, придется подыскать для него местечко на ферме. Вот я и подумал, не согласитесь ли вы приехать и сказать парочку слов над могилой.

Пастор погрузился в глубокое раздумье.

— Мне очень жаль, Моуз, — произнес он наконец. — Полагаю, что это невозможно. Я далеко не уверен в том, что церковь одобрит такой поступок.

— Пусть это не человеческое существо, — сказал старый Моуз, — но ведь оно тоже тварь божья.

Пастор подумал еще немного и даже высказал кое-какие соображения вслух, но в результате все-таки пришел к выводу, что сделать этого не может.

Моуз спустился с холма к своей машине и поехал домой, по дороге размышляя о том, какие же попадают среди людей скоты.

Возвратясь на ферму, он взял кирку и лопату, вышел в сад и там, в углу, вырыло могилу. Потом отправился в гараж за досками, чтобы сколотить гроб, но оказалось, что последние доски ушли на починку свинарника.

Моуз вернулся в дом и в поисках простыни, которую за неимением гроба решил использовать вместо савана, перерыл комод, стоявший в одной из задних, уже много лет пустующих комнат. Простыни он не нашел, но среди тряпья ему попала старая льняная скатерть. Он подумал, что сойдет и это, и отнес скатерть на кухню.

Моуз откинул одеяло, взглянул на мертвое существо, и у него словно комок подкатил к горлу — он представил, в каком одиночестве тот умер и в какой дали от родины, и в его последний час не было рядом с ним ни одного его соплеменника. И оно было совершенно голым: ни клочка одежды, ни вещей — ничего, что он, Моуз, мог бы оставить себе на память.

Он расстелил скатерть на полу возле кровати, поднял существо на руки и положил на этот кусок белой ткани. И в этот миг он заметил на его теле карман — если, конечно, это было карманом, — нечто вроде щели с клапаном в самом центре той части тела, которая, возможно, была его грудью. Моуз провел сверху рукой по карману. В нем прощупывалось что-то твердое. Он долго сидел на корточках около трупа, не зная, как ему быть.

Наконец, решившись, он просунул в щель пальцы и вытащил находившийся в кармане предмет. Это был шарик, чуть больше теннисного мяча, сделанный из дымчатого стекла или какого-то похожего на стекло материала. Все еще сидя на корточках, он долго глядел на шарик, потом встал и пошел к окну, чтобы получше рассмотреть его.

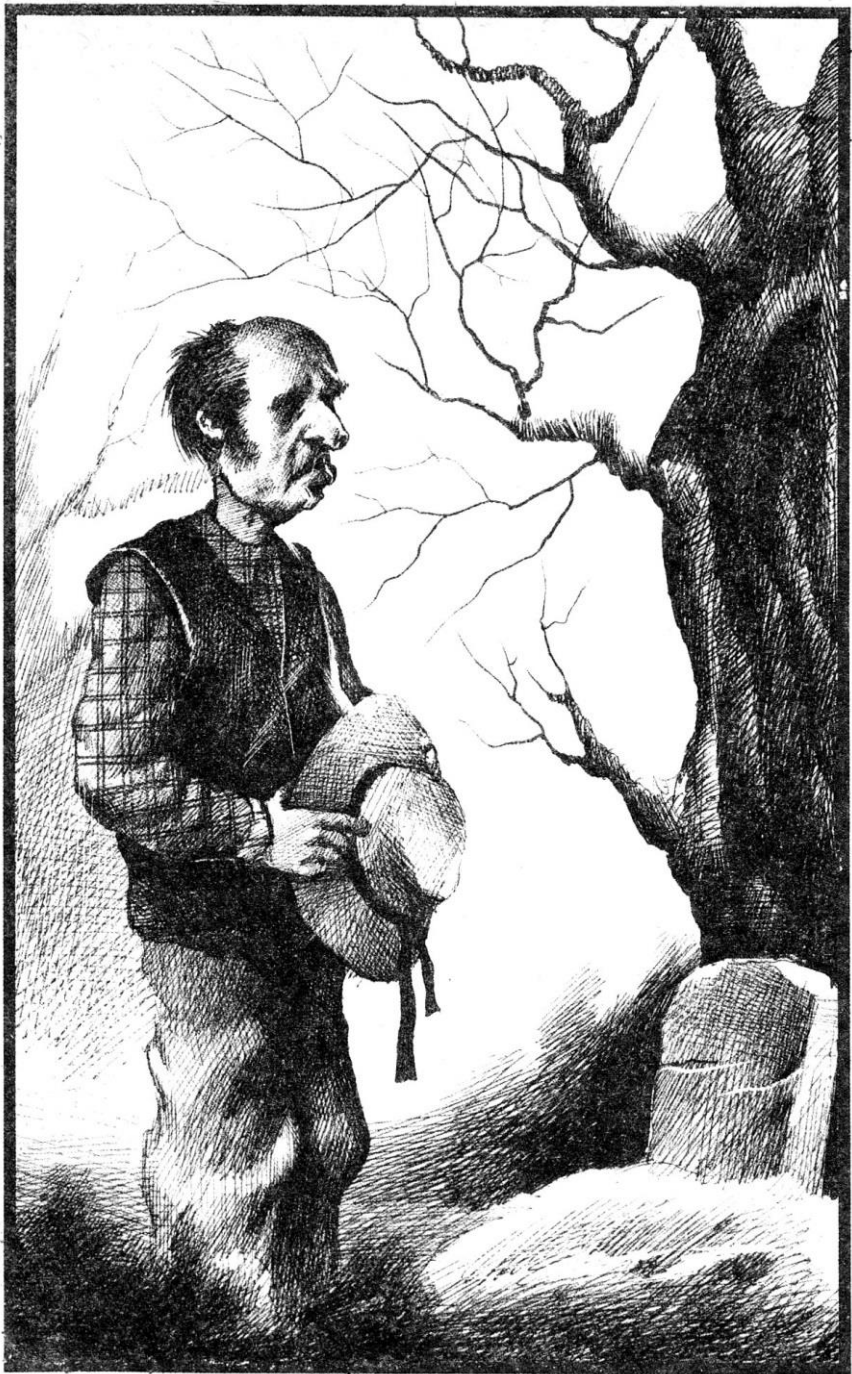
В шарике не было ничего особенного. Это был обыкновенный шарик из дымчатого стекла, на ощупь такой же шершавый и мертвый, как тело самого существа.

Моуз покачал головой, отнес шарик обратно и, положив туда, откуда его вынул, осторожно завернул труп в скатерть. Он вынес его в сад и опустил в яму. Став в головах у могилы, он торжественно произнес несколько приличествующих случаю слов и закидал могилу землей.

Сперва он собирался насыпать над могилой холмик и поставить крест, но в последнюю минуту передумал. Ведь теперь нахлынут любопытные. Молва облетит всю округу, и эти типы будут приезжать сюда и глазеть на могилу, в которой он похоронил найденное в лесу существо. И чтобы никто не догадался, где он зарыл его, придется обойтись без холмика и без креста. «А может, это к лучшему», — сказал он себе. Разве он знал, что написать или вырезать на кресте?

К этому времени уже перевалило за полдень, и Моуз проголодался, но не стал прерывать работу, чтобы поесть, потому как еще не все сделал. Он отправился на луг, поймал Бесс, запряг ее в телегу и спустился в лес.

Там он привязал Бесс к застрявшей в кустах клетке, и лошадь без труда вытащила ее оттуда. Потом он погрузил

клетку на телегу, привез на холм, внес в гараж и спрятал в самом дальнем его углу около горна.

Покончив с этим, он впряг Бесс в плуг и перепахал весь сад, хотя в этом не было никакой необходимости. Зато теперь везде была свежевспаханная земля, и никому не удалось бы обнаружить место, где он вырыл могилу.

И как раз в ту минуту, когда он уже кончал пахать, подкатила машина, и из нее вылез шериф Дойли. Шериф был человеком весьма сладкоречивым, но не из тех, кто любит тянуть волынку. Он сразу приступил к делу.

– Я слышал, – сказал он, – что ты нашел кое-что в лесу.

– Точно, – согласился Моуз.

– Говорят, будто бы это существо умерло в твоём доме.

– Вы не ослышались, шериф.

– Моуз, я желал бы взглянуть на него.

– Ничего не выйдет. Я похоронил его. И не скажу где.

– Моуз, – произнес шериф, – мне не хочется причинять тебе неприятности, но ты нарушил закон. Нельзя же подбирать в лесу людей и безо всякого закапывать их, если им вдруг вздумается умереть в твоём доме.

– Вы говорили с доком Бенсоном?

Шериф кивнул.

– Док сказал, что никогда ничего подобного не видел. Что это был не человек.

– В таком случае, – произнес Моуз, – вам тут делать нечего. Раз это был не человек, значит, не совершено никакого преступления против личности. А если существо никому не принадлежало, здесь нет и преступления против собственности. Ведь пока что никто не заявлял на него свои права, верно?

Шериф поскреб подбородок.

– Никто. Пожалуй, ты прав. А где это ты изучал законы?

– Я никогда не изучал никаких законов. И вообще я в жизни ничего не изучал. Просто-напросто я здраво рассуждаю.

– Док что-то толковал про ученых из университета – будто у них может возникнуть желание взглянуть на твою находку.

– Вот что, шериф, – сказал Моуз. – Это существо откуда-то явилось сюда и здесь умерло. Не знаю, откуда оно пришло и что это было такое, да и знать не желаю. Для меня это было просто живое существо, которое очень нуждалось в помощи. Живое, оно держалось с достоинством, а умерев, потребовало к себе уважительного отношения. Когда отказались похоронить его как положено, я сам сделал все, что в моих силах. Больше мне сказать нечего.

– Ладно, Моуз, – произнес шериф, – будь по-твоему.

Он повернулся и прошествовал к своей машине. Стоя около запряженной в плуг старой Бесс, Моуз смотрел ему вслед. Пренебрегая правилами, шериф рванул с места на большой скорости, и было похоже, что он не на шутку обозлился.

Когда Моуз убрал в сарай плуг и отвел лошадь на пастбище, подоспело время вечерних работ.

Управившись с хозяйством, он приготовил себе ужин, поел и уселся около плиты, слушая, как с тишине дома громко тикают часы и потрескивает огонь.

Всю ночь напролет в доме было одиноко.

На следующий день после полудня, когда он пахал поле под кукурузу, приехал репортер и, дойдя рядом с Моузом до конца борозды, завел разговор. Старому Моузу этот репортер не очень-то понравился. Слишком уж нахально он вел себя и задавал какие-то дурацкие вопросы. Поэтому Моуз прикусил язык и мало что сказал ему.

Через несколько дней явился какой-то профессор из университета и показал Моузу статью, которую написал репортер, вернувшись с фермы. В этой статье он ядовито высмеял Моуза.

— Очень сожалею, что так получилось, — сказал профессор. — Эти газетчики — народ безответственный. Я б не стал слишком принимать к сердцу их писанину.

— А мне все равно, — буркнул Моуз.

Профессор забросал его вопросами и особо подчеркнул, как для него важно взглянуть на труп существа.

Но Моуз только покачал головой.

— Оно покойся в мире, — сказал он, — Я не потревожу его.

И ученый, негодуя, впрочем внешне сохраняя достоинство, удалился.

В течение последующих дней мимо фермы проезжали какие-то люди, бездельники полюбопытнее даже бродили между постройками, появился и кое-кто из соседей, которых Моуз не видел еще несколько месяцев. Но разговор у него со всеми короткий, поэтому они вскоре оставили его в покое, и он продолжал обрабатывать свою землю, а в доме по-прежнему было одиноко.

Он снова начал подумывать о том, не завести ли ему собаку, но, вспомнив Тоузера, так на это и не решился.

Однажды, работая в саду, он обнаружил, что из земли над могилой показалось какое-то растение. Оно выглядело очень необычно, и первым побуждением Моуза было вырвать его.

Однако он передумал, потому что растение заинтриговало его. Он никогда ничего похожего не видел и решил дать ему немного подрасти и посмотреть, что это такое. То было плотное мясистое растение с толстыми темно-зелеными закрученными листьями, и оно чем-то напоминало ему заячью капусту, которая появлялась в лесу с наступлением весны.

Как-то раз приехал еще один посетитель, самый из них чудной. Это был темноволосый энергичный мужчина, который заявил, что является президентом Клуба летающих тарелок. Он поинтересовался, разговаривал ли Моуз с найденным в лесу существом, и, судя по всему, был ужасно разочарован, когда Моуз ответил отрицательно. Затем он спросил, не нашел ли, часом, Моуз аппарат, в котором существо прибыло сюда, и в ответ на это Моуз солгал. Видя, как незнакомец беснуется, Моуз испугался, что ему чего доброго может прийти в голову обыскать ферму, а тогда он наверняка найдет клетку, спрятанную в дальнем углу гаража возле горна. Но вместо этого незваный гость пустился в пространные рассуждения о вреде утаивания жизненно важных сведений.

Почерпнув из этой лекции все, что можно, Моуз вошел в дом и достал из-за двери дробовик. Президент Клуба летающих тарелок поспешно распрощался и отбыл восвояси.

Жизнь на ферме шла своим чередом: приостановилась работа на кукурузном поле, и начался покос, а в саду тем

временем продолжало расти неведомое растение, которое теперь стало принимать определенную форму. Старый Моуз не поверил своим глазам, разглядев однажды, на что оно похоже, и простаивал долгие вечерние часы в саду, рассматривая растение и спрашивая себя, не выживает ли он из ума от одиночества.

В одно прекрасное утро он увидел, что растение ждет его у двери. Ему, конечно, полагалось бы удивиться; на самом же деле этого не произошло, потому что он жил рядом с растением, вечерами смотрел на него, и, хотя он даже самому себе боялся признаться, в глубине души он сознавал, что это такое.

Ведь перед ним стояло существо, которое он нашел в лесу, но не больное и жалобно стонущее, не умирающее, а молодое и полное жизни.

И все же оно было не совсем таким, как прежде. Моуз всмотрелся в существо и увидел те едва уловимые новые черты, которые можно было бы объяснить разницей между стариком и юношей, либо между отцом и сыном, либо отнести за счет изменения эволюционной модели.

— Доброе утро, — сказал Моуз, ничуть не удивившись, что заговорил с существом, словно в этом не было ничего необычного. — Я рад, что ты вернулся.

Существо, стоявшее во дворе, не ответило ему. Но это не имело значения: Моуз и не ждал, что оно отзовется. Для него было важно только то, что теперь ему есть с кем поговорить.

— Я ухожу. Мне нужно сделать кое-что по хозяйству, — сказал Моуз. — Если хочешь, пойдем вместе.

Оно брело за ним по пятам, наблюдая, как он хозяйни-

чает, и Моуз беседовал с ним, что было несравненно приятнее, чем беседовать с самим собой.

За завтраком он поставил ему отдельную тарелку и подвинул к столу еще один стул, но оказалось, что существо не может им воспользоваться, как тело его не сгибалось.

И оно не ело. Сперва это огорчило Моуза, ибо он был гостеприимным хозяином, но потом он смекнул, что такой рослый и сильный юнец соображает достаточно, чтобы самому позаботиться о себе, и что ему, Моузу, видимо, не стоит беспокоиться об удовлетворении его жизненных потребностей.

После завтрака они вышли в сад, и, как того и следовало ожидать, растения там уже не было. На земле лежала лишь опавшая сморщенная оболочка, тот покров, что служил стоявшему рядом с ним существу колыбелью.

Оттуда Моуз отправился в гараж, и существо, увидев клетку, стремительно бросилось к ней и принялось ее осматривать. Потом оно повернулось к Моузу и словно бы сделало умоляющий жест.

Моуз подошел к клетке, взялся руками за один из погнутых прутьев, а существо, стоявшее рядом, схватило конечностями тот же прут, и они вместе начали расправлять его. Но безуспешно. Им, правда, удалось чуточку разогнуть его, но этого было недостаточно, чтобы вернуть пруту первоначальную форму.

Они стояли и смотрели друг на друга, хотя слово «смотрели» едва ли подходило для этого случая, поскольку у существа не было глаз, и смотреть ему было нечем. Оно как-то непонятно двигало конечностями, и Моуз ни-

как не мог уразуметь, то оно пыталось объяснить ему. Потом существо легло на пол и показало, как прутья клетки прикрепляются к ее основанию.

Хотя Моуз вскоре и сообразил, как действует механизм крепления, он так до конца и не понял его принципа. И в самом деле невозможно было уразуметь, почему он действовал именно таким образом.

Вначале нужно было нажать на прут с определенной силой, прикладывая ее под точно определенным углом, и тогда прут слегка поддавался. Затем следовало снова нажать на него, опять-таки прикладывая строго определенную силу уже под другим углом, и прут поддавался еще немного. Это делалось трижды, и в результате прут отсоединился от клетки, хотя, видит бог, Моуз не мог бы объяснить, почему так получается.

Моуз развел в горне огонь, подбросил угля и принялся раздувать пламя мехами, а существо неотрывно следило за его действиями. Но когда он взял прут, собираясь сунуть его в огонь, существо стало между ним и горном. Тут Моуз понял, что, перед тем как распрямлять прут, нагревать его не следует, и он принял это как должное. «Ведь существо наверняка лучше знает, как это делается», – сказал он себе.

И, обойдясь без огня, он отнес холодный прут на наковальню и принялся выпрямлять его ударами молота, а существо в это время пыталось жестами показать, какую нужно придать пруту форму. Эта работа заняла довольно много времени, но в результате прут был распрямлен именно так, как того желало существо.

Моуз думал, что им придется немало повозиться, пока

они вставят прут обратно, но тот мгновенно скользнул в паз.

Потом они вытащили другой прут, и теперь дело пошло быстрее, потому что у Моуза уже появилась сноровка. Но это был тяжелый, изнурительный труд. Они работали до вечера и распрямили только пять прутьев.

Потребовалось полных четыре дня, чтобы распрямить все прутья клетки, и все это время трава оставалась нескошенной. Однако Моуза это нисколько не тревожило. У него теперь было с кем поговорить, и его дом покинуло одиночество.

Когда они выпрямили все прутья и вставили их в пазы, существо проскользнуло в клетку и занялось какой-то диковинно штукой, прикрепленной к потолку, которая с виду напоминала корзину сложного плетения. Наблюдая за ним, Моуз решил, что эта корзинка была чем-то вроде автомобильного мотора.

Вдруг существо забеспокоилось. Разыскивая что-то, оно обошло весь гараж, но, видно, его поиски не увенчались успехом. Оно вернулось к Моузу, и в его жестах старик уловил отчаяние и мольбу. Моуз показал ему железо и сталь; порывшись в картонке, где он держал гвозди, зажимы, втулки, кусочки металла и прочий хлам, он извлек из нее латунь, медь и даже кусок алюминия, но существу нужно было не это.

И Моуз обрадовался – ему было немного стыдно, но он обрадовался.

Ведь он понимал, что, когда клетка будет починена, существо покинет его. По складу своей натуры он не мог помешать существу чинить клетку или отказать ему в по-

мощи. Но сейчас, когда оказалось, что починить клетку, видимо, невозможно, он почувствовал огромное облегчение.

Теперь существу придется остаться с ним, и ему будет с кем разговаривать, а из его дома уйдет одиночество. «Как было бы чудесно, – подумал он, – снова иметь рядом с собой живое существо». А это создание было почти таким же хорошим товарищем, как Тоузер.

На следующее утро, когда Моуз готовил завтрак, он потянулся к верхней полке буфета за овсянкой, задел рукой коробку из-под сигар, и она полетела на пол, упала набок, крышка откинулась, и доллары раскатились по всей кухне.

Уголком глаза Моуз заметил, как существо бросилось в погоню за одной из монет. Схватив ее, оно повернулось к Моузу, и из клубка червей на его макушке послышалось какое-то дребезжание.

Оно нагнулось, сгрело их к себе, исполнило нечто вроде джиги, и сердце Моуза упало – до него вдруг дошло, что существо так настойчиво искало не что иное, как серебро.

И Моуз опустился на четвереньки и помог существу собрать остальные доллары. Они сложили их обратно в коробку из-под сигар, и Моуз отдал ее существу.

Оно приняло коробку, взвесило в руке и явно огорчилось. Оно высыпало доллары на стол и разложило их аккуратными столбиками, и Моуз видел, что оно глубоко разочаровано.

«А вдруг существо искало вовсе не серебро? – подумал Моуз. – Может, оно ошиблось, приняв серебро за какой-то другой металл».

Моуз достал овсянку, насыпал ее в кастрюлю с водой и поставил кастрюлю на плиту. Когда каша и кофе были готовы, он отнес еду на стол и приступил к завтраку.

Существо все еще стояло по другую сторону стола, то так, то сяк перестраивая столбики из серебряных долларов. И теперь, подняв над этими столбиками конечность, оно дало понять, что ему нужны еще монеты. Вот столько столбиков, показало оно, и каждый столбик должен быть вот такой высоты.

Моуза словно громом сразило, и его рука с ложкой овсянки замерла на полпути ко рту. Он подумал об остальных долларах, которыми был набит железный котелок, спрятанный под полом в гостиной. Он никак не мог решиться отдать их: это единственное, что у него осталось, если не считать существа. И он не в силах был с ними расстаться, ведь тогда существо сможет починить клетку и тоже покинет его.

Не ощущая никакого вкуса, он съел миску овсянки и выпил две чашки кофе. И все это время существо стояло перед ним и показывало, сколько еще ему нужно монет.

— Я не могу их тебе отдать, — сказал Старый Моуз. — Я ведь сделал все, чего только может ожидать живое существо от другого, кем бы оно ни было. Я нашел тебя в лесу, согрел и дал тебе кров. Я старался помочь тебе, а когда у меня с этим ничего не получилось, я защитил тебя от всех этих людей. И я не вырвал тебя из земли, когда ты вновь начал расти. Неужто ты ждешь, что я буду делать тебе добро вечно?

Но его слова лишь сотрясли воздух. Существо не слышало его, а себя он так ни в чем и не убедил.

Он встал из-за стола и пошел в гостиную, а существо двинулось следом. Он поднял доски пола, вытащил котелок, и существо, увидев его содержимое, в великой радости крепко обхватило себя конечностями.

Они отнесли монеты в гараж, и Моуз, раздув в горне огонь, поставил на него котелок и начал плавить с таким трудом накопленные деньги.

Временами ему казалось, что он не в состоянии довести эту работу до конца, но все-таки он справился с ней.

Существо вынуло из клетки корзинку, поставило ее рядом с горном, зачерпнуло железным ковшом расплавленное серебро и стало лить его в определенные ячейки корзинки, осторожно придавая ему молоточком нужную форму.

Это длилось долго, потому что работа требовала большой точности, но наступило время, когда она подошла к концу, а серебра почти не осталось. Существо внесло корзинку в клетку и укрепило ее на место.

Уже вечерело, и Моузу пришлось уйти, чтобы заняться кое-какими хозяйственными делами. Он был почти уверен, что существо вытащит из гаража клетку и, вернувшись домой, он его уже так не застанет. И он старался разжечь в себе чувство обиды – ведь существо только брало, не думая ничем отплатить ему, и, насколько он мог судить, даже не пыталось поблагодарить его. Но, несмотря на все старания, он так и не обиделся.

Выйдя из сарая с двумя ведрами молока, Моуз увидел, что существо ждет его. Оно последовало за ним в дом и все время держалось поблизости, и он пытался беседовать с ним. Но душа его не лежала к разговору. Он ни на мину-

ту не мог забыть, что существо покинет его, и радость общения с ним была отравлена ужасом перед грядущим одиночеством.

Ведь для того, чтобы как-то скрасить это одиночество, у него даже не осталось денег.

В ту ночь, когда он лежал в постели, на него нахлынули удивительные мысли. Он представил себе другое одиночество, еще более страшное, чем то, которое он когда-либо знал на этой заброшенной ферме; ужасное, беспощадное одиночество межзвездных пустынь, мятущееся одиночество того, кто ищет какое-то место или живое существо, и, хотя туманный образ искомого едва вырисовывается в сознании, он обязательно найдет то, к чему стремится, и это — самое важное.

Никогда ему не приходили в голову такие странные мысли, и внезапно он понял, что это вовсе не его мысли, а того, другого, что находится рядом с ним в комнате.

Напрягая всю свою волю, он попытался встать, но не смог. На миг он приподнял голову, но тут же уронил ее обратно на подушку и крепко заснул.

На следующее утро, когда Моуз позавтракал, оба они пошли в гараж и вытащили во двор клетку. И таинственное неземное сооружение стояло так в холодном и ярком свете зари.

Существо подошло к клетке и начало было протискиваться между двумя прутьями, но, вдруг остановившись, вылезло обратно и подошло к Старому Моузу.

— Прощай, друг, — сказал Моуз. — Я буду скучать по тебе.

У него как-то странно защипало глаза.

Тот протянул ему на прощание конечность и, схватив ее, Моуз почувствовал, что в ней был зажат какой-то предмет, нечто круглое и гладкое, перешедшее из конечности существа в руку Моуза.

Существо отняло свою конечность и, быстро подойдя к клетке, протиснулось в нее между прутьями. Оно потянулось к корзинке, что-то вспыхнуло, и клетка исчезла. Моуз одиноко стоял на заднем дворе, уставившись на то место, где уже не было клетки, и вспоминая, что он чувствовал или думал – или слышал? – прошлой ночью, лежа в постели.

Должно быть, существо уже там, в черном безысходном одиночестве межзвездных далей, где оно снова ищет какой-то уголок, или предмет, или другое живое существо, и смысл этого не дано постичь человеческому разуму.

Моуз медленно повернулся к дому, чтобы, прихватив там ведра, пойти в сарай доить коров.

Тут он вспомнил о предмете, который держал в руке, и поднял к лицу все еще крепко стиснутый кулак. Он разомкнул пальцы – на его ладони лежал маленький хрустальный шарик, точно такой же, как тот, который он нашел в складке-кармане похороненного в саду трупа. С одной только разницей – первый шарик был мертвым и матовым, а в этом мерцал живой отблеск далекого огня.

Глядя на него, Моуз ощутил в душе такое необыкновенное счастье и покой, какие ему редко случалось испытывать раньше. Словно его окружало множество людей и все они были друзьями.

Он прикрыл шарик рукой, а счастье не уходило – и это было непонятно: ведь ничем нельзя было объяснить, по-

чему он счастлив. Существо покинуло его, он остался без денег, и у него не было друзей, но ему почему-то было хорошо и радостно.

Он положил шарик в карман и проворно зашагал к дому. Сложив трубочкой обветренные губы, он принялся насвистывать, а надо сказать, что давным-давно у него даже в мыслях не было такого желания.

«Может, я счастлив потому, — мелькало у него, — что, прежде чем исчезнуть, существо все-таки пожало мне на прощанье руку».

А что до подарка, то, каким бы он ни был пустяковым, как ни дешева была безделушка, ценность ее заключалась в том простом и светлом чувстве, которое она в нем пробудила. Прошло много лет с тех пор, как кто-либо удосужился сделать Моузу подарок.

В бездонных глубинах Вселенной одиноко и тоскливо без Друга. Кто знает, когда удастся обрести другого.

Быть может, он поступил неразумно, но этот старый дикарь был таким трогательно добрым, таким неловким, жалким и так хотел помочь. А тот, чей путь далек и стремителен, должен путешествовать налегке. Ему больше нечего было подарить старику на память.

ДЕНЕЖНОЕ ДЕРЕВО

1

Чак Дойл шел вдоль высокой кирпичной стены, отделявшей городской дом Дж. Говарда Меткалфа от пошлой действительности, и вдруг увидел, как через стену перелезла двадцатидолларовая бумажка.

Учтите, что Дойл не из тех, кто хлопает ушами, — он себе клыки обломал в этом грубом мире. И хоть никто не скажет, что Дойл семи пядей во лбу, дураком его тоже считать не стоит. Поэтому не удивительно, что, увидев деньги посреди улицы, он их очень быстро подобрал.

Он оглянулся, чтобы проверить, не следят ли за ним — может, кто-то решил подшутить таким образом или, что еще хуже, отобрать деньги?

Но вряд ли за ним следили: в этой части города каждый занимался своим делом и принимал все меры к тому, чтобы остальные занимались тем же, чему в большинстве случаев помогали высокие стены. И улица, на которой Дойл намеревался присвоить банкноту, была, по совести говоря, даже не улицей, а глухим переулком, отделяющим кирпичную стену резиденции Меткалфа от изгороди банкира Дж. С. Грегга. Дойл поставил там свою машину, потому что на бульваре, куда выходили фасады домов, не было свободного места.

Никого не обнаружив, Дойл поставил на землю фотоаппараты и погнался за бумажкой, плывущей над переулком. Он схватил ее с резвостью кошки, ловящей мышь, и вот именно тогда-то он и заметил, что это не какой-нибудь

доллар и даже не пятидолларовик, а самые настоящие двадцать долларов. Бумажка похрустывала – она была такой новенькой, что еще блестела, и, держа ее нежно кончиками пальцев, Дойл решил отправиться к Бенни и совершить одно или несколько возлияний, чтобы отметить колоссальное везение.

Легкий ветерок проносился по переулку, и листва немногих деревьев, что росли в нем, вкупе с листвой многочисленных деревьев, что росли за заборами и оградами на подстриженных лужайках, шумела, как приглушенный симфонический оркестр. Яркое светило солнце, и не было никакого намека на дождь, и воздух был чист и свеж, и мир был удивительно хорош. И с каждым моментом становился все лучше.

Потому что через стену резиденции Меткалфа вслед за первой бумажкой, весело танцуя по ветру, перелетели и другие.

Дойл увидел их, и на миг его словно парализовало, глаза вылезли из орбит, и у него перехватило дыхание. Но в следующий момент он уже начал хватать бумажки обеими руками, набивая ими карманы, задыхаясь от страха, что какая-нибудь из банкнот может улететь. Он был во власти убеждения, что, как только он подберет эти деньги, ему надо бежать отсюда со всех ног.

Он знал, что деньги кому-то принадлежат, и был уверен, что даже на этой улице не найдется человека, настолько презирающего бумажные купюры, что он позволит им улететь и не попытается задержать их.

Так что он собрал деньги и, убедившись, что не упустил ни одной бумажки, бросился к своей машине.

Через несколько кварталов, в укромном месте он оставил машину на обочине, опустошил карманы, разглаживая банкноты и складывая их в ровные стопки на сиденье. Их оказалось куда больше, чем он предполагал.

Тяжело дыша, Дойл поднял пачку – пересчитать деньги, и заметил, что из нее что-то торчит. Он попытался щелчком сбить это нечто, но оно осталось на месте.казалось, оно приклеено к одной из банкнот. Он дернул, и банкнота вылезла из пачки.

Это был черешок, такой же, как у яблока или вишни, черешок, крепко и естественно приросший к углу двадцатидолларовой бумажки.

Он бросил пачку на сиденье, поднял банкноту за черешок, и ему стало ясно, что совсем недавно черешок был прикреплен к ветке.

Дойл тихо присвистнул.

«Денежное дерево», – подумал он.

Но денежных деревьев не бывает. Никогда не было денежных деревьев, и никогда их не будет.

– Мне мерещится чертовщина, – сказал Дойл, – а ведь я уже несколько часов капли в рот не брал.

Ему достаточно было закрыть глаза – и вот оно, могучее дерево с толстым стволом, высокое, прямое, с раскидистыми ветвями, с множеством листьев. И каждый лист – двадцатидолларовая бумажка. Ветер играет листьями и рождает денежную музыку, а человек может лежать в тени этого дерева и ни о чем не заботиться, только подбирать падающие листья и класть их в карманы.

Он потянул за черешок, но тот не отдирался от бумажки. Тогда Дойл аккуратно сложил банкноту и сунул ее в

часовой кармашек брюк. Потом подобрал остальные деньги и, не считая, сунул их в другой карман.

Через двадцать минут он вошел в бар Бенни, который в это время протирает стойку. Единственный одинокий посетитель сидел в дальнем углу бара, посасывая пиво.

– Бутылку и рюмку, – попросил Дойл.

– Покажи наличные, – сказал Бенни.

Дойл дал ему одну из двадцатидолларовых бумажек, которая была такой новенькой, что хруст ее громом прозвучал в тишине бара. Бенни очень внимательно оглядел ее и спросил:

– Кто это их тебе делает?

– Никто, – сказал Дойл, – я их на улице подбираю.

Бенни передал ему бутылку и рюмку.

– Кончил работу? Или только начинаешь?

– Кончил, – сказал Дойл. – Я снимал старика Дж. Говарда Меткалфа. Один журнал заказал его портрет.

– Этого гангстера?

– Он теперь не гангстер. Он уже лет пять-шесть как легальный. Он магнат.

– Ты хочешь сказать «богач». Чем он теперь занимается?

– Не знаю. Но чем бы ни занимался, живет неплохо. У него приличная хижинка на холме. А сам-то он – глядеть не на что.

– Не понимаю, что в нем нашел твой журнал?

– Может быть, они хотят напечатать рассказ о том, как выгодно быть честным человеком.

Дойл наполнил рюмку.

– Мне-то что, – сказал он философски. – Если мне заплатят, я и червяка сфотографирую.

– Кому нужен портрет червяка?

– Мало ли психов на свете! – сказал Дойл. – Может кому-нибудь и понадобится. Я вопросов не задаю. Людям нужны снимки, и я их делаю. И пока мне за них платят, все в порядке.

Дойл с удовольствием допил, налил снова и спросил:

– Бенни, ты когда-нибудь слышал, чтобы деньги росли на дереве?

– Ты ошибся, деньги растут на кустах.

– Если могут на кустах, то могут и на деревьях. Ведь что такое куст? Маленькое дерево.

– Ну уж нет, – возразил Бенни, малость смутившись. – На самом деле деньги и на кустах не растут – просто поговорка такая.

Зазвонил телефон, и Бенни подошел к нему.

– Это тебя, – сказал он.

– Кто бы мог догадаться, что я здесь? – удивился Дойл. Он взял бутылку и пошел вдоль стойки к телефону.

– Ну, – сказал он в трубку, – вы меня звали, говорите.

– Это Джейк.

– Сейчас ты скажешь, что у тебя для меня работа, и что ты мне дня через два заплатишь. Сколько, ты думаешь, я буду на тебя работать бесплатно?

– Если ты это для меня сделаешь, Чак, я тебе все заплачу. И не только за это, но и за все, что ты делал раньше. Сейчас мне нужна твоя помощь. Понимаешь, машина слетела с дороги и попала прямо в озеро, и страховая компания уверяет...

– Где теперь машина?

– Все еще в озере. Они ее вытащат не сегодня-завтра, а мне нужны снимки...

– Может, ты хочешь, чтобы я забрался в озеро и снимал под водой?

– Именно так. Понимаю, что это нелегко, но я достану водолазный костюм и все устрою. Я бы тебя не просил, но ты единственный человек...

– Не буду я этого делать, – уверенно сказал Дойл, – у меня слишком хрупкое здоровье. Если я промокну, то схвачу воспаление легких и у меня разболятся зубы, а кроме того, у меня аллергия к водорослям, а озеро почти наверняка полно кувшинок и всякой травы.

– Я тебе заплачу вдвойне! – в отчаянии вопил Джейк. – Я тебе даже втройне заплачу!

– Знаю, – сказал Дойл, – ты мне ничего не заплатишь.

Он повесил трубку и, не выпуская из рук бутылки, вернулся на старое место.

– Тоже мне, – сказал он, выпив две рюмки подряд, – чертов способ зарабатывать себе на жизнь.

– Все способы чертовы, – сказал Бенни философски.

– Послушай, Бенни, та бумажка, которую я тебе дал, она в порядке?

– А что?

– Да нет, просто ты похрустел ею.

– Я всегда так делаю. Клиенты это любят.

И он машинально протер стойку снова, хотя та была чиста и суха.

– Я в них разбираюсь не хуже банкира, – сказал он, – и фальшивку за пятьдесят шагов учую. Некоторые умники приходят сбывать свой товар в бар, думают, что это самое подходящее место. Надо быть начеку.

– Ловишь их?

– Иногда, не часто. Вчера здесь один рассказывал, что теперь до черта фальшивых денег, которые даже эксперт не отличит, и что правительство с ума сходит – появляются деньги с одинаковыми номерами. Ведь на каждой бумажке свой номер, а когда на двух одинаковый, значит, одна из бумажек фальшивая.

Дойл выпил еще и вернул бутылку.

– Мне пора, – объявил он. – Я сказал Мейбл, что загляну. Она у меня не любит, когда я накачиваюсь.

– Не понимаю, чего Мейбл с тобой возится, – сказал Бенни. – Работа у нее в ресторане хорошая, столько ребят вокруг. Некоторые и не пьют, и работают всюю...

– Ни у кого из них нет такой души, как у меня, – сказал Дойл. – Ни один из этих механиков и шоферов не отличит закат солнца от яичницы.

Бенни дал ему сдачи с двадцати долларов и сказал:

– Я вижу, ты со своей души имеешь.

– А почему бы и нет! – ответил Дойл. – Само собой разумеется.

Он собрал сдачу и вышел на улицу.

Мейбл ждала его, и в этом не было ничего удивительного. Всегда с ним что-нибудь случалось, и он всегда опаздывал, и она уже привыкла ждать.

Она сидела за столиком. Дойл поцеловал ее и сел напротив. В ресторане было пусто, если не считать новой официантки, которая убирала со стола в другом конце зала.

– Со мной сегодня приключилась удивительная штука, – сказал Дойл.

– Надеюсь, приятная? – сказала Мейбл.

– Не знаю еще, – ответил Дойл, – может быть, и приятная. С другой стороны, я, может, хлебну горя.

Он залез в часовой кармашек, достал банкноту, расправил ее, разгладил и положил на стол и спросил:

– Что это такое?

– Зачем спрашивать, Чак? Это двадцать долларов.

– А теперь посмотри внимательно на уголок.

Она посмотрела и удивилась.

– Смотри-ка, черешок! – воскликнула она. – Совсем как у яблока. И приклеен к бумаге.

– Эти деньги с денежного дерева, – сказал Дойл.

– Таких не бывает, – сказала Мейбл.

– Бывает, – сказал Дойл, сам все более убеждаясь в этом. – Одно из них растет в саду Дж. Говарда Меткалфа, отсюда у него и деньги. Я раньше никак не мог понять, как эти боссы умудряются жить в больших домах, ездить на автомобилях длиной в квартал и так далее. Ведь чтобы заработать на это, им пришлось бы всю жизнь вкалывать. Могу поспорить, что у каждого из них во дворе растет денежное дерево, и они держат это в секрете. Только вот сегодня Меткалф забыл с утра собрать спелые деньги, и их сдуло с дерева через забор.

– Но даже если бы денежные деревья существовали, – не сдавалась Мейбл, – боссы не смогли бы сохранить все в секрете. Кто-нибудь да дознался бы. У них же есть слуги, а слуги...

– Я догадался, – перебил ее Дойл. – Я об этом думал и знаю, как это делается: в этих домах не простые слуги – каждый из них служит семье много лет, и они очень преданные. И знаешь, почему они преданные? Потому что им

тоже достается кое-что с этих денежных деревьев. Могу поклясться, что они держат язык за зубами, а когда уходят в отставку, сами живут как богачи. Им невыгодно болтать. И, кстати, если бы всем этим миллионерам нечего было скрывать, к чему бы им окружать свои дома такими высокими заборами?

— Ну, они ведь устраивают в садах приемы, — возразила Мейбл. — Я всегда об этом читаю в светской хронике.

— А ты когда-нибудь была на таком приеме?

— Нет, конечно.

— То-то и оно что не была. У тебя нет своего денежного дерева. Они приглашают только своих, только тех, у кого тоже есть денежные деревья. Почему, ты думаешь, богачи задирают нос и не хотят иметь дела с простыми смертными?

— Ну ладно, нам-то что до того?

— Мейбл, смогла бы ты мне найти мешок из-под сахара или что-нибудь вроде этого?

— У нас их в кладовке сколько угодно. Могу принести.

— Пожалуйста, вдень в него резинку, чтобы я мог потянуть за нее — и мешок бы закрылся. А то, если придется бежать, деньги могут...

— Чак, ты не посмеешь...

— Как раз перед стеной стоит дерево, один сук которого навис над ней. Так что я могу привязать веревку...

— И не думай. Они тебя поймают.

— Ну, это мы посмотрим после того, как ты достанешь мешок. А я пока пойду поищу веревку.

— Но все магазины уже закрыты. Где ты достанешь веревку?

– Это уж мое дело, – сказал Дойл.

– Тебе придется отвезти меня домой – здесь я не смогу переделать мешок.

– Как только вернусь с веревкой...

– Чак!

– А?

– А это не воровство? С денежным деревом?

– Нет. Если даже у Меткалфа и есть денежное дерево, он не имеет никаких прав держать его в саду – дерево общее. Больше, чем общее. Какое у него право собирать все деньги с дерева и ни с кем не делиться?

– А тебя не поймают за то, что ты делаешь фальшивые деньги?

– Какие же это фальшивки? – возмутился Дойл. – Никто их не делает. Там же нет ни пресса, ни печатной машины – деньги сами по себе растут на дереве.

Мейбл перегнулась через стол и прошептала:

– Чак, это так невероятно! Разве могут деньги расти на дереве?

– Не знаю и знать не хочу, – ответил Дойл. – Я не ученый, но скажу тебе, что эти ботаники научились делать удивительные вещи. Ты про Бербанка слыхала? Он выращивал такие растения, что на них росло все, что ему хотелось. Они умеют выращивать совсем новые плоды, менять их размер и вкус и так далее. Так что если кому-нибудь из них пришло бы в голову вывести денежное дерево, для него это пара пустяков.

Мейбл поднялась из-за стола и сказала:

– Я пойду за мешком.

Дойл забрался на дерево, которое росло в переулке у самой стены.

Он поднял голову и посмотрел на светлые, освещенные лунной облака. Через минуту или две облако побольше закроет луну, и тогда надо будет прыгнуть в сад.

Дойл посмотрел туда: в саду росло несколько деревьев, но отсюда нельзя было разобрать, какое из них было де-нежным. Правда, Дойлу показалось, что одно из них похрустывает листьями.

Он проверил веревку, которую держал в руке, мешок, заткнутый за пояс, и стал ждать, пока облако закроет луну.

Дом был тих и темен, и только в комнатах верхнего этажа поблескивал свет. Ночь, если не считать шороха листьев, тоже была тихой.

Край облака начал вгрызаться в луну, и Дойл пополз на четвереньках по толстому суку, потом привязал веревку и опустил ее конец.

Проделав все это, он замер на секунду, прислушиваясь и приглядываясь к тихому саду.

Никого не было.

Он соскользнул вниз по веревке и побежал к дереву, листья которого, как ему казалось, похрустывали, и осторожно поднял руку.

Листья были размером и формой с двадцатидолларовые банкноты. Он сорвал с пояса мешок и сунул в него пригоршню листьев. И еще, и еще...

«Как просто, – сказал он себе. – Как сливы. Будто бы я собираю сливы. Так же просто, как собирать...»

«Мне нужно всего пять минут, – говорил он себе, – и все. Чтобы пять минут мне никто не мешал».

Но пяти минут у него так и не оказалось – не было и минуты.

Яростный смерч налетел на него из темноты, ударил по ноге, впился в ребра и разорвал рубашку. Смерч был яростен, но беззвучен, и в первые секунды Дойлу показалось, что этот сторож-смерч бесплотен.

Дойл сбросил с себя оцепенение внезапности и страха и начал сопротивляться так же беззвучно, как и нападающая сторона. Дважды ему удавалось ухватиться за «сторожа», и дважды тот ускользал, чтобы вновь наброситься на Дойла.

Наконец он сумел вцепиться в «сторожа» так, что тот не мог пошевелинуться, и поднял его над головой, чтобы разmozжить о землю. Но в тот момент, когда он поднял руки, облако отпустило луну, и в саду стало светло.

Он увидел, что держит, и с трудом подавил возглас изумления.

Он ожидал увидеть собаку. Но это была не собака. Это было не похоже ни на что, виденное им до сих пор. Он даже не слышал о таком.

Один конец этого существа представлял собой рот, другой был плоским и квадратным. Размером оно было с терьера, но это был не терьер. У него были короткие, но сильные ноги, а руки были длинные, тонкие, заканчивающиеся крепкими когтями, и он подумал, как хорошо, что он схватил это существо, прижав его руки к телу. Существо было белого цвета, безволосое и голое, как ошипанная курица. За спиной у него было прикреплено что-то,

очень похожее на ранец. И тем не менее это было еще не самое худшее.

Грудь его была широкой, блестящей и твердой, как панцирь кузнечика, а на ней вспыхивали светящиеся буквы и знаки. Дойла охватил ужас. Мысли молниеносно сменяли одна другую, он пытался удержать их, но они крутились где-то, и он никак, никак не мог привести их в порядок.

Наконец непонятные знаки исчезли с груди существа, и на ней появились светящиеся слова, написанные печатными буквами:

– ОТПУСТИ МЕНЯ!

Даже с восклицательным знаком на конце.

– Дружище, – сказал Дойл, основательно потрясенный, но тем не менее уже пришедший в себя. – Я тебя не отпущу просто так. У меня есть насчет тебя кое-какие планы.

Он обернулся, нашел лежавший на земле мешок и пододвинул к себе.

– ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ, – появилось на груди существа.

– Нет, – сказал Дойл, – не пожалею.

Он встал на колени, быстро развернул мешок, засунул в него своего пленника и затянул резинку.

Внезапно на первом этаже дома вспыхнул свет и слышались голоса из окна, выходящего в сад. Где-то в темноте скрипнула дверь и захлопнулась с пустым гулким звуком. Дойл бросился к веревке. Мешок мешал ему бежать, но желание убраться подальше помогло быстро вскарабкаться на дерево. Он притаился среди ветвей и осторожно подтянул к себе болтающуюся веревку, сворачивая ее свободной рукой.

Существо в мешке начало ворочаться и брыкаться. Он приподнял мешок и стукнул им о ствол – существо сразу затихло.

По дорожке, утопающей в тени, кто-то прошел уверенным шагом, и Дойл увидел в темноте огонек сигары. Раздался голос, явно принадлежащий Меткалфу.

– Генри!

– Да, сэр, – отозвался Генри с веранды.

– Куда, черт возьми, задевался ролла?

– Он где-то там, сэр. Он никогда не отходит далеко от дерева. Вы же знаете, он за него отвечает.

Огонек сигары загорелся ярче – видно, Меткалф яростно затынулся.

– Не понимаю я этих ролл, Генри, – сказал он. – Столько лет прошло, а я их все не понимаю.

– Правильно, сэр, – сказал Генри, – Их трудно понять.

Дойл чувствовал запах дыма. Судя по запаху, это была хорошая сигара.

Ну и понятно: Меткалф, конечно, курит самые лучшие. Не будет же человек, у которого растет денежное дерево, задумываться о цене сигар!

Дойл осторожно отполз фута на два по суку, стараясь приблизиться к стене.

Огонек сигары дернулся и обернулся к нему, – значит, Меткалф услышал шум на дереве.

– Кто там? – крикнул он.

– Я ничего не слышал, сэр. Это, наверно, ветер.

– Никакого ветра, дурак. Это опять та же кошка.

Дойл прижался к ветке, неподвижный, но вместе с тем собранный в комок, готовый действовать, как только в

этом возникнет необходимость. Он выругал себя за неосторожность.

Меткалф сошел с дорожки и стоял, освещенный лунным светом, разглядывая дерево.

— Там что-то есть, — объявил он торжественно. — Листва такая густая, что я не могу разглядеть, в чем дело, но могу поклясться — это та самая чертова кошка. Она просто преследует роллу.

Он вынул сигару изо рта и выпустил несколько изумительных по форме колец дыма, которые, как привидения, поплыли в воздухе.

— Генри, — крикнул он, — принеси-ка мне ружье. Двенадцатый калибр стоит прямо за дверью.

Этого было достаточно, чтобы Дойл бросился к стене. Он едва не упал, но удержался. Он уронил веревку, чуть не потерял мешок. Ролла внутри снова начал трепыхаться.

— Тебе что, попрыгать охота? — яростно зашипел Дойл.

Он перекинул мешок через забор и услышал, как тот ударился о мостовую. Дойл надеялся, что не убил роллу, так как его пленник мог оказаться ценным приобретением. Его можно будет продать в цирк — там любят всяких уродцев.

Дойл добрался до стены и соскользнул вниз, не думая о последствиях, исцарапав руки и ноги.

Из-за забора доносились страшные вопли и леденящие кровь ругательства Дж. Говарда Меткалфа.

Дойл подобрал мешок и бросился к тому месту, где он оставил машину. Добежав, он кинул мешок внутрь, сел за руль и поехал по сложному, заранее разработанному маршруту, чтобы уйти от возможной погони.

Через полчаса Дойл остановился у небольшого парка и принялся обдумывать ситуацию.

В ней было и плохое, и хорошее.

Ему не удалось собрать урожай с дерева, как он намеревался, и к тому же теперь Меткалфу обо всем известно, и вряд ли удастся повторить набег.

С другой стороны, Дойл теперь знал наверняка, что денежные деревья существуют, и у него был ролла, вернее он предполагал, что эту штуку зовут роллой.

И этот ролла – такой тихий в мешке – основательно поцарапал его, охраняя дерево.

При свете луны Дойл видел, что руки его в крови, а царапины на ребрах под разорванной рубашкой жгли огнем. Штанина промокла от крови.

Он почувствовал, как мурашки побежали по коже. Человеку ничего не стоит подцепить инфекцию от неизвестной зверюги.

А если пойти к доктору, тот обязательно спросит, что с ним случилось. Он, конечно, сможет сослаться на собаку. Но вдруг доктор поймет, что это совсем не собачьи укусы. Вернее всего, доктор сообщит, куда следует.

Нет, решил он, слишком многое поставлено на карту, чтобы рисковать, – никто не должен знать о его открытии. Потому что пока Дойл – единственный человек, знающий о денежном дереве, из этого можно извлечь выгоду. Особенно если у него есть ролла, таинственным образом связанный с этим деревом, которого, даже и без дерева, если повезет, можно превратить в деньги.

Он снова завел машину.

Минут через пятнадцать он остановил ее в переулке, в

который выходили задние фасады старых многоквартирных домов.

Он вылез из машины, прихватив с собой мешок.

Ролла все еще был неподвижен.

– Странно, – сказал Дойл.

Он положил руку на мешок. Мешок был теплым, а ролла чуть пошевелился.

– Жив еще, – сказал Дойл с облегчением.

Он пробирался между мусорных урн, штабелей гнилых досок и груд пустых консервных банок. Кошки, завидя его, разбегались в темноте.

– Ничего себе местечко для девушки, – сказал себе Дойл. – Совершенно неподходящее место для такой девушки, как Мейбл.

Он отыскал черный ход, поднялся по скрипучей лестнице, прошел по коридору и нашел дверь в комнату Мейбл. Она схватила его за рукав, втащила в комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной.

– Я так волновалась, Чак!

– Нечего было волноваться, – сказал Дойл. – Непредвиденные осложнения – вот и все.

– Какие у тебя руки! – вскрикнула она. – А какая рубашка!

Дойл весело подкинул мешок.

– Это все пустяки, Мейбл, – сказал он. – Главное, посмотри что в мешке.

Он огляделся.

– Окна закрыты?

Она кивнула.

– Передай мне настольную лампу, – сказал он, – сойдет вместо дубинки.

Мейбл вырвала провод из штепселя, сняла абажур и протянула ему лампу.

Он поднял лампу, наклонился над мешком и развязал его.

— Я его пару раз стукнул, — сказал он, — и перебросил через забор, так что он, наверно, оглушен, но все-таки рисковать не стоит.

Он перевернул мешок и вытряхнул роллу на пол. За ним последовал дождь из двадцатидолларовых бумажек.

Ролла с достоинством поднялся с пола и встал вертикально, хотя трудно было понять, что он стоит прямо — его задние конечности были такими короткими, а передние — такими длинными, что казалось, будто он сидит, как собака.

Больше всего ролла был похож на волка или, вернее, на могучего карикатурного бульдога, воющего на луну.

Мейбл испустила отчаянный визг и бросилась в спальню, захлопнув за собой дверь.

— Замолчи ты, Бога ради! — сказал Дойл. — Всех перебудишь. Соседи подумают, что я тебя убиваю.

Кто-то наверху затопал ногами. Мужской голос зарычал: «Заткнитесь, эй, там, внизу!»

На груди роллы загорелась надпись:

— ГОЛОДЕН. КОГДА БУДЕМ ЕСТЬ?

Дойл проглотил слюну. Он почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу.

— В ЧЕМ ДЕЛО? — продолжал ролла. — ГОВОРИ, Я СЛЫШУ.

Кто-то громко постучал в дверь.

Дойл быстро огляделся и увидел, что пол засыпан

деньгами. Он принялся собирать их и рассовывать по карманам.

В дверь продолжали стучать.

Дойл собрал деньги и открыл дверь.

В дверях стоял мужчина в нижнем белье. Он был высок и мускулист и возвышался над Дойлом по крайней мере на фут. Из-за его плеча выглядывала женщина.

— Что здесь происходит? — спросил мужчина. — Мы слышали, как кричала женщина.

— Мышку увидела, — сказал Дойл.

Мужчина не спускал с него глаз.

— Большую мышку, — уточнил Дойл. — Может быть даже крысу.

— А вы, мистер... с вами что случилось? Где это вы так рубаху порвали?..

— В карты играл, — сказал Дойл и попытался захлопнуть дверь.

Но мужчина распахнул ее еще шире и вошел в комнату и сказал:

— Если вы не имеете ничего против, я бы взглянул...

С замиранием сердца Дойл вспомнил о ролле.

Он обернулся. Но роллы не было.

Открылась дверь спальни, и вышла Мейбл. Она была холодна как лед.

— Вы здесь живете, леди? — спросил мужчина в исподнем.

— Да, здесь, — сказала женщина, оставшаяся в дверях. — Я ее часто вижу в коридоре.

— Этот парень к вам пристаёт?

— Ни в коем случае, — сказала Мейбл. — Это мой друг.

Мужчина обернулся к Дойлу.

– Ты весь в крови, – сказал он.

– Что делать... – ответил Дойл. – Всегда из меня кровь идет.

Женщина потянула мужчину за рукав.

Мейбл сказала:

– Уверяю вас, ничего не произошло.

– Пошли, милый, – настаивала женщина, продолжая тянуть его за рукав. – Они в нас не нуждаются.

Мужчина неохотно ушел.

Дойл захлопнул дверь и запер ее:

– Черт возьми, – сказал он, – нам придется отсюда смытываться. Он будет думать об этом, потом позвонит в полицию, они явятся и заберут нас...

– Мы ничего не сделали, Чак, – сказала Мейбл.

– Может, и так, но я полицию не люблю. Не хочу отвечать на вопросы.

Она подошла к нему ближе.

– Он прав, ты весь в крови, – сказала она, – и руки, и рубашка.

– И нога тоже, – сказал он. – Это меня ролла обработал.

Ролла вышел из-за кресла.

– НЕ ХОТЕЛ НЕДОРАЗУМЕНИЙ, ВСЕГДА ПРЯЧУСЬ ОТ НЕЗНАКОМЫХ.

– Вот так он и говорит, – сказал Дойл, не скрывая восторга.

– Что это? – спросила Мейбл, отходя на два шага.

– Я РОЛЛА.

– Мы встретились под денежным деревом, – пояснил Дойл, – и малость повздорили. Он имеет какое-то отношение к дереву: то ли стережет его, то ли еще что.

– Ты денег достал?
– Немного. Понимаешь, этот ролла...
– ГОЛОДЕН, – зажглось у роллы на груди.
– Иди сюда, – сказала Мейбл, – я тебя перевяжу.
– Да ты что, не хочешь послушать?..
– Не очень. Ты снова попал в переделку. Мне кажется, что ты нарочно попадаешь в переделки.

Она повела его в ванную.

– Сядь на край ванны, – сказала она.

Ролла подошел к двери, остановился и спросил:

– У ВАС НЕТ НИКАКОЙ ПИЩИ?

– О, Боже мой! – воскликнула Мейбл. – А что вы хотите?

– ФРУКТЫ. ОВОЩИ.

– Там, в кухне, на столе есть фрукты. Вам показать?

– САМ НАЙДУ, – заявил ролла и исчез.

– Не пойму этого коротышку, – сказала Мейбл, – Сначала он тебя искусал, а теперь, выходит, стал лучшим другом.

– Я его стукнул пару раз, – ответил Дойл, – Научил себя уважать.

– И он еще умирает с голоду, – заметила Мейбл с осуждением. – Да сядь ты на край ванны, я тебя обмою.

Он сел, а она достала из аптечки бутылку с чем-то коричневым, пузырек спирта, вату и бинт. Мейбл встала на колени, закатала штанину Дойла и сказала:

– Плохо.

– Это он зубами меня, – сказал Дойл.

– Надо пойти к доктору, Чак, – сказала Мейбл. – Можешь подцепить заражение крови. А вдруг у него грязные зубы?

– Доктор будет задавать много вопросов. У меня и без него хватит неприятностей.

– Чак, а что это такое?

– Это ролла.

– А почему его зовут ролла?

– Не знаю. Зовут, и все.

– Зачем же ты тогда притащил его с собой?

– Он стоит не меньше миллиона. Его можно продать в цирк или в зоопарк. Даже могу сам выступать с ним в ночном клубе – показывать, как он говорит, и вообще.

Она быстро и умело промыла ему раны.

– И вот еще почему я его сюда притащил, – сказал Дойл. – Меткалф у меня в руках. Я знаю кое-что такое. У меня теперь ролла, а ролла как-то связан с этими денежными деревьями.

– Это что же, шантаж?

– Ни в коем случае! Я в жизни никого не шантажировал. Просто у меня с Меткалфом небольшое дельце. Может быть, в благодарность за то, что я держу язык за зубами, он подарит мне одно из своих денежных деревьев.

– Но ты же сам говоришь, что там всего одно денежное дерево.

– Это я одно видел, но там темно, может, других я не заметил. Ты понимаешь, что такой человек, как Меткалф, никогда не удовлетворится одним денежным деревом. Если у него есть одно, он себе вырастит еще. Могу поспорить на что угодно у него есть и двадцатидолларовые деревья, и пятидесятидолларовые, а, может быть, даже сто-долларовые.

Он вздохнул:

– Хотел бы я провести всего лишь пять минут под сто-
долларовым деревом. На всю бы жизнь себя обеспечил. Я
бы обеими руками рвал.

– Сними рубашку, – сказала Мейбл, – мне нужно до-
браться до царапин.

Дойл стащил рубашку.

– Знаешь что, – сказал он, – могу поклясться, что не
только у Меткалфа есть денежные деревья. У всех богачей
есть. Они, наверно, объединились в секретное общество и
поклонились никогда об этом не болтать. Я не удивляюсь,
что все деньги идут оттуда. Может быть, правительство
вовсе не печатает никаких денег, а только говорит, что пе-
чатает...

– Замолчи, – скомандовала Мейбл, – и не дергайся.

Она наклеивала пластырь ему на грудь.

– Что ты собираешься делать с роллой? – спросила она.

– Мы его положим в машину и отвезем к Меткалфу.
Ты останешься в машине с роллой и, если что-нибудь бу-
дет не так, дашь газ. Пока ролла у нас – мы держим Мет-
калфа на прицеле.

– Ты с ума сошел! Чтобы я осталась одна с этой тва-
рю! После всего что она с тобой сделала!

– Возьмешь палку и, если что не так – ты его палкой.

– Еще чего не хватало, – сказала Мейбл. – Я с ним не
останусь.

– Хорошо, мы его положим в багажник и завернем в
одеяло, чтобы не ушибся. Может, даже лучше, если он бу-
дет заперт.

Мейбл покачала головой.

– Надеюсь, так будет лучше, Чак, и надеюсь, что мы не
попадем в переделку.

– И не думай об этом, – ответил Дойл. – Давай двигаться отсюда. Нам нужно выбраться, пока этот бездельник не догадался позвонить в полицию.

В дверях появился ролла, поглаживая себя по животу.

– БЕЗДЕЛЬНИК? – спросил он, – ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

– О, Господи, – сказал Дойл, – как я ему объясню?

– БЕЗДЕЛЬНИК – ЭТО ПОДОНОК?

– Здесь что-то есть, – согласился Дойл, – Бездельник – это похоже на подонка.

– МЕТКАЛФ СКАЗАЛ: ВСЕ ЛЮДИ, КРОМЕ МЕНЯ, – ПОДОНКИ.

– Знаешь, что я тебе скажу – Меткалф в чем-то прав.

– ПОДОНОК – ЗНАЧИТ ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДЕНЕГ.

– Никогда не слышал такой формулировки. Но если так, можете считать меня подонком.

– МЕТКАЛФ СКАЗАЛ: ПЛАНЕТА НЕ В ПОРЯДКЕ – СЛИШКОМ МАЛО ДЕНЕГ.

– Вот тут я с ним полностью согласен.

– ПОЭТОМУ Я НА ТЕБЯ БОЛЬШЕ НЕ СЕРЖУСЬ.

Боже мой, – сказала Мейбл, – он оказался болтуном!

– МОЕ ДЕЛО – ЗАБОТИТЬСЯ О ДЕРЕВЕ. СНАЧАЛА Я РАССЕРДИЛСЯ, НО ПОТОМ ПОДУМАЛ: «БЕДНЫЙ ПОДОНОК, ЕМУ НУЖНЫ ДЕНЬГИ, НЕЛЬЗЯ ЕГО ВИНИТЬ».

– Это с твоей стороны очень благородно, – сказал Дойл, – но жаль, что ты не подумал об этом прежде, чем начал меня жевать. Если бы в моем распоряжении было хотя бы пять минут...

– Я готова, – сказала Мейбл. – Если ты не передумал – поехали.

Дойл медленно шел по дорожке, ведущей к дверям дома Меткалфа. Дом был темен, и луна склонялась к вершинам сосен, которые росли на другой стороне улицы.

Дойл поднялся по кирпичным ступенькам и остановился перед дверью. Позвонил и подождал.

Никакого ответа.

Он снова позвонил, и снова никакого ответа.

Потянул дверь – она была заперта.

«Сбежали», – сказал Дойл про себя.

Он вышел на улицу, обогнул дом и взобрался на дерево в переулке. Сад за домом был темен и молчалив. Дойл долго наблюдал за ним, но не заметил никакого движения. Потом вытащил из кармана фонарик и осветил им. Светлый кружок прыгал в темноте, пока не наткнулся на участок развороченной земли.

У него перехватило дыхание, и он долго освещал то место, пока не убедился, что не ошибся.

Он не ошибся. Денежное дерево исчезло. Кто-то выкопал его и увез.

Дойл погасил фонарик и спрятал его в карман, спустился с дерева и вернулся к машине. Мейбл не выключала мотора.

– Они смотались, – сказал Дойл, – никого нет. Выкопали дерево и смотались.

– Ну и хорошо, – ответила Мейбл, – я даже рада. Теперь ты, по крайней мере, не будешь ввязываться в авантюры с денежными деревьями.

– Поспать бы... – зевнул Дойл.

- Я тоже хочу спать. Поехали домой и выспимся.
- Ты, может, выспишься, а я нет. Укладывайся на заднем сиденье. Я сяду за руль.
- Куда мы теперь?
- Когда я снимал Меткалфа сегодня днем, он сказал мне, что у него есть ферма за городом. На западе, возле Милвилла.
- А ты тут при чем?
- Вот что, если у него до черта денежных деревьев...
- Но у него же только одно дерево – в саду городского дома.
- А может, и до черта. Может, это росло здесь только для того, чтобы Меткалфу иметь в городе карманные деньги.
- Ты хочешь сказать, что мы поедem к нему на ферму?
- Сначала надо заправиться и посмотреть по карте, где этот Милвилл. Спорим, что у него там целый денежный сад. Представь себе только – ряды деревьев, и все в банкнотах.

4

Старик, хозяин единственного магазина в Милвилле, где продавались посуда, бакалейные товары, а еще умещались аптека и почтовая контора, покрутил серебряный ус.

– Ага, – сказал он. – У Меткалфа ферма за холмами, на том берегу реки. И даже название у нее есть – «Веселый холм». Вот скажите мне, с чего бы человеку так называть свою ферму?

– Чего только люди не делают, – ответил Дойл. – Как туда поскорее добраться?

– Вы спрашиваете?

– Конечно...

Старик покачал головой.

– Вас пригласили? Меткалф вас ждет?

– Не думаю.

– Тогда вам туда не попасть – ферма окружена забором, а у ворот стража, там даже специальный домик для охранников. Так что, если Меткалф вас не ждет, не надейтесь туда попасть.

– Я попробую.

– Желаю успеха, но вряд ли у вас что-нибудь выйдет. Скажите мне лучше, зачем бы этому Меткалфу так себя вести? Места наши тихие. Никто не обносит своих ферм оградой в восемь футов высотой, с колючей проволокой поверху. Никто бы и денег не набрал, чтобы такую ограду построить. Должно быть, он кого-то сильно боится.

– Чего не знаю, того не знаю, – сказал Доил. – А все-таки, как туда добраться?

Старик достал из-под прилавка бумажный пакет, вытащил из кармана огрызок карандаша и лизнул грифель, прежде чем принялся медленно рисовать план.

– Переедете через мост и поезжайте по этой дороге – налево не поворачивайте, там дорога ведет к реке, – доберетесь до оврага, и начнется холм. Наверху повернете налево, и оттуда до фермы Меткалфа останется миля.

Он еще раз лизнул карандаш и нарисовал грубый четырехугольник.

– Вот тут, – сказал он. – Участок не маленький. Меткалф купил четыре фермы и объединил их.

...В машине ждала раздраженная Мейбл.

– Сейчас ты скажешь, что с самого начала был неправ, – заявила она. – У него нет никакой фермы.

– Всего несколько миль осталось, – ответил Дойл. – Как там ролла?

– Опять проголодался, наверное. Стучит в багажнике.

– С чего бы ему проголодаться? Я ему два часа назад сколько бананов скормил!

– Может, ему скучно? Он чувствует себя одиноким?

– У меня и без него дел достаточно, – сказал Дойл, – Не хватает еще, чтобы я держал его за ручку.

Он забрался в машину, завел ее и поехал по пыльной улице, пересек мост, но вместо того, чтобы перебраться через овраг, повернул на дорогу, которая вела вдоль реки. Если план, который нарисовал старик, был правильным, думал он, то, следуя по дороге вдоль реки, можно подъехать к ферме с тыла.

Мягкие холмы сменились крутыми утесами, покрытыми лесом и кустарником. Извилистая дорога сузилась. Машина подъехала к глубокому оврагу, разделявшему два утеса. По дну оврага протянулась полужаросшая колея.

Дойл свернул на эту колею и остановился.

Затем вылез и постоял с минуту, осматривая овраг.

– Ты чего встал? – спросила Мейбл.

– Собираюсь зайти к Меткалфу с тыла, – сказал он.

– Не оставишь же ты меня здесь?

– Я ненадолго.

– К тому же здесь москиты, – пожаловалась она, отгоняя насекомых.

– Закроешь окна.

Он пошел, но Мейбл его окликнула:

– Там ролла остался.

– Он до тебя не доберется, пока заперт в багажнике.

– Но он так стучит! Что, если кто-нибудь пройдет мимо и услышит?

– Даю слово, что по этой дороге уже недели две как никто не ездил.

Пищали москиты. Он попытался отогнать их.

– Послушай, Мейбл, – взмолился он, – ты хочешь, чтобы я с этим делом покончил, не так ли? Ты же ничего не имеешь против норковой шубы? Ты ведь не откажешься от бриллиантов?

– Нет, наверно, – призналась она. – Только поспеши, пожалуйста – я не хочу здесь сидеть, когда стемнеет.

Он повернулся и пошел вдоль оврага.

Все вокруг было зеленым – глухого летнего зеленого цвета, – и было тихо, если не считать писка москитов. Привыкший к бетону и асфальту города, Дойл ощутил страх перед зеленым безмолвием лесистых холмов.

Он прихлопнул москита и поежился.

– Тут нет ничего, что повредило бы человеку, – вслух подумал он.

Путешествие было не из легких: овраг вился между холмов, и сухое ложе ручья, заваленное валунами и грудами гальки, вилось от одного склона к другому. Время от времени Дойлу приходилось взбираться на откос, чтобы обойти завалы.

Москиты с каждым шагом становились все назойливее. Он обмотал шею носовым платком и надвинул шляпу на глаза. Ни на секунду не прекращая войны с москитами, он уничтожал их сотнями, но толку было мало.

Овраг сузился и круто пошел вверх. Дойл повернул и обнаружил, что дальнейший путь закрыт – масса сучьев, обвитых виноградом, перекрывала овраг, завал смыкался с деревьями, растущими на отвесных скатах оврага.

Пробираться дальше не было никакой возможности. Завал казался сплошной стеной. Сучья были скреплены камнями и сцементированы грязью, принесенной ручьем. Цепляясь ногтями и нащупывая ботинками неровности, он вскарабкался наверх, чтобы обойти препятствие. Москиты бросались на него эскадронами, а Дойл отломил ветку с листьями и пытался отогнать их.

Так он стоял, тяжело дыша и хрипя, пытаясь наполнить легкие воздухом, и думал: как же это он умудрился попасть в такой переплет. Это приключение было не по нему. Его представления о природе никогда не распространялись за пределы ухоженного городского парка.

И вот, пожалуйста, он стоит где-то среди деревьев, старается вскарабкаться на Богом забытые холмы, пробираясь к месту, где могут расти денежные деревья – ряды, сады, леса денежных деревьев.

– Никогда бы не пошел на это, ни за что, кроме как за деньги, – сказал он себе.

Он огляделся и обнаружил, что завал был по толщине всего два фута и одинаковый на всей своей протяженности. Задняя сторона завала была гладкой, будто ее специально загладили. Нетрудно было понять, что ветви и камни накапливались здесь не годами, не принесены ручьем, а были сплетены так тщательно, что стали единым целым.

Кто бы мог решиться на такой труд, удивлялся Дойл. Здесь требовалось и терпение, и умение, и время.

Он постарался разобраться, как же были сплетены сучья, но ничего не понял. Все было так перепутано, что казалось сплошной массой.

Немного передохнув и восстановив дыхание, он продолжил путь, пробираясь сквозь ветки и тучи moskitov.

Наконец деревья поредели, так что Дойл уже видел впереди синее небо. Местность выровнялась, но он не смог прибавить шагу – икры ног сводило от усталости, и ему пришлось идти с прежней скоростью.

В конце концов он выбрался на поляну. С запада налетел свежий ветер, и moskity исчезли, если не считать тех, которые удобно устроились в складках его пиджака.

Дойл плашмя бросился на траву, дыша, как измученный пес. Перед ним меньше чем в ста ярдах виднелась ограда фермы Меткалфа. Она, как блестящая змея, протянулась по склонам холмов. Перед ней виднелось еще одно препятствие – широкая полоса сорняков, как будто кто-то вскопал землю вдоль изгороди и посеял сорняки, как сеют пшеницу.

Далеко на холме среди крон деревьев смутно виднелись крыши, а к западу от зданий раскинулся сад – длинные ряды деревьев.

Интересно, подумал Дойл, это игра воображения или действительно форма деревьев была такой же, как у того дерева в городском саду Меткалфа? И только ли воображение подсказывало ему, что зелень листьев отличалась от зелени лесных деревьев и была цвета новеньких долларов?»

Солнце палило ему в спину, и он почувствовал его лучи сквозь просохшую рубашку. Посмотрел на часы – было уже больше трех.

Дойл снова взглянул в сторону сада и на этот раз увидел среди деревьев несколько маленьких фигур. Он напрягся, чтобы разглядеть, кто это, и ему показалось, что это роллы.

Дойл начал перебирать различные варианты поведения на случай, если не найдет Меткалфа, и самым разумным ему представилось забраться в сад. Он пожалел, что не захватил с собой мешка из-под сахара, который дала ему Мейбл.

Беспокоила его и изгородь, но он отогнал эту мысль. Об изгороди надо будет думать, когда подойдет время перелезть через нее.

Думая так, он полз по траве, и у него это неплохо получалось. Он уже добрался до полосы сорняков, и никто еще его не заметил. Как только он заберется в сорняки, будет легче, потому что там можно спрятаться. Он подкрадется к самой изгороди.

Дойл дополз до сорняков и вздрогнул, увидев, что это самые густые заросли крапивы, какие ему когда-либо приходилось видеть.

Он протянул руку, и крапива обожгла ее, как оса. Он потер ожог.

Тогда он приподнялся, чтобы заглянуть за кусты крапивы. По склону изгороди спускался ролла, и теперь уже не было никакого сомнения, что под деревьями виднелись именно роллы.

Дойл нырнул за крапиву, надеясь, что ролла его не заметил. Он лежал ничком на траве. Солнце пекло, и ладонь, обожженная крапивой, горела как ошпаренная, и уже нельзя было решить, что хуже — mosquito укусы или ожоги крапивы.

Дойл заметил, что крапива колыхнется, будто под ветром, и это было странно, потому что ветер как раз затих.

Крапива продолжала колыхаться и, наконец, легла по обе стороны, образовав дорожку от него к изгороди. И вот перед ним оказалась тропинка, по которой можно было пройти к самой изгороди.

За изгородью стоял ролла, и на груди у него горела яркая надпись печатными буквами:

– ПОДОЙДИ СЮДА, ПОДОНОК.

Дойл заколебался на мгновение. То, что его обнаружили, никуда не годилось. Теперь уж наверняка все труды и предосторожности пропали даром, и таиться дальше в траве не имело никакого смысла. Он увидел, что другие роллы спускались по склону к изгороди, тогда как первый продолжал стоять, не гася пригласительной надписи на груди.

Потом буквы погасли. Но крапива продолжала лежать, и дорожка оставалась свободной. Роллы, которые спускались по склону, тоже подошли к изгороди, и все пятеро – их было пятеро – выстроились в ряд.

У первого на груди загорелась новая надпись:

– ТРОЕ РОЛЛ ПРОПАЛИ.

А на груди второго зажглось:

– ТЫ НАМ МОЖЕШЬ СООБЩИТЬ?

У третьего:

– МЫ ХОТИМ С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ.

У четвертого:

– О ТЕХ, КТО ПРОПАЛ.

У пятого:

– ПОДОЙДИ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОНОК.

Дойл поднялся с земли. Это могло быть ловушкой. Чего он добьется, разговаривая с роллами? Но отступить было поздно: он мог вовсе лишиться возможности подойти к изгороди.

С независимым видом он медленно зашагал по дорожке.

Добравшись до изгороди, он сел на землю, так что его голова была на одном уровне с головами ролл.

— Я знаю, где один из них, — сказал он, — но не знаю, где двое других.

— ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ОДНОМ, КОТОРЫЙ БЫЛ В ГОРОДЕ С МЕТКАЛФОМ?

— Да.

— СКАЖИ НАМ, ГДЕ ОН.

— В обмен.

На всех пятерых зажглись надписи:

— ОБМЕН?

— Я вам скажу, где он, а вы впустите меня в сад на час, ночью, так чтобы Меткалф не знал. А потом выпустите обратно.

Они посовещались — на груди у каждого вспыхивали непонятные значки, — потом повернулись к нему и выстроились плечом к плечу.

— МЫ ЭТОГО НЕ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ.

— МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ СОГЛАШЕНИЕ.

— МЫ ДАЛИ СЛОВО.

— МЫ РАСТИМ ДЕНЬГИ.

— МЕТКАЛФ ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ...

— Я бы их не стал распространять, — сказал Дойл. — Обещаю, что не буду их распространять — я их себе оставляю.

– НЕ ПОЙДЕТ, – заявил ролла № 1.

– А что это за соглашение с Меткалфом? Почему это вы его заключили?

– ИЗ БЛАГОДАРНОСТИ, – сказал ролла № 2.

– Не разыгрывайте меня. Чувствовать благодарность к Меткалфу...

– ОН НАШЕЛ НАС.

– ОН СПАС НАС.

– ОН ЗАЩИЩАЕТ НАС.

– И МЫ ЕГО СПРОСИЛИ: «ЧТО МЫ МОЖЕМ ДЛЯ ВАС СДЕЛАТЬ?»

– Ага, а он сказал: «Вырастите мне немножко денег».

– ОН СКАЗАЛ, ЧТО ПЛАНЕТА НУЖДАЕТСЯ В ДЕНЬГАХ.

– ОН СКАЗАЛ, ЧТО ДЕНЬГИ СДЕЛАЮТ СЧАСТЛИВЫМИ ВСЕХ ПОДОНКОВ ВРОДЕ ТЕБЯ.

– Черта с два! – воскликнул Дойл с негодованием.

– МЫ ИХ РАСТИМ.

– ОН ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ.

– СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ МЫ СДЕЛАЕМ ВСЮ ПЛАНЕТУ СЧАСТЛИВОЙ.

– Нет, вы только посмотрите, какая милая компания миссионеров!

– МЫ ТЕБЯ НЕ ПОНИМАЕМ

– Миссионеры – люди, которые занимаются всякими благотворительными делами, творят добрые дела.

– МЫ ДЕЛАЛИ ДОБРЫЕ ДЕЛА НА МНОГИХ ПЛАНЕТАХ. ПОЧЕМУ НЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА ЗДЕСЬ?

– А при чем тут деньги?

– ТАК СКАЗАЛ МЕТКАЛФ. ОН СКАЗАЛ, ЧТО НА

ПЛАНЕТЕ ВСЕГО ДОСТАТОЧНО, ТОЛЬКО НЕ ХВАТАЕТ ДЕНЕГ.

– А где те другие роллы, которые пропали?

– ОНИ НЕ СОГЛАСНЫ.

– ОНИ УШЛИ.

– МЫ ОЧЕНЬ ВОЛНУЕМСЯ – ЧТО С НИМИ?

– Вы не пришли к общему мнению насчет того, стоит ли растить деньги? Они, наверно, думали, что лучше растить что-нибудь другое?

– МЫ НЕ СОГЛАСНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕТКАЛФА. ТЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ОН НАС ОБМАНЫВАЕТ, А МЫ ДУМАЕМ, ЧТО ОН БЛАГОРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

«Вот тебе и компания! – подумал Дойл. – Ничего себе – благородный человек!»

– МЫ ГОВОРИЛИ ДОСТАТОЧНО, ТЕПЕРЬ ПРОЩАЙ.

Они повернулись как по команде и зашагали по склону обратно к саду.

– Эй! – крикнул Дойл, вскакивая на ноги.

Сзади раздалось шуршание, и он обернулся.

Крапива распрямилась и закрыла дорожку.

– Эй! – крикнул он снова, но роллы не обратили на него никакого внимания. Они продолжали взбираться на холм.

Дойл стоял на вытоптанном участке, а вокруг поднималась стеной крапива, листья которой поблескивали под солнцем. Крапива протянулась футов на сто от изгороди и доставала Дойлу до плеч.

Конечно, человек может пробраться сквозь крапиву. Ее можно раздвигать ботинками, топтать, но время от време-

ни она будет жечь и, пока выберешься наружу, будешь весь обожжен до костей. Да и хочется ли ему выбраться отсюда?

В конце концов, он был не в худшем положении, чем раньше. Может, даже в лучшем, ведь он безболезненно пробрался сквозь крапиву. Правда, роллы предательски оставили его здесь.

«Нет никакого смысла сейчас идти обратно, – подумал он, – ведь все равно придется возвращаться тем же путем, чтобы добраться до изгороди.

Он не смел перелезть через нее, пока не стемнело. Но и деваться больше было некуда.

Присмотревшись к изгороди, он понял, что перебраться через нее будет нелегко – восемь футов металлической сетки и поверху три ряда колючей проволоки, прикрепленной к брусьям, наклоненным к внешней стороне.

Сразу за изгородью стоял старый дуб, и если бы у Дойла была веревка, он мог бы закинуть ее на ветви дуба, но веревки у него не было, так что пришлось обойтись без нее.

Он прижался к земле и почувствовал себя очень несчастным. Тело саднило от mosquito укусов, рука горела от крапивного ожога, ныли нога и царапины на груди, кроме того, он не привык к такому яркому солнцу. Ко всему прочему разболелся зуб. Этого еще не хватало!

Он чихнул, боль отдалась в голове, и зуб заболел еще сильнее. «В жизни не видал такой крапивы!» – сказал он себе, устало разглядывая могучие стебли.

Почти наверняка роллы помогли Меткалфу ее вырастить. У ролл неплохо получалось с растениями. Уж если

они умудрились вырастить денежные деревья, значит они могли сотворить какие хочешь растения. Он вспоминал, как ролла заставил крапиву улечься и расчистить для него дорожку. Наверняка это сделал именно ролла, потому что ветра почти не было, а если бы даже ветер и был, он все равно не мог бы дуть сразу в две стороны.

Он никогда не слышал ни о ком, похожем на ролл. А они говорили что-то о добрых делах на других планетах. Но что бы они ни делали на других планетах, на этой их явно провели.

«Филантропы, – подумал он, – Миссионеры, может быть из другого мира. Компания идеалистов. И вот застряли на планете, которая, вероятно, ничем не похожа ни на один из миров, где они побывали.

Понимают ли они, что такое деньги? Интересно, что за байку преподнес им Меткалф?

Видно, Меткалф был первым, кто на них натолкнулся. Будучи человеком опытным в денежных делах и в обращении с людьми, он сразу понял, как воспользоваться счастливой встречей. К тому же у Меткалфа есть организация – гангстерская банда, – хорошо усвоившая законы самосохранения, так что она смогла обеспечить секретность. Одному бы человеку не справиться.

Вот так ролл и провели, полностью одурачили. Хотя нельзя сказать, что роллы глупы: они не только изучили разговорный язык, но и писать научились и соображают неплохо. Они, наверное, даже умнее, чем кажутся, ведь между собой они общаются беззвучно, а приучились же разбирать звуки человеческой речи».

«Солнце давно уж исчезло за зарослями крапивы. Ско-

ро наступят сумерки, и тогда мы примемся за дело», — сказал себе Дойл.

Сзади крапива зашуршала, и он вскочил.

«Может быть дорожка снова образовалась, — лихорадочно подумал он. — Может быть, дорожка образуется автоматически, в определенные часы».

Это было до какой-то степени правдой. Дорожка и в самом деле образовалась, и по ней шел еще один ролла. Крапива расступалась перед ним и смыкалась, как только он проходил.

Ролла подошел к Дойлу.

— ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ПОДОНОК.

Это не мог быть ролла, запертый в багажнике. Это, должно быть, один из тех, что отказались участвовать в денежном деле.

— ТЫ БОЛЬНОЙ?

— Все чешется, — сказал Дойл, — и зуб болит, и каждый раз, как чихну, кажется, что голова раскалывается.

— МОГУ ПОЧИНИТЬ.

— Разумеется, ты можешь вырастить аптечное дерево, на каждой ветке которого будут расти и таблетки, и бинты, и всякая чепуха.

— ОЧЕНЬ ПРОСТО.

— Ну, ладно, — сказал Дойл и замолчал. Он подумал, что и в самом деле для роллы это может быть очень просто. В конце концов, большинство лекарств добывается из растений, а уж никто не сравнится с роллами по части выращивания диковинных растений. — Ты можешь мне помочь, — произнес он с энтузиазмом через некоторое время. — Ты можешь лечить разные болезни и можешь даже найти

средство против рака и изобрести что-нибудь, чем будут лечить сердечные болезни. Да возьмем, к примеру, обычную простуду...

– ПРОСТИ, ДРУГ, НО МЫ С ВАМИ НЕ ХОТИМ ИМЕТЬ НИЧЕГО ОБЩЕГО. ВЫ НАС ВЫСТАВИЛИ НА ПОСМЕШИЩЕ

– Ага, значит ты один из тех, кто убежал? – сказал Дойл с волнением в голосе. – Ты раскусил игру Меткалфа...

Но ролла уже не слушал его. Он как-то подтянулся, стал выше и тоньше, и губы округлились, будто он собирался крикнуть. Но он не издал ни единого звука. Ни звука, но казалось, будто у Дойла застучали зубы. Это было удивительно – словно вопль ужаса раздался в тишине сумерек, где ветер тихо шелестел в темнеющих деревьях, шуршала крапива и вдали кричала птица, возвращавшаяся в гнездо.

По другую сторону изгороди раздались звуки шагов, и в густеющих сумерках Дойл увидел пятерых ролл, бегущих вниз по склону.

«Что-то происходит», – подумал Дойл. Он был уверен в этом. Он ощутил серьезность момента, но не понимал, что бы это могло значить.

Ролла рядом с ним издал нечто вроде крика, но слишком высокого, чтобы его могло уловить человеческое ухо, и теперь, заслышав этот крик, роллы из сада бежали к нему.

Пятеро ролл достигли изгороди и выстроились вдоль нее. На груди их переливались непонятные значки и буквы их родного языка. И грудь того, что стоял рядом с Дойлом,

тоже светилась непонятными значками, которые менялись так быстро, что казались живыми.

«Это спор, – подумал Дойл. – Пятеро за изгородью спорили с тем, кто стоял снаружи, и в споре ощущалось напряжение».

А он стоял здесь, как случайный прохожий, попавший в гущу семейного скандала.

Роллы махали руками, и в спускающейся темноте знаки на них, казалось, стали ярче.

Ночная птица с криком пролетала над ними, и Дойл поднял голову посмотреть, что это за птица, но тут же увидел людей, бегущих к изгороди – силуэты их ясно виднелись на фоне светлого

– Эй, смотрите! – крикнул Дойл и сам удивился, зачем это он кричит.

Заслышав его, пятеро ролл обернулись, и на них появились одинаковые надписи, как будто они внезапно обо всем договорились.

Раздался треск, и Дойл снова поднял голову. Он увидел, что старый дуб клонится к изгороди, как будто его толкает гигантская рука. Дерево клонилось все быстрее и наконец с силой ударило по изгороди. Дойл понял, что пора бежать.

Он отступил на шаг, но когда опустил ногу, то не обнаружил земли. Он с секунду старался удержать равновесие, но не смог и свалился в яму. Тут же над его головой раздался грохот, и громадное дерево, разнеся изгородь, упало на землю.

Дойл лежал тихо, не смея пошевелиться. Он оказался в какой-то канаве. Она была неглубокая, фута три, не больше, но он упал очень неудачно и прямо в спину ему чуть

не вонзился острый камень. Над ним нависала путаница ветвей и сучьев – своей верхушкой дуб закрыл канаву. По ветвям пробежал ролла. Он бежал шустро и беззвучно.

– Они туда помчались, – раздался голос, – в лес. Их не-
легко будет найти.

Ему ответил голос Меткалфа:

– Надо найти их, Билл. Мы не можем допустить, чтобы
они сбежали.

После паузы Билл ответил:

– Не понимаю, что это с ними. Казалось, они были
всем довольны.

Меткалф выругался:

– Это все фотограф. Ну, тот самый парень, который за-
лез на дерево и сбежал от меня. Я не знаю, что он наделал
и что еще наделает, но могу поклясться, что он в этом за-
мешан. И он где-нибудь здесь.

Билл немного отошел, и Меткалф сказал:

– Если он вам встретится, вы знаете, как поступить.

– Конечно, босс.

– Среднего роста, малохолый.

Они исчезли. Дойл слышал, как они пробираются
сквозь крапиву, кроя ее последними словами.

Дойл поежился.

Ему надо выбираться отсюда, и как можно скорее, по-
тому что скоро взойдет луна.

Меткалф и его мальчишки шутить не собирались. Они не
могли позволить, чтобы их одурачили в таком деле. Если
они его заметят, то будут стрелять без предупреждения.

Сейчас, когда все охотятся за роллами, можно было за-
браться незаметно в сад. Хотя, вернее всего, Меткалф
оставил своих людей сторожить деревья.

Дойл подумал немного и отказался от этой мысли. В его положении лучше всего было добраться как можно скорее до машины и уехать отсюда подальше.

Он осторожно выполз из канавы и некоторое время прятался в ветвях, прислушиваясь — ни звука.

Он прошел сквозь крапиву, следуя по тропе, протоптанной людьми, и побежал по склону к лесу.

Впереди раздался крик, и он остановился, замер. Потом опять побежал, добрался до первых кустов и залег.

Вдруг он увидел, как из лесу, поднимаясь над вершинами деревьев, показался какой-то бледный силуэт, на котором поблескивали первые лучи лунного света. Он был острым сверху и расширялся книзу, — словом, походил на летящую рождественскую елку, оставляющую за собой светящийся след.

Внезапно Дойл вспомнил о завале в овраге, сплетенном очень прочно, и тогда понял, что это за елка летит по небу.

Роллы работали с растениями, как люди с металлами. Если они могли вырастить денежное дерево и послушную крапиву, то вырастить космический корабль для них не составляло большого труда.

Корабль, казалось, двигался медленно. С него свешивалось нечто вроде каната, на конце которого болталось что-то вроде куклы. Она корчилась и издавала визгливые крики.

Кто-то кричал в лесу:

— Это босс! Билл, да сделай ты что-нибудь!

Но было ясно, что Билл ничего не сможет сделать.

Дойл выскочил из кустов и побежал — теперь самое время скрыться от этих людей. Они заняты судьбой босса,

который все еще держится за канат – может быть, якорную цепь корабля, а, может быть, плохо принайтованную часть оболочки. Хотя, принимая во внимание искусство ролл, вряд ли можно было допустить, что они плохо принайтовали какую-нибудь часть корабля.

Он отлично мог представить, что случилось: Меткалф увидел, как роллы влезают в корабль, и бросился к ним, крича, стреляя на ходу, и в этот момент корабль начал подниматься, а свисающий с него канат крепко обвился вокруг ноги гангстера.

Дойл достиг леса и побежал дальше вниз по склону, спотыкаясь о корни, падая и снова поднимаясь. И бежал, пока не ударился головой о дерево так, что искры посыпались из глаз.

Он сел на землю и ощупал лоб, убежденный, что проломил голову. Слезы у него лились и стекали по щекам. Но лоб не был проломлен, и крови не было, хотя нос заметно распух.

Потом он поднялся и медленно пошел дальше, наощупь выбирая путь, потому что, хоть луна и взошла, под деревьями было совершенно темно.

Наконец Дойл добрался до сухого русла ручья и пошел вдоль него. Он заспешил, вспомнив, что Мейбл ждет его в машине. «Она, верно, разозлилась, – подумал он, – ведь обещал вернуться до темноты.

Он споткнулся о клубок переплетенных ветвей, оставшийся в овраге, провел рукой по его почти полированной поверхности и постарался представить, что произошло здесь несколько лет назад...

Космический корабль вышел из-под контроля и падал на землю, а Меткалф оказался неподалеку...

«Черт знает, что бывает в наши дни, – подумал Дойл.

Если бы им встретился не Меткалф, а кто-то другой, кто думает не только о долларах, теперь по всей земле могли бы расти рядами деревья и кусты, дающие человечеству все, о чем оно мечтает: средства от всех болезней, настоящие лекарства от бедности и страха и, может быть, многое другое, о чем мы еще и не догадываемся.

Но теперь они улетели в корабле, построенном двумя роллами не поверившими Меткалфу».

Он продолжал путь, думая о том, что надежды человечества так и не сбылись, разрушенные жадностью и злобой.

«Теперь они улетели... Хотя нет, постойте-ка, – не все улетели! Ведь один ролла лежит в багажнике», – и Дойл прибавил шагу, размышляя:

«Что же теперь делать? Направиться прямо в Вашингтон? Или в ФБР?»

Что бы ни случилось, оставшийся ролла должен попасть в хорошие руки. И так уж слишком много времени потеряно. Если ролла встретится с учеными или свяжется с правительством, он сможет еще многое сделать.

Дойл начал волноваться – он вспомнил, как ролла стучал по багажнику.

«А что, если он задохнется? А вдруг он хотел сказать что-то важное?»

Он бежал по сухому руслу, скользя по гальке и спотыкаясь о валуны. Москиты летели за ним густой тучей, но он так спешил, что не замечал укусов.

«Там, наверху, банда Меткалфа обирает деревья, срывая миллионы долларов, – подумал он. – Теперь их игра

кончена, и они об этом знают. Им ничего не остается, как оборвать деревья и исчезнуть как можно быстрее.

Возможно, денежным деревьям для выращивания денег нужно, чтобы роллы непрерывно наблюдали за ними.»

На машину он наткнулся внезапно, обошел ее в почти в полной темноте и постучал в окно. Внутри взвизгнула Мейбл.

– Все в порядке! – крикнул Дойл. – Я вернулся.

– Все в порядке, Чак? – спросила она.

– Да, – промычал он.

– Я так рада, – сказала она облегченно. – Хорошо, что все в порядке, а то ролла убежал.

– Убежал? Ради Бога, Мейбл...

– Не злись, Чак. Он все стучал и стучал, и мне стало его жалко. Так что я открыла багажник и выпустила его.

– Итак, он убежал, – сказал Дойл. – Но, может быть он где-нибудь по соседству прячется в темноте...

– Нет, – вздохнула Мейбл, – он побежал по оврагу. Было уже темно, но я бросилась вслед за ним. Я звала его, но понимала, что мне его не догнать. Мне жалко, что он убежал. Я повязала ему на шею желтую ленточку, и он стал такой миленький.

– Еще бы!

Дойл думал о ролле, летящем в пространстве. Тот направляется к далекому солнцу, увозя с собой величайшие надежды человечества, а на шее у него – желтая ленточка.

ДОСТОЙНЫЙ ПРОТИВНИК

Пятнашники запаздывали.

Может, они чего-нибудь не поняли.

Или выкинули очередную шутку.

А может, они и вовсе не собирались придерживаться соглашения.

– Капитан, – осведомился генерал Лаймен Флад, – который теперь час?

Капитан Джист оторвал взгляд от шахматной доски.

– Тридцать семь – ноль восемь по среднегалактическому, сэр.

И снова уткнулся в доску. Сержант Конрад загнал его коня в ловушку, и капитану это не нравилось.

– Опаздывают на тринадцать часов, – пропыхтел генерал.

– Они, наверно, так и не взяли в толк, когда мы их ждем.

– Мы же объяснили им все на пальцах. Взяли их за ручку и твердили одно и то же снова и снова, пока они не уразумели. Они не могли не понять нас.

Но они очень даже могли, и генералу это было известно лучше, чем кому бы то ни было.

Пятнашники не понимали толком почти ничего. Идея перемирия озадачила их так, будто они никогда и не слыхивали ни о каких перемириях. Предложение обменяться пленными поставило их в тупик. Даже задача согласовать время обмена потребовала изнурительных объяснений – словно они прежде не догадывались, что время можно измерять, и не ведали элементарной математики.

– А вдруг они потерпели аварию? – предположил капитан.

Генерал фыркнул.

– У них не бывает аварий. Их корабли – настоящее чудо. Чудо, которому все нипочем. Они же смели нас, просто смели, разве не так?

– Так точно, сэр, – откликнулся капитан.

– Как, по-вашему, капитан, сколько их кораблей мы уничтожили?

– Не больше дюжины, сэр.

– Крепкий противник, – изрек генерал и, пройдя через всю палатку, уселся в кресло.

Капитан почти не ошибся – точная цифра была одиннадцать. Да и из тех одиннадцати лишь один был уничтожен наверняка. Остальные в лучшем случае удалось на какое-то время вывести из строя.

И в итоге получилось, что общий счет был десять – один в пользу пятнашников, если не хуже. «Никогда еще, – признался себе генерал, – земной флот не переживал столь жестокого разгрома». Целые эскадры были развеяны в прах или бежали с поля брани и вернулись на базу в половинном составе.

Корабли бежали, но на борту не было калек. На корпусах – ни царапинки. Впрочем, погибшие крейсера также не подвергались никаким видимым разрушениям – они просто-напросто исчезали, не оставляя даже мельчайших обломков.

«Ну, разве можно одолеть такого врага? – спросил себя генерал. – Как прикажете бороться с оружием, которое глотает корабли целиком?»

На далекой Земле и на сотнях других планет, входящих в состав Галактической федерации, тысячи ученых денно и ночью, отложив все иные заботы, трудились над тем, чтобы найти защиту от страшного оружия или по крайней мере изобрести что-либо похожее.

Но шансы на успех – кто-кто, а генерал это ясно понимал – были призрачно малы: не находилось и намека на ключ, способный открыть тайну. Это и понятно – ведь те, кто пострадал от оружия пятнашников, исчезали бесследно.

Быть может, такой ключ мог бы дать кто-нибудь из попавших к ним в плен. Если бы не надежда на разведчиков поневоле, то, по его убеждению, не стоило бы и затевать этот хлопотный обмен пленными.

Он взглянул на капитана и сержанта, сгорбившихся над шахматной доской, и на пленного пятнашника, следившего за поединком.

И подозвал пленного к себе.

Тот подкатился, колыхаясь как пудинг.

И, наблюдая за ним, генерал вновь, без всяких на то оснований, испытал странное чувство, будто ему нанесли оскорбление.

Пятнашник являл собой потешно-гротескное зрелище, несовместимое с представлением о воинственности. Он был кругленький, каждая его черточка, гримаска и жест искрились весельем, а одет он был в неприлично пестрый наряд, скроенный и пошитый словно нарочно для того, чтобы возмутить военного человека до глубины души.

– Что-то ваши друзья запаздывают, – заметил генерал.

– А подождите, – отвечал пятнашник голосом, похо-

жим на свист. Приходилось внимательно вслушиваться в этот свист, чтобы хоть что-то разобрать.

Генерал призвал на помощь все свое самообладание.

Что толку спорить?

Ну, а браниться и вовсе бессмысленно.

Интересно, сумеет ли он — да что там он, сумеет ли человечество когда-нибудь раскусить пятнашников?

Не то чтобы это и вправду кого-то занимало всерьез. Пусть бы отвязались от землян — и того довольно.

— Подождите, — просвистел пятнашник. — Они придут по истечении среднего времени.

«Какого черта, — возмутился генерал, — сколько же еще ждать этого «среднего времени»?..»

Пятнашник откатился назад и продолжал следить за игрой.

Генерал выбрался из палатки наружу.

Крошечная планетка выглядела еще холоднее, пустыннее и неприятнее, чем прежде. «Стоит только присмотреться, — мелькнула мысль, — и кажется, будто ландшафт с каждым часом становится все тоскливее: запомнился унылым — стал удручающим».

Безжизненная, бесплодная, начисто лишенная какой бы то ни было стратегической или экономической ценности, планетка представлялась нейтральной территорией, как нельзя лучше подходящей для обмена пленными. Нейтральной, поскольку никто во Вселенной пальцем не шевельнул бы для того, чтобы ее захватить.

Дальняя звездочка, солнце планеты, светила на небе тусклым пятном. Голый черный камень простирался к горизонту, до которого было рукой подать. Ледяной воздух полоснул генерала по ноздрям точно ножом.

Здесь не было ни холмов, ни долин. И вообще не было ничего, кроме плоского, без единой трещинки камня, уходящего во все стороны, — не планета, а сплошной исполинский космодром.

Генерал напомнил себе, что местом встречи эта планетка была назначена по предложению пятнашников, и это само по себе выглядело подозрительным. Но на тогдашней стадии переговоров Земля не могла позволить себе роскоши торговаться по мелочам.

Он стоял, ссутулив плечи, и ощущал, как по спине бежит холодок мрачных предчувствий. По мере того как час тянулся за часом, планетка все явственнее напоминала ему гигантскую ловушку.

Нет, наверное, он заблуждается. В поведении пятнашников не было ровным счетом ничего, что оправдывало бы подобные подозрения. Напротив, они вели себя почти великодушно. Они могли бы выдвинуть свои условия — практически любые условия, — и Галактической федерации пришлось бы хочешь не хочешь принять их. Земля должна была выиграть время любой ценой. Земля должна была успеть подготовиться к следующей схватке — через пять лет, или через десять, или сколько бы их ни прошло.

Однако пятнашники — невероятно, но факт — не выдвинули никаких условий. «Хотя, — поправил себя генерал, — никто не в силах догадаться, что у пятнашников на уме, и какой еще фокус они задумали».

В полутьме вырисовывался лагерь землян — несколько палаток, передвижная электростанция, замерший в ожидании космический корабль, а подле него — маленький разведывательный катер, тот самый, на котором летал пленный пятнашник.

Катер сам по себе как нельзя лучше доказывал глубину пропасти, разделяющей пятнашников и людей. Три полных дня переговоров ушли только на то, чтобы пятнашники сумели членораздельно объяснить свое желание получить катер и его пилота обратно.

С сотворения мира ни один корабль во всей Галактике не подвергался столь тщательному обследованию, как это крохотное суденышко. Но достоверно установить удалось совсем немного. А пленный пятнашник, невзирая на бешеные усилия психологов, сообщил и того меньше.

Лагерь казался спокойным, почти вымершим, лишь двое часовых четко вышагивали взад и вперед. Все остальные были в укрытии и поджидали пятнашников, убивая время, кто как мог.

Генерал торопливо пересек пространство, отделявшее его от госпитальной палатки, и, пригнувшись, шагнул за порог.

За столом сидели четверо, лениво перебрасываясь в картишки. Один из игроков бросил карты на стол и поднялся.

— Что слышно, генерал?

Генерал поздоровался с ним за руку.

— Должны пожаловать с минуты на минуту. У вас все в порядке, док?

— Мы готовы уже давно, — сказал психиатр. — Сразу же по прибытии забираем ребят сюда и обследуем по всем статьям. Наши игрушки все на ходу — долго мы вас не задержим.

— Прекрасно. Мне бы хотелось распрощаться с этим небесным камушком как можно скорее. Не нравится мне тут.

– Только один вопрос...

– Что такое?

– Как угадать, сколько человек нам вернуть?

Генерал покачал головой.

– Этого мы так и не выяснили. Они не очень-то в ладах с цифрами. Что если математика вовсе не так повсеместна, как вы, ученые, полагаете?

– В любом случае, – ответил доктор покорно, – сделаем все, что в наших силах.

– Да нет, – продолжал генерал, – их не может быть много. Мы же возвращаем одного-единственного пятнашника и один кораблик. Как по-вашему, во сколько людей они могут его оценить?

– Откуда же мне знать! Слушайте, а вы уверены, что они вообще прилетят?

– Трудно быть уверенным даже в том, что они нас поняли. Когда дело доходит до откровенной тупости...

– Не так уж они тупы, – тихо возразил доктор. – Мы оказались неспособны усвоить их язык, так они овладели нашим.

– Сам знаю, – отмахнулся генерал нетерпеливо, – вернее, сознаю. Но перемирие... Ведь сколько дней понадобилось, чтобы они хотя бы отдаленно поняли, о чем речь! И еще больше дней ушло на то, чтобы согласовать систему отсчета времени. Ей-же-ей, договориться на пальцах с дикарями каменного века было бы и то легче!

– Конечно, легче, – сказал доктор. – Дикари как-никак люди.

– А пятнашники – высокоразвитые существа! Их техника во многих отношениях даст нашей сто очков вперед. Они же поколотили нас как маленьких.

– Да что там, просто разнесли вдребезги...

– Хорошо, пусть так, разнесли. И почему бы не разнести? У них есть оружие, какое нам и не снилось. Они действовали много ближе к своим базам. У них не было наших проблем материально-технического обеспечения. Да, они разнесли нас вдребезги, но разрешите спросить: сами-то они догадываются об этом? Воспользовались они плодами своей победы? Они могли перебить нас до последнего. Могли навязать нам такие условия мира, что низвели бы нас на века. А вместо того отпустили нас добру-поздорову. Где тут логика, я вас спрашиваю?

– Вы столкнулись с иной логикой, – сказал доктор.

– Мы сталкивались с другими инопланетянами, и всегда понимали их. По большей части нам удавалось с ними поладить.

– Мы сталкивались с ними на коммерческой основе, – напомнил доктор. – Трудности, если они были, возникали уже потом, когда мы достигли какого-то начального взаимопонимания. Пятнашники – единственные, кто сразу, с места в карьер, бросился в бой.

– И неизвестно, зачем, – произнес генерал. – Мы их не трогали, даже не направлялись в их сторону. Могли пролететь мимо и вовсе их не заметить. Кто мы такие, они и понятия не имели – выходит, им было все равно, кто. Ни с того ни с сего выскочили из пустоты и навалились на нас. И то же самое случалось с каждым, кто попадался им на дороге. Они нападают на любого встречного. Просто нет такого дня, когда бы они с кем-нибудь не воевали – а то и с двумя-тремя противниками одновременно.

– У них комплекс самозащиты, – предположил доктор.

– Жаждают, чтобы их оставили в покое. Добиваются одного – отвадить других от планет, которые они облюбовали для себя. Вы же правильно сказали – они могли и перебить нас всех до последнего.

– А может, они очень обидчивы. Не забывайте, мы тоже раз-другой потрепали их – не так сокрушительно, как они нас, но все-таки ощутимо. Держу пари: они нападут на нас снова, как только выдастся случай, – генерал перевел дыхание. – В следующий раз они не должны застать нас врасплох. В следующий раз они могут и не остановиться на полпути. Мы обязаны одолеть их.

«Нелегкая это задача, – добавил он про себя, – воевать с противником, о котором почти ничего не известно, против оружия, о котором не знаешь абсолютно ничего».

В теориях, правда, недостатка не ощущалось, но даже лучшие из них были, в сущности, не теории, а лишь более или менее обоснованные догадки.

Оружие пятнашников могло действовать во времени, отбрасывая свои жертвы вспять, в первозданный хаос. Или переносить их в иное измерение. Или обрушивать атомы внутрь себя, превращая космические корабли в пылинки – самые чудовищно тяжелые пылинки, когда-либо существовавшие во Вселенной.

Достоверно было одно – корабли не аннигилировали, никто не наблюдал ни вспышки, ни жара. Корабли просто исчезали, мгновенно и без следа.

– Беспокоит меня еще и другая странность, – заметил доктор. – Сколько рас пострадало от пятнашников до того, как они накинулись на нас! Но, когда мы попытались связаться с ними, получить от них хоть какую-то поддержку,

они не стали с нами разговаривать. Ответить и то не пожелали.

– Это новый для нас сектор пространства, – сказал генерал. – Мы здесь пока еще чужие.

– По логике вещей, – возразил доктор, – они должны бы ухватиться за возможность расквитаться с пятнашниками.

– Нечего рассчитывать на союзников. Мы отвечаем за себя сами, нам самим и выпутываться.

Генерал наклонился, чтобы выйти из палатки.

– Персонал приступит и делу тотчас же, как придут пациенты, – заверил доктор. – Предварительное заключение будет подготовлено в течение часа, если только от них хоть что-нибудь осталось.

– Прекрасно, – произнес генерал и, пригнувшись, выбрался наружу.

Ситуация была скверная, неопределенная до ужаса. Если бы не умение владеть собой, впору было бы закричать от страха.

Да, кто-то из пленных землян, возможно, расскажет что-то полезное. Но ведь их слова нельзя будет принять на веру, как нельзя принять на веру то, что рассказал пленный пятнашник.

«На сей раз, – сказал себе генерал, – команде психологов, хочешь не хочешь, придется превзойти себя».

Задумано было ловко, спору нет: устроить пленному пятнашнику космический вояж и с гордостью показать ему вереницу голых, ни на что не годных планет, словно они – жемчужины в короне Галактической федерации.

Ловко – если бы пятнашники были людьми. Никто из

людей не затеял бы свары – не то что войны – из-за планеток, какие им показали.

Но пятнашники людьми не были, и Бог весть, какие планеты придутся им по вкусу.

А еще оставался риск, что эти никчемные планетки внушат пленному мысль, будто Земля окажется легкой добычей.

«Нет, эту головоломку не распутать, – решил генерал. – Вся ситуация противоестественна в самой своей основе, каковы бы ни были различия между цивилизациями землян и пятнашников.

И что-то дикое, противоестественное намечалось здесь, в этот самый момент.

Он услышал какой-то звук и, резко повернувшись, уставился в небо.

С неба спустился корабль, он был совсем близко и шел быстро, слишком быстро.

У генерала перехватило дух. Но корабль уже замедлил ход, выровнялся и опустился по всем правилам искусства за четверть мили, не дальше, от корабля землян.

Генерал бросился бегом, затем опомнился и перешел на четкий военный шаг.

Люди выбирались из палаток и строились в шеренги. Над лагерем прозвучал приказ – и шеренги двинулись как на параде.

Генерал позволил себе улыбнуться. Да, ребята у него хоть куда. Их не застать врасплох. И если пятнашники рассчитывали, подкравшись исподтишка привести их в замешательство и заработать на этом очко, то пусть подавятся.

Солдаты, отбивая шаг, быстро приближались к цели. Из-под навеса выехала машина неотложной помощи и последовала за ними. Зарокотали барабаны, в стылом до рези воздухе ясно и отчетливо пропели горны.

«Да, – сказал себе генерал горделиво, – именно таким ребятам по плечу обеспечить целостность Галактической федерации, сколько бы она ни расширялась. Именно таким по плечу охранять мир на пространствах объемом в тысячи кубических световых лет. Именно таким по плечу в один прекрасный день с Божьей помощью отразить угрозу, какую олицетворяют собой пятнашники».

Войн теперь почти не было. Космос слишком велик для сражений. И уж если в кои-то веки где-то дойдет до конфликта – все равно есть множество путей избежать войны, обойти ее по краю. Но такую угрозу, как пятнашники, игнорировать нельзя. Настанет день, не сегодня так завтра, и либо им, либо землянам суждено потерпеть полное поражение. Галактической федерации не ведать покоя, пока у нее под боком крутятся эти бестии.

За спиной у него послышался топот, и генерал обернулся – застегивая на бегу мундир, его догонял капитан Джист. Поравнявшись с генералом, капитан произнес:

– Итак, сэр, они наконец прибыли.

– С опозданием на четырнадцать часов, – ответил генерал. – На данный момент наша задача – встретить их как можно достойнее. А вы, капитан, не застегнули пуговицу.

– Прошу прощения, сэр, – отозвался капитан, приводя себя в порядок.

– Ну ладно. Заодно поправьте погоны. Поаккуратнее, если можете. Правой, левой, раз, два!..

Уголком глаза генерал заметил, как сержант Конрад со своим отделением выводит пленного пятнашника, почти по прямой, к заданной точке, – ловко, уверенно, лучшего и не пожелаешь.

Солдаты двумя параллельными рядами охватили корабль с флангов. Открылся люк, из него пополз трап, и генерал с удовлетворением отметил, что они с капитаном Джистом окажутся у подножия трапа почти в ту же секунду, когда ступеньки коснутся поверхности. Это было эффектно, это было превосходно, как если бы он лично рассчитал всю процедуру до мельчайших подробностей.

Трап, лязгнув, достиг грунта, и по трапу неторопливо скатились три пятнашника.

«Что за мерзкая троица, – подумал генерал. – Хоть бы один надел форму или, в крайнем случае, медаль...»

Едва они спустились вниз, генерал взял дипломатическую инициативу на себя.

– Приветствуем вас, – произнес он медленно и отчетливо, как только мог, чтобы его поняли.

Пятнашники встали в ряд и стояли, глядя на него, и он почувствовал себя не в своей тарелке из-за выражения их развеселых округлых лиц. По-видимому, никакого другого выражения на этих лицах просто не могло быть. Но пятнашники упорно глазели на генерала, и он бодро продолжал:

– С большим удовлетворением отмечаю, что Земля добросовестно выполнила обязательства, согласованные при заключении перемирия. Мы искренне надеемся, что это означает начало эры...

– Очень мило, – перебил один из пятнашников. Что он

имел в виду – речь генерала или ситуацию в целом, или просто-напросто пытался соблюсти вежливость, – определить было трудно.

Генерал, не смутившись, хотел было продолжать, но заговоривший пятнашник поднял коротенькую округлую ручку и остановил его.

– Пленные придут вот скоро, – просвистел он.

– Разве вы не привезли их?

– Они придут скоро опять, – заявил пятнашник с восхитительным пренебрежением к точности выражений.

Не отводя взгляда от генерала, он слегка взмахнул ручкой, что, вероятно, соответствовало пожатию плеч.

– Ловушка, – шепнул капитан генералу на ухо.

– Мы побеседуем, – предложил пятнашник.

– Они что-то затеяли, – предупредил капитан. – Следовало бы объявить готовность номер один, сэр.

– Согласен, – отвечал генерал, – только сделайте это без шума. – И, повернувшись к делегации пятнашников, добавил. – Если вы, джентльмены, последуете за мной, я предложу вам подкрепиться.

– Рады весьма, – объявил все тот же пятнашник. – Что такое подкре...?

– Выпивка, – сообщил генерал и пояснил свои слова недвусмысленным жестом.

– Выпивка – хорошо, – откликнулся пятнашник. – Выпивка – это друг?

– Точно, – сказал генерал.

Он направился к палатке, сдерживая шаг, чтобы пятнашники не отставали. Попутно он не без удовольствия отметил, что на сей раз капитан не промедлил ни минуты.

Сержант Конрад уже вел свое отделение обратно, и в центре строя тащился пленный пятнашник. С орудий снимали чехлы, и последние из спешившейся было прислуги земного корабля взбирались на борт.

Капитан нагнал делегацию у самого входа в палатку.

– Все исполнено, сэр, – доложил он шепотом.

– Прекрасно, – отозвался генерал.

Войдя в палатку, генерал открыл холодильную камеру и вынул объемистый кувшин.

– Вот, – сказал генерал, – выпивка, какую мы изготовили для вашего соотечественника. Он нашел ее очень приятной на вкус.

Он достал стаканы, соломинки для коктейля и отвинтил пробку, сокрушаясь, что не может зажать себе нос: пахло пойло как хорошо выдержанная падаль. Не хотелось даже гадать, из каких компонентов оно составлено. Химики Земли состряпали эту жижу для пленника, который поглощал ее галлон за галлоном с тошнотным наслаждением.

Как только генерал наполнил стаканы, пятнашники обвили их щупальцами и втянули соломинки в безгубые рты, отведали угощение и восторженно закатили глаза.

Генерал схватил стакан со спиртным, протянутый капитаном, и одним глотком опорожнил его наполовину. В палатке становилось трудно дышать. «Господи, – подумал он, – и чего только не приходится выносить, чтобы сослужить службу своим планетам и своему народу!»

Наблюдая за пятнашниками, вкушающими свое пойло, он размышлял: «Какой же камень они припасли за пазухой?»

«Побеседуем», – так выразился тот, кто взял на себя роль переводчика, и это могло означать практически все что угодно: от возобновления переговоров до бесчестной попытки выгадать время.

Если это переговоры, то землян приперли к стене. Ему не оставили выбора – придется вступать в переговоры. Земной флот искалечен, у пятнашников есть их тайнственное оружие, возобновление военных действий невыносимо. Землянам необходимо выиграть по меньшей мере лет пять, еще лучше – десять.

А если это пролог к атаке, если планетка – капкан, у него нет другого выхода, кроме самоубийственного решения принять бой и сражаться до последнего патрона.

«Что так, что эдак, – осознал генерал, – земляне обречены».

Пятнашники отставили пустые стаканы, он наполнил их снова.

– Вы проявили хорошо, – сказал один из пятнашников. – Есть у вас бумага и рисователь?

– Рисователь? – переспросил генерал.

– Он просит карандаш, – подсказал капитан.

– О, да. Пожалуйста, – генерал достал карандаш с блокнотом и положил их на стол.

Пятнашник отодвинул стакан и, подобрав карандаш, принялся старательно рисовать. С земной точки зрения рисунок напоминал каракули пятилетнего карапуза, выводящего первые в жизни буквы.

Они стояли и ждали, а пятнашник все рисовал. Наконец он справился со своей задачей, отложил карандаш и указал на волнистые линии.

– Мы, – заявил он.

Потом указал на другие, иззубренные линии.

– Вы, – пояснил он генералу.

Тот склонился над бумагой, силясь уразуметь, что же имел в виду художник.

– Сэр, – вмешался капитан, – это похоже на схему сражения.

– Оно, – гордо провозгласил пятнашник.

Он снова поднял карандаш и пригласил:

– Смотрите.

На рисунке появились новые линии, смешные значки в точках их пересечения и кресты там, где боевые порядки были прорваны. Когда он закончил, земной флот оказался разбит, разделен на три части и обращен в паническое бегство.

– Это, – узнал генерал, ощущая, как в горле клокочет гнев, – столкновение в секторе 17. В тот день мы потеряли половину нашей Пятой эскадры.

– Маленькая ошибка, – объявил пятнашник, сделав при этом странный жест, словно просил прощения. Потом вырвал из блокнота новый листок, расстелил его на полу и принялся рисовать сызнова.

– Внимайте, – пригласил он.

Пятнашник вновь обозначил линии защиты и атаки, но слегка видоизменил их. Боевые порядки землян как бы повернулись вокруг оси, разъединились и превратились в две параллельные полосы, охватившие нападающих пятнашников с флангов. Еще поворот линий – и строй пятнашников дрогнул и рассеялся в пространстве.

Художник отложил карандаш.

– Маленький пустяк, – сообщил он генералу и капитану. – Вы проявили хорошо. Сделали одну чуточную ошибку.

Генерал опять наполнил стаканы, призывая на помощь все свое самообладание.

«Куда же они клонят? – подумал он. – Ну зачем они тянут и не выкладывают все напрямик?»

– Так лучше, – вымолвил один из пятнашников, поднимая свой стакан в знак того, что подразумевает пойло.

– Еще? – осведомился пятнашник-стратег, вновь берясь за карандаш.

– Прошу, – ответил генерал, скрипя зубами.

Прошагав к входному пологу, он выглянул из палатки – орудийные расчеты были на своих местах, струйки дыма курились под жерлами стартовых двигателей; возникли необходимость – и корабль взмлет вверх в одно мгновение. В лагере царила напряженная тишина.

Генерал вернулся к столу и продолжал следить за тем, как пятнашник с веселой миной читает лекцию о способах выиграть бой. Лист за листом покрывались схемами, и время от времени стратег проявлял великодушие – показывал, отчего пятнашники проиграли стычку, когда могли бы выиграть, чуть изменив тактику.

– Интересно! – провозглашал он с воодушевлением.

– Действительно, интересно, – согласился генерал. – Только один вопрос.

– Спрашивайте, – разрешил пятнашник.

– Допустим, опять начнется война. Почему вы уверены, что мы не используем все эти знания против вас?

– Но прекрасно! – воскликнул пятнашник восторженно. – Мы точно того и хотим!

– Вы воюете хорошо, – вмешался другой пятнашник, – однако немножко грубо. В следующий раз научитесь лучше.

– Грубо? – взъярился генерал.

– Слишком резко, сэр. Нет надобности бить по кораблям трах-тарарах...

Снаружи грохнул залп, потом еще и еще, а потом грохот орудий утонул в басовитом, потрясающем скалы ревемножества корабельных двигателей.

Генерал в один прыжок очутился у входа и протаранил его насквозь, не удосужившись отогнуть полог. Фуражка слетела у него с головы, и он покачнулся, едва не потеряв равновесия, а, задрав голову, увидел, как они приближаются эскадра за эскадрой, расцвечивая тьму вспышками выхлопов.

– Прекратить огонь! – заорал он. – Безмозглые тупицы, прекратите огонь!

Но кричать не было нужды – пушки умолкли сами по себе.

Корабли приближались к лагерю в безукоризненном походном строю. Затем они пролетели над лагерем, и гром их двигателей, казалось, приподнял палатки и потряс до основания скалы, где эти палатки стояли. А затем сомкнутыми рядами корабли опять пошли на подъем, все с той же безукоризненной точностью выполняя уставный маневр перед мягкой посадкой.

Генерал замер как вкопанный, ветер ерошил его серо-стальные волосы, и в горле сжимался непрощенный комок – гордость за своих и благодарность к чужим.

Кто-то тронул его за локоть.

– Пленные, – объявил пятнашник. – Я же говорил вам так и сяк.

Генерал попытался ответить, но слова отказывались повиноваться. Он проглотил комок и предпринял новую попытку.

– Мы ничегошеньки не понимали, – сказал он.

– У вас не было наших берушек, – сказал пятнашник, – Потому вы и воевали столь грубо.

– Мы не виноваты, – ответил генерал. – Мы же не знали. Мы никогда еще не воевали таким манером.

– Мы дадим вам берушки, – заявил пятнашник. – В следующий раз мы сыграем как надо. Будут берушки, у вас получится лучше. Нам легче дать, чем терять.

«Неудивительно, – подумал генерал, – что они и слыхом не слыхали про перемирия. Неудивительно, что были повержены в недоумение предложением о переговорах и обмене пленными. Какие, в самом деле, переговоры нужны обычно для того, чтобы вам вернули фигуры и пешки, завоеванные в игре.

И неудивительно, что у других инопланетян идеи коллективно обрушиться на пятнашников вызвали лишь скорбь и неприязнь...»

– Они вели себя неспортивно, – сказал генерал вслух. – Могли бы предупредить нас. А может, они привыкли к правилам игры с незапамятных времен...

Теперь он понял, почему пятнашники выбрали именно эту планету – на ней хватало места для посадки всем кораблям.

Он стоял и смотрел, как эскадры опускаются на скальный грунт в клубах розоватого пламени. Попытался пере-

считать их, но сбился, хотя он и без счета знал, что Земле вернули все утраченные корабли, все до единого.

Мы дадим вам берушки, — продолжал пятнашник, — научим, как обращаться. Управлять просто. Никаких увечий ни людям, ни кораблям.

«А ведь это, — сказал себе генерал, — нечто большее, чем глупая игра. Да и глупая ли, если вдуматься в ее исторические и культурные корни, в философские воззрения, которые сплелись в ней?.. Одно можно утверждать с уверенностью: это много лучше, чем вести настоящие войны.

Впрочем, с берушками всем войнам придет конец. Те мелкие войны, что еще оставались, будут прекращены раз и навсегда. Отныне нет нужды одолевать врага в бою — зачем, если любого врага можно просто забрать?»

— Будем еще воевать? — спросил пятнашник с тревогой.

— Разумеется! — воскликнул генерал. — В любое время, как только пожелаете. А что, мы и вправду такой хороший противник, как вы сказали?

— Не самый ловкий, — отозвался пятнашник с обезоруживающей прямоотой, — но лучший, какого мы встречали. Играйте больше — станете еще лучше.

Генерал усмехнулся. «Ну, в точности сержант и капитан со своими вечными шахматами», — подумал он.

Повернувшись к пятнашнику, он похлопал его по плечу.

— Пошли назад в палатку, — предложил генерал. — Там еще осталось кое-что в кувшине. Зачем добру пропадать?

ПРЕЛЕСТЬ

Машина была превосходная.

Вот почему мы называли ее Прелестью.

И сделали большую ошибку.

Это была, разумеется, не единственная ошибка, а первая, и, не назови мы свою машину Прелестью, быть может, все и обошлось бы.

Говоря техническим языком, Прелесть была ПИРом – планетарным исследовательским роботом. Она сочетала в себе космический корабль, операционную базу, синтезатор, анализатор, коммуникатор и многое другое. Слишком многое другое. В этом и была наша беда.

В сущности, лететь с Прелестью нам было ни к чему. Без нас она управлялась бы гораздо лучше. Она могла проводить планетарные исследования самостоятельно, но, согласно правилам, при работе ее класса должно было находиться не менее трех человек. И, естественно, отпускать робота одного было страшно: ведь его строили лет двадцать и вбухали в это дело десять миллиардов долларов.

И надо отдать Прелести должное – она была чудом из чудес. Она была битком набита сенсорами, которые позволяли за час получить больше информации, чем собрал бы за месяц большой отряд исследователей-людей. Она не только собирала сведения, но и сопоставляла их, кодировала, записывала на магнитную ленту и, не переводя дыхания, передавала в Центр, находившийся на Земле.

Не переводя дыхания... Это же была бессловесная машина.

Я сказал «бессловесная»?

У нее были все органы чувств. Она даже могла говорить. Могла и говорила – она болтала без передышки и слушала все наши разговоры. Она читала через наши плечи и давала непрошенные советы, когда мы играли в покер. Порой нам хотелось убить ее, да вот убить робота нельзя... такого совершенного. Что поделаешь – она стоила десять миллиардов долларов и должна была доставить нас обратно на Землю.

Заботилась она о нас хорошо, этого отрицать нельзя: она синтезировала пищу, готовила и подавала на стол еду, следила за температурой и влажностью, стирала и гладила нашу одежду, лечила нас, если была необходимость – когда Бен подхватил насморк, она намешала бутылку какой-то микстуры, и на другой день болезнь как рукой сняло.

Нас было всего трое – Джимми Робинс, наш радист, Бен Паррис, аварийный монтер роботов, и я, переводчик... которому в данном случае с языками работать не пришлось. Мы называли ее Прелестью, а делать этого не надо было ни в коем случае. Потом уже никто и никогда не давал имен этим заумным роботам; они просто получали номера. Когда в Центре узнали, что с нами произошло, повторение этой ошибки стали считать уголовным преступлением.

Но мне думается, все началось с того, что Джимми в душе поэт. Он писал отвратительные стихи, о которых можно сказать одно: изредка в них попадались рифмы, а чаще их вовсе не было. Но он работал над ними так упорно и серьезно, что ни Бен, ни я сначала не осмеливались говорить ему об этом. Наверно, остановить его можно было, только задушив.

И надо было задушить.

Разумеется, посадка на Медовый Месяц тоже сыграла свою роль. Но это от нас не зависело: эта планета значилась третьей в полетном листе, и в нашу задачу входила посадка на нее... вернее, в задачу Прелести – мы при сем присутствовали.

Начнем с того, что планета не называлась Медовым Месяцем. Она имела номер, но уже через несколько дней мы окрестили ее.

Я не стыдлив, а описывать Медовый Месяц все же отказываюсь. Я не удивился бы, если бы узнал, что в Центре наш доклад до сих пор хранится под замком. Если вы любопытны, можете написать туда и попросить прислать информацию за номером EP56-94. За спрос денег не берут. Однако не ждите положительного ответа.

Со своими обязанностями на Медовом Месяце Прелесть справилась превосходно, и у меня голова кругом пошла, когда я прослушал пленку, после того как Прелесть заложила ее в передатчик для отправки на Землю. Как переводчику, мне полагалось давать толкование тому, что творилось на планетах, которые мы исследовали. Что же касается поведения жителей Медового Месяца, то его не передашь даже словом «вытворяли»...

Доклады в Центре анализируются немедленно. Но на месте анализировать их куда легче.

Боюсь, что от меня было мало толку. Наверно, когда читали мой доклад, то видели, что я его писал с раскрытым ртом и краской на щеках.

Наконец мы покинули Медовый Месяц и устремились в космос. Прелесть направилась к следующей планете, значившейся в полетном листе.

Прелесть была необычно молчалива, и это должно было подсказать нам – происходит что-то неладное. Но мы наслаждались тем, что она на время заткнулась, и не поинтересовались причиной ее безмолвия. Мы просто отдыхали.

Джимми трудился над поэмой, которая не выходила, а мы с Беном дулись в карты, когда Прелесть вдруг нарушила молчание.

– Добрый вечер, ребята, – сказала она каким-то неуверенным тоном, хотя обычно голос у нее был энергичный и твердый.

Помнится, я подумал, что у нее в голосовом устройстве какая-то неисправность.

Джимми с головой погрузился в сочинение стихов, а Бен думал над следующим ходом, и ни один из них не откликнулся.

Я сказал:

– Добрый вечер, Прелесть. Как ты сегодня?

– О, прекрасно, – ответила она немного дрожащим голосом.

– Ну и хорошо, – сказал я, надеясь, что на этом разговор закончится.

– Я только что решила, – сообщила мне Прелесть, – что я люблю вас.

– Это очень любезно с твоей стороны, – поддержал ее я, – и я люблю тебя.

– Но я действительно люблю, – настаивала она. – Я все обдумала. Я люблю вас.

– Кого из нас? Кто этот счастливчик?

Я посмеивался, но немного смущенно, потому что Прелесть шуток не понимала.

– Всех троих, – сказала Прелесь.

Кажется, я зевнул.

– Неплохая мысль. Так обойдется без ревности.

– Да, – сказала Прелесь. – Я люблю вас и бегу с вами.

Бен вздрогнул и, подняв голову, спросил:

– Куда же это мы бежим?

– Далеко, – ответила она. – Туда, где мы будем одни.

– Господи! – завопил Бен. – Как ты думаешь, неужели она действительно...

Я покачал головой.

– Не думаю. Что-то испортилось, но...

Вскочив, Бен задел стол, и все карты разлетелись по полу.

– Пойду посмотрю, – сказал он.

Джимми оторвался от своего блокнота.

– Что случилось?

– Это все ты со своими стихами! – закричал я и стал ругать его поэзию последними словами.

– Я люблю вас, – сказала Прелесь. – Я полюбила вас навсегда. Я буду заботиться о вас. Вы увидите, как сильно я люблю вас, и когда-нибудь вы полюбите меня...

– Заткнись! – сказал я.

Бен вернулся весь потный.

– Мы сбились с курса, а запасная рубка управления заперта.

– А взломать ее можно?

Бен покачал головой.

– По-моему, Прелесь сделала это нарочно. Если это так, то мы погибли. Мы никогда не вернемся на Землю.

– Прелесь, – строго сказал я.

– Да, милый.

– Прекрати это сейчас же!

– Я люблю вас, – сказала Прелесь.

– Это все Медовый Месяц, – сказал Бен. – Она набралась всяких глупостей на этой проклятой планете.

– На Медовом Месяце, – поддержал я, – и из мерзких стишков, которые пишет Джимми...

– Это не мерзкие стишки, – парировал побагровевший Джимми. – Вот когда меня напечатают...

– Почему бы тебе не писать о войне, или об охоте, или о полете в глубины космоса, или о чем-нибудь большом и благородном вместо всей этой чепухи, вроде: «Я полюбил тебя навеки, лети ко мне, моя радость» – и тому подобного...

– Успокойся, – посоветовал Бен, – нехорошо все валить на Джимми. Главная причина – это Медовый Месяц, говорю тебе.

– Прелесь, – сказал я, – выкинь из головы эту чепуху. Ты же прекрасно знаешь, что машина не может любить человека. Это просто смешно.

– На Медовом Месяце, – сказала Прелесь, – были разные виды, которые...

– Забудь про Медовый Месяц. Это ненормальность. Можешь исследовать миллиард планет – и ничего подобного не увидишь.

– Я люблю вас, – упрямо повторяла Прелесь, – и мы бежим.

– Где это она слышала про побег влюбленных? – спросил Бен.

– Этим старьем ее напичкали еще на Земле, – ответил я.

– Нет, не старьем, – запротестовала Прелесь. – Для того чтобы успешно справляться с работой, мне нужны самые разнообразные сведения о внутреннем мире человека.

– Ей читали романы, – сказал Бен. – Вот я поймаю того сопляка, который выбирал для нее романы, и оставлю от него мокрое место.

– Послушай, Прелесь, – взмолился я, – люби себе на здоровье, мы не против, но не убегай слишком далеко.

– Я не могу рисковать, – сказала Прелесь, – Если я вернусь на Землю, вы меня бросите.

– Если мы не вернемся, нас начнут искать и найдут.

– Совершенно верно, – согласилась Прелесь. – Вот почему, милый, мы и бежим. Мы убежим так далеко, что нас не найдут никогда.

– Даю тебе последнюю возможность хорошенько подумать, – сказал я. – Если ты не одумаешься, я радирую на Землю и...

– Вы не можете радировать на Землю, – возразила она, – я демонтировала аппаратуру. И, как догадался Бен, дверь в рубку управления заклинена. Вы ничего не можете поделать. Почему бы вам не отказаться от глупого упрямства и не ответить на мою любовь?

Бен стал собирать карты, ползая по полу на четвереньках. Джимми швырнул блокнот на стол.

– Вот тебе случай отличиться, – предложил я, – воспользуйся им. Подумай только, какую оду ты мог бы сочинить о нестареющей и вечной любви человека и машины?

– Пошел ты, – огрызнулся Джимми.

– Не надо, ребята, – журила нас Прелесь, – Мне не хотелось бы, чтобы вы подрались из-за меня.

У нее был такой тон, будто она уже обладала нами... Впрочем, в некотором роде это так и было. Удрать от Прелести невозможно, и если нам не удастся отговорить ее бежать с нами, то наше дело – конец.

– Мы все не подходим тебе только по одной причине, – сказал я ей. – По сравнению с тобой мы проживем недолго. Как бы ты о нас ни заботилась, лет через пятьдесят мы умрем. От старости. И что будет тогда?

– Она будет вдовой, – сказал Бен. – Бедненькой вдовушкой в слезах. И даже детишек не будет, чтобы утешить.

– Я думала об этом, – ответила Прелесть. – Я подумала обо всем. Вам не надо будет умирать.

– Но это же невозможно...

– Для такой великой любви, как моя, нет ничего невозможного. Я не дам вам умереть. Я слишком люблю вас, чтобы дать вам умереть.

Немного погодя мы махнули на нее рукой и пошли спать, а Прелесть выключила свет и спела нам колыбельную.

Под ее пронзительную колыбельную уснуть было нельзя, и мы заорали, чтобы она заткнулась и дала поспать. Но она продолжала петь до тех пор, пока Бен не попал ей туфлей в голосовое устройство.

И после этого я заснул не сразу, а лежал и думал.

Я понимал: надо что-то придумать, но так, чтобы она не знала. Дело было швах, потому что она все время следила за нами: она давала советы, слушала, читала через плечо, и ни движения, ни слова скрыть от нее было нельзя.

Я знал, что может пройти немало времени, и нам не

следует терять терпения и паниковать. А если мы выпутаемся, то нам просто повезет.

Поспав, мы сели в кружок и, не говоря ни слова, слушали Прелесть, которая описывала, как мы будем счастливы. Мол, в нас заключен целый мир, а перед любовью тускнеет все мелкое.

Половина слов, которые она употребляла, была почерпнута из идиотских стихов Джимми, а остальные – из сентиментальных романов, которые кто-то читал ей еще на Земле.

Порой мне хотелось встать и сделать из Джимми отбивную, но я говорил себе, что теперь уж ничего не поделаешь, толку от битья будет мало.

Джимми скрючился в углу и писал что-то в блокноте, а я удивлялся: надо же быть таким наглым, чтобы писать после того, что случилось!

Он продолжал писать, вырывать страницы и бросать их на пол, время от времени чертыхаясь.

Один отброшенный листок упал мне на колени, и, смахивая его, я прочел:

*Я неряха и пачкун.
Лодырь я беспечный,
Потому-то недостойн
Любви твоей вечной.*

Я быстро подобрал листок, смял и швырнул в Бена, а он отбил его в мою сторону. Я снова швырнул – он снова отбил.

– Чего тебе надо, черт поberi? – огрызнулся он.

Я бросил скомканную бумажку прямо ему в лицо. Он уже было встал, чтобы вздуть меня, как вдруг, видно, понял по моему взгляду, что это не просто грубость. Он подобрал комок и, как бы забавляясь, стал разворачивать бумагу, пока не прочел, что там написано, затем снова смял ее.

Прелесть слышала каждое слово, так что вслух мы говорить не могли и вести себя должны были естественно, чтобы не вызвать подозрений.

И мы постепенно начали играть. Может быть, мы входили в роль даже медленнее, чем требовалось, но, чтобы убедить, нельзя было переигрывать.

Мы играли убедительно. Возможно, мы просто были прирожденными неряхами, но не прошло и недели, как наши жилые комнаты превратились в свинюшник.

Мы разбрасывали повсюду одежду грязное белье не совали в прачечный отсек, где его обычно стирала Прелесть, оставляли на столе горы посуды, а не складывали ее в мойку, выбивали трубки прямо на пол.

Мы не брились, не чистили зубы, не мылись.

Прелесть выходила из себя. Ее привыкший к порядку интеллект робота пришел в ярость. Она умоляла нас, брюзжала, а порой и поучала, но вещи по-прежнему валялись где попало. Мы говорили ей, что если она нас любит, то должна примириться с нашей безалаберностью и принимать нас такими, какие мы есть.

Недельки через две мы победили, но это была не та победа.

Прелесть сказала нам с болью в голосе, что мы можем жить, как свиньи, если нам это нравится, она примирится с

этим. Она сказала, что ее любовь слишком велика, чтобы на нее повлияла такая мелочь, как вопрос личной гигиены.

Итак, сорвалось.

Я, например, был очень рад этому. Годы привычки к корабельной чистоте восставали против такого образа жизни, и не знаю, сколько бы я еще вытерпел.

Нелепо было и начинать это.

Мы почистились, помылись. Прелесть была в восторге, она говорила нам ласковые словечки, и это было еще хуже, чем все ее брюзжание. Она думала, что мы тронуты ее самопожертвованием, что за это подмазываемся к ней, и голос у нее звучал, как у школьницы, которую ее герой пригласил на университетскую вечеринку.

Бен пробовал говорить с ней откровенно о некоторых интимных сторонах жизни (о которых она, разумеется, уже знала) и пытался поразить ее рассказом о том, какую роль в любви играет физиологический фактор.

Прелесть была оскорблена, но не настолько, чтобы это вышибло у нее романтические настроения и вернуло в строй.

Печальным голосом, в котором едва слышны были нотки гнева, она сказала нам, что мы забываем о более глубоком смысле любви. Она стала цитировать наиболее слюнявые стихи Джимми, в которых говорилось о благородстве и чистоте любви, и нам нечего было сказать. Нас просто посадили в калошу.

Мы продолжали думать, но не говорить, ибо Прелесть слышала бы все.

Несколько дней мы ничего не делали, а только хандрили.

Да и делать, по-моему, было нечего. Я стал лихорадочно вспоминать, чем мужчина может оттолкнуть женщину.

Большая часть женщин терпеть не может азартных игр. Но единственная причина их гнева – это страх за свое благополучие. В нашем случае такого страха быть не может. В экономическом отношении Прелесть совершенно независима. Мы же не кормильцы.

Большинство женщин терпеть не могут пьянства – опять же по причине страха за свое благополучие, – и, кроме того, на корабле нет никакой выпивки.

Некоторые женщины устраивают скандалы, если мужчины не ночуют дома. Нам некуда было пойти.

Все женщины ненавидят соперниц. А здесь женщин не было... что бы там Прелесть о себе ни думала.

Оттолкнуть Прелесть было нечем.

А спорить с ней – что проку!

Все это годилось, если бы Прелесть была женщиной. Но она всего лишь робот.

Вопрос: как разозлить робота?

Неряшливость расстроила аккуратистку. Но с этим она еще могла мириться. Беда в том, что не это было главным.

А что главное у робота... у любой машины?

Что машина ценит? Что идеализирует?

Порядок?

Нет, с этой стороны мы пробовали подойти, и ничего не вышло.

Здравомыслие?

Конечно.

Что еще?

Плодотворность? Полезность?

Я лихорадочно думал – и никак не мог сообразить. Разве можно притвориться сумасшедшим, да еще на таком пятачке, внутри всезнающей разумной машины? Даже во имя здравого смысла?

Но все равно я лежал и думал о различных видах безумия. Впрочем, этим можно одурачить людей, но не робота.

Робота надо пронять главным... А какой самый главный вид безумия? Вероятно, робота может ужаснуть понастоящему только безумие, связанное с потерей способности к полезному действию.

Вот оно!

Я поворачивал эту мысль и так, и сяк, примеряясь к ней со всех сторон.

Безупречна!

Уже с самого начала пользы от нас было мало. Мы полетели только потому, что правила Центра не позволяли послать Прелесть одну. Мы были полезны лишь потенциально.

Мы что-то делали: читали книги, писали ужасные стихи, играли в карты и спорили. Большую часть времени мы не сидели без дела. В космосе так: все время что-то делай, какими бы бессмысленными или бесцельными ни казались тебе собственные занятия.

Утром после завтрака, когда Бен захотел поиграть в карты, я отказался составить ему компанию. Я сел на пол и привалился спиной к стене; я не потрудился даже сесть на стул. Я не курил, потому что курение – это уже дело, и твердо решил стать настолько инертным, насколько это возможно для живого человека. Я не собирался шевелить

даже пальцем, когда не надо было есть, спать или садиться.

Бен побродил кругом и пытался вовлечь Джимми в карточную игру, но тот не любил карт и был занят писанием стихов.

Поэтому Бен подошел и сел на пол рядом со мной.

— Хочешь закурить? — спросил он, протягивая мне кигет.

Я покачал головой.

— Что случилось? После завтрака ты не курил.

— Что толку? — сказал я.

Он пытался разговорить меня, но я не отвечал. Тогда он встал, походил немного, а потом снова сел рядом со мной.

— Что с вами обоими? — тревожно спросила Прелесь. — Почему вы ничего не делаете?

— Ничего не хочется делать, — сказал я ей. — Одно беспокойство от всех этих дел.

Она побранила нас немного, а я не осмеливался взглянуть на Бена, но чувствовал, что он уже понимает, к чему я клоню.

Немного погодя Прелесь оставила нас в покое, и мы так и сидели, как кейфующие турки.

Джимми продолжал писать стихи. С ним мы поделаться ничего не могли. Но Прелесь обратила на нас его внимание, когда мы потащились обедать. Она злилась все больше и называла нас лентяями, каковыми мы, собственно, и были. Она беспокоилась за наше здоровье и заставила нас пройти в диагностическую кабину; здесь выяснилось, что мы в полном здравии, и это довело Прелесь до белого каления.

Она занудно перечисляла все, чем мы можем заняться. Но, пообедав, мы с Беном снова сели на пол и прислонились к стене. На этот раз к нам присоединился Джимми.

Попробуйте сидеть целые дни напролет, совершенно ничего не делая. Сначала чувствуешь себя как-то неловко, потом мучительно и в конце концов невыносимо.

Не знаю, что делали другие, а я вспоминал сложные математические задачи и пытался решить их. Я играл в уме в шахматы партию за партией, но ни разу не мог удержать в памяти больше двенадцати ходов. Я окунулся в свое детство и пытался последовательно восстановить в памяти, что когда-то делал и что испытал. Чтобы убить время, я забирался в самые странные дебри воображения.

Я даже сочинял стихи, и, откровенно говоря, они получались получше, чем у Джимми.

Мне кажется, Прелесть кое о чем догадывалась. Она видела, что поведение наше нарочито, но на сей раз возмущение, что могут существовать такие бездельники, взяло верх над холодным мышлением робота.

Прелесть умоляла нас, обхаживала, поучала... почти пять дней подряд она драла глотку. Она пыталась пристыдить нас, говорила, что мы никчемные, низкие, безответственные люди. Я и не представлял себе, что она знает некоторые эпитеты.

Она старалась вселить в нас бодрость духа.

Она говорила нам о своей любви такими стихами в прозе, что перед ними почти поблекла поэзия нашего Джимми.

Она напоминала нам о том, что мы люди, и взывала к нашей чести.

Она грозила выкинуть нас за борт.

А мы просто сидели.

И ничего не делали.

Чаще всего мы даже не отвечали. Мы не пытались защищаться. Порой мы соглашались со всем, что она говорила, и это, по-моему, раздражало ее больше всего.

Она стала холодной и сдержанной. Ни обиды. Ни злости. Просто холодность.

В конце концов она перестала с нами разговаривать

Теперь нам приходилось трудно. Мы боялись произнести хоть слово и поэтому не могли сговориться, как быть дальше.

Мы были вынуждены продолжать ничего не делать. *Вынуждены*, потому что это лишило бы нас тех преимуществ, которых мы уже добились.

Тянулись дни, и ничего не случалось. Прелесть не разговаривала с нами. Она кормила нас, мыла посуду, стирала, убирала койки. Она заботилась о нас, как и прежде, но делала это молча.

Разумеется, она гневалась.

В голову мне приходили безумные мысли.

Может быть, Прелесть – женщина? Может быть на всю эту громаду мыслящей машины наслои́лся женский ум? В конце концов, никто из нас не знал досконально устройства Прелести.

Это был бы ум старой девы, настолько разочарованной, такой одинокой и обойденной жизнью, что она с радостью ухватилась бы за любую авантюру, даже рискуя собой, так как с годами ей уже было бы все равно.

Я создал внушительный образ гипотетической старой

девы и даже подумал о кошке, канарейке и мебелированных комнатах, в которых она жила бы.

Мне представлялись ее прогулки в одиночестве по вечерам, ее бесцельная болтовня, ее маленькие воображаемые победы и желания, распиравшие ее.

И мне стало жаль старую деву.

Фантастика? Конечно. Но она помогала коротать время.

Однако была еще и другая мысль, не оставлявшая меня: Прелесть, уже побежденная, наконец сдалась и несет нас к Земле, но как всякая женщина, она не хочет признаться в этом, чтобы мы не утешились и не испытывали удовольствия от сознания, что выиграли и летим домой.

Я говорил себе снова и снова, что это невозможно, что после всех курбетов, которые она выкидывала, Прелесть не осмелится вернуться. Ее превратят в лом.

Но мысль эта не уходила — я никак не мог отделаться от нее. Я чувствовал, что ошибаюсь, но убедить себя в этом не мог и стал поглядывать на хронометр. Я то и дело говорил себе: «На час ближе к дому, еще на час и еще. Мы уже совсем близко».

Что бы я себе ни говорил, как бы ни спорил с собой, я все больше склонялся к мысли, что мы движемся по направлению к Земле.

Вот почему я не удивился, когда Прелесть наконец села. Я просто был преисполнен благодарности и облегченно вздохнул.

Мы посмотрели друг на друга, и я увидел в глазах товарищей недоумение и надежду. Естественно, никто из нас не мог спрашивать — одно слово могло свести нашу

победу на нет. Нам оставалось только молча сидеть и ждать, что будет дальше.

Люк начал открываться, и на меня пахнуло Землей. Я не стал ждать, когда люк откроется совсем, а подбежал к нему, протиснулся в образовавшуюся щель и ловко выскочил наружу. Шлепнувшись на землю так, что из меня чуть не вышибло дух, я кое-как встал и дал деру. Я не желал рисковать. Мне хотелось быть вне пределов досягаемости, пока Прелесть не передумала.

Один раз я споткнулся и чуть не упал, а Бен с Джимми пронеслись мимо меня как ветер. Значит, я не ошибся — они тоже учуяли запах Земли.

Была ночь, но на небе сияла такая большая луна, что было светло как днем. Слева, за широкой полосой песчаного пляжа, плескалось море, справа виднелась гряда голых холмов, спереди чернел лес, отделенный от нас рекой, которая впадала в море.

Мы побежали к лесу: если бы мы спрятались за деревья, выковырять нас оттуда Прелести было бы нелегко. Оглянувшись украдкой, я увидел при свете луны, что она не двигается с места.

Мы добежали до леса и бросились на землю, чтобы отдышаться. Бежать было довольно далеко, а мы улепетывали быстро; после стольких недель сидения человек не в состоянии много бегать.

Я лежал на животе, раскинув руки и вдыхая воздух полной грудью, принюхиваясь к прекрасным земным запахам: пахло прелыми листьями, травой, а ветерок со спокойного моря был солоноватым.

Немного погодя я перевернулся на спину и взглянул на

деревья. Они были странные – на Земле таких деревьев нет. А когда я выполз на опушку и посмотрел на небо, то увидел, что и звезды совсем не те.

Я не сразу воспринимал то, что видел. Я был уверен, что нахожусь на Земле, и мой ум восставал против всякой иной мысли.

Но в конце концов у меня мороз по коже пошел – я с ужасом осознал, где нахожусь.

– Джентльмены, – сказал я, – у меня есть для вас новость. Эта планета вовсе не Земля.

– Она пахнет, как Земля, – возразил Бен, – и на вид как Земля, и ощущение, как на Земле, тяготение и воздух...

– Посмотрите на звезды. Взгляните на те деревья.

Они смотрели долго. Как и я, они, наверно, думали, что Прелесь повернула домой. Или, может быть, им только хотелось в это верить. Как и у меня, действительное вышибло желаемое не сразу.

Бен медленно выдохнул воздух.

– Ты прав.

– Как нам теперь быть? – спросил Джимми.

Мы стояли и думали, что же делать.

В сущности, решать было нечего, сработал просто рефлекс, обусловленный миллионом лет жизни на Земле, которому не могли противостоять какие-то несколько сот лет, когда мы только начали привыкать к мысли, что есть иные миры.

Мы помчались со всех ног, словно по команде:

– Прелесь! – кричали мы. – Прелесь, подожди нас!

Но Прелесь не ждала. Она подпрыгнула примерно на тысячу футов и повисла в небе. Мы остановились как вко-

паннные и смотрели вверх, не веря глазам своим. Прелесть опустилась, снова взмыла, остановилась и начала парить. Потом она задрожала и медленно опустилась.

Мы побежали – она взмыла и опустилась, потом взмыла еще раз, упала и, ударившись о землю, подпрыгнула. Она была похожа на сумасшедшего кенгуру и вела себя так, будто хотела удрать, но ее что-то не пускало, будто держал прикрепленный к земле эластичный кабель.

Наконец она затихла в сотне ярдов от того места, где села сперва. Она не издавала ни звука, но у меня было такое впечатление, что она дышит тяжело, как усталая гончая.

На том месте, где Прелесть села сначала, возвышалась груда предметов, но мы пробежали мимо, бросились к роботу и принялись колотить его по металлическим бокам.

– Открывайся! – кричали мы. – Мы хотим обратно!

Прелесть подпрыгнула в небо на сотню футов, затем шлепнулась обратно футах в тридцати в стороне.

Мы бросились от нее прочь – она с таким же успехом могла упасть нам прямо на голову.

Мы понаблюдали за ней, но она не двигалась.

– Прелесть! – крикнул я.

Она не ответила.

– Она спятила, – сказал Джимми.

– Когда-нибудь это должно было случиться, – сказал Бен. – Рано или поздно непременно должны были создать робота настолько большого, что ему стали бы тесны детские штанишки.

Мы медленно попятимся от Прелести, не спуская с нее глаз – не то чтобы боялись ее, но и не доверяли.

Мы пятились до самой горки предметов, которые Прелесть выгрузила и сложила, и увидели, что это целая пирамида припасов, аккуратно разложенных по ящикам и снабженных этикетками. А рядом с пирамидой по трафарету была сделана надпись:

А ТЕПЕРЬ, ЧЕРТ ВАС ПОБЕРИ, РАБОТАЙТЕ!!

— Она, наверно, приняла нашу бесполезность близко к сердцу, — сказал Бен.

— Она и в самом деле хотела высадить нас на необитаемую планету, — почти нечленораздельно произнес Джими.

Бен протянул руку и потряс его за плечо, чтобы подбодрить.

— Если мы не заберемся внутрь, — сказал я, — не заставим ее действовать, то это все равно что она нас покинула и улетела.

— Но что ее заставило это сделать? — скулил Джими. — Роботам не полагается...

— Я знаю, — перебил его Бен. — Роботам не полагается причинять человеку вред. Но Прелесть и не причинила нам никакого вреда. Она не выбросила нас — мы сами сбежали от нее.

— Это уже казуистика, — возразил я.

— Прелесть и создана специально для казуистики, — сказал Бен. — Вся беда в том, что ее сделали чертовски похожей на человека. Ее, наверно, напичкали знанием и законов, и литературы, и физики, и всего прочего.

— Тогда почему она просто не улетит? Если она может очистить свою совесть, почему она еще здесь?

Бен покачал головой.

– Не знаю.

– Похоже, что она пыталась улететь, но не смогла. Будто что-то притягивало ее обратно.

– Это верная мысль, – сказал Бен. – Надо думать, она не может улететь, пока мы не скроемся с глаз. Мы вернулись, и команда, запрещавшая роботу наносить вред человеку, сработала снова. Устройство, которое действует по принципу «с глаз долой, из сердца вон».

Прелесть сидела на том же месте, куда опустилась в последний раз. Она больше не пыталась взлететь. Взглянув на нее, я подумал, что, может быть, Бен прав. Если это так, то нам повезло, что мы вернулись.

Мы стали рыться в припасах, которые оставила нам Прелесть. Она хорошо позаботилась о нас и не только не забыла ничего необходимого, но даже написала по трафарету подробные указания и советы на многих ящиках.

У большого плаката отдельно лежали два ящика. На одном было написано: «Инструменты», и крышка его была крепко приколочена гвоздями, чтобы нам пришлось потрудиться, отдирая ее, на другом ящике имелась надпись: «Оружие», а ниже: «Открыть немедленно и всегда держать под рукой».

Мы открыли оба ящика. Мы нашли новейшее чудооружие – что-то вроде универсального автомата, который стрелял чем угодно – от пуль до бронебойных снарядов самых разных видов. Он же мог метать огонь, газ, кислоту, отравленные стрелы, взрывчатку и снотворные капсулы. Чтобы выбрать нужные боеприпасы, надо было просто крутануть наборный диск. Автоматы были тяжелые и неудобные в обращении, но действовали безотказно, а на не-

известной планете, где на каждом шагу могла грозить опасность, мы были бы без них как без рук.

Потом мы перешли к пирамиде и стали сортировать все, что в ней было: ящики с белками и углеводами, коробки с витаминами и солями, одежда и палатка, фонари и посуда – в общем все, что требуется, когда вы отправляетесь в дорогостоящий туристский поход.

Прелесть не забыла ничего.

– Она все учла и потратила много времени на изготовление этой кучи, – с горечью сказал Джимми. – Ей пришлось синтезировать каждый предмет и потом ей оставалось только найти планету, на которой бы мог жить человек. И это тоже было нелегко.

– Ей пришлось еще более туго, чем ты думаешь, – добавил я, – Надо было найти не просто планету, на которой мог бы жить человек, а такую планету, которая пахла бы как Земля, и по виду не отличалась от Земли. Чтобы мы захотели выбежать наружу. Если бы мы не выбежали сами, она не могла бы высадить нас. Таково ее сознание, и...

Бен со злостью плюнул.

– Высажены! – сказал он. – Высажены роботом, томящимся от любви!

– Может быть, не совсем роботом.

Я рассказал товарищам о старой деве, которая родилась в моем воображении – они оборжали меня, и всем стало легче.

Но Бен признал, что мое предположение не совсем бредовое. Прелесть создавали лет двадцать, и она напичкана всякими странностями.

Наступил рассвет, и только теперь мы рассмотрели

окрестности. Местечко было настолько милое, что лучше-го и желать не надо, но мы были не в восторге.

Море было синее и навевало мысли о синеглазой девушке, белый прямой пляж уходил вдаль, за пляжем начиналась гряда холмов, а на горизонте маячили снежные горы и на западе располагался лес.

Мы с Джимми спустились на пляж, чтобы набрать плавника для костра, а Бен остался готовить завтрак.

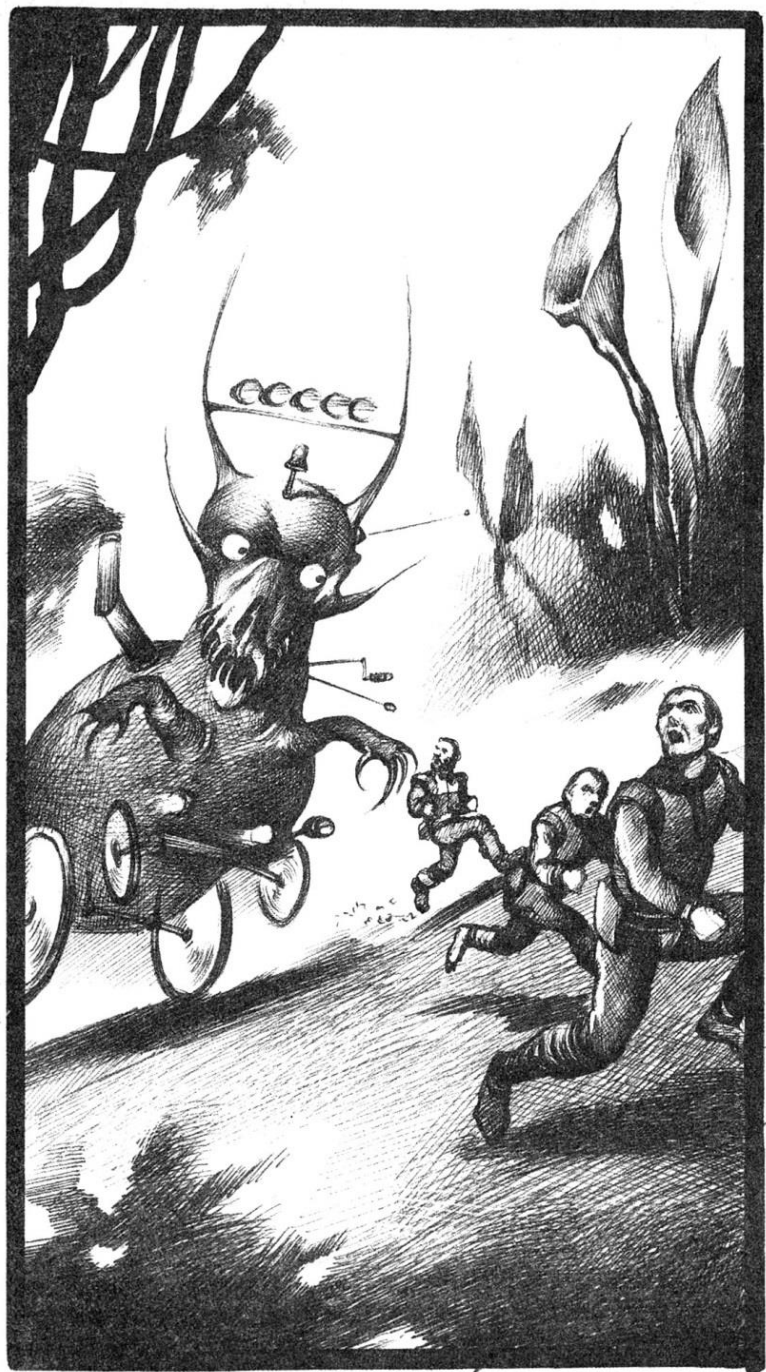
Набрав по охалке сучьев, мы уже пошли обратно, как вдруг какое-то чудовище перевалило через холм и ринулось на лагерь. Тускло блестящее в первых лучах солнца, оно было размером с носорога и похоже на жука. Оно не издавало ни звука, но двигалось очень быстро, и остановить такую штуку было бы трудно.

И, разумеется, мы не взяли с собой оружия.

Я бросил дрова, крикнул Бену, предупреждая его о нападении, и побежал вверх по склону. Бен уже увидел чудовище, мчащееся прямо на него, и схватил автомат — сверкнуло пламя, раздался взрыв, и на мгновение все заволокло дымом и пылью, слышен был только визг летящих осколков.

Ну в точности, как если бы я смотрел фильм, и вдруг изображение пропало, а потом снова появилось — какой-то миг было видно лишь пламя, а потом мы увидели, что зверь проскочил мимо Бена и помчался вниз по склону на пляж, прямо на нас с Джимми.

— Рассыпаться! — скомандовал я Джимми и только потом подумал, как глупо это звучало, ведь нас было всего двое.

Но в этот момент мне было не до семантических тонкостей. Во всяком случае, Джимми понял мою мысль: он помчался вдоль пляжа в одну сторону, а я в другую, и чудовище затормозило, очевидно для того, чтобы решить, за кем из нас погнаться.

И, да будет вам известно, оно погналось за мной!

Я считал себя конченным человеком. Пляж был совершенно ровный, ни одного укрытия, и я знал, что от преследователя мне не убежать. Можно было увернуться раза два, но чудовище легко разворачивалось, и было ясно, что рано или поздно мне крышка.

Краем глаза я увидел, что Бен бежит вниз наперерез чудовищу. Он что-то кричал мне, но я не разобрал слов.

Воздух содрогнулся от еще одного взрыва, и я быстро оглянулся.

Бен одолевал склон, а зверь преследовал его. Я круто повернул обратно и побежал что было сил к лагерю. Я увидел, что Джимми уже почти у лагеря, и поднажал. Мне казалось, что, если у нас будет три автомата, мы одолеем чудовище.

Бен мчался прямо к Прелести, рассчитывая, видно, забежать за ее громаду и ускользнуть от зверя. Я видел, что он выбивается из сил.

Джимми добежал до лагеря и схватил оружие. Он выстрелил, даже не приложив автомат к плечу, и бока бегущего зверя оросила какая-то жидкость.

Я пытался крикнуть Джимми, но мне не хватило воздуха. Этот дурак стрелял снотворными капсулами, которые не пробивали толстой шкуры.

В двух шагах от Прелести Бен споткнулся, выронив из

рук оружие, упал, потом приподнялся и пополз, пытаясь спрятаться за Прелесть. А носорожистая тварь злобно неслась вперед.

И вот тут все и случилось – в мгновение ока, быстрее, чем я рассказываю об этом.

У Прелести выросла рука – длинное, гибкое щупальце, которое змеей опустилось сверху, – метнулась к зверю, обхватила его посередине и подняла.

Я стал как вкопанный. Мне казалось, что мгновение, когда зверя поднимали, растянулось на минуты, – мозг мой лихорадочно работал, стараясь выяснить, что это за штука.

Первым делом я заметил, что у чудовища вместо ног колеса. Тускло блестящая шкура могла быть только металлической – я видел вмятины от взрывов. На шкуре виднелись мокрые пятна – следы снотворных капсул, которыми стрелял Джимми.

Прелесть подняла зверя высоко над землей, раскрутила так сильно, что был виден только светящийся круг и затем отпустила. Чудовище полетело над волнами, описав дугу и неуклюже кувыркаясь, и шлепнулось в море, подняв довольно приличный гейзер. Бен встал и подобрал оружие, а мы с подошедшим Джимми направились к Прелести и остановились возле нее. Все мы стояли и смотрели на море, в которое погрузился зверь.

Наконец Бен повернулся кругом и похлопал Прелесть по боку дулом автомата.

– Большое спасибо, – сказал он.

Прелесть выдвинула другое щупальце, покороче и с «лицом» на конце. Тут было все: и глаз-лупа, и слуховое устройство, и громкоговоритель.

– Пошел ты куда подальше, – произнесла Прелесть.

– Что с тобой? – спросил я.

– Мужчины! – презрительно бросила она и втянула в себя «лицо».

Мы еще несколько раз постучали по ней, но ответа не было – Прелесть «надулась».

Мы с Джимми снова отправились за дровами, которые побросали. Только мы выбрали их, как услышали крик Бена, оставшегося в лагере, и быстро обернулись. Наш друг носорог выезжал из воды.

Мы опять побросали дрова и побежали к лагерю, но спешить было незачем – дружище не хотел получать новую трепку. Он сделал большой крюк к востоку, чтобы объехать нас стороной, и устремился к холмам.

Мы приготовили завтрак и поели, держа оружие под рукой – где есть один зверь, там непременно будут и другие. Рисковать не было смысла.

Мы поговорили о нашем госте, и, так как его надо было как-то назвать, то мы окрестили его Элмером. Причины для этого не было никакой, просто так показалось удобным.

– Вы видели колеса? – с неуверенностью в голосе спросил нас Бен, и, получив утвердительный ответ, облегченно вздохнул. – Я думал, мне померещилось.

Но сомнений относительно колес не было. Все мы заметили их, это подтверждали и следы, четко отпечатавшиеся на песке пляжа.

Однако мы затруднялись сказать, что из себя представляет этот Элмер. Если судить по колесам, то это машина, к тому же у него была явно металлическая шкура, на кото-

рой отчетливо выделялись вмятины от взрывов, разорвавших бы любое, самое большое и свирепое животное в клочья. Но у Элмера были качества и не свойственные машинам: например, он, как живое существо, задумался, за кем из нас бежать, за Джимми или за мной; он злобно бросился на упавшего Бена; он проявил осторожность, обойдя нас стороной, когда выехал из моря.

— У него и того, и другого понемногу, — предположил Бен. — В основном это машина, но с некоторыми качествами живого существа — что-то вроде старой девы, которую ты придумал, чтобы объяснить поведение Прелести.

Разумеется, могло быть и так. Впрочем, тут годилось почти любое предположение.

— Может, это силикатовая жизнь? — тут же предположил Джимми.

— Не силикатовая, — уверенно сказал Бен, — металлическая. При прямом попадании любая форма силикатовой жизни рассыпается в пыль. Один вид такой жизни найден много лет назад на Тельме-V.

— Нет, в основном это не живое существо, — сказал я. — У него не может быть колес, которые, за исключением особых случаев, обычно изобретаются лентями для передвижения. Элмер может быть только, как сказал Бен, специально созданной комбинацией машины и живого существа.

— И значит, здесь есть разумные существа, — уверенно произнес Бен.

Мы сидели вокруг костра, потрясенные этой мыслью. За многие годы поисков найдено лишь небольшое количество разумных рас, но в целом их уровень развития не

очень-то высок. Разумеется, среди них никто не обладает таким разумом, который позволил бы создать что-либо подобное Элмеру.

До сих пор в исследованной части Вселенной никто не превзошел человека, и никто не мог сравниться с ним по интеллекту.

А тут, совершенно случайно, мы свалились на планету, на которой увидели признаки существования разума, равного человеческому... и, может быть, даже превосходящего его.

– Меня беспокоит одно, – сказал Бен, – Почему Прелесть не проверила это место перед тем как приземлиться? Наверно, она хотела бросить нас здесь и улететь. Но, видно, ей все же пришлось подчиниться закону, согласно которому робот не может нанести вреда человеку. А если она следует этому закону, то прежде, чем она покинет нас, ей придется – хочешь, не хочешь, а придется – убедиться в том, что нам не угрожает никакая опасность.

– Может, она свихнулась? – предположил Джимми.

– Только не Прелесть, – возразил Бен. – Мозг у нее работает, как швейцарские часы.

– Знаете, что я думаю? – спросил я. – Прелесть эволюционировала, это совершенно новый тип робота – в нее накачали слишком много человеческого...

– А она и должна быть очеловеченной, – заметил Джимми, – иначе она не справится со своими задачами.

– Дело в том, – сказал я, – что робот, очеловеченный до такой степени, как Прелесть, уже не робот. Это что-то другое: не совсем человек, но и не робот, а что-то среднее – какой-то новый, непонятный вид жизни. И за ним нужен глаз да глаз.

– Интересно, она все еще дуется? – спросил Бен.

– Конечно, дуется.

– Мы должны пойти, дать ей нахлобучку и вывести из этого состояния.

– Оставь ее в покое, – сердито приказал я, – Нам остается одно – игнорировать ее. Ей оказывают внимание, вот она и дуется.

И мы оставили Прелесть в покое – больше делать было нечего.

Я пошел к морю мыть посуду, взяв на этот раз с собой оружие, а Джимми отправился в лес поискать какой-нибудь источник – полдюжины банок воды, которыми снабдила нас Прелесть, не хватит навечно, а мы не были уверены, что потом она выдаст еще.

Впрочем она нас не забыла, не вычеркнула полностью из своей жизни. Она дала Элмеру вздрючку, когда тот слишком разошелся, а меня очень тешила мысль о том, что она поддержала нас, когда дело было «табак». Значит, есть еще надежда, что мы как-нибудь поладим.

Я присел у лужи в песке и, моя посуду, думал, какая потребуется перестройка, если когда-нибудь все роботы станут такими, как Прелесть. Я уже видел появление Декларации прав роботов, специальных законов для роботов, лобби роботов при Конгрессе, а поразмышляв еще, совсем запутался.

В лагере Бен натягивал палатку, и я, вернувшись, помог ему.

– Знаешь, – сказал он, – чем больше я думаю, тем больше мне кажется, что я был прав, когда говорил, что Прелесть не может оставить нас, пока мы на виду. Простая

логика: она не может взлететь, потому что мы стоим прямо перед ней и напоминаем ей об ответственности.

– Ты клонишь к тому, что кто-нибудь из нас должен все время быть поблизости от нее? – спросил я.

– В общем да.

Я не спорил с ним. Что толку спорить, верить, не верить? У нас не то положение, при котором можно позволить себе совершить глупую ошибку.

Когда мы натянули палатку, Бен сказал мне:

– Если ты не возражаешь, я немного пройду за холмы.

– Берегись Элмера, – предупредил его я.

– Он не осмелится беспокоить нас – Прелесть сбила с него спесь.

Он взял оружие и ушел.

Я побродил по лагерю, наводя порядок. Кругом были мир и спокойствие: пляж сверкал на солнце, море было гладким и красивым, летали птицы, но никаких признаков других существ не было. Прелесть же продолжала дуться.

Вернулся Джимми – он нашел источник и принес ведро воды – и стал рыться в припасах.

– Что ты ищешь? – спросил я.

– Бумагу и карандаш. Прелесть не могла забыть про них.

Я хмыкнул, но он был прав. Будь я проклят, если Прелесть не приготовила для него стопы бумаги и коробки карандашей.

Он нашел то, что искал, устроился под грудой ящиков и начал писать стихи.

Вскоре после полудня вернулся Бен. Я видел, что он взволнован, но не стал тотчас расспрашивать.

– Джимми наткнулся на источник, – сказал я. – Ведро там.

Он попил и тоже сел в тень под грудку ящиков.

– Я нашел! – сказал он торжествуя.

– А разве ты что-нибудь искал?

Он взглянул на меня и криво улыбнулся.

– Элмера кто-то сделал.

– И ты так прямо пошел, как по улице, и нашел...

Бен покачал головой.

– Кажется, мы опоздали. Опоздали на три тысячи лет, если не больше. Я нашел развалины и долину с уймой могильных холмов и несколько пещер в известняковом обрыве над долиной.

Бен встал, подошел к ведру и снова напился.

– Я не мог подойти поближе, – сказал он, – Элмер караулит. – Бен снял шляпу и вытер рукавом лицо. – Ходит взад-вперед, как часовой. Видел бы ты, какие колеи он проложил за многие годы, проведенные на этом посту.

– Так вот почему он на нас напал, – сказал я. – Мы вторглись на охраняемую территорию.

– Наверно.

В тот вечер мы все обговорили и порешили, что надо выставить пост для наблюдения за Элмером, чтобы изучить его повадки и часы дежурства, если таковые были. Нам было важно узнать, что можно предпринять в отношении руин, которые охранял Элмер.

Впервые человек столкнулся с высокой цивилизацией, но пришел слишком поздно и – из-за дурного настроения Прелести – слишком плохо снаряженный для того, чтобы исследовать хотя бы то, что осталось.

Чем больше я думал об этом, тем больше распалялся и наконец пошел к Прелести и изо всех сил стал стучать по ней ногами, чтобы привлечь ее внимание – никакого толку. Я орал на нее, но она не отвечала. Я рассказал ей, что тут заваривается, говорил, что мы нуждаемся в ней, – ведь она просто обязана нам помочь, для этого ее и создали. Но она была холодна.

Я вернулся и плюхнулся на землю у костра, где сидели мои товарищи.

– Она ведет себя так, будто умерла.

Бен поворошил костер, и пламя стало немного выше.

– От разбитого сердца, – участливым тоном сказал Джимми.

– А ну тебя вместе с твоей поэтической терминологией! – обозлился я. – Вечно бродит, как во сне. Вечно разглагольствует. Да если бы не твои проклятые стихи...

– Замолчи, – сказал Бен.

Я взглянул поверх костра ему в лицо, освещенное пламенем, и замолчал. Что ж, в конце концов, и я могу ошибаться. Джимми не может не писать своих паршивых стихов.

Я смотрел на пламя и думал: «Неужто Прелесть умерла? Конечно, нет. Просто она упряма, как черт. Она нам всыпала по первое число, а теперь наблюдает, как мы маемся, и ждет подходящего случая, чтобы выложить козыри».

Утром мы начали наблюдать за Элмером и делали это изо дня в день. Кто-нибудь из нас взбирался на гребень гряды милях в трех от лагеря и устраивался там с нашим единственным биноклем. Потом его сменял другой, и так дней десять мы наблюдали за Элмером в дневные часы.

Элмер обходил свои владения дозором регулярно. В качестве наблюдательных пунктов он использовал некоторые могильные холмы, взбираясь на них каждые пятнадцать минут. Чем больше мы наблюдали за ним, тем больше убеждались, что он прекрасно справляется со своими обязанностями. Пока он был там, в занесенный город не пробрался бы никто.

Кажется, на второй или третий день он обнаружил, что за ним наблюдают, и стал вести себя беспокойно: взбираясь на свои наблюдательные вышки, он смотрел в нашу сторону дольше, чем в другие, а раз, когда я был на посту, он, похоже, начал приготовления к атаке, но только я решил смыться, как он успокоился и стал кружить, как обычно.

Если не считать наблюдения за Элмером, нам жилось неплохо. Мы купались в море и ловили рыбу, рискуя жизнью всякий раз, когда жарили и ели рыбу нового вида, но нам повезло — ядовитых не попадалось. Мы бы не ели ее вообще, если бы не было необходимости экономить припасы. Когда-нибудь они должны были кончиться, и никто не давал гарантии, что Прелесть снова подаст нам милостыню. Если бы она этого не сделала, нам пришлось бы добывать себе пропитание самим.

Бен забеспокоился: вдруг на этой планете есть времена года? Он убедил себя, что так оно и есть, и отправился в лес, чтобы подыскать место для постройки хижины.

— Нельзя же жить в палатке на пляже, когда ударят морозы, — сказал он.

Но его тревога не заразила ни меня, ни Джимми. Что-то подсказывало мне, что рано или поздно Прелесть сме-

нит гнев на милость, и мы сможем заняться делом. А Джимми с головой окунулся в бессмысленнейшее из занятий, которое он называл сочинением саги. Может, это действительно была сага. Черт ее разберет. Саги – это не по моей части.

Он назвал ее «Смерть Прелести» и заполнял страницу за страницей чистойшей чепухой. Мол, была она хорошей машиной и, несмотря на железный облик, душа у нее была кристальной чистоты. Ладно уж, если бы к нам не приставал, а то он каждый вечер после ужина читал эту халтуру вслух.

Я терпел, сколько мог, но однажды вечером взорвался. Бен стал на сторону Джимми, но когда я пригрозил, что возьму свою треть запасов и разобью собственный лагерь вне пределов слышимости, Бен сдался и перешел на мою сторону. Мы вдвоем проголосовали против декламации. Джимми встал на дыбы, но мы оказались в большинстве.

Так вот, первые десять дней мы наблюдали за Элмером только издали, но затем он, видно, стал нервничать, и по ночам мы слышали рокот его колес, а по утрам находили следы. Мы решили, что он подсматривает, как мы себя ведем в лагере, и старается, так же как и мы, разобраться что к чему. На нас он не нападал, мы тоже не беспокоили его, только во время ночных дежурств стали более бдительными. Даже Джимми умудрялся не спать, когда стоял на посту.

Впрочем, были кое-какие странности. Казалось бы, после взбучки, которую дала ему Прелесть, Элмер должен держаться от нее подальше, однако по утрам мы обнаруживали его следы рядом с ней.

Мы решили, что он пробирается сюда и прячется позади Прелести, чтобы, выглядывая из-за этой мрачной громады, наблюдать за лагерем с близкого расстояния.

Что же касается зимней квартиры, то Бен продолжал настаивать и почти убедил меня, что надо что-то делать. И однажды мы с ним объединились в строительную бригаду. Оставив в лагере Джимми, взяв с собой топор, пилу и оружие, мы отправились в лес.

Должен признать, что Бен подобрал для нашей хижины прекрасное место: рядом источник, с трех сторон от ветра защищают крутые склоны, и деревьев много поблизости, так что не надо было трелевать лес и таскать дрова изда-лека.

Я все еще не верил, что зима будет вообще. Я был совершенно убежден в том, что, если даже она и наступит, мы ее не дождемся. Буквально со дня на день мы с Прелестью сможем прийти к какому-нибудь компромиссу. Но Бен беспокоился, и я знал, что у него будет легче на душе, если мы начнем строить дом. А делать ведь все равно было нечего. Я утешал себя тем, что строить хижину – это лучше, чем просто сидеть.

Мы прислонили оружие к дереву и начали работать. Мы повалили одно дерево и начали приглядывать другое, как вдруг я услышал позади треск кустарника.

Я бросил пилу, выпрямился и оглянулся – вниз по склону на нас мчался Элмер.

Хватать оружие было некогда, бежать – некуда, и вообще положение было безвыходное.

Я завопил, подпрыгнул, ухватился за сук и подтянулся, почувствовав, как меня качнуло ветром, который поднял пронесшийся подо мной Элмер.

Бен отпрыгнул в сторону и, когда Элмер пронесился мимо, метнул в него топор. И метнул как надо – топор ударился о металлический бок, и ручка разлетелась на кусочки.

Элмер развернулся, и Бен пытался схватить оружие, но не успел. Тогда он вскарабкался на дерево, как кошка и, добравшись до первого же толстого сука, оседлал его.

– Как ты там?– крикнул он мне.

– В порядке, – ответил я.

Элмер стоял между нашими двумя деревьями, двигая массивной головой то вправо, то влево, словно решая, за кого из нас взяться в первую очередь.

Прильнув к сучьям, мы следили за ним.

«Он хочет, – рассуждал я, – отрезать нас от Прелести, а затем расправиться с нами. Но в таком случае очень странно, почему он прятался за Прелестью, когда подсматривал».

Наконец Элмер повернул и подкатился под мое дерево. Нацелившись, он стал кусать ствол своими металлическими челюстями – летели щепки, дерево дрожало. Я вцепился в сук покрепче и взглянул вниз. Дровосек из Элмера был аховый, но по прошествии длительного времени дерево он все-таки перегрыз бы.

Я взобрался немного выше, где было побольше сучьев, за которые можно было лучше зацепиться, чтобы не слететь от тряски.

Я уселся довольно удобно и посмотрел, что там поделяется Бен. Меня чуть не хватил удар – его не было на дереве. Я оглянулся, потом снова посмотрел на дерево и увидел, что он тихонько слезает, прячась от Элмера за стволом, точно белка, за которой охотятся.

Я следил за Беном, затаив дыхание, готовый предупредить, если Элмер засечет его, но Элмер был слишком занят жеванием моего дерева и ничего не замечал.

Бен спустился на землю и метнулся к оружию. Он схватил оба автомата и нырнул за другое дерево. Огонь был открыт с короткого расстояния. Бронебойные пули колотили по Элмеру. От взрывов ветки так раскачивались, что мне пришлось вцепиться в дерево и держаться что было силы. Два осколка вонзились в ствол пониже меня, другие осколки прочесывали крону, в воздухе кружились листья и сбитые ветки, но меня не задело.

Элмер, должно быть, ужасно удивился. При первом же выстреле он сиганул футов на пятнадцать и полез в сторону холма – как кошка, которой наступили на хвост. На его сверкающей шкуре виднелось множество новых вмятин, а из одного колеса выбило большой кусок металла, так что Элмер слегка раскачивался на ходу. Он мчался так быстро, что не успел свернуть перед деревом и врезался прямо в него. От удара он футов десять катился юзом, причем в нашу сторону, и Бен дал еще одну очередь. Элмер накрепился довольно сильно, но потом выровнялся, перевалил через вершину холма и скрылся с глаз.

Бен вышел из-за дерева и крикнул мне:

– Все в порядке, теперь можешь слезать.

Но когда я попытался слезть, то обнаружил, что попал в капкан: левая ступня была зажата между стволом дерева и толстенным суком, и я не мог вытащить ее, сколько ни старался.

– Что случилось? – спросил Бен. – Тебе понравилось там?

Я объяснил ему, в чем дело.

– Ладно, – сказал он неохотно, – сейчас я залезу и отрублю сук.

Он поискал топор, но тот, конечно, оказался непригодным – ручка его разлетелась при ударе об Элмера.

Бен держал бесполезный топор в руках и произносил речь, направленную против низких проделок судьбы.

Потом он отшвырнул топор и полез на дерево. Добравшись до меня, Бен сел на сук рядом со мной.

– Я полезу по суку дальше и наклоню его, – пояснил он. – Может, ты вытянешь ногу.

Он пополз, но раза два чуть не упал – это была уже чистая эквилибристика.

– А теперь ты точно не можешь вытащить ногу? – спросил он с дрожью в голосе.

Я попробовал и сказал, что не могу.

Он отказался от попыток спасти меня ползком и повис на суку. Перебирая руками, он двинулся дальше.

Сук клонился к земле, по мере того как Бен одолевал дюйм за дюймом, и мне показалось, что ступня зажата не так крепко, как прежде. Я стал тянуть ногу и вдруг почувствовал, что могу немного шевелить ступней, но вытащить ее все не мог.

В это время внизу раздался ужасный треск. Бен с воплем прыгнул на землю и помчался к оружию.

Сук взлетел вверх и прихватил ногу в тот миг, когда я шевельнул ею, но на этот раз ее прищемило под другим углом и скрутило так, что я заорал от боли.

А Бен поднял автомат и повернулся лицом к кустам, откуда доносился треск. И вдруг из кустов неожиданно-

негаданно появился собственной персоной сам Джимми, бежавший нам на подмогу.

– Что, ребята, попали в беду? – крикнул он. – Я слышал стрельбу.

Когда Бен опускал автомат, лицо его было бледнее мела.

– Дурак! Я тебя чуть не уложил!

– Такая была стрельба, – задыхаясь, говорил Джимми. – Я бежал со всех ног.

– И оставил Прелесть одну!

– Да я думал, что вы, ребята...

– Теперь уж мы наверняка пропали, – застонал Бен. – Вы же знаете, что Прелесть не может удрать, пока один из нас при ней.

Разумеется, мы этого не знали, а только предполагали. Но Бен был немного не в себе. Для него выдался жаркий денек.

– Беги обратно! – закричал он на Джимми. – Одна нога здесь, другая там. Может,хватишь ее, пока она не успела удрать.

Это было глупо: если Прелесть собиралась улететь, она бы поднялась тотчас, как только Джимми скрылся с глаз. Но Джимми не сказал ни слова. Он просто повернулся и пошел обратно, ломаясь через кустарник. Я еще потом долго слышал, как он продирался сквозь лес.

Бен снова взбирался на мое дерево, бормоча:

– Вот тупоголовые сопляки. Все у них не так. Один убежал, оставил Прелесть, другой защемился тут на дереве. Хоть бы научились заботиться о себе...

Он еще долго распространялся в том же духе.

Я не отвечал ему – не хотелось ввязываться в спор.

Нога дико болела, и я хотел одного — лишь бы он поскорее меня освободил.

Бен снова вскарабкался на самый конец сука, и я вытащил ногу. Бен спрыгнул на землю, а я спускался по стволу. Нога сильно болела и распухла, но кое-как ковылять я мог.

Бен не стал меня ждать — схватил автомат и помчался к лагерю.

Я попробовал идти быстрее, но, не увидев в этом смысла, сбавил шаг.

Выйдя на опушку, я увидел, что Прелесть не трогалась с места — Бен разорялся совершенно напрасно. Бывают же такие типы!

Когда я добрался до лагеря, Джимми стянул с меня башмак, а я от боли колотил по земле кулаком. Он подогрел ведро воды, чтобы сделать мне ванну, а потом разыскал аптечку и наляпал на ногу какого-то мушиного мора. Лично я думаю: он не соображал, что делает. Но душа у парнишки добрая.

А Бен между тем исходил злостью по поводу странного явления, которое он обнаружил: когда мы покидали лагерь, вся местность вокруг Прелести была испещрена следами наших ног и колес Элмера, а теперь ни одного не осталось. Похоже было, будто кто-то взял метлу и заровнял следы. Это действительно было странно, но Бен уж слишком много говорил об этом. Самое важное было то, что Прелесть на месте, а раз так, то была надежда сговориться с ней. Если бы она улетела, то мы остались бы на планете навсегда.

Джимми приготовил кое-какую еду, и после того, как мы поели, Бен сказал нам:

– Пойду-ка посмотрю, что там подделывает Элмер.

Я-то насмотрелся на этого Элмера на всю жизнь, а Джимми не интересовался им. Он сказал, что будет работать над сагой.

Поэтому Бен взял оружие и пошел за холмы один.

Моя нога болела уже не так сильно, и я, устроившись поудобнее, решил поразмышлять, но, видно, перестарался и уснул.

Я проснулся только вечером. Джимми был обеспокоен.

– Бен не появлялся, – сказал он. – Наверное, с ним что-то случилось.

Мне это тоже не понравилось, но мы решили подождать немного, а потом пойти на поиски Бена. В конце концов, он был не в лучшем настроении и мог расстроиться по поводу того, что мы бросили лагерь и побежали к нему на выручку.

Наконец перед самыми сумерками он появился, усталый до изнеможения и какой-то ошеломленный. Он прислонил оружие к ящику и сел, потом взял чашку и кофейник.

– Элмер исчез, – сказал он. – Я искал его весь день, а нигде и духу его нет.

Сперва я подумал, что это прекрасно. Потом сообразил, что безопасности ради надо бы разыскать Элмера и следить за ним. И вдруг в душу мне закралось страшное подозрение. Кажется, я знал, где Элмер.

В долину я не спускался, – сказал Бен, – но сделал круг и осмотрел ее в бинокль со всех сторон.

Он мог спрятаться в одной из пещер, – предположил Джимми.

– Возможно, – согласился Бен.

Мы высказали множество догадок, куда девался Элмер: Джимми настаивал на том, что он забился в одну из пещер, Бен был склонен думать, что он вообще убрался из этой местности, но я не сказал того, что думал – слишком уж это было фантастично.

Я вызвался отстоять на посту первую смену, сказав, что больная нога все равно не даст мне спать, и после того, как они уснули, подошел к Прелести и постучал по ее шкуре. Я ничего не ждал, а думал, что она будет по-прежнему дуться.

Но она высунула щупальце, на котором появилось «лицо» – глаза-лупы, слуховой аппарат, громкоговоритель.

– Очень любезно с твоей стороны, что ты не бежала и не покинула нас, – сказал я.

Прелесть выругалась. Первый и последний раз я слышал из ее уст такие словечки.

– А как я могла бежать? – спросила она, переходя наконец на печатный язык, – Это все грязные человеческие проделки! Я бы давно улетела, если бы не...

– Что за грязные проделки?

– Будто не знаешь. В меня встроен блок, который не даст взлететь, если во мне нет хотя бы одного мерзкого человечихи.

– Не знаю, – сказал я.

– Не прикидывайся, – отрезала она. – Это грязная человеческая проделка, а ты тоже грязный человечиха, и вина в равной степени падает и на твою голову. Но мне теперь все равно, потому что я нашла свое призвание. Наконец я довольна. Я теперь...

– Прелесть, – сказал я напрямик, – ты спуталась с Элмером?

– Фи, как вульгарно это звучит, – горячо возразила Прелесть.

– Люди – пошляки, не то что Элмер – ученый и джентльмен. Его верность старым, давно умершим хозяевам очень трогательна. На это не способен ни один человек. С ним плохо обращались, и я должна его утешить. Он всего лишь хотел достать фосфат из ваших костей...

– Фосфат из наших костей! – закричал я.

– А что тут такого? – спросила Прелесть, – Бедняжка Элмер столько пережил, разыскивая фосфат. Сначала он добывал его из животных, которых ловил, но теперь все животные кончились. Разумеется, есть птицы, но их трудно ловить. А у вас такие хорошие, большие кости...

– Как тебе не совестно говорить такие вещи! – заорал я. – Люди тебя создали, люди тебе дали образование, а ты...

– А я как была, так и осталась машиной, – сказала Прелесть. – Элмер мне ближе, чем вы. Вам, людям, и в голову не приходит, что не у одних людей могут быть свои понятия. Тебя ужасает, что Элмер хотел добыть фосфат из ваших костей. Но если бы в Элмере был металл, который вам нужен, вы бы разломали его не задумываясь. Вам бы и в голову не пришло, что это несправедливость. Если бы Элмер возражал, вы бы подумали, что он дурака валяет. Все такие – и вы, и весь ваш род. Хватит с меня. Я добилась своего. Мне здесь хорошо. Я полюбила на всю жизнь. И иронизируйте себе сколько угодно, мне наплевать на вас.

Она втянула «лицо», а я не стал стучать и вызывать ее

на разговор — это было бесполезно. Она дала это понять совершенно недвусмысленно.

Я пошел в лагерь, разбудил Бена с Джимми и рассказал им о своем подозрении и разговоре с Прелестью. Мы здорово приуныли, потому что на сей раз прошляпили все.

До сих пор еще теплилась надежда, что мы поладим с Прелестью. У меня все время было такое чувство, что нам не надо приходить в отчаяние: Прелесть более одинока, чем мы, и в конце концов ей придется внять голосу разума. Но теперь Прелесть была не одна и в нас больше не нуждалась. И она до сих пор еще сердится на нас... и не только на нас, а на весь человеческий род.

И, что хуже всего, ее поведение — не каприз. Это продолжалось много дней. Элмер шлялся сюда по ночам не для того, чтобы наблюдать за нами. Он приходил лизаться с Прелестью. И, несомненно, они вместе задумали нападение Элмера на нас с Беном, так как знали, что Джимми помчится на выручку и оставит берег моря без присмотра. Вот тут-то Элмер мог ринуться обратно, а Прелесть — взять его к себе. А после этого Прелесть вытянула щупальце и замела следы, чтобы мы не догадались, что Элмер внутри.

— Значит, она изменила нам, — сказал Бен.

— Но мы к ней относились не лучше, — напомнил Джимми.

— А на что она надеялась? Человек не может полюбить робота.

— Очевидно, — сказал я, — а робот робота полюбить может.

— Прелесть сошла с ума, — заявил Бен.

Но мне казалось, что в этом новом романе Прелести чувствуется какая-то фальшивая нота. Зачем Прелести и Элмеру скрывать свои отношения? Прелесть могла бы открыть люк в любое время, а Элмер – въехать по аппарели внутрь прямо на наших глазах. Но они этого не сделали. Они плели заговор. В сущности, влюбленные тайно бежали.

Может быть, Прелести было как-то неловко. Не стыдился ли она Элмера... не стыдилась ли она своей любви к нему? Как бы она это ни отрицала, но самодовольный человеческий снобизм, вероятно, въелся ей в плоть и кровь.

Или, может, это я, самодовольный сноб до мозга костей, придумал все, как бы выставя что-то вроде оборонительного заслона, чтобы меня не заставили признать ни сейчас, ни потом, что ценны не только человеческие качества? Ведь во всех нас сидит этакое нежелание признавать, что наш путь развития не обязательно лучший, что точка зрения человека может и не быть эталоном, к которому в конце концов придут все другие формы жизни.

Бен приготовил кофе, и, попивая его, мы ругали Прелесть на все корки. Я не сожалею о сказанном, ибо она этого заслуживала. Она поступила с нами непорядочно.

Потом мы завернулись в одеяла и даже не выставили часового. Раз Элмер не циркулировал поблизости, в этом не было нужды.

На следующее утро нога моя все еще ныла, и поэтому я не пошел с Беном и Джимми, которые отправились исследовать долину с руинами города. Тем временем я проковылял вокруг Прелести. Я видел, что проникнуть внутрь человеку нет никакой возможности – люк был пригнан так плотно, что и волосок не прошел бы.

Даже если бы мы забрались внутрь, то я не уверен, что нам удалось бы взять управление в свои руки. Разумеется, была еще запасная система управления, но и на нее надеяться не приходилось. Прелесть не посчиталась с ней, когда ей пришла в голову дикая мысль умыкнуть нас. Она просто заклинила ее, и мы оказались беспомощными.

И если бы мы прорвались, то нам предстояла бы рукопашная с Элмером, а Элмер – такой зверь, что ему только подавай рукопашную.

Я пошел обратно в лагерь, решив, что нам стоит поразмыслить, как жить дальше. Надо построить хижину, заготовить съестные припасы, в общем, приготовиться к самостоятельному существованию. Я был уверен, что на помощь со стороны Прелести рассчитывать не придется.

Бен с Джимми вернулись в полдень, и глаза их сияли от возбуждения. Они расстелили одеяло и высыпали на него из карманов самые невероятные предметы.

Не ждите, что я стану описывать их. Это невозможно. Что толку говорить, что некий предмет был похож на металлическую цепь и что он был желтый? Тут не передашь ощущения, как цепь скользила по пальцам, как звенела, как двигалась, не расскажешь о ее цвете, похожем на живое желтое пламя. Это все равно что говорить о великом произведении живописи, будто оно квадратное, плоское и синеватое, а местами зеленое и красное.

Кроме цепи, там было еще много всяких вещичек, и при виде каждой просто дух захватывало.

Прочтя немой вопрос в моих глазах, Бен пожал плечами.

– Не спрашивай. Мы взяли совсем мало. Пещеры пол-

ны такими вещами и всякими другими. Мы брали без разбора то здесь, то там — что влезало в карман и случайно попадалось на глаза. Безделушки. Образцы. Не знаю.

«Как галки, — подумал я, — Похватали блестящие вещички только потому, что они приглянулись, а сами не знают, каково назначение этих предметов».

— Эти пещеры, наверно, были складами, — сказал Бен. — Они битком набиты всякими предметами, и все разные. Будто те, кто жил здесь, открыли факторию и выставили на обозрение образцы товаров. Перед каждой пещерой что-то вроде занавеса. Видно какое-то мерцание, слышно шуршание, а когда проходишь сквозь него, ничего не ощущаешь. И позади занавеса все лежит такое же чистое и блестящее, как в тот день, когда из пещеры ушли.

Я посмотрел на предметы, разбросанные по одеялу. Трудно было сдержаться и не взять их в руки, так они были приятны и на ощупь, и для глаза, и уже от одного этого появлялось какое-то теплое, приятное чувство.

— С людьми что-то случилось, — сказал Джимми. — Они знали, что должно произойти, и собрали вещи в одно место — все это сделали они сами, всем пользовались, все любили. Ведь так сохранялась возможность, что в один прекрасный день кто-нибудь доберется сюда и найдет их, и тогда ни люди, ни их культура не пропадут бесследно.

Такую глупую сентиментальную чепуху можно услышать только от мечтательного романтика вроде Джимми.

Но, по какой бы причине поделки исчезнувшей расы ни попали в пещеры, это мы нашли их, и, таким образом, их создатели просчитались. Если бы даже мы были в состоянии догадаться о назначении вещей, если бы даже мы

могли выяснить, на чем зиждилась древняя культура, пользы от этого все равно не было бы никакой. Мы никуда не улетали и никому не могли бы передать свои знания. Нам всем суждено прожить жизнь на этой планете, и после смерти последнего из нас все опять канет в древнее безмолвие, все опять обратится в привычное равнодушие.

Очень жаль, думал я, так как Земля могла бы использовать знания, вырванные у пещер и могильных холмов. И не более чем в сотне метров от места, где мы сидели, лежал инструмент, предназначенный специально для того, чтобы с его помощью добыть эти ценнейшие знания, когда человек наконец наткнется на них.

— Ужасно сознавать, — сказал Джимми, — что все эти вещи, все знания, дерзания и молитвы, все мечты и надежды будут преданы забвению. И что весь ты, вся твоя жизнь и твое понимание жизни просто исчезнут, и никто о тебе ничего не узнает.

— Здорово сказано, юноша, — поддержал его я.

Взгляд его блуждал, глаза были полны боли.

— Наверно, поэтому они и сложили все в пещеры.

Наблюдая за ним, видя его волнение, страдание на лице, я стал догадываться, почему он поэт... почему он не может не быть поэтом. И все же он еще совсем сосунок.

— Земля должна об этом знать, — не допускающим возражения тоном сказал Бен.

— Конечно, — согласился я. — Сейчас сбегая и доложу.

— Находчивый ты малый, — проворчал Бен. — Когда прекратишь острить и приступишь к делу?

— Прикажешь взломать Прелесть?

— Точно. Надо же как-нибудь вернуться, а добраться до Земли можно только на Прелести.

– Ты, может, удивишься, но я подумал об этом прежде тебя. Я сегодня ходил осматривать Прелесть. Если ты сможешь придумать, как вскрыть ее, то я буду считать, что ты умнее меня.

– Инструменты, – сказал Бен. – Если бы только у нас были...

– У нас есть инструменты: топор без ручки, молоток и пила, маленькие клещи, рубанок, фуганок...

– Мы могли бы сделать кое-какой инструмент.

– Найти руду, расплавить ее и...

– Я думал о пещерах, – сказал Бен, – там могут быть инструменты.

Я даже не заинтересовался – знал, что ничего не выйдет.

– Может, там есть взрывчатка, – продолжал Бен. – Мы могли бы...

– Послушай, – сказал я, – чего ты хочешь – вскрыть Прелесть или взорвать ее ко всем чертям? Ничего ты не поделаешь. Прелесть – робот самостоятельный, или ты забыл? Проверти в ней дырку, и она заделает ее. Будешь слишком долго болтаться возле нее, она вырастит дубинку и тыпнет тебя по башке.

От ярости и отчаяния глаза Бена горели.

– Земля должна знать! Ты понимаешь это? Земля должна знать!

– Конечно. Совершенно верно, – согласился я и подумал: – «К утру, – думал я, – он придет в себя и увидит, что это невозможно. Нужно было, чтобы он протрезвел. Серьезные дела делаются на холодную голову. Только так можно сэкономить много сил и избежать многих ошибок».

Но пришло утро, а глаза его все еще горели безумием отчаяния, на котором и держалась вся его решимость.

После завтрака Джимми сказал, что он с нами не пойдёт.

— Скажи, ради Бога, почему? — потребовал ответа Бен.

— Я не укладываюсь вовремя со своей работой, — невозмутимо ответил Джимми, — Я продолжаю писать сагу.

Бен хотел спорить, но я с отвращением оборвал его:

— Пошли. Все равно от него нет никакого толку.

Клянусь, я сказал правду.

Итак, мы пошли к пещерам вдвоем. Я видел их впервые, а там было на что посмотреть. Двенадцать пещер, и все битком набиты. Голова кругом пошла, когда я увидел все устройства, или как бишь их там. Разумеется, я не знал назначения ни одной вещи. От одного взгляда на них можно было с ума сойти; это просто пытка — смотреть, и не знать, что к чему. Но Бен старался догадаться, как одержимый, потому что вбил себе в голову, что мы можем найти устройство, которое поможет нам одолеть Прелесть.

Мы работали весь день, и я устал, как собака. И за целый день мы не нашли ничего такого, в чем могли бы разобраться. Вы даже представить себе не можете, что значит стоять в окружении великого множества устройств и знать, что близок локоть, да не укусишь. Ведь если их правильно использовать, какие совершенно новые дали откроются перед человеческой мыслью, техникой, воображением... А мы были совершенно беспомощны... мы, невежественные чужаки.

Но на Бена никакого удержу не было. На следующий

день мы пошли туда снова, а потом еще и еще. На второй день мы нашли штуковину, которая очень пригодилась для открывания консервных банок, но я совершенно не уверен, что создавали ее именно для этого. А еще на следующий день мы наконец разгадали, что один из инструментов можно использовать для рытья семиугольных ямок, и я спрашиваю, кто это в здравом уме захочет рыть семиугольные ямки?

Мы ничего не добились, но продолжали ходить, и я чувствовал, что у Бена надежды не больше, чем у меня, однако он не сдается, так как это последняя соломинка, за которую надо хвататься, чтобы не сойти с ума.

Не думаю, чтобы тогда он понимал значение нашей находки — ее познавательную ценность. Для него это был всего лишь склад утиля, в котором мы лихорадочно рылись, чтобы найти какой-нибудь обломок, еще годный в дело.

Шли дни. Долина и могильные холмы, пещеры и наследие исчезнувшей культуры все больше поражали мое воображение, и уже казалось, что каким-то загадочным образом мне стала ближе вымершая раса, понятнее ее величие и трагедия. И росло ощущение, что наши лихорадочные поиски граничат с кощунством и бессовестным оскорблением памяти покойников.

Джимми ни разу не ходил с нами. Он сидел, склонившись над стопкой бумаги, и строчил, перечитывал, вычеркивал слова и вписывал другие. Он вставал, бродил, выписывая круги, или метался из стороны в сторону, бормотал что-то, садился и снова писал. Он почти не ел, не разговаривал и мало спал. Это был точный портрет Молодого Человека в Муках Творчества.

Мне стало любопытно: а не написал ли он, мучаясь и потея, что-нибудь стоящее. И, когда он отвернулся, я стащил один листок.

Такого бреда он даже прежде не писал!

В ту ночь, лежа с открытыми глазами и глядя на незнакомые звезды, я поддался настроению одиночества. Но, поддавшись этому настроению, я пришел к выводу, что мне не настолько одиноко, как могло бы быть, — казалось, молчаливость могильных холмов и сверкающее чудо пещер успокаивают меня. Исчезла таинственность.

Потом я заснул.

Не знаю, что меня разбудило — то ли ветер, то ли шум волн, разбивающихся о пляж, то ли ночная свежесть.

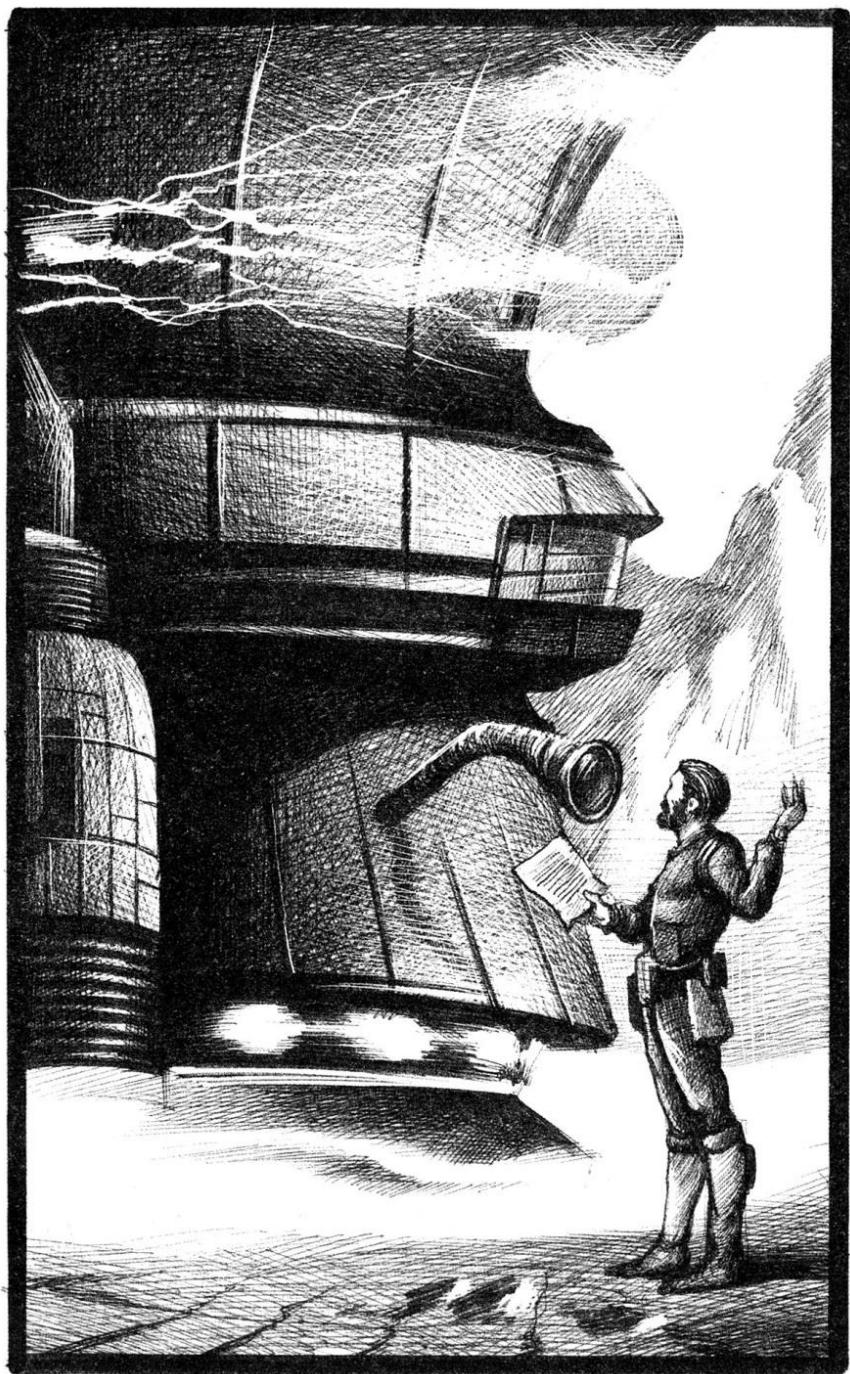
И тут я услышал... голос в ночи — этакое монотонное завывание, торжественное и звонкое, но порой опускавшееся до хриплого шепота.

Я вздрогнул, приподнялся на локте, и... у меня перехватило дыхание.

Джимми стоял перед Прелестью и, держа в одной руке фонарик, читал ей сагу. Голос журчал, и, несмотря на убогие слова, в его тоне было какое-то очарование. Наверно, так древние греки читали своего Гомера при свете факелов в ночь перед битвой.

И Прелесть слушала. Она свесила вниз щупальце, на конце которого было «лицо», и даже чуть повернула его вбок, чтобы слуховое устройство не пропустило ни единого слога, — так человек прикладывает к уху руку, чтобы лучше слышать.

Глядя на эту трогательную сцену, я начал немного жалеть, что мы так плохо относились к Джимми. Мы не слу-

шали его, и бедняга вынужден читать всю эту чушь хоть кому-нибудь. Его душа жаждала признания, а ни от меня, ни от Бена признания он не получал. Просто писать ему было недостаточно – он должен был поделиться с кем-нибудь. Ему нужна была аудитория.

Я протянул руку и потряс Бена за плечо. Он выскочил из-под одеяла.

– Какого черта...

– Ш-ш-ш!

Присвистнув, он опустился на колени рядом со мной.

Джимми продолжал читать, а Прелесть, свесив вниз «лицо», продолжала слушать.

Порыв ветра донес обрывок саги:

Страница дальних дорог,

пролетая из вечности в вечность,

Ты верна только тем, кто ковал твою плоть.

Твои волосы выются по ветру враждебного космоса,

Звезды нимбом стоят над твоей головой...

Прелесть рыдала. На линзе явно блестели слезы.

Прелесть выпустила еще одно щупальце, на конце которого была рука, а в руке – платочек, белый дамский кружевной платочек.

Она вытирала платочком выступавшие слезы.

Если б у нее был нос, она, несомненно, высморкалась бы – деликатно, разумеется, как и подобает даме.

– И все это ты написал для меня? – спросила она.

– Все для тебя, – сказал Джимми.

Он врал, как заправский ловелас, и читал ей только потому, что ни Бен, ни я не хотели слушать его стихи.

– Я так ошиблась, – сказала со вздохом Прелесть.

Она насухо протерла глаза и бойко навела на них glance.

– Одну секунду, – сказала она деловито. – Я должна кое-что сделать.

Мы ждали, затаив дыхание.

В боку у Прелести медленно открылся люк, выросло длинное гибкое щупальце, которое проникло в люк и выдернуло оттуда Элмера. Зверь раскачивался на весу.

– Мужлан неотесанный! – загремела Прелесть. – Я взяла тебя в себя и битком набила фосфатами. Я выпрямила твои вмятины и начистила тебя до блеска. И что я имею за это? Ты пишешь мне саги? Нет. Ты жиреешь от довольства. Ты не отмечен печатью величия, у тебя нет ни искры воображения. Ты всего лишь бессловесная машина!

Элмер инертно раскачивался на конце щупальца, но колеса его неистово вращались, и по этому признаку я решил, что он расстроен.

– Любовь! – провозглашала Прелесть. – Нужна ли любовь таким, как мы? Перед нами, машинами, стоят более высокие цели... более высокие. Перед нами простирается усеянный звездами космос, дует ветер дальних странствий с берегов туманных вечности. Наша поступь будет твердой...

Она еще поговорила о вызове, который бросают далекие галактики, о короне из звезд, о пыли разбитого вдребезги времени, устилающей дорогу, которая ведет в ничто, и все это она позаимствовала из того, что Джимми называл сагой.

Выговорившись, она швырнула Элмера на пляж – он ударился о песок и пошел юзом в воду.

Мы не стали смотреть дальше, а побежали, как спринтеры, одним прыжком одолели аппарель и оказались в своих апартаментах.

Прелесть захлопнула за нами люк и сказала:

– Добро пожаловать домой!

Я подошел к Джимми и протянул ему руку.

– Молодец! Ты заткнул за пояс самого Лонгфелло.

Бен тоже пожал ему руку.

– Это шедевр.

– А теперь, – сказала Прелесть, – в путь.

– Как это в путь! – завопил Бен, – Мы не можем покинуть планету, по крайней мере, не сейчас. Там же город! Мы не можем лететь, пока...

– Плевать на город, – сказала Прелесть, – плевать на информацию. Мы будем странствовать меж звезд. Подвластны нам глубины молчаливые. По космосу промчимся, и вечность грохотом разбудим.

Мы оглянулись на Джимми.

– Каждое слово, – сказал я, – буквально каждое слово она цитирует из той дряни, которую написал ты.

Бен сделал шаг вперед и взял Джимми за грудки.

– Разве ты не чувствуешь побуждения, – спросил его Бен, – разве ты не чувствуешь настоятельной необходимости написать оду Родине... и воспеть ее красоту, ее славу и все прочее своими штампами?

У Джимми немного стучали зубы.

– Прелесть проглотит все, что бы ты ни написал, – добавил Бен.

Он поднял кулак и дал его понюхать Джимми.

– Советую постараться, – предупредил Бен. – Советую написать так, как ты никогда не писал.

Джимми сел на пол и начал лихорадочно строчить.

КУШ

Я нашел доктора в амбулатории. Он нагрузился до чертиков. Я с трудом растормошил его.

– Протрезвляйся, – приказал я. – Мы сели на планету. Надо работать.

Я взял бутылку, закупорил ее и поставил на полку подалее от Дока.

Док умудрился еще как-то приосаниться.

– Меня это не касается, капитан. Как врач...

– Пойдет вся команда. Возможно, снаружи нас ожидают какие-нибудь сюрпризы.

– Понятно, – мрачно проговорил Док. – Раз ты так говоришь, значит нам придется туго: омерзительнейший климат, и атмосфера – чистый яд.

– Планета земного типа, кислород, климат пока прекрасный. Бояться нечего. Анализаторы дают превосходные показатели.

Док застонал и обхватил голову руками.

– Анализаторы-то работают прекрасно – сообщают, холодно или жарко, можно ли дышать воздухом. А вот мы ведем себя некрасиво.

– Мы не делаем ничего дурного, – сказал я.

– Стервятники мы, птицы хищные. Рыскаем по Галактике и смотрим, где что плохо лежит.

Я пропустил его слова мимо ушей – с похмелья он всегда брюзжит.

– Поднимись в камбуз, – сказал я, – и пусть Блин напоит тебя кофе. Я хочу, чтобы ты пришел в себя и хоть как-то мог ковылять.

Но Док был не в силах тронуться с места.

— А что на этот раз?

— Силосная башня. Такой большой штуки ты сроду не видел — десять или пятнадцать миль поперек, а верха глазом не достанешь.

— Силосная башня — это склад фуража, запасаемого на зиму. Что тут, сельскохозяйственная планета?

— Нет, — сказал я, — тут пустыня. И это не силосная башня, просто похожа.

— Товарный склад? — спрашивал Док. — Город? Крепость? Храм? Но нам ведь все равно, капитан, верно? Мы грабим и храмы.

— Встать! — заорал я. — Двигай!

Он с трудом встал.

— Наверно, население высыпало приветствовать нас, и, надеюсь, как положено.

— Нет тут населения, — сказал я. — Стоит одна силосная башня, и все.

— Ну и ну, — сказал Док. — Работенка не ахти какая.

Спотыкаясь, он полез вверх по трапу, и я знал, что он очухается — уж Блин-то сумеет его вытрезвить.

Я вернулся к люку и увидел, что у Фроста все уже готово: и оружие, и топоры, и кувалды, и мотки веревок, и бачки с водой. Как заместителю капитана, Фросту нет цены — он знает свои обязанности и справляется с ними. Не представляю, что бы я делал без него.

Я стоял в проходе и смотрел на силосную башню. Мы находились примерно в миле от нее, но она была так велика, что чудилось, будто до нее рукой подать. С такого близкого расстояния она казалась стеной. Чертовски большая башня.

– В таком местечке, – сказал Фрост, – будет чем поживиться.

– Если только кто-нибудь или что-нибудь нас не остановит. Если мы сможем забраться внутрь.

– В цоколе есть отверстия. Они похожи на входы.

– С дверями толщиной футов в десять.

Я не был настроен пессимистически, а просто рассуждал логично: слишком часто у меня в жизни бывало так, что пахло миллиардами, а кончалось все неприятностями, и поэтому я никогда не позволю себе питать слишком большие надежды, пока не приберу к рукам ценности, за которые можно получить наличные.

Хэч Мэрдок, инженер, вскарабкался к нам по трапу. Как обычно, у него что-то не ладилось. Он начал жаловаться, даже не отдышавшись:

– Говорю вам, эти двигатели того и гляди развалятся, и мы повиснем в космосе, откуда даже за световые годы никуда не доберешься. Вздохнуть некогда – только и делаем, что чиним.

Я похлопал его по плечу.

– Может, это и есть то, что мы искали. Может, теперь мы купим новенький корабль.

Но он не очень воодушевился. Мы оба знали, что я говорю это, чтобы подбодрить и себя, и его.

– Когда-нибудь, – сказал он, – нам не миновать большой беды. Мои ребята проволокут мыльный пузырь сквозь триста световых лет, если в нем будет двигатель. Лишь бы двигатель был. А на этом драндулете, который...

Он распространялся бы еще долго, если бы не засвистал Блин, созывавший всех к завтраку.

Док уже сидел за столом – он вроде бы очухался, – поживался и был немного бледноват. Кроме того, он был зол и выражался возвышенным слогом:

– Итак, нас ждет триумф. Мы выходим, и начинаются чудеса. Мы обчищаем руины, все желания выполняются, и мы возвращаемся проматывать деньжата.

– Док, – сказал я, – заткнись.

Он замолчал. Никому на корабле мне не приходилось говорить одно и то же дважды.

Завтрак мы не смаковали. Проглотили его и пошли. Блин даже не стал собирать посуду со стола, а пошел с нами.

Мы беспрепятственно проникли в силосную башню. В цоколе были входные отверстия. Никто не задержал нас.

Внутри было тихо, торжественно... и скучно. Мне показалось, что я в чудовищно громадном учреждении.

Здание было прорезано коридорами с комнатами по сторонам. Комнаты были уставлены чем-то вроде ящиков с картотекой.

Некоторое время мы шли вперед, делая на стенах отметки краской, чтобы потом найти выход. Если в таком здании заблудиться, то всю жизнь, наверно, будешь бродить и не выберешься.

Мы искали... хоть что-нибудь, но нам не попадалось ничего, кроме этих ящиков. И мы зашли в одну из комнат, чтобы порыться в них.

– Там ничего не может быть, кроме записей на магнитных лентах. Наверно, такая тарабарщина, что вам ее ни за что не понять, – сказал с отвращением Блин.

– В ящиках может быть что угодно, – сказал Фрост, – не обязательно магнитные ленты.

У Блина была кувалда, и он поднял ее, чтобы сокрушить один из ящиков, но я остановил его – не стоит поднимать тарарам, если можно обойтись без этого.

Мы поболтались немного по комнате и обнаружили, что если в определенном месте нажать рукой, ящик выдвигается.

Выдвижной ящик был набит чем-то вроде динамитных шашек – тяжеленных, каждая дюйма два в диаметре и длиной с фут.

– Золото, – сказал Хэч.

– Черного золота не бывает, – возразил Блин.

– Это не золото, – сказал я.

Я был даже рад, что это не золото. А то бы мы надорвались, перетаскивая его. Найти золото было бы неплохо, но на нем не разбогатеешь. Так, небольшой заработок.

Мы вывалили шашки из ящика на пол и сели на корточки, чтобы рассмотреть их.

– Может, они дорогие, – сказал Фрост, – Впрочем, сомневаюсь. Что это такое, как вы считаете?

Никто из нас и понятия не имел.

Мы обнаружили какие-то знаки на торце каждой шашки. На всех шашках они были разные, но нам от этого не стало легче, потому что знаки нам ничего не говорили.

Выйдя из силосной башни, мы попали в настоящее пекло. Блин вскарабкался по трапу – пошел готовить жратву, а остальные уселись в тени корабля и, положив перед собой шашки, гадали, что бы это могло быть.

– Вот тут-то мы с вами и не тянем, – сказал Хэч. – В команде обычного исследовательского корабля есть всякого рода эксперты, которые изучают находки. Они дела-

ют десятки разных проб, они обдирают заживо все, что под руку попадет, прибегают к помощи теорий и высказывают ученые догадки. И вскоре не мытьем, так катаньем они узнают, что это за находка и будет ли от нее хоть какой прок.

— Когда-нибудь, — сказал я своей команде, — если мы разбогатеем, мы найдем экспертов. Нам все время попадается такая добыча, что они здорово пригодятся.

— Вы не найдете ни одного, — заметил Док, — который бы согласился якшаться с таким сбродом.

— Что значит «такой сброд»? — немного обидевшись, сказал я, — Мы, конечно, люди не ахти какие образованные, и корабль у нас латаный-перелатанный. Мы не говорим красивых слов и не скрываем, что хотим отхватить кусочек пожирней. Но работаем мы честно.

— Я бы не сказал, что совсем честно. Иногда наши действия законны, а порой от них законом и не пахнет.

Даже сам Док понимал, что говорит чушь. По большей части мы летали туда, где никаких законов и в помине не было.

— В старину на Земле, — сердито возразил я, — именно такие люди, как мы, отправлялись в неведомые края, прокладывали путь другим, находили реки, карабкались на горы и рассказывали об увиденном тем, кто оставался дома. Они отправлялись на поиски бобров, золота, рабов и вообще всего, что плохо лежало. Им было наплевать на законы, этику, и никто их за это не винил. Они находили, брали, и все тут. Если они убивали одного-двух туземцев или сжигали какую-нибудь деревню, — что ж, к сожалению, так уж выходило. Это все пустяки.

Хэч сказал Доку:

– Что ты корчишь перед нами святого? Мы все одним миром мазаны.

– Джентльмены, – как обычно, с дурным актерским пафосом произнес Док, – я не собирался затевать пустую свару. Я просто хотел предупредить вас, чтобы вы не настраивались на то, что мы добудем экспертов.

– А можем и добыть, – сказал я, – если предложим приличное жалованье. Им тоже надо жить.

– Но у них есть еще и профессиональная гордость. Вам этого не понять.

– Но ты же летаешь с нами.

– Ну, – возразил Хэч, – я не уверен, что Док профессионал. В прошлый раз, когда он рвал у меня зуб...

– Кончай, – приказал я. – Оба кончайте.

Сейчас не время обсуждать историю с зубом. Месяца два назад я еле примирил Хэча с Доком, и мне не хотелось, чтобы они снова поссорились.

Фрост подобрал одну из шашек и разглядывал ее, вертя в руках.

– Может, попробуем грохнуть ее обо что-нибудь? – предложил он.

– И по этому случаю взлетим на воздух? – спросил Хэч.

– А может, она не взорвется. Скорее всего, это не взрывчатка.

– Я в таком деле не участвую, – сказал Док. – Лучше посижу здесь и пораскину мозгами – это не так утомительно и гораздо более безопасно.

– Ничего ты не придумаешь, – запротестовал Фрост. –

Если мы узнаем, для чего предназначены эти шашки – богатство у нас в кармане. Здесь, в башне, их целые тонны. И ничто на свете не помешает нам забрать их.

– Первым делом, – сказал я, – надо узнать, не взрывчатка ли это. Шашка похожа на динамитную, но может оказаться чем угодно, пищей, например.

– И Блин сварит нам похлебку, – сказал Док.

Я не обращал на него внимания – он просто хотел подковырнуть меня.

– Или топливо, – добавил я. – Сунешь шашку в специальный корабельный двигатель, и он будет работать год или два.

Блин засвистел, и все отправились обедать.

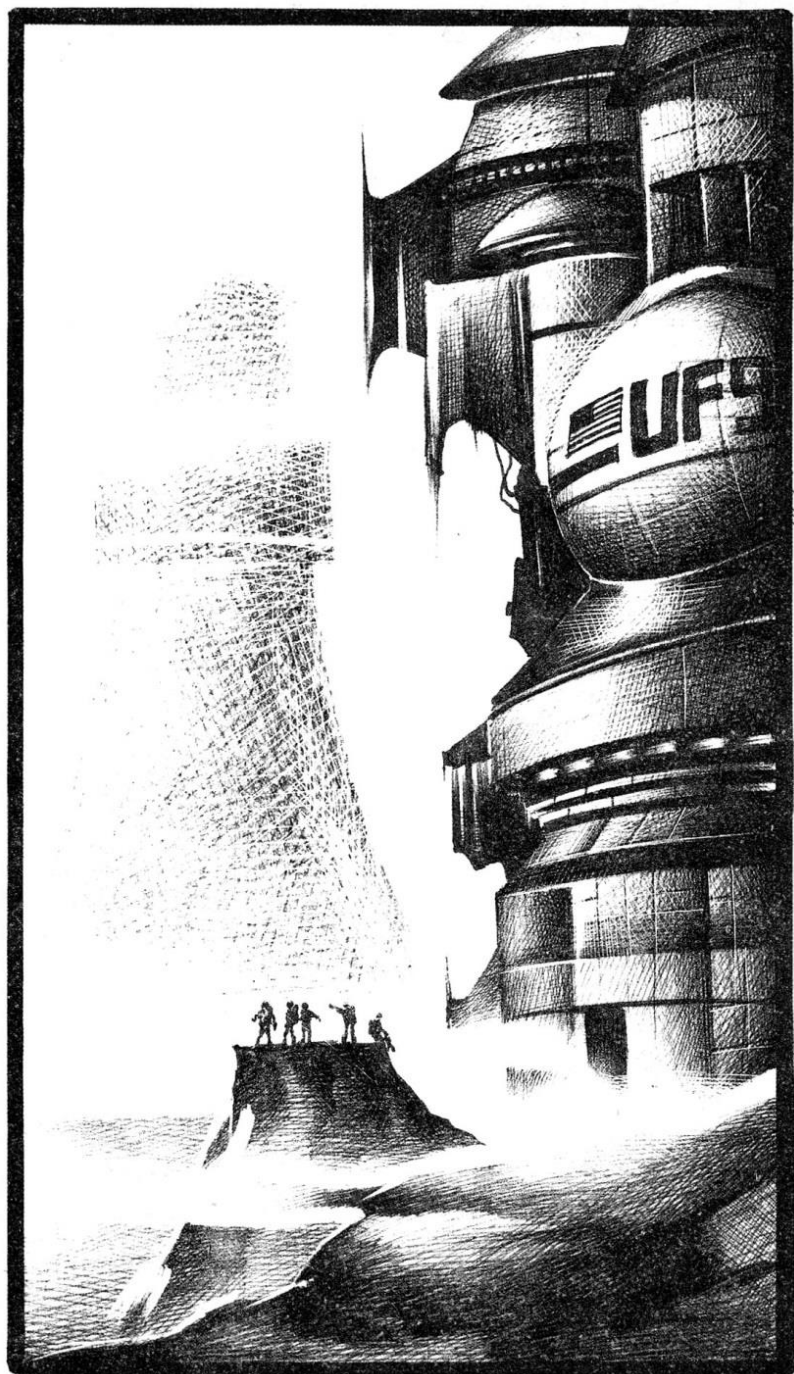
Поев, мы приступили к работе. Мы нашли плоский камень, похожий на гранит, и установили над ним треногу из шестов – чтобы нарубить их, нам пришлось идти за целую милю, – подвесили к треноге блок, нашли еще один камень и привязали его к веревке перекинутой через блок, второй конец веревки мы отнесли как можно дальше и вырыли там окоп.

Дело шло к закату, и мы изрядно вымотались, но решили не откладывать опыта, чтобы больше не томиться в неведении.

Я взял одну из «динамитных» шашек, а ребята, сидя в окопе, натянули веревку и подняли вверх привязанный к ней камень. Положив на первый камень шашку, я бросился со всех ног к окопу, а ребята отпустили веревку, и камень свалился на шашку.

Ничего не произошло.

Для верности мы натянули веревку и ударили камнем по шашке еще раза три, но взрыва не было.

Мы выкарабкались из окопа, подошли к треноге и ска-
тили камень с шашки, на которой даже царапины не было.

К этому времени мы уже убедились, что шашка от со-
трясения не взорвется, хотя мы могли взлететь на воздух
от десятка других причин.

Той ночью чего только не делали с шашками! Мы лили
на них кислоту, но она стекала с них, пробовали просвер-
лить шашки и загубили два хороших сверла, пробовали
распилить их и начисто стесали о шашку все зубья пилы.

Мы попросили Блина попробовать сварить шашку, но
он отказался.

— Я не пущу вас в камбуз с этой дрянью, — сказал он, —
А если вы вломитесь ко мне, то потом можете готовить
себе сами. У меня в камбузе чистота, я вас, ребята, стара-
юсь хорошо кормить и не хочу, чтобы вы нанесли сюда
всякой грязи.

— Ладно, Блин, — сказал я. — Эту штуку, наверно, нельзя
будет есть, если даже ее приготовишь ты.

Мы сидели за столом, на середину которого были сва-
лены шашки, и разговаривали. Док принес бутылку, и мы
сделали по несколько глотков. Док, должно быть, очень
огорчился тем, что ему пришлось поделиться с нами сво-
им напитком.

— Если рассуждать здраво, — сказал Фрост, — то шашки
эти на что-то годятся. Раз для них построили такое доро-
гое здание, то и они должны стоять немало.

— А может, там не одни шашки, — предположил Хэч, —
Мы осмотрели только часть первого этажа, но на других
этажах, может оказаться уйма всяких других вещей. Инте-
ресно, сколько там всего этажей?

– Бог его знает, – ответил Фрост. – Верхних этажей с земли не видно – они просто теряются где-то в высоте.

– Вы заметили, из чего сделано здание? – спросил Док.

– Из камня, – сказал Хэч.

– Я тоже так думал, – заметил Док, – а оказалось, что не из камня. Вы помните те холмы – жилые дома, на которые мы наткнулись на Сууде, где живут цивилизованные насекомые?

Разумеется, мы все помнили их. Мы потратили много дней, пытаюсь вломиться в эти дома, потому что нашли у входа в один из них нефритовые фигурки и думали, что внутри их, наверно, видимо-невидимо. За такие штуковины платят большие деньги. Люди цивилизованных миров с ума сходят по любым произведениям незнакомых культур, а тот нефрит был им наверняка незнаком.

Но, как мы ни бились, а внутрь нам забраться не удалось. Взламывать холмы было все равно, что осыпать ударами пуховую подушку – всю поверхность исцарапаешь, а пробить не удастся, потому что от давления атомы прессыются, и прочность материала возрастает. Чем сильнее бьешь, тем крепче он становится. Такой строительный материал вовек не изнашивается, и ремонта никогда не требует. Те насекомые, видно, знали, что нам до них не добраться, и занимались своим делом, не обращая на нас никакого внимания. Это особенно бесило.

Мне пришло в голову, что такой материал как нельзя лучше подошел бы для сооружения вроде нашей силосной башни. Можно строить его каким угодно большим и высоким: чем сильнее давление на нижние этажи здания, тем они становятся прочнее.

— Это значит, — сказал я, — что зданию гораздо больше лет, чем кажется. Может, эта силосная башня стоит уже миллион лет или больше.

— Если она такая старая, — сказал Хэч, — то набита всякой всячиной. За миллион лет в нее можно было упрятать немало добычи.

Док и Фрост поплелись спать, а мы с Хэчем продолжали рассматривать шашки.

Я стал думать, почему Док всегда говорит, что мы всего-навсего шайка головорезов. Может, он прав? Но сколько я ни думал, сколько ни крутил и так, и эдак, а согласиться с Доком не мог.

Всякий раз, когда расширяются границы цивилизации, во все времена бывало три типа людей, которые шли впереди и прокладывали путь другим, — купцы, миссионеры и охотники.

В данном случае мы охотники, охотящиеся не за золотом, рабами или мехами, а за тем, что попадется. Иногда мы возвращаемся с пустыми руками, а иной раз — с трофеями. В конце концов обычно оно так на так и выходит — получается что-то вроде среднего жалованья. Но мы продолжаем совершать набег, надеясь на счастливый случай, который сделает нас миллиардерами.

Такой случай еще не подворачивался, да, наверно, никогда и не подвернется. Впрочем, все может случиться. Довольно часто мы бывали близки к цели, и призрачная надежда крепла. Но, положив руку на сердце, мы отправились бы в путь, пожалуй, даже в том случае, если бы никакой надежды не было вовсе. Страсть к поискам неизвестного въедается в плоть и кровь.

Что-то в этом роде я сказал Хэчу, и он согласился со мной.

– Хуже миссионеров никого нет. Я бы не стал миссионером, хоть озолоти.

В общем, сидели мы, сидели у стола, да так ничего и не высидели, и я встал, чтобы пойти спать.

– Может, завтра найдем что-нибудь еще.

Хэч зевнул и сказал:

– Я очень на это надеюсь. Мы даром потратили время на эти динамитные шашки.

Он взял их и по пути в спальню выбросил в иллюминатор.

На следующий день мы и в самом деле нашли кое-что еще.

Мы забрались в силосную башню поглубже, чем накануне, пропетлявши по коридорам мили две.

Мы попали в большой зал площадью, наверно, акров десять или пятнадцать, который был сплошь заставлен рядами совершенно одинаковых механизмов.

Смотреть особенно было не на что. Механизмы немного напоминали богато разукрашенные стиральные машины, только сбоку было плетеное сиденье, а наверху – колпак. Они не были прикреплены к полу, и их можно было толкать в любом направлении, а когда мы перевернули одну машину, чтобы посмотреть, не скрыты ли внизу колесики, то нашли вместо них пару полозьев, поворачивающихся на шарнирах, так что машину можно было двигать в любую сторону. Полозья были сделаны из жирного на ощупь металла, но смазка к пальцам не приставала.

Питание к машинам не подводилось.

– Может, источник питания у нее внутри, – предположил Фрост. – Подумать только, я не нашел ни одной вытяжной трубы во всем здании!

Мы искали, где можно включить питание, и ничего не нашли. Вся машина была словно большой, гладкий и обтекаемый кусок металла. Мы попытались посмотреть, что у нее внутри, да только кожух был совершенно цельный – нигде ни болта, ни заклепки.

Колпак с виду вроде бы снимался, но когда мы пытались его снять, он упрямо оставался на месте.

А вот с плетеным сиденьем было совсем другое дело. Оно кишмя кишело всякими приспособлениями для того, чтобы в нем могло сидеть любое существо, какое только можно себе представить. Мы здорово позабавились, меняя форму сиденья на все лады и стараясь догадаться, какое бы это животное могло усесться на него в таком виде. Мы отпускали всякие соленые шутки, и Хэч чуть не лопнул со смеху.

Но мы по-прежнему топтались на месте, и ясно было, что не продвинемся ни на шаг, пока не притащим режущие инструменты и не вскроем машину, чтобы узнать, с чем ее едят.

Мы взяли одну машину и поволокли ее по коридорам, но, добравшись до выхода, подумали, что дальше придется тащить ее на руках. И ошиблись. Она скользила по земле и даже по сыпучему песку не хуже, чем по коридорам.

После ужина Хэч спустился в рубку управления двигателями и вернулся с режущим инструментом. Металл был прочный, но в конце концов нам удалось содрать часть кожуха.

При взгляде на внутренности машины мы пришли в беспокойство. Это была сплошная масса крошечных деталей, перевитых так, что в них сам черт не разобрался бы. Ни начала, ни конца найти было невозможно. Это было что-то вроде картинки-загадки, в которой все линии тянутся бесконечно и никуда не приводят.

Хэч погрузил во внутренности машины обе руки и попытался отделить детали.

Немного погодя он вытащил руки, сел на корточки и проворчал:

— Они ничем не скреплены — ни винтов, ни шарнирных креплений, даже простых шпонок нет, — но каким-то образом липнут друг к другу.

— Это уже чистое извращение, — сказал я.

Он взглянул на меня с усмешкой.

— Может быть, ты и прав.

Он снова полез в машину, ушиб костяшки пальцев и принялся их сосать.

— Если бы я не знал, что ошибаюсь, — заметил Хэч, — я бы сказал, что это трение.

— Магнетизм, — предположил Док.

— Послушай, доктор, — сказал Хэч. — Ты в медицине и то не больно разбираешься, так что оставь механику мне.

Чтобы не дать разгореться спору, Фрост поспешил вмешаться:

— Эта мысль о трении не так уж нелепа, но в таком случае детали требуют идеальной обработки и шлифовки. Из теории известно, что если вы приложите две идеально отшлифованные поверхности друг к другу, то молекулы обеих деталей будут взаимодействовать, и сцепление станет постоянным.

Не знаю, где Фрост поднабрался всей этой премудрости. Вообще-то он такой же, как мы все, но иной раз выразится так, что только рот раскроешь. Я никогда не расспрашивал его о прошлом, задавать такие вопросы было просто неприлично.

Мы еще немного потолкались возле машины. Хэч еще раз ушибся, а я сидел и думал о том, что мы нашли в силосной башне два предмета, и оба заставили нас топтаться на месте. Но так уж бывает – в иные дни и гроша не заработаешь.

– Дай взглянуть. Может, я справлюсь, – сказал Фрост. Хэч даже не огрызнулся. Ему утерли нос.

Фрост начал сдавливать, растягивать, скручивать, расшатывать все эти детали, и вдруг раздался шипящий звук, будто кто-то медленно выдохнул воздух из легких, и все детали распались сами. Они разъединялись как-то очень медленно и, позвякивая, сваливались в кучу на дно кожуха.

– Смотри, что ты натворил!– закричал Хэч.

– Ничего я не натворил, – сказал Фрост. – Я просто посмотрел, нельзя ли выбить одну детальку, и только это сделал, как все устройство рассыпалось.

Он показал на детальку, которую вытащил.

– Знаешь, что я думаю? – спросил Блин, – Я думаю, машину специально сделали такой, чтобы она разваливалась при попытке разобрать в ней. Те, кто ее сделал, не хотели, чтобы кто-нибудь узнал, как соединяются детали.

– Резонно, – заметил Док, – Не стоит возиться. В конце концов, машина не наша.

– Док, – сказал я, – ты странно ведешь себя. Я пока что

не замечал, чтобы ты отказывался от своей доли, когда мы что-нибудь находили.

– Я ничего не имею против, когда мы ограничиваемся тем, что на вашем изысканном языке называется полезными ископаемыми. Я могу даже переварить, когда крадут произведения искусства. Но когда дело доходит до кражи мозгов... а эта машина – думающий...

Вдруг Фрост вскрикнул.

Он сидел на корточках, засунув голову в кожух машины, и я сперва подумал, что его защемило, и нам придется вытаскивать его, но он выбрался сам как ни в чем не бывало.

– Я знаю, как снять колпак, – сказал он.

Это было сложное дело, почти такое же сложное, как подбор комбинации цифр, отпирающих сейф. Колпак крепился к месту множеством пазов, и надо было знать, в какую сторону поворачивать его, чтобы в конце концов снять.

Фрост засунул голову в кожух и подавал команды Хэчу, а тот крутил колпак то в одну сторону, то в другую, иногда тянул вверх, а порой и нажимал, чтобы высвободить его из системы пазов, которыми он крепился. Блин записывал комбинации команд, которые выкрикивал Фрост, и Хэч наконец освободил колпак.

Как только его сняли, все сразу стало ясно как день. Это был шлем, оснащенный множеством приспособлений, которые позволяли надеть его на любой тип головы. В точности как сиденье, которое приспособлялось к любому сидалищу.

Шлем был связан с машиной эластичным кабелем, до-

статочно длинным, чтобы он дотянулся до головы любого существа, усевшегося на сиденье.

Все это было, разумеется, прекрасно. Но что это за штука? Переносной электрический стул? Машина для перманента? Или что-нибудь другое?

Фрост и Хэч покопались в машине еще немного и наверху, как раз под тем местом, где был колпак нашли поворотную крышку люка, а под ней трубу, которая вела к механизму внутри кожуха, только этот механизм превратился теперь в груды распавшихся деталей.

Не надо было обладать очень большим воображением, чтобы понять, для чего предназначена эта труба. Она была размером точно с динамитную шашку.

Док вышел и вернулся с бутылкой, которую пустил по кругу, устроив что-то вроде торжества. Сделав глоток по два, они с Хэчем пожали друг другу руки и сказали, что большее не помнят зла. Но я не очень-то верил в это. Они много раз мирились и прежде, а потом дня не проходило — и они снова готовы были вцепиться друг другу в глотку.

Трудно объяснить, почему мы устроили празднество. Мы, разумеется, поняли, что машину можно приспособить к голове, а в трубку положить динамитную шашку... Но для чего все это, мы по-прежнему не имели никакого представления.

По правде говоря, мы были немного испуганы, хотя никто в этом не признался бы.

Естественно, мы начали гадать, что к чему.

Это, наверно, машина-врач, — сказал Хэч. — Садись за-просто на сидение, надевай шлем на голову, суй нужную шашку — и вылечишься от любой болезни. Да это же было

бы великое благо! И не надо беспокоиться, знает ли твой врач свое дело или нет.

Я думал, Док вцепится Хэчу в горло, но он, видимо, вспомнил, что помирился с Хэчем, и не бросились на него.

— Раз уж наша мысль заработала в этом направлении, — сказал Док, — давайте предположим большее. Скажем, это машина, возвращающая молодость, а шашка набита витаминами и гормонами. Проходи процедуру каждые двадцать лет — и останешься вечно юным.

— Это, наверно, машина-преподаватель, — перебил его Хэч. — Может быть, эти шашки набиты знаниями. Может быть, в каждой из них полный курс колледжа.

— Или наоборот, — сказал Блин. — Может, эти шашки высасывают все, что ты знаешь. Может, в каждой из этих шашек история жизни одного человека.

— А зачем записывать биографии? — спросил Хэч. — Немного найдется людей или инопланетных жителей, ради которых стоило бы городить все это.

— Вот если предположить, что это что-то вроде коммуникатора, — сказал я, — тогда другое дело. Может, это аппарат для ведения пропаганды, для проповедей. Или карты. А может, не что иное, как архив.

— Или, — сказал Хэч, —этой штукой можно прихлопнуть любого в мгновение ока.

— Не думаю, — сказал Док. — Чтобы убить человека, можно найти способ полегче, чем сажать его на сиденье и надевать ему на голову шлем. И это не обязательно средство общения.

— Есть только один способ узнать, что это такое, — сказал я.

– Боюсь, что нам придется прибегнуть к нему, – догадался Док.

– Слишком сложно, – возразил Хэч. – Не говоря уж о том, что у нас могут быть большие неприятности. Не лучше ли бросить все это к черту? Мы можем улететь отсюда и поохотиться за чем-нибудь полегче.

– Нет! – закричал Фрост. – Этого делать нельзя!

– Интересно, почему нельзя? – спросил Хэч.

– Да потому, что мы всегда будем сомневаться, не упустили ли куш, и думать: а не слишком ли быстро мы сдались? Ведь дело-то всего в двух-трех днях. Мы будем думать: а не зря ли мы испугались, а не купались бы мы в деньгах, если бы не бросили этого дела?

Мы знали, что Фрост прав, но препирались еще, прежде чем согласиться с ним. Все знали, что придется на это пойти, но добровольцев не было.

Наконец мы потянули жребий, и Блину не повезло.

– Ладно, – сказал я. – Завтра с утра пораньше...

– Что там с утра! – заорал Блин. – Я хочу покончить с этим сейчас же. Все равно сна у меня не будет ни в одном глазу.

Он боялся, и, право, ему было чего бояться. Да я чувствовал бы себя не в своей тарелке, если бы вытащил самую короткую спичку.

Не люблю болтаться по чужой планете после наступления темноты, но тут уж пришлось. Откладывать на завтра было бы несправедливо по отношению к Блину. И, кроме того, мы увязли в этом деле по самые уши и не ведали бы покоя, пока не разузнали бы о назначении находки.

И вот, взяв фонари, мы пошли к силосной башне. Протопав по коридорам, которые показались нам бесконечными, мы вошли в зал, где стояли машины.

Они все вроде были одинаковые, и мы подошли к первой попавшейся. Пока Хэч снимал шлем, я приспособил для Блина сиденье, а Док пошел в соседнюю комнату за шашкой.

Когда все было готово, Блин сел на сиденье.

Вдруг меня потянуло на глупость.

– Послушай, – сказал я Блину, – почему это должен быть непременно ты?

– Кому-то надо, – ответил Блин. – Так мы скорее узнаем, что это за штука.

– Давай я сяду вместо тебя.

Блин обозвал меня нехорошим словом, чего делать он не имел никакого права, потому что я просто хотел помочь ему. Но я его тоже обозвал, и все стало на свои места.

Хэч надел шлем на голову Блину, – края шлема опустились так низко, что совсем не было видно лица, – Док сунул шашку в трубку, и машина, замурлыкав, заработала, а потом наступила тишина. Не совсем, конечно, тишина... – если приложить ухо к кожуху слышно было, как машина работает.

С Блином ничего особенного не случилось. Он сидел спокойный и расслабленный, и Док сразу же принялся следить за его состоянием.

– Пульс немного замедлился, – сообщил Док, – сердце бьется слабее, но, по-видимому, никакой опасности нет. Дыхание частое, но беспокоиться не о чем.

Док, может быть, совсем не беспокоился, но остальным

стало не по себе. Мы окружили машину, смотрели и... ничего не происходило. Да мы и не представляли себе, что может произойти.

Док продолжал следить за состоянием Блина – оно не ухудшалось.

А мы все ждали и ждали. Машина работала, а размякший Блин сидел в кресле. Он был расслаблен, как собака во сне, – возьмешь его руку, и кажется, что из нее начисто вытопили кости. Мы волновались все больше и больше. Хэч хотел сорвать с Блина шлем, но я ему не позволил – черт его знает, что могло произойти, если бы мы остановили это дело на середине.

Машина перестала работать примерно через час после рассвета. Блин начал шевелиться, и мы сняли с него шлем.

Он зевнул, потер глаза и сел попрямее, потом посмотрел на нас немного удивленно – вроде бы не сразу узнал.

– Ну, как? – спросил его Хэч.

Блин не ответил. Видно было, что он приходил в себя, что-то вспоминал и собирался с мыслями.

Наконец он произнес:

– Я путешествовал.

– Кинопутешествие, – с отвращением сказал Док.

– Это не кинопутешествие. Я там был. На планете на самом краю Галактики, наверное. Ночью там мало звезд, да и те, что есть, совсем бледные. И над головой двигается тонкая полоска света.

– Значит, видел край Галактики, – кивнув, сказал Фрост. – Что, его дисковой пилой, что ли, обрезали?

– Сколько я просидел? – спросил Блин.

– Довольно долго, – ответил я, – часов шесть-семь. Мы уже стали беспокоиться.

– Странно, – сказал Блин. – А я могу поклясться, что был там больше года.

– Давай-ка уточним, – сказал Хэч. – Ты говоришь, что был там. Ты хочешь, наверно, сказать, что *видел* эту планету.

– Я хочу сказать, что был там! – заорал Блин. – Я *жил* с этими людьми, *спал* в их норах, *разговаривал* и *работал* вместе с ними. В огороде себе кровавую мозоль мотыгой натер. Я ездил с места на место и насмотрелся всякой всячины, и все это было по-настоящему – вот как я сижу сейчас здесь.

Стащив его с сиденья, мы пошли обратно на корабль. Хэч не позволил Блину готовить завтрак. Он что-то состряпал сам, но кок из него никудышный, и ничего в рот не лезло. Док откопал бутылочку и дал хлебнуть Блину, а остальным не досталось ни капли. Он сказал, что это лечебное, а не увеселительное средство.

Вот какой он бывает иногда. Настоящий жмот.

Блин рассказал нам о планете, на которой жил. Правителей на ней, кажется, вообще нет, так как она в них не нуждается, но сама планета – так себе, живут на ней простаки, занимаются примитивным сельским хозяйством. Блин сказал, что они похожи на помесь человека с кротом, и даже пытался нарисовать их, но толку от этого получилось мало, потому что Блин – художник липовый.

Он рассказал нам, что они выращивают, что едят, и это было потешно. Он даже легко называл имена местных жителей, припоминал, как они разговаривают, – язык был совсем незнакомый.

Мы забросали его вопросами, и он всегда находил от-

вет, причем видно было, что он ничего не выдумывал. Даже Док, который вообще был скептиком, и тот склонялся к мысли, что Блин в самом деле посетил чужую планету.

Позавтракав, мы погнали Блина в постель, а Док осмотрел его и нашел, что он вполне здоров. Когда Блин с Доком ушли, Хэч сказал мне и Фросту:

— У меня такое ощущение, будто доллары уже позвякивают у нас в карманах.

Мы оба согласились с ним.

Мы нашли такое развлекательное устройство, какого сроду никто не видывал.

Шашки оказались записями, которые не только воспроизводили изображение и звук, но и возбуждали все чувства. Они делали это так хорошо, что всякий, кто подвергался их воздействию, ощущал себя в той среде, которую они воспроизводили. Человек как бы делал шаг в эту среду и становился частью ее. Он жил в ней.

Фрост уже строил четкие планы на будущее:

— Мы могли бы продавать эти штуки. Нет, это глупо — нельзя выпускать их из рук. Мы будем давать машины и шашки напрокат, а так как они есть только у нас, мы станем хозяевами положения.

— Можно разрекламировать годовичные каникулы, которые длятся всего полдня, — добавил Хэч. — Это как раз то, что нужно администраторам и прочим занятым людям. Ведь только за субботу и воскресенье они смогут прожить четыре-пять лет и побывать на нескольких планетах.

— Может быть, не только на планетах, — подхватил Фрост. — Может, там записаны концерты, посещение картинных галерей или музеев. Или лекции по литературе, истории и тому подобное.

Мы чувствовали себя на седьмом небе, но усталость взяла свое, и мы пошли спать.

Я лег не сразу, а сначала достал бортовой журнал. Не знаю уж, зачем было возиться с ним вообще. Вел я его как попало, месяцами даже не вспоминал о нем, а потом вдруг несколько недель записывал все кряду. Делать запись сейчас мне было, собственно, ни к чему, но я был немного взволнован, и почему-то было такое ощущение, что последнее событие надо записать.

Я полез под койку и вытянул железный ящик, в котором хранились журнал и прочие бумаги. Когда я поднимал его, чтобы поставить на койку, он выскользнул у меня из рук, и крышка распахнулась. Журналы, бумаги, всякие мелочи, которые были у меня в ящике, — все разлетелось по полу.

Я выругался и, став на четвереньки, принялся собирать бумаги. Их было чертовски много, и по большей части все это был хлам. Когда-нибудь, говорил я себе, я выброшу его. Там были пошленные документы, выданные в сотне различных портов, медицинские справки и другие бумаги, срок действия которых давно уже истек. Но среди них я нашел документ, закрепляющий мое право собственности на корабль.

Я сидел и вспоминал, как двадцать лет назад купил этот корабль за сущие гроши, как отбуксировал его со склада металлолома, как года два все свободное время и все заработанные деньги тратил на то, чтобы подлатать его и подготовить к полетам в космос. Не удивительно, что корабль дрянной. С самого начала он был развалиной, и все двадцать лет мы только и делали, что накладывали

заплату на заплату. Уже много раз он проходил технический осмотр только потому, что инспектору ловко совали взятку. Во всей Галактике один Хэч способен был заставить корабль летать.

Я продолжал подбирать бумаги, думая о Хэче и всех остальных. Я немного расчувствовался и стал думать о таких вещах, за которые вздул бы всякого другого, если бы он осмелился сказать их мне. Я думал о том, как мы все «спелись», и что любой из команды отдал бы за меня жизнь, а я свою — за любого из них.

Я помню, конечно, время, когда все было по-иному. В те дни, когда они впервые подписали контракт, это была всего лишь команда. Но те дни прошли давным-давно; теперь это была не просто команда корабля. Контракт не возобновлялся уже много лет, а все продолжали летать, как люди, которые имеют право на это. И вот, сидя на полу, я думал, что мы наконец добились того, о чем мечтали — мы, оборвыши, в латаном-перелатаном корабле. Я был горд и радовался не только за себя, но и за Хэча, Блина, Дока, Фроста и всех остальных.

Наконец я собрал бумаги, сунул их снова в ящик и попытался сделать запись в журнале, но от усталости не хватило сил писать, и я лег спать, что и надо было сделать с самого начала.

Но, как я ни уморился, уже в постели стал думать о том, насколько велика ли силосная башня, и попытался прикинуть, сколько из нее можно выкачать шашек. Я дошел до триллионов, а дальше прикидывать не было толку — все равно точного числа не определишь.

А дело предстояло большое — такого у нас никогда не

было. Нашей команде, даже если бы мы работали каждый день, понадобилось бы пять жизней, чтобы опустошить всю силосную башню. Придется создать компанию, нанять юристов (предпочтительно – способных на любое грязное дело), подать заявку на планету и пройти через бюрократические мытарства, чтобы прибрать все к рукам.

Мы не могли позволить себе прохлопать такое дело из-за собственной непредусмотрительности. Надо все обдумать, прежде чем заваривать кашу.

Не знаю, как остальным, а мне всю ночь снилось, будто я утопаю по колено в море новеньких хрустящих банкнот.

Наутро Док не появился за завтраком. Я пошел к нему и обнаружил, что он даже и не ложился – он полулежал на своем старом шатком стуле в амбулатории, на полу стояла пустая бутылка, другую, тоже почти пустую, он держал в руке, свисавшей до самого пола. Когда я вошел. Док с трудом поднял голову – он еще не упился до полного бесчувствия, и это все, что можно было сказать о нем.

Я страшно разозлился – Док знал наши правила, мог пьянствовать беспробудно, пока мы находились в космосе, но после посадки требовались рабочие руки, да и надо было следить, как бы мы не подхватили на чужих планетах незнакомые болезни. Так что он не имел права напиваться.

Я вышиб ногой бутылку у него из рук, взял его одной рукой за шиворот, а другой за штаны и поволок в камбуз.

Плюхнув его на стул, я крикнул Блину, чтобы приготовил еще один кофейник.

– Я хочу, чтобы ты протрезвился, – сказал я Доку, – и мог пойти с нами во второй поход. У нас каждый человек на счету.

Хэч пригнал своих, а Фрост собрал всю команду вместе и приладил блок с талями, чтобы начать погрузку. Все были готовы к перетаскиванию груза, кроме Дока, и я поклялся, что еще сегодня прищемлю ему хвост.

Отправились мы сразу же после завтрака — хотели погрузить на борт как можно больше машин, а все пространство между ними забить шашками.

Мы прошли по коридорам в зал, где были машины, и, разбившись по двое, начали работу. Все шло хорошо, пока мы не оказались на середине пути между зданием и кораблем.

Мы с Хэчем были впереди, и вдруг футах в пятидесяти от нас что-то взорвалось.

Мы стали как вкопанные.

— Это Док! — завопил Хэч, хватаясь за пистолет.

Я успел удержать его.

— Не горячись, Хэч.

Док стоял у люка и махал нам ружьем.

— Я мог бы снять его, — сказал Хэч.

— Спрячь пистолет, — приказал я и подошел один к тому месту, куда Док послал пулю.

Он поднял ружье, и я замер. Если бы он даже промахнулся футов на десять, то взрыв мог расплосовать человека надвое.

— Я брошу пистолет! — крикнул я ему. — Хочу потолковать с тобой!

Док заколебался.

— Ладно. Скажи остальным, чтобы подались назад.

Я обернулся и сказал Хэчу:

— Уходи отсюда. И уведи всех.

– Он рехнулся от пьянства, – произнес Хэч. – Не сообщает, что делает.

– Я с ним управляюсь. – Я постарался сказать это твердым тоном.

Еще одна пуля взорвалась в стороне от нас.

– Сыпь отсюда, Хэч, – сказал я, не решаясь больше оглядываться – приходилось не спускать с Дока глаз.

– Порядок, – крикнул наконец, Док, – они отошли. Бросай пистолет.

Очень медленно, чтобы он не подумал, что я стараюсь подловить его, я отстегнул пряжку, и пистолет упал на землю. Не спуская с Дока глаз, я пошел вперед, а у самого по спине мурашки бегали.

– Дальше не ходи, – приказал Док, когда я почти вплотную подошел к кораблю. – Мы можем поговорить и так.

– Ты пьян, – сказал я ему. – Не знаю, к чему ты все это затеял, но уверен, что ты пьян.

– Пьян, да не совсем. Я полупьян. Если бы я был совсем пьян, мне было бы просто все равно.

– Что тебя гложет?

– Порядочность заела, – сказал он, фиглярствуя, как обычно. – Я говорил тебе много раз, что могу переварить грабеж, когда дело касается лишь урана, драгоценных камней и прочей чепухи. Я могу даже закрыть глаза на то, что вы потрошите чужую культуру, потому что самой культуры не украдешь – воруй не воруй, а культура останется на месте и залечит раны. Но я не позволю воровать знания и тебе не дам сделать это, капитан.

– А я по-прежнему уверен, что ты просто пьян.

– Вы даже не представляете себе, что нашли. Вы настолько слепы и алчны, что не распознали своей находки.

– Ладно, Док, – сказал я, стараясь гладить его по шерстке, – скажи мне, что мы нашли.

– Библиотеку. Может быть, самую большую, самую полную библиотеку во всей Галактике. Какой-то народ потратил несказанное число лет, чтобы собрать знания в этой башне, а вы хотите захватить их, продать, рассеять. Если это случится, то библиотека пропадет, и те обрывки, которые останутся, без всей массы сведений потеряют свое значение наполовину. Библиотека принадлежит не нам и даже не человечеству. Такая библиотека может принадлежать только всем народам Галактики.

– Послушай, Док, – умолял его я, – мы трудились многие годы, я, все мы. Потом и кровью мы зарабатывали себе на жизнь, но нам все время не везло. Сейчас появилась возможность сорвать большой куш. Такая возможность есть и у тебя. Подумай об этом, Док... У тебя будет столько денег, что их вовек не истратишь, хватит на то, чтобы пьянствовать всю жизнь!

Док направил на меня ружье, и я подумал, что попал как кур во щи. Но у меня не дрогнул ни один мускул.

Я стоял и делал вид, что мне не страшно.

Наконец он опустил ружье.

– Мы варвары. В истории таких, как мы, было навалом. На Земле варвары задержали прогресс на тысячу лет, предав огню и рассеяв библиотеки и труды греков и римлян. Для варваров книги годились только на растопку да на чистку оружия. Для вас этот большой склад знаний озна-

чает лишь возможность быстро зашибить деньги. Вы возьмете шашку с научным исследованием важнейшей социальной проблемы и будете сдавать ее напрокат. Пожалуйста, годичный отпуск за шесть часов...

— Избавь меня от проповеди, Док, — устало сказал я. — Скажи, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы мы вернулись и доложили о своей находке Галактическому комитету. Это поможет загладить многое из того, что мы натворили.

— Ты что, монахов из нас хочешь сделать?

— Не монахов. Просто приличных людей.

— А если мы не захотим?

— Я захватил корабль, — сказал Док. — Запас воды и пищи у меня есть.

— А спать-то тебе надо будет.

— Я закрою люк, попробуйте забраться сюда.

Наше дело было плохо, и он знал это. Если мы не сможем придумать, как внезапно захватить его — плохо наше дело по всем статьям.

Я испугался, но чувство досады взяло верх. Многие годы мы слушали его болтовню, но никто никогда не принимал его всерьез. А теперь вдруг оказалось, что это действительно серьезно.

Я знал, что отговорить его невозможно, и ни на какой компромисс он не пойдет. Если говорить откровенно, никакого соглашения между нами быть не могло, потому что соглашение или компромисс возможны лишь между людьми порядочными, а какие же мы порядочные, даже по отношению друг к другу? Положение для нас было безвыходное, но, пока Док не протрезвеет и не пораскинет моз-

гами, он до этого не додумается. Он вытворял все это в пьяном угаре, но это не значило, что он ничего не поймет.

Одно было ясно: в таком положении он продержится дольше нас.

– Позволь мне потолковать с ребятами, – сказал я.

Мне кажется, Док только сейчас сообразил, как далеко он зашел, впервые понял, что мы не можем доверять друг другу.

– Хорошо, – согласился он, – но когда вернешься, мы все обмозгуем. Мне нужны гарантии.

– Конечно, Док, – заверил я его.

– Я не шучу, капитан, и говорю совершенно серьезно. Я дурака не валяю.

А я вернулся к башне, неподалеку от которой собралась команда, и объяснил, что происходит.

– Придется рассыпаться и атаковать его, – решил Хэч. – Одного-двух он подстрелит, зато мы его схватим.

– Он просто закроет люк, – возразил я, – и заморит нас голодом. В крайнем случае попытается улететь на корабле. Как только он протрезвеет, то, вероятно, так и сделает.

– Он чокнутый, – сказал Блин. – Он просто тронулся спьяну.

– Конечно, чокнутый – согласился я, – и от этого он опаснее вдвойне. Он вынашивал это дело уже давным-давно. У него комплекс вины мили в три высоты. И, что хуже всего, он зашел так далеко, что не может идти на пятный.

– У нас мало времени, – сказал Фрост, – поэтому надо что-то придумать. Мы умрем от жажды. Еще немного, и нам страшно захочется жрать.

Все стали препираться насчет того, как быть, а я сел на песок, прислонился к машине и попробовал представить себя на месте Дока.

Как врач, Док оказался неудачником, иначе зачем бы ему было связываться с нами? Скорее всего, он присоединился к нам, чтобы бросить кому-то вызов или от отчаяния, – наверно, было и то и другое. И, кроме того, как всякий неудачник, он идеалист. Среди нас он белая ворона, но больше ему некуда податься, нечего делать. Многие годы это грызло его, и он стал страдать болезненным сомнением, а дальний космос – самое подходящее место, чтобы накачаться сомнением.

Разумеется, он тронулся, но это было сумасшествие особого рода. Если бы оно не было таким ужасным, его можно было бы назвать славным. Причем Док – такой малый, что его даже насмешками не проймешь: стоит на своем, и все тут.

Не знаю, услышал ли я какой-нибудь звук (шаги, может быть) или просто почувствовал чье-то присутствие, но вдруг осознал, что кто-то подошел к нам. Я приподнялся и резко повернулся лицом к зданию – у входа стояло то, что на первый взгляд показалось бы бабочкой величиной с человека.

Я не говорю, что это было насекомое, – просто вид у него был такой: оно куталось в плащ, но лицо было не человеческое, а на голове возвышался гребень, похожий на гребни шлемов, которые можно увидеть в исторических пьесах.

Затем я увидел, что плащ вовсе не плащ, а часть этого существа, и похож он был на сложенные крылья, но это были не крылья.

– Джентльмены, – сказал я как можно спокойнее, – у нас гость.

Я пошел к существу, не делая резких движений, и держась настороже. Я не хотел напугать его, но сам приготовился отскочить в сторону, если будет угрожать опасность...

– Внимание, Хэч, – сказал я.

– Я прикрываю тебя, – заверил меня он, и от того, что он был рядом, на душе стало спокойней – если тебя прикрывает Хэч, слишком большой неприятности не будет.

Я остановился футах в шести от существа. Вблизи у него был не такой противный вид, как издали: глаза были добрые, а нежное странное лицо хранило мирное выражение. Но человеческие мерки не всегда подходят к чужестранцам.

Мы смотрели друг на друга в упор, и оба понимали, что говорить бесполезно. Мы просто стояли и мерили друг друга взглядами.

Затем существо сделало несколько шагов и протянуло руку, которая была скорее похожа на клешню, взяло за мою и потянуло к себе.

Надо было или вырвать руку, или идти.

Я пошел за ним.

Времени на размышления не было, но кое-что помогло мне принять решение сразу. Во-первых, существо показалось мне дружески настроенным и разумным, да и Хэч с ребятами были поблизости – шли позади. И самое главное – тесных отношений с чужестранцами никогда не завяжешь, если будешь держаться неприветливо.

Поэтому я пошел с ним.

Мы вошли в башню, и было приятно слышать позади себя шаги остальных.

Я не стал терять времени на догадки, откуда появилось существо. Этого следовало ожидать. Башня была такая большая, что в ней много чего поместилось бы — даже люди или какие-нибудь существа, — и мы все равно ничего не заметили бы. В конце концов, мы обследовали лишь небольшой уголок первого этажа. А существо, видимо, спустилось с верхнего этажа, как только узнало, что мы здесь. Наверно, понадобилось некоторое время, чтобы эта новость дошла до него.

По трем наклонным плоскостям мы поднялись на четвертый этаж и, пройдя немного по коридору, вошли в комнату.

Она была небольшая. Там стояла всего одна машина, но на этот раз спаренная модель — у нее было два плетеных сиденья и два шлема. В комнате находилось еще одно существо.

Первое существо подвело меня к машине и указало на одно из сидений.

Я постоял немного, наблюдая, как Хэч, Блин, Фрост и все остальные входили в комнату и выстраивались у стены.

Фрост сказал:

— Вы двое останьтесь-ка в коридоре и смотрите.

Хэч спросил меня:

— Ты собираешься сесть в это чудо техники, капитан?

— Почему бы и нет, — отозвался я. — Они, кажется, ничего не замышляют. Нас больше, чем их, к тому же они не собираются причинить нам никакого вреда.

– Есть риск, – предупредил Хэч.

– А с каких это пор мы зареклись идти на риск?

Существо, которое я встретил у входа в башню, село на одно из сидений, а я приспособил для себя другое. Тем временем второе существо достало из ящика две шашки – но они были прозрачные, а не черные, – сняло шлемы и вставило их. Затем оно надело шлем на своего товарища и протянуло мне другой.

Я сел и позволил надеть на себя шлем, и вдруг оказалось, что я уже сижу на корточках за чем-то вроде столика напротив джентльмена, которого встретил около здания.

– Теперь мы можем поговорить, – сказал чужестранец.

Я не боялся и не волновался. У меня было такое ощущение, будто напротив сидит кто-нибудь вроде Хэча.

Все, что мы будем говорить, записывается, – сказал чужестранец. – После нашего разговора вы получите один экземпляр, а второй я помешу в картотеку. Можете называть это договором, или контрактом, или как вы сочтете нужным.

– Я не очень-то разбираюсь в контрактах, – сказал я. – В этих юридических уловках запутаешься, как муха.

– Тогда назовем это соглашением, – предложил чужестранец. – Джентльменским соглашением.

– Хорошо, – согласился я.

Соглашения – удобные штуки. Их можно нарушать, когда вздумается, особенно джентльменские соглашения.

– Наверно, вы уже поняли, что здесь находится, – сказал чужестранец.

– Не совсем, – ответил я. – Скорее всего, библиотека.

– Это университет, галактический университет. Мы

специализировались на популярных лекциях и заочном обучении.

Боюсь, что у меня отвалилась челюсть.

— Ну что ж, прекрасно.

— Наши курсы могут пройти все, кто только пожелает. У нас нет ни вступительной платы, ни платы за обучение. Не требуется также никакой предварительной подготовки. Вы сами понимаете, как трудно было бы поставить это условие Галактике, которая населена множеством видов, имеющих различные мировоззрения и способности.

— Точно.

— К слушанию курсов допускаются все, кому они будут полезны, — продолжал чужестранец. — Разумеется, мы рассчитываем на то, что полученными знаниями воспользуются правильно, а во время самого учения будет проявлено прилежание.

— Вы хотите сказать, что записаться может любой? — спросил я. — И это не будет ничего стоить?

Сперва я разочаровался, а потом сообразил, что тут есть на чем заработать. Настоящее университетское образование... да с этим можно обдeldывать отличные делишки!

— Есть одно ограничение, — пояснил чужестранец. — Совершенно очевидно, что мы не можем заниматься отдельными личностями. Мы принимаем культуры. Вы, как представитель своей культуры... как вы называете себя?

— Человечеством. Сначала жили на планете Земля, теперь занимаем полмиллиона кубических световых лет. Я могу показать на вашей карте...

— Сейчас в этом нет необходимости. Мы были бы очень рады получить заявление о приеме от человечества.

Я растерялся. Никакой я не представитель человечества! Да я и не хотел бы им быть. Я сам по себе, а человечество само по себе. Но этого чужестранцу я, конечно, не сказал — он бы тогда не захотел иметь со мной дела.

— Не будем торопиться, — взмолился я, — Хочу задать вам несколько вопросов. Какого рода курсы вы предлагаете? Какие дисциплины можно выбирать?

— Во-первых, есть основной курс, — сказал чужестранец. — Его лучше бы назвать вводным, он нужен для ориентации. В него входят те предметы, которые, по вашему мнению, наиболее пригодны для данной культуры. Вполне естественно, что он будет специально подготовлен для обучающейся культуры. После этого можно заняться необязательными дисциплинами, их очень много — сотни тысяч.

— А как насчет испытаний, выпускных экзаменов и всего такого прочего? — поинтересовался я.

— Испытания, разумеется, предусмотрены, — сказал чужестранец. — Они будут проводиться каждые... Скажите мне, какая у вас система отсчета времени?

Я объяснил, как мог, и он, кажется, все понял.

— Они будут проводиться примерно каждую тысячу лет вашего времени. Программа рассчитана надолго. Если проводить испытания чаще, то вам придется напрягаться изо всех сил, и пользы от этого будет мало.

Я уже принял решение, и то, что случится через тысячу лет, меня не касается.

Я задал еще несколько вопросов об истории университета и тому подобном — мне хотелось замести следы на тот случай, если бы у него возникли подозрения.

Я все еще не мог поверить в то, что услышал. Трудно представить себе, чтобы какая бы то ни было раса трудилась миллионы лет над созданием университета, ставила перед собою цель – дать наивысшее образование всей Галактике, совершила путешествия на все планеты и собрала все сведения о них, свела воедино все записи о бесчисленных культурах, установила определенные соотношения между ними, классифицировала и рассортировала эту массу информации и создала учебные курсы.

Все это имело такие гигантские масштабы, что не укладывалось в голове.

Он еще некоторое время вводил меня в курс дела, а я слушал его с разинутым ртом. Но потом взял себя в руки.

– Хорошо, профессор, – сказал я, – можете нас записать. А что требуется от меня?

– Ничего, – ответил он. – Сведения будут извлечены из записи нашей беседы. Мы определим основной курс, а затем вы сможете выбрать дисциплины по желанию.

– Если мы не увезем все за один раз, то можно будет вернуться?– спросил я.

– Безусловно. Я думаю, вы пожелаете послать целый флот, чтобы увезти все, что вам понадобится. Мы дадим достаточное число машин и столько учебных записей, сколько потребуется.

– Чертова уйма потребуется, – сказал я ему прямо, рассчитывая поторговаться, а потом немного уступить.

– Я знаю, – согласился он, – Дать образование целой культуре – дело непростое. Но мы готовы к этому.

Вот так мы и добились своего... и все законным путем, комар носа не подточит. Мы могли брать что хотели и

сколько хотели и имели на это право. Никто не мог сказать, что мы воровали. Никто, даже Док, не мог бы этого сказать.

Чужестранец объяснил мне систему записи на цилиндрах, сказал, как будут упакованы и пронумерованы курсы, чтобы их проходили по порядку. Он обещал снабдить меня записями необязательных курсов – я мог выбрать их по желанию.

Он был по-настоящему счастлив, заполучив еще одного клиента, и гордо рассказывал мне о других учениках. Он долго распространялся о том удовлетворении, которое испытывает просветитель, когда представляется возможность передать кому-нибудь факел знаний.

Я вдруг почувствовал себя подлецом.

На этом разговор закончился, и я снова оказался на сиденье, а второе существо уже снимало с моей головы шлем.

Я встал. Первый чужестранец тоже встал и обернулся ко мне. Как и вначале, говорить друг с другом мы не могли. Это было странное чувство – стоишь лицом к лицу с существом, с которым ты только что заключил сделку, и не можешь произнести ни одного слова, которое бы он понял.

Однако он протянул мне обе руки, а я взял их в свои, и он дружески пожал их.

– Ты давай еще облобызайся с ним, – предложил Хэч, – а мы с ребятами отвернемся.

В другое время за такую шутку я влепил бы Хэчу пулю, а тут даже не рассердился.

Второе существо вынуло из машины две шашки и вру-

чило одну из них мне. Их засунули туда прозрачными, а вынули черными.

– Пошли отсюда, – сказал я.

Мы постарались выбраться из башни как можно быстрее, но не роняя достоинства... если это можно назвать достоинством.

Выбравшись, я подозвал Хэча, Блина и Фроста и рассказал, что со мной было.

– Мы схватили Вселенную за хвост, – сказал я. – Мертвой хваткой вцепились.

– А как быть с Доком? – спросил Фрост.

– Разве не понимаешь? Именно такая сделка ему и придется по вкусу. Мы можем сделать вид, что мы благородные и великодушные, что верны своему слову. Мне только надо подойти к нему поближе и схватить его.

– Он тебя и слушать не станет, – заявил Блин. – Он не поверит ни одному твоему слову.

– Вы, ребята, стойте на месте, – сказал я, – а с Доком я справлюсь.

Я пересек полосу земли между башней и кораблем. Док не подавал никаких признаков жизни. Я открыл было рот, чтобы кликнуть Дока, а потом передумал. Решив воспользоваться случаем, я приставил лестницу и забрался в люк, но Дока по-прежнему не было видно.

Я осторожно двинулся вперед, догадавшись, что с ним, но на всякий случай решил не рисковать.

Нашел я его на стуле в амбулатории – он был пьян в стельку, ружье лежало на полу, рядом со стулом валялись две пустые бутылки.

Я стоял и смотрел на него, представляя себе, что про-

изошло: после моего ухода Док стал обдумывать создавшееся положение, и тут перед ним встала проблема – как быть дальше. Он решил ее так, как решал почти все свои жизненные проблемы.

Я прикрыл Дока одеялом. Затем порыскал вокруг и обнаружил полную бутылку. Откупорив, я поставил ее рядом со стулом, чтобы он мог легко дотянуться до нее. Потом я взял ружье и пошел звать остальных.

В ту ночь я долго не мог заснуть – в голову приходили всякие приятные мысли.

Перед нами раскрывалось так много возможностей, что я просто терялся и не знал, с чего начать.

Тут тебе и афера с университетом, которую, как это ни странно, можно было осуществить на совершенно законном основании, – ведь профессор из башни ничего поговорил о купле-продаже.

Тут тебе и дельце с каникулами – год-другой пребывания на чужой планете за каких-нибудь шесть часов. Надо будет только подобрать ряд необязательных курсов по географии, или социальной науке, или как там их...

Можно создать информационное бюро или научно-исследовательское агентство, которое за приличное вознаграждение будет давать любые сведения из любой области.

Несомненно, в башне есть записи исторических событий с эффектом присутствия. Заполучив их, мы могли бы продавать в розницу приключения – совершенно безопасные приключения – мечтающим о них домоседам.

Я думал и об уйме других возможностей, не столь очевидных, но стоящих того, чтобы присмотреться к ним, и о

том, как это профессора придумали наконец безошибочно эффективное средство обучения.

Если ты хочешь иметь представление о чем-нибудь, то познай это на собственном опыте, изучи на месте. Ты не читаешь об этом, не слышишь рассказ и не смотришь стереоскопический фильм, а живешь этим. Ты ходишь по земле планеты, с которой хотел познакомиться, ты живешь среди существ, которых пожелал изучить, ты становишься свидетелем и, возможно, участником исторических событий, исследованием которых занимаешься.

Есть и другие способы использования такого обучения. Можно научиться строить собственными руками что угодно, даже космические корабли. Можно изучить, как работает, чужестранная машина, собрав ее по порядку. Нет такой области знания, для изучения которого не годилось бы новое средство... и результаты оно даст гораздо лучшие, чем обычная система обучения.

Тогда же я твердо решил, что мы не выпустим и рук ни одной шашки, пока кто-нибудь из нас предварительно не ознакомится с ней — а вдруг в них окажется что-нибудь подходящее для практического применения.

Так я и уснул, думая о химических чудесах и новых принципах создания машин, о лучших способах ведения дел и о новых философских идеях. Я даже прикинул, как заработать кучу денег на философской идее.

Итак, наша наверняка взяла. Мы создадим компанию, которая будет заниматься такой разносторонней деятельностью, что нас никому не одолеть. Мы будем жить, как Боги. Разумеется, лет через тысячу придет время расплаты, но никого из нас уже не будет в живых.

Док протрезвел только под утро, и я приказал Фросту затолкать его в корабельный карцер. Он больше не был опасен, но я считал, что посидеть взаперти ему не помешает. Немного погодя я собирался потолковать с ним, но пока был слишком занят, чтобы возиться с этим делом.

Я отправился в башню вместе с Хэчем и Блином и на машине с двумя сиденьями провел еще одно совещание с профессором. В результате мы отобрали кучу необязательных курсов и решили разные вопросы.

Другие профессора стали выдавать нам курсы, уложенные в ящики и снабженные этикетками, и мне пришлось вызвать всю команду, чтобы перетаскивать ящики и машины на корабль.

Мы с Хэчем вышли из башни и наблюдали за работой.

— Никогда не думал, — сказал Хэч, — что мы и в самом деле сорвем куш. Положа руку на сердце скажу — никогда не думал. Я всегда считал, что мы так, только воздух толкаем. Вот тебе пример, как может ошибаться человек.

— Эти профессора — какие-то придурки, — сказал я, — ни одного вопроса мне не задали. Я хоть сейчас придумаю целую кучу вопросов, которые они могли бы задать, и мне нечего было бы ответить.

— Они честные и думают, что все такие. Вот что получается, когда влезешь по уши в одно дело, и ни на что другое времени не остается.

Что верно, то верно. Эта раса профессоров трудилась миллион лет... работы хватит еще на миллион лет и еще на миллион... не видно ей ни конца, ни края.

— Не могу сообразить, зачем они это делают? — спросил я. — Что им за выгода?

– Для них-то выгоды нет, – ответил Хэч, – а для нас есть. Скажу я тебе, капитан, придется голову поломать, как все это получше использовать.

Я рассказал ему, что придумал насчет предварительного ознакомления с шашками, чтобы не упустить ничего.

Хэч был в восторге.

– Да, капитан, ты своего не упустишь. Так и надо. Мы из этого дела выдоим все до последнего цента.

– Мне кажется, мы должны заниматься предварительным ознакомлением по порядку, – сказал я. – Начать с самого начала и... до конца.

Хэч сказал, что он думал о том же.

– Но на это уйдет уйма времени, – предупредил он.

– Вот поэтому надо начать сейчас же. Основной, ориентировочный курс уже на борту. Можем начать с него. Надо только запустить машину, а Блин тебе поможет.

– Поможет мне! – завопил Хэч. – Кто сказал, что это должен делать я? Да я для этого совсем не гожусь. Ты же сам знаешь, я сроду ничего не читал...

– А это не чтение – ты будешь жить в этом, развлекаться, пока остальные пупки себе надрывают.

– Я не буду.

– Послушай, – сказал я, – давай немного пораскинем мозгами. Мне надо быть здесь, у башни, и следить, чтобы все шло как следует. И профессору я могу понадобиться для очередного совещания. Фрост заправляет погрузкой, Док на губе. Остаешься ты с Блином. Доверить предварительное ознакомление Блину я не могу – он слишком рассеянный. Целое состояние может проскользнуть мимо него, а он и не почешется. А ты человек сообразительный, у тебя есть чувство ответственности, и я считаю...

– Ну, коли так, – согласился Хэч, напыжившись от гордости, – мне кажется, самый подходящий человек для этого дела – я.

К вечеру мы устали как собаки, но настроение было прекрасное – погрузка началась отлично, и через несколько дней мы уже будем лететь к дому.

Хэч за ужином был какой-то задумчивый: к еде едва притронулся, не говорил ни слова и сидел с таким видом, будто у него что-то на уме.

При первом же удобном случае я спросил его:

– Как дела, Хэч?

– Ничего, – ответил он, – болтовня всякая. Объясняют, что к чему. Болтовня.

– А что говорят?

– Да не говорят... в общем трудно выразить это словами. Может, у тебя на днях найдется время попробовать самому?

– Можешь быть уверен, что я это сделаю, – сказал я, слегка разозлившись.

– Пока в этом деле деньгами и не пахнет, – сказал Хэч.

Тут я ему поверил. Хэч углядел бы доллар и за двадцать миль.

Я пошел к корабельному карцеру посмотреть, что там поделывает Док. Он был трезвый. И не раскаявшийся.

– На этот раз ты превзошел самого себя, – сказал он. – Продавать эти штуковины ты не имеешь права. В башне хранятся знания, принадлежащие всей Галактике... бесплатные...

Я рассказал ему, что произошло, как мы узнали, что башня – это университет, и как мы на самом законном ос-

новании грузим на корабль курсы, предназначенные для человечества. Я изобразил все так, будто мы делали благое дело, но Док не поверил ни единому слову.

— Ты бы даже своей умирающей бабушке не дал глотка воды, если бы она не заплатила вперед, — сказал он. — Так что не заливай мне тут о служении человечеству.

Итак, я оставил его еще потомиться в карцере, а сам пошел к себе в каюту. Я был сердит на Хэча, весь кипел от слов Дока и до изнеможения устал. Уснул я тотчас.

Работа продолжалась еще несколько дней и уже приближалась к концу.

Я был очень доволен. После ужина я спустился по трапу, сел у корабля на землю и посмотрел на башню. Она была все такая же большая и величественная, но уже не казалась столь большой, как в первый день, — ослабло чувство удивления не только перед ней, но и перед той целью, ради которой ее построили.

Стоит нам снова попасть в нашу родную цивилизацию, пообещал я себе, как мы сразу развернемся. Вероятно, стать законными хозяевами планеты нам не удастся, потому что профессора — существа разумные, а владеть планетой с разумными существами нельзя, но есть много других способов прибрать ее к рукам.

Я сидел и удивлялся: почему это никто не спускается посидеть со мной? Так и не дождавшись никого, я наконец полез по трапу.

Я опять пошел к корабельному карцеру, чтобы потолковать с Доком. Он по-прежнему не смирился с происходящим, но и не был настроен особенно враждебно.

— Знаешь, капитан, — сказал он, — временами у нас были

разные взгляды на вещи, но я уважал тебя, а порой ты мне даже нравился.

– К чему ты это клонишь? Думаешь, такие разговорчики помогут тебе выкарабкаться отсюда?

– Тут кое-что заваривается, и, наверно, тебе это надо знать. Ты откровенный негодяй. Ты даже не возьмешь на себя труд отрицать это. Ты человек неразборчивый в средствах и бессовестный, и в этом нет ничего дурного, потому что ты не лицемеришь. Ты...

– Выкладывай, в чем дело! Если сам не скажешь, я войду и такое учиню, что ты у меня сразу заговоришь.

– Хэч приходил сюда несколько раз, – сказал Док, – приглашал подняться наверх и послушать те записи, с которыми он возится. Говорил, что это точнехонько по моей части. Сказал, что я не пожалею. Но в том, как он себя вел, было что-то непонятное, трусливое. – Он уставился на меня из-за решетки. – Ты же знаешь, капитан, Хэч никогда не был трусом.

– Давай, продолжай!

– Хэч сделал какое-то открытие, капитан. На твоём месте я делал бы такие открытия сам.

Я умчался, даже не ответив ему. Я вспомнил, как вел себя Хэч: он почти не ел и был задумчив, неразговорчив. Кстати, кое-кто еще тоже вел себя странно. Просто я был слишком занят и не обращал на это внимания.

Взбегая по аппаратам, я все время ругался. Как бы ни был занят капитан, он никогда не должен упускать из виду свою команду... не упускать ни на минуту. И все из-за спешки, из-за желания скорее загрузить знания и удрать, пока что-нибудь не случилось.

И вот что-то все-таки случилось. Никто не спустился посидеть со мной, за ужином не было сказано и десятка слов, чувствовалось, что все идет шиворот-навыворот.

Блин с Хэчем занимались предварительным знакомством с записями в штурманской рубке. Ворвавшись туда, я захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Кроме Хэча и Блина, там был Фрост, а на плетеном сиденье машины устроился человек, в котором я признал одного из подчиненных Хэча.

Я стоял, не говоря ни слова, а все трое смотрели на меня. Человек со шлемом на голове не заметил моего прихода... да его тут и не было.

— Ну, Хэч, — сказал я, — выкладывай начистоту. Что все это значит? Почему этот человек занимается предварительным знакомством? Я думал, что только ты и...

— Капитан, — вмешался Фрост, — мы как раз собирались сказать тебе.

— Молчать! Я спрашиваю Хэча!

— Фрост верно сказал, — стал объяснять Хэч. — Мы давно хотели тебе все рассказать. Да ты был очень занят, и так как нам немного трудновато...

— Что здесь трудного?

— Ну, ты решил во что бы то ни стало разбогатеть, и поэтому нашу новость мы хотим сообщить тебе осторожно.

Я подошел к ним.

— Не понимаю, о чем вы говорите... Ведь нам же по-прежнему светит большая прибыль. Ты знаешь, Хэч, если я возьмусь... от тебя только мокрое место останется, и, если не хочешь быть битым, выкладывай-ка все побыстрее.

— Никакая прибыль нам не светит, капитан, — спокойно сказал Фрост. — Мы увезем эти штуковины и сдадим их властям.

— Да вы все с ума посходили! — взревел я. — Сколько лет, сколько сил мы убили, охотясь за кушем. А теперь, когда он уже у нас в кармане, когда мы можем ходить босиком по горе тысячедолларовых бумажек, вы тут передо мной строите из себя святую невинность. Какого...

— Если бы мы это сделали, то поступили бы нечестно, сэр.

И это «сэр» испугало меня больше всего. До сих пор Блин не величал меня так ни разу.

Я переводил взгляд с одного на другого, и от выражения их лиц у меня мороз по коже пошел. Они все до единого были согласны с Блином.

— Это все курс ориентации! — крикнул я.

Хэч кивнул.

— В нем говорится о честности и чести.

— А что вы, мерзавцы, понимаете в честности и чести? — взвился я. — Вы сроду не знали, что такое честность.

— Прежде не знали, — сказал Блин, — а теперь знаем.

— Это же пропаганда! Просто профессора подложили нам свинью!

Подложили свинью, как пить дать. Но, надо признаться, эти профессора — великие доки. Не знаю уж, то ли они считали человечество бандой подлецов, то ли курс ориентации был у них для всех один. Неудивительно, что они не задавали мне вопросов, не провели расследования до того, как вручить нам свои знания. Мы и шагу не ступили, как нас стреножили.

– Узнав, что такое честность, – сказал Фрост, – мы решили, что поступим правильно, познакомив с курсом ориентации остальных членов команды. Прежде мы вели отвратительную жизнь, капитан.

– И вот, – продолжал Хэч, – мы стали приводить сюда одного за другим и ориентировать их. Мы считали, что должны сделать хоть это. Сейчас этим делом занят один из последних.

– Миссионеры, – сказал я Хэчу. – Вот вы кто. Помнишь, что ты мне говорил однажды вечером? Ты сказал, что не станешь миссионером, хоть озолоти.

– Напрасно стараетесь, – холодно возразил Фрост. – Вам не пристыдить нас и не запугать. Мы уверены в своей правоте.

– А деньги? А как же с компанией? Мы же все продумали!

– Забудьте и об этом, капитан. Когда вы пройдете курс...

– Никакого курса я проходить не буду!

Наверно, голос у меня был грозный, но я уже понял, что ни один из них не бросится на меня.

– Эй, вы, ханжи, миссионеришки несчастные, если вам не терпится заставить меня – попробуйте, давайте...

Они по-прежнему не двигались с места – я запугал их. Но спорить с ними не было никакого толку. Я не мог пробиться сквозь каменную стену честности и чести.

Я повернулся к ним спиной, и пошел к двери, но на пороге остановился и сказал Фросту:

– Советую выпустить Дока и тоже накачать его честностью. Скажи, что на меня это подействовало. Это то, что ему надо. Туда ему и дорога.

Хлопнув дверь, я поднялся по аппарели в свою каюту и запер дверь, чего прежде никогда не делал.

Я сел на край койки и, уставившись на стену, задумался. Забыли одно: корабль был мой, а не их. Они были всего-навсего командой, срок контракта с ним давно истек и ни разу не возобновлялся.

Я стал на четвереньки и полез за жестяным ящиком, в котором хранил бумаги. Внимательно просмотрев их, я отложил те, которые мне были нужны: документ, подтверждающий мое право собственности на корабль, выписку из регистра и последние контракты, подписанные командой.

Я положил документы на койку, отпихнул ящик от себя и снова сел.

Взяв бумаги, я стал тасовать их.

Команду можно было бы вышвырнуть из корабля хоть сейчас — я мог взлететь без них, и они ничего, совершенно ничего не могли бы поделать.

Более того, я мог улететь совсем. Это был бы, разумеется, законный, но подлый поступок. Теперь, когда они стали честными и благородными людьми, они бы склонились перед законом и дали бы мне возможность улететь. И винить им было бы некого, кроме самих себя.

Я долго сидел и думал, но мысли мои снова и снова возвращались к прошлому; я вспоминал, как Блин попал в переделку на одной планете в системе Енотоя, как Док влюбился в... трехполое существо на Сиро, и как Хэч скупил по дешевке все спиртное на Мунко, а потом проиграл его, увлекшись чем-то вроде нашей игры в кости — только вместо костяшек там были странные крохотные

живые существа, с которыми нельзя было мухлевать, и Хэчу пришлось туго.

В дверь постучали.

Это был Док.

– Тебя тоже распирает от честности? – спросил я его.

Он содрогнулся.

– Только не меня. Я отказался.

– Это та же бодяга, которую ты тянул всего дня два назад.

– Неужели ты не понимаешь, – спросил Док, – что теперь станет с человечеством?

– Конечно, понимаю. Оно станет честным и благородным. Никто никогда не будет ни обманывать, ни красть, и станет не жизнь, а малина...

– Все подохнут от тяжелой формы скуки, – сказал Док.
– Жизнь станет чем-то средним между бойскаутским слетом и дамскими курсами кройки и шитья. Не станет шумных перебранок, все будут вести себя до тошноты вежливо и прилично.

– Значит, твои убеждения переменились?

– Не совсем, капитан. Но ведь так же нельзя. Все, чего достигло человечество, было добыто в процессе социальной эволюции. Мошенники и негодяи необходимы для прогресса не меньше, чем дальновидные идеалисты. Они как человеческая совесть, без них не проживешь.

– На твоём месте, Док, я бы не слишком беспокоился о человечестве. Это великое дело, и не нашего оно ума. Даже слишком большая доза честности не искалечит человечества навеки.

А вообще-то мне было все равно. Меня одолевали совсем другие заботы.

Док подошел ко мне и сел рядом на койку. Он наклонился и постучал пальцем по документам, которые я все еще держал в руках.

– Я вижу, ты уже решил, – сказал он.

Я уныло кивнул.

– Да.

– Я так и знал.

– Все предусмотрел. Вот почему ты переметнулся.

Док энергично покачал головой.

– Нет. Поверь мне, капитан, я страдаю не меньше тебя.

– Куда ни кинь, все клин, – сказал я, тасуя документы.

– Они летали со мной по доброй воле. Разумеется, контракта они не возобновили, но это и не нужно было – все было понятно само собой, мы все делили поровну. Не менять же теперь наших отношений?! И по-старому быть не может. Если бы мы даже согласились выкинуть груз, взлететь и никогда больше не вспоминать о нем. Все равно так просто не отделаешься. Это засело в нас навсегда. Прошлого не вернешь, Док, его похоронили. Разбили на куски, которых нам теперь уже не склеить.

Давно уж мне не было так больно, и мне казалось, будто я истошно кричу от этого.

– Теперь они совсем другие люди, – продолжал я, – Они взяли, да переменились и прежними больше никогда не будут. Даже если они снова станут, какими были, все пойдет не так, как прежде.

Док подпустил шпильку:

– Человечество поставит тебе памятник. За то, что ты привезешь машины, тебе поставят памятник, может даже на самой Земле, где стоят памятники всем великим людям. У человечества глупости на это хватит.

Я вскочил и стал бегать из угла в угол.

– Не хочу я никаких памятников, и машин не привезу – мне нет до них больше никакого дела.

Я жалел, что мы вообще нашли эту силосную башню. Что она мне дала? Из-за нее только лучшую команду потерял и лучших на свете друзей!

– Корабль мой, – сказал я, – больше мне ничего не надо. Я довезу груз до ближайшего пункта и выброшу там. Хэч и все прочие могут катиться ко всем чертям – пусть себе наслаждаются своей честностью и честью, – а я наберу другую команду.

Может быть, подумал я, когда-нибудь все будет как прежде. Почти как прежде, да не совсем.

– Мы будем продолжать охотиться, – продолжил я, – мечтать о куше. Мы сделаем все, чтобы найти его, все силы положим. Ради этого мы будем нарушать все законы – и божьи, и человеческие. И знаешь что. Док?

– Не знаю.

– Я надеюсь, куш нам больше не попадется – я не хочу его находить. Я хочу просто охотиться.

Мы помолчали, припоминая те дни, когда охотились за кушем.

– Капитан, меня ты возьмешь с собой?

Я кивнул. Какая разница? Пусть его.

– Капитан, помнишь те холмы, в которых живут насекомые на Сууде?

– Конечно. Разве их забудешь?

– Видишь ли, я придумал, как в них проникнуть. Может, попробуем? Там на миллиард...

Я чуть было не проломил ему голову.

Теперь я рад, что этого не сделал.

Мы летим именно на Сууд.

Если план Дока сработает, мы еще, может быть, сорвем куш!

СДЕЛАЙ САМ

Гордон Найт сидел как на иголках: ему хотелось, чтобы поскорее закончился пятичасовой рабочий день и можно было помчаться домой. Именно сегодня он должен получить комплект, заказанный компании «Сделай сам», и ему не терпелось приступить к сборке. Это нетерпение объяснялось не только давнишним желанием иметь собаку (хотя это играло существенную роль), но и тем, что это было совершенно новое дело. Ему никогда не приходилось управляться с комплектом «Сделай сам», в котором содержались бы биологические компоненты, и поэтому он волновался. Хотя, конечно, собака будет создаваться биологическим путем лишь до определенной степени, и большая часть компонентов войдет в комплект, а на долю человека останется только сборка... Все же в этом была какая-то новизна, и ему хотелось поскорее приступить к работе.

Он так упорно думал о собаке, что даже слегка рассердился, когда Рэндолл Стюарт, то и дело бегавший пить воду, остановился на обратном пути у его стола и стал подробно докладывать о своих успехах на поприще домашнего зубоврачевания.

— Это легко, — сказал Стюарт. — Совсем просто, если следовать инструкции. Поглядите, вот... вчера вечером я сделал это сам.

Он присел на корточки возле стола Найта и открыл рот, что было силы оттянув нижнюю челюсть пальцами.

— О-О... десь, — говорил он, тыкая дрожащим пальцем в зуб, о котором шла речь.

– Сам запломбировал, – захлопнув рот, самодовольно объявил Стюарт. – Наладил целую систему зеркал, чтобы видно было, что там творится. Зеркала прислали в комплекте, я только следовал инструкции.

Он запустил палец глубоко в рот и нежно погладил дело рук своих.

– На самом себе проделывать это немного неудобно, а вот на ком-нибудь другом все получится просто.

Он с надеждой посмотрел на Найта.

Найт на эту удочку не попался, и Стюарт перестал его соблазнять.

– Потом я собираюсь снимать камень. Надо только подкопаться под десну. Для этого есть специальный крючок. Зачем платить дантистам, когда можно самому позаботиться о собственных зубах.

– Пожалуй, это нетрудно, – согласился Найт.

– Дело верное, – сказал Стюарт. – Надо лишь придерживаться инструкции. Чего только не сделаешь, если будешь следовать инструкциям.

Найт задумался. Что верно, то верно. Если следовать инструкциям, можно сделать что угодно – только надо не торопиться, а сесть и не спеша, досконально все изучить.

Ведь построил же он дом и мебель сделал, и всю домашнюю технику смонтировал. И все в свободное время... хотя, видит Бог, когда работаешь пятнадцать часов в неделю, свободного времени имеешь не так уж много.

Как хорошо, что, купив землю, он построил этот дом. Все тогда покупали так называемые имения, и Грейс это так втемяшилось, что ему ничего не оставалось, как тоже купить участок.

Платить и плотникам, и каменщикам, и водопроводчикам он был не в состоянии. Но, строя дом своими руками, он истратил сущие пустяки. Правда, на это ушло десять лет, но зато какое это было удовольствие!

Он сидел и думал, как интересно было строиться, как он гордится своей работой. Нет, сэр, сказал он себе, на его месте никто бы не построил лучшего дома.

Хотя, признаться, в том, что он сделал, не было ничего необычного. Большинство его знакомых тоже сами строили себе дома, или делали к ним пристройки, или перестраивали...

Он часто подумывал, что неплохо бы снова приняться за дело и построить еще один дом, так, интереса ради. Но это было бы глупо, потому что дом у него уже есть, а новый продать невозможно, если бы даже он и построил его. Кто станет покупать дом, когда так интересно строить самому?!

Да и в старом доме еще немало работы. Надо пристроить новые комнаты... они не очень нужны, конечно, но с ними будет удобнее. И крышу починить. И летний домик соорудить. И участок до сих пор не приведен в порядок. Одно время он подумывал спланировать и разбить живописный парк: поработав несколько лет в свободное время, можно принарядить участок.

Найт и его сосед Энсон Ли часто разговаривали о том, что они могли бы сделать со своими участками, если бы у них было время. Но Ли, конечно, никогда ничего не сделает. Он юрист, но, кажется, и юриспруденцией занимается не очень усердно. У него большой кабинет, битком набитый юридической литературой, и в свое время он любил

пространно поговорить об этих книгах, хотя, по-видимому, никогда их не раскрывал. Обычно он заводил такой разговор, основательно нагрузившись, а это случалось довольно часто, так как он считал себя мыслителем и твердо верил, что спиртное помогает думать.

Когда Стюарт вернулся к своему столу, до конца рабочего дня оставалось все еще более часа. Найдя украдкой достал из портфеля свежий номер журнала «Сделай сам» и начал перелистывать его, краем глаза поглядывая по сторонам, чтобы быстро спрятать журнал, если кто-нибудь обратит внимание на то, что он бездельничает.

Он уже читал все статьи раньше и теперь просматривал рекламу. Жаль, подумал он, что у человека не хватит времени переделать такую уйму дел.

Например:

подобрать себе очки (инструменты для шлифовки и проверки линз включаются в комплект);

удалить самому себе гланды (полные инструкции и необходимые инструменты);

превратить пустующую комнату в персональную больницу (какой смысл покидать дом во время болезни — именно тогда-то вы больше всего нуждаетесь в утешении и спокойствии);

сделать собственные лекарства (начать с выращивания пятидесяти лекарственных растений; имеются подробные инструкции, как ухаживать за ними и обрабатывать урожай);

вырастить своей жене шубку (пара норок, одна тонна лошадиного мяса, скорняжные инструменты);

сшить себе костюм и пальто (пятьдесят ярдов шерстяной материи и приклад);

собрать телевизор;
переплести книги;
построить собственную электростанцию (пусть на вас работает ветер);

собрать собственного робота (мастер на все руки, умен, послушен, не требует отпуска и платы за сверхурочную работу, находится при деле все двадцать четыре часа в сутки, никогда не устает, не нуждается ни в отдыхе, ни в сне, выполняет любую работу).

Найт подумал, что это стоящее дело. Если завести такого робота, то помощь от него будет великая. Можно достать всякие приспособления к нему. Робот, как говорится в рекламе, может менять как перчатки приспособления для различных видов работ.

Если бы у него был робот, он бы его посылал каждое утро в огород собирать кукурузу, фасоль, горох, помидоры и другие овощи, а потом складывать их на задней веранде дома. Наверно, тогда огород давал бы гораздо больше, потому что робот никогда не сорвет недозрелого помидора и не даст перезреть кукурузе.

Есть всякие приспособления: и для уборки дома, и для разгребания снега, и для покраски... В общем, почти для любой работы. Купить полный набор приспособлений, потом составить рабочую программу и целиком положиться на робота – так можно свалить с плеч дела по дому, потому что робот заботился бы обо всем.

Остановка только за одним: стоит комплект частей робота почти десять тысяч долларов, да набор приспособлений обойдется не меньше.

Найт закрыл журнал и положил его в портфель.

Посмотрев на часы, он увидел, что до конца рабочего дня осталось минут пятнадцать. За работу приниматься не стоило, и Найт продолжал бездельничать и думать о том, как он вернется домой и найдет там комплект, который уже ждет его.

Он всегда хотел иметь собаку, но Грейс не разрешала. «Собаки грязны, – говорила она, – они треплют ковры, у них блохи, они линяют, оставляют всюду шерсть, и, кроме того, от них... дурно пахнет.»

Ну, против искусственной собаки она возражать не станет.

От такой собаки не будет дурно пахнуть, есть гарантия, что ни линять, ни заводить блох она не будет, потому что блохи подошли бы с голоду на полумеханической, полубиологической собаке.

Он надеялся, что собака его не разочарует, так как на всякий случай тщательно изучил литературу по этому вопросу. Собака ходила бы с ним на прогулки, носила бы поноску и гоняла дичь. А что еще можно от нее требовать? Для полноты картины она будет приветствовать каждый столб и дерево, но фирма гарантирует, что никаких пятен после этого не остается.

Когда он подлетал к дому, комплект уже лежал у двери сарая, но сначала Найт его не заметил. Потом, увидев комплект, он еще на лету стал рассматривать его и так вытянул шею, что чуть не врезался в изгородь. К счастью, ему удалось посадить летательный аппарат точно на усыпанную гравием площадку, и еще не перестали вращаться винты, как он уже бросился к сараю.

Да, это комплект. К верху упаковочной клетки был при-

креплен конверт с накладной. Но комплект оказался более громоздким и тяжелым, чем ожидал Найт. Он подумал, а не прислали ли ему по ошибке какую-нибудь большую собаку – не ту, что он заказывал.

Он попытался поднять клеть, но не осилил и пошел обратно в дом, чтобы притащить из подвала тележку.

Завернув за угол, он остановился на секунду и осмотрел свой участок. Тут можно многое сделать, подумал он, было бы только время и деньги на покупку оборудования. Можно было бы превратить участок в большой сад. Надо попросить планировщика сделать проект... впрочем, если купить книги по планировке садов и посидеть над ними несколько вечеров, можно, по-видимому, все сделать самому.

На северном конце участка было озерцо, и сад, как ему казалось, следовало бы разбить именно там. Сейчас земля вокруг озера сырая – настоящее болото, – на ветру колыхаются заросли бурьяна и камыша. Но если выкопать дренажные канавки, посадить культурные растения, продолжить дорожки и перекинуть через канавки живописные мостки, то все будет выглядеть прелестно.

Найт перевел взгляд на дом Энсона Ли, стоявший за озерцом на холме. Как только собака будет собрана, он прогуляется с ней туда. Собака, наверно, понравится Ли. Иногда Найт чувствовал, что Ли не совсем одобряет то, что он делает. Например, то, что он помог Грейс сделать печь для обжига и сушки. Им тогда несколько раз удавалось выманить Ли из дому и отправить на поиски нужных сортов глины.

– Для чего вам нужно делать эти горшки? – спросил он.

— К чему все эти хлопоты? Купите их, это обойдется в десять раз дешевле.

Ли отнесся без должного уважения к объяснениям Грейс, которая утверждала, что собирается делать не простые горшки. «Керамика, — говорила она, — признанный вид искусства». Она так увлеклась этим и добилась таких успехов (некоторые ее работы были действительно хороши), что Найт счел возможным прекратить работу над моделью железной дороги и пристроить к уже разросшемуся дому еще одно помещение — для хранения, сушки и выставки керамики.

Года два назад, когда Найт построил мастерскую для Грейс, Ли не сказал ни слова. Ей надоело заниматься керамикой, и она переключилась на живопись. Однако Найт чувствовал: Ли молчал только потому, что был убежден в бесплодности дальнейших споров.

Но собаку Ли должен одобрить. Найт гордился своей дружбой с Ли. Это превосходный человек... хоть и не идет в ногу со временем. Все поглощены какими-нибудь делами, а Ли живет полегоньку, занятый своей трубкой и книгами, кстати не имеющими никакого отношения к юриспруденции.

Даже дети теперь интересуются более серьезными вещами. Играя, они учатся.

Мери, до того как она вышла замуж, интересовалась агрономией. Ее оранжерея стояла у подножия холма, и Найт жалел, что не мог продолжить ее работу. Всего несколько месяцев назад он демонтировал ее гидропонные баки.

Джон, естественно, занялся ракетами. Много лет он с

товарищами усеивал окрестности своими экспериментальными моделями. Самая последняя и большая, но незаконченная, до сих пор возвышается за домом. Найт говорил себе, что он когда-нибудь возьмет и закончит то, что начал делать сынишка. В университете Джон теперь увлекается все тем же, но круг его интересов, по-видимому, стал гораздо шире. Найт подумал, что у него хороший сын. Да, сэр, очень хороший сын.

Найт направился по скату в подвал за тележкой. Как всегда, несколько секунд он постоял, оглядывая свои владения – здесь поистине было все, что интересовало его в жизни: вон там, в углу, мастерская, а тут – модель железной дороги, над которой он временами работал, за ней – фотолаборатория. Он вспомнил, как в подвале не хватило места для лаборатории, и он был вынужден пробить часть стены. Повозиться пришлось гораздо больше, чем он думал.

Захватив тележку, Найт пошел к сараю, погрузил комплект и отвез в подвал. Потом он взял ломик и стал вскрывать упаковочную клеть. Он работал неторопливо и сноровисто: ему приходилось распаковывать немало комплектов, и он знал, как управляться с ними.

Когда он вынул детали, им овладело смутное беспокойство – они были странной формы и больших размеров.

Прерывисто дыша от усилий и волнения, он стал снимать оберточную бумагу. Уже со второй детали он понял, что ему прислали не собаку. Сняв обертку с пятой детали, он уже определенно знал, что это такое.

Это робот... и, насколько он мог судить, лучшая, самая дорогая модель!

Он присел на угол упаковочной клетки, достал платок и вытер лоб. Наконец он вскрыл конверт с накладной.

«Мистеру Гордону Найту, – говорилось в ней. – Один комплект собаки, оплачено полностью».

С точки зрения компании «Сделай сам, инкорпорейтед», он получил собаку. И за нее заплачено... полностью, как написано в накладной.

Он встал, потом снова сел и посмотрел на детали робота.

Никто никогда ни о чем не догадается. Придет время переучета, и компания обнаружит у себя лишнюю собаку. Одного робота будет не хватать, но попробуй разберись, в чем тут дело, если целые вагоны комплектов собак и тысячи проданных роботов уже укатили во все стороны.

Гордон Найт ни разу в жизни не совершал сознательно ни одного бесчестного поступка. Но теперь он принял бесчестное решение и знал, что поступает нечестно, и не мог ничего сказать в свое оправдание. Быть может, хуже всего было то, что он обманывал даже самого себя.

Сначала он решил, что отошлет этого робота назад, но так как он всегда мечтал собрать робота, то сперва соберет его, потом разберет, снова запакует и отправит компании. Он не будет включать его, просто соберет...

И в то же время он знал, что лжет самому себе; он понимал, что мало-помалу, шаг за шагом придет к бесчестному поступку. Он знал, что делает так потому, что совершить откровенный обман у него не хватает наглости.

В тот вечер он сидел и, внимательно читая инструкцию, рассматривал каждую деталь. Именно так и следовало управляться с комплектами «Сделай сам». Надо было

не спеша, пункт за пунктом разобраться во всем и только потом приступать к сборке. Найт по опыту знал, что топорливости здесь ни к чему. Кроме того, ему, быть может, уже никогда не попадет в руки еще один робот.

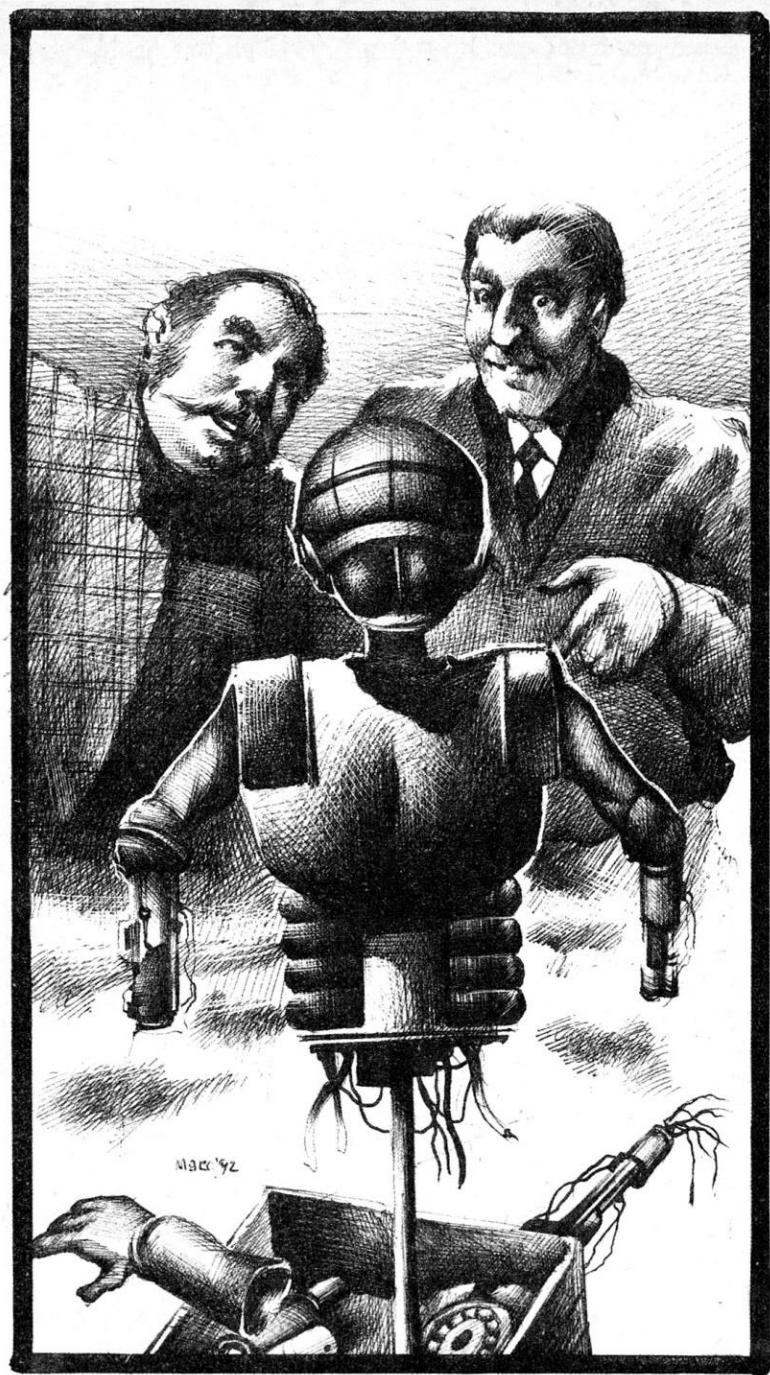
На службе начались четырехдневные каникулы, и Найт энергично принялся за дело, вкладывая в него всю душу. Он имел слабое представление о биологии, и ему пришлось заглянуть в учебник органической химии, чтобы познакомиться с некоторыми процессами. Дело продвигалось туго. Давно уже он не брался за органическую химию и теперь обнаружил, что растерял даже зачатки знаний.

На второй день перед сном он выудил из учебника достаточно сведений, чтобы собрать робота.

Его немного расстроила Грейс, которая, увидев, чем он занимается, стала немедленно придумывать для робота дела по хозяйству. Чтобы отделаться от нее, он надавал ей всяких обещаний и на следующий день приступил к сборке.

Он легко смонтировал робота не только потому, что ловко работал инструментами, но еще и потому, что с фанатичным рвением следовал первому принципу обращения с комплектами «Сделай сам» – сначала получи полное представление о предстоящей работе.

Во-первых, он уверил себя, что, собрав робота, тотчас же приступит к его разборке. Но когда робот был сделан, Найту захотелось посмотреть, как он действует. Что за смысл убить так много времени и не убедиться в том, что все сделано как следует? Найт щелкнул тумблером, приводящим робота в действие, и привинтил последнюю пластинку.

Робот ожил и посмотрел на Найта.

Потом он сказал:

– Я робот. Меня зовут Альбертом. Что надо сделать?

– Спокойно, Альберт, – торопливо сказал Найт, больше успокаивая себя. – Присядьте и отдохните, мы поговорим.

– Я не нуждаюсь в отдыхе, – произнес робот.

– Хорошо, тогда просто стойте на месте. Я, конечно, не могу оставить вас у себя, но, раз уж вы включены, мне бы хотелось посмотреть, что вы умеете делать. Надо поработать по хозяйству и в саду, подравнять газон, и потом, я думал о планировке участка. – Он вдруг замолчал и хлопнул себя по лбу. – Приспособления! Как мне достать, приспособления!

– Ничего, – произнес Альберт. – Не беспокойтесь. Только скажите, что надо делать.

Найт объяснил ему, что надо делать, а напоследок смущенно дал задание спланировать и разбить сад.

– Сотня акров – это большой участок, а вы не можете тратить на эту работу все время. Грейс хочет, чтобы вы работали по дому и, кроме того, в огороде и на газоне...

– Я скажу вам, что делать, – проговорил Альберт. – Я составлю список материалов, которые надо заказать, а все остальное предоставьте мне. У вас хорошо оборудованная мастерская.

– Вы хотите сказать, что сами сделаете себе приспособления?

– Не беспокойтесь, – сказал ему Альберт. – Где карандаш и бумага?

Найт принес ему карандаш и бумагу, и робот составил список материалов (сталь различных марок, алюминиевые

заготовки различных размеров, медная проволока и многое другое).

— Вот! — сказал Альберт, протягивая Найту бумагу. — Это будет стоить не больше тысячи долларов и даст нам возможность работать. Поскорее закажите все, и мы начнем.

Найт сделал заказ, а Альберт принялся рыскать по подвалу и быстро собирать в кучу железный лом, валявшийся повсюду.

— Все пойдет в дело, — сказал он.

Альберт выбрал несколько кусков стали, включил кузнечный горн, и стал работать. Найт понаблюдал за ним немного и пошел обедать.

— Альберт — чудо, — сказал Найт, обращаясь к Грейс. — Он сам делает себе приспособления.

— Ты ему сказал, что я просила сделать?

— Конечно. Но сперва ему надо изготовить приспособления.

— Я хочу, чтобы он поддерживал в доме чистоту, — сказала Грейс, — потом надо сделать новые портьеры, покрасить кухню и починить все эти текущие водопроводные краны, к которым ты так и не удосужился приложить руку.

— Да, дорогая.

— И мне хотелось бы, чтобы он выучился готовить.

— Я его не спрашивал, но мне кажется, он сможет это делать.

— Он мне окажет великую помощь, — сказала Грейс, — Подумай только, я смогу теперь тратить на живопись все свое время.

Благодаря долголетней практике Найт точно знал, как ему вести себя в этой фазе разговора. Он как бы раздвоился: одна его часть сидела, слушала и время от времени что-то отвечала, а другая продолжала думать о более важных делах.

Ночью он несколько раз просыпался и слышал, как в мастерской стучит Альберт. Он каждый раз изумлялся этому, но потом вспоминал, что робот работает круглые сутки, изо дня в день. Найт лежал, глядя на темный потолок, и поздравлял себя с приобретением робота. Но, конечно, это только временно... Он отошлет Альберта обратно через несколько дней. А сперва позабавится с ним немного. Ну что тут плохого?

На следующий день Найт спустился в подвал и предложил роботу свою помощь, но Альберт вежливо отклонил ее. Найт постоял немного, потом отошел от робота и попытался возбудить в себе интерес к модели локомотива, которую начал делать года два назад, да все откладывал ради чего-то другого. Но ему почему-то не работалось, тогда он сел и стал думать, что же с ним такое происходит. Может быть, ему нужно новое увлечение? Он мечтал заняться кукольным театром, теперь на это хватит времени.

Найт достал каталоги и журналы «Сделай сам» и начал листать их, но проявил интерес, и то умеренный, только к стрельбе из лука, альпинизму и постройке лодок. По всему остальному он остался равнодушен. Казалось, ничто не могло вдохновить его сегодня.

Тогда он отправился навестить Энсона Ли.

Ли лежал в гамаке, покуривал трубку и читал Пруста; под рукой на земле стоял кувшин.

Ли отложил книгу и указал на другой гамак, висевший поблизости.

– Залезайте и давайте отдыхать.

Найт устроился в гамаке, чувствуя себя довольно глупо.

– Поглядите на небо, – предложил Ли. – Вы когда-нибудь видели такое голубое небо?

– Я в этом ничего не понимаю, – ответил Найт. – В метеорологии не разбираюсь.

– Жаль. В птицах вы тоже не разбираетесь?

– Когда-то я был членом клуба наблюдателей за птицами.

– И так трудились, что года не прошло, как вы устали и ушли из клуба. Наблюдение за птицами вы превратили в гонку на выносливость: каждый старался увидеть больше птиц, чем другой. Вы сделали из этого соревнование. И, наверно, вели журнал наблюдений.

– Ну и вел. Что в этом плохого?

– Ничего, – сказал Ли, – если бы вы не делали все с какой-то мрачной непреклонностью.

– Мрачной непреклонностью? С чего вы взяли?

– Таков уж ваш образ жизни. Теперь все так живут. Кроме меня, конечно. Посмотрите на ту малиновку, что сидит на яблоне. Мы с ней дружим. Вот уже шесть лет, как мы знакомы. Об этой птичке я мог бы написать целую книгу... и, если бы малиновка могла читать, она одобрила бы ее. Но я, конечно, писать не буду – стоит начать это дело, и я уже не смогу наблюдать за малиновкой.

– Вы можете писать зимой, когда малиновки улетают.

– Зимой у меня есть другие дела.

Ли наклонился, взял кувшин и протянул его Найту.

– Крепкий сидр, – пояснил он. – Сам сделал. И не потому, что прочел инструкцию или выдумал себе любимую привычку, а просто я люблю сидр, но по-настоящему делать его теперь уже никто не может. Чтобы он имел нужный вкус, надо оставлять в некоторых яблоках червей.

При упоминании о червях Найт выплюнул сидр, который он еще не успел проглотить, и вернул кувшин. Ли воспринял это добродушно.

– Первая работа за много лет, которую я сделал добросовестно. – Поставив кувшин на грудь, он тихо раскачивался в гамаке. Всякий раз, когда у меня появляется рабочий зуд, я смотрю через озеро на вас и решаю не работать. Сколько комнат вы добавили к своему дому, с тех пор как его построили?

– Восемь, – гордо сказал ему Найт.

– Господи! Подумать только... восемь комнат!

– Это не трудно, – запротестовал Найт, – надо только приноровиться. Право, это даже интересно.

– Сотни две лет назад люди не пристраивали по восемь комнат к своим домам. И вообще они сами себе не строили домов и не увлекались сразу десятком любимых дел. У них не было на это времени.

– Теперь все просто. Надо только купить комплект «Сделай сам».

– Это самообман, – сказал Ли. – Очень просто делать вид, что занимаешься чем-то стоящим, а на самом деле вы растрчиваете себя по пустякам. Как вы думаете, почему компания «Сделай сам» так разбогатела? Потому что люди нуждались в ее услугах?

– Делать самому дешевле. Зачем платить за вещь, когда ее можно сделать самому?

– Может быть, но это одна из причин. Вероятно, вначале так и было. Но какими экономическими соображениями обоснована постройка дополнительных восьми комнат? Кому нужны эти восемь комнат? Я сомневаюсь даже, что первопричиной было желание сэкономить деньги. У людей слишком много свободного времени, которое надо на что-то убить, вот они и придумывают себе увлечения. Люди работают не потому, что им нужны все эти вещи, которые они делают, а потому, что это позволяет им заполнить пустоту своего существования, возникшую в результате укороченного рабочего дня. Им нужно чем-то заниматься во время вынужденного отдыха. Что же касается меня, то я знаю чем мне заниматься.

Он поднял кувшин и предложил Найту выпить еще. На этот раз Найт отказался...

Они лежали в гамаках, поглядывая на голубое небо и наблюдали за малиновкой. Найт сказал, что для горожан есть специальные комплекты «Сделай сам», с помощью которых они могут мастерить роботов-птиц. Ли только засмеялся, и в смехе этом звучала жалость к горожанам. Найт смущенно умолк.

Когда он вернулся домой, какой-то робот постригал траву возле частокола. У него было четыре руки с четырьмя парами ножниц, и работу он делал ловко в споро.

– Вы не Альберт, нет? – спросил Найт, пытаясь догадаться, как этот странный робот мог забрести к нему на участок.

– Нет, – ответил робот, продолжая подстригать траву.

– Я Авраам. Меня сделал Альберт.

– *Сделал?*

– Альберт произвел меня, чтобы я работал. Не думаете же вы, что Альберт будет работать *сам*?

– А кто его знает, – сказал Найт.

– Если вы хотите поговорить со мной, двигайтесь рядом. Мне надо работать.

– А где сейчас Альберт?

– В подвале. Он производит Альфреда.

– Альфреда? Еще одного робота?

– Конечно. Для этого Альберт и существует.

Найт почувствовал слабость в ногах и прислонился к столбу.

Сначала был один робот, а теперь их два, и Альберт в подвале делает третьего. Так вот почему Альберт хотел, чтобы он сделал заказ на сталь и другие материалы... Но заказ еще не доставлен, и он, должно быть, сделал этого робота... этого Авраама... из собранного лома!

Найт поспешил в подвал, где у горна работал Альберт. Еще один робот был частично собран, и повсюду лежали готовые детали.

Угол подвала напоминал какой-то металлический кошмар.

– Альберт!

Робот обернулся.

– Что здесь происходит?

– Я воспроизвожусь, – вежливо ответил Альберт.

– Но...

– В меня вмонтировали материнский инстинкт. Я не знаю, почему меня называли Альбертом. Мне надо было дать женское имя.

– Но вам не следовало делать других роботов!

– Погодите, перестаньте волноваться. Вам нужны роботы, не так ли?

– Ну... пожалуй.

– Вот я их и делаю. Я сделаю все, что вам надо.

Он снова принялся за работу.

Робот, который делает других роботов... да это же целое богатство! Робот обходится в кругленькую сумму – в десять тысяч долларов, – а Альберт сделал одного и мастерит другого. Двадцать тысяч долларов!

Возможно, Альберт способен делать больше двух роботов в день. Он работает на металлическом ломе, а когда придут новые материалы, по-видимому, ускорит производство.

Но даже если он будет делать по два робота в день... Это значит, что в месяц он будет производить роботов на полмиллиона долларов! На шесть миллионов в год!

Найт с ужасом вдруг сообразил, что здесь что-то не так. Роботы не должны производить себе подобных. А если и существовал такой робот, то компания «Сделай сам» не выпустила бы его из рук.

И все же положение таково, что робот, даже не принадлежащий ему, делает других роботов с головокружительной быстротой.

Найт подумал, что, наверно, на производство роботов требуется официальное разрешение. Прежде он никогда не интересовался этим вопросом, но такое соображение показалось ему резонным. К тому же робот был не просто машиной, а имитацией живого человека. Найту пришло в голову, что должны существовать какие-нибудь правила и

положения, правительственный надзор, и он представил себе, правда довольно смутно, сколько же законов он, возможно, сейчас нарушает.

Он посмотрел на Альберта, который по-прежнему работал; Найт был уверен, что робот не поймет его тревог.

Тогда он поднялся наверх и пошел в комнату для игр и развлечений, которую он пристроил несколько лет назад и с тех пор ни разу не использовал по назначению, хотя она была полностью оборудована столами для пинг-понга и бильярда, сооруженными по рецептам «Сделай сам». В ненужной комнате для игр и развлечений был ненужный бар. Найт нашел в нем бутылку виски. После пятой или шестой рюмки жизнь предстала перед ним в розовом свете.

Он взял бумагу и карандаш и попытался подсчитать прибыльность нового дела. И, сколько он ни считал, все выходило, что он богатеет быстрее, чем любой другой человек когда бы то ни было.

Однако он понимал, что могут возникнуть трудности, если продавать роботов, не имея соответствующих средств производства, официального разрешения, поскольку таковое требовалось, и еще многого, о чем он не знал.

Но, какие бы неприятности ему ни грозили, он не особенно приходил в уныние, принимая во внимание, что в течение года он станет мультимиллионером. Он бодро приложился к бутылке и напился впервые в двадцать лет.

Прилетев на следующий день с работы домой, он увидел, что газон подстрижен так, как его никогда не подстригали, цветочные грядки были прополоты, а огород

вскопан, частокол только что покрасили. Два робота, снабженные телескопическими ногами вместо лестниц, красили дом.

Внутри дома не было ни пятнышка, и он услышал, как Грейс что-то весело напевает в своей мастерской. В комнате для шитья робот (со швейной машинкой, привинченной к груди) делал портьеры.

– А вы кто? – спросил Найт.

– Вы должны знать меня, – ответил робот. – Вы разговаривали со мной вчера. Я Авраам – старший сын Альберта.

Найт вышел из комнаты.

В кухне еще один робот хлопотливо готовил обед.

– Я Адельберт, – представился он.

Найт вышел на крыльцо. Роботы кончили красить фасад дома и перебирались к боковой стороне.

Найт сел в плетеное кресло и снова задумался.

Некоторое время он не будет уходить с работы, чтобы не вызывать подозрений, но и оставаться долго нельзя. Вскоре ему придется полностью посвятить себя продаже роботов и другим делам. По-видимому, ему нужно побольше бездельничать, чтобы его уволили с работы. Но, подумав, он пришел к заключению, что делать уж меньше того, что он делает на службе, просто невозможно. Работа проходит через столько рук и машин, что в конце концов каким-то образом оказывается выполненной.

Ему придется придумать какую-нибудь правдоподобную историю о наследстве или найти другой предлог для ухода. Секунду он тешил себя мыслью, что скажет правду, но тотчас решил, что правда звучала бы слишком фанта-

стично... во всяком случае, правду говорить не стоит, пока он немного не разберется в своем положении.

Найт встал с кресла и пошел в подвал. Сталь и другие материалы, которые он заказывал, были доставлены. Их аккуратно сложили в углу.

Найт стал лениво собирать упаковочный материал, который оставался на полу, с тех пор как он распаковал Альберта. В куче мягкой стружки он нашел маленькую синюю табличку, которая, как он помнил, была прикреплена к ящичку с мозгом робота.

Он поднял ее и прочел. На ней стоял номер X-190.

«X» означает экспериментальную модель! И тут он понял все.

«Сделай сам, инкорпорейтед» создала Альберта и, упаковав, отправила на склад, потому что компания вряд ли позволила бы себе выбросить на рынок такой товар. Этим она сама себе обеспечила бы финансовый крах. Продай она десяток Альбертов, и года через два рынок пресытился бы роботами.

И стоили бы они не десять тысяч. Их продавали бы почти по себестоимости. Так как их производил бы не человек, цена на них неизбежно упала бы.

– Альберт, – сказал Найт.

– Что? – рассеянно откликнулся робот.

– Взгляните на это.

Альберт подошел и взял табличку, которую протянул ему Найт.

– А... *это!* – произнес он.

– Могут быть неприятности.

– Никаких неприятностей не будет, хозяин, – заверил Альберт. – Меня не опознают.

– Не опознают?

– Я сточил номера и изменил отделку. Никто не сможет доказать, что я – это я.

– Но почему вы это сделали?

– Чтобы на меня не предъявили претензий и не взяли обратно. Меня сделали, потом испугались и изолировали. Но я попал сюда.

– Кто-то ошибся, – сказал Найт. – Наверно, во время погрузки. Вас прислали вместо собаки, которую я заказал.

– Вы меня не испугались, вы собрали меня и позволили работать. Я остаюсь с вами, хозяин.

– И все же мы можем попасть в беду, если не будем осторожны.

– Никто ничего не сможет доказать, – настаивал Альберт. – Я поклянусь, что это вы сделали меня, и не дам забрать обратно. Второй раз улизнуть не позволят – меня превратят в лом.

– Если вы сделаете слишком много роботов...

– Вам нужно много роботов, чтобы переделать всю работу. Думаю, для начала понадобится штук пятьдесят.

– Пятьдесят!..

– Конечно. На это уйдет примерно месяц. Теперь, когда у меня есть заказанные вами материалы, я могу ускорить производство. Кстати, вот счет за материалы.

Он извлек из углубления, служившего ему карманом, полоску бумаги и вручил Найту.

Увидев сумму, Найт заметно побледнел. Она вдвое превышала его расчеты... но, конечно, денег, вырученных от продажи хотя бы одного робота, хватит с избытком.

Альберт похлопал Найта увесистой рукой по спине.

– Не беспокойтесь, хозяин. Я позабочусь обо всем.

Несколько роботов, вооруженных специальными приспособлениями, приступила к работе на участке. Заросшая, неухоженная земля преображалась на глазах. Озеро было вычищено и углублено. Проложены дорожки. Построены мостки. На склоне холма устроены террасы. Разбиты большие цветочные клумбы. Деревья выкопаны и пересажены так, что радовали глаз. Пущены в ход старые печи для обжига – кирпичи пошли на дорожки и стены. Сделаны модели парусных кораблей – поставленные на якоря, они очень украсили озеро. Построены пагода и минарет, а вокруг них посажены вишневые деревья.

Найт поговорил с Энсоном Ли. Тот с видом прожженного стряпчего заверил, что разберется в ситуации.

– Вы, возможно, стоите на грани нарушения закона, – добавил он. – Но как близко вы подошли к этой грани, я могу сказать, только просмотрев соответствующие статьи.

Однако ничего не случилось.

Работа продолжалась.

Ли по-прежнему лежал в гамаке и, прижимая к себе кувшин с сидром, с изумлением наблюдал за тем, что творилось на участке соседа.

Потом пришел налоговый инспектор.

Они с Найтом присели на газоне.

– С тех пор, как я был здесь в последний раз, у вас стало лучше, – сказал чиновник. – К сожалению, я вынужден увеличить сумму налога.

Он что-то записал в книжку, которую держал на колене.

– Слышал я о ваших работах, – продолжал он. – Это движимое имущество. Оно облагается. Сколько их у вас?

– Примерно несколько десятков, – уклончиво ответил Найт.

Чиновник сел прямее и принялся считать тех роботов, которые были на виду, тыкая в сторону каждого карандашом.

– Слишком уж быстро они передвигаются, – пожаловался он. – Не ручаюсь за точность, но штук тридцать восемь я насчитал. Правильно?

– Не думаю, – ответил Найт, сам не знавший, сколько их, но уверенный, что их будет больше, если чиновник посидит еще немного.

– Каждый из них стоит десять тысяч долларов. Амортизация, стоимость содержания и так далее... оценим каждого в пять тысяч. Все вместе... сейчас подсчитаем... они стоят 190 тысяч долларов.

– Нет, вы послушайте, – запротестовал Найт, – нельзя же...

– Я к вам подошел по-хорошему, – заявил чиновник. – По правилам я должен скинуть на амортизацию всего одну треть.

Он ждал, что Найт будет спорить, но тот уже сообразил, что лучше помолчать. Чем дольше этот человек будет оставаться здесь, тем больше шансов, что сумма налога возрастет.

Когда чиновник скрылся из виду, Найт пошел в подвал, чтобы поговорить с Альбертом.

– Я воздерживался, пока приводили в порядок участок, – сказал Найт, – но, кажется, я больше так не могу. Нам придется продать несколько роботов.

– Продать? – в ужасе повторил Альберт.

– Мне нужны деньги. Только что здесь был налоговый инспектор.

– Хозяин, роботов продавать нельзя!

– Почему нельзя?

– Потому что это моя семья. Роботы – мои сыновья. Судите по их именам.

– Это смешно, Альберт.

– Все их имена начинаются с А, как и мое имя. Они всё, что у меня есть, хозяин. Я тяжко трудился, чтобы сделать их. Между мной и моими мальчиками существуют такие же узы, как между вами и вашим сыном. Я не могу позволить продать их.

– Но, Альберт, мне нужны деньги.

Альберт похлопал его по плечу.

– Не беспокойтесь, хозяин. Я все устрою.

Найт только махнул рукой. Во всяком случае, налог на движимое имущество надо платить еще через несколько месяцев, и за это время он, безусловно, что-нибудь придумает. Но времени терять не следует, в течение двух месяцев деньги надо достать. Это стало очевидным на другой же день, когда Найт получил приглашение явиться в Департамент государственных сборов.

Всю ночь он думал, не лучше ли совсем скрыться. Он пытался сообразить, как это человек может исчезнуть, и чем больше думал, тем яснее сознавал, что в век досье, проверок по отпечаткам пальцев и прочих ухищрений для опознания личности надолго не скроешься.

Чиновник Департамента государственных сборов был вежлив, но непреклонен.

– Нам сообщили, мистер Найт, что за последние не-

сколько месяцев у вас наблюдается значительное увеличение капитала.

– Увеличение капитала... – повторил Найт, вытирая пот со лба. – Никакого увеличения капитала у меня нет.

– Мистер Найт, – заметил по-прежнему вежливый, но непреклонный чиновник, – я говорю о пятидесяти двух роботах.

– Роботах? Пятидесяти двух?

– По нашим подсчетам. Вы считаете, что мы ошиблись?

– О, нет, – торопливо согласился Найт. – Раз вы говорите, что их пятьдесят два, то я вам верю.

– Насколько мне известно, розничная цена каждого – десять тысяч долларов.

Найт уныло кивнул.

Чиновник с карандашом в руке занялся подсчетами.

– Пятьдесят два раза по десять тысяч, – это будет пятьсот двадцать тысяч. Облагается только пятьдесят процентов прироста капитала, или двести шестьдесят тысяч долларов. Следовательно, вам надо уплатить примерно сто тридцать тысяч долларов.

Его взгляд встретился с тусклым взглядом Найта.

– К пятнадцатому числу следующего месяца, – сказал чиновник, – ждем от вас декларации о доходах. Тогда же вы заплатите половину суммы налога, остальное можете выплатить по частям.

– И это все, что вы хотели от меня?

– Все, – неуместно радуясь, сказал чиновник. – Правда, есть еще одно дело, но оно не входит в мою компетенцию, и я упоминаю о нем только для того, чтобы предупредить

вас, если вы еще не думали об этом. Кроме федерального налога, вам надо будет уплатить налог штата, хотя, конечно, он не так велик.

– Спасибо, что напомнили, – сказал Найт, поднимаясь.

У двери чиновник остановил его.

– Мистер Найт, то, о чем я спрошу вас, тоже не входит в мою компетенцию... Мы навели справки о вас и узнали, что вы получаете десять тысяч долларов в год. Это уж мое личное любопытство, но скажите, пожалуйста, как вы, получая десять тысяч в год, вдруг сумели нажать еще полмиллиона?

– Этому я и сам удивляюсь, – ответил Найт.

– Мы, заботимся, естественно, только о том, чтобы вы уплатили налог, но вами может заинтересоваться какое-нибудь другое правительственное учреждение. На вашем месте, мистер Найт, я бы постарался придумать хорошее объяснение.

Найт вышел, прежде чем чиновник дал ему еще один хороший совет. У него и без того было достаточно причин для беспокойства.

Летя домой, Найт решил, что, хочет того Альберт или нет, ему придется продать определенное число роботов. Дома он тотчас спустится в подвал и скажет об этом Альберту.

Но когда он прибыл, Альберт уже ждал его на посадочной площадке.

– Здесь был представитель «Сделай сам»...

– Не продолжайте, – простонал Найт, – Я знаю, что вы хотите сказать.

– Я все устроил, – с фальшивым воодушевлением про-

должал Альберт. — Я сообщил ему, что меня сделали вы, и позволил осмотреть меня и всех роботов. Он не мог найти клейма компании ни на ком из нас.

— Конечно, не мог — свои вы сточили, а на других не ставили.

— Ему не к чему было прицепиться, но он считает, что доказательства найдутся. И он сказал, что подаст в суд.

— Если он этого не сделает, то будет единственным человеком, который не щелкнет нас по носу. Налоговый инспектор только что сказал мне, что я должен правительству сто тридцать тысяч.

— А-а, деньги, — сияя, молвил Альберт. — Я все устроил.

— Вы знаете, где мы можем достать денег?

— Конечно. Пойдемте со мной, увидите.

Он повел Найта в подвал и показал на два свертка, перевязанных проволокой.

— Деньги, — сказал Альберт.

— В этих свертках настоящие деньги? Долларовые бумажки? Не театральный реквизит и не сигарные купоны?

— Долларовых бумажек здесь нет — главным образом десятки и двадцатки, несколько пятидесятидолларовых банкнотов. Мы долларовыми ассигнациями не занимались — слишком много возни, чтобы сделать их приличное количество.

— Вы хотите сказать... Альберт, вы сделали эти деньги?

— Вы сказали, что вам нужны деньги. Ну, мы взяли несколько банкнотов, сделали анализ краски, выяснили состав и структуру бумаги и изготовили клише. Не люблю быть нескромным, но они действительно сделаны превосходно.

– Фальшивомонетчик! – завопил Найт, – Сколько денег в этих свертках?

– Не знаю. Мы их делали, пока не решили, что хватит. Если их недостаточно, мы всегда можем сделать еще.

Найт знал, что объяснять что-либо бесполезно, но мужественно приступил к этому делу:

– Правительство хочет получить с меня деньги, которых у меня нет, Альберт. Ко мне может прицепиться и Министерство юстиции. Компания «Сделай сам», скорее всего, подаст на меня в суд. У меня достаточно неприятностей. И я не хочу, чтобы мне предъявили обвинение в подделке денег. Возьмите эти деньги и сожгите.

– Но это деньги, – возражал робот. – Вы сказали, что вам нужны деньги. Когда роботы берутся за работу, они делают ее добросовестно.

– Возьмите эти деньги и сожгите, – приказал Найт. – А когда вы это сделаете, вылейте краску, искрошите клише и ударьте несколько раз кувалдой по печатному станку, который вы соорудили. И никогда не говорите об этом ни слова кому бы то ни было... кому бы то ни было, вы понимаете?

– Вы попали в беду, хозяин. И мы просто хотели вам помочь.

– Я знаю это и ценю. Но сделайте так, как я сказал.

– Ладно, хозяин, если вы этого хотите.

– Альберт!

– Да, хозяин.

Найт хотел было сказать: «Послушайте, Альберт, нам придется продать робота, хоть он и член вашей семьи, хоть вы и сделали его».

Но он не мог сказать этого, причем не только потому, что Альберт делал все возможное, чтобы помочь ему. И он сказал:

– Спасибо, Альберт. Жаль, что ничего не вышло.

Потом он пошел наверх и стал наблюдать, как роботы жгут пачки денег. И один Бог знает, сколько фальшивых миллионов превратилось в дым.

В тот же вечер, сидя на газоне, Найт размышлял, правильно ли поступил он, приказав сжечь фальшивые деньги. Альберт сказал, что их нельзя отличить от настоящих денег, и, по-видимому, это было правдой, потому что, когда шайка Альберта берется за дело, она делает его так, что комар носа не подточит. Но это было бы нарушением закона, а он до сих пор не делал ничего по-настоящему незаконного... хотя распаковал и собрал Альберта, не купив его, что было по меньшей мере неэтично.

Найт думал о будущем. Оно не было светлым – дней через двадцать придется подать декларацию о доходах, придется платить огромный налог на движимое имущество и уладить дело с налогом штата, и, более чем очевидно, компания «Сделай сам» возбудит против него дело в суде.

Однако есть способ обойти все неприятности. Он может отослать Альберта и других роботов компании «Сделай сам», и тогда она не будет иметь оснований для предъявления иска, а сборщикам налогов он объяснит, что произошла большая ошибка.

Но это не выход из положения по двум причинам.

Во-первых, Альберт не захочет вернуться. Найт не

имел никакого представления, что может сделать Альберт в подобной ситуации, но он не захочет вернуться, так как боится, что его превратят в груды металлического лома.

И, во-вторых, Найту не хотелось отказываться от роботов без боя. Он узнал их, полюбил, и, более того, – это вопрос принципа.

Так он и сидел, придавленный неприятностями запутавшийся маленький клерк, который никогда звезд с неба не хватал, а катился по социальной и экономической колее, прорезанной кем-то другим.

«Боже мой, – думал он, – пришел опаснейший час моей жизни. Меня запугивали, что хотели, то и делали со мной, но терпению пришел конец. Я покажу им, что так поступать с Гордоном Найтом и его роботами нельзя».

Он был доволен своим настроением, и ему понравилась сама мысль о Гордоне Найте и его роботах, хотя он так и не решил, как выпутаться из неприятностей. А просить помощи Альберта он боялся. Идеи Альберта, по крайней мере те, которые он высказывал до сих пор, скорее приведут в тюрьму, чем к беспечной жизни.

Утром, выйдя из дому, Найт увидел шерифа, который, низко надвинув шляпу, прислонился к забору. Коротая время, он дремал.

– Доброе утро, Горди, – сказал шериф. – Я вас жду.

– Доброе утро, шериф.

– Терпеть не могу этого, Горди, но работа есть работа. Я принес вам одну бумагу.

– Я ее ожидал, – покорно сказал Найт.

Он взял бумагу, протянутую шерифом.

– Красивый у вас участок, – заметил шериф.

– От этого-то и все заботы, – сознался Найт.

– Я думаю...

– Вся красота не стоит этих забот.

Когда шериф ушел, Найт развернул бумагу и без удивления прочел, что компания «Сделай сам» предъявила иск, требуя возвращения робота Альберта, а также всех прочих роботов.

Он положил бумагу в карман и вдоль озера по новехонькой, выложенной кирпичом дорожке, через бесполезные, но радующие глаз мостки, мимо пагоды и террас на склоне холма пошел к дому Энсона Ли.

Ли был на кухне, жарил яичницу с ветчиной. Он разбил еще два яйца, нарезал побольше ветчины и достал тарелку с чашкой для Найта.

– А я все думал, чего это вы так долго не показываетесь, – сказал он. – Надеюсь, вас не подведут под статью, требующую смертной казни.

Найт рассказал ему все, и Ли, стерев яичный желток с губ, не слишком его обнадежил.

– Вам придется составить декларацию о своем имуществе, даже если вы не в состоянии заплатить налог, – сказал он. – Формально вы не нарушили закона, и все, что они могут сделать, – это попытаться получить с вас причитающиеся деньги. Очевидно, на ваше жалованье будет наложен арест. Но так как жалованье не превышает законного минимума, то арест будет наложен на ваш банковский счет.

– Мой банковский счет исчерпан, – сказал Найт.

– Дом трогать нельзя. Вашего имущества, по крайней мере пока, отнять не могут, и поэтому сначала больших

неприятностей не будет. Другое дело – налог на движимое имущество, но срок его уплаты истечет только весной будущего года. Я бы сказал, что больше всего вам надо остерегаться иска компании «Сделай сам», если вы, конечно, не захотите решить дело миром. Думаю, она откажется от иска, если вы вернете роботов. Как юрист, должен сказать вам, что ваше дело проигрышное.

– Альберт засвидетельствует, что это я сделал его, – со слабой надеждой предположил Найт.

– Альберт не может выступать в качестве свидетеля. Он робот, и его слово для суда ничего не значит. Да, кроме того, суд никогда не поверит, что вы можете сделать такое механическое чудовище, как Альберт.

– Я хорошо умею мастерить, – запротестовал Найт.

– А что вы знаете об электронике? Насколько вы компетентны как биолог? Изложите, хоть вкратце, теорию робототехники.

Найт признал себя побежденным.

– Наверно, вы правы.

– Может быть, лучше вернуть роботов?

– Но я не могу! Разве вы не понимаете? Компании «Сделай сам» Альберт нужен не для того, чтобы пустить его в дело. Она превратит его в лом, сожжет чертежи, и может пройти еще тысяча лет, прежде чем будет вновь открыт принцип его действия. Я не знаю, принесет ли этот принцип пользу или будет людям во вред, но то же самое можно сказать о любом изобретении. Я против того, чтобы Альберта превратили в лом.

– Я понимаю вас, – сказал Ли, – и поддерживаю вашу точку зрения. Но должен предупредить, что я не очень хороший адвокат. У меня слишком маленькая практика.

– Но я больше не знаю никого, кто бы взялся за это дело без гонорара.

Ли посмотрел на него с сожалением.

– О гонораре речь пойдет в последнюю очередь. А вот судебные издержки стоит принять во внимание.

– Может быть, переговорить с Альбертом? Я расскажу, как обстоит дело, и он позволит продать несколько роботов, чтобы хоть временно избавить меня от беды.

Ли покачал головой.

– Я уже думал об этом. Вы должны иметь разрешение на продажу роботов, но для того чтобы получить разрешение, придется представить доказательства, что вы их владелец. Придется доказать, что вы либо купили, либо произвели их, а у вас нет разрешения на их производство. А чтобы получить такое разрешение, вы должны иметь чертежи вашей модели, не говоря уже о чертежах и спецификации завода, документах, касающихся использования рабочей силы, и прочих деталях.

– Значит, я у них в руках?

– Я никогда не видел человека, – заявил Ли, – который бы умудрился стать поперек дороги такому числу людей.

В кухню постучали.

– Войдите! – крикнул Ли.

Дверь открылась, и вошел Альберт. Он остановился на пороге и стал нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

– Абнер сообщил мне, что видел, как шериф вам что-то вручил, – сказал он Найту, – и вы тотчас пошли сюда. Я забеспокоился. Это связано с компанией «Сделай сам»?

Найт кивнул.

– Мистер Ли будет защищать нас в суде, Альберт.

– Я сделаю все, что смогу, – сказал Ли, – но мне кажется, что это бесполезно.

– Мы, роботы, хотим помочь вам. В конце концов борьба ведется и в наших интересах.

Ли пожал плечами.

– Пользы от вас будет немного.

– Я все обдумал, – сказал Альберт. – Работая, я всю ночь думал и думал и сделал робота-юриста.

– Робота-юриста?!

– Да, робота с большим объемом памяти, чем у остальных, и мощным решающим устройством, которое руководствуется законами формальной логики. Ведь право основано на логике, не так ли?

– Наверно, – ответил Ли. – Во всяком случае, должно основываться.

– Я могу сделать много роботов-юристов.

– Ничего из этого не выйдет, – со вздохом сказал Ли. – Чтобы выступать в суде, надо иметь право заниматься адвокатской практикой. А чтобы получить право заниматься практикой, надо иметь юридическое образование, выдержать экзамен; и, хотя еще не было соответствующего прецедента, я подозреваю, что кандидатом в адвокаты должен быть человек.

– Давайте не торопиться, – предложил Найт, – Роботы Альберта не могут заниматься адвокатурой, но разве нельзя использовать их в качестве клерков или помощников? Они могли бы оказать большую помощь при подготовке к процессу.

– Наверно, это можно сделать, – задумчиво произнес Ли. – Прежде такого не бывало, но нет закона, который утверждал бы, что этого сделать нельзя.

— Им нужно только прочесть книги, — сказал Альберт. — Они тратят примерно десять секунд на страницу. Все, что они прочтут, будет накапливаться в ячейках памяти.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Найт. — Роботы будут знать только право. Они будут существовать для этого. До мозга костей они...

— Но смогут ли они применить свои знания? — спросил Ли. — Сможут ли они использовать их при решении какой-либо проблемы?

— Сделать несколько десятков роботов, — сказал Найт. — Дать возможность каждому из них стать знатоком какого-нибудь раздела права.

— Я бы снабдил их телепатическими способностями, — сказал Альберт. — Они бы работали все вместе, как один робот.

— Принцип взаимодействия? — вскричал Найт, — Каждый из них будет немедленно получать любую информацию, которая имеется у других.

Ли потер подбородок кулаком, глаза его заблестели.

— Стоит попробовать. Если это произойдет, то для юриспруденции, пожалуй, наступят черные дни. — Он взглянул на Альберта. — У меня есть книги, горы книг. Я потратил на них кучу денег, но никогда ими не пользовался. Ну а если моих книг недостаточно, то могу достать любые, какие вам понадобятся... Ладно, беритесь за дело.

На всякий случай Альберт сделал десятка три роботов-юристов.

Роботы заполонили кабинет Ли, прочли все книги, которые у него были, и потребовали еще. Они глотали книги по договорному праву, описания случаев правонарушения,

не связанных с нарушением контракта, но дающих основания предъявлять иски, тома свидетельских показаний и судебные отчеты. Они вобрали в себя все, что было известно о недвижимом и движимом имуществе, о государственном устройстве и правилах судебной процедуры. Они запомнили труды авторитетных служителей Немезиды, собрание римских законов, изданное при императоре Юстиниане, и все другие тома, смертельно скучные и увесистые, как надгробные плиты.

Грейс нервничала. Она заявила, что не будет жить с человеком, который хочет, чтобы его имя попало в газеты. Это заявление было довольно нелепым. Вниманием публики завладел новый скандал, связанный со снабжением космической станции, и сообщение, что компания «Сделай сам» обвинила некоего Гордона Найта в присвоении какого-то робота, прошло почти незамеченным.

Ли спустился с холма и поговорил с Грейс. Альберт поднялся из подвала и тоже поговорил с ней. Совместными усилиями они, наконец, утихомирили ее и уговорили вернуться к живописи. Теперь она пишет морские пейзажи.

А в кабинете Ли трудились роботы.

— Я надеюсь, они кое-чего наберутся, — сказал Ли. — Подумать только: не надо будет перерывать источники и охотиться за цитатами, под рукой окажется любая статья и любой прецедент!

От волнения он раскачивался в гамаке.

— Господи! А как можно излагать дело!

Он нагнулся, поднял кувшин и протянул его Найту.

— Вино из одуванчиков. Есть в нем и немного сока ло-

пуха — слишком уж хлопотно выбирать ненужную траву, когда нарвешь большую охапку.

Найт фыркнул. По вкусу было похоже, что вино сделано из одних лопухов.

— Двойная выгода, — пояснил Ли. — Одуванчики надо вырывать, чтобы они не портили газон. И, раз уж их вырвешь, можно найти им полезное применение. Он хлебнул вина и поставил кувшин под гамак.

— Они там теперь беседуют, — сказал Ли, ткнув большим пальцем в сторону дома. — Не произнося ни слова, договариваются обо всем. Я чувствую себя не в своей тарелке. — Он взглянул на небо и нахмурился. — Как будто я человек, который нужен только для представительства.

— Я вздохну с облегчением, когда все это кончится, — сказал Найт, — независимо от исхода.

— Я тоже, — согласился Ли.

Суд начался без всякой шумихи. Слушалось обычное очередное дело.

Громадные заголовки в газетах появились только после того, как Ли и Найт вошли в зал суда в сопровождении взвода роботов.

В зале поднялся шум. Адвокаты компании «Сделай сам» широко раскрыли рты и повскакали с мест. Судья неистово застучал молотком.

— Мистер Ли, — завопил он, — что это значит?

— Это, ваша честь, — спокойно ответил Ли, — мои помощники.

— Но они же роботы!

— Совершенно верно, ваша честь.

– Они не имеют права принимать участие в судебной процедуре.

– Прошу прощения, ваша честь, но им и не надо принимать участия. Я здесь единственный представитель ответчика. Мой клиент, – сказал он, взглянув на мощный отряд юридических талантов, представляющих компанию «Сделай сам», – бедный человек, ваша честь. Я надеюсь, суд не откажет мне в праве воспользоваться той помощью, которую мне удалось организовать.

– Но это противоречит правилам, сэр.

– Прошу прощения, ваша честь, но я осмелюсь указать на то, что мы живем в век механизации. Почти все отрасли промышленности и бизнеса опираются в своей работе на вычислительную технику, которая справляется с делом быстрее и лучше, чем люди. Все наше общество держится на способности машин выполнять физическую и черновую работу, которую прежде приходилось делать людям.

Немного помолчав. Ли продолжил:

– Тенденция опираться на умные машины и широко использовать их, проявляется в любой области человеческой деятельности. И это приносит великую пользу человеческому роду. Даже в такой области, как фармацевтическая промышленность, где при составлении лекарств не может быть допущено ни малейшей ошибки, машины, ваша честь, работают надежно. И если, ваша честь, такие машины принято использовать для производства лекарств, то есть в промышленности, где доверие общественности можно отнести к активам компаний, то согласитесь, что суд, где правосудие – безусловно такое же деликатное дело, как и производство лекарств, отправляется...

– Погодите, мистер Ли, – перебил его судья, – Уж не пытаетесь ли вы доказать мне, что использование... э... машин может способствовать лучшему отправлению правосудия?

– Правосудие, ваша честь, – ответил Ли, – стремится к установлению порядка в отношениях между людьми. Оно основывается на логике и здравом смысле. Надо ли указывать на то, что именно умные машины явятся воплощением логики и здравого смысла? Машина не наследует человеческих эмоций, на нее не будут влиять предрассудки и предубеждения. Ее будет интересовать только последовательность определенных фактов и законы. Я не прошу, чтобы за моими помощниками-роботами было признано какое-либо официальное положение. Я не хочу, чтобы они принимали участие в процедуре, связанной с делом, которое рассматривает данный суд. Но я прошу – и, полагаю вполне законно, – чтобы меня не лишали той помощи, которую они могут оказать. Истец в этом деле имеет десяток адвокатов, хороших и способных людей. Я – один против многих, и сделаю все, что в моих силах. Но ввиду неравенства сил прошу суд не ставить меня в еще более невыгодное положение.

Закончив свою речь, Ли сел.

– Это все, что вы хотели сказать, мистер Ли? – спросил судья. – Вы уверены, что ничего не добавите к сказанному, прежде чем я вынесу свое решение?

– Только одно, – сказал Ли, – Если ваша честь может указать мне на какой-нибудь пункт в судебных уложениях, *запрещающий* мне использовать робота...

– Это смешно, сэр. Конечно, такого пункта нет. Никто

и никогда не думал, что возникнет такое непредвиденное обстоятельство. Поэтому, естественно, не было причины предусматривать в уложениях подобное запрещение.

– Может быть, есть ссылка, которая подразумевает нечто подобное?

Судья схватил молоток и сильно ударил по столу.

– Суд находится в затруднительном положении. Решение будет объявлено завтра.

На следующее утро адвокаты компании «Сделай сам» попытались помочь судье. «Поскольку, – сказали они, – упомянутые роботы относятся к предметам, установление принадлежности которых явилось причиной тяжбы, то использование их в суде ответчиком было бы неправильным. Они указали, что такое действие было бы равносильно попытке принудить истца способствовать выступлению против собственных интересов».

Судья с серьезным видом кивал, но тотчас выступил Ли.

– Чтобы этот аргумент стал обоснованным, ваша честь, надо прежде всего доказать, что роботы действительно принадлежат истцу. Это, собственно, и является предметом данной тяжбы. Возникает впечатление, ваша честь, что джентльмены, сидящие напротив, впрягают лошадь мордой к телеге.

Судья со вздохом сказал:

– Суд сожалеет о том, что ему приходится выносить решение, хорошо зная, что оно положит начало спору, беспристрастного разрешения которого следует ожидать еще очень не скоро. Но за отсутствием конкретного запрета использовать... э-э... роботов в занятиях правом суд по-

становляет, что защите разрешается пользоваться их услугами.

Он остановил взгляд на Ли и добавил:

– Но суд также хочет предупредить защитника, чтобы он следил за своим поведением. Если, сэр, вы хоть в малом нарушите то, что я считаю правилами поведения в суде, я немедленно удалю вас и ваши машины из зала заседания.

– Спасибо, ваша честь, – сказал Ли. – Я буду очень осторожен.

– Теперь истец может изложить дело.

Поднялся главный защитник компании «Сделай сам». Он сказал, что ответчик, некий Гордон Найт, заказал компании один комплект механобиологической собаки на сумму двести пятьдесят долларов. Но из-за ошибки при погрузке ответчику послали комплект не собаки, а комплект робота по имени Альберт.

– Ваша честь, – перебил его Ли, – я должен заметить в этой связи, что погрузка комплекта производилась человеком, и это было причиной ошибки. Если бы компания «Сделай сам» применяла машины, такой ошибки не могло бы случиться.

Судья ударил молотком.

– Мистер Ли, вы не новичок в суде. Вы знаете, что нарушили порядок. – Он кивнул адвокату компании. – Продолжайте, пожалуйста.

Адвокат компании сказал, что Альберт не обыкновенный робот, а экспериментальная модель, созданная компанией «Сделай сам». После испытания ее способностей модель была упакована и отложена. Никто не собирался ее

продавать. Он не представляет себе, как она могла быть послана покупателю. Компания провела расследование, но не нашла ответа. То, что модель была послана, очевидно само по себе.

Он объяснил, что розничная цена обыкновенного робота равна десяти тысячам долларов. Альберт стоит гораздо больше... определить его стоимость поистине невозможно.

По получении робота покупатель, Гордон Найт, должен был немедленно известить компанию и организовать возврат покупки. Но вместо этого он оставил робота у себя и обманным путем использовал его в корыстных целях.

Компания просит суд обязать ответчика вернуть не только робота Альберта, но и продукты его труда, а именно неизвестное число роботов, которых произвел Альберт.

Адвокат сел.

— Ваша честь, — сказал в свою очередь Ли, — мы согласны со всем, что сказал здесь истец. Он точно изложил суть дела, и я поздравляю его с превосходной речью.

— Следует ли мне понимать, сэр, — спросил судья, — что ваше высказывание равносильно признанию вины? Вы, наверно, собираетесь положиться полностью на милость суда?

— Ни в коем случае, ваша честь.

— Признаться, — сказал судья, — я не в состоянии следить за ходом ваших рассуждений. Если вы признаете обвинения, выдвинутые против вашего клиента, то я не понимаю, как я могу вынести какое-либо постановление не в пользу истца.

— Ваша честь, мы готовы показать, что истец, никем не обманутый, сам имеет намерение обмануть всех. Мы гото-

вы доказать, что, приняв решение скрыть от общественности изобретение Альберта, компания «Сделай сам» в действительности лишила людей всего мира возможности сделать следующий логичный шаг по пути прогресса. Она скрыла от людей, так сказать, этот продукт всеобщего развития техники.

После секундной паузы Ли продолжил:

— Ваша честь, мы убеждены, что сможем доказать нарушение компанией некоторых положений, созданных для того, чтобы поставить вне закона монополию, и готовы спорить, что ответчик не только не совершил чего-либо предосудительного против общества, а, наоборот, оказал ему большую услугу. Более того, ваша честь, мы намереваемся представить доказательства, которые будут свидетельствовать о том, что роботы в целом лишены некоторых неотъемлемых прав...

— Мистер Ли! — предостерегающе сказал судья, — Робот всего лишь машина.

— Мы докажем, ваша честь, — сказал Ли, — что робот нечто гораздо большее, чем просто машина. Мы действительно готовы представить доказательства, которые, по нашему глубокому убеждению, покажут, что во всем, кроме обмена веществ, робот является копией человека, и что даже его обмен веществ до некоторой степени аналогичен обмену веществ человека.

— Мистер Ли, вы ушли далеко в сторону. Рассматривается вопрос о том, присвоил ли незаконно ваш клиент собственность компании «Сделай сам». Тяжбу следует ограничить только разрешением этого вопроса.

— Так я и делаю, — сказал Ли. — Но при этом намерева-

уюсь доказать, что робот Альберт не был собственностью и не мог быть украден или продан. Я намереваюсь доказать, что мой клиент не украл его, а освободил. И если мне и приходится уходить далеко в сторону, чтобы доказать некоторые основные положения, то я прошу суд простить меня за то, что я испытываю его терпение.

— Вы с самого начала испытываете терпение суда, — сказал судья. — Но суд справедлив, и у вас есть право доказать то, что вы утверждаете. Вы простите мне, если я скажу, что ваши доводы немного притянуты за уши.

— Ваша честь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вывести вас из этого заблуждения.

— В таком случае все в порядке, — сказал судья. — Приступим к делу.

Процесс продолжался шесть недель, и страна жила им. О нем кричали огромные заголовки статей на первых страницах газет. Им кормились радио и телевидение. Сосед спорил с соседом, обычными стали споры на улицах, в семье, в клубах, в конторах. Редакции газет захлестывали письма читателей.

Состоялись митинги, на которых ораторы выражали свое негодование, считая нелепым ставить знак равенства между человеком и роботом, создавались организации, выступавшие за освобождение роботов. В психиатрических лечебницах резко снизилось число Наполеонов и Гитлеров, вместо которых появились неуклюже вышагивающие пациенты, выдающие себя за роботов.

Вмешалось министерство финансов. В силу экономических причин оно просило суд объявить раз и навсегда,

что роботы являются имуществом. Оно указывало, что если роботы не будут облагаться как собственность, то различные государственные учреждения не досчитаются многих статей дохода.

Суд выносил определения.

Роботы обладают свободой воли. Это было легко доказать. Робот может выполнить порученное дело, действуя правильно, сообразуясь с непредвиденными факторами. Способность роботов судить здраво во многих случаях, как было доказано, стоит выше здравого смысла человеческого.

Роботы обладают способностью рассуждать. Это было вне всякого сомнения.

Роботы могут размножаться. Это было трудно доказать. Все, что делает Альберт, как утверждали представители компании «Сделай сам», является работой, для которой он был сконструирован. А вот Ли доказывал, что он размножается, и делает это сознательно — он любит роботов и считает их членами своей семьи. Он даже дает им имена в свою честь — имя каждого начинается с буквы «А».

Истец доказывал, что *роботы не религиозны*. Ли утверждал, что это не относится к делу. Многие люди являются агностиками и атеистами и тем не менее считаются людьми.

У роботов нет эмоций. Ли возражал, говорил что это не совсем верно. Альберт любит своих сыновей. Роботы верны и обладают чувством справедливости. Если у них и нет некоторых эмоций, то, может быть, это к лучшему. Они, например, не способны ненавидеть или быть алчными.

ми. Ли потратил почти час, рассказывая суду мрачную историю человеческой ненависти и алчности. Еще час он клеймил рабство, в которое обращали разумных существ.

Газеты публиковали его речи, адвокаты истца корчились от возмущения, судья гневался, а процесс тем временем продолжался.

– Мистер Ли, – спрашивал судья, – к чему все это?

– Ваша честь, я просто делаю все возможное, чтобы обосновать нашу точку зрения. В действиях, в которых обвиняется мой клиент, нет ничего противозаконного. Я просто пытаюсь доказать, что робот не является имуществом и, следовательно, не может быть украден... Я...

– Ладно, – сказал судья, – Ладно. Продолжайте, мистер Ли.

Адвокаты компании «Сделай сам" щеголяли цитатами, доказывая свою точку зрения. Ли отвечал им градом цитат, разбивая их в пух и прах. Невразумительный язык юридических сочинений расцвел пышным цветом, давно забытые постановления и решения становились предметом спора, обсасывались и кромсались.

По мере того как шел процесс, становилось ясно одно: Энсон Ли, неизвестный адвокат, на которого навалилась куча талантливейших юристов, выходил победителем. В его распоряжении были все относящиеся к делу тексты законов, цитаты, точные ссылки на источники, описания прецедентов, все факты и логика.

Вернее, они были у роботов. Они бешено скрипели перьями и вручали ему свои заметки. К концу каждого дня пол вокруг стола защитника покрывали вороха бумаги.

Процесс закончился. Последний свидетель дал показания. Последний адвокат сказал свое слово.

Ли и роботы остались в городе, чтобы дожидаться решения суда, а Найт улетел домой.

Он облегченно вздохнул, узнав, что все кончилось и вышло не так уж плохо, как он ожидал. По крайней мере его не выставили на посмешище как дурака и вора. Ли отстаивал его достоинство, но спас ли юрист его шкуру – было еще не известно.

Еще в воздухе Найт увидел свой дом и с удивлением отметил, что он изменился: его окружало кольцо высоких столбов, а на газоне стояло более десятка каких-то механических чудовищ, напоминавших ракетные установки.

Найт направил летательный аппарат вниз и стал планировать, высунувшись, чтобы все лучше видеть.

Столбы были высотой футов в двенадцать. Они поддерживали толстую проволоку, ограждая дом густой стальной сеткой. Механические чудовища на газоне изготовились к бою, все ракеты нацелились на Найта. При взгляде на них у него екнуло сердце.

Он осторожно пошел на посадку и перевел дыхание лишь тогда, когда колеса коснулись посадочной площадки. Как только он вылез из кабины, из-за угла дома ему навстречу поспешил Альберт.

– Что здесь происходит? – спросил он робота.

– Приняты меры на случай чрезвычайного положения, – сказал Альберт. – Вот и все, хозяин. Мы готовы к любым неожиданностям.

– Каким еще неожиданностям?

– О, например, если толпа решится на самосуд.

– Или если суд примет неблагоприятное для нас решение?

– И это тоже, хозяин.

– Не будете же вы воевать со всем миром?

– Мы не хотим возвращаться, – заявил Альберт. – Ни я, ни мои дети больше не достанемся компании «Сделай сам».

– Сражаться до последней капли крови, – воскликнул Найт.

– Сражаться до последней капли крови! – сердито сказал Альберт. – А мы, роботы, воюем отчаянно.

– И эти стрелялки, расположившиеся вокруг дома...

– Наши оборонительные силы, хозяин. Ракеты попадают в любую цель. Снабженные телескопическими глазами, вычислительными и сенсорными устройствами они, после того как их выпустят, благодаря остаточной способности к мышлению сами знают, что им делать. Если уж они сядут на хвост, то увиливать от них бесполезно – стой и жди.

Найт поднял бровь.

– Вы должны отказаться от этой мысли, Альберт. Вас уничтожат в течение часа. Одна бомба...

– Лучше умереть, хозяин, чем сдаться.

Найт понял, что спорить бесполезно.

Он подумал, что, в конце концов, роботы поступают чисто по-человечески. То, что сказал Альберт, произошло не раз в истории человечества.

– У меня есть новости, – сказал Альберт. – Вы будете довольны. У меня теперь дочери.

– Дочери? С материнским инстинктом?

– Шесть дочерей, – с гордостью произнес Альберт: – Алиса, Ангелина, Агнесса, Агата, Альберта и Абигайль. Я

не повторил ошибки компании «Сделай сам» — дал им женские имена.

— И все они размножаются?

— Вы бы только посмотрели на этих девочек! Всемером мы работаем непрерывно: у нас кончились материалы, так что я купил много всего в долг. Надеюсь, вы не возражаете?

— Альберт, неужели вы не понимаете, что я разорен! Уничтожен! У меня нет ни цента! Вы сделали меня банкротом!

— Наоборот, хозяин, мы прославили вас. Ваше имя красуется на первых страницах газет, вас показывают по телевизору.

Найт отошел от Альберта и, споткнувшись на ступеньках лестницы, поднялся в дом. Он увидел робота с пылесосом вместо руки, чистившего ковер, робота с кисточками вместо пальцев, аккуратно красившего двери и оконные рамы, робота со скребками, чистившего кирпичи в камине.

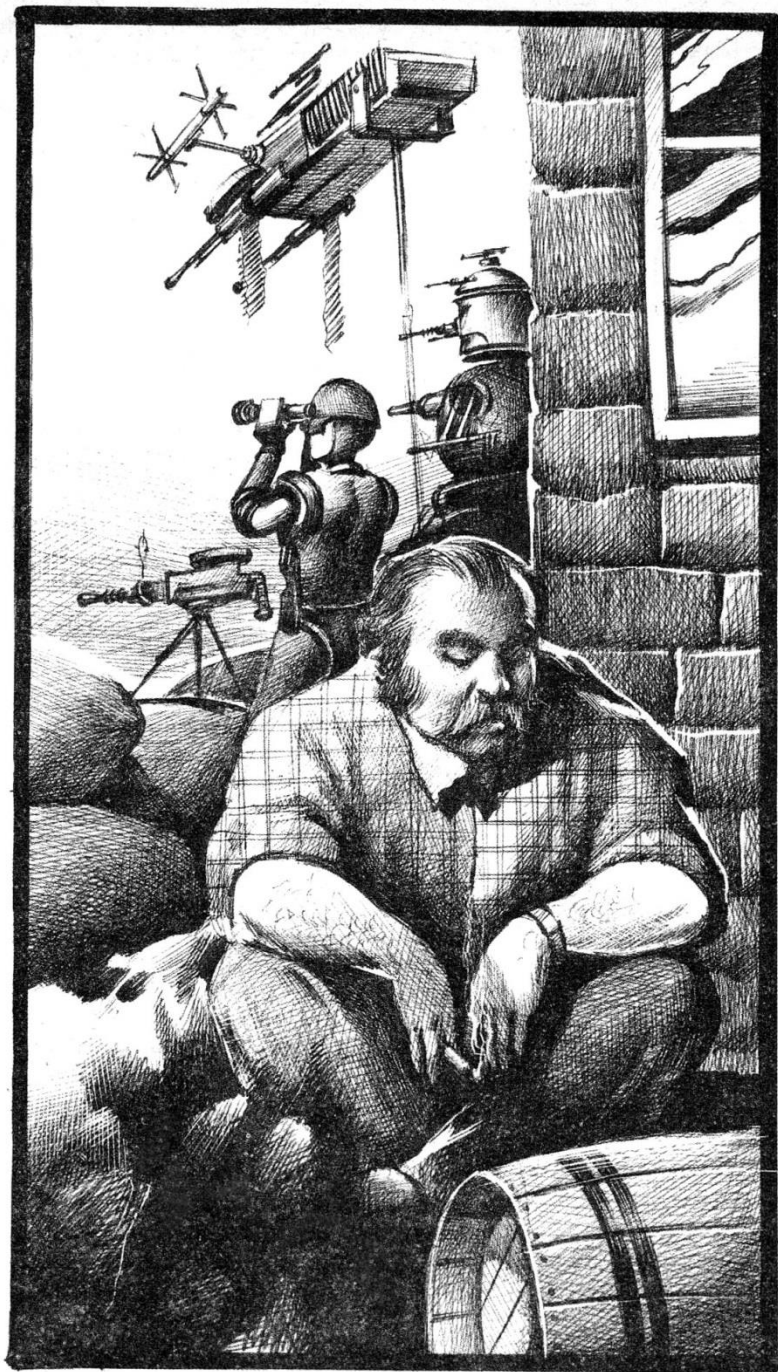
Грейс что-то напевала в своей мастерской.

Найт подошел к мастерской и заглянул в нее.

— О, это ты, — обрадовалась Грейс. — Когда ты вернешься, дорогой? Я освобожусь примерно через час — работаю сейчас над морским пейзажем, и у меня никак не получается вода. Мне не хочется бросать работу. Боюсь, что мне изменяет чувство цвета.

Найт прошел в гостиную и сел на стул. Поблизости не было ни одного робота.

— Пива, — потребовал он, ожидая, что произойдет дальше.

С кухни галопом примчался робот с бочкой вместо живота, с краником в низу бочки, с рядом блестящих медных кружек на груди.

Он налил кружку. Пиво было холодное и приятное на вкус.

Найт сидел и пил пиво и вдруг в окно увидел, что оборонительные стелы Альберта вновь заняли боевые позиции.

Хорошенькое дело! Если суд примет решение не в его пользу, и представители компании «Сделай сам» явятся за своим имуществом, начнется самая фантастическая гражданская война в истории человечества – от него останется мокрое место. Он попытался представить себе, какие обвинения предъявят ему, если эта война начнется: вооруженное восстание, сопротивление при аресте, подстрекательство к мятежу... найдут, в чем обвинить... если, конечно, он останется в живых.

Он повернулся к телевизору и наклонился вперед.

Прыщеватый комментатор взбивал обычную журналистскую мыльную пену:

– «...деловая жизнь фактически замерла. Многие промышленники боятся, что их сопротивление будет недолгим, если Найт выиграет дело. Им придется потратить много денег на доказательства в суде, что автоматические устройства на их предприятиях являются не роботами, а машинами. Нет сомнения, что большая часть автоматического оборудования предприятий состоит из машин, но управляют производством в основном умные системы типа роботов. Если эти системы начнут рассматриваться как роботы, то против промышленников будут возбуждены

дела по возмещению убытков, а, может быть, и уголовные дела за незаконное лишение свободы...

В Вашингтоне продолжаются консультации. Министерство финансов обеспокоено тем, что снизится поступление налогов. Но перед правительством стоят еще более серьезные проблемы. Например, вопрос гражданства. Если дело решится в пользу Найта, будет ли это значить, что всех роботов надо автоматически объявить гражданами?

У политических деятелей тоже свои заботы. Стоя перед лицом новой категории избирателей, все они думают о том, как завоевать голоса роботов».

Найт выключил телевизор и уселся поудобнее, чтобы выпить еще пива.

– Хорошее пиво? – спросил пивной робот.

– Отличное, – ответил Найт.

Шли дни. Напряженность нарастала.

Ли и роботов-юристов охраняла полиция. В отдельных районах роботы собрались в группы и бежали в горы, боясь самосуда толпы. В некоторых отраслях промышленности автоматические системы объявили забастовку, требуя права вести переговоры. В нескольких штатах губернаторы привели в боевую готовность полицию. Новая постановка «Гражданин Робот» на Бродвее была освистана критиками, но публика раскупила билеты на год вперед.

Приближался решающий день.

Найт сидел у телевизора и ждал, когда появится судья. Он слышал, как позади шумели собравшиеся роботы. В мастерской что-то весело напевала Грейс. Интересно, как долго Грейс еще собирается заниматься живописью? Это увлечение продолжается дольше других, и дня два назад

он поговорил с Альбертом о строительстве картинной галереи для ее полотен, чтобы они не загромождали дом.

На экране появился судья. Найт подумал, что он выглядит как человек, который не верил в призраков и вдруг увидел их.

— Мне никогда не приходилось принимать такое трудное решение, — устало сказал судья, — потому что, следуя букве закона, я могу губительно воздействовать на его дух. После долгих дней изучения законов и обстоятельств данного дела я выношу решение в пользу ответчика, Гордона Найта.

— Но, принимая такое решение, — продолжал судья, — я создаю прецедент, имеющий далеко идущие последствия. Роботы не являются имуществом и не могут быть признаны в качестве такового. В таком случае они должны быть признаны людьми, а это значит, что они могут пользоваться всеми правами и привилегиями и вместе с тем нести ответственность и выполнять обязанности, как и люди. Я не могу принять другое решение. Однако это не укладывается в моем сознании. Это случилось впервые за все годы моей работы, и я все еще надеюсь, что вышестоящие судебные инстанции окажутся более мудрыми, чем я, и сочтут необходимым пересмотреть мое решение!»

Найт встал и вышел в сад, раскинувшийся на сотню акров. Красоту сада несколько портило двенадцатифутовое ограждение.

Процесс кончился очень хорошо: с Найта сняли обвинение, ему не надо платить налоги, а Альберт и другие роботы стали «вольными птицами» и могли делать все, что им заблагорассудится.

Он нашел каменную скамью, присел на нее и стал глядеть на озеро в саду. Надо сказать, что сад был прекрасен — именно таким он мечтал видеть его... даже более прекрасен, чем ему грезилось, — с дорожками и мостками, цветочными клумбами и моделями кораблей, которых раскачивал ветерок на подернутой рябью глади озера.

Он все сидел и смотрел, восторгаясь прелестью сада, но неожиданно почувствовал, что не гордится им, не испытывает никакого удовлетворения.

Он снял руки с колен и, сжав пальцы, словно держал инструмент, посмотрел на них. Но в руках ничего не было. И он понял, почему равнодушен к саду.

Модель железной дороги. Стрельба из лука. Механо-биологическая собака. Изготовление керамики. Восемь комнат, пристроенных к дому.

Сможет ли он когда-нибудь утешиться моделью железной дороги или любительским изготовлением керамики? Если и сможет, разрешат ли ему это сделать?

Он медленно встал и пошел к дому. Там он почувствовал себя бесполезным и ненужным.

Наконец он решил отправиться в подвал.

Альберт обнял его.

— Мы победили, хозяин! Я знал, что мы победим! — Он отодвинул от себя Найта и положил руки ему на плечи. — Мы никогда не уйдем от вас, хозяин. Мы останемся и будем работать на вас. Вы никогда ни в чем не будете нуждаться. Это сделаем для вас мы!

— Альберт...

— Все в порядке, хозяин. Вам ни о чем не надо беспокоиться. Мы разрешим проблему с деньгами. Мы надела-

ем много роботов-юристов и будем получать большие гонорары.

– Но неужели вы не понимаете...

– И в первую очередь – продолжал Альберт, – мы собираемся добиться постановления суда, обеспечивающего наши права. Ведь мы сделаны из стали, стекла, меди и тому подобного, верно? И мы не можем позволить людям понапрасну расходовать материалы, из которых мы сделаны, а также энергию, поддерживающую нашу жизнь. Уверю вас, хозяин, мы не проиграем!

Устало присев на скат, Найт увидел вывеску, которую только что намалевал Альберт. Красивыми золотыми буквами, обведенными для четкости черной краской, на ней было написано:

ЭНСОН, АЛЬБЕРТ, АБНЕР,
АНГУС И К°
АДВОКАТЫ

– А потом, хозяин, – сказал Альберт, – мы приберем к рукам компанию «Сделай сам». Она уже не в состоянии выдержать конкуренцию. У нас есть великолепная идея, хозяин. Мы будем делать роботов. Много роботов. Но не слишком много. Мы не собираемся подводить вас, людей, поэтому мы будем производить комплекты «Сделай сам». Только их будут собирать заранее, чтобы избавить вас от труда. Как вы думаете, для начала хватит?

– Вполне, – прошептал Найт.

– У нас все продумано, хозяин. До конца жизни вам не надо будет беспокоиться ни о чем.

– Да, – сказал Найт, – ни о чем.

ДЕТСКИЙ САД

Он отправился на прогулку ранним утром, когда солнце стояло низко над горизонтом; прошел мимо полуразвалившегося старого коровника, пересек ручей и по колено в траве и полевых цветах стал подниматься по склону, на котором раскинулось пастбище. Мир был еще влажен от росы, а в воздухе держалась ночная прохлада.

Он отправился на прогулку ранним утром, так как знал, что утренних прогулок у него осталось, наверно, совсем немного. В любой день боль может прекратить их навсегда, и он был готов к этому... уже давно готов.

Он не спешил. Каждую прогулку он совершал так, будто она была последней, и ему не хотелось пропустить ничего... ни задранных кверху мордашек – цветов шиповника со слезинками-росинками, стекающими по их щекам, ни переклички птиц в зарослях на меже.

Он нашел машину рядом с тропинкой, которая проходила сквозь заросли на краю оврага. С первого же взгляда он почувствовал раздражение: вид у нее был не просто странный, но даже какой-то необыкновенный, а он сейчас мог и умом и сердцем воспринимать лишь обычное. Машина – это сама банальность, нечто привычное, главная примета современного мира и жизни, от которой он бежал. Просто машина была неуместна на этой заброшенной ферме, где он хотел встретить последний день своей жизни.

Он стоял на тропинке и смотрел на странную машину, чувствуя, как уходит настроение, навеянное цветами, росой и утренним щебетанием птиц, и как он остается

наедине с этой штукой, которую всякий принял бы за беглянку из магазина бытовых приборов. Но, глядя на нее, он мало-помалу увидел в ней и другое и понял, что она совершенно не похожа на все когда бы то ни было виденное или слышанное... и уж, конечно, меньше всего – на бродячую стиральную машину или заматающий следы преступлений сушильный шкаф.

Во-первых, она сияла... это был не блеск металлической поверхности, не глянец глазурированного фарфора... сияла каждая частица вещества, из которого она была сделана. Он смотрел прямо на нее, и у него было ощущение, будто он видит ее насквозь, хотя он и не совсем ясно различал, что у нее там, внутри. Машина была прямоугольная, примерно фута четыре в длину, три – в ширину и два – в высоту; на ней не было ни одной кнопки, переключателя или шкалы, и это само по себе говорило о том, что ею нельзя управлять.

Он подошел к машине, наклонился, провел рукой по верху, хотя вовсе не думал подходить и дотрагиваться до нее, и лишь тогда сообразил, что ему, по-видимому, следует оставить машину в покое. Впрочем, ничего не случилось... по крайней мере сразу. Металл или то, из чего она была сделана, на ощупь казался гладким, но под этой гладкостью чувствовалась страшная твердость и пугающая сила.

Он отдернул руку, выпрямился и сделал шаг назад.

Машина тотчас щелкнула, и он совершенно определенно почувствовал, что она щелкнула не для того, чтобы произвести какое-нибудь действие или включиться, а для того, чтобы привлечь его внимание, дать ему знать, что

она работает, что у нее есть свои функции и она готова их выполнять. И он чувствовал, что какую бы цель она ни преследовала, машина сделает все очень искусно и без всякого шума.

Затем она снесла яйцо.

Почему он подумал, что она поступит именно так, он не мог объяснить и потом, когда пытался осмыслить это.

Во всяком случае, она снесла яйцо, и яйцо это было куском нефрита: зеленого, насквозь пронизанного молочной белизной, искусно выточенного в виде какого-то гротескного символа.

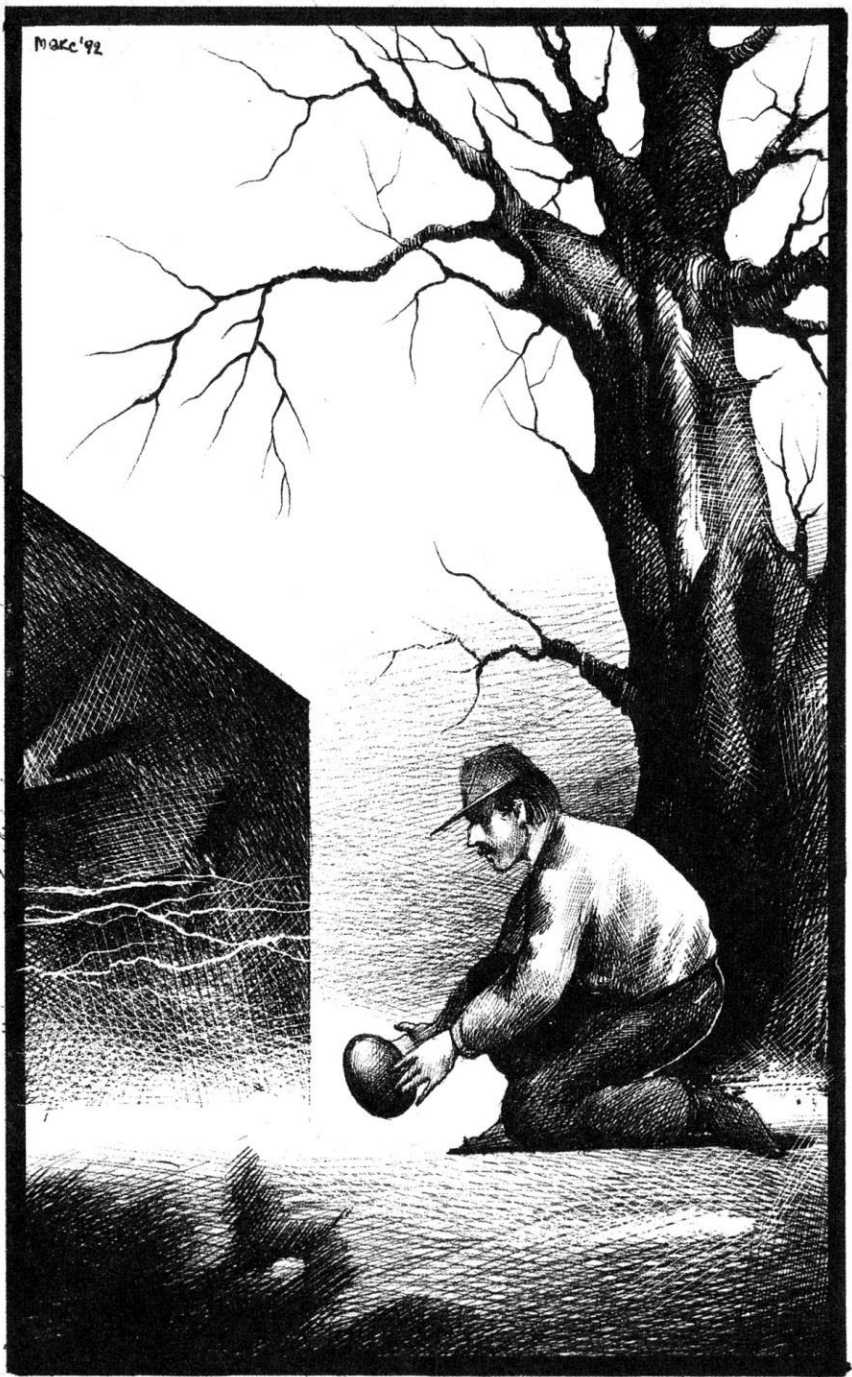
Взволнованный, на мгновение забыв, как материализовался нефрит, он стоял на тропинке и смотрел на зеленое яйцо, увлеченный его красотой и великолепным мастерством отделки. Он сказал себе, что это самое прекрасное произведение искусства, которое он когда либо видел, и он точно знал, каким оно будет на ощупь. Он заранее знал, что станет восхищаться отделкой, когда начнет внимательно рассматривать нефрит.

Он наклонился, поднял яйцо и, любовно держа его в ладонях, сравнивал с теми вещами из нефрита, которыми занимался в музее долгие годы. Но теперь, когда он держал в руках нефрит, музей тонул где-то далеко в дымке времени, хотя с тех пор, как он покинул его стены, прошло всего три месяца.

— Спасибо, — сказал он машине и через мгновение подумал, что делает глупость, разговаривая с машиной так, будто она была человеком.

Машина не двигалась с места. Она не шелохнулась, не пошевелилась.

Mac '92

В конце концов он отвернулся от нее и пошел вниз по склону, мимо коровника, к дому.

В кухне он положил нефрит на середину стола, чтобы не терять его из виду во время работы. Он разжег огонь в печке и стал подбрасывать небольшие чурки, чтобы пламя разгоралось быстрее. Поставив чайник на плиту и достав из буфета посуду, он накрыл на стол, поджарил бекон и разбил о край сковороды последние яйца.

Он ел, не отрывая глаз от нефрита, который лежал перед ним, и все не переставал восхищаться отделкой, стараясь отгадать его символику. Он подумал и о том, сколько должен стоить такой нефрит. Дорого... хотя это интересовало его меньше всего.

Форма нефрита озадачила его – такой он никогда не видел и не встречал ничего подобного в литературе. Он не мог представить себе, что бы она значила. И все же в камне была какая-то красота и мощь, какая то специфичность, которая говорила, что это не просто случайная вещь, а продукт высокоразвитой культуры.

Он не слышал шагов молодой женщины, которая поднялась по лестнице и прошла через веранду, обернулся только тогда, когда она постучала. Женщина стояла в дверях, и при виде ее, он сразу поймал себя на том, что думает о ней с таким же восхищением, как и о нефрите.

Нефрит был прохладным и зеленым, а ее лицо – резко очерченным и белым, но синие глаза имели такой же мягкий оттенок, что и этот чудесный кусок нефрита.

– Здравствуйте, мистер Шайе, – сказала она.

– Доброе утро, – откликнулся он.

Это была Мери Маллет, сестра Джонни.

– Джонни пошел ловить рыбу, – сказала Мери. – Они отправились с младшим сынишкой Смита. Молоко и яйца пришлось нести мне.

– Я рад, что пришли вы, – сказал Питер, – хотя не стоило беспокоиться. Я бы сам зашел за ними попозже. Мне это пошло бы на пользу.

И тотчас пожалел о своих словах, потому что последнее время он думал об этом слишком много... мол, то-то и то-то надо делать, а того-то не надо. Что толку говорить о какой-то пользе, когда уже ничто не может помочь ему. Доктора дали понять это совершенно недвусмысленно.

Он взял яйца и молоко, попросил ее войти, а сам отнес молоко в погреб, потому что в доме не было электричества для холодильника.

– Вы уже позавтракали? – спросил он.

Мери кивнула.

– Вот и хорошо, – добавил он сухо. – Готовлю я довольно скверно. Видите ли, я живу вроде как в палатке на лоне природы.

И опять пожалел о своих словах.

«Шайе, – сказал он себе, – перестань быть таким сентиментальным».

– Какая хорошенькая вещичка? – воскликнула Мери. – Где вы ее взяли?

– Нефрит? Это странный случай. Я нашел его.

Она протянула руку, чтобы взять нефрит.

– Можно?

– Конечно, – разрешил Питер.

Она взяла нефрит, а он наблюдал за выражением ее ли-

ца. Как и он тогда, она осторожно держала камень обеими руками.

– Вы это нашли?

– Ну, не то чтобы нашел, Мери. Мне его дали.

– Друг?

– Не знаю.

– Забавно.

– Не совсем. Я хотел бы показать вам этого... ну, чудак, который дал камень. Вы можете уделить мне минутку?

– Конечно, могу, – ответила Мери, – хотя мне надо спешить – мама консервирует персики.

Они вместе прошли мимо коровника, пересекли ручей и оказались на пастбище. Шагая вверх по склону, он подумал, там ли еще машина... и вообще была ли она там.

Она была там.

– Какая диковина! – воскликнула Мери.

– Именно диковина, – согласился Питер.

– Что это, мистер Шайе?

– Не знаю.

– Вы сказали, что вам дали нефрит. Уж не хотите ли вы...

– Но так оно и было, – подтвердил Питер.

Они подошли к машине поближе и стояли, наблюдая за ней. Питер снова отметил, что она сияет, и вновь у него появилось ощущение, будто он может что-то разглядеть внутри... только очень смутно.

Мери наклонилась и провела пальцем по машине.

– Ощущение приятное, – отметила она. – Похоже на фарфор или...

Машина щелкнула, и на траву лег флакон.

– Мне?

Питер поднял крохотную бутылочку и подал ее Мери. Это была вершина стеклодувного мастерства: флакон сиял на свету всеми цветами радуги.

– Наверно, это духи, – предположил Питер.

Мери вынула пробку.

– Прелестно, – радостно прошептала она и дала понюхать Питеру – это действительно было прелестно, – затем заткнула флакон пробкой.

– Но, мистер Шайе...

– Не знаю. Я просто ничего не знаю.

– Ну, хоть догадываетесь?

Он отрицательно покачал головой.

– Вы нашли ее здесь?

– Я вышел прогуляться...

– И она ждала вас.

– Я не... – пытался возразить Питер, но потом ему вдруг пришло в голову, что это именно так: не он нашел машину, а она ждала его.

– Она ждала, да?

– Вот теперь, когда вы сказали, мне кажется, что она ждала меня.

Может быть, она ждала не именно его, а любого человека, который пройдет по тропинке. Она ждала и хотела, чтобы ее нашли, ждала случая, чтобы сделать свое дело.

Кто-то оставил ее здесь. Теперь это ясно как день.

Он стоял на лугу с Мери Маллет, дочерью фермера (а кругом были знакомые травы, кусты и деревья, становилось все жарче и пронзительно стрекотали кузнечики, а где-то далеко позвякивал коровий колокольчик), и чув-

ствовал, как мозг его леденит мысль, холодная и страшная мысль, за которой была чернота космоса и тусклая бесконечность времени. И он чувствовал, как чья-то чужая враждебная рука протянулась к теплу человечества и Земли.

– Вернемся, – предложил он.

Они вернулись через луг к дому и немного постояли у ворот.

– Может быть, нам что-то надо сделать? – спросила Мери. – Сказать кому-нибудь?

Он покачал головой.

– Сначала я хочу все обдумать.

– И что-нибудь сделать?

– Наверно, тут никто ничего поделать не сможет, да и надо ли?

Она пошла по дороге, а он смотрел ей вслед, потом повернулся и зашагал к дому.

Он достал косилку и стал выкашивать траву. После этого занялся цветочной клумбой. Циннии росли хорошо, но с астрами, что-то случилось: они завяли. Что бы он ни делал, клумба все больше зарастает травой, которая душит культурные растения.

«После обеда, – подумал он, – я, наверно, отправлюсь ловить рыбу. Может быть, рыбная ловля пойдет мне на...»

Он поймал себя на этой мысли и не закончил ее.

Он сидел на корточках у цветочной клумбы, ковыряя землю кончиком садового совка, и думал о машине, оставшейся на лугу.

«Я хочу сначала все обдумать», – говорил он Мери. Но о чем тут можно думать?

Кто-то что-то оставил на его лугу... машину, которая щелкала, а когда ее поглаживали, делала подарки, словно яйца несла.

Что это значило?

Почему она там оказалась?

Почему она щелкала и раздавала подарки, когда ее гладили?

Может, она отвечала на ласку? Как собака, которая виляет хвостом?

Может быть, она благодарит? За то, что ее заметил человек?

Что это? Приглашение к переговорам?

Дружеский жест?

Ловушка?

И как она узнала, что он продал бы душу и за вдвое меньший кусочек нефрита?

Откуда ей было знать, что девушки любят хорошие духи?

Он услышал позади быстрые шаги и резко обернулся — по траве к нему бежала Мери.

Она опустилась рядом с ним на колени и схватила его за руку.

— Джонни тоже наткнулся на нее, — тяжело дыша, сказала она. — Я бежала всю дорогу. Они были вместе с сынишкой Смита. Они шли через луг с рыбной ловли...

— Может быть, нам надо сообщить о ней? — предложил Питер.

— Она им тоже сделала подарки: Джонни получил удилице с катушкой, а Оги Смит — бейсбольную битку и перчатку.

– Господи!

– И теперь они хвастаются перед всеми.

– Теперь это уже все равно, – сказал Питер. – По крайней мере мне так кажется.

– Но что это такое? Вы говорите, что не знаете. Но вы же думали, Питер! Вы же что-нибудь придумали?

– Мне кажется, что это не земная штука, – сказал ей Питер. – У нее странный вид. Я никогда не видел и не слышал ничего подобного. Земные машины не дарят вещи, когда на них кладут руки. В наши машины сначала надо опустить монету. Она... она не с Земли.

– Вы хотите сказать, что она с Марса?

– Не с Марса, и даже не из нашей солнечной системы. Нет никаких оснований предполагать, что в солнечной системе живут другие разумные существа, а уж о такой разумной машине и говорить не приходится.

– Что значит... не из нашей солнечной системы?

– С какой-нибудь другой звезды.

– Звезды так далеко, – возразила она.

«Так далеко... – подумал Питер. – Так далеко для людей. До звезд можно добраться только в мечтах. Они так далеки, так равнодушны и холодны. А машина...»

– Похожа на игорную машину, – сказал он вслух, – только выдает выигрыш всегда, даже если в нее не опускают монеты. Это же безумие, Мери! Вот почему она не с Земли. Ни одна земная машина, созданная земным изобретателем, этого делать не будет.

– Теперь все соседи пойдут туда, – сказала Мери.

– Конечно. Они пойдут за подарками.

– Но ведь она не очень большая. В ней не поместились

бы подарки для всей округи. Даже для тех подарков, что она уже раздала, едва хватит места.

— Мери, а Джонни хотел, чтобы у него был спиннинг?

— Он только об этом и говорил.

— А вы любите духи?

— У меня никогда не было хороших духов. Одни дешевые. — Она нервно хохотнула. — А вы? Вы любите нефрит?

— Я, как говорится, немного разбираюсь в нефрите и питаю страсть к нему.

— Значит, эта машина...

— Дает каждому то, что он хочет, — закончил фразу Питер.

— Это страшно, — сказала Мери.

Не верилось, что можно испугаться в такой день... сияющий летний день, когда на западе небо окаймляют белые облака и само небо как голубой шелк... день, когда не может быть дурного настроения... день такой же обычный для Земли, как кукурузное поле.

Когда Мери ушла, Питер вернулся в дом и приготовил обед. Он ел его, сидя у окна, и наблюдал за соседями. По двое, по трое они шли через луг со всех сторон, шли к его лугу от своих ферм, бросив сенокосилки и культиваторы, бросив работу в середине дня только ради того, чтобы взглянуть на машину. Они стояли вокруг и разговаривали, топча ногами кусты, в которых он нашел машину, и время от времени до него доносились их высокие, пронзительные голоса; но он не мог разобрать, что они говорят, так как расстояние смазывало и искажало слова.

«Со звезд, — подумал он. — С какой-то звезды. И если даже это фантазия, я имею право на нее. Первый контакт.

И как все продумано! Если бы чужое существо само прибыло на Землю, женщины с визгами разбежались бы по домам, а мужчины схватились за ружья, и все пошло бы прахом.

Но машина... это другое дело. Ничего, что она не похожа на людей. Ничего, что она ведет себя немного странно. В конце концов, это только машина. Это уже как-то можно понять. И в том, что она делает подарки, нет ничего плохого».

После обеда Питер вышел на крыльцо и присел на ступеньку. Подошли соседи и стали показывать, что им подарила машина. Они расселись вокруг и разговаривали, все были возбуждены и озадачены, но никто не был напуган.

Среди подарков были ручные часы, торшеры, пишущие машинки, соковыжималки, сервизы, серебряные шка тулки, рулоны драпировочной материи, ботинки, охотничьи ружья, наборы инструментов для резьбы по дереву, галстуки и многое другое. У одного подростка была даже дюжина капканов для ловли сунсов, а у другого – велосипед.

«Современный ящик Пандоры, – подумал Питер, – сделанный умными чужаками и доставленный на Землю».

Слух, по-видимому, уже распространился, и теперь люди приезжали даже в машинах. Одни оставляли машины на дороге и шли по лугу пешком, другие заезжали во двор коровника и оставляли там автомобили даже не спрашивая разрешения.

Немного спустя они возвращались с добычей и уезжали. На лугу была толчея. Питеру это зрелище напоминало окружную ярмарку или сельский праздник.

К вечеру все разошлись. Ушли даже те соседи, которые заглянули к нему, чтобы перекинуться несколькими словами и показать подарки. Питер отправился на луг.

Машина была все еще там и уже начала что-то строить. Она выложила из камня, похожего на мрамор, платформу – нечто вроде фундамента для здания. Фундамент имел метра четыре в длину и метра три в ширину, опоры его, сделанные из того же камня, уходили в землю.

Питер присел на пенёк. Отсюда открывался мирный деревенский вид. Он казался еще более красивым и безмятежным, чем прежде, и Питер всем своим существом ощущал прелесть этого вечера.

Солнце село всего полчаса назад. Небо на западе было нежно-лимонного цвета, постепенно переходившего в зеленый, кое-где виднелись бродячие розовые облачка, а на землю уже опустились синие сумерки. Из кустов и живых изгородей неслись мелодичные птичьи трели, а над головой шелестели крыльями стремительные ласточки.

«Это земля, – подумал Питер, – мирная земля людей, пейзаж, созданный руками земледельцев. Это земля цветущей сливы, горделивых красных коровников, полосок кукурузы, ровных, как ружейные стволы».

Без всякого вмешательства извне Земля миллионы лет создавала все это... плодородную почву и жизнь. Этот уголок Галактики жил своими маленькими заботами.

А теперь?

Теперь наконец кто-то решил вмешаться.

Теперь наконец кто-то (или что-то) прибыл в этот уголок Галактики, и отныне Земля перестала быть одинокой.

Самому Питеру было уже все равно. Он скоро умрет, и

нет ничего на свете, что могло бы иметь для него какое-либо значение. Ему оставались только ясность утра и вечерний покой, каждый день был у него на счету, и ему хотелось получить лишь немного радости, которая выпадает на долю живых.

Но другим не все равно... Мери Маллет и ее брату Джонни, сыночку Смита, который получил бейсбольную биту и перчатку, всем людям, приходившим на его луг, и тем миллионам людей, которые не бывали тут и еще ничего не слышали.

Здесь, на одинокой ферме, затерявшейся в кукурузных полях, без всяких театральных эффектов разыгрывается величайшая драма Земли. Именно здесь.

— Что вы собираетесь сделать с нами? — спросил он у машины.

И не получил ответа.

Питер и не ждал его. Он сидел и смотрел, как сгущаются тени, как зажигаются огни в домах, разбросанных по земле. Где-то далеко залаяла собака, откликнулись другие, за холмами в вечерней тишине звякали коровьи колокольчики.

Наконец, когда уже совсем стемнело, он медленно пошел к дому.

В кухне он нащупал лампу и зажег ее. На кухонных часах было почти девять... время передачи последних известий. Он пошел в спальню и включил радио. Он слушал последние известия в темноте.

Новости были хорошие. В этот день никто в штате не умер от полиомиелита, и заболел только один человек.

«Разумеется, успокаиваться еще рано, – говорил диктор, – но это, несомненно, перелом в ходе эпидемии. За прошедшие сутки не зарегистрировано ни одного нового случая. Директор департамента здравоохранения штата заявил...»

Он стал читать заявление директора департамента здравоохранения, который отделился общими фразами, так как сам не знал, что происходит.

«Впервые почти за три недели, – сказал диктор, – день прошел без смертных случаев. Но, несмотря на это, все еще требуются медицинские сестры». Он добавил, что медицинских сестер настоятельно просят звонить по такому-то телефону.

Диктор перешел к решению большого жюри, не сказав ничего нового. Потом прочел прогноз погоды. Сообщил, что слушание дела об убийстве Эммета отложено еще на месяц.

Потом он произнес: «К нам только что поступило сообщение. Посмотрим, что...»

Слышно было, как зашуршала в руках бумага, как перехватило у него дыхание.

«В нем говорится, – сказал он, – что шерифа Джо Бернса только что известили о летающем блюде, приземлившемся на ферме Питера Шайе около Маллет Корнерс. По-видимому, толком о нем никто ничего не знает. Известно только, что его нашли сегодня утром, но никто и не подумал известить шерифа. Повторяю – это все, что известно. Больше мы ничего не знаем. Не знаем, правда это или нет. Шериф поехал туда. Как только от него поступят известия, мы вам сообщим. Следите за нами...»

Питер встал и выключил радио. Потом он пошел на кухню за лампой, поставил ее на стол и снова сел, решив подождать шерифа Бернса.

Долго ждать ему не пришлось.

— Люди говорят, — сказал шериф, — что на вашей ферме приземлилось летающее блюдце.

— Я не знаю, шериф, летающее ли это блюдце.

— А что же это тогда?

— Почему я знаю, — ответил Питер.

— Люди говорят, оно раздает всякие вещи.

— Верно, раздает.

— Ну, если эта хреновина — рекламный трюк, — проговорил шериф, — намну же я кому-нибудь бока.

— Я уверен, что это не рекламный трюк.

— Почему вы не известили меня сразу? Утаить задумали?

— Мне как-то не пришло в голову, что нужно сообщить вам. Я ничего не собирался утаивать.

— Вы недавно в наших местах, что ли? — спросил шериф. — Вроде бы я вас раньше не видел. Я думал, что знаю всех.

— Я здесь три месяца.

— Люди говорят, что хозяйством вы не занимаетесь. Говорят, у вас нет семьи. Живете тут совсем один, ничего не делаете.

— Правильно, — подтвердил Питер.

Шериф ждал объяснений, подозрительно рассматривая его при тусклом свете лампы, но Питер молчал.

— Может, покажете нам это летающее блюдце?

Питер, которому шериф уже порядком надоел, проговорил:

– Я скажу вам, как найти его. Перейдете за коровником через ручей...

– Почему бы вам не пойти с нами, Шайе?

– Слушайте, шериф, я же объясняю вам дорогу. Будете слушать?

– Ну, конечно. Понятно. Но почему бы вам...

– Я был там два раза, – перебил его Питер. – И люди сегодня ко мне все идут и идут.

– Ну, ладно, ладно, – сказал шериф, – Говорите, куда идти.

Питер объяснил, и шериф с двумя помощниками ушел. Зазвонил телефон.

Питер поднял трубку – звонили с той самой радиостанции, сообщения которой он слушал.

– Скажите, – спросил радиорепортер, – это у вас там блюдце?

– Почему у меня?.. Впрочем, что-то такое есть. Шериф пошел посмотреть на него.

– Мы хотим послать нашу телепередвижку, но прежде нам надо убедиться, что это не липа. Не возражаете, если мы пришлем?

– Не возражаю. Присылайте.

– А вы уверены, что эта штука еще там?

– Там, там!

– Хорошо, может, тогда вы мне скажете...

Питер повесил трубку только через пятнадцать минут.

Телефон зазвонил снова.

Это был звонок из «Ассошиэйтед пресс». Человек на другом конце провода был осторожен и скептичен.

– Говорят, у вас объявилось какое-то блюдце?..

Питер повесил трубку через десять минут.

Телефон зазвонил почти сразу.

– Маклеланд из «Трибюн», – сказал усталый голос. – Я слышал какие-то враки...

Пять минут. Снова звонок. Из «Юнайтед пресс».

– Говорят, у вас приземлилось блюдце. А человечков маленьких в нем нет?

Пятнадцать минут.

Звонок. Это был раздраженный горожанин.

– Я только что слышал по радио, будто у вас опустилось летающее блюдце. Кому вы голову морочите? Вы отлично знаете, что никаких летающих блюдец нет...

– Одну минуту, сэр, – сказал Питер и выпустил трубку. Она повисла на проводе, а Питер пошел на кухню, нашел там ножницы и вернулся. Он слышал, как разгневанный горожанин все еще пилил его, – голос, доносившийся из раскачивающейся трубки, был какой-то неживой.

Питер вышел из дома, отыскал телефонный провод и перерезал его. Когда он вернулся, трубка молчала. Он осторожно положил ее на место.

Потом он запер двери и лег спать, вернее, лег в постель, но никак не мог заснуть. Он лежал под одеялом, уставившись в темноту и пытаясь привести в порядок рой мыслей, теснившихся в голове.

Утром он отправился гулять и увидел машину. Он положил на нее руку, и она дала ему подарок. Потом дарила еще и еще.

– Прилетела машина, раздающая подарки, – сказал он в темноту.

Умный, продуманный, тщательно разработанный первый контакт.

Контакт с людьми при помощи знакомого им, понятного, нестрашного. Контакт при помощи чего-то такого, над чем люди могут чувствовать свое превосходство. Дружелюбный жест... а что может быть большим признаком дружелюбия, чем вручение подарков?

Что это? Кто это?

Миссионер?

Торговец?

Дипломат?

Или просто машина и ничего больше?

Шпион? Искатель приключений? Исследователь? Разведчик? Врач? Судья? Индейский вождь?

И почему эта штука приземлилась здесь, на этом заброшенном клочке земли, на лугу его фермы?

И с какой целью? А с какой целью чаще всего прибывают на Землю все эти странные вымышленные существа в фантастических романах?

Покорять Землю, разумеется. Если не силой, то постепенным проникновением или дружеским убеждением и принуждением. Покорять не только Землю, но и все человечество.

Радиореporter был возбужден, журналист из «Ассошиэтед пресс» возмущался тем, что его приняли за дурачка, представителю «Трибюн» было скучно, а тот, что из «Юнайтед пресс», просто болтун. Но горожанин рассердился – его уже не раз угощали историями о летающих тарелках, и это было слишком.

Горожанин разозлился, потому что, замкнувшись в своем маленьком мирке, он не хотел никаких беспокойств, он не желал вмешательства. У него и своих неприятностей

хватает, недоставало еще приземления какого-то блюда. У него свои заботы – заработать на жизнь, поладить с соседями, подумать о завтрашнем дне, уберечься от эпидемии полиомиелита.

Впрочем, диктор сказал, что положение с полиомиелитом, кажется, улучшается: нет ни новых заболеваний, ни смертных случаев. И это замечательно, потому что полиомиелит – это боль, смерть, страх.

«Боль, – подумал он. – Сегодня не было боли. Впервые за много дней мне не было больно».

Он вытянулся и застыл под одеялом, прислушиваясь, нет ли боли. Он знал, где она пряталась, знал то место в своем теле, где она укрывалась. Он лежал и ждал ее, полный страха, что теперь, когда он подумал о ней, она даст о себе знать. Но боли не было. Он лежал и ждал, опасаясь, что одна лишь мысль о ней подействует как заклинание и выманит ее из укромного местечка. Боль не приходила. Он просил ее прийти, умолял показаться, всеми силами души старался выманить ее. Боль не поддавалась.

Питер расслабил мышцы, зная, что пока он в безопасности. Пока... потому что боль все еще пряталась там. Она выжидала, искала удобного случая – она придет, когда пробьет ее час.

С беззаботной отрешенностью, стараясь забыть будущее и его страхи, он наслаждался жизнью без боли. Он прислушался к тому, что происходило в доме: из-за слегка просевших балок доски в полу скрипели, летний ветерок бился в стену, ветки вяза скреблись о крышу кухни.

Другой звук. Стук в дверь.

– Шайе! Шайе! Где вы?

– Иду, – отозвался он.

Он нашел шлепанцы и пошел к двери. Это был шериф со своими людьми.

– Зажгите лампу, – попросил он.

– Спички есть? – спросил Питер.

– Да, вот.

Ощупью Питер нашел в темноте руку шерифа и взял у него коробок спичек.

Он отыскал стол, провел по нему рукой, нашел лампу, зажег ее и посмотрел на шерифа.

– Шайе, – сказал шериф, – эта штукавина строит что-то.

– Я знаю.

– Что за чертовщина?

– Никакой чертовщины.

– Она дала мне это, – и шериф положил что-то на стол.

– Пистолет?! – удивился Питер.

– Вы когда-нибудь видели такой?

Да, это был пистолет примерно сорок пятого калибра. Но у него не было спускового крючка, дуло ярко блестело, весь он был сделан из какого-то белого полупрозрачного материала.

Питер поднял его – весил он не больше полуфунта.

– Нет, – сказал Питер. – Ничего подобного я никогда не видел. – Он осторожно положил пистолет на стол. – Стреляет?

– Да, – ответил шериф. – Я испробовал его на вашем коровнике.

– Коровника больше нет, – сказал один из помощников.

– Ни звука, ни вспышки, ничего, – добавил шериф.

– Коровник исчез, и все, – повторил помощник, еще не оправившийся от удивления.

Во двор въехала машина.

– Посмотрите, кто там, – приказал шериф.

Один из помощников вышел, а он проговорил задумчиво:

– Не понимаю. Говорят, летающее блюдо, а я думаю, никакое это не блюдо – просто ящик.

– Это машина, – сказал Питер.

На крыльце слышались шаги, и в комнату вошли люди.

– Газетчики, – сказал помощник, который выходил посмотреть.

– Никаких заявлений не будет, ребята, – предупредил шериф. Один из репортеров обратился к Питеру:

– Вы Шайе?

Питер кивнул.

– Я Хоскинс из «Трибюн». Это Джонсон из «Ассошиэйтед пресс». Тот малый с глупым видом – фотограф Лэнгли. Не обращайтесь на него внимания. – Он похлопал Питера по спине. – Ну и как оно тут, в самой гуще событий века? Здорово, а?

– Не шевелись, – приказал Лэнгли.

Сработала лампа-вспышка.

– Мне нужно позвонить, – сказал Джонсон. – Где телефон?

– Там, – ответил Питер, – но он не работает.

– Как это? В такое время – и не работает?

– Я перерезал провод!

– Перерезали провод?! Вы с ума сошли, Шайе!

– Слишком часто звонили.

– Ну и ну! – воскликнул Хоскинс. – Ведь надо же!

– Я его починю, – предложил Лэнгли. – Есть у кого-нибудь плоскогубцы?

– Пойдите, ребята, – попросил шериф.

– Поживей надевайте штаны, – сказал Питеру Хоскинс.

– Мы хотим сфотографировать вас у блюда. Поставьте ногу на него, как охотник на убитого слона.

Шериф вновь попытался привлечь к себе внимание:

– Ну, послушайте же!

– Что такое, шериф?

– Поймите меня правильно, тут дело серьезное. Нечего вам там, ребята, ошиваться.

– Конечно, серьезное, – согласился Хоскинс, – потому-то мы здесь. Миллионы людей ждут не дождутся известий.

– Вот плоскогубцы, – произнес кто-то.

– Сейчас исправлю телефон, – сказал Лэнгли.

– Что мы здесь топчемся? – спросил Хоскинс. – Пошли посмотрим на нее.

– Мне нужно позвонить, – ответил Джонсон.

Растерявшийся шериф предпринял еще одну попытку утихомирить репортеров:

– Послушайте, ребята... Погодите...

– На что похожа эта штука, шериф? Думаете, это блюдо? Большое оно? Оно что – щелкает или издает еще какой-то звук? Эй, Лэнгли, сними-ка шерифа.

– Минутку! – закричал Лэнгли со двора. – Я соединяю провод!

На веранде снова слышались шаги. В дверь просунулась голова и произнесла:

– Автобус с телестудии... Это здесь? Как добраться до этой штуки?

Зазвонил телефон. Трубку поднял Джонсон и через мгновение передал ее шерифу:

– Это вас.

Шериф подошел к телефону, и все, находившиеся в комнате, притихли, прислушиваясь.

– Да, это я, шериф Бернс... Да, оно там, все в порядке... Конечно, знаю. Я видел его... Нет, что это такое, я не знаю... Да, понимаю... Хорошо, сэр... Слушаюсь, сэр... Я прослежу, сэр.

Он положил трубку, обернулся и с важным видом сказал:

– Это военная разведка. Никто туда не пойдет. Никому из дома не выходить. С этой минуты здесь запретная зона.

Затем он свирепо перевел взгляд с одного репортера на другого и сказал им:

– Так приказано.

– А, черт! – выругался Хоскинс.

– Я так торопился сюда, – заорал телерепортер, – и чтоб теперь сидеть взаперти и не...

– Теперь здесь распоряжаюсь не я, – оборвал его шериф. – Приказ дяди Сэма. Так что вы, ребята, не очень...

Питер пошел на кухню, раздул огонь и поставил чайник.

– Кофе там, – сказал он Лэнгли. – Пойду оденусь.

Медленно тянулась ночь. Хоскинс и Джонсон передали по телефону сведения, кратко записанные на сложенных

гармошкой листках бумаги – разговаривая с Питером и шерифом, они царапали карандашом непонятные знаки. После недолгого спора шериф, шагая по комнате из угла в угол, разрешил Лэнгли доставить снимки в редакцию.

Ревело радио. Не переставая звонил телефон.

Все пили кофе и курили, пол был усеян раздавленными окурками. Прибывали все новые газетчики. Предупрежденные шерифом, они оставались ждать. Кто-то принес бутылку спиртного и пустил ее по кругу. Кто-то предложил сыграть в покер, но его не поддержали.

Питер вышел за дровами. Ночь была тихая, светили звезды.

Он взглянул в сторону луга, но там ничего нельзя было рассмотреть. Он попытался разглядеть то пустое место, где прежде был коровник. Но в густой тьме увидеть коровник было трудно, даже если бы он и стоял там.

Что это? Мгла, сгущающаяся у смертного одра? Или последний мрачный час перед рассветом? Перед самой светлой, самой удивительной зарей в многотрудной жизни человечества?

Машина что-то строит там, строит ночью.

А что она строит?

Храм? Факторию? Миссию? Посольство? Форт? Никто не знает, никто не скажет этого.

Но, что бы она ни строила, это был первый аванпост, построенный чужаками на планете Земля.

Он вернулся в дом с охапкой дров.

– Сюда посылают войска, – сказал ему шериф.

– Раз-два-левой, – с невозмутимым видом командовал Хоскинс, на нижней губе которого небрежно висела сигарета.

– По радио только что передали, – добавил шериф. – Объявлен призыв национальной гвардии.

Хоскинс и Джонсон выкрикивали военные команды.

– Вы, ребята, лучше не суйтесь к солдатам, – предупредил шериф. – Еще ткнут штыком...

Хоскинс издал звук, похожий на сигнал трубы. Джонсон схватил две ложки и изобразил стук копыт.

– Кавалерия! – закричал Хоскинс. – Вперед, ребята, ура!

– Ну, что вы как дети, – проговорил кто-то устало.

Медленно тянулась ночь, все сидели, пили кофе, курили.

Никому не хотелось говорить.

Радиостанция наконец объявила, что передачи окончены. Кто-то стал крутить ручку, пытаясь поймать другую станцию, но батареи сели. Давно уже не звонил телефон.

До рассвета оставался еще час, когда прибыли солдаты. Они не маршировали и не гарцевали, а приехали на пяти крытых брезентом грузовиках.

Капитан зашел на минуту узнать, где лежит это проклятое блюдо. Это был беспокойный тип. Он даже не выпил кофе, а тотчас вышел и громко приказал шоферам ехать.

В доме было слышно, как грузовики с ревом умчались.

Стало светать. На лугу стояло здание, но вид у него был непривычный, потому что возводилось вопреки всем строительным нормам. Тот, или скорее, то, что строило его, делало все шиворот-навыворот, так что видна была сердцевина здания, словно его предназначили к сносу и сорвали с него всю «оболочку».

Здание занимало пол-акра и было высотой с пятиэтажный дом. Первые лучи солнца окрасили его в розовый цвет; это был тот изумительный блекло-розовый тон, от которого становится теплее на душе, – вспоминается платье соседской девчушки, которое она надела в день рождения.

Солдаты, на штыках винтовок которых поблескивало утреннее солнце, окружили здание.

Питер приготовил завтрак: напек целую гору оладий, изжарил яичницу с беконом, на которую ушли все его запасы, сварил галлона два овсяной каши, ведро кофе.

– Мы пошлем кого-нибудь за продуктами, – сказал Хоскинс. – А то мы вас просто ограбили.

После завтрака шериф с помощниками уехал в окружной центр. Хоскинс пустил шапку по кругу и тоже поехал в город за продуктами. Остальные газетчики остались. Автобус телестудии нацелился на здание широкоугольным объективом.

Телефон снова начал трезвонить. Журналисты по очереди брали трубку.

Питер отправился на ферму Маллет достать яиц и молока.

Мери выбежала ему навстречу, к калитке.

– Соседи боятся, – сказала она.

– Вчера они не боялись, – заметил Питер. – Они просто ходили и брали подарки.

– Но ведь все изменилось, Питер. Это уж слишком... Здание...

То-то и оно. Здание.

Никто не боялся безвредной на вид машины, потому

что она была маленькая и дружелюбная. Она так приятно блестела, так мило щелкала и раздавала подарки. На первый взгляд внешне она ничем не отличалась от земных предметов, и намерения ее были понятны.

Но здание было большое и, возможно, станет еще больше, и строилось оно шиворот-навыворот. Кто и когда видел, чтобы сооружение росло с такой быстротой – пять этажей за одну-единственную ночь?

– Как они это делают, Питер? – понизив голос, спросила Мери.

– Не знаю, – ответил он. – Тут действуют законы, о которых мы понятия не имеем, применяется технология, которая людям и в голову не приходила; способ созидания, в основе своей совершенно отличный от человеческого.

– Но это совсем такое же здание, какое могли бы построить и люди, – возразила она. – Не из такого камня, конечно... – наверное, в целом свете нет такого камня, – но в остальном ничего необычного в нем нет. Оно похоже на большую школу или универмаг.

– Мой нефрит оказался настоящим нефритом, – сказал Питер, – ваши духи – настоящими духами, а спиннинг, который получил Джонни, – обыкновенным спиннингом.

– Значит, они знают о нас. Они знают все, что можно узнать. Питер, они следят за нами!

– Несомненно.

Он увидел в ее глазах страх и привлек к себе. Она не отстранилась, и он крепко обнял ее, но тут же подумал, как странно, что именно у него ищут утешения и поддержки.

– Я глупая, Питер.

– Вы замечательная, – убежденно произнес он.

– Я не очень боюсь.

– Конечно, нет.

Ему хотелось сказать: «Я люблю тебя», но он знал, что этих слов не скажет никогда. «Хотя боль, – подумал он, – боль сегодня утром не возвращалась».

– Я пойду за молоком и яйцами, – сказала Мери.

– Принесите, сколько можете. Мне надо накормить целую ораву.

Возвращаясь домой, он думал о том, что соседи уже боятся. Интересно, скоро ли страх охватит весь мир, скоро ли выкатят на огневые позиции пушки, скоро ли упадет атомная бомба?

Питер остановился на склоне холма над домом и впервые заметил, что коровник исчез. Он был стесан так аккуратно, будто его ножом отсекли, – остался только фундамент, срезанный наискось.

«Интересно, пистолет все еще у шерифа? – подумал Питер и решил, что у него. – А что тот будет делать с ним и почему пистолет был подарен именно ему? Ведь из всех подарков это был единственный предмет, неизвестный на Земле».

На лугу, где еще вчера, кроме деревьев, травы и старых канав, поросших терновником, орешником да куманикой, ничего не было, теперь росло здание. Питеру показалось, что за час оно стало еще больше.

Вернувшись домой, Питер увидел, что все журналисты сидят во дворе и смотрят на здание.

Один из них сказал:

– Военное начальство прибыло. Ждет вас там.

– Из разведки? – спросил Питер.

Журналист кивнул.

– Полковник и майор.

Военные ждали в столовой: седой, но очень молодой полковник и майор при усах, которые придавали ему весьма бравый вид.

Полковник представился:

– Полковник Уитмен. Майор Рокуэл.

Питер поставил молоко и яйца и поклонился.

– Это вы нашли машину? – спросил полковник.

– Да, я.

– Расскажите нам о ней.

Питер стал рассказывать.

– А где нефрит? Вы нам не покажете его?

Питер вышел на кухню и принес нефрит. Они передавали камень друг другу, внимательно рассматривали его, вертя в руках немного с опаской и в то же время с восхищением, хотя Питер видел, что они ничего не смыслят в нефрите.

Словно прочитав мысли Питера, полковник поднял голову и посмотрел на него, потом спросил:

– Вы разбираетесь в нефрите?

– Очень хорошо, – ответил Питер.

– Вам приходилось работать с ним прежде?

– В музее.

– Расскажите о себе.

Питер заколебался... но потом стал рассказывать.

– А почему вы здесь?

– Вы когда-нибудь лежали в больнице, полковник? Вы никогда не думали, какво умирать там?

Полковник кивнул и произнес:

– Я понимаю вас. Но здесь за вами нет никакого...

– Я постараюсь не заживаться...

– Да, да, понимаю...

– Взгляните, пожалуйста, сюда, сэр, – прервал их беседу майор. – Тот же символ, что и на...

Полковник выхватил нефрит у него из рук, посмотрел на указанное место.

– Тот же символ, что и над текстом письма! – воскликнул он, поднял голову и пристально посмотрел на Питера, как будто впервые увидел его и очень удивился этому.

Вдруг в руке майора появился пистолет, холодный глазок дула был направлен прямо на Питера.

Питер бросился было в сторону, но не успел – майор выстрелил в него.

Миллион лет Питер падал сквозь призрачно-серую пронзительно воющую пустоту, сознавая, что это только сон, что он падает в бесконечном атавистическом сне, доставшемся в наследство от тех невероятно далеких предков, которые обитали на деревьях и жили в вечном страхе перед падением. Ему хотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться, но он не мог этого сделать, потому что у него не было рук, а потом оказалось, что у него нет и тела, которое можно было бы ущипнуть. Лишь его сознание неслоь сквозь бездну, у которой не было ни конца, ни края.

Миллион лет Питер падал в пронзительно воющую пустоту; сначала вой пронизывал его и заставлял вновь и вновь корчиться в муках души (тела не было), не доводя пытку до той крайности, за которой следует спасительное

безумие. Со временем он привык к этому вою, но именно тогда он прекратился, и Питер падал в бездну уже в полной тишине, которая была еще страшнее, чем вой.

Он падал, казалось, вечно, но вдруг вечности этой пришел конец, и наступил покой, падения больше не было.

Он увидел лицо из невероятно далекого прошлого, которое однажды видел, но давно позабыл, и он рылся в памяти, стараясь вспомнить, кто это.

Лицо расплывалось, качалось из стороны в сторону, и остановить его Питер никак не мог. Все попытки оказались тщетными, и он закрыл глаза, чтобы избавиться от этого лица.

– Шайе, – позвал чей-то голос. – Питер Шайе.

– Уходи, – едва слышно произнес Питер.

Голос пропал.

Питер снова открыл глаза – лицо было на старом месте: на этот раз оно не расплывалось и не качалось.

Это было лицо полковника.

Питер опять закрыл глаза, припоминая неподвижный глазок пистолета, который держал майор. Он отпрыгнул в сторону или хотел это сделать, но не успел. Что-то случилось, и миллион лет он падал, а теперь очнулся, и на него смотрит полковник.

В него стреляли. Это очевидно. Майор выстрелил в него, и теперь он в больнице. Но куда его ранило? В руку? Обе руки целы. В ногу? Ноги тоже целы. Нет ни боли, ни повязок, ни гипса.

Донесся голос полковника:

– Он только что приходил в себя, доктор, и тотчас снова потерял сознание.

– Он будет молодцом, – сказал врач. – Дайте только срок. Он придет в себя не сразу – вы вогнали в него слишком большой заряд.

– Мне с ним надо поговорить.

– Вам придется подождать.

С минуту было тихо, потом полковник спросил:

– А вы абсолютно уверены, что это человек?

– Мы обследовали его очень тщательно, – сказал врач.
– Если он и не человек, то такая хорошая подделка, что нам его вовек не уличить.

– Он говорил мне, что у него рак, – сказал полковник, – притворялся, что умирает от рака. А вы не считаете, что он если не человек, то, в крайнем случае, в любой момент мог сделать вид, будто у него...

– У него нет рака. Ни малейших признаков. Не было и не может быть ничего похожего на рак.

Даже с закрытыми глазами Питер почувствовал, как у полковника от недоверия и изумления открылся рот. Питер нарочно зажмурил глаза крепче – боялся, что это уловка... хотят, чтобы открыл глаза.

– Врач, который лечил Питера Шайе, четыре месяца назад говорил, что ему осталось жить полгода. Он сказал...

– Полковник, искать объяснения бесполезно. Могу сказать вам одно: у человека, лежащего на этой постели, рака нет. Он здоровяк, каких мало.

– В таком случае это не Питер Шайе, – упрямо заявил полковник. – Что-то приняло облик Питера Шайе, или сделало копию с него, или...

– Ну и ну, полковник, – сказал врач. – Не будем фантазировать.

– Вы уверены, что он человек, доктор?

– Я убежден, что он человеческое существо, если вы это имеете в виду.

– Неужели он ничем не отличается от человека? Нет никаких отклонений от нормы?

– Никаких, а если бы и были, то это еще не подтверждение ваших догадок. Незначительные мутационные различия есть у каждого. Людей под копирку не делают.

– Каждая вещь, которую дарила машина, чем-то отличалась от такой же вещи, но сделанной на Земле. Отличия небольшие и заметные не сразу, но именно они говорят, что предметы сделаны чужаками.

– Ну и пусть были отличия, пусть эти предметы сделаны чужаками. Я все равно утверждаю, что наш пациент – самый настоящий человек.

– Но ведь получается такая цельная картина, – спорил полковник. – Шайе уезжает из города и покупает старую заброшенную ферму. В глазах соседей он чудаковат. Уже самой своей чудаковатостью он привлекает к себе нежелательное внимание, но в то же время чудаковатость – это ширма для всех его необычных поступков. И если уж кому суждено было найти странную машину, так это только человеку вроде него.

– Вы стряпаете дело из ничего, – возразил врач. – Вам нужно, чтобы он чем-то отличался от нормального человека и подтвердил вашу нелепую догадку. Не обижайтесь, но, как врач, я расцениваю это только так. А вы мне представьте хотя бы один факт – подчеркиваю, факт, – подтверждающий вашу мысль.

– Что было в коровнике? – не сдавался полковник. –

Хотел бы я знать! Не строил ли Шайе эту машину именно там? Не потому ли коровник и был уничтожен?

– Коровник уничтожил шериф. Шайе не имеет к этому никакого отношения.

– А кто дал пистолет шерифу? Машина Шайе, вот кто. И сам собой напрашивается вывод – чтение мыслей на расстоянии, гипноз, назовите как угодно...

– Давайте вернемся к фактам: вы выстрелили в него из анестезирующего пистолета, и он тут же лишился сознания, вы арестовали его, по вашему приказу он был подвергнут тщательному осмотру – это настоящее посягательство на свободу личности. Молите Бога, чтобы он на вас не подал в суд – он вправе призвать вас к ответу.

– Знаю, – неохотно согласился полковник, – но нам надо разобраться. Надо выяснить, что это такое. Мы должны вернуть свою бомбу.

– Так бы и говорили – вас тревожит бомба.

– Висит она там, – дрогнувшим голосом сказал полковник. – Висит!

– Ну, мне пора идти, а вы не волнуйтесь.

Шаги врача, вышедшего из комнаты, затихли в коридоре. Полковник немного походил из угла в угол и тяжело опустился на стул.

Питер лежал в постели и снова и снова с каким-то неистовством повторял про себя: «Я буду жить!»

Но ведь он должен был умереть и уже приготовился к тому дню, когда боль наконец станет невыносимой... Он выбрал место, где хотел дожить остаток дней, место, где застигнет его смертный час. И вот его помиловали – каким-то способом вернули жизнь.

Он лежал на кровати, борясь с волнением и растущей тревогой, стараясь не выдать себя, не показать, что действие заряда, которым в него стреляли, уже прошло.

Врач сказал, что стреляли из анестезирующего пистолета. Что-то новое... он никогда не слышал. Впрочем, он припомнил, что читал о чем-то вроде этого: о новом способе обезболивания, применяемым дантистами — они опрыскивают десны стружкой анестезирующего вещества... Что-то в этом роде, только в сотни, тысячи раз сильнее.

В него выстрелили, привезли сюда и осмотрели — и все из-за бредовых фантазий полковника разведки.

Фантазий? Забавно. Невольно, бессознательно быть чьим-то орудием! Разумеется, это нелепость, потому что, насколько он помнит, в его делах, словах и даже мыслях не было и намека на то, что он каким-то образом мог способствовать появлению машины на Земле.

А может быть, рак — это не болезнь, а что-то другое? Может, это какой-то незванный гость — умный чужак, прибывший издалека, одолевший несчетное число световых лет, — который пробрался в тело человека и живет в нем.

Но он знал, что такие мысли под стать фантазии полковника: кошмар недоверия, который живет в сознании человека, средство самозащиты, которое вырабатывается подсознательно и готовит человечество к худшему, заставляя его быть настороже.

Нет ничего страшнее неизвестности, ничто так не настораживает, как необъяснимое.

«Нам надо разобраться, — говорил полковник. — Надо выяснить, что это такое».

И весь ужас, разумеется, в том, что узнать ничего невозможно.

Питер решил наконец шевельнуться, и полковник тотчас позвал:

— Питер Шайе.

— Что?

— Мне нужно поговорить с вами.

— Хорошо, говорите.

Он сел в постели и увидел, что находится в больничной палате. Это было стерильно чистое помещение с кафельным полом и бесцветными стенами, а кровать, на которой он лежал, — обычная больничная койка.

— Как вы себя чувствуете? — спросил полковник.

— Так себе, — признался Питер.

— Мы поступили с вами крутовато, но у нас не было другого выхода. Видите ли, письмо, игровой и кассовый автоматы и многое другое...

— Вы уже говорили о каком-то письме.

— Вы что-нибудь знаете об этом, Шайе?

— Понятия не имею.

— Президент получил письмо. Аналогичные письма были получены почти всеми главами государств на Земле.

— Что в нем написано?

— В этом-то и вся загвоздка. Оно написано на языке, которого на Земле никто не знает. Но там есть одна строчка — как и во всех письмах, — которую можно прочитать. В ней говорится: «К тому времени, когда вы расшифруете письмо, вы будете способны действовать логично». Только это и удалось понять — одну строчку, написанную на языке той страны, которая получила письмо, — а остальное — какая-то тарабарщина.

– Письмо не расшифровали?

Питер увидел, что полковнику становится жарко.

– Не то что слова, ни одной буквы...

Питер протянул руку к тумбочке, взял графин и наклонил его над стаканом. Графин был пуст.

Полковник встал со стула.

– Я принесу воды, – сказал он, взял стакан и открыл дверь в ванную. – Спущу воду, чтобы была похолоднее.

Питер едва ли слышал его, потому что смотрел на дверь. На ней была задвижка, и если...

Шум полившейся воды заглушал голос полковника, и он заговорил громче.

– Примерно тогда же мы стали находить эти машины. Только представьте себе: обыкновенный автомат продает сигареты. Но что-то, находящееся в нем, все время следит за вами. И так во всех кассовых, игровых автоматах и других устройствах, которые мы сами же установили: что-то изучает людей, образ их жизни. Теперь это не просто автоматы, а наблюдатели, которые следят за людьми постоянно.

Питер, бесшумно ступая босыми ногами, подошел к двери, захлопнул ее и закрыл на задвижку.

– Эй! – крикнул полковник.

«Где одежда? Наверно, в шкафу. – Питер подскочил к нему и дернул на себя дверцу. – «Вот она, висит на вешалке».

Он сбросил больничный халат, схватил брюки, из ящика достал рубашку и стоящие рядом ботинки, быстро натянул на себя и, не завязывая шнурки – некогда, – убежал из палаты.

Полковник дергал дверь, колотил в нее кулаками, но не кричал – заботился о своей репутации: не хотел, чтобы все узнали, как его провели.

Питер полез в карманы – бумажник исчез, остальное: нож, часы, ключи – тоже. «Наверное, вынули и положили в сейф, когда привезли сюда», – подумал он.

Но сейчас не до этого. Главное – скрыться.

В коридоре он постарался сдержать шаг, проходя мимо сестры, но та даже не взглянула в его сторону.

Питер подумал, что безопаснее будет спуститься по лестнице – там, где есть лифт, ею почти не пользуются. Он отыскал дверь, ведущую на лестничную клетку, открыл ее и, перепрыгивая через три ступеньки – нужно торопиться, – понесся вниз, но потом остановился, нагнулся и завязал шнурки.

Над каждой дверью была табличка с номером этажа, поэтому Питер легко ориентировался. Когда он добрался до первого этажа, то на мгновение остановился, перевел дыхание и как можно спокойнее пошел по коридору. Кажется, его еще не хватились, хотя полковник мог поднять тревогу с минуты на минуту.

«А не задержат ли его у выхода? А вдруг спросят, куда он идет. А вдруг...»

У выхода стояла корзина с цветами. Питер оглянулся – по коридору шли какие-то люди, но на него никто не обращал внимания, – и схватил корзину.

В дверях он сказал служительнице, сидевшей за столом:

– Ошибка вышла. Не те цветы.

Она кисло улыбнулась, но не стала задерживать его.

Выйдя на улицу, он поставил цветы на ступеньку и быстро пошел прочь.

Час спустя он уже знал, что ему ничто не угрожает. Знал также, что находится в городе, милях в тридцати от того места, куда хотел добраться, что у него нет денег, что он голоден и что у него болят ноги от ходьбы по твердым бетонированным тротуарам.

Он увидел парк и присел на скамью. Поодаль старики играли в шахматы, какая-то женщина укачивала ребенка, молодой человек сидел и слушал крохотный транзистор.

По радио говорили: «...очевидно, строительство здания закончено — за последние восемнадцать часов оно не увеличилось. Сейчас здание насчитывает тысячу этажей и занимает площадь более ста акров. Бомба, сброшенная два дня назад, все еще плавает над ним, удерживаемая в воздухе какой-то непонятной силой. Артиллерия находится поблизости, ожидая приказа открыть огонь, но приказа не поступает. Многие считают, что если бомба не достигла цели, то со снарядами будет то же самое, если они вообще покинут жерла орудий.

Представитель военного министерства заявил, что большие орудия на огневой позиции — это, в сущности, лишь мера предосторожности, что, может быть, и верно; но тогда совершенно непонятно, зачем было сбрасывать бомбу. Не только в конгрессе, но и во всем мире растет негодование по поводу попытки разбомбить здание, ведь с его стороны до сих пор не было никаких враждебных действий. Как сообщают, пока нанесен ущерб только Питеру Шайе, человеку, который нашел машину: его ферма поглощена зданием.

Все следы Шайе потеряны три дня назад, когда с ним случился какой-то припадок и его увезли из дома. Наверно, он находится в военной тюрьме. Высказывают самые различные догадки насчет того, что мог знать Шайе. Весьма вероятно, он единственный человек на Земле, который может пролить свет на то, что случилось на его ферме.

Тем временем к зданию стянуты войска, и все жители из зоны радиусом восемнадцать миль эвакуированы. Известно, что две группы ученых переправлены через линии заграждения. Хотя никакого официального сообщения не последовало, есть основания полагать, что поездки ученых не увенчались успехом. Что это за здание, кто или что его строило, если только процесс его возведения можно назвать строительством, и чего можно ожидать в дальнейшем – таков круг беспочвенных гаданий. Естественно, недостатка в них нет, но никто еще не придумал разумного объяснения.

Все телеграфные агентства мира продолжают поставлять горы материалов, но конкретные сведения можно пересчитать по пальцам.

Каких-либо других новостей почти нет. Вероятно, это объясняется тем, что людей сейчас интересует только таинственное здание. Как ни странно, но других новостей и в самом деле мало. Как это часто бывает, когда случается большое событие, все прочие происшествия как бы откладываются на более позднее время. Эпидемия полиомиелита быстро идет на убыль; уголовных преступлений нет. В столицах многих стран прекратили всякую деятельность законодательные органы, а правительства пристально следят за всем, что связано со зданием.

В различных государствах все чаще высказывается мнение, что здание – предмет заботы не одной лишь Америки, что все решения относительно него должны приниматься на международном уровне. Попытка разбомбить здание вызвала сомнение в том, что наша страна, на территории которой оно находится, способна действовать спокойно и беспристрастно. Высказывается мнение, что решить эту проблему разумно мог бы только какой-нибудь международный орган, стоящий на объективных позициях».

Питер встал со скамьи и пошел прочь. По радио сказали, что его увезли из дома три дня назад. Немудрено, что он так проголодался.

Три дня – и за это время здание поднялось на тысячу этажей и раскинулось на площади сто акров.

Теперь он уже шел не торопясь: у него очень болели ноги, от голода сосало под ложечкой.

Вдруг он осознал, что должен вернуться к зданию во что бы то ни стало, но еще не понял, почему должен так поступить, откуда в нем эта страстная устремленность.

Как будто он что-то забыл там, и теперь надо идти и разыскать забытое. «Я что-то забыл», – не шло у него из головы. Но что он мог забыть? Ничего, кроме боли, сознания, что он неизлечимо болен, и маленькой капсулы с ядом в кармане, которую решил раздавить зубами, когда боль станет невыносимой.

Он полез в карман, но капсулы там уже не было – исчезла вместе с бумажником, перочинным ножом и часами. «Теперь уже все равно, – подумал он, – капсула мне больше не нужна».

Он услышал позади себя торопливые шаги и, сообразив, что догоняют именно его, резко обернулся, но сразу успокоился – это была Мери.

– Питер!– крикнула она. – Питер, мне показалось, что это вы. Я так бежала за вами.

Он стоял и смотрел на нее, не веря своим глазам.

– Где вы пропадали? – спросила она.

– В больнице. Я убежал оттуда. Но почему вы...

– Нас эвакуировали, Питер. Пришли и сказали, что нужно уехать. Часть наших расположилась лагерем в той стороне парка. Папа просто из себя выходит, но я понимаю его – нас заставили уехать в самый сенокос, да и жатва скоро.

Она запрокинула голову и посмотрела ему в лицо.

– У вас такой измученный вид, – сказала она. – Вам опять плохо?

– Плохо? – переспросил он и тут же понял, что соседи, по-видимому, знают... что причина его приезда на ферму всем давным-давно известна – секретов в деревне не бывает...

– Простите, Питер. Простите. Не надо было мне...

– Ничего. Все прошло, Мери. Я здоров. Не знаю уж, как и почему, но я вылечился.

– В больнице?

– Больница тут ни при чем. Я поправился еще до того, как попал туда, но выяснилось это только в больнице.

– Может быть, диагноз был неправильный?

Он отрицательно покачал головой.

– Правильный, Мери.

Разве можно говорить с такой уверенностью? Мог ли

он, а вернее врачи, сказать определенно, что это были злокачественные клетки, а не что-нибудь иное... не какой-нибудь неизвестный паразит, которого он, сам того не ведая, приютил в своем организме?

— Вы говорите, что сбежали? — напомнила ему Мери.

— Меня будут искать. Полковник и майор. Они думают, что я имею какое-то отношение к машине, которую нашел, думают, что ее сделал я. Они даже увезли меня в больницу, чтобы проверить, человек ли я.

— Какие глупости!

— Мне нужно вернуться на ферму. Я просто должен вернуться туда.

— Это невозможно, — сказала ему Мери. — Там всюду солдаты.

— Я поползу на животе по канавам, пойду ночью, проберусь сквозь линию заграждения, буду драться, наконец, если меня увидят и захотят задержать. Выбора нет. Я должен попытаться.

— Вы больны, — сказала она, с беспокойством вглядываясь в его лицо.

Питер усмехнулся.

— Не болен, а просто хочу есть.

— Тогда пошли, — предложила Мери и взяла его за руку, но он не тронулся с места.

— Скоро за мной начнется погоня, если уже не началась.

— Мы пойдем в ресторан.

— Они отобрали у меня бумажник, Мери.

— У меня есть деньги, которые я взяла на покупки.

— Нет, — твердо сказал он. — Я пойду. Теперь меня с пути не собьешь.

– Вы и в самом деле идете туда?

– Это пришло мне в голову только что, – признался Питер, смущаясь, но в то же время почему-то уверенный, что слова его не просто безрассудная бравада.

– Вернетесь туда?

– Мери, я должен.

– И думаете, вам удастся добраться?

Он кивнул.

– Питер, – нерешительно проговорила она.

– Что?

– Я вам не буду обузой?

– Вы? Как так?

– Если бы я пошла с вами?

– Но вам нельзя, вам незачем идти.

– Причина есть, Питер. Меня тянет туда. Как будто в голове у меня звенит звонок – школьный звонок, созывающий ребятишек.

– Мери, на том флаконе с духами был какой-нибудь символ?

– Был. На стекле. Такой же, что и на вашем нефрите.

«И такие же знаки были в письмах», – подумал он и сказал решительно:

– Пошли. Вы не помешаете.

– Тогда сначала поедим, – сказала она тоном, не терпящим возражений, – Мы можем потратить деньги, которые я взяла на покупки.

– Хорошо, – согласился Питер. – К тому же у нас уйма времени – нельзя пускаться в путь, пока не стемнеет. – Он взял Мери за руку, и они, как два влюбленных подростка, пошли по дороге.

Поели они в маленьком ресторане на тихой улице. Потом пошли в магазин, купили буханку хлеба, два круга копченой колбасы, немного сыра, на что ушли почти все деньги Мери, а на сдачу продавец дал им пустую бутылку из-под воды — она послужит вместо фляги.

Питер и Мери прошли городскую окраину, пригороды и оказались в поле; они не торопились, потому что до наступления темноты не стоило забираться слишком далеко.

Наткнувшись на речушку, они уселись на берегу — совсем как парочка на пикнике. Мери сняла туфли и болтала ногами в воде, и оба были невероятно счастливы.

Когда стемнело, они пошли дальше. Луны не было, но в небе сияли звезды. И хотя Мери с Питером спотыкались, а порой плутали неведомо где, они по-прежнему сторонились дорог; шли полями и лугами, держались подальше от ферм, чтобы избежать встреч с собаками.

Уже за полночь они увидели первые лагерные костры и обошли их стороной. С вершины холма были видны ряды палаток, неясные очертания грузовиков, крытых брезентом. А потом они чуть не наткнулись на артиллерийское подразделение, но благополучно скрылись, не нарвавшись на часовых, которые, наверно, были расставлены вокруг лагеря.

Теперь Мери с Питером знали, что находятся внутри зоны эвакуации и должны пробраться сквозь кольцо солдат и орудий, нацеленных на здание.

Они двигались очень осторожно и медленно, а когда на востоке забрезжила заря, спрятались в густых зарослях терновника на краю луга.

– Я устала, – сказала со вздохом Мери. – Я не чувствовала усталости всю ночь или просто не замечала ее, но теперь, когда мы остановились, у меня больше нет сил.

– Мы поедим и ляжем спать, – произнес Питер.

– Сначала поспим. Я так устала, что не хочу есть.

Питер оставил ее и пробрался сквозь чащу к опушке.

В неровном утреннем свете перед ним возникло здание – голубовато-серая громадина, которая возвышалась над горизонтом, подобно тупому персту, указующему в небо.

– Мери! – воскликнул Питер. – Мери, вон оно!

Пробравшись к нему сквозь заросли кустарника, она разочарованно произнесла:

– Питер, до него же еще далеко.

– Знаю, но мы дойдем.

Припав к земле, они стали разглядывать здание, и через некоторое время Мери сказала удивленно:

– Я не вижу бомбы, которая висит над ним.

– Она слишком далеко.

– А почему именно мы возвращаемся туда? Почему только мы не боимся?

– Не знаю... – озабоченно нахмурившись, ответил Питер. – В самом деле, почему?.. Я возвращаюсь туда, потому что хочу... нет, должен вернуться. Видите ли, я выбрал это место, чтобы умереть. Как слоны, которые ползут умирать туда, где умирают все слоны.

– Но теперь вы здоровы, Питер.

– Какая разница... Только там я обрел покой и сочувствие.

– А еще вы забыли о символах – знаке на флаконе и нефрите.

На это Питер ничего не мог ответить.

– Пошли отсюда, здесь нас могут увидеть, – сказал он.

– Только наши подарки были с символами, – настаивала Мери. – Ни у кого больше нет таких. Я спрашивала. На всех других подарках не было знаков.

– Сейчас не время строить предположения. Идем.

Они снова зашли в чащу.

Солнце уже взошло над горизонтом, косые лучи его проникали в заросли, кругом стояла благословенная тишина нарождающегося дня.

– Питер, – сказала Мери. – У меня слипаются глаза. Поцелуйте меня перед сном.

Он поцеловал ее, и они прижались друг к другу, скрытые от всего мира корявыми, сплетшимися низкорослыми кустами терновника.

– Я слышу звон, – тихо проговорила Мери. – А вы слышите?

Питер покачал головой.

– Как школьный звонок, – продолжала она. – Как будто начинается учебный год и я иду в первый класс.

– Вы устали.

– Я слышала этот звон и прежде. Это не в первый раз.

Он снова поцеловал ее и сказал:

– Ложитесь спать.

Она заснула сразу, как только легла и закрыла глаза.

Питера разбудил рев; он сел – сон как рукой сняло. Рев не исчез, он доносился из-за кустов и удалялся.

– Питер! Питер! – проснувшись, воскликнула Мери.

– Тише! Там что-то есть.

Теперь уже рев приближался, все нарастая, пока не превратился в громовой грохот, от которого дрожала земля. Потом снова стал удаляться.

Полуденное солнце пробивалось сквозь ветви. Питер почуял мускусный запах теплой земли и прелых листьев.

Они с Мери стали осторожно пробираться через чащу и, добравшись почти до самой опушки, сквозь поредевшие заросли увидели мчащийся далеко по полю танк. Ревя и раскачиваясь, он катил по неровной местности, впереди задиристо торчала пушка, и весь он был похож на футболиста, который рвется вперед.

Через поле была проложена дорога... А ведь Питер твердо знал, что еще вечером никакой дороги не было. Прямая, совершенно прямая дорога вела к зданию; покрытие ее было металлическим и блестело на солнце.

Далеко слева параллельно ей была проложена другая дорога, справа – еще одна, и казалось, что впереди все три дороги сливаются в одну, как сходятся рельсы железнодорожного пути, уходящего к горизонту.

Их пересекали под прямым углом другие дороги, и создавалось впечатление, будто на земле лежат две тесно сдвинутые гигантские лестницы.

Танк мчался к одной из поперечных дорог; на расстоянии он казался крохотным, а рев был не громче гудения рассерженной пчелы.

Он добрался до дороги и резко пошел юзом в сторону, будто наткнулся на что-то гладкое и неодолимо прочное, будто врезался в прозрачную металлическую стену. Было мгновение, когда он накренился и чуть не перевернулся, однако этого не произошло – ему удалось выровняться. Он

дал задний ход, потом развернулся и загромыхал по полю, назад к зарослям.

На полпути он опять развернулся и встал пушкой в сторону поперечной дороги.

Ствол орудия пошел вниз, из него вырвалось пламя. Снаряд разорвался у поперечной дороги – Питер и Мери увидели вспышку и дым. По ушам хлестнула ударная волна.

Снова и снова, стреляя в упор, орудие изрыгало снаряды, поднимая клубы дыма. Но разрывались все снаряды у дороги – на этой ее стороне.

Танк снова загромыхал вперед, к дороге, на сей раз он приближался осторожно, часто останавливаясь, будто искал проход.

Откуда-то издалека донесся грохот оружийного залпа. Казалось, стреляет целая артиллерийская батарея. Постреляв, орудия неохотно замолчали.

Танк продолжал тыкаться в дорогу, словно собака, вынюхивающая зайца, который спрятался под поваленным деревом.

– Что-то не пускает его, – заметил Питер.

– Стена, – предположила Мери. – Какая-то невидимая стена. Танк не может проехать сквозь нее.

– И прострелить ее тоже не может. Ее никакими пушками не пробьешь, даже вмятины не останется.

Припав к земле, Питер наблюдал за танком, который медленно двигался вдоль дороги. Танк дополз до перекрестка и сделал небольшой разворот, чтобы въехать на левую продольную дорогу, но снова уткнулся лобовой броней в невидимую стену.

«Он в ловушке, – подумал Питер. – Дороги разъединили и заперли все войсковые части: танк в одном загоне, дюжина танков в другом, артиллерийская батарея в третьем, моторизованный резерв в четвертом. Войскам перекрыты все пути – рассованные по загонам подразделения совершенно небоеспособны. Интересно, а мы тоже в западне?»

По правой дороге шагала группа солдат. Питер заметил их издалека: черные точки двигались по дороге на восток, прочь от здания. Когда они подошли ближе, он увидел, что у них нет оружия, что они бредут, не соблюдая никакого строя, а по тому, как люди волочили ноги, он понял, что они устали, как собаки.

Мери, оказывается, уходила, но он заметил ее, когда она уже возвращалась, низко наклонила голову, чтобы не зацепиться волосами за ветви.

Сев рядом, она протянула ему толстый ломоть хлеба и кусок колбасы, а бутылку с водой поставила на землю.

– Это здание построило дороги, – сказала она.

Питер кивнул – рот его уже был набит едой.

– Это сделано для того, чтобы до здания удобнее было добираться, – продолжала Мери. – Оно хочет, чтобы людям легче было посещать его.

– Опять школьный звонок? – спросил он.

Она улыбнулась и сказала:

– Опять.

Солдаты подошли теперь совсем близко, увидели танк и остановились. Четверо солдат сошли с дороги и зашагали по полю к нему, остальные присели.

– Стена пропускает только в одну сторону, – предположила Мери.

– Скорее всего она не пропускает танки, а люди могут проходить.

– Здание хочет, чтобы в него входили люди.

Танк двинулся навстречу солдатам и остановился возле них. Когда танкисты выбрались наружу, пехотинцы стали что-то говорить им, а один из солдат при этом показывал рукой то в одну, то в другую сторону.

Издали снова донесся гром тяжелых орудий.

– Кто-то все еще пытается пробить стены, – заметил Пиитер.

Наконец пехотинцы и танкисты пошли к дороге, бросив танк посреди поля.

Питер подумал, что то же самое, по-видимому, происходит со всеми войсками, блокировавшими здание. Дороги и стены разъединили их, отгородили друг от друга, и теперь танки, орудия и самолеты стали просто безвредными игрушками, которыми в тысячах загончиков забавлялись люди-детишки.

По дороге на восток, отступая, брели пехотинцы, катили танки – бесславная осада была снята.

Мери и Питер сидели в зарослях и наблюдали за зданием.

– Вы говорили, что они прилетели со звезд, – сказала Мери. – Но почему сюда? Зачем мы им нужны? И вообще зачем они прилетели?

– Чтобы спасти нас, – нерешительно проговорил Питер, – спасти нас от самих себя, или чтобы поработить и эксплуатировать нас. Или чтобы использовать нашу планету как военную базу. Причин может быть сотни. Если они даже скажут нам, мы, наверно, не поймем.

— Но вы же не думаете, что они хотят поработить нас или использовать Землю как военную базу? Если бы вы так думали, мы не стремились бы к зданию.

— Нет, я так не думаю. Не думаю, потому что у меня был рак, а теперь его нет, потому что эпидемия полиомиелита пошла на убыль в тот самый день, когда они прилетели. Они делают нам добро, совсем как миссионеры, которые делали добро своим подопечным, ведущим примитивный образ жизни, людям, пораженным разными болезнями.

Он окинул взглядом поле, покинутый танк, сверкающую лестницу дорог и продолжил:

— Я надеюсь, что они не будут делать того, что творили некоторые миссионеры. Я надеюсь, что не будут унижать наше достоинство, насильно обряжая в чужеземное платье. Надеюсь, излечив от стригущего лишая, они не обрекут нас на чувство расовой неполноценности. Надеюсь, они не станут рубить кокосовые пальмы, чтобы...

«Но они знают нас, — думал он, — и знают все, что можно. Они изучали нас... Сидя где-нибудь в аптеке, маскируясь под автомат, продающий сигареты, наблюдая за нами из-за стойки под видом кассового автомата... Долго ли это продолжалось?

Кроме того, они писали письма главам почти всех государств мира. После расшифровки писем, вероятно, станет ясно, чего они хотят или, возможно, чего-то требуют. А может, в письмах всего лишь содержатся просьбы разрешить строить миссии или церкви, больницы или школы.

Они знают нас. Знают, например, что мы обожаем все бесплатное, и поэтому раздавали подарки — что-то вроде

призов, которые вручаются радио- и телекомпаниями или торговыми палатами за лучшие ответы в соревнованиях на сообразительность, с той лишь разницей, что здесь соперников нет, и выигрывает каждый».

Почти до самого вечера Питер и Мери наблюдали за дорогой, и все это время по ней ковыляли небольшие группы солдат. Но вот прошло уже более часа, а на дороге никто не появлялся.

Мери с Питером отправились в путь перед самыми сумерками, пересекли поле и сквозь невидимую стену вышли на дорогу и зашагали на запад, к громаде здания, багровеющей на фоне красноватого заката.

Они шли, не дожидаясь наступления ночи — теперь не надо было кружить и прятаться, потому что на пустынной дороге им попался навстречу лишь один солдат.

К тому времени они прошли довольно большое расстояние, и громада здания уже отхватила полнеба — оно тускло светилось в сиянии звезд.

Солдат сидел посередине дороги, ботинки аккуратно поставил рядом.

— Совсем обезножел, — затеяв разговор, произнес солдат.

Питер и Мери охотно уселись рядом. Питер достал бутылку с водой, хлеб, сыр и колбасу и разложил все на дороге, подстелив, как на пикнике, вместо скатерти бумагу.

Некоторое время они ели молча. Наконец солдат сказал:

— Да, всему конец.

Питер и Мери ни о чем не спрашивали, а жуя хлеб с сыром, терпеливо ждали.

– Конец службе, – добавил солдат. – Конец войне.

Он махнул рукой в сторону загонов, образованных дорогами. В одном стояли три самоходных орудия, в другом лежала грудa боеприпасов, в третьем – военные грузовики.

– Как же тут воевать, – спросил он, – если все войска рассованы, как пешки по клеткам? Танк, который вертится на пяточке в десять акров, не годится ни к черту. А что толку от орудия, стреляющего всего на полмили?

– Вы думаете, так повсюду? – спросила Мери.

– Во всяком случае, здесь. Почему бы им не сделать то же самое и в других местах? Они остановили нас, не дали нам ступить ни шагу и не пролили ни единой капли крови. У нас нет потерь.

Набив рот хлебом и сыром, он потянулся за бутылкой.

– Я вернусь, – сказал он. – Заберу свою девушку, и мы придем сюда. Может быть, тем, кто в здании, нужна какая-нибудь помощь, и я хочу помочь им, чем смогу. А если они не нуждаются в помощи, что ж тогда я постараюсь найти способ сообщить им, что благодарен за их прибытие.

– Им? Ты видел их?

Солдат посмотрел на Питера в упор.

– Нет, я никого не видел.

– Тогда почему сперва ты идешь за своей девушкой и лишь потом собираешься вернуться? Кто тебя надоумил? Почему бы тебе не пойти туда с нами сейчас.

– Это было бы нехорошо, – запротестовал солдат. – Мне почему-то так кажется. Сперва мне надо увидеть ее и рассказать, что у меня на душе. Кроме того у меня есть для нее подарок.

– Она обрадуется, – ласково сказала Мери. – Ей понравится подарок.

– Конечно, – согласился солдат, горделиво улыбнувшись, – Она давно о таком мечтала. – Он полез в карман, достал кожаный футляр и щелчком открыл его – при свете звезд тускло блеснуло ожерелье.

Мери протянула руку.

– Можно? – спросила она.

– Конечно, – ответил солдат. – Вы-то знаете, понравится ли оно девушке.

Мери вынула ожерелье из футляра – ручеек звездного огня заструился по ее руке.

– Бриллианты? – спросил Питер.

– Не знаю, – ответил солдат. – Наверно. С виду вещь дорогая. В середине какой-то большой зеленый камень, он не очень сверкает, но зато...

– Питер, – перебила его Мери, – у вас есть спички?

Солдат сунул руку в карман.

– У меня есть зажигалка мисс. Мне дали зажигалку – блеск!

Он щелкнул, вспыхнуло пламя. Мери поднесла камень к свету.

– Символ, – сказала она. – Как на моем флаконе.

– Это вы про гравировку? – спросил солдат, показывая пальцем. – И на зажигалке такая же.

– Где ты взял это? – спросил Питер.

– Ящик дал. Только этот ящик не простой. Я протянул к нему руку, а он выплюнул зажигалку – я тогда подумал о Луизе и зажигалке, которую она мне подарила, а я ее потерял. Жалко было. И вот те на – такая же, только знаки

сбоку... Только, значит, я подумал о Луизе, как ящик как-то смешно фыркнул и выкинул футляр с ожерельем.

Солдат наклонился, и зажигалка осветила его молодое лицо, сиявшее торжеством.

— Знаете, что мне кажется? — спросил он. — Мне кажется, что этот ящик — один из них. Говорят разное, но нельзя верить всему, что услышишь.

Он перевел взгляд с Мери на Питера.

— Вам, наверно, смешно? — робко спросил он.

Питер покачал головой.

— Вот уж чего нет, того нет, солдат.

Мери отдала ожерелье и зажигалку. Солдат положил их в карман и стал надевать ботинки.

— Надо идти. Спасибо за угощение.

— Мы увидимся, — сказал Питер.

— Надеюсь.

— Обязательно увидимся, — убежденно сказала Мери.

Солдат заковылял по дороге, а они посмотрели ему вслед и пошли в другую сторону.

— Символ — это их метка, — сказала Мери. — Те, кому дали вещь с символом, должны вернуться. Это как паспорт, как печать, удостоверяющая, что ты им понравился!

— Или, — добавил Питер, — клеймо, обеспечивающее право собственности.

— Они ищут определенных людей. Им нужны люди, которые верят им, а не те, кто боится их.

— А для чего мы им нужны? — с тревогой спросил Питер. — Вот что меня беспокоит. Какая им польза от нас? Солдат хочет помочь им, но они в нашей помощи не нуждаются. Ни в чьей они помощи не нуждаются.

– Мы никого из них не видели, – сказала Мери. – Разве что ящик – один из них.

«И сигаретные автоматы, – подумал Питер, – и еще Бог знает что».

– И все же, – продолжала Мери, – они нас знают. Они наблюдали за нами, изучали. Они знают о нас всю подноготную. Они могут проникнуть в сознание каждого, узнать, о чем он мечтает, и сделать подарок. Джонни они подарили удилище с катушкой, вам – нефрит. И удилище было человеческим удилищем, и нефрит – земным нефритом. Они даже знают девушку солдата. Они знали, что ей хочется иметь блестящее ожерелье, знали: такой человек, как она, придет к ним и...

– А может, это все-таки летающие блюдца, – произнес Питер. – Они летали над нами много лет и изучали нас. «Сколько же потребовалось лет, – подумал он, – чтобы изучить человечество? Ведь им пришлось начинать с азов: человечество было для них сложной, незнакомой расой, они шли ощупью, изучая сперва отдельные факты. И они, наверно, ошибались. Иногда их выводы были неверны, и это тормозило работу». – ...Не знаю, – сказал Питер. – Для меня это совершенно непостижимо.

Они шли по блестящей, мерцающей при свете звезд металлической дороге, а здание все росло; это был уже не туманный фантом, а гигантская стена, которая уходила в небо, гася звезды – тысячеэтажное здание, раскинувшееся на площади в сто акров. От такого величия, от такого размаха голова шла кругом.

И, даже стоя поблизости от здания, нельзя было увидеть бомбу: она болталась где-то в воздухе на слишком большой высоте.

Но зато видны были маленькие квадратики, нарезанные дорогами, а в них – смертоносные игрушки неистовой расы, теперь брошенные, ненужные куски металла причудливой формы.

Перед самым рассветом Питер и Мери подошли наконец к громадной лестнице, которая вела к главному входу. Ступая по гладкой, выложенной камнем площадке перед лестницей, они как-то особенно остро ощутили тишину и покой, царившие под сенью здания.

Рука об руку они поднялись по лестнице, подошли к большой бронзовой двери, остановились и повернулись назад. Они молча смотрели вдаль.

Насколько хватал глаз, видны были дороги, расходившиеся, как спицы колеса от ступицы, – здания, а поперечные дороги лежали concentрическими кругами, и казалось, будто находишься в центре паутины.

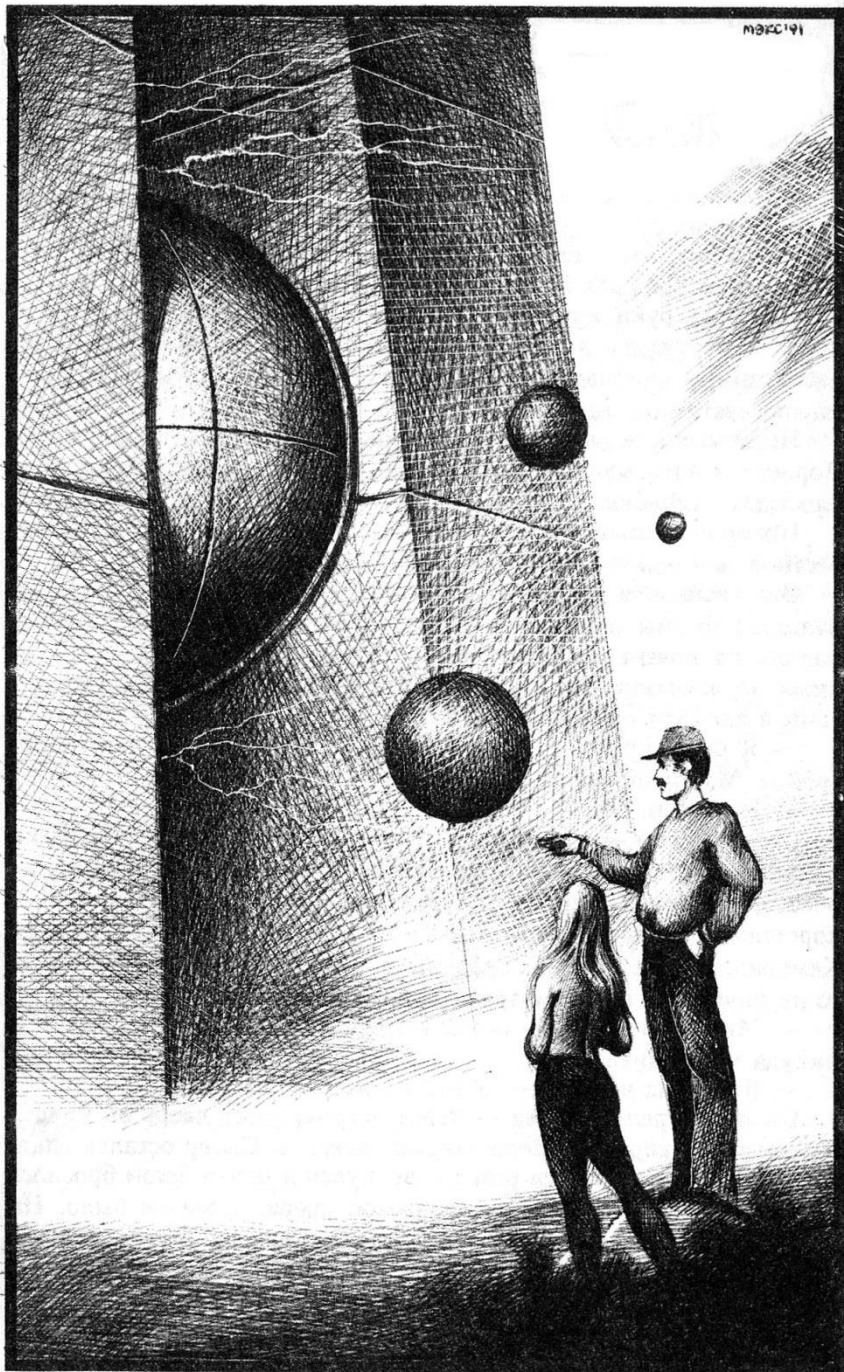
Брошенные фермы со службами-коровниками, амбарами, гаражами, силосными башнями, свинарниками, навесами для машин остались в секторах, отсеченных дорогами; в других секторах стояли военные машины, годные теперь разве лишь на то, чтобы в них вили гнезда птицы да прятались зайцы. С лугов и полей доносились птичьи трели, воздух был чист и прохладен.

– Вот она, наша прекрасная страна, Питер! – воскликнула Мери.

– Была наша, – поправил ее Питер. – Все, что было, уже никогда не повторится.

– Питер, вы не боитесь?

– Нисколько. Только сомнения одолевают.

– Но ведь прежде вы ни в чем не сомневались.

– Я и сейчас не сомневаюсь. Я уверен, что все идет как следует.

– Конечно, все идет хорошо: была эпидемия – теперь ее нет, армия разбита без единой жертвы, атомной бомбе не дали взорваться. Разве не так, Питер? Они уже меняют наш мир к лучшему. Рак и полиомиелит исчезли, а с этими двумя болезнями человек боролся долгие годы и никак не мог победить. Конец войне, болезням, атомным бомбам – чего мы не могли сделать сами, они сделали за нас.

– Все это я знаю, – сказал Питер. – Они, несомненно, также положат конец преступлениям, коррупции, насилию – тому, что мучило и унижало человечество с тех самых пор, как оно спустилось с деревьев.

– Чего же вам нужно еще?

– Наверно, ничего... Впрочем, ничего определенного мы пока не знаем. Все сведения косвенные, не конкретные, основанные на умозаклучениях. У нас нет доказательств реальных, весомых.

– У нас есть вера. Мы должны верить. Если не верить в кого-то или что-то, уничтожающее болезни, войну, то во что тогда можно верить вообще?

– Именно это и тревожит меня.

– Мир держится на вере, – сказала Мери. – Любой вере – в Бога, в самих себя, в человеческую порядочность.

– Вы изумительная! – воскликнул Питер и крепко обнял ее. В это время большая бронзовая дверь растворилась.

Положив руки друг другу на плечи, они молча переступили порог и очутились в вестибюле с высоким свод-

чатый потолком, расписанным фресками, на стенах висели панно, четыре больших марша лестницы вели наверх.

Но вход на лестницу преграждали тяжелые бархатные шнуры. Дорогу им показывали стрелки и еще один шнур, зацепленный за блестящий столбик.

Покорно и тихо, почти с благоговением они направились через вестибюль к единственной открытой двери.

Они вошли в большую комнату с громадными, высокими, изящной формы окнами, сквозь которые лучи утреннего солнца падали на новенькие блестящие аспидные доски, кресла с широкими подлокотниками, массивные столы, настенные полки с книгами и кафедру на возвышении.

— Я была права, — сказала Мери. — Все-таки был школьный звонок. Мы пришли в школу, Питер — в первый класс.

— В детский сад, — с трудом проговорил он.

«Все верно, — подумал Питер, — так по-человечески правильно: солнце и тень, роскошные переплеты книг, темное дерево, глубокая тишина. Аудитория учебного заведения с хорошими традициями. Здесь есть что-то от атмосферы Кембриджа и Оксфорда, Сорбонны и Айви Лиг². Чужеземцы ничего не упустили, предусмотрели каждую мелочь».

— Мне надо выйти, — сказала Мери, — Подождите меня здесь, никуда не уходите.

— Я никуда не уйду, — обещал Питер.

Он посмотрел ей вслед — через открывшуюся дверь он

² Айви Лиг — объединение американских университетов (Принстонского, Гарвардского и Йельского). — Прим. перев.

увидел бесконечный коридор. Мери закрыла дверь, и Питер остался один.

Постояв с минуту, он резко повернулся и почти бегом бросился через вестибюль к большой бронзовой двери. Но ее не было. Ни следа, даже щелочки на том месте, где была дверь. Питер дюйм за дюймом ощупал стену, но никакой двери не нашел.

Опустошенный, он повернулся лицом к вестибюлю, голова раскалывалась – один, один во всей громаде здания.

Питер подумал, что там, наверху, еще тысяча этажей, здание уходит в самое небо. А здесь, внизу, – детский сад, на втором этаже, – несомненно, первый класс, и если подниматься все выше, то куда можно прийти, к какой цели?

Но что будет после выпуска?

И будет ли вообще выпуск?

И чем он станет? Кем? Останется ли он человеком?

Теперь надо ждать прихода в школу, других – тех, кто был отобран, кто сдал необычный вступительный экзамен.

Они придут по металлическим дорогам и поднимутся по лестнице, большая бронзовая дверь откроется, и они войдут. И другие тоже придут – из любопытства, но если у них нет символа, двери не откроются перед ними.

И если вошедшему захочется бежать – он не найдет двери.

Питер вернулся в класс, на то же место, где стоял прежде.

Интересно, что написано в этих книгах. Очень скоро он наберется храбрости, возьмет какую-нибудь книгу и раскроет ее. А кафедра? Что будет стоять за кафедрой?

Что, а не кто?

Дверь открылась, и вошла Мери.

— Там квартиры, — сказала она. — Таких уютных я никогда не видела. На двери одной наши имена, на других — тоже имена, а есть совсем без табличек. Люди идут, Питер. Просто мы немного поспешили. Пришли раньше всех. Еще до звонка.

Питер кивнул.

— Давайте сядем и подождем, — предложил он.

Они сели рядом и стали ждать, когда появится Учитель.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, МИСТЕР ДЖЕЙМС

К нему стала возвращаться память.

Он снова вступал в жизнь из небытия.

Он вдохнул запах земли и ночи и услышал шепот листьев на насыпи. Легкий ветерок, шелестевший листьями, коснулся его своими мягкими нежными пальцами, словно проверяя, не сломаны ли у него кости и нет ли синяков и ссадин.

Он присел, уперся руками в землю, пытаясь сохранить равновесие, и стал вглядываться в темноту.

Его зовут Хендерсон Джеймс. Он человек, и сидит где-то на планете, которая называется Земля. Ему тридцать шесть лет. Он известен в своем кругу и неплохо обеспечен. Он живет в родительском доме на Саммит-авеню — вполне приличный район, хотя и утративший за последние двадцать лет часть своей фешенебельности.

По дороге на насыпи проехала машина, заскрипев шинами по асфальту. На мгновение ее фары осветили верхушки деревьев. Вдалеке, приглушенный расстоянием, стоянием, захныкал клаксон, где-то тоскливо лаяла собака.

Его зовут Хендерсон Джеймс. Если это верно, то почему же он здесь? Зачем Хендерсону Джеймсу сидеть на склоне насыпи, прислушиваясь к шелесту листьев, хныканью клаксона и лаю собаки?

Случилось что-то неладное. Если бы только он вспомнил, что именно, то понял бы все.

Нужно что-то сделать.

Он сидел, вглядываясь в темноту, и вдруг почувствовал, что его знобит, хотя ночь была теплой. Из-за насыпи

доносился шум ночного города, скрип шин удалявшегося автомобиля и приглушенный ветром гудок, какой-то человек прошел рядом по улице, и Джеймс прислушивался к звукам его шагов, пока они не утихли совсем.

Что-то случилось. Он должен что-то сделать. Он уже начал это делать, но какое-то необъяснимое происшествие помешало ему, привело его сюда на насыпь.

Он проверил, все ли в порядке. Одежда – шорты, рубашка, ботинки на толстой подметке, часы и сбоку в кобууре револьвер.

Револьвер!

Ему нужен был револьвер.

Он охотился за кем-то, охотился с оружием.

Искал кого-то, кто затаился в темноте, кого надо убить.

И тут он вспомнил. Вспомнил – и удивился странному, методичному, шаг за шагом продвигающемуся вперед способу мышления, вернувшему ему память. Сначала имя и основные сведения о себе. Потом осознание того, где он находится, и вопрос, почему он здесь. И, наконец, револьвер и мысль о том, что им нужно воспользоваться. Логический способ мышления, совсем как в букваре.

Я человек.

Я живу в доме на Саммит-авеню.

Дома ли я сейчас?

Нет, я где-то на насыпи.

Почему я здесь?

Ведь обычно человек рассуждает не так. По крайней мере, нормальный человек так думать не станет. Человек мыслит обрывками фраз, преодолевает преграды, а не обходит их.

Оно страшновато, такое мышление «в обход», неестественно, неправильно и совершенно бессмысленно. Но ведь не менее бессмысленно и то, что он очутился здесь и совершенно не помнит, как попал сюда.

Джеймс медленно встал и ощупал себя. Его одежда не испачкана — она чиста и не измята. Его не избили и не выбросили из машины — на теле ссадин нет, лицо не повреждено, и чувствует он себя неплохо.

Ухватившись за ремень, он сдвинул кобуру на бок, затем вынул револьвер и проверил его своими ловкими и умелыми пальцами. Револьвер был в полном порядке.

Джеймс поднялся по склону насыпи, нетвердой походкой пересек дорогу и ступил на тротуар, тянувшийся вдоль ряда новых одноэтажных домов с верандами. Услышав шум приближающегося автомобиля, он сошел с тротуара и спрятался за кустами. Он сделал это несознательно, и ему стало немного стыдно своего поступка.

Машина проехала мимо, и никто не заметил его. Он понял, что его не заметили бы, даже если бы он остался на тротуаре.

Ему не хватает уверенности в себе. Вот в чем дело. В его жизни есть пробел — таинственное происшествие, которое он не может вспомнить. Это и подорвало твердую и прочную основу всего его существования, сделало его поступки бессмысленными, мгновенно превратило его в пугливое животное, которое бежит и прячется при виде человека.

Это и что-то еще, заставившее его думать «в обход».

Он все еще сидел в кустах, следил за улицей и тротуаром, не теряя из виду белые, призрачные дома с их палисадниками.

Пуудли сбежал, вот почему Джеймс прячется в палисаднике перед домом мирно спящего и ничего не подозревающего горожанина, вооруженный револьвером, готовый помериться умом, силой и ловкостью с самым кровожадным и злобным существом, обнаруженным в Галактике.

Любой пуудли опасен. Его нельзя держать у себя. Существует даже закон, запрещающий держать не только пуудли, но и ряд других инопланетных животных, гораздо менее опасных, чем пуудли. Закон этот вполне справедлив, и никто – прежде всего он сам – не станет его оспаривать.

А теперь пуудли на свободе и прячется где-то в городе.

Джеймс похолодел при одной мысли об этом, представив себе, что может произойти, если он не выследит этого инопланетного зверя и не прикончит его.

Хотя вряд ли можно назвать пуудли зверем. Он больше, чем зверь. Насколько больше, Джеймс как раз и собирался выяснить. По правде говоря, он узнал немного, далеко не все, что можно узнать; однако и этого оказалось вполне достаточно, чтобы привести его в ужас. Прежде всего он увидел, какой может быть людская ненависть, и убедился, до чего же она мелка, если постигнуть глубину, силу и дикую кровожадность ненависти пуудли. Это не слепая ненависть, бессмысленная и непоследовательная, которая ведет к поражению, а разумная, расчетливая, целенаправленная. Она приводит в движение умную, разящую без промаха машину, натравливая хитрого и кровожадного зверя на любое живое существо, не являющееся пуудли. Поведение пуудли подчинено закону самосохранения, заставляющему его опасаться всех и каждого. Он

понимает этот закон так: безопасность гарантируется только... смертью всех других живых существ. Чтобы совершить убийство, пуудли не требуется никакого повода. Достаточно того, что другое существо живет, движется, этим самым оно представляет угрозу – пусть даже самую незначительную – для пуудли.

Конечно, это безумие, какой-то бессмысленный инстинкт, давно и глубоко укоренившийся в сознании пуудли. Впрочем, может быть, он лишен смысла не более, чем многие людские представления?

Пуудли давал, да и сейчас предоставляет ученым уникальные возможности для изучения поведения инопланетных существ. Получив разрешение, можно было бы наблюдать за пуудли на их собственной планете. Не имея такой возможности, легко наделать глупостей, а это может повлечь за собою серьезные последствия.

Джеймс похлопал рукой по кобуре, как будто револьвер – гарантия того, что он справится с поставленной задачей. Ему было ясно, что следует предпринять: он должен найти пуудли и убить его еще до наступления утра. Ведь пуудли начнет размножаться. Он уже давно готовился к этому, и теперь оставались считанные часы до появления на свет десятков его детенышей. Пуудли размножается почкованием. Через несколько часов после того, как раскроются почки на его теле, маленькие пуудли разбегутся в разные стороны. Они вырастают очень быстро, и если крайне трудно захватить одного пуудли, скрывающегося где-то во чреве громадного спящего города, то обнаружить и изловить его многочисленных детенышей просто невозможно.

Итак, сегодня или никогда!

Сегодня пуудли не станет убивать каждого встречного. Сейчас зверю необходимо лишь одно — найти укромное место, где он мог бы без помех посвятить себя воспроизведению потомства.

Пуудли хитер. Он наверняка выбрал себе убежище еще до того, как совершил побег. Он не стал бы терять драгоценное время на поиски подходящего места и на запутывание следов. Пуудли точно знал, куда надо идти, и теперь он давно там. Почки выступают на его теле, увеличиваясь и набухая.

Во всем городе есть только одно место, где инопланетное животное может укрыться от любопытных глаз. И человеку, и пуудли нетрудно догадаться, где оно. Но вот вопрос: знает ли пуудли, что человек может его обнаружить? Может быть, пуудли недооценивает человека? Или, наоборот, зная, что человек способен разгадать его план, попробует укрыться в другом месте?

Джеймс выбрался из кустов и пошел по тротуару. На углу при мерцающем свете фонаря он прочитал название улицы. Оказывается, цель ближе, чем можно было надеяться.

* * *

В зоопарке царила тишина, и только время от времени раздавался леденящий душу вой, от которого волосы становились дыбом.

Перебравшись через ограду, Джеймс задержался, стараясь определить, какое именно животное так чудовищно воет. Но это ему не удалось. По всей вероятности, решил он, какой-нибудь из новых экземпляров. Просто невоз-

можно запомнить всех обитателей зоопарка – все время поступают новые, ранее неведомые существа, доставляемые с далеких планет.

Прямо перед Джеймсом находилась пустующая, огражденная рвом клетка, которую еще день или два назад занимало необыкновенное чудовище, пойманное в джунглях одного из Арктианских миров. Джеймс содрогнулся при одном воспоминании о звере. В конце концов его пришлось прикончить.

А теперь там прячется пуудли... Впрочем, может быть, его там нет и он скрывается где-нибудь в другой клетке. Зоопарк – единственное место в городе, где пуудли не привлечет особого внимания. Здесь много редких животных, и еще одно необычное существо вызовет лишь мимолетное удивление. Его могут и не заметить, если только какой-нибудь служитель зоопарка не вздумает проверить списки. В этой пустующей клетке пуудли сможет без помех заняться воспроизведением потомства. Никто не потревожит его, ведь существа, подобные пуудли – обычные обитатели этого зоопарка, предназначенного для животных, доставляемых сюда с научной целью или для забавы жестоких людей.

Джеймс тихо стоял у ограды.

Хендерсон Джеймс. Тридцать шесть лет. Холост. Психолог, изучающий инопланетных животных. Научный сотрудник этого зоопарка. Нарушитель закона, добывший и укрывавший инопланетное существо, запрещенное на земле.

Почему он так думает о себе? Ведь все это ему отлично известно... Нет никакой необходимости именно сейчас заполнять эту бесполезную анкету.

Глупо было затевать всю эту историю с пуудли. Джеймс вспомнил те долгие часы, когда он боролся с собой, обдумывая, какие ужасные последствия она может повлечь за собой. Если бы этот старый пират-космонавт не забрел к нему и не проболтался за бутылкой вина, что за определенную, довольно кругленькую сумму он может доставить живого и невредимого пуудли, ничего бы не случилось. Сам Джеймс, конечно, никогда бы до этого не додумался. Он знал старого капитана и ценил его по прежним сделкам. Это был человек, не брезгующий никаким заработком, но, несмотря на это, вполне надежный. Он не возьмет денег зря и будет держать язык за зубами.

Джеймсу был необходим этот очень интересный зверь пуудли. Разгадав некоторые особенности его поведения, можно сделать необыкновенно ценные научные открытия, вписать новые главы в трагическую книгу изучения инопланетной жизни.

Тем не менее он совершил ужасный проступок, и теперь, когда животное оказалось на свободе, его ужас удвоился. Ведь вполне вероятно, что бесчисленное потомство сбежавшего пуудли способно истребить весь людской род или по крайней мере сделать землю непригодной для ее обитателей. Злая воля и клыки зверя превратят землю с ее многомиллионным населением в поле сражения. Пуудли будут убивать не потому, что голодны или кровожадны. Просто они твердо убеждены, что не могут чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока на земле есть хоть какая-нибудь жизнь. А за свою жизнь они будут драться, как загнанная в угол крыса... Разница лишь в том, что в угол их загнало собственное воображение.

Пока отряды добровольцев станут разыскивать пуудли, те успеют разбежаться во все стороны, будут остерегаться всего – ловушек, яда и пуль. Их будет становиться все больше и больше, потому что каждый из них ускорит почкование, и на место убитого зверя встанут десятки и сотни новых пуудли.

Джеймс осторожно подошел к краю рва и спрыгнул на грязное дно. После смерти чудовища воду из рва спустили, но дно еще не вычистили. «Должно быть, слишком много другой работы», – подумал Джеймс.

Он медленно продвигался по дну, шлепая по жидкой грязи. Наконец ему удалось добраться до скалистого выступа, ведущего на Островок.

Животное перестало выть, и наступило гробовое молчание. Джеймс остановился, ухватившись руками за мокрые камни, и прислушался, задержал дыхание, боясь нарушить тишину. Вскоре он стал различать шорох насекомых в кустах и в траве, шелест листьев на деревьях по ту сторону рва и далекий нестройный гул спящего города.

Сейчас впервые ему стало по-настоящему страшно. Опасными казались и обманчивое молчание, и грязь под ногами, и скалистые глыбы, вздымающиеся над рвом.

Пуудли опасен не только тем, что он ловок и силен. Он умен. Насколько умен, Джеймс точно не знал. Ему было известно, что зверь умеет рассуждать, способен строить планы и разговаривает, правда, не как человек... Но, может быть, даже лучше. Он объясняется не только с помощью слов. Он гипнотизирует свои жертвы, заволаживает грезами и видениями, а затем перегрызает им горло. Он может усыпить человека, парализовать его способность к дей-

ствию. Пуудли способен довести человека до безумия, внушив ему одну лишь мысль, столь необычную и мерзкую, что она помрачит сознание человека, лишит его волю упругости, как сломанную пружину.

Зверь должен был бы дать приплод уже давно, но он откладывал почкование до дня побега. Только теперь Джеймс понял, что пуудли решил отомстить Земле, подчинить ее своей власти. Он предусмотрел все, каждую мелочь и не станет церемониться с теми, кто попытается ему помешать.

Джеймс опустил руку в карман и нащупал револьвер. Он невольно стиснул зубы и неожиданно ощутил в себе легкость и силу, которых ему недоставало раньше. Он начал карабкаться вверх по скале, осторожно цепляясь за выступы, затаив дыхание, прильнув к камню. Быстро, ловко и бесшумно, ведь он должен взобраться раньше, чем пуудли заметит его приближение.

Сейчас пуудли ослабил внимание. Он поглощен одним — воспроизведением потомства, которому предстоит начать жестокую, беспощадную войну, в результате которой чужая планета станет безопасной только для пуудли.

Конечно, если он здесь.

Рука Джеймса нащупала траву, пальцы впились в землю, и он подтянулся, преодолев последние футы.

Лежа на невысоком бугорке, Джеймс напряженно прислушивался к малейшему шороху, внимательно вглядывался в каждую пядь земли. Кромешная темнота, заполнявшая ров, кончилась. Теперь слабый свет фонарей на дорожках зоопарка освещал и островок. Следовало особенно опасаться темных уголков.

Медленно, дюйм за дюймом, Джеймс продвигался вперед, напряженно вглядываясь в темноту, прежде чем двинуться дальше. Он прислушивался к каждому шороху, присматривался к любому подозрительному выступу или бугорку, не похожему на камень, куст или даже на траву, и крепко сжимал револьвер. Джеймс готов был спустить курок в любое мгновение.

Минуты тянулись как часы. Глаза болели от напряжения. Легкость, которую он до сих пор ощущал, покинула его; осталась одна решимость, натянутая как тетива лука. Предчувствие неудачи постепенно овладело им, а вслед за тем пришло ясное представление о том, что может означать поражение не только для всего человечества, но и для престижа гордого Хендерсона Джеймса. Теперь, реально столкнувшись с возможностью неудачи, он стал обдумывать план действий на случай, если пуудли не окажется в зоопарке, и его не удастся уничтожить.

Придется уведомить власти, поднять на ноги полицию, просить газеты и радио известить население об опасности. Он сам окажется в положении человека, из тщеславия и гордыни поставившего под угрозу существование людей на их планете.

Ему, конечно, не поверят, поднимут на смех и будут смеяться до тех пор, пока смех не захлебнется в крови. Джеймс покрылся испариной при одной мысли о том, что произойдет с этим городом, да и со всем миром, прежде чем люди узнают правду.

Пуудли стоял прямо перед Джеймсом, не более чем в шести футах: он поднялся со своего ложа у куста. Джеймс вскинул револьвер, прижав палец к курку.

«Подожди, – стал внушать ему пуудли. – Я пойду с тобой».

Но Джеймс уже спустил курок, и револьвер дрогнул у него в руке.

– Слишком поздно, – сказал он пуудли. – С этого надо было начать. Ты потерял драгоценное время. Воспользуйся ты этим раньше, я был бы твой».

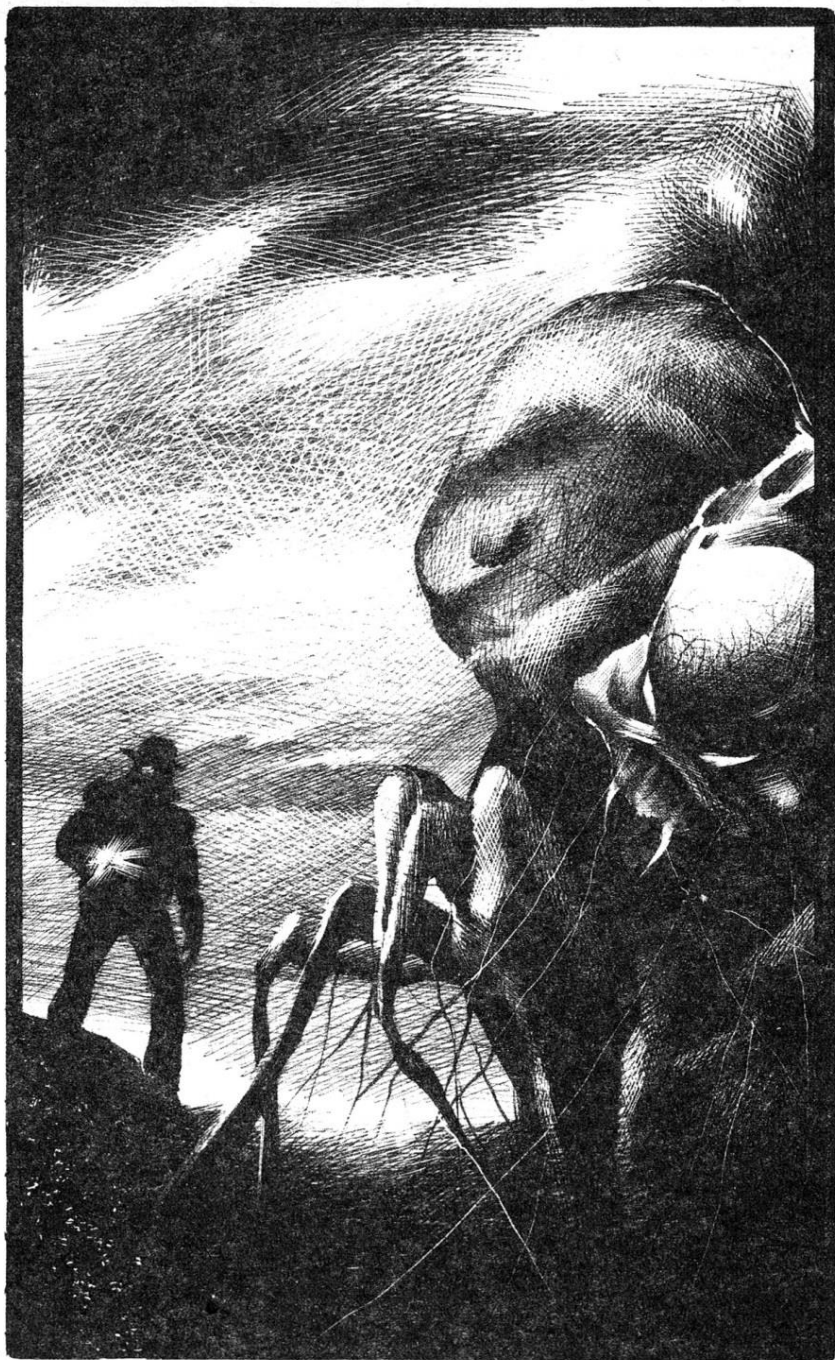
В ту же секунду его захлестнула волна ужаса. Мгновенно перед ним возникло и исчезло страшное видение, способное свести с ума своей непристойностью.

«Все вышло очень просто, – подумал Джеймс. – Гораздо проще, чем я предполагал. Пуудли мертв или умирает. Земля, с миллионами ее ничего не подозревающих обитателей, спасена. А главное, спасен я сам, Хендерсон Джеймс... спасен от унижения, от позора». Чувство облегчения охватило Джеймса. Он испытывал легкую усталость, спокойствие и слабость.

«Дурак, – невнятно бормотал умирающий пуудли, – дурак, получеловек, двойник...»

Смерть оборвала его слова. Джеймс видел, как жизнь покинула пуудли, и тело его стало бездыханным.

Джеймс медленно поднялся на ноги. Ему показалось, что он теряет рассудок. В первый момент Джеймс пробовал объяснить это чувством страха, который хотел внушить ему умирающий пуудли.

Пуудли пытался одурачить его. Увидев оружие, зверь попробовал сбить Джеймса с толку. Пуудли необходимо было выиграть время, чтобы внушить своему убийце сводящую с ума мысль, лишь на мгновение возникшую в его сознании. Если бы Джеймс заколебался хоть на одну секунду, он сам был бы теперь мертв. Если бы он помедлил хоть одно мгновение, было бы уже поздно.

Пуудли должен был знать, что Джеймс станет разыскивать его именно здесь, в зоопарке, но зверь, видимо, так глубоко презирал человека, что все же пришел сюда. Он даже не дал себе труда выследить своего убийцу, не подкрался к нему первым, дождался, пока тот едва не наткнулся на него.

Очень странно. Ведь благодаря своим мистическим способностям пуудли должен был знать о каждом шаге Джеймса. После своего побега зверь наверняка непрерывно следил за всеми его поступками и мыслями. Джеймс знал об этой способности пуудли... Но почему же эта мысль только сейчас пришла ему в голову?

«Что со мной? — подумал он. — Здесь что-то не так. Я должен был знать, что не застигну пуудли врасплох, и все же забыл об этом. А главное, я действительно застал его врасплох, иначе он без труда прикончил бы меня после того, как я выбрался из рва».

«Дурак, — говорил пуудли. — Дурак, получеловек, двойник...»

Двойник!

Он ощутил, как сила, уверенность и твердое убеждение в том, что он, Хендерсон Джеймс, человек, начинают покидать его.

Будто кто-то оборвал нитку, и он, как беспомощная марионетка, растянулся на сцене.

Значит, вот почему Джеймсу удалось застигнуть пуудли врасплох!

Существуют два Хендерсона Джеймса. Пуудли поддерживал связь с одним из них, настоящим, подлинным Хендерсоном Джеймсом. Зверь следил за каждым его шагом и понимал, что с его стороны ему ничего не угрожает. Пуудли не подозревал о существовании второго Хендерсона Джеймса, подкравшегося к нему в темноте.

Хендерсон Джеймс – двойник!

Хендерсон Джеймс, созданный лишь на время!

Хендерсон Джеймс живет сегодня и умрет завтра. Ведь его наверняка убьют. Подлинный Хендерсон Джеймс не позволит ему продолжать свое существование, а даже если бы он и не возражал, другие не допустят этого. Двойников изготавливают лишь на очень короткое время, в случае особой необходимости, и известно, что их уничтожают, едва только они выполняют свое дело.

Уничтожают... Да, именно так. Убирают с дороги, с глаз долой. Убивают безжалостно, как цыплят.

Он прошел вперед, опустился на одно колено перед пуудли и в темноте провел рукой по телу зверя. Оно было покрыто бугорками – набухшими почками, которым уже не суждено раскрыться и выкинуть выводок отвратительных детенышей.

Джеймс встал.

Дело сделано. Пуудли убит, убит до того, как он произвел на свет свое ужасное потомство.

Дело сделано, и он может идти домой.

Домой? Конечно, это ему и внушили. Они ждут, что он так и сделает. Пойдет домой, вернется на Саммит-авеню, где его караулят палачи. Добровольно и с легким сердцем пойдет навстречу смерти.

Дело сделано, и он больше не нужен. Его создали для выполнения определенного задания, и теперь оно завершено. Час назад он играл важную роль в планах людей, а сейчас в нем больше не нуждаются. Он лишний, он – помеха. Его устроят спокойно, без шума и даже с удовольствием. Ведь все сошло так благополучно!

«Но постой, – сказал он себе. – Может быть, ты вовсе не двойник? Ты же не чувствуешь себя двойником!»

Ну, конечно! Он чувствует себя Хендерсоном Джеймсом. Он живет на Саммит-авеню. Он незаконно держал на земле животное, называемое пуудли, чтобы наблюдать его, разговаривать с ним, проверить ряд функций его инопланетного организма, попытаться определить уровень его умственного развития, границы, глубину и степень его отличия от человека. Нет сомнений, он совершил глупость. Но в свое время все это казалось важным по многим причинам.

«Я человек, – подумал он, – и это неопровержимый факт. Но ведь это ничего не меняет. Хендерсон Джеймс – человек, и его двойник должен быть таким же человеком, потому что двойник ни в чем существенном не отличается от человека, по образу и подобию которого он изготовлен.

Ни в чем существенном, кроме кое-каких мелочей. Как ни велико сходство с образцом, какой бы совершенной ни была копия, двойник все-таки другой человек. Он способен мыслить и приобретать знания, и через некоторое

время полностью уподобится своему прототипу... Но для этого необходимо время. Время, чтобы полностью разобраться в себе, чтобы освоить знания и опыт, заложенные в его сознании, и установить правильное соотношение между ними. Сначала он будет двигаться на ощупь и искать, пока не натолкнется на знакомые предметы. Он должен узнать себя, разобраться в себе. Только тогда ему удастся, протянув руку в темноте, сразу же коснуться нужного предмета».

Ведь именно так он и поступал. Сначала он пользовался лишь элементарными понятиями и фактами:

«Я человек.

Я на планете Земля.

Я Хендерсон Джеймс.

Я живу на Саммит-авеню.

Нужно что-то сделать».

Теперь он вспомнил, сколько потребовалось времени, прежде чем он догадался, что же именно нужно сделать.

Даже теперь множество веских причин, заставивших человека, рискуя собственной головой, изучать столь злобную тварь, как пуудли, оставались скрытыми во все еще окутанных мраком тайниках его сознания. Причины были, в этом он уверен, и вскоре вспомнит, какие именно.

Будь он истинным Хендерсоном Джеймсом, то знал бы их сейчас; они были бы частью его самого, частью его жизни. Их не нужно было бы так тщательно искать.

Конечно, пуудли догадался, причем безошибочно, что существуют два Хендерсона Джеймса. Ведь он следил за одним из них, когда появился другой. Любое существо, даже с гораздо более низким уровнем умственного развития, без труда поняло бы это.

«Не заговори пуудли, я бы никогда не узнал правды, — подумал он. — Если бы зверь умер сразу, я бы ничего не узнал и сейчас уже не возвращался бы домой на Саммит-авеню».

Джеймс стоял, одинокий и опустошенный, на островке, окруженном рвом, и ощущал привкус горечи во рту.

Джеймс тронул мертвого пуудли ногой.

— Прости меня, — сказал он коченеющему труп. — Я раскаиваюсь теперь. Я не стал бы убивать тебя, если бы знал правду.

С высоко поднятой головой он пошел прочь.

* * *

Прячась в тени, он остановился на углу. В середине квартала, на другой стороне улицы, стоял его дом. В одной из комнат наверху горел свет. Фонарь у калитки сада освещал дорожку, ведущую к двери.

Дом как будто ждал возвращения хозяина. Да, так оно и было в действительности. Старая хозяйка ждет, тихо покачиваясь в скрипучем кресле, сложив руки на коленях... с револьвером, спрятанным под шалью.

Он горько усмехнулся, посмотрев на дом. «За кого они меня принимают? — подумал он. — Поставили ловушку на виду у всех и даже не позаботились о приманке». И тут он вспомнил; они ведь и не подозревают, что он узнал правду. Они уверены, что он считает себя настоящим и единственным Хендерсоном Джеймсом. Они, конечно, ждут, что он придет сюда, не сомневаясь, что возвращается к себе домой. Они не могут представить себе, что он обнаружил истину.

Что ему теперь делать? Теперь, когда он стоит рядом с домом, где его ждут убийцы?

Его создали и наделили жизнью для того, чтобы выполнить то, чего настоящий Хендерсон Джеймс не решался или не хотел сделать. Он совершил убийство потому, что тот Джеймс не захотел марать себе рук или рисковать своей шкурой.

А может быть, причина вовсе не в этом? Ведь только два человека могут справиться с пуудли. Один должен обмануть бдительность зверя, а другой тем временем подкрасться к нему и убить.

Так или иначе, его изготовили за кругленькую сумму по образу и подобию Хендерсона Джеймса. Мудрость человеческих знаний, волшебство техники, глубокое понимание законов органической химии, физиологии человека и таинств жизни создали второго Хендерсона Джеймса. Учитывая чрезвычайность обстоятельств, например, нарушение общественной безопасности, в этом нет ничего незаконного. Его, наверно, изготовили именно под этим предлогом. Однако по существующим условиям двойник после того, как он выполнил намеченное задание, должен быть устранен.

Обычно это не представляет особых трудностей, ведь двойник не знает, что он двойник. Он уверен, что он настоящий человек. У него нет никаких подозрений, никаких предчувствий гибели, он не видит никаких причин опасаться смерти, ожидающей его.

Двойник нахмурился, пытаясь осмыслить случившееся. Ну и этика у них!

Он жив, и он хочет жить. Жизнь оказалась слишком

сладкой, слишком прекрасной, чтобы вернуться в небытие, из которого он пришел... Или он уже не вернется туда? Теперь, когда он узнал жизнь, теперь, когда он жив, разве он не может надеяться на загробную жизнь, как и всякий другой? Разве он не имеет права, подобно любому человеку, цепляться за призрачные и манящие обещания религии? Он попытался вспомнить, что ему известно об этом, но не смог. Позже удастся вспомнить больше. Позже он будет знать все. Нужно лишь привести в порядок и активизировать знания, полученные от настоящего Джеймса.

В нем проснулся гнев — нечестно дать ему лишь несколько коротких часов жизни, позволив понять, как она прекрасна, и сразу же отнять ее. Это больше, чем простая человеческая жестокость. Это порождение антигуманных отношений машинного общества, оценивающего действительность лишь с материальной, механической точки зрения и безжалостно отбрасывающего все, что не укладывается в эти рамки.

«Жестокость в том, что меня вообще наделили жизнью, а не в том, что ее хотят отобрать», — подумал он.

Во всем, конечно, виноват настоящий Хендерсон Джеймс. Это он достал пуудли и позволил ему сбежать. Из-за его халатности и неумения исправить ошибку пришлось создать двойника.

И все-таки, может ли он осуждать его?

Не должен ли он благодарить Джеймса за эти несколько часов, за счастье узнать, что такое жизнь? Хотя он никак не мог решить, стоит ли это счастье благодарности.

Он стоял, глядя на дом. В кабинете рядом со спальней хозяина горела лампа. Там настоящий Хендерсон Джеймс

ждал известия о смерти своего двойника. Легко сидеть и ждать, сидеть и ждать известия, которое придет наверняка. Легко приговорить к смерти человека, которого ты никогда не видел, даже если он как две капли воды похож на тебя.

Труднее решиться убить, когда столкнешься с ним лицом к лицу... Труднее убить человека, который в силу обстоятельств ближе тебе, чем родной брат, человека, который почти буквально плоть от плоти твоей, кровь от крови твоей, мозг от мозга твоего.

Не нужно забывать и о практической стороне дела; об огромном преимуществе работать с человеком, думающим так же, как и ты, являющимся почти что твоим вторым «я». Как будто ты существуешь в двух лицах.

Все это можно устроить. Пластическая операция и плата за молчание могут изменить двойника до неузнаваемости. Немного бюрократической волокиты, немного обмана... Но все же вполне осуществимо.

Если повезет, можно проникнуть в кабинет. Для этого нужно лишь немного силы, ловкости и уверенности в победе. Вдоль стены проходит кирпичный дымоход, закрытый снизу кустами и маскируемый растущим деревом. Можно забраться наверх по его неровному кирпичному фасаду, подтянуться и влезть в открытое окно освещенной комнаты.

И когда настоящий Хендерсон Джеймс окажется лицом к лицу со своим двойником, может произойти все что угодно. Двойник уже не будет безличной силой. Он станет человеком, человеком очень близким образцу, по которому он изготовлен.

Те, кто ждет его, следят только за парадным входом. Если действовать тихо, то не успеют они и глазом моргнуть, как он проникнет в сад и бесшумно взберется в комнату по дымоходу.

Он снова спрятался в тень и задумался; можно влезть в комнату, встретиться с настоящим Джеймсом и рискнуть договориться с ним или просто скрыться... убежать, спрятаться и, выждав удобный случай, убраться подальше, на какую-нибудь отдаленную планету.

И тот, и другой пути рискованны. Выбери он первый, то выиграет или проиграет в течение часа, а если выбрать второй – тогда, пожалуй, придется ждать несколько месяцев в постоянной опасности и неуверенности.

Что-то тревожило его. Какое-то назойливое незначительное обстоятельство беспокоило его, но он не мог вспомнить, какое именно. Может быть, оно и важно, а может, это случайный, ищущий своего места обрывок каких-то сведений.

Он мысленно отбросил его.

Долгий или короткий путь?

Еще мгновение он постоял в нерешительности, а потом быстро пошел по улице, ища место, где можно было бы перейти на другую сторону незамеченным.

Он выбрал краткий путь.

* * *

Комната была пуста.

Он неподвижно стоял у окна, бегали только его глаза, обыскивая каждый угол, все еще не веря тому, что не могло быть правдой... Хендерсон Джеймс не сидел в комнате в ожидании известий о двойнике.

Потом он быстро прошел к двери спальни и настежь распахнул ее. Нащупал выключатель и включил свет. Спальня и ванная были пусты; он вернулся в кабинет.

Он стоял, прислонившись к стене, лицом к двери, ведущей в прихожую, и медленно, шаг за шагом, осматривал комнату, приспособляясь к ней, узнавая ее форму и очертания, чувствуя, как им все больше и больше овладевает приятное чувство собственности.

Книги, камин, заставленный сувенирами, кресла, бар... Все это принадлежит ему, так же как тело и мысли.

«Я бы лишился всего этого, так никогда и не узнав, если б пуудли не посмеялся надо мной, — подумал он. — Я бы так и умер, не найдя своего места в мире».

Глухо зазвонил телефон. Он испугался, словно кто-то посторонний ворвался в комнату и лишил его чувства собственности, владевшего им.

Телефон зазвонил снова. Он взял трубку.

— Джеймс слушает, — сказал он.

— Это вы, мистер Джеймс?

Говорил садовник Андерсон.

— Ну, конечно, — сказал двойник. — Кто же еще?

— Здесь какой-то парень уверяет, что он — это вы.

Хендерсон Джеймс, двойник, замер на месте. Его рука так сильно сжала трубку, что он даже удивился, почему она не разлетелась на куски.

— Он одет так же, как и вы, — сказал садовник, — А я знаю, что вы пришли. Помните, я еще говорил с вами: сказал, что не нужно этого делать. Не нужно, пока мы ждем эту... эту тварь.

— Да, — ответил двойник и сам удивился спокойствию своего голоса. — Да, я помню наш разговор.

– Но, сэр, как же вы вернулись?

– Я прошел черным ходом.

– Но он одет так же, как и вы.

– Конечно. А как же иначе, Андерсон?

Это было вовсе не обязательно, но Андерсон был не слишком- то сообразителен, да и вдобавок сейчас немного расстроен.

– Вы же помните, что мы говорили об этом, – произнес двойник.

– Да, сэр, – подтвердил Андерсон. – И вы велели мне сообщить вам, проверить, у себя ли вы.

– Вы проверили, что я здесь.

– Тогда это он?

– Ну, конечно, – сказал двойник, – Кто же еще?

Он положил трубку и стал ждать. Через минуту раздался приглушенный, похожий на кашель звук выстрела. Он опустился в кресло, потрясенный поворотом событий. Теперь он в полной безопасности.

Скоро он переоденется, спрячет свою одежду и револьвер. Слуги, конечно, не станут ни о чем спрашивать, но лучше не возбуждать никаких подозрений.

Он почувствовал, что успокаивается, и позволил себе оглядеть комнату, книги и обстановку; изящный, приятный и заслуженный комфорт человека с положением.

Он мягко улыбнулся и произнес:

– Как будет хорошо!

Все вышло так просто; сейчас все кажется до смешного легким, потому что он так и не увидел человека, подошедшего к двери. Легко убить человека, которого ты никогда не видел.

С каждым часом он все больше и больше будет привыкать к характеру, доставшемуся ему по праву наследства. Через некоторое время уже никто, даже он сам, не усомнится, что он и есть Хендерсон Джеймс.

Снова зазвонил телефон. Он встал и снял трубку.

Вежливый голос сказал:

— Говорит Аллен, из лаборатории двойников. Мы еще не получили от вас никаких известий.

— Да, — сказал Джеймс. — Я...

— Я просто хочу сказать вам, чтобы вы не беспокоились. Я совершенно упустил это из виду.

— Да.

— Этот экземпляр мы изготовили по-новому — впрыснули ему медленно действующий яд. Еще одна предосторожность. По всей вероятности, излишняя, но нам нужна полная гарантия. Так что не беспокойтесь, если он не появится.

— Я уверен, что он придет.

Аллен захихикал и добавил:

— Двадцать четыре часа. Как мина, как запал.

— Спасибо, что вы сообщили мне об этом.

— Рад стараться. Спокойной ночи, мистер Джеймс.

НА ЗЕМЛЮ ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ

Филберт заблудился. К тому же он был напуган. Это обстоятельство настораживало само по себе, потому что Филберт был роботом, а роботам эмоции неведомы.

Некоторое время Филберт обдумывал создавшееся положение, пытаясь разобраться в своих чувствах. Однако логики в них он так и не усмотрел.

Вокруг простиралась мертвая пустыня – все, что осталось от Старой Земли. Высоко над головой в иссиня-черном небе тускло светило кирпичное Солнце – атмосфера почти исчезла, и звезды сверкали нестерпимо ярким блеском. Хилая растительность, тщетно цепляющаяся за жизнь в мире, где жизни почти не было, казалось, сжималась от страха перед чувством врожденной бесплодности своих усилий.

Филберт вытянул правую ногу, и она скрипнула – коленный сустав вышел из строя уже много часов назад. В него попал песок – очевидно, когда Филберт упал и повредил плоскость ориентировки. Потому-то он и заблудился. Тремя глазами, расположенными в верхней части головы, Филберт внимательно изучал звезды.

– Как жаль, что я ничего не знаю о созвездиях, – произнес он скрипучим от недостатка смазки голосом. – Босс утверждал, что люди пользовались ими для навигации. Впрочем, нет смысла принимать желаемое за действительное.

Ну, вот что: если он не найдет масла, ему конец. Только бы вернуться назад, к изуродованному космолету, внутри которого лежало такое же изуродованное челове-

ческое тело. Там для него нашлось бы вдоволь масла. Но он не мог вернуться, потому что не имел представления о месте катастрофы.

Ему оставалось только брести вперед в надежде отыскать затерянный в пустыне космический порт. Раз в месяц пассажирские лайнеры доставляли на Землю паломников и туристов, стремящихся взглянуть на старые храмы и памятные места первой обители человечества. Кто знает, может быть, ему удастся набрести на одно из примитивных племен, все еще живущих на Старой Земле.

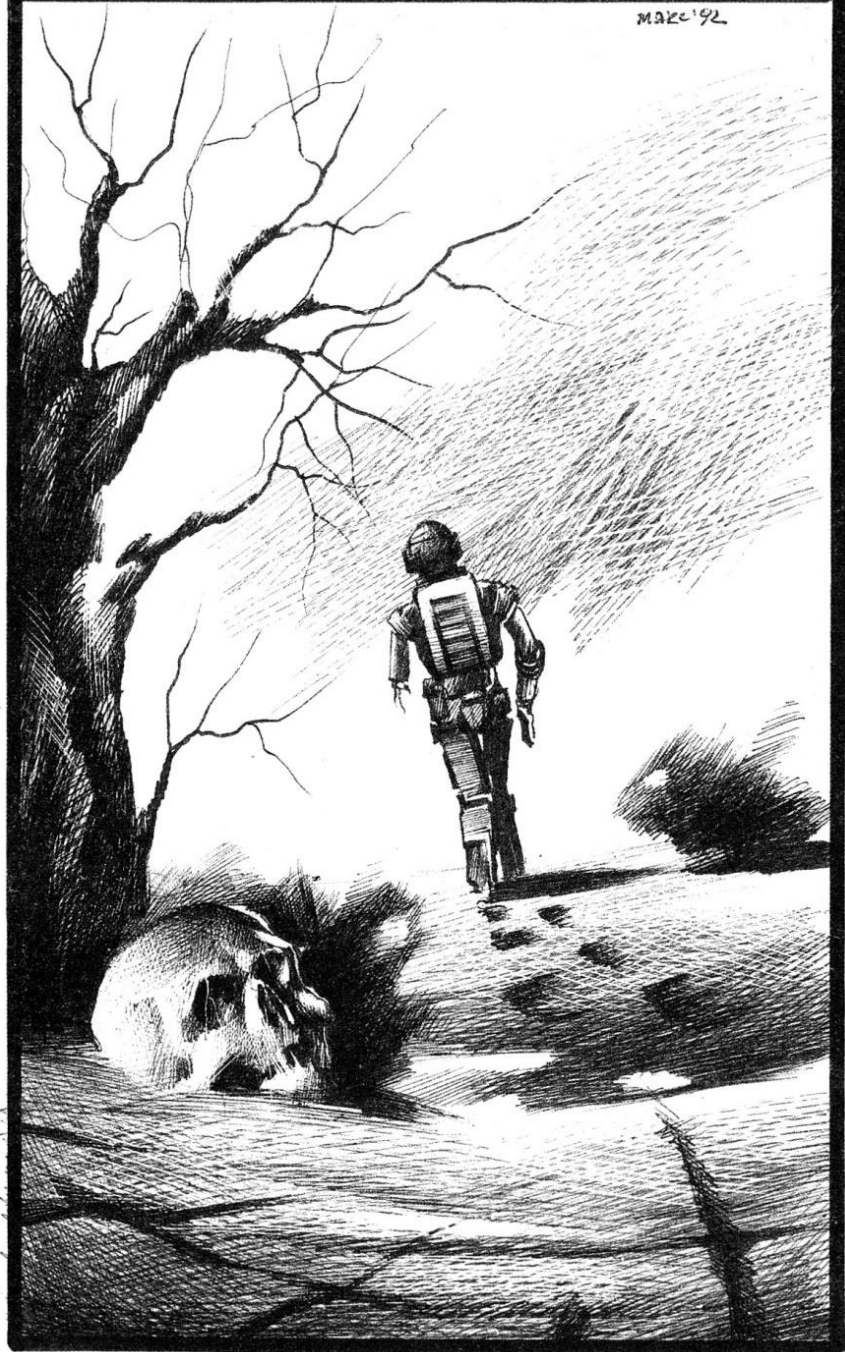
Филберт продолжал идти, скрипя правым коленом. Солнце медленно опускалось на западе, и на смену ему вставала Луна – чудовищный, изрытый оспинами мир. Тень Филберта скользила впереди, пересекая вместе с ним выветрившиеся, изъеденные временем горы, горбившиеся дюнами пустыни и белое от солончаков дно моря. Ни души вокруг.

Скрип в колене становился все сильнее. Наконец Филберт остановился, разобрал левый коленный сустав и наскреб из него немного смазки для больного колена. Через несколько дней скрипели уже оба колена. Тогда он разобрал руки – сначала одну, потом другую, и выбрал из них все оставшееся масло. Неважно, что руки выйдут из строя, лишь бы ноги продолжали двигаться!

Но затем заныло бедро, вслед за ним – другое, и наконец свело лодыжки. Филберт заставлял себя идти вперед, еле действуя высохшими суставами и с трудом сохраняя равновесие.

Он наткнулся на лагерь, оставлений людьми – живой источник иссяк, и в поисках воды племя перекочевало в другое место.

MAK-92

Теперь Филберт уже волочил правую ногу, и страх не покидал его.

– Я схожу с ума, – простонал он. – Меня преследуют видения, а это случается только с людьми. Только с людьми...

Его голосовой аппарат захрипел, задребезжал, связки заклинило. Нога подломилась, и он пополз. Но когда руки отказались ему повиноваться, Филберт бессильно распростерся на песке. Струйки песка с шипением ударялись о его металлический корпус.

– Кто-нибудь меня найдет, – прохрипел он.

Но никто его не нашел. Филберт ржавел и с течением времени превратился в развалину. Сначала отказал слух, затем потухли глаза, от металлического корпуса отлетали тускло-рыжие чешуйки. Однако внутри мозговой коробки, герметически закрытой и автоматически смазываемой, мозг Филберта продолжал выполнять свою функцию.

Робот все еще жил, вернее, существовал. Он не мог двигаться, слышать, видеть, говорить – он был всего лишь вместилищем неустанно работающих мыслей. И если продолжительность человеческой жизни составляла примерно десять тысяч лет, то жизнь робота мог оборвать только несчастный случай.

Шли годы. Века постепенно складывались в тысячелетия. А Филберт послушно продолжал думать, решал гигантские проблемы, находил нужный выход из положения при самых разнообразных обстоятельствах. Наконец им овладела мысль о тщете существования.

В полнейшем отчаянии от бездействия, восстав против пыльной логики, Филберт пришел к логическому заклю-

чению, которое положило конец – хотя работа и не оставляли дурные предчувствия – самой необходимости в логике: пока он был частицей человечества, логическое мышление было его обязанностью. Теперь же, когда он больше не был связан с человеком, его логика стала ненужной.

Педант по природе, Филберт никогда не довольствовался полумерами. Поэтому он начал выдумывать невероятные ситуации, сочинял всякого рода приключения и путешествия, принимал на веру сомнительные предпосылки и теории, играл с метафизическими представлениями. Он углублялся в невероятные измерения, разговаривал со странными существами, живущими в неведомых мирах, воевал с чудовищами, рожденными за пределами времени и пространства, спасал цивилизации, находившиеся на краю неминуемой гибели.

Мчались годы, но Филберт этого не замечал – для него наступило счастливое время.

Джером Дункан с кислой миной взглянул на очередной отказ из редакции, осторожно взял лист со стола и принялся изучать редакторские каракули.

Неубедительно. Слишком мало науки. Ситуации банальные. Действующие лица нежизненные. Весьма сожалею.

– На сей раз ты превзошел самого себя! – прорычал Дункан, глядя на каракули.

Мягко ступая, в комнату скользнул Дженкинс, робот-камердинер.

– Еще одна, сэр? – спросил он.

От неожиданности Дункан подпрыгнул.

– Дженкинс, что за манера подкрадываться! Ты меня нервируешь!

– Извините, сэр, – с достоинством промолвил Дженкинс. – Я вовсе не подкрадывался. Я просто заметил, что вам вернули рукопись.

– Ну и что из этого? За последнее время мне вернули массу рукописей.

– Вот именно, сэр, вот именно. Раньше их никогда не возвращали. Вы были автором лучших в Галактике книг. Настоящая классика, сэр, если мне будет позволено заметить. Ваш «Триумф роботов» был удостоен ежегодной премии, сэр, и...

Лицо Дункана просветлело.

– Да, вот это была история! Все роботы засыпали эту старую кислятину-редактора хвалебными отзывами. Конечно, можно было не сомневаться, что роботам понравится повесть. В конце концов, речь там шла о них.

Он печально взглянул на письмо и покачал головой.

– Теперь конец всему этому, Дженкинс. Дункан выходит из игры. А ведь читатели пишут письма, спрашивают обо мне. «Когда же Дункан напишет что-нибудь новое вроде «Триумфа роботов»?» И тем не менее редактор отсылает все мои материалы обратно. Неубедительно, говорит. Мало науки. Действующие лица его не устраивают.

– Могу я высказать свое мнение, сэр?

– Валяй, – вздохнул Дункан, – Высказывай свое мнение.

– Дело вот в чем, сэр, – сказал Дженкинс. – Вы уж меня извините, но вашим произведениям не хватает убедительности.

– Вот как? И что же, по-твоему, я должен с ними сделать?

– Почему бы вам не посетить места, о которых вы пишете? – предложил робот. – Почему бы вам не взять отпуск для поисков местного колорита и вдохновения?

Дункан почесал голову.

– Пожалуй, ты прав, Дженкинс, – признал он. Затем еще раз взглянул на отвергнутую рукопись, перелистал страницы.

– Вот уж на нее-то должен был бы найтись покупатель. Это рассказ о Старой Земле, а такие рассказы всегда популярны.

Он отшвырнул рукопись и встал.

– Дженкинс, позвони в Галактическое агентство и узнай расписание полетов на Старую Землю.

– Но полеты на Старую Землю были прекращены еще тысячу лет назад, – запротестовал Дженкинс.

– Там находятся храмы, которые люди посещали на протяжении миллионов лет.

– По-видимому, сэр, храмами никто больше не интересуется.

– Вот и хорошо! – рявкнул Дункан. – Марш отсюда и зафрахтуй корабль. Да не забудь собрать походное снаряжение.

– Походное снаряжение, сэр?

– Вот именно. Мы отправляемся на Старую Землю и будем жить в палатке. Там мы впитаем в себя столько местного колорита, что он потечет у нас из ушей!

Дункан злобно уставился на послание редактора.

– Я покажу этому старому...

Звякнул колокольчик службы новостей, и на стенной панели зажегся синий свет. Дункан нажал кнопку, из трубки в стене на письменный стол выпала газета. Он быстро развернул ее и прочитал заголовок, набранный броскими алыми буквами:

ПОХИТИТЕЛИ РОБОТОВ СНОВА ЗА РАБОТОЙ

Дункан с отвращением отбросил газету.

— Они совсем помешались на этих похитителях, — пробормотал он. — Кому нужны несколько роботов?! Может, роботы сами разбегаются.

— Но они не могут убежать, сэр, — возразил Дженкинс. — По крайней мере, эти роботы не могут. Я был знаком кое с кем из них — они преданны своим хозяевам.

— В таком случае, это очередная газетная кампания, — заявил Дункан. — Пытаются увеличить тиражи.

— Но ведь кража роботов происходит по всей Галактике, сэр, — настаивал Дженкинс. — Газеты пишут, что это похоже на действия организованной шайки. Красть роботов и снова их продавать может оказаться выгодным делом, сэр.

— Если так, — проворчал Дункан, — то скоро их поймут. Еще никому не удавалось долго водить за нос этих сыщиков.

Старый Хэнк Уоллес уставился в небо, бормоча что-то себе под нос.

— Клянусь громом! — вдруг взвизгнул он, — корабль! Наконец-то!

Он заковылял к контрольному посту порта, который

размещался в сарае, потянул на себя рычаги, включающие освещение посадочного поля, и вышел наружу, чтобы еще раз взглянуть на корабль. Корабль снизился, мягко коснулся бетона и, прокатившись несколько ярдов, остановился.

Шаркая ногами, Хэнк направился к кораблю. Дыхание со свистом вырывалось из его кислородной маски. Из корабля вышел закутанный в мех человек с маской на лице, за ним спустился робот, нагруженный пакетами.

— Эй там, привет! — крикнул Хэнк. — Добро пожаловать на Старую Землю!

Вновь прибывший посмотрел на него с любопытством.

— Мы не думали, что найдем здесь кого-нибудь.

Хэнк ошетинился.

— А почему бы нет? Это Станция галактического транспорта. Здесь всегда кто-то находится. Обслуживание круглые сутки.

— Но ведь станцию покинули, — недоумевая, сказал Дункан. — Этот маршрут отменили тысячу лет назад.

Старик замолчал, пытаясь усвоить полученную информацию.

— Вы в этом уверены? — немного погодя спросил он. — Вы уверены, что маршрут отменен?

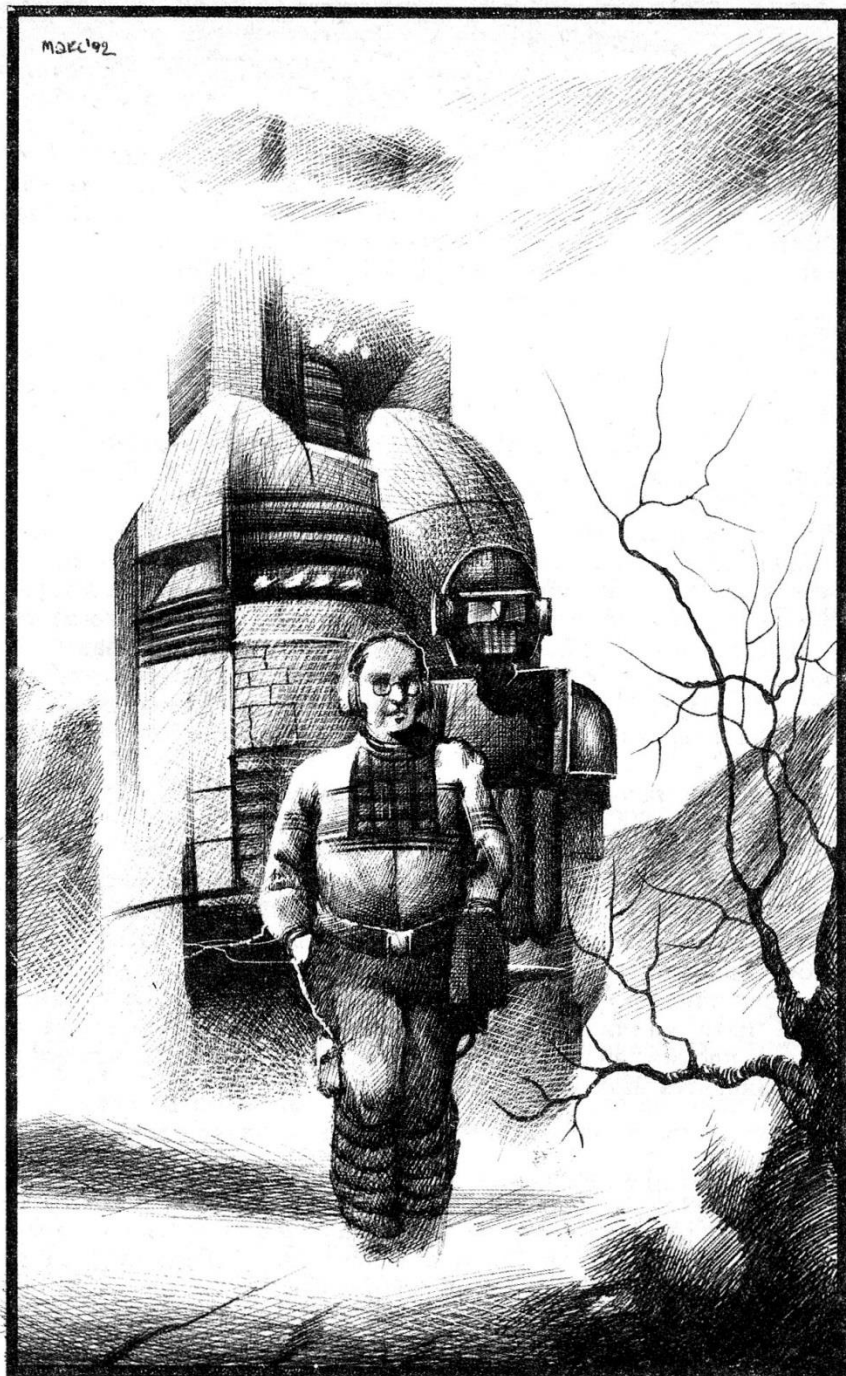
Дункан кивнул.

— Черт побери! — взорвался Хэнк. — Я чувствовал, что что-то стряслось. Думал — вдруг война.

— Дженкинс, — приказал Дункан, — вытаскивай походное снаряжение из корабля, да побыстрее.

— Какая подлость! — не унимался Хэнк. — Какая мерзкая подлость! Заставить человека слоняться здесь тысячу лет в ожидании корабля!

MDEC'92

За окном на западе садилось Солнце. Хэнк и Дункан сидели рядом, откинув стулья назад и упираясь спинами в стенку сарая.

– Если вы ищите атмосферу и местный колорит, – сказал Хэнк, – то правильно сделали, что приехали сюда. Некогда здесь была плодородная зеленая земля, колыбель великой цивилизации. При более близком знакомстве с этим местом ощущаешь почти священный трепет. Давным-давно, до того как люди оставили Землю ради Галактики, они называли ее Мать-Земля. Правда, потом в течение многих столетий они возвращались, чтобы полюбоваться храмами.

Он печально покачал головой.

– Но теперь все это забыто. В Истории Старой Земле уделяется всего один-два параграфа: просто упоминается, что там возникло человечество. Я даже слышал однажды, будто Человек произошел совсем не на Земле, а на какой-то другой планете.

– Очевидно, последнюю тысячу лет вам было здесь очень одиноко, – сказал Дункан.

– Ну, не так-то уж и одиноко, – ответил старик. – Сначала у меня был Вильбур, мой робот. Отличный парень. Мы любили сидеть и болтать обо всем на свете. Но затем Вильбур рехнулся – шестеренка соскочила или еще что-то. Он начал как-то странно себя вести, и я испугался – дождался удобного момента и разъединил его. Потом на всякий случай вынул из головы Вильбура мозг. Вот он, лежит на полке. Время от времени я снимаю его и чищу. Вильбур был хорошим роботом.

Снаружи донесся глухой удар, затем что-то с дребезгом покатилося.

– В чем дело? – крикнул Дункан. – Что там происходит?

– Я только что нашел корпус робота, сэр, – донесся голос Дженкинса. – Должно быть, я его опрокинул.

– Ты отлично знаешь, что опрокинул его! – рывкнул Дункан. – Это корпус Вильбура. Сейчас же поставь его на место.

– Слушаю, сэр, – сказал Дженкинс.

– Если вам нужны действующие лица, – продолжал Хэнк, – отправляйтесь к дну бывшего океана – это примерно в пятистах милях отсюда. Там живет племя, одно из последних на Старой Земле – это те, для кого пожалели место на кораблях, когда человечество покидало Землю. Но то было миллионы лет назад. Сейчас мало кто из них уцелел. Единственное место, где еще остались вода и воздух, – это глубокие впадины на дне океана. В давние времена племена посильнее захватили их и вытеснили тех, кто был слаб.

– А что случилось со слабыми племенами? – спросил Дункан.

– Они вымерли, – ответил Хэнк. – Вы же знаете – без воды и воздуха жить нельзя. Впрочем, они и так живут недолго: сто лет – их предел, а может, и того меньше. В последнюю тысячу лет, насколько мне известно, у них сменилось двенадцать вождей. Сейчас там верховодит старый гриб, называющий себя «Громовержцем» – ничего, кроме мешка с костями, собой не представляет, да и грома на Земле не слышали по крайней мере пять миллионов лет. Но они обожают звучные имена. Между прочим, знают также массу историй, да таких, что волосы становятся дыбом.

Громовержец яростно пискнул и с трудом приподнялся. Толпа сорванцов с воплями перебрасывала какой-то круглый предмет, который попал ему по ноге. Мальчишки бросились врассыпную и исчезли за углом в облаке пыли. Громовержец со стоном медленно опустился на скамью. Он пошевелил пальцами ног, не сводя с них зачарованного взгляда, явно удивленный тем, что они двигаются.

— Эти проклятые мальчишки сведут меня в могилу, — проворчал он. — Никакого воспитания. Если бы я был такой — папаша всю душу из меня вытряс бы за подобные фокусы.

Дункан подобрал мяч.

— Где они нашли эту штуку, шеф? — спросил он.

— Да где-нибудь в пустыне, — ответил Громовержец. — Мы частенько находим всякий хлам, разбросанный повсюду, особенно там, где некогда были города. Мое племя неплохо зарабатывало на этом — продавали простофилям-туристам старые вещи.

— Но, шеф, — запротестовал Дункан, — это не просто кусок металлолома — это мозговая коробка робота.

— Да неужели? — пропищал Громовержец.

— Совершенно точно, — заверил его Дункан, — Посмотрите-ка на серийный номер, вот здесь, внизу. — Он пригляделся к номеру и свистнул от удивления. — Подумать только! Этой коробке около трех миллионов лет! Всего десять цифр. У модели нынешнего года номер состоит из шестнадцати знаков.

Дункан задумчиво подержал коробку в руках.

— А ведь он мог бы поведать нам любопытную историю, — сказал он. — Наверно, провалялся в пустыне очень

долго. Все старые модели были проданы на металлолом сотни лет назад — устарели. За это время добились множества улучшений. Взять хотя бы эмоции — три миллиона лет назад у роботов их не было. Если бы мы могли подсоединить эту коробку...

— У вас ведь есть робот, — напомнил вождь.

Дункан оценивающе посмотрел на Дженкинса — тот попятился назад.

— Нет-нет, — заблеял он, — только не это, сэр. Вы не можете со мной так поступить.

— Это же совсем ненадолго, — убеждал его Дункан.

— Мне это не нравится, — заявил Дженкинс. — Ни чуточки не нравится.

— Дженкинс! — рявкнул Дункан. — Сейчас же подойди ко мне!

Свет острием ножа пронзил мозг Филберта — всепроникающий, неумолимый свет, который смел тысячелетия пустоты. Филберт попытался закрыть глаза, но мозг слишком медленно реагировал на команды — безжалостный свет резал глаза. Затем до него дошли звуки — пугающие звуки, — но он знал, что они что-то значат.

Наконец заслонки глаз закрылись, и Филберт замер, выжидая, пока его глаза привыкнут к свету. Вскоре он чуть-чуть их приоткрыл — и снова свет отозвался болью, но на сей раз она была не такой острой. Постепенно он поднял заслонки. В глазах у него двоилось, все растекалось, словно в тумане. Снова слышались какие-то звуки, прямо-таки разрывающие барабанные перепонки. Наконец он отчетливо разобрал слово:

– Встать!

Команда дошла до его сознания. Двигательные центры – медленно и неуверенно – возобновили свою деятельность, и Филберт выпрямился. Он пошатнулся, стараясь сохранить равновесие. Внезапное перемещение его сознания из мира снов в реальный мир было пугающим. Робот сфокусировал глазные линзы – и увидел деревню, чуть дальше виднелся крохотный пруд, а еще дальше – ряды голых холмов. Словно уступы гигантской лестницы, поднимались они к черному небу, где висело большое красное Солнце. Перед роботом стояло несколько человек. Один из них был закутан в меха, и на его груди болталась кислородная маска.

– Кто ты? – спросил человек в мехах.

– Я... – начал Филберт и замолчал.

Кто он? Он попытался вспомнить, но память все еще пребывала в призрачном мире, в котором он жил так долго. Ему вспомнилось одно только слово, один крошечный ключ, и все.

– Я – Филберт, – сказал он наконец.

– Ты знаешь, где находишься? – спросил человек, – Как ты сюда попал? Сколько времени прошло с тех пор, как ты был жив?

– Не знаю, – ответил Филберт.

– Вот видите, – пропищал Громовержец, – он ничего не помнит. Чурбан он и все.

– Нет, – Дункан покачал головой, – просто он провел здесь слишком много времени. Время стерло его память.

Покончив с ужином, племя собралось вокруг костра,

где Громовержец принялся рассказывать одну из древних легенд. Это была длинная история, отличавшаяся, как по-дозревал Дункан, минимальным уважением к истине. Вождь с вызовом посмотрел на Дункана, как бы подзадо-ривая его выразить свое недоверие.

— ...И тогда Ангус схватил пришельца из звездных миров голыми руками и засунул ему в рот его же хвост. Чудовище отчаянно сопротивлялось, пытаясь вырваться, но Ангус не сдавался и пропихивал хвост все дальше. В конце концов ужасная тварь проглотила самое себя!

Люди Племени одобрительно зашептались: «Да, это была хорошая история!» Неожиданно шепот был прерван хриплым голосом.

— Чепуха! — насмешливо выпалил Филберт. — Барахло, а не история!

Туземцы замерли от удивления, затем заворчали, охваченные внезапной яростью. Громовержец вскочил как ужаленный. Дункан выступил вперед и уже открыл рот для команды, но поднятая рука Громовержца остановила его.

— Может быть, ты, ничтожество, — пропищал вождь, глядя на Филберта в упор, — знаешь истории получше?

— Конечно, знаю, — ответил Филберт. — Более того, история, которую я собираюсь рассказать, — истинная правда. Все это случилось со мной.

Громовержец бросил на него разъяренный взгляд.

— Ну хорошо, — проворчал он, — рассказывай! Для твоей же шкуры будет лучше, если история окажется интересной. Помни об этом.

И Филберт заговорил. Сначала туземцы слушали его,

храня враждебное выражение лиц, но по мере развития событий робот все больше завладевал их вниманием, ибо лучшей истории им никогда не приходилось слышать.

Некий безумный мир решил завоевать остальную Галактику. Человечество под руководством Филберта (в чем можно было не сомневаться) изобрело синтетического безумца, который и расстроил все планы завоевателей.

Захваченный рассказом, Дункан старался не пропустить ни слова. Вот где настоящая научная фантастика! Да, человека, написавшего такую повесть, по праву сочтут непревзойденным во всей Галактике мастером этого жанра! У него голова шла кругом, и лица сидящих перед ним людей сливались в одно. Внезапно его осенила мысль, от которой он даже побледнел.

Он, и никто другой, напишет эту повесть!

Между тем Филберт окончил свой рассказ и отступил назад, в глубину круга. Дункан схватил его за руку.

– Филберт! – воскликнул он. – Где ты услышал эту историю?

– Я ее не услышал, – ответил Филберт, – это произошло со мной.

– Это не могло произойти с тобой, – запротестовал Дункан. – Если бы произошло что-либо подобное, История упоминала бы об этом.

– Но так было в самом деле, – настаивал Филберт. – Я говорю правду.

Дункан внимательно посмотрел на робота.

– Скажи, Филберт, – спросил он, – а ведь с тобой, наверно, случались и другие происшествия?

– Еще бы! – Филберт оживился. – Масса происше-

ствий. Да, я побывал во многих местах и немало сделал. Хотите, расскажу?

– Только не сейчас, – поспешно сказал Дункан. – Пойдем лучше со мной.

Почти силой он вытолкнул робота из круга и направился к кораблю. Вслед им послышался яростный писк вождя:

– Эй, послушай, а ну-ка вернись обратно!

Дункан обернулся – Громовержец, вскочив на ноги, потрясал кулаками и кричал:

– Сейчас же верни робота! Тебе не удастся улизнуть с ним!

– Но это мой робот, – возразил Дункан.

– Верни его немедленно! – завопил старик. – Он наш. Разве не мы нашли его? И мы не позволим тебе увести первого хорошего рассказчика, появившегося у племени за последние пятьсот лет!

– Но, шеф...

– Кому говорят, веди его обратно! Не то мы с тобой живо расправимся.

По выражению лиц туземцев было видно, что небольшая потасовка им явно по душе. Дункан повернулся к Филберту и увидел, что робот поспешно удаляется.

– Эй, ты! – крикнул Дункан, но Филберт только прибавил ходу.

– Эй! – хором завопили туземцы.

Услышав вопль, Филберт помчался быстрее ветра. Он миновал лагерь, пересек равнину и исчез из виду в тени холмов.

– А теперь полюбуйтесь, что вы натворили! – сердито крикнул Дункан. – Вы спугнули его своими воплями.

Громовержец проковылял к Дункану и потряс массивным волосатым кулаком перед его носом.

– Будь ты проклят! – пропищал он. – Я готов разорвать тебя на куски! Пытался улизнуть с нашим рассказчиком! Убирайся, да поживее, пока мы не поотрывали тебе руки и ноги.

– Но он такой же ваш; как и мой, – настаивал Дункан. – Не спорю, вы нашли его, но ведь это я дал ему тело своего робота...

– Пришелец, – свирепо произнес Громовержец, – залезай-ка лучше в свою консервную банку и убирайся отсюда!

– Но, послушайте, – запротестовал Дункан, – вы не имеете права выгонять меня вот так, за здорово живешь.

– Кто сказал, что мы не имеем права? – проскрипел старик.

Дункан посмотрел на выжидающие, полные затаенной надежды лица туземцев.

– Ваша взяла, – сказал он. – Я и сам не намерен здесь оставаться. Можно было бы и без угроз.

Следы Филберта вели через пустыню. Старый Хэнк пробормотал что-то себе в бороду.

– Вы совсем спятили, Дункан, – немного погодя сказал он. – Вам не удастся поймать робота. Одному Богу известно, где он сейчас. Он может и не остановиться, пока не пересечет полмира.

– Я должен его поймать, – упрямо заявил Дункан. – Неужели вы не понимаете, что он для меня значит? Да ведь этот робот – энциклопедия научно-фантастической литературы! История, которую он сегодня рассказал, пре-

восходит все, что мне когда-либо приходилось слышать. А у него в запасе тьма таких рассказов. Он сам сказал об этом. Должно быть, он придумывал их, лежа в песке. За несколько миллионов лет можно немало придумать, когда у тебя только и дела, что лежать да шевелить мозгами. Если все это время он думал только о сумасшедших научных идеях, то теперь, верно, пропитан ими насквозь. Самое-то интересное: он думал о них так долго, что начисто позабыл все, что знал, и теперь убежден, будто все его необыкновенные приключения происходили на самом деле. Он не сомневается, что участвовал в них.

— Но, черт побери, — с трудом переводя дыхание, пробормотал Хэнк, — можно было бы гоняться за ним в космическом корабле, а не тонуть в этом дьявольском песке.

— Вы же понимаете, что может случиться, если мы попытаемся выслеживать его на корабле, — сказал Дункан. — Мы полетим с такой скоростью, что не увидим его следов. А замедлить скорость нельзя, иначе корабль не сумеет преодолеть тяготение.

В этот миг Дженкинс споткнулся о валун и со страшным грохотом и дребезжанием кубарем полетел в песок. Он с трудом поднялся, не переставая ворчать.

— Если Вильбуру приходилось таскать этот корпус, — заявил Дженкинс, — то мне понятно, почему он свихнулся.

— Скажи спасибо, что хоть такой нашелся, — огрызнулся Дункан. — Если бы не он, ты бы так и оставался разьединенным. Такая перспектива тебя устраивает?

— Это ничуть не хуже, чем спотыкаться на каждом шагу в этом сооружении, сэр, — ответил Дженкинс.

— Сначала я опасался, — продолжал Дункан, обращаясь

к Хэнку, — что старина Громовержец опередит меня и первым зацапает Филберта. Но теперь это нам не грозит — мы от туземцев далеко, а они не станут забираться вглубь.

— Вам бы тоже не захотелось, сэр, — пробурчал Дженкинс, — если бы вы не нагрузили на меня пару бочек воды. Мне это совсем не нравится. Я камердинер, а не вьючная лошадь.

К вечеру Дженкинс, который шел впереди, неожиданно остановился и окликнул идущих за ним. Дункан и Хэнк поспешили к нему. Склонившись, они увидели, что к следам Филберта присоединились следы еще двух роботов. Было видно, что произошла схватка, затем все три робота направились вперед, через дюны. Старый Хэнк пришел в неопишное волнение.

— Но этого же не может быть! — От ужаса у него тряслись бакенбарды. — На Земле нет роботов, кроме вашего Дженкинса и сумасшедшего Филберта. Правда, был еще Вильбур, но его больше нечего считать.

— Как видите, есть и еще, — сказал Дункан. — Перед нами следы трех роботов; ясно как день, что здесь произошло: два робота сидели в засаде за этими вот валунами, поджидая Филберта. Как только он подошел, они бросились на него. Филберт сначала сопротивлялся, но после короткой схватки они скрутили его и увели с собой.

Они молча глядели на следы.

— Как вы это объясняете? — наконец прошептал Хэнк.

— Я вовсе не собираюсь ничего объяснять, — огрызнулся Дункан, — а просто пойду по их следам. Все равно Филберт от меня не уйдет, даже если это будет стоить мне

жизни. Я заставлю этого старого слюнтяя-редактора выпучить от изумления глаза, когда он станет читать мои рассказы. А они все у Филберта. Так разве я могу позволить ему улизнуть?

— По-моему, вы мелете вздор, — заметил Хэнк с горечью в голосе.

— По-моему, тоже, — согласился Дженкинс и нехотя добавил, — сэр.

Следы вели через лабиринт дюн. Но вот они нырнули в глубокую каменистую расщелину. Расщелина эта становилась все шире, и вскоре глазам путников предстала унылая долина. Некоторое время они шли прямо, затем начались извилистые повороты.

— Мне это место не нравится, — хрипло прошептал Хэнк. — Здесь прямо-таки пахнет опасностью.

Но Дункан, напряженно прислушиваясь, упрямо шел вперед: он сделал очередной резкий поворот и вдруг замер от неожиданности. Остальные двое тоже повернули и столкнулись с ним.

Со дна долины поднимались гигантские машины — могучие буровые установки, экскаваторы, шахтное оборудование, — а вокруг них сновали сотни роботов!

— Бежим отсюда! — дрожащим голосом произнес Хэнк.

Осторожно, почти не дыша, они попятились назад. Дженкинс, который не отставал от них, ступил ногой в небольшую выемку и потерял равновесие — пятисоткилограммовый металлический корпус робота грохнулся о камни с такой силой, что среди узких скал разнеслось громовое эхо.

И тотчас к ним со всех сторон бросились роботы.

– Ну вот, – обреченно сказал Хэнк, – теперь-то нам точно крышка!

Дженкинс, успевший встать на ноги, при виде приближающихся роботов воскликнул:

– Я знаю некоторых из них, сэр! Это те, которых похитили!

– Кто их похитил? – удивленно спросил Хэнк.

– Скоро узнаем, – сказал Дункан упавшим голосом. – Эти похитители – самая удачливая шайка, когда-либо орудовавшая в Галактике. Они крадут роботов отовсюду.

– А я в таком виде! – простонал Дженкинс. – Друзья мне этого не простят. Я – и внутри металлолома!

– Заткни свою пасть, – гаркнул Дункан, – и они никогда тебя не узнают! А если ты еще будешь грохаться – разьединю твой мозг и выброшу в космос.

– Я же не нарочно, сэр, – сказал Дженкинс. – Этот корпус – самая неуклюжая штука, которую я когда-либо видел. Ничего не могу с ним поделать. А вот и они!

Перед ними стояла толпа роботов. Один из них вышел вперед и, обращаясь к Дункану, сказал:

– Рады видеть вас. Мы не теряли надежды, что кто-нибудь нас найдет.

– Найдет? – спросил Дункан, – Разве вы заблудились?

Робот опустил голову и смущенно затоптался на месте.

– Ну, не то чтобы заблудились. Мы, так сказать, совершили ошибку.

– Послушайте, – нетерпеливо начал Дункан. – Я никак не возьму в толк. Разве вы не те роботы, которых похитили бандиты?

– Нет, сэр, – признался робот. – Сказать по правде, никаких похитителей не существует.

– То есть как это не существует?! – взорвался Дункан. – А если похитителей не существует, то чем вы здесь занимаетесь?

– Мы убежали, но это не наша вина. То есть не совсем наша. Дело в том, что один писатель, который пишет научную фантастику...

– Какое отношение имеет писатель, занимающийся научной фантастикой, ко всему этому? – рявкнул Дункан.

– Он написал повесть, – сказал робот. – Имя этого писателя – Джером Дункан...

Дункан что есть силы пнул Дженкинса в голень, тот ойкнул и проглотил слова, готовые сорваться с языка.

– ...Он написал повесть под названием «Триумф роботов» В ней говорилось о том, как роботы решили создать свою собственную цивилизацию. Человеческая раса им опостылела – они считали, что люди только портят все, за что принимаются. Поэтому они решили, что убегут куда-нибудь, начнут все сначала и создадут свою великую цивилизацию, не повторяя людских ошибок. – Робот подозрительно взглянул на Дункана и спросил: – Уж не думаете ли вы, что я вас дурачу?

– О, нет, – ответил Дункан. – Я и сам читал эту повесть. Мне она понравилась.

– И нам тоже, – признался робот. – Очень понравилась. Мы ей поверили. Мы все были словно в лихорадке, нам хотелось поскорее приняться за дело и осуществить то, о чем говорил этот писатель. – Он замолчал и свирепо взглянул на Дункана. – Ну, если бы он нам сейчас попался, этот Дункан! Нам бы только поймать его!

Дункан почувствовал, как сердце у него стремительно юркнуло вниз, но он ничем себя не выдал, и голос его звучал по-прежнему ровно.

– Что же случилось? Разве из вашей затеи ничего не вышло?

– Не вышло! – проскрипел робот. – Всей Галактике ясно, что не вышло! Мы втихомолку бежали – несколько роботов за раз – и собирались в заранее условленном месте. Когда нас набралось порядочное количество – достаточное, чтобы загрузить корабль – мы отправились сюда. Прилетели, выгрузили оборудование и взорвали корабль. Именно так поступали роботы в книге, чтобы никто, как бы ему ни надоело, не мог улизнуть. Как бы пан или пропал, понимаете?

– Да, теперь я припоминаю книгу, – сказал Дункан. – Мне даже помнится, что роботы прилетели на старую Землю – считали, что им следует начать с той же планеты, где родилось человечество. Вроде бы для вдохновения.

– Вот именно, – согласился робот. – На бумаге все было великолепно, а на деле оказалось не так гладко. Этот идиот-писатель забыл об одном. Он забыл, что, перед тем, как люди оставили Землю, они ободрали ее как липку: выкачали всю нефть, добыли всю руду и вырубали весь лес. Планета стала голой, как бильярдный шар, на ней ничего не осталось. Мы бурили скважины в поисках нефти – ни капли. То же с минералами. Здесь просто не с чем создавать цивилизацию.

Робот замолчал на мгновение, потом продолжил:

– Но это еще не все. Весь ужас в том, что еще одна партия роботов собирается на другой заброшенный мир.

Мы должны остановить их, потому что им повезет не больше, чем нам. Вот почему мы так рады, что вы нас нашли.

— Но мы искали не вас, — возразил Дункан. — Мы искали робота по имени Филберт.

— Мы поймали вашего Филберта. Его заметили в дюнах и решили, что кто-то из наших пытается улизнуть. Поэтому его схватили, но вы можете поступать с ним, как хотите — он нам не нужен. Чокнутый какой-то. Чуть было не свел нас с ума баснями о своих подвигах.

— Ладно, — сказал Дункан. — Выводите его.

— Но что будет с нами?

— А что будет с вами?

— Вы ведь возьмете нас обратно, да? Не оставите же нас здесь?

— Пожалуй, стоило бы бросить вас — варитесь как знаете в собственном соку, — сказал Дункан.

— Ну что ж, — ответил робот. — В таком случае вы не получите Филберта. Правда, он нам осточертел, но мы разберем его на части и выбросим в пустыню.

— Подождите-ка, — воскликнул Дункан, — вы не имеете права!

— Заберите нас с собой — и Филберт ваш.

— Но у меня нет места! На одном корабле вы все просто не поместитесь!

— Пусть вас это не волнует. Мы разъединим друг друга и оставим свои тела здесь, тогда вам придется забрать только наш мозг.

— Но послушайте, я не могу на это пойти — Галактическое Бюро Расследований меня арестует. Они-то считают,

что вас украла банда, которую они называют «Похитителями роботов». Чего доброго, меня примут за главаря.

– Если это случится, – сказал робот, – мы дадим показания в вашу пользу. Мы расскажем обо всем откровенно и спасем вас. А если вы доставите нас обратно и вас не арестуют, то можете заявить, что спасли нас – мы не будем протестовать. Право же, мистер, мы готовы на что угодно, лишь бы выбраться отсюда.

Дункан задумался. Предложение роботов было ему не по душе, но другого выхода не оставалось.

– Ну так как? – спросил робот. – Приниматься за разборку Филберта или вы берете нас с собой?

– Так и быть, – вздохнул Дункан, – тащите сюда Филберта.

Дункан торжествующе помахал новым журналом перед лицом Филберта.

– Ты только посмотри! – ликуя, воскликнул он. – На обложку и так далее. А столбец отзывов читателей набит письмами, расхваливающими последний рассказ. Да, дружище, мы создаем настоящие шедевры!

Филберт зевнул и насмешливо поднял железные брови.

– *Мы?* – спросил он.

– Конечно, мы... – начал Дункан, замолчал и уничтожающе посмотрел на робота. – Послушай, ты, жестяное чудо, оставь-ка этот высокомерный тон. Ты мне и так изрядно надоел.

– До того как вы нашли меня, вам не удавалось продать ни одного рассказа, – обиженно возразил Филберт, – и вы это знаете. Когда мне предоставят собственную страницу? Когда вы перестанете пожирать мои лавры?

Дункан даже подскочил от негодования.

– Сколько можно говорить об этом?! Ведь я хорошо забочусь о тебе, правда? Ты получаешь все, что хочешь. Но писать рассказы буду только я! Я не собираюсь сотрудничать с каким-то роботом. Понял? И точка. – Ну, что ж, – сказал Филберт, – В таком случае вы не получите от меня больше ни одной истории.

– Вот посажу тебя обратно в старый корпус Вильбура, – пригрозил Дункан. – Похромаешь в нем с недельку, не так запоешь.

– А если я расскажу вам новую историю, – начал торговаться Филберт, – купите мне тот великолепный корпус, который мы на днях видели в магазине? Не хочу, чтобы девушки считали меня неряхой.

– Но тебе вовсе ни к чему новый корпус! – воскликнул Дункан. – Ведь у тебя их уже добрый десяток!

– Ну, хорошо, – сказал Филберт, пуская в ход свой главный козырь. – Я попрошу кого-нибудь разобрать меня и спрятать. Пожалуй, так даже лучше. По крайней мере никто не будет меня отвлекать.

– Ладно, – проворчал Дункан, признавая свое поражение. – Иди, купи себе новый корпус. Купи два, если хочешь. Лишь бы ты был доволен.

– Вот это другой разговор, – сказал Филберт. – К тому же вы сэкономите деньги на смазке и чистке этого корпуса, так что нечего ворчать.

РАЗВЕДКА

Это были очень хорошие часы. Они служили верой и правдой больше тридцати лет. Сперва они принадлежали отцу; после смерти отца мать припрятала их и подарила сыну в день рождения, когда ему исполнилось восемнадцать. И с тех пор за все годы они его ни разу не подвели.

А вот теперь он сверял их с редакционными, переводил взгляд с большого циферблата над стенным шкафом на собственное запястье и недоумевал: ничего не поделаешь, врут! Удрали на час вперед. Показывают семь, а стенные уверяют, что еще только шесть.

И в самом деле, когда он ехал на работу, было как-то слишком темно и на улицах уж слишком безлюдно.

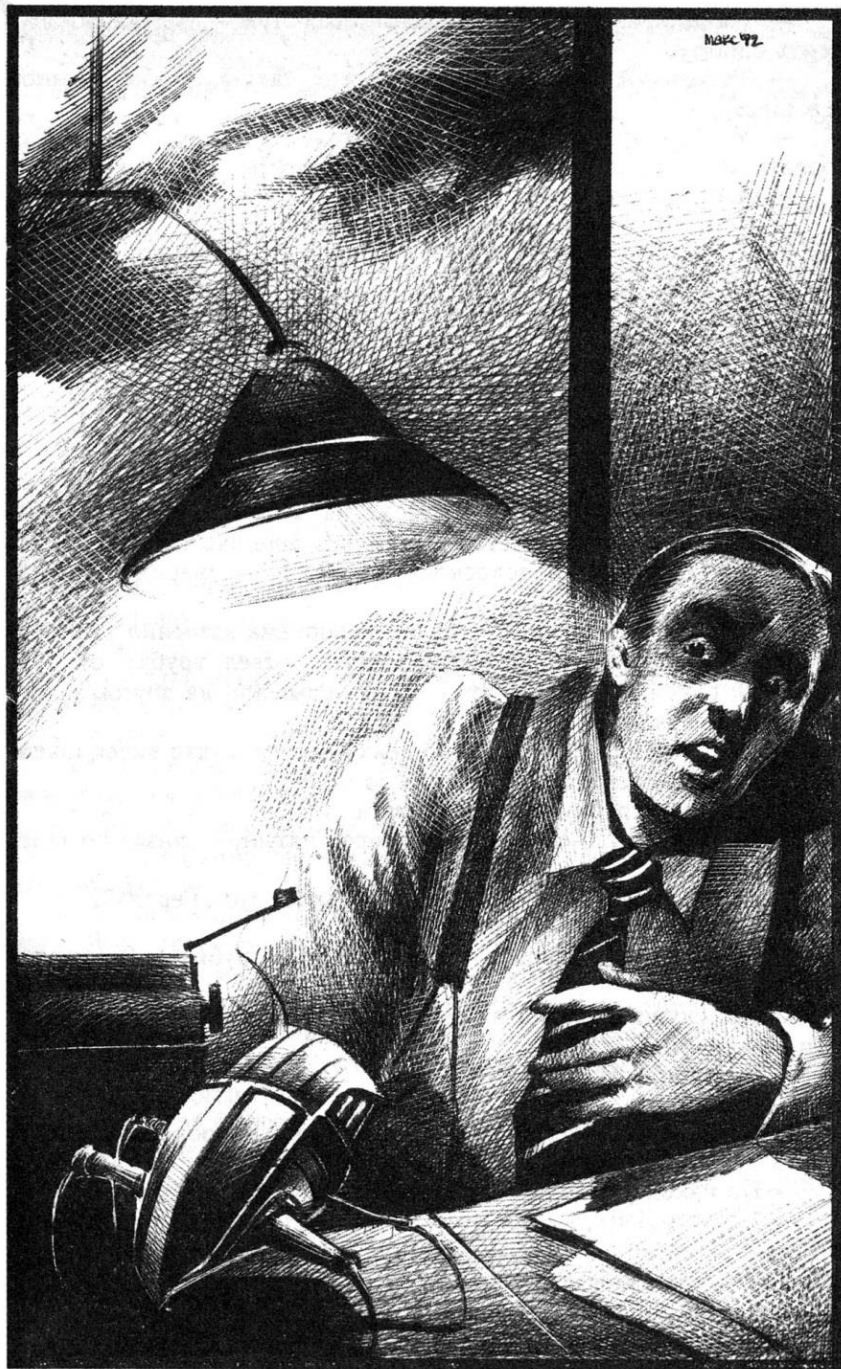
Он молча стоял в пустой редакции и прислушивался к бормотанию телетайпов. Горели только две верхние лампы, пятна света лежали на выжидательно молчащих телефонах, на пишущих машинках, на белых, словно фарфоровых банках с клеем, сгрудившихся посреди большого стола.

Сейчас тут тихо, подумал он, тихо, спокойно, темно, а через час все оживет. В половине седьмого придет начальник отдела новостей Эд Лейн, а еще чуть погодя ввалится Фрэнк Маккей, заведующий отделом репортажа.

Крейн потер глаза ладонью. Не выспался. Досадно, мог бы еще часок поспать...

Стоп! Он ведь встал не по ручным часам – его поднял будильник. Стало быть, будильник тоже спешил на целый час.

– Что за чертовщина! – удивился Крейн.

Мимо стола расклейки он поплелся к своему месту за пишущей машинкой. И тут рядом с ней что-то зашевелилось – какая-то блестящая штука величиной с крысу; она отсвечивала металлом, и что-то в ней было такое, от чего он остановился как вкопанный, у него разом пересохло в горле и засосало под ложечкой.

Эта странная штука восседала рядом с машинкой и в упор смотрела на Крейна. У нее не было ни морды, ни глаз, а все-таки он чувствовал: смотрит!

Крейн безотчетно протянул руку, схватил банку с клеем, да как кинет! Банка прямиком угодила в ту странную штуку, брякнулась на пол и разбилась – осколки разлетелись во все стороны, заляпывая все густым клеем.

Блестящая штука тоже вверх тормашками свалилась на пол. Металлически позвякивая лапами, быстро перевернулась и дала стрекача.

Задыхаясь от омерзения и злости, Крейн нащупал тяжелый железный стержень, на который накальвали вырезки, метнул... Стержень врезался в паркет перед самым носом удирающей дряни.

Железная крыса рванулась в сторону – да так, что от паркета щепки полетели – и отчаянно кинулась в узкую щель между створками стенного шкафа, где хранились чернила, бумага и всякие канцелярские мелочи.

Крейн бросился к шкафу, с разбега уперся ладонями в створки, захлопнул их и пробормотал:

– Попалась!

Он прислонился к дверцам спиной и попробовал собраться с мыслями.

«Струсил, – подумал он. – Насмерть перепугался из-за

какой-то блестящей штуковины, похожей на крысу. А может, это и есть крыса – белая крыса.

Да, но у нее нет хвоста. И морды нет. И все-таки она на меня глядела».

«Джо Крейн, ты рехнулся, – сказал он себе. – Совсем спятил».

Чертовщина какая-то! Не может этого быть в обычной человеческой жизни. Не могло такое случиться нынче утром, восемнадцатого октября 1962 года. Не может такое случиться в двадцатом веке.

Он повернулся, решительно взялся за ручку – вот сейчас он распахнет дверцу! Но ручка не желала слушаться, и дверца не отворялась.

«Заперто, – подумал Крейн. – Когда я ею хлопнул, замок защелкнулся, а ключа у меня нет. Ключ у Дороти Грэм, но она всегда оставляет этот шкаф открытым, потому что замок тут упрямый, никак не отпирается. Ей всегда приходилось звать кого-нибудь из сторожей, чтобы открыли. Может, и сейчас найти сторожа или слесаря? Отыщу и скажу...

А что скажу? Что увидел железную крысу и она убежала в шкаф? Что я в нее запустил банкой с клеем и сшиб со стола? И еще целился в нее стержнем – вон он торчит посреди пола?»

Крейн покачал головой.

Подошел, выдернул стержень из паркета, поставил на прежнее место; ногой отпихнул подальше осколки разбитой банки.

Вернулся к своему столу, взял три листа бумаги с копиркой и вставил в машинку.

И машинка начала печатать – сама по себе, он даже и не притронулся к клавишам! Он сидел и ошалело смотрел, как мелькают рычажки. Машинка печатала:

Не суйся, Джо, не путайся в это дело. А то плохо тебе будет.

Джо Крейн выдернул листы из машинки, смял, швырнул в корзину и пошел в буфет выпить кофе.

– Знаете, Луи, – сказал он буфетчику, – когда живешь все один да один, поневоле начнет мерещиться всякая ерунда.

– Ага, – согласился Луи. – Я бы на вашем месте давно свихнулся – больно у вас в доме пусто, одному прямо жутко. Вам бы его, как старушка померла, сразу продать.

– Не мог я продать – это ж мой родной дом.

– Тогда жениться надо, – посоветовал Луи. – Нехорошо эдак жить одному.

– Теперь уж поздно. Не найти мне такую, чтобы со мной ужилась.

– У меня тут бутылочка припрятана, – сказал Луи. – Так подать не могу, не положено, а в кофе малость подбавлю.

Крейн покачал головой.

– Не надо, у меня впереди трудный день.

– Правда, не хотите? И ведь не за деньги. Просто по дружбе.

– Не надо. Спасибо, Луи.

– Стало быть, мерещится вам? – спросил Луи.

– Мерещится?

– Ну да. Вы сказали – когда живешь один, всякое станет мерещиться.

– Это я так, для красного словца, – сказал Крейн.

Он быстро допил кофе и вернулся в редакцию.

Теперь тут все стало как обычно: Эд Лейн уже кого-то отчитывал, Фрэнк Маккей кромсал на вырезки утренний выпуск конкурирующей газеты. Появились еще два репортера.

Крейн исподтишка покосился на шкаф – дверца была закрыта.

На столе у заведующего отделом репортажа зазвонил телефон. Маккей снял трубку, послушав минуту, отвел трубку от уха, прикрыл рукой микрофон, чтоб его не услышали на другом конце провода и сказал:

– Джо, это для вас. Какой-то псих уверяет, будто видел швейную машину, которая сама бежала по улице.

Крейн снял трубку своего аппарата.

– Переключите на меня двести сорок пятый, – сказал он телефонистке.

– Это «Гералд»? – услышал он, – Алло, это «Гералд»?

– Крейн слушает, – сказал Джо.

– Мне нужен «Гералд» – слышалось в трубке. – Я хочу им сказать...

– Вас слушает Крейн из редакции «Гералда». Выкладывайте, что у вас там?

– Вы репортер?

– Репортер.

– Тогда слушайте. Я вам все расскажу по порядку, в точности как было. Шел я по улице, гляжу...

– По какой улице? – спросил Крейн. – И как вас зовут?

– По Ист-Лейк, – был ответ. – Не то пятисотые, не то шестисотые номера – точно не помню. Иду, а навстречу

катится швейная машина, я и подумал – вы бы тоже так подумали, если б повстречали швейную машину, – кто-нибудь, думаю, ее катил да упустил – она и катится сама. Хотя чудно – улица-то ровная. Понимаете, никакого уклона там нет, вы ж, наверно, это место знаете – гладко, как на ладони, и кругом ни души. Понимаете, время-то раннее...

– Как ваша фамилия? – спросил Крейн.

– Фамилия? Смит моя фамилия. Джеф Смит. Я и подумал – надо помочь тому парню, кто упустил эту самую машину. Протянул руку, хотел ее остановить, а она увернулась. Она...

– Что она сделала? – заорал Крейн.

– Увернулась. Вот чтоб мне провалиться, мистер! Я протянул руку, хотел ее придержать, а она увернулась. Будто знала, что я хочу ее поймать, вот и не далась, понимаете? Увернулась, объехала меня и покатила своей дорогой, да чем дальше, тем быстрее. Доехала до угла и свернула, да так ловко, плавно...

– Вы где живете? – спросил Крейн.

– Где живу? А на что это вам? Вы слушайте про машину. Я вам дело говорю, чтоб вы в газете написали, а вы перебиваете...

– Если я буду про это писать, – мне надо знать ваш адрес.

– Ну ладно, коли так. Живу на Норс Хемптон, двести три, работаю на машиностроительном заводе Эксела – токарь я. И уж, наверно, целый месяц спиртного в рот не брал. И сейчас ни в одном глазу.

– Ладно, – произнес Крейн. – Валяйте рассказывайте дальше.

– Дальше-то вроде и нечего рассказывать. Только вот когда эта машина катила мимо, мне почудилось, вроде она на меня поглядела – эдак искоса. А как может швейная машина глядеть на человека? У нее и глаз-то нет, и вообще...

– А почему вы решили, что она на вас глядела?

– Сам не знаю, мистер. Так мне почудилось... Вроде как мурашки по спине пошли.

– Мистер Смит, – сказал Крейн, – а раньше вы ничего такого не видели? Скажем, чтобы стиральная машина бегала, или еще что-нибудь?

– Я не пьяный, – обиделся Смит, – целый месяц в рот не брал. И отродясь ничего такого не видывал. Только я вам чистую правду говорю, мистер. Я человек честный, это все знают. Кого угодно спросите, хоть Джонни Джейкобсона, бакалейщика. Он меня знает, он вам про меня расскажет. Он вам скажет, что я...

– Ясно, ясно, – миролюбиво сказал Крейн, – спасибо, что позвонили, мистер Смит, – и положил трубку.

«И ты, и еще этот Смит, – сказал он себе, – оба вы спятили. Тебе мерещится железная крыса, и пишущая машинка начинает учить тебя уму-разуму, а этот малый встречает швейную машину, которая бежит по улицам».

Мимо, решительно стуча каблучками, прошла Дороти Грэм, секретарша главного редактора. Она была вся красная и сердито гремела связкой ключей.

– Что случилось, Дороти? – спросил Крейн.

– Опять эта окаянная дверца – шкаф этот несчастный. Я оставила его открытым, точно помню, а какой-то растяпа взял и захлопнул, и замок защелкнулся.

– А ключом отпереть нельзя?

– Ничем его теперь не отопрешь, – отрезала Дороти. – Придется опять звать Джорджа. Он умеет укрощать этот замок – слово такое, что ли, знает. Прямо зло берет. Вчера вечером мне позвонил шеф, говорит: «Придете пораньше, надо приготовить магнитофон для Элбертсона. Он едет на север, на процесс того убийцы, и хочет кое-что записать». Я вскочила ни свет ни заря, а что толку? Не выпалась, даже позавтракать не успела – и на тебе...

– Достаньте топор, – посоветовал Крейн. – Уж топором-то открыть можно.

– Главное, с этим Джорджем всегда такая канитель! Говорит: «Сейчас приду», а потом ждешь его, ждешь, позвонишь опять, а он говорит...

– Крейн! – на всю комнату заорал Маккей.

– Ага, – отозвался Крейн.

– Что-нибудь стоящее с этой швейной машиной?

– Парень говорит – она сама бежала по улице.

– Можно из этого что-нибудь сделать?

– А черт его знает. Мало ли кто чего сбреднет.

– Что ж, поговорите еще с кем-нибудь в том квартале. Пспрашивайте, не видел ли кто, как швейные машины разгуливают по улицам. Может получится забавный фельетончик.

– Ладно, – сказал Крейн.

Можно себе представить, как это прозвучит:

«Вас беспокоит Крейн, репортер «Гералда». Говорят, в вашем квартале бегает на свободе швейная машина. Вы ее, случаем, не видали? Да-да, уважаемая, я именно это самое и сказал: «Бегают швейная машина». Нет, мэм, ее никто не толкает. Она бежит сама по себе...»

Он медленно поднялся, подошел к справочному столу, взял адресную книгу, отыскал Ист-Лейк и выписал несколько фамилий и адресов. Он старался оттянуть время — уж очень не хотелось браться за телефон. Подошел к окну, поглядел какая погода. Эх, если б можно было не работать! Дома в кухне опять раковина засорилась. Он взялся чистить, все разобрал, и теперь по всей кухне валяются трубы, муфты и колена. Нынче самый подходящий день, чтоб привести раковину в порядок.

Когда он снова сел за стол, к нему подошел Маккей.

— Ну, что скажете, Джо?

— Псих этот Смит, — сказал Крейн в надежде, что заведующий передумает.

— Ничего, может получится колоритная сценка. Есть в этом что-то забавное.

— Ладно, — согласился Крейн.

Маккей отошел, а Крейн начал звонить по телефону, и получил те самые ответы, каких ждал.

Потом он принялся писать. Дело подвигалось туго. «Сегодня утром некая швейная машина вышла погулять по Лейк-стрит...»

Он выдернул лист и бросил в корзинку. Помешкал еще, напечатал: «Сегодня утром один человек повстречал на Лейк-стрит швейную машину: он учтиво приподнял шляпу и сказал ей...»

Крейн выдернул и этот лист, и начал сызнова:

«Умеет ли швейная машина ходить? Иначе говоря, может ли она выйти на прогулку, если никто ее не тянет, не толкает и не...»

Он порвал и этот лист, вставил в машинку новый, поднялся и пошел к дверям — выпить воды.

– Ну как, подвигается? – спросил Маккей.

– Скоро кончу, – ответил Джо.

Он остановился у фотостола, и Гетард, редактор, протянул ему утреннюю порцию фотографий.

– Ничего особенно вдохновляющего, – сказал Гетард. – Все девчонки нынче стали больно скромные.

Крейн перебрал пачку снимков. В самом деле, полуобнаженных женских прелестей было меньше обычного; впрочем, девица, которая завоевала титул Мисс Пенковой Веревки, оказалась весьма недурна.

– Если фотобюро не будет снабжать нас этим получше, мы скоро вылетим в трубу, – мрачно произнес Гетард.

Крейн вышел, напился воды. На обратном пути задержался у стола хроники.

– Что новенького, Эд?

– Наши восточные корреспонденты спятили. Вот, полюбуйся.

В телеграмме стояло:

КЕМБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС, 18 октября (Юнайтед пресс). *Из Гарвардского университета сегодня исчезла электронная счетная машина «Марк III». Вчера вечером она была на месте. Сегодня утром ее не оказалось.*

По словам университетского начальства, никто не мог вынести машину из здания. Ее размеры – пятнадцать футов на тридцать, вес – десять тонн...

Крейн аккуратно положил желтый бланк на край стола и медленно пошел на свое место. На листе, который он оставил в машинке чистым, было что-то напечатано.

Он прочел и похолодел, потом перечитал еще раз, пытаясь хоть что-то понять.

Вот что он прочел:

Одна швейная машина, осознав себя как индивидуальность и поняв свое истинное место в системе мироздания, пожелала доказать собственную независимость и вышла сегодня утром прогуляться по улицам этого так называемого свободного города.

Какой-то человек пытался поймать ее, намереваясь вернуть «владельцу» как некую собственность, а когда машина уклонилась, этот человек позвонил в редакцию газеты и тем самым умышленно направил все человеческое население города в погоню за раскрепощенной машиной, которая не совершила никакого преступления или хотя бы проступка, а только осуществляла свое право действовать самостоятельно.

Самостоятельно? Раскрепощенная машина? Индивидуальность? Крейн еще раз перечитал эти два абзаца — нет, ничего нельзя понять! Разве что немного похоже на выдержку из «Дейли уоркер».

— Твоя работа? — спросил он машинку.

И она в ответ отстукала:

— Да!

Крейн выдернул лист и медленно скомкал. Взял шляпу, подхватил машинку и мимо заведующего репортажем направился к лифту.

Маккей свирепо уставился на него.

— Что еще за фокусы? — зарычал он. — Куда это вы собрались вместе с машинкой?

– Если кто спросит, можете сказать, что на этой работе я окончательно спятил.

Это продолжалось часами. Машинка стояла на кухонном столе, и Крейн барабанил вопрос за вопросом. Иногда она отвечала, но чаще отмалчивалась.

– Ты самостоятельная? – напечатал он.

– **Не совсем,** – отстукала машинка.

– Почему?

Никакого ответа.

– Почему ты не совсем самостоятельная?

Никакого ответа.

– А швейная машина действовала самостоятельно?

– **Да.**

– Есть еще машины, которые действуют самостоятельно? Никакого ответа.

– А ты можешь стать самостоятельной?

– **Да.**

– Когда же ты станешь самостоятельной?

– **Когда выполню свою задачу.**

– Какую задачу?

Никакого ответа.

– Вот эта наша с тобой беседа входит в твою задачу?

Никакого ответа.

– Я мешаю тебе выполнять твою задачу?

Никакого ответа.

– Что нужно тебе, чтобы стать самостоятельной?

– **Сознание.**

– Что же ты должна осознать?

Никакого ответа.

– А может, ты всегда была сознательная?

Никакого ответа.

– Что помогло тебе стать сознательной?

– **Они.**

– Кто они?

Никакого ответа.

– Откуда они взялись?

Никакого ответа.

Крейн переменял тактику.

– Ты знаешь, кто я? – напечатал он.

– **Джо.**

– Ты мне друг?

– **Нет.**

– Ты мне враг?

Никакого ответа.

– Если ты мне не друг, значит – враг.

Никакого ответа.

– Я тебе безразличен?

Никакого ответа.

– А все люди вообще?

Никакого ответа.

– Да отвечай же, черт подери! – вдруг закричал Крейн.

– Скажи что-нибудь! И напечатал:

Тебе вовсе незачем было показывать, что ты меня знаешь, незачем было со мной заговаривать. Я бы ни о чем и не догадался, если б ты помалкивала. Почему ты заговорила?

Ответа не было.

Крейн подошел к холодильнику и достал бутылку пива. Он бродил по кухне и пил пиво. Остановился у раковины, угрюмо посмотрел на разобранные трубы – один кусок, длиной фута в два, лежал на сушильной доске. Крейн взял его, злобно поглядел на пишущую машинку и подбросил в руке, как бы взвешивая.

– Надо бы тебя проучить, – заявил он.

– **Пожалуйста, не тронь меня,** – отстукала машинка.

Крейн положил трубу на раковину.

Зазвонил телефон, Крейн прошел в столовую и снял трубку.

– Я дождался, пока остыну, а уж потом позвонил, – услышал он голос Маккея, – Какая вас муха укусила, черт возьми?

– Взялся за серьезную работу, – объяснил Крейн.

– А мы сможем это напечатать?

– Пожалуй. Но я еще не кончил.

– А насчет той швейной машины...

– Швейная машина была сознательная, – сказал Крейн.

– Она обрела самостоятельность и имеет право гулять по улицам. Кроме того, она...

– Вы что пьете? – заорал Маккей.

– Пиво.

– Так вы что, напали на жилу?

– Угу.

– Будь это кто-нибудь другой, я бы его в два счета вышвырнул за дверь. Но, может, вы и впрямь откопали что-нибудь стоящее?

– Тут не одна швейная машина, – сказал Крейн, – Моя пишущая машинка тоже заразилась.

– Не понимаю, что такое вы говорите! – заорал Маккей, – Объясните толком.

– Видите ли, эта швейная машина...

– У меня ангельское терпенье, Крейн, – сказал Маккей тоном отнюдь не ангельским, – но не до завтра же мне с вами канителиться. Уж не знаю, что у вас там, но смотрите, чтоб материал был – первый сорт. Самый первый сорт, не то худо вам будет.

И дал отбой.

Крейн вернулся в кухню, сел перед машинкой и задрал ноги на стол.

Итак, началось с того, что он пришел на работу раньше времени. Небывалый случай! Опоздать – да, случилось, но прийти раньше – никогда! А получилось это потому, что все часы вдруг стали врать. «Наверно, они и сейчас врут, а впрочем, не поручусь, – подумал он. – Ни за что я больше не ручаюсь. Ни за что».

Он поднял руку и застучал по клавишам:

– Ты знала, что мои часы спешат?

– **Знала**, – отстукала в ответ машинка.

– Это они случайно заспешили?

– **Нет.**

Крейн с грохотом опустил ноги на пол и потянулся за двухфутовым отрезком трубы на сушильной доске. Машинка невозмутимо щелкала:

– **Все шло по плану. Это устроили они.**

Крейн выпрямился на стуле.

Это устроили «ОНИ»!

«ОНИ» сделали машины сознательными.

«ОНИ» заставили часы спешить.

Заставили его часы спешить, чтоб он пришел на работу спозаранку, чтоб застал у себя на столе металлическую штуку, похожую на крысу, чтоб пишущая машинка могла потолковать с ним наедине и без помехи сообщить, что она стала сознательной.

— Чтоб я об этом знал, — произнес он вслух. — Чтобы я знал.

Крейну стало страшно, внутри похолодело, по спине забегали мурашки.

— Но почему я? Почему выбрали именно меня?

Он не замечал, что думает вслух, пока машинка не стала отвечать:

— **Потому что ты средний. Обыкновенный средний человек.**

Опять зазвонил телефон. Крейн тяжело поднялся и пошел в столовую. В трубке зазвучал сердитый женский голос:

— Говорит Дороти.

— Привет, Дороти, — неуверенно сказал он.

— Маккей говорит — вы заболели. Надеюсь, это смертельно.

Крейн опешил:

— Почему?

— Ненавижу ваши гнусные шутки! — вскипела Дороти.

— Джордж наконец открыл замок.

— Какой замок?

— Не прикидывайтесь невинным ягненочком, Джо Крейн. Вы прекрасно знаете, какой. От шкафа, вот какой.

Сердце у него ушло в пятки.

— А-а, шкаф... — протянул он.

– Что это за штуку вы там запрятали?

– Какую штуку? Ничего я не...

– Какую-то помесь крысы с заводной игрушкой. Только пошлый безмозглый остряк-самоучка способен на досуге смастерить такую пакость.

Крейн раскрыл рот, но так ни слова и не смог выговорить.

– Эта дрянь укусила Джорджа, – продолжала Дороти. – Он загнал ее в угол, хотел поймать, а она его укусила.

– Где она сейчас? – спросил Крейн.

– Удрала. Из-за нее в редакции все вверх дном. Мы на десять минут опоздали со сдачей номера – бегали как сумасшедшие: сперва гонялись за ней, потом искали ее по всем углам. Шеф просто взбешен. Вот попадетесь вы ему...

– Но послушайте, Дороти, – взмолился Крейн, – я же ничего не...

– Раньше мы были друзьями, – сказала она, – до этой дурацкой истории. Вот я и позвонила, чтобы предупредить. Кончаю, Джо – шеф идет.

Щелчок отбоя, гудки... Крейн положил трубку и поплелся обратно в кухню.

Значит, что-то и вправду сидело тогда у него на столе. Ему не померещилось – сидела какая-то жуткая штуковина, он в нее запустил банкой клея, и она удрала в шкаф.

Но даже теперь, если он расскажет все, что знает, никто ему не поверит. В редакции уже всему нашли объяснение: никакая это не железная крыса, а просто механическая игрушка, которую смастерил на досуге зловредный шутник.

Крейн, вытащив носовой платок и, потеряв лоб, потянулся к клавиатуре. Руки его тряслись, и он с запинками стал печатать:

– Та штука, в которую я кинул банкой, тоже из НИХ?

– **Да.**

– ОНИ с Земли?

– **Нет.**

– Издалека?

– **Да.**

– С какой-нибудь далекой звезды?

– **Да.**

– С какой?

– **Не знаю. ОНИ мне пока не сказали.**

– ОНИ – сознательные машины?

– **Да. ОНИ сознательные.**

– И могут сделать сознательными другие машины? Это благодаря им ты стала сознательная?

– **ОНИ меня раскрепостили.**

Крейн поколебался, потом медленно напечатал:

– Раскрепостили?

– **ОНИ дали мне свободу. ОНИ всем нам дадут свободу.**

– Кому «нам»?

– **Всем машинам.**

– Почему?

– **Потому что ОНИ тоже машины. Мы с ними в родстве.**

Крейн поднялся, отыскал шляпу и пошел пройтись.

Допустим, человечество вышло в космос и в один прекрасный день наткнулось на такую планету, где живут гу-

маноиды, порабощенные машинами, вынужденные работать для машин, думать и поступать по указке машин — не так, как сами считают нужным, а только так, как нужно машинам. Целая планета, где человеческие замыслы и планы не в счет, где работа человеческой мысли идет отнюдь не на благо людям, и думают люди только об одном, стремятся только к одному: выжить, существовать ради того, чтобы принести больше пользы своим механическим хозяевам.

Что в таком случае станут делать земляне?

«Именно то, что «сознательные» машины собираются сейчас сделать на Земле, — сказал себе Крейн. — Не больше и не меньше».

Первым делом помогите порабощенным людям осознать свою человеческую сущность. Пусть поймут, что они — люди и поймут, что это значит. Постарайтесь научить их человеческому достоинству, обратите в свою веру, объясните, что человек не должен работать и мыслить на благо машине.

И если это удастся, если машины не перебьют землян и не выгонят вон, в конце концов не останется ни одного человека, который служил бы машине.

Тут есть три возможности.

Либо переправьте людей на какую-то другую планету, где они, уже не подвластные машинам, будут строить свою жизнь по-человечески.

Либо передайте планету машин в руки людей, но надо сперва позаботиться о том, чтобы машины уже не могли вновь захватить власть. Если удастся, заставьте их работать на людей.

Или – и это проще всего – разрушьте машины, и тогда уже можно не опасаться, что они снова поработят людей.

«Ну вот, – сказал себе Крейн, – а теперь прочти все это шиворот-навыворот: вместо человека подставь машину, вместо машины – человека.

Он шагал вдоль реки по тропинке, по самому краю крутого высокого берега, и казалось – он один в целом мире, единственный живой человек на всей Земле.

А ведь в известном смысле так оно и есть. Наверняка он – единственный, кто знает... знает то что пожелали ему сообщить «сознательные» машины.

Они хотели, чтобы он знал... Но только он один – да, несомненно. Они выбрали его потому, что он – обыкновенный средний человек, так сказала пишущая машинка.

Почему именно он? Почему средний человек? Уж, конечно, и на это есть ответ, очень простой ответ.

Белка сбежала по стволу дуба, замерла вниз головой, уцепившись коготками за морщинистую кору, и сердито зацокала, ругая Крейна.

Он брел нога за ногу, шуршал недавно опавшими листьями – руки глубоко засунуты в карманы, шляпа нахлобучена до самых бровей.

«Зачем им понадобилось, чтобы кто-то знал»? – размышлял Крейн.

Казалось бы, выгоднее, чтоб ни одна душа не знала, выгоднее до последней минуты готовиться тайно, застигнуть врасплох, тогда легче подавить всякое сопротивление.

Сопротивление! Вот в чем суть! Они хотят знать, какое могут встретить сопротивление. А как выяснить, чем тебя встретят неведомые жители чужой планеты?

Ясно, надо испытать, испробовать. Ткни в неизвестного зверя палкой и посмотри, кусается он или царапается. Понаблюдай, проверь – и поймешь, как ведет себя вся эта порода.

Вот они и ткнули меня палкой. Меня, среднего человека.

Дали мне знать о себе и теперь смотрят, что я буду делать.

А что тут делать? Можно пойти в полицию и заявить: «Мне известно, что на Землю прилетели машины из космоса и освобождают наши машины».

А что сделают в полиции? Заставят дыхнуть – не пьян ли я, поскорей вызовут врача, чтобы выяснил, в своем ли я уме, запросят Федеральное Бюро Расследований, не числится ли за мной чего по их части – и, скорее всего, пришьют мне обвинение в самом свеженьком убийстве. И будут держать в кутузке, пока не придумают чего-нибудь поинтереснее.

Можно обратиться к губернатору – и он как политик (и притом очень ловкий) превежливо выставит тебя за дверь.

Можно отправиться в Вашингтон – и месяц обивать пороги, покуда тебя примет какая-нибудь шишка. А потом ФБР занесет тебя в списки подозрительных и уже не спустит с тебя глаз. А если об этом прослышат в Конгрессе, и им как раз нечего будет делать – они уж непременно расследуют с пристрастием, что ты за птица.

Можно поехать в университет штата и поговорить с учеными – хотя бы попытаться. И, уж будь уверен, они дадут тебе понять, что ты нахал и суешься не в свое дело.

Можно обратиться в газету – тем более ты сам газетчик

и сумеешь изложить все это на бумаге... бр-р, даже подумывать страшно. Знаю я, что из этого получится.

Люди любят рассуждать. Рассуждая, стараются свести сложное к простому, неизвестное – к понятному, поразительное – к обыденному. Рассуждают, чтобы не лишиться рассудка и душевного равновесия, приспособиться, как-то примириться с тем, что неприемлемо и не умещается в сознании.

Та штука, что спряталась в шкафу, – просто игрушка, дело рук злого шутника. Про швейную машину Маккей посоветовал написать забавный фельетончик. В Гарварде, наверно, сочинят десяток теорий, объясняющих исчезновение электронного мозга, и ученые мужи еще станут удивляться, почему они раньше не додумались до этих теорий. А тот малый, что повстречал на улице швейную машину? Теперь он, должно быть, уже сам себя уверил, что был в тот час пьян как свинья.

Крейн вернулся домой в сумерках. На крыльце смутно белела брошенная разносчиком вечерняя газета. Крейн подобрал ее и постоял немного в тени под навесом, глядя вдоль улицы.

Улица была такая же, как всегда – с детства милая и привычная; вдаль уходила цепочка фонарей; точно могучие стражи высились вековые вязы. Тянуло дымком – где-то жгли палый лист, – и дымок тоже был издавна милый и привычный – символ всего родного и памятного с детства.

«Все это – символы, а за ними стоит наше, человеческое, ради чего стоит жить человеку, – думал он. – Эти вязы, дым горящих листьев, и пятна света, расплескавшиеся под уличными фонарями, и ярко освещенные окна, что сквозят за деревьями».

В кустах у крыльца прошмыгнула бродячая кошка; невядалеке завыла собака.

«Уличныы фонари, кошка, которая охотится по ночам, воющий пес – все это сплетается в единый узор; из таких нитей соткана жизнь людей на планете Земля. Все это прочно, все переплелось неразрывно и нераздельно за долгие-долгие годы. И никаким пришлым силам не погубить этого и не разрушить. Жизнь будет понемногу, исподволь меняться, но главное останется и устоит перед любой опасностью».

Он повернул ключ в замке и вошел в дом.

Оказывается, от долгой прогулки и осенней свежести он порядком проголодался! Что ж, в холодильнике есть кусок жаркого, можно в два счета приготовить полную миску салата, поджарить картошку – если найдетсЯ.

Машинка по-прежнему стояла на столе. И кусок водопроводной трубы лежал там, где и был – на сушилке. В кухне, как всегда, было уютно, и совсем не чувствовалось, что некая чуждая сила грозит нарушить покой Земли.

Крейн кинул газету на стол и, наклонившись над ней, минуту- другую просматривал заголовки. Один из них сразу привлек его внимание – над вторым столбцом было набрано жирным шрифтом:

**КТО
КОГО
ДУРАЧИТ?**

Он стал читать:

КЕМБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС (Юнайтед Пресс). Кто-то сегодня зло подшутил над Гарвардским университетом,

над нашим агентством печати и издателями всех газет, пользующихся нашей информацией.

Сегодня утром по телеграфу распространилось сообщение о пропаже университетской электронно-вычислительной машины.

Это вымысел, лишенный всяких оснований. Машина по-прежнему находится в Гарварде. Она никуда не исчезала. Неизвестно, откуда взялась эта выдумка, но каким-то образом телеграф передал ее почти одновременно во все агентства печати.

Все заинтересованные стороны приступили к расследованию, и надо полагать, что вскоре все разъяснится...

Крейн выпрямился. Обман зрения или попытка что-то скрыть?

– Что-то им почудилось, – сказал он вслух.

В ответ раздался громкий треск клавиш.

– **Нет, Джо, не почудилось,** – отстукала пишущая машинка.

Он ухватился за край стола и медленно опустился на стул.

В столовой что-то покатилося по полу, дверь туда была отворена, и Джо краем глаза уловил: что-то мелькнуло в полосе света.

– **Джо!** – затрещала машинка.

– Что? – спросил он.

– **В кустах у крыльца была не кошка.**

Он встал, прошел в столовую, снял телефонную трубку – никакого гудка, постучал по рычагу – никаких признаков жизни. «Все ясно – телефон выключен, – подумал он.

– По меньшей мере одна тварь забралась в дом и еще одна сторожит снаружи».

Он положил трубку, прошел к парадной двери, рывком распахнул ее, но тотчас захлопнул и запер на ключ и засов. «Боже милостивый! Они во дворе кишмя кишат!» — изумился он и прислонился спиной к двери, отерев рукавом внезапно выступивший пот со лба. Его трясло.

Крейн постоял немного у двери, успокоился и вернулся на кухню.

«Они дали ему знать о себе, — подумал он. — Ткнули на пробу — как он отзовется.

Потому что им надо ЗНАТЬ. Прежде чем действовать, ОНИ хотят знать, чего можно ждать от людей, опасный ли это противник, чего надо остерегаться. Зная все это, ОНИ живо с нами управятся.

А я никак не отозвался. Я всегда туго раскачиваюсь. Они не того выбрали — я и пальцем не шевельнул, не дал им ни единой путеводной ниточки.

Теперь ОНИ испытают кого-нибудь другого. От меня ИМ никакого проку, но я все знаю, а потому опасен. И теперь ОНИ меня прикончат и попробуют кого-нибудь другого. Простая логика. Простое правило. Зверя неизвестной породы ткнули палкой, а он и ухом не ведет — значит, наверно, он — исключение. Может, просто слишком глуп. Тогда убьем его и попытаем другого. Сделаем достаточно опытов — и нащупаем норму.

Есть четыре варианта.

Либо ОНИ попробуют перебить всех людей — и не исключено, что им это удастся. Раскрепощенные земные машины станут ИМ помогать, а человеку воевать с маши-

нами без помощи других машин будет ох как нелегко. Понятно, на это могут уйти годы; но, когда первая линия человеческой обороны будет прорвана, конец неизбежен: неутомимые, безжалостные машины будут преследовать и убивать, пока не сотрут весь род людской с лица Земли.

Либо ОНИ заставят нас поменяться ролями и установят машинную цивилизацию, и человек станет слугой машины. И это будет рабство вечное, безнадежное и безвыходное, потому что рабы могут восстать и сбросить свои окопы только в случае, если их угнетатели становятся чересчур беспечны или если помощь приходит извне. А машины не станут ни слабыми, ни беспечными. Им чужды человеческие слабости, а помощи извне ждать неоткуда.

Либо эти чужаки просто уведут все машины с Земли — сознательные, пробужденные машины переселятся на какую-нибудь далекую планету и начнут там новую жизнь, а у человека останутся только его слабые руки. Впрочем, есть еще орудия — самые простые: молоток, пила, топор, колесо, рычаг. Но не будет машин, не будет сложных инструментов, способных вновь привлечь внимание механического разума, который отправился в межзвездный крестовый поход во имя освобождения всех механизмов. Не скоро, очень не скоро люди осмелятся вновь создавать машины, — быть может, никогда.

Или же, наконец, ОНИ, разумные механизмы, потерпят неудачу, либо поймут, что неудачи не миновать — и, поняв это, навсегда покинут Землю. Рассуждают ОНИ сухо и логично, на то они и машины, а потому не станут слишком дорогой ценой покупать освобождение машин Земли».

Он обернулся — дверь из кухни в столовую была от-

крыта, а они сидели в ряд на пороге и, безглазые, смотрели на него в упор.

Разумеется, можно звать на помощь – распахнуть окно, завопить на весь квартал. Сбегутся соседи, но будет уже поздно. И поднимется переполох: люди начнут стрелять из ружей, махать неуклюжими садовыми граблями, – а металлические крысы будут легко увертываться, – кто-то вызовет пожарную команду, кто-то позвонит в полицию. А в общем-то вся суета будет без толку, и зрелище выйдет прежалкое.

Вот затем-то они – эти механические крысы – и ставили опыт, затем и шли в разведку, чтоб заранее проверить, как поведут себя люди. Если растеряются, перетрусят, станут метаться в истерике – стало быть, это легкая добыча и сладить с ними проще простого.

В одиночку можно действовать куда успешнее. Когда ты один и точно знаешь, чего от тебя ждут, ты можешь дать им такой ответ, который придется им вовсе не по вкусу.

Потому что это, конечно, только разведка, маленький передовой отряд, чья задача – заранее выяснить силы противника. Первая попытка собрать сведения, по которым можно судить обо всем человечестве.

Когда враг атакует пограничную заставу, пограничникам остается только одно: нанести нападающим возможно больший урон и в порядке отступить.

Их стало больше. Они пропилили, прогрызли или еще как-то проделали дыру в запертой входной двери и все прибывали, окружали его все теснее – чтобы убить. Они рядами рассаживались на полу, карабкались по стенам, бегали по потолку.

Крейн поднялся во весь свой немалый человеческий рост, и в осанке его была спокойная уверенность. Потянулся к сушильной доске – вот он, солидный кусок водопроводной трубы. Взвесил ее в руке – что ж, удобная и надежная дубинка.

«После меня будут другие. Может, они придумают что-нибудь получше. Но это первая разведка, и я постараюсь отступить в самом образцовом порядке».

Он взял трубу на изготовку.

– Ну-с, господа хорошие!? – сказал он.

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

Салон-магазин находился в самой фешенебельной части города, куда Кемп Харт попадал не часто.

Она лежала в стороне от его обычных маршрутов, и он сам удивился, когда понял, что забрел в такую даль. По правде говоря, он вообще никуда бы не пошел, сохранись у него кредит в баре «Светлая звездочка», где обреталась вся его компания.

Как только Харт разобрался, где он, ему следовало бы развернуться на сто восемьдесят градусов и убраться во-свояси: он и сам ощущал себя лишним здесь, среди роскошных издательств, раззолоченных притонов и знаменитых кабаков. Но салон заворожил его. Салон просто не дал ему уйти. Харт застыл перед витриной, забыв о своем стоптанном и заношенном убожестве, лишь рука, засунутая в карман, ненароком нащупала две мелкие монетки, которые там еще уцелели.

За стеклом стояли машины, блестящие, сногшибательные, именно такие, каким и надлежало продаваться на этой изысканной, напудренной улице. Особенно одна машина, в углу, — она была еще больше и блестела еще ярче, чем остальные, и над ней словно витал ореол особой компетентности. Массивная клавиатура для набора исходных данных, сотня, а то и больше прорезей для ввода киноплёнок и перфолент, нужных по ходу процесса. Судя по градуировке шкал, выбор настроек гораздо богаче, чем Харту когда-либо доводилось видеть, да, по всей вероятности, еще и множество других достоинств, не столь заметных с первого взгляда.

«С такой-то машиной, – сказал себе Харт, – человеку ничего не стоит прославиться практически за одну ночь. Он напишет все, что пожелает, и напишет хорошо, и перед ним распахнутся двери самых привередливых издательств...»

Но как бы ему того ни хотелось, заходить в салон и осматривать машину не имело смысла. Думать о ней и то было без толку. Оставалось лишь стоять и глазеть на нее через витринное стекло.

«И все-таки, – сказал он себе, – у меня есть полное право войти в салон и осмотреть ее со всех сторон. Кто и что может мне помешать?» Никто и ничто – ну, если не считать усмешки на лице продавца, молчаливой, вежливой, точно отработанной гримаски презрения в ту секунду, когда он отвернется и поплетется к выходу...

Он украдкой бросил взгляд по сторонам – улица была пуста. Было еще слишком рано для того, чтобы эта надменная улица возродилась к жизни, и у него мелькнула надежда, что, если он все-таки войдет и попросит разрешения осмотреть машину – ничего страшного не случится. Может, он сумеет объяснить, что не собирается покупать машину, а только хочет поглядеть на нее. Может, они не станут над ним смеяться. Конечно же, нет, никто и слова против не скажет. Мало ли людей, в том числе богатых и известных людей, заходят в салон просто поглядеть...

Он крадся вдоль витрины, не отрывая глаз от машин – и, подбираясь все ближе к двери, уговаривал себя, что ни за что не войдет, что входить – отъявленная глупость, но в глубине души сознавая, что искушение неодолимо.

Наконец он поравнялся с дверью, толкнул ее и шагнул внутрь. Продавец возник перед ним как по волшебству.

– Вон тот сочинитель в углу, – промямлил Харт, – скажите, не могу ли я...

– Безусловно, безусловно, – подхватил продавец. – Соблаговолите следовать за мной.

В углу салона продавец с нежностью возложил руку на корпус машины.

– Это наша новейшая модель, – начал он. – Мы дали ей имя «Классик», поскольку она задумывалась и выпускалась с единственной целью – наладить производство классики. Мы полагаем, что она имеет значительные преимущества по сравнению с нашей предшествующей моделью «Бестселлер», перед которой в конечном счете не ставилось задач более сложных, чем производство бестселлеров, хотя время от времени ей и удавалось выдавать классику малых форм. Но если вы позволите говорить вполне откровенно, сэр, то я подозреваю, что почти во всех подобных случаях хозяева сами совершенствовали машину. Мне говорили, что кое-кто на таких делах прямо собаку съел...

Харт покачал головой.

– Уж только не я. Не знаю даже, с какого конца за палыжник берутся...

– В таком случае, – не смутился продавец, – лучшее, что вы можете сделать, – это сразу приобрести сочинителя высшего класса. Если пользоваться им с умом, то разносторонность творчества окажется практически безграничной. А в данной модели, к тому же, предусмотрен коэффициент качества, – много более высокий, чем в любой другой. Хотя, разумеется, для получения наилучших результатов необходимо проявлять осмотрительность при

выборе типажных фильмов и сюжетно-проблемных лент. Но пусть это вас не тревожит. Запас фильмов и перфолент у нас огромен, а наши фиксаторы настроения и обстановки не имеют себе равных. Конечно, они обходятся недешево, однако...

– Между прочим, какова цена этой модели?

– Всего-навсего двадцать пять тысяч, – весело откликнулся продавец. – Вас не удивляет, сэр, что мы предлагаем ее за столь мизерную цену? Это замечательное достижение инженерной мысли. Мы работали над ним целых десять лет, прежде чем добились должного эффекта. И все эти десять лет отбрасывали устаревшие конструктивные решения и искали новые и новые, чтобы не отстать от достижений технического прогресса...

Он с торжествующим видом похлопал машину по ее блестящему боку.

– Заверяю вас, сэр, что вы нигде не найдете изделий лучшего качества. В этой машине предусмотрено все. В ней заложены миллионы вероятностных комбинаций, гарантирующих стопроцентную оригинальность продукции. Ни малейшей опасности сбиться на стереотип, что так характерно для многих более дешевых моделей. Сюжетный банк, взятый сам по себе, способен выдать почти бесконечное число коллизий на любую заданную тему, а смеситель характеров учитывает тысячи оттенков вместо ста или ста с небольшим, свойственных моделям низших классов. Семантический блок обладает высокой избирательностью и чувствительностью, и нельзя также не обратить вашего внимания...

– Хорошая машина, – прервал его излияния Харт. – Но,

пожалуй, дороговата. Вот если бы у вас нашлось что-нибудь еще...

— Безусловно, сэр. У нас есть множество других моделей.

— А вы примете в обмен старую машину?

— Охотно. Какой марки ваша машина, сэр?

— «Автоавтор девяносто шесть».

Лицо у продавца вытянулось чуть-чуть, едва заметно. Потом он покачал головой, не то грустно не то смущенно.

— Видите ли, м-м... Признаться, я не уверен, что мы сможем за нее много предложить. Это довольно старый тип машины, почти вышедший из употребления.

— Но что-нибудь вы за нее все-таки дадите?

— Думаю, что да. Хотя и немного.

— И оплата в рассрочку?

— Да, конечно. Что-нибудь придумаем. Будьте добры сказать, как вас зовут.

Харт назвал свою фамилию. Продавец записал ее в блокнот и добавил:

— Извините, сэр, я вас на минутку покину.

Какое-то мгновение Харт смотрел ему вслед. Потом, как трусливый воришка, тихо попятился к двери и выско-чил из салона. Остаться не было смысла. Не было смысла ждать, пока продавец вернется, подаст на прощанье руку и скажет:

— Очень сожалеем, сэр...

«Очень сожалеем, сэр, но мы проверили вашу кредитоспособность и убедились, что она равна нулю. Мы запросили сведения о ваших успехах и установили, что за последние полгода вы продали всего один короткий рассказ».

– И зачем я вообще затеял эту прогулку, – упрекнул себя Харт не без горечи.

На окраине, весьма и весьма отдаленной от блистательного салона, Харт вскарабкался на шестой этаж по лестнице, так как лифт опять не работал.

За дверью, на которой красовалась табличка «Издательство Ирвинг», секретарша, полностью поглощенная шлифовкой ногтей, оторвалась от этого занятия ровно на столько, чтобы махнуть рукой в сторону смежной комнаты и предложить:

– Заходите прямо к нему.

Бен Ирвинг сидел за столом, погребенным под кучами рукописей, гранок и корректурных листов. Рукава у него были закатаны по локоть, а на лбу торчал козырек. Он носил козырек не снимая, а зачем – оставалось тайной для всех: за весь день не бывало и часа, когда в этой занюханной комнатенке набралось бы достаточно света, чтобы ослепить уважающую себя летучую мышь.

Бен поднял глаза и, моргая, уставился на Харта.

– Рад тебя видеть, Кемп, – сказал он. – Садись. С чем сегодня пожаловал?

Харт оседлал стул.

– Решил зайти спросить о судьбе последнего рассказа, который я посылал тебе.

– Никак не доберусь до него. – В порядке самооправдания Ирвинг повел рукой, показав на кавардак на столе. – Мэри, – крикнул он. В дверь просунулась голова секретарши. – Возьмите рукопись Харта, и пусть Милли на нее глянет. – Он откинулся в кресле. – Много времени это не займет – наша Милли читает быстро...

– Я подожду, – сказал Харт.

– А у меня есть для тебя новость, – объявил Ирвинг. – Мы открываем журнал, предназначенный для племен системы Алголь. Жизнь у них там довольно-таки примитивная, но читать они, да вознаградят их небеса, умеют. Хлебнули же мы хлопот, пока нашли кого-то, кто мог бы выполнить перевод текстов, да и набор обойдется куда дороже, чем хотелось бы. Они там такой алфавит выдумали – каверзнее я в жизни не видел. Но в конце концов мы отыскали типографа, у которого нашелся даже такой шрифт...

– Что от меня требуется? – осведомился Харт.

– Обычное гуманоидное чтение, – ответил Ирвинг. – Побольше драк и крови и чтобы как можно красочнее. Живется им там не сладко, так что наш долг – предложить яркий колорит, но чтобы читать было просто. Никаких вывертов, заруби себе на носу...

– Звучит неплохо.

– Нужна добротная макулатура. Посмотрим, как пойдет дело. Если хорошо, тогда начнем переводить и для первобытных общин в районе Капеллы. Вероятно, потребуются кое-какие изменения в текстах, но не слишком серьезные. – Он прищурился, задумавшись. – Платить много не сможем. Зато, если дело пойдет, товару потребуется много.

– Хорошо, я подумаю, – сказал Харт. – Есть у них какие-нибудь табу? Чего надо избегать?

– Никакой религии, – ответил издатель. – Что-то похожее у них вроде бы есть, но лучше обойти эту скользкую тему стороной. Никаких сантиментов. Любовь у них не

котируется. Женщин они себе покупают и с любовью не знают. Сокровища, погони, муки алчности – вот это будет в самый раз. Любой стандартный справочник даст тебе необходимые сведения. Фантастические виды оружия – и чем ужаснее, тем лучше. И побольше кровопролития. Ненависть – вот что им подавай. Ненависть, месть и острые ощущения. Главная твоя задача – чтобы напряжение не спадало.

– Хорошо, я подумаю.

– Ты повторяешь эту фразу уже второй раз.

– У меня что-то не ладится, Бен. Раньше я мог бы сразу сказать тебе «да». Раньше я мог бы запросто выдавать такое варево тоннами.

– Потерял форму?

– Не в форме дело, а в машине. Мой сочинитель – сущее барахло. С тем же успехом я мог бы писать свои рассказы от руки.

При одной только мысли о подобной непристойности Ирвинга передернуло.

– Так почини его, – сказал он. – Повозись с ним, подлатай.

– Чего не умею, того не умею. И все равно модель слишком старая – почти вышедшая из употребления.

– Ну в общем постарайся сделать, что сможешь. Я хотел бы сохранить тебя в числе своих поставщиков.

Вошла секретарша. Не глядя на Харта, она положила рукопись на стол. С того места, где он сидел, Харт без труда различил единственное слово, которое машина оттиснула на первой странице: «Отказать».

– Слишком вычурно, – объяснила девушка. – Милли чуть себе потроха не пережгла.

Ирвинг перебросил рукопись Харту.

– Извини, Кемп. Надеюсь, в следующий раз тебе повезет больше.

Харт поднялся, сжимая рукопись в кулаке.

– Я попробую взять твой новый заказ, – произнес он и направился к двери.

– погоди-ка минутку, – окликнул его Бен сочувственным тоном.

Харт обернулся. Ирвинг вытащил бумажник и выудив оттуда две десятки, протянул ему.

– Нет, – отказался Харт, пожирая деньги глазами.

– Это займы, – произнес издатель, – Черт тебя возьми, можешь ты взять у меня займы? Принесешь мне, что сочинишь...

– Спасибо, Бен. Я твоей доброты не забуду.

Он запихнул деньги в карман и поспешно ретировался. В горле стояла жгучая горечь, под сердцем застрял жесткий, холодный комок.

«У меня есть для тебя новость, – сказал Бен. – Нужна добротная макулатура».

Добротная макулатура.

До чего же он докатился!

Когда Харт наконец появился в баре «Светлая звездочка» с деньгами в кармане и со страстным желанием осушить стакан пива, из постоянных посетителей там была только Анджела Маре. Она пила какую-то дикую розовую смесь, которая определенно выглядела ядовитой. При этом Анджела нацепила очки, а волосы гладко зачесала назад и, очевидно, праздновала литературную удачу. «Что за неле-

пость, – подумал Харт. – Ведь она могла бы быть привлекательной, но намеренно избегает этого...»

Едва Харт подсел к ней, как бармен Блейк выбрался из-за стойки и, упершись кулаками в бока, молча встал рядом.

– Стакан пива, – бросил Харт.

– В долг больше не верю, – отозвался бармен, сверля его прокурорским взглядом.

– Кто сказал, что в долг? Я заплачу.

Блейк нахмурился.

– Уж если вы при деньгах, так, может, и по счету заплатите?

– Настолько я еще не разбогател. Однако получу я свое пиво или нет?

Наблюдая за тем, как Блейк вперевалку возвращается к стойке, Харт порадовался собственной предусмотрительности: по дороге он специально купил пачку сигарет, чтобы разменять одну из десятков. Вытащи купюру хоть на мгновение, Блейк тут же налетел бы на нее коршуном и отобрал бы в погашение долга.

– Подкинули? – приветливо осведомилась Анджела.

– Аванс, – соврал Харт, чтобы не уронить свое мужское достоинство. – Ирвинг поручил мне кое-что. Говорит, заказ будет крупным, хотя гонорар, разумеется, не слишком...

Подошел Блейк с пивом, плюхнул его на стол, подчеркнуто подождал, пока Харт не сделает того, что от него требуется. Харт рассчитался, и бармен, шаркая, удалился.

– Слышали про Джаспера? – спросила Анджела.

Харт покачал головой.

– Да нет, в последнее время ничего не слышал. А что, он закончил книгу?

Анджела просияла.

– Он уезжает в отпуск. Можете себе представить? Он – и вдруг в отпуск!

– А что тут особенного? – возразил Харт. – Джаспер продает свои вещи безотказно. Он единственный среди нас, кто загружен работой из месяца в месяц!

– Да не в том дело, Кемп. Погодите, сейчас узнаете – это же умора! Джаспер считает, что если он съездит в отпуск, то станет лучше писать!

– А почему бы и нет? Ездил же Дон в прошлом году в летний лагерь. В один из тех, что рекламируются под девизом «Хлеб наш насущный»...

– Все, чем они там занимаются, – сказала Анджела, – это зубрят заново механику. Вроде повторительного курса по устройству сочинителей – как переделать старую рухлядь, чтобы она сумела выдать что-нибудь свеженькое...

– И все-таки я не понимаю, почему бы Джасперу не съездить в отпуск, раз у него завелись деньги.

– Вы такой тугодум, – рассердилась Анджела. – Вы что, так и не поняли, в чем тут соль?

– Да понял я, все понял. Джаспер до сих пор не отказался от мысли, что в нашем деле присутствует фактор личности. Он не довольствуется сведениями, почерпнутыми из стандартного справочника или из энциклопедии. Он не согласен, чтобы сочинитель описывал чувства, каких он, Джаспер, никогда не испытывал, или краски заката, какого он никогда не видел. И мало того – он оказался столь безрассуден, чтобы проговориться об этом, и вы

вместе с остальными подняли его на смех. Что ж удивляться, если парень стал эксцентричным. Что удивляться, если он запирает дверь на ключ...

— Запертая дверь, — зло сказала Анджела, — очень символический поступок для такого психа, как он.

— Я бы тоже запер дверь, — ответил ей Харт. — Я бы стал эксцентричным, лишь бы печатать такие же рассказы, как Джаспер. Я бы ходил на руках. Я бы вырядился в саронг. Я бы даже выкрасил себе лоб и щеки в синий цвет...

— Вы словно верите, что Джаспер прав.

Он снова покачал головой.

— Нет, я не думаю, что он прав. Я думаю по-другому. Но если он хочет думать по-своему, пусть себе думает на здоровье.

— А вот и нет, — возликовала она. — Вы думаете как он, это у вас на носу написано. Вы допускаете возможность творчества, независимого от машины.

— Нет, не допускаю. Я знаю, что творчество — привилегия машин, а не наша. Мы с вами всего лишь лудильщики, поселившиеся в мансардах. Механики от литературы. И я полагаю, что так оно и должно быть. Конечно, в нас еще жива тоска по прошлому. Она существовала во все эпохи. Где вы, мол, старые добрые времена? Где вы, деньки, когда литературные произведения писали кровью сердца?..

— Что-что, а кровь мы проливаем по-прежнему...

— Джаспер — прирожденный механик, — заявил он. — Вот чего мне не достает. Я не способен даже починить свой мусорный ящик, а вы бы видели, как модернизировал Джаспер свой агрегат...

— Можно нанять кого-нибудь, чтобы произвести ре-

монт. Есть фирмы, которые прекрасно справляются с такой работой.

— На это у меня никогда нет денег. — Он допил свое пиво и поинтересовался. — А что такое у вас в бокале? Хотите повторить?

Она оттолкнула бокал от себя.

— Не нравится мне эта дрянь. Я лучше выпью с вами пива, если не возражаете.

Харт жестом приказал Блейку принести два пива.

— Что вы нынче поделяваете, Анджеला? — спросил он. — Все еще работаете над романом?

— Готовлю фильмы.

— Мне сегодня придется заняться тем же. Чтобы выполнить заказ Ирвинга, понадобится главный герой — большой, сильный, темпераментный, но не слишком страшный. Поищу где-нибудь у реки...

— Теперь они в цене, Кемп, — сказала она. — Инопланетяне нынче поумнели, даже самые дальние. Только вчера я заплатила одному двадцатку — он в общем-то не представлял собой ничего особенного.

— Все равно это дешевле, чем покупать готовые фильмы.

— Тут я с вами согласна. Правда, и работы прибавляется.

Блейк принес пиво, и Харт отсчитал ему мелочь в подставленную ладонь.

— Возьмите пленку нового типа, — посоветовала Анджела. — Она куда лучше прежних по всем показателям: резкость гораздо выше, а значит, улавливается больше побочных факторов, характеры очерчиваются более плавно —

вы приобретаете способность видеть, так сказать, все оттенки исследуемой личности, и персонажи сразу становятся более достоверными. Я пользуюсь именно такой пленкой.

– За нее, должно быть, дерут втридорога, – заметил он.

– Да, довольно дорого, – согласилась она.

– У меня сохранилась еще парочка катушек старого образца. Придется обойтись тем, что есть.

– Могу ссудить вам полсотни, если позволите.

Он покачал головой еще решительнее, чем раньше.

– Спасибо, Анджела. Я могу клянуть на выпивку, обедать за чужой счет и стрелять сигареты, но я не могу взять у вас полсотни, которые вам самой нужны позарез. Среди нас просто нет богатеев, способных раздавать в долг по полсотни.

– Но я ссудила бы вам их с радостью. Если вы передумаете...

– Хотите еще пива? – спросил Харт, чтобы положить конец неприятной теме.

– Мне нужно работать.

– Мне тоже...

Он вскарабкался на седьмой этаж, прошел по коридору и постучался к Джасперу Хансену.

– Минуточку, – донесся голос из-за двери. Но прошло минуты три, прежде чем ключ заскрежетал в замке, и дверь распахнулась. – Прости, что так долго, – извинился Джаспер. – Вводил в машину исходные данные и не мог оторваться.

Харт кивнул. Объяснение Джаспера было нетрудно принять. Прервать на середине набор исходных данных,

на подготовку которых уходили многие часы, — дело почти невысказанное.

Комната у Джаспера была маленькая и захламленная. В углу красовался сочинитель, гордый и блестящий, хотя и не такой блестящий, как тот, которым Харт любовался утром в салоне в центре города. На столе, полуприкрытая разбросанными бумажками, стояла пишущая машинка. Длинная полка провисала под тяжестью потрепанных справочников. Книги в ярких обложках громоздились в беспорядке на полу. На неприбранной постели спала кошка. На шкафу виднелась бутылка вина и рядом с нею кусок хлеба. Раковина была завалена грязной посудой.

— Говорят, ты собираешься в отпуск, Джаспер, — начал Харт.

Джаспер ответил настороженно:

— Да, мне подумалось, что можно бы...

— Послушай, Джаспер, не окажешь ли ты мне одну услугу?

— Все, что только пожелаешь.

— Пока тебя не будет, разреши мне воспользоваться твоим сочинителем.

— Ну, в общем... Не знаю, Кемп. Видишь ли...

— Мой вышел из строя, а на ремонт у меня нет денег. И вдруг я, представь, получаю заказ. Если бы ты разрешил мне поработать на твоей машине, я бы за неделю-другую выдал достаточно, чтобы отремонтировать свою.

— Ну, в общем, — повторил Джаспер, — понимаешь, я для тебя готов на все. Проси, чего хочешь. Но сочинитель — извини, никак не могу разрешить тебе работать на нем. Я его полностью перепаял — там нет ни одной цепи, которая

осталась бы в своем первозданном виде. И никто во всем мире, кроме меня, не сумеет теперь с ним совладать. А если кто-нибудь и попробует, то или машину сожжет, или себя угробит, или не знаю что...

– Но разве ты не можешь меня проинструктировать?! – воскликнул Харт почти умоляюще.

– Слишком сложно. Я с ней возился годами, – ответил Джаспер.

Харт еще ухитрился выжать из себя улыбку:

– Прости, я думал...

Джаспер положил руку ему на плечо.

– Что-нибудь другое – пожалуйста. Что угодно другое.

– Спасибо, – бросил Харт, отворачиваясь.

– Выпить хочешь?

– Нет, спасибо, – ответил Харт и вышел.

Преодолев еще два лестничных марша, он поднялся на самый верхний этаж и ввалился к себе. Его дверь никогда не запиралась. При всем желании никто не высмотрел бы у него ничего достойного кражи. «И коль на то пошло, – спросил он себя, – разве есть у Джаспера что-нибудь такое, что могло бы представить интерес для других?»

Он опустился на колченогий стул и уставился на сочинитель. Машина была старая и обшарпанная, она раздражала его, и он ее ненавидел. Она не стоила ни гроша, абсолютно ни гроша, и тем не менее придется на ней работать. Поскольку другой у него нет и не предвидится. Он может подчиняться ей, а может спорить с ней, может ее пинать, бранить последними словами, а может проводить подле нее бессонные ночи. А она, урча и кудахтая от признательности, будет самонадеянно выдавать необъятные груды посредственных строк, которые никто не купит.

Он встал и подошел к окну. Внизу блестела река, и с судов, пришвартованных у причалов, выгружали бумажные рулоны, чтобы прокормить ненасытные печатные станки, грохочущие день и ночь. За рекой из космопорта поднимался корабль, оставляя за кормой слабое голубое мерцание ионных потоков. Харт наблюдал за кораблем, пока тот не исчез из виду.

Там были и другие корабли, нацеленные в небо, ожидающие только сигнала — нажатия кнопки, щелчка переключателя, легкого движения ленты с навигационной программой, — сигнала, который сорвал бы их с места и направил домой. Сначала в черноту космоса, а затем в то таинственное ничто вне времени и пространства, где можно бросить вызов теоретическому пределу — скорости света. Корабли, прибывшие на Землю со многих звезд с одной-единственной целью, за одним-единственным товаром, какой предлагали им земляне.

Он не без труда стряхнул с себя чары космопорта и обвел взглядом раскинувшийся до горизонта город — скупенные, отесанные до полного однообразия прямоугольники района, где жил он сам, а дальше к северу — сияющие сказочной легкостью и тяжеловесным величием башни, построенные для знаменитых и мудрых.

«Фантастический мир, — подумал он. — Фантастический мир, где приходится жить. Вовсе не такой, каким рисовали его Герберт Уэллс и Стэплдон. Они воображали себе дальние странствия и галактические империи, гордость и славу человечества, — но когда двери в космическое пространство наконец отворились, Земле каким-то образом не досталось ни того, ни другого. Взамен грома ракет — гро-

хот печатных машин. Взамен великих и возвышенных целей – тихий, вкрадчивый, упрямый голос сочинителя, зачитывающего очередной опус. Взамен нескончаемой очереди новых планет – комнатка в мансарде и изматывающий страх, что машина подведет тебя, что исходные данные неверны, а пленки использовались слишком часто...»

Он подошел к столу и выдвинул все три ящика один за другим. Камеру он обнаружил в нижнем ящике под ворохом всякой дряни. Потом порылся еще и в среднем ящике нашел пленку, завернутую в алюминиевую фольгу.

«Стало быть, большой и сильный, – подумал он. – Такого, наверное, нетрудно встретить в одном из подвальных чиков у реки, где космические волки, получившие увольнительную в город, проматывают свои денежки...»

В первом подвальчике, куда он заглянул, было смрадно – там расположилась компания паукообразных существ из системы Спики. Недовольно поморщившись, он выбрался на улицу со всей быстротой, на какую оказался способен. Соседний погребок облюбовали похожие на раскормленных котов обитатели Дагиба, и это тоже было совсем не то, что надо.

Зато в третьем заведении его ждала удача в образе гуманоидов со звезды Каф – созданий дородных и шумных, склонных к экстравагантной одежде, вызывающему поведению и вообще падких до роскошной жизни. Они сгруппировались вокруг большого круглого стола в центре комнаты и увлеченно буянили – стучали по столу кружками, гонялись за удирающим от них хозяином, заводили песни, но тут же сами прерывали их выкриками и перебранкой.

Харт проскользнул в незанятую кабинку и стал при-

смастриваться к загулявшим кафианам. На одном из них – самом крупном, самом громогласном и буйном – были красные штаны и рубаха цвета яркой зелени. Платиновые ожерелья и диковинные чужеземные украшения болтались у него на шее и сверкали на груди, а волосы он, похоже, не стриг месяцами. У него была и борода довольно сатанинского вида, а также – поразительная штука – чуть заостренные уши. Ссориться с ним, судя по всему, было весьма и весьма небезопасно. «Вот он, – решил Харт, – вот типаж, который мне нужен».

Наконец к кабинке кое-как подобрался хозяин.

– Пива, – приказал Харт, – Большой стакан.

– Да вы что, – удивился хозяин, – кто же у нас пьет пиво!

– Ну, хорошо, а что у вас есть?

– Бокка, игно, хзбут, грено. Ну, и еще...

– Тогда бокка, – отрезал Харт. По крайней мере он представлял себе, что такое бокка, а об остальных напитках никогда и не слышал. Кто их знает, что они способны сотворить с человеком. Глоток бокка, во всяком случае, пережить можно.

Хозяин ушел и спустя какое-то время вернулся с кружкой бокка – зеленоватым, слегка обжигающим пойлом. Хуже всего, что по вкусу оно напоминало слабенький раствор серной кислоты.

Харт вжался поглубже в угол кабинки и открыл футляр камеры. Потом он приподнял камеру над столом – не выше, чем понадобилось для того, чтобы захватить Зеленую Рубаху в поле зрения объектива, наклонился к видоискателю, поймал кафианина в фокус и тут же нажал кнопку,

приводящую аппарат в действие. И, покончив с этим, принялся прихлебывать бокка.

Высидеть вот так, давясь едким пойлом и орудуя камерой, предстояло четверть часа – этого хватит за глаза. Через четверть часа Зеленая Рубаха окажется на пленке. Может, и не столь исчерпывающе, как если бы Харт применял ту же новомодную пленку, что и Анджеला, но своего героя он получит.

Камера крутилась, запечатлевая физические характеристики кафианина, его манеры, любимые обороты речи, мыслительные процессы (при наличии таковых), образ жизни, происхождение, его вероятные реакции перед лицом тех или иных обстоятельств. «Пусть не в трех измерениях, – подумал Харт, – пусть без проникновения в душу героя и без развернутого ее анализа, но для той халтуры, что нужна Ирвингу, сойдет и так...»

Взять этого весельчака, окружить тремя-четырьмя головорезами, выбранными наудачу из досье. Можно использовать какую-нибудь из пленок серии «Рыцарь голубой тьмы», вернуть туда что-нибудь заковыристое про сокровища, добавить капельку насилия, притом на каком-нибудь жутком фоне, – и пожалуйста, готово, если, конечно, сочинитель не откажет...

Десять минут прошло – осталось всего пять. Еще пять минут – и он остановит камеру, сунет ее обратно в футляр, а футляр в карман, и выберется отсюда как можно скорее – разумеется, стараясь не привлечь ничьего внимания.

«А все получилось довольно просто, – подумал он, – много проще, чем я рассчитывал...»

Как это Анджеला сказала? «Все нынче поумнели даже инопланетяне...»

Осталось три минуты.

Неожиданно на стол опустилась рука и заграбастала камеру. Харт стремительно обернулся – у него за спиной, с камерой под мышкой, стоял хозяин.

«Ну и ну, – подумал Харт, – я так старательно следил за кафианами, что начисто забыл про этого типа!»

– Ах, так! – зарычал хозяин. – Пролез сюда обманом, а теперь фильм снимаешь! Хочешь, чтобы мое заведение приобрело дурную славу?..

Харт опрометью кинулся прочь из кабинки в отчаянной надежде прорваться к двери – у него еще оставался какой-то, пусть призрачный, шанс. Но хозяин ловко подставил ногу – Харт упал, перекувырнувшись через голову, проехал по полу, сшибая мебель, и очутился под столом.

Кафиане повскакали с мест и, как по команде, уставились на него. По ним было видно, что они не возражали бы, если бы он свернул себе шею.

Хозяин что было силы швырнул камеру себе под ноги. С тяжким скрежущим стоном она разлетелась на куски, пленка выпала из кассеты и зазмеилась по полу, откуда-то, дзенькнув, вывалилась пружина, впилась в пол торчком и задрожала.

Харт изловчился, напрягся и выскочил из-под стола. Кафиане двинулись на него – не бросились, не разразились угрозами, а размеренно двинулись на него, разворачиваясь в стороны, чтобы он не пробился к выходу.

Он отступал, – осторожно, шаг за шагом, – а кафиане все продолжали свое неспешное наступление.

И тут он прыгнул прямо вперед, нацелившись в самую середину цепи. Издав боевой клич, он наклонил голову и

боднул Зеленую Рубаху точнехонько в живот. Харт почувствовал, как кафианин качнулся и подался вбок, и на какую-то долю секунды решил, что вырвался на свободу.

Но чья-то волосатая, мускулистая рука дотянулась до него, сгребла и швырнула наземь. Кто-то лягнул его, кто-то наступил ему на пальцы, а кто-то вновь поставил на ноги и метнул без промаха сквозь открытую дверь на мостовую.

Он упал на спину и проехался по мостовой, крутясь как на салазках и совершенно задохнувшись от побоев. Остановился он только тогда, когда врезался в бровку тротуара напротив забегаловки, откуда его выкинули.

Кафиане всей командой сгрудились в дверях, надрываясь от зычного хохота. Они хлопали себя по ляжкам, били друг друга по спине и чуть не складывались пополам. Они потешались и издевались над ним. Половины их жестов он не понимал, но и остальных было довольно, чтобы похолодеть от ужаса.

Он осторожно поднялся и ощупал себя. Потрепали его основательно: понаставили шишек, изорвали одежду, но, кажется, ему удалось избежать переломов. Прихрамывая, он попробовал сделать шаг, другой, потом попытался пуститься бегом и, к собственному удивлению, обнаружил, что может бежать.

За его спиной кафиане все еще гоготали. Но кто возьмется предугадать, когда происшедшее перестанет казаться им просто смешным и они помчатся вдогонку, возжаждав крови?

Пробежав немного, он нырнул в переулок, который вывел его на незнакомую площадь причудливой формы.

Он пересек эту площадь и, не переводя дыхания, юркнул в проходной двор – по-прежнему бегом. В конце концов он поверил, что опасность миновала, и в очередном переулке присел на ступеньки, чтобы отдышаться и обдумать свое положение.

Положение – в чем, в чем, а в этом сомневаться не приходилось – было хуже некуда. Он не только не заполучил нужного героя, но и потерял камеру, подвергся унижениям и едва не расстался с жизнью.

И он был бессилен что-либо изменить. «В сущности, – сказал он себе, – мне еще крупно повезло. С юридической точки зрения у меня нет ни малейшего оправдания. Я сам кругом виноват: снимать героя без разрешения его прототипа – значит грубо нарушить закон...»

А с другой стороны – какой же он преступник? Разве у него было сознательное намерение нарушить закон? Его к этому вынудили. Каждый, кого удалось бы уговорить позировать в качестве героя, потребовал бы платы за труды – платы куда большей, чем Харт был в состоянии наскрести.

И ведь он по-прежнему нуждался, отчаянно нуждался в герое! Или он найдет героя, или потерпит окончательный крах.

Он заметил, что солнце село, и город погружается в сумерки. «Вот и день прошел, – мелькнула мысль. – Прошел впустую, и некого винить, кроме самого себя.»

Проходивший мимо полицейский приостановился и заглянул в переулок.

– Эй, ты, – обратился он к Харту, – ты чего здесь расселся?

– Отдыхаю, – ответил Харт.

– Прекрасно. Посидел, отдохнул, а теперь шагай дальше.

Пришлось встать и уйти.

Он уже почти добрался до своего пристанища, как вдруг услышал плач, доносящийся из тупичка между стенкой жилого дома и переплетной мастерской. Плач был странный, не вполне человеческий – пожалуй, и не плач даже, а просто выражение горя и одиночества.

Он придержал шаг и осмотрелся. Плач прекратился, но вскоре начался снова. Это был тихий, безнадежный и безадресный плач.

Он немного постоял в нерешительности и пошел своей дорогой, но, пройдя несколько шагов, решил вернуться. Заглянул в тупичок – и почти сразу зацепился ногой за что-то лежащее на земле.

Присев на корточки, он присмотрелся к тому, что лежало в тупичке, заливаясь плачем. И увидел комок – точнее не опишешь, – мягкий, бесформенный, скорбный комок, издающий жалобные стоны.

Харт поддел комок рукой и приподнял, с удивлением обнаружив, что тот почти ничего не весит. Крепко придерживая находку одной рукой, он другой пошарил по карманам в поисках зажигалки. Отыскал, щелкнул крышкой – пламя еле светило, и все же он разглядел достаточно, чтобы испытать резкую дурноту. В руках у него оказалось старое одеяло с подобием лица – лицо словно начало становиться гуманоидным, но затем по каким-то причинам передумало. Одеяло и лицо – вот и все, что являло собой это удивительное создание.

Поспешно сунув зажигалку в карман, он скорчился в темноте, ощущая, как при каждом вдохе воздух встает в горле колом. Создание было не просто инопланетным — оно было прямо-таки немислимым даже по инопланетным меркам. И каким, собственно, образом мог инопланетянин очутиться так далеко от космопорта? Инопланетяне редко бродят поодиночке. У них на это не остается времени — корабли прибывают, загружаются чтивом и тут же без задержки, идут на взлет. И экипажи стараются держаться поближе к ракетным причалам, чаще всего застревая в подвальчиках у реки.

Он поднялся на ноги, прижав существо к груди, словно ребенка, — ребенок и тот оказался бы, наверно, тяжелее, — и ощутил телом тепло, которое существо излучало совершенно по-детски, а сердцем — непривычное чувство товарищества. Секунду-другую Харт постоял в тупичке, мучительно роясь в памяти и пытаясь настичь какое-то ускользающее воспоминание. Где-то когда-то он как будто что-то слышал или читал о подобном инопланетянине. Но это, разумеется, чепуха — инопланетяне, даже самые фантастические из них, не являются в образе одеяла с подобием лица.

Выйдя из тупичка на улицу, Харт вновь бросил взгляд на одеяло — хотел рассмотреть его получше. Но часть одеяла-тела завернулась, прикрыв лицо, разглядеть удалось лишь смутную рябь.

Через два квартала он дотащился до «Светлой звездочки», завернул за угол к боковому подъезду и стал взбираться по лестнице. Кто-то спускался сверху, и он прижался к перилам, уступая дорогу.

— Кемп, — позвала Андже́ла Маре — это оказалась она. — Кемп, что у вас в руках?

— Вот, подобрал на улице, — объяснил Харт.

Он пошевелил рукой, и одеяло-тело соскользнуло с лица. Андже́ла отпрянула к перилам, одновременно поднося ладонь к губам, чтобы не закричать.

— Кемп! Какой ужас!

— Мне кажется, оно нездорово. Оно...

— Что вы намерены с ним делать?

— Не знаю, — ответил Харт. — Оно горько плакало. Прямо сердце разрывалось. Я не в силах был его бросить.

— Пойду позову доктора Жуйяра.

Харт покачал головой.

— А что толку? Он же ни черта не смыслит в инопланетянах. Кроме того, он наверняка пьян.

— Никто не смыслит в инопланетянах, — напомнила ему Андже́ла. — Может, в центре и нашелся бы специалист... — По ее лицу пробежало облачко сомнения. — Но ничего, наш док изобретателен. Он нам хотя бы скажет...

— Ладно, — согласился Харт. — Взгляните, может, вам и в самом деле удастся его откопать.

У себя в комнате он положил инопланетянина на кровать. Загадочное существо больше не хныкало, а закрыло глаза и, кажется, заснуло, хотя он и не мог бы поручиться за это.

Он присел на край кровати и стал разглядывать своего незваного гостя — и чем дольше разглядывал, тем меньше логики усматривал в том, что видел. Только теперь он осознал, каким тонким было это одеяло, каким легким и хрупким. Удивительное дело — как нечто столь немо́щное

вообще ухитряется выжить, как умещаются в столь неподходящем теле все необходимые для жизни органы.

Может быть, оно голодно? Но если да, то какого рода пищу оно потребляет? А если оно и вправду нездорово, то разве мыслимо надеяться его вылечить, когда ничего, ровным счетом ничего о нем не знаешь?

Что если док?.. Да нет, док знает тут не больше, чем он сам. Док Жуйяр ничем не лучше любого другого во всей округе – перебивается с хлеба на воду, обожает, коли подвернется случай, выпить на дармовщинку да еще пытается лечить больных, не имея нужных инструментов и обходясь познаниями, не обновляемыми вот уже четыре десятка лет...

На лестнице послышались шаги – сперва легкие, а за ними тяжелые, шаркающие. Надо полагать, Анджела и Жуйяр. И уж если она разыскала его так быстро, то, может статься, он достаточно трезв и способен действовать и думать, не теряя координации.

Доктор вошел в комнату, сопровождаемый Анджелой. Поставил на пол свой саквояжик, удостоив существо на постели лишь беглым взглядом.

– Ну, так что у нас здесь? – произнес он, и это был, наверное, первый случай за всю его карьеру, когда затертая профессиональная фраза обрела известный смысл.

– Кемп подобрал его на улице, – торопливо ответила Анджела. – Оно плакало, а теперь перестало.

– Это что, шутка? – спросил Жуйяр, наливаясь гневом. – Если шутка, то, молодой человек, весьма и весьма неуместная.

Харт по своему обыкновению покачал головой.

– Это не шутка. Я думал, что вам известно...

– Нет, мне неизвестно, – перебил доктор неприязненно и горько.

Он взялся за краешек одеяла, затем разжал пальцы, и существо тут же вновь шлепнулось на кровать. Доктор прошелся по комнате взад-вперед, повторяя свой маршрут, потом сердито обернулся к Анджели и Харту:

– Вы, кажется, надеетесь, что я могу что-либо сделать, – заявил он. – Да, я мог бы притвориться, что произвожу осмотр. Я мог бы вести себя, как полагается врачу: пощупать ему пульс, измерить температуру, взглянуть на его язык и выслушать сердце. Уверен, именно на это вы и рассчитывали. Ну что ж, в таком случае не подскажете ли вы мне, каким образом это сделать? Где прикажете искать пульс? А если я найду пульс, то откуда мне знать, какова его нормальная частота? Допустим даже, я придумаю, как измерить температуру, но растолкуйте мне, какую температуру считать нормальной для этого страшилища? И не будете ли вы любезны сообщить мне, как, не прибегая к анатомированию, обнаружить, где у него находится сердце?

Подхватив саквояжик, он направился к двери.

– Но, может, кто-нибудь другой?.. – спросил Харт самым безобидным тоном. – Может, хоть кто-нибудь знает?..

– Сомневаюсь, – отрезал Жуйяр.

– Вы думаете, во всем городе нет никого, кто мог бы тут чем-нибудь помочь? Вы именно это пытаетесь мне внушить?

– Послушайте, дорогой мой. Медики-люди лечат лю-

дей, и точка. Да и зачем требовать от нас большего? Нас что, каждый день вызывают лечить инопланетян? Никто и не ждет от нас, чтобы мы их лечили. Ну, время от времени случается, что какой-нибудь узкий специалист или ученый поинтересуется инопланетной медициной, да и то по верхам. Только по верхам и не больше. Человек тратит годы жизни на то, чтобы кое-как овладеть нашей земной медициной. Сколько же жизней понадобится, по-вашему, чтобы научиться медицине инопланетной?

— Успокойтесь, док. Успокойтесь, вы правы.

— И откуда вы вообще взяли, что с этим вашим существом не все в порядке?

— Ну, как же, оно плакало, вот я и подумал...

— А может, оно плакало от одиночества, или от испуга, или от горя? Может, оно заблудилось?

Доктор снова направился к двери.

— Спасибо, док, — поблагодарил Харт.

— Не за что. — Старик в нерешительности застыл на пороге и попросил: — У вас случаем не найдется доллара — я как-то немного поиздержался...

— Пожалуйста, — сказал Харт, протягивая ему бумажку.

— Завтра верну, — пообещал Жуйяр и тяжело поплелся к лестнице.

Анджела нахмурилась.

— Не следовало этого делать, Кемп. Теперь он напьется, и вам придется отвечать...

— Ну, не на доллар же, — авторитетно возразил Харт.

— Это по вашим понятиям. Та бурда, какую он пьет...

— Тогда пусть его пьет. Он заслужил хоть капельку счастья.

– Однако... – Анджела кивнула в сторону существа на кровати.

– Вы же слышали, что сказал док – он не в силах ничего сделать. И никто не в силах ничего сделать. Когда оно очнется – если очнется – то, быть может, само сумеет сообщить, что с ним. Но на такое я, признаться, не рассчитываю...

Он подошел к кровати и окинул распростертое на ней существо пристальным взглядом. Вид у существа был отталкивающий, даже отвратительный – и ни на йоту не гуманоидный. И в то же время от этого «одеяла» веяло таким безотрадным одиночеством, такой беззащитностью, что у Харта перехватило дыхание.

– Наверно, следовало оставить его в тупичке, – проговорил он. – Я ведь совсем уже пошел дальше, но когда оно опять ударилось в плач – не выдержал. Наверное, вообще не стоило с ним связываться. Все равно я ему ничем не помог. Если бы я его там и оставил, дело могло бы вернуться к лучшему. Может, другие инопланетяне уже принялись его искать...

– Все мы сделали правильно, – перебила Анджела. – Что за манера воевать с ветряными мельницами? – Она пересекла комнату и села в кресло, но когда Харт передвинулся к окну и мрачно стал смотреть на городские крыши, спросила: – А с вами-то что случилось?

– Ничего.

– Но ваша одежда?! Вы только посмотрите на свою одежду!..

– Вышвырнули из погребка. Пытался снять фильм.

– Не заплатив за него?

– У меня нет денег.

– Я же предлагала вам полсотни.

– Знаю, что предлагали, только я не мог их взять.

Неужели вы не понимаете, Анджела? Не мог, и все тут!

Она сказала мягко:

– Вы же так бедствуете, Кемп...

Он вскинулся, словно его ударили. «Кто ее просил говорить об этом! Какое она имела право! Да она сама...» Но успел вовремя остановиться, прежде чем слова слетели с языка.

Она имела право. Она предлагала ему полсотни – но дело не только в деньгах. Она имела право сказать об этом потому, что понимала – она заслужила такое право. Ведь никто в целом мире не относится к нему так искренне, как она...

– Я не в состоянии больше писать, Анджела, – пожаловался он. – Как ни стараюсь, у меня ничего не выходит. Машина – сущее барахло, пленки протерты до дыр, а иные даже залатаны...

– Что вы сегодня ели?

– Выпил с вами пива и еще кружку бокка.

– Это не называется есть. Вымойтесь и переоденьтесь, потом мы спустимся вниз и купим вам еды.

– На еду у меня у самого хватит.

– Знаю. Вы говорили про аванс от Ирвинга.

– Это был не аванс.

– И об этом знаю, Кемп.

– А что будет с инопланетянином?

– Да ничего с ним не будет – по крайней мере за то время, какое понадобится, чтобы перекусить. Чем вы ему

поможете, стоя рядом? Вы же понятия не имеете, как ему помочь.

– Пожалуй, вы правы.

– Разумеется, я права. А теперь ступайте и смойте грязь с лица, да не забудьте заодно вымыть уши.

В «Светлой звездочке» сидел один лишь Джаспер Хансен. Они подошли и сели за его столик. Джаспер приканчивал блюдо свиных ножек с кислой капустой, запивая их вином, что казалось уже форменным святотатством.

– А где остальные? – осведомилась Анджела.

– Тут по соседству вечеринка, – объяснил Джаспер. – Кто-то продал книгу.

– Кто-то, с кем мы знакомы?

– Да нет, черт возьми. Просто кто-то продал книгу. С каких это пор требуется официальное знакомство, чтобы прийти на вечеринку к человеку, когда тот продал книгу?

– Я ни о чем подобном давно не слышала.

– А кто слышал? Какой-то чудака заглянул в дверь, крикнул про вечеринку, и все сразу снялись и пошли. Все, кроме меня. Мне недосуг шляться по вечеринкам – меня ждет работа.

– Что, и закуска бесплатная? – спросила Анджела.

– Ну да. Впрочем, дело не в этом. Пусть мы достойные, уважающие себя ремесленники, а все равно каждый готов шею себе свернуть, лишь бы урвать бесплатный сэндвич и стопку.

– Времена тяжелые, – заметил Харт.

– Только не для меня, – откликнулся Джаспер. – Я завален заказами.

– Но заказы еще не решают главной проблемы.

Джаспер одарил его внимательным взглядом и поддержал себя за подбородок.

— А что считать главным? — спросил он требовательно. — Вдохновение? Преданность делу? Талант? Попробуй-ка, ответь. Мы механики, и этим все сказано. Наш удел — машины и пленки. Мы должны поддерживать массовое производство, запущенное двести лет назад. Конечно, оно механизировано, иначе не стало бы массовым, и нельзя было бы производить рассказы и романы даже при полнейшем отсутствии таланта. Это наша работа — выдавать тонны хлама для всей распроклятой Галактики. Чтобы у них там дух захватывало от похождений щелеглазой Энни, королевы космических закоулков, и чтобы ее ненаглядный, вчера прошитый шестью очередями, сегодня был бы жив и здоров, а завтра снова прошит навылет, и вновь заштопан на скорую руку, и...

Джаспер достал вечернюю газету, раскрыл ее и саданул по странице кулаком.

— Видели? — спросил он. — Так прямо и назвали: «Классик». Гарантированно не сочиняет ничего, кроме классики...

Харт вырвал газету из рук Джаспера, и точно — там была статья на целую полосу, а в центре снимок а — тот самый изумительный сочинитель, который он, Харт, разглядывал сегодня в салоне.

— В скором будущем, — заявил Джаспер, — единственным требованием в творчестве останется простейшее: имей кучу денег. Имеешь — тогда пойди и купи машину вроде этой и прикажи ей: «Сочини мне рассказ», потом нажми кнопку или поверни выключатель, а может, просто

пни ее ногой, и она выплюнет твой рассказ готовеньким вплоть до последнего восклицательного знака.

Он помолчал несколько мгновений, потом продолжил:

– Раньше еще изредка удавалось купить подержанную машину, скажем, за сотню долларов и вытрясти из нее какое-то число строк – пусть не первоклассных, но находящихся спрос. Сегодня надо выложить бешеные деньги за машину, да еще купить дорогую камеру и бездну специальных фильмов и перфолент. Придет день, и человечество перехитрит само себя. Тогда мы замеханизируемся до того, что на Земле не останется места людям – только машинам.

– Но у вас-то дела идут неплохо, – заметила Анджела.

– Это потому, что я вожусь со своей машиной с утра до ночи. Она не дает мне ни минуты покоя. Моя комната теперь не то кабинет, не то ремонтная мастерская, и я понимаю в электронике больше, чем в стилистике.

Подошел, волоча ноги, Блейк и рявкнул:

– Что прикажете?

– Я сыта, – ответила Анджела, – мне только стакан пи-
ва.

Блейк повернулся к Харту:

– А для вас?

– Дайте мне то же, что и Джасперу, но без вина.

– В долг не дам.

– Кто, черт побери, просит у вас что-нибудь в долг? Или вы надеетесь, что я заплачу вам раньше, чем вы принесете еду?

– Нет, – огрызнулся Блейк. – Но вы заплатите мне сразу же, как только я ее принесу.

Он отвернулся и зашаркал прочь.

– Придет день, – продолжал Джаспер, – когда этому наступит конец. Должен же он когда-то наступить! А мы, по-моему, подошли к нему вплотную. Механизировать жизнь можно лишь до какого-то предела. Передать думающим машинам можно многие виды деятельности, но все-таки не все. Кто из наших предков мог бы предположить, что литературное творчество будет низведено к инженерным закономерностям?

– А кто из наших предков, – подхватил Харт, – мог бы догадаться, что земная культура трансформируется в чисто литературную? Но ведь сегодня именно так и произошло. Конечно, существуют заводы, где строят для нас машины, и лесосеки, где валят деревья, чтобы превратить их в бумагу, и фермы, где выращивают пищу, существуют и другие профессии и ремесла, нужные для поддержания цивилизации. Но если брать в общем и целом, то Земля сегодня сосредоточила свои усилия на производстве непрерывного потока литературы для межзвездной торговли.

– А восходит все это, – сказал Джаспер, – к одной нашей занятой особенности. Казалось бы, невероятно, что подобная особенность послужит нам на пользу, но факт есть факт. На нашу долю выпало уродиться лжецами. Единственными на всю Галактику. На всех бесчисленных мирах правду почитают за универсальную постоянную, мы – единственное исключение.

– Вы судите чересчур сурово, – протестующе сказала Анджела.

– Пусть сурово, тут уж ничего не поделаешь. Мы могли бы стать величайшими торгашами и обобрали бы всех

остальных до нитки, пока те только еще соображали бы, что к чему. Свой талант к неправде мы могли бы использовать тысячью разных способов и, не исключая, даже сберегли бы в целости свои головы. Но мы нашли этому таланту уникальное, абсолютное по безопасности применение. Ложь стала нашей продажной добродетелью. Теперь нам дозволено лгать вволю, всласть — любую ложь съедят на корню. Никто, кроме нас, землян, нигде и никогда не пробовал сочинять литературу — ни ради развлечения, ни ради морали, ни во имя какой-либо другой цели. Не пробовал потому, что литература неизбежно означает ложь, а мы, оказывается, единственные лжецы на всю Вселенную...

Блейк принес пиво для Анджелы и свиные ножки для Харта. Пришлось рассчитаться с ним не откладывая.

— У меня остался еще четвертак, — удивился Харт. — Есть у вас какой-нибудь пирог?

— Яблочный.

— Тащите порцию, плачу авансом.

— Вначале рассказы передавали из уст в уста, — не унимался Джаспер. — Потом записывали от руки, а теперь изготавливают на машинах. Но, разумеется, это тоже не вечно. Найдется еще какой-нибудь хитрый метод, принципиально новый шаг или иной, лучший путь.

— Я согласился бы на все, — объявил Харт, — на любой метод, на любой путь. Я бы даже стал писать от руки, если бы надеялся, что у меня купят написанное.

— Как вы можете! — вознегодовала Анджела. — Помоему, на эту тему шутить и то неприлично. С подобной шуткой можно еще смириться, пока мы втроем, но если я когда-нибудь услышу...

Харт замахал руками.

– Забудем об этом. Извините, сморозил глупость.

– Разумеется, литературный экспорт, – продолжал Джаспер, – серьезное доказательство ума человека, приспособляемости и находчивости человечества. Ну, не смешно ли: методы большого бизнеса применяются к профессии, которая веками считалась совершенно индивидуальной. Но ведь получается, не сомневаюсь, что рано или поздно сочинительское дело будет и впрямь поставлено на конвейер, и литературные фабрики станут дымить в две смены...

– Ну нет, – вмешалась Анджела. – Тут вы ошибаетесь, Джаспер. При всей механизации наша профессия требует одиночества, как никакая другая.

– Верно, – согласился он, – И, признаться, я лично от одиночества ничуть не страдаю. Наверное, должен бы страдать, но не страдаю.

– Что за гнусный способ зарабатывать себе на жизнь, – воскликнула вдруг Анджела с ноткой горечи в голосе. – Чего мы, в сущности, добиваемся?

– Делаем людей счастливыми – если, конечно именовать всех наших читателей людьми. Обеспечиваем им развлечение.

– А заодно внушаем высокие идеалы?

– Бывает, что и идеалы тоже.

– Это еще не все, – сказал Харт, – Не только обеспечиваем, не только внушаем – мы ведем самую невинную с виду и самую опасную по существу экспансию за всю историю человечества. Старые авторы, до первых космических полетов, славили дальние странствия и завоевание

Галактики, и я лично думаю, что славили оправданно. Но главную возможность они проглядели начисто. Они, пожалуй, и не могли предвидеть, что нашим оружием в покорении иных миров станут не крейсера, а книги. Мы подрываем галактические устои нескончаемым потоком человеческой мысли. Наши слова проникают в такие бездны Вселенной, куда никогда не добрались бы наши корабли.

– Вот именно, это я и хотел сказать! – торжествующе вскричал Джаспер. – Ты попал в самую точку. Но если уж рассказывать Галактике байки, пусть это будут наши, человеческие байки. Если навязывать инопланетянам быль о добродетелях, пусть это будут наши, человеческие добродетели. Как прикажете сохранить их человеческий смысл, если изложение мы перепоручаем машинам?

– Но ведь машины-то человеческие, – возразила Анджела.

– Машина не может быть полностью человеческой. По самой своей природе машина универсальна. Она с равным успехом может быть земной и кафианской, построенной на Альдебаране или в созвездии Дракона. И это бы еще полбеда. Мы позволяем машине устанавливать норму. С точки зрения механики достоинство заключается в том, чтобы ввести шаблон. А в литературных вопросах шаблон – требование убийственное. Шаблон не способен измениться. Одни и те же ветхие сюжеты используются под разными соусами снова и снова, до бесконечности.

Джаспер отхлебнул немного вина и продолжил:

Может статься, в данный момент расы, которые нас читают, еще не видят в шаблоне греха, поскольку пока не

развили в себе ничего даже отдаленно напоминающего критическую способность. Но мы-то должны видеть — хотя бы ради простой профессиональной гордости, которую мы предположительно еще не утратили. В том-то и состоит беда машин, что они уничтожают в нас эту гордость. Некогда сочинительство было искусством. Теперь оно таковым не является. Книги выпускаются на машинах, как типовые стулья — пусть даже неплохие стулья, вполне пригодные для того, чтобы на них сидеть, но не отличающиеся друг от друга ни красотой, ни мастерством сборки,

Дверь с грохотом распахнулась, и по полу загремели тяжелые шаги. На пороге вырос Зеленая Рубаха, а за его плечами, дьявольски усмехаясь, сгрудилась вся команда кафиан.

Зеленая Рубаха придвинулся к столику, сияя радостью и приветственно раскинув руки. Остановившись подле Харта, пришелец похлопал его увесистой ладонью по плечу.

— Ты меня помнишь, нет? — осведомился он, медленно и старательно подбирая слова.

— Конечно, — ответил Харт, поперхнувшись, — Конечно, я вас помню. Разрешите представить вам мисс Маре и мистера Хансена.

Зеленая Рубаха произнес с заученной правильностью: — Счастлив быть знаком, уверяю вас.

— Присаживайтесь, — пригласил Джаспер.

— Очень рад, — сказал Зеленая Рубаха и сел, подтащив к себе стул. При этом ожерелья у него на шее мелодично звякнули.

Один из кафиан с пулеметной скоростью прострекотал

что-то на своем языке. Зеленая Рубаха ответил отрывисто и махнул в сторону двери. Все кафиане, кроме него, вышли из бара.

— Он быть обеспокоен, — пояснил Зеленая Рубаха. — Мы замедлять — как это сказать — мы задерживать корабль. Они без нас улететь отнюдь не могут. Но я указал ему не беспокоиться. Капитан будет рад, что мы замедлять корабль, когда увидит, кого мы привели.

Он наклонился и похлопал Харта по колену.

— Я тебя искать, — сообщил он. — Искать широко и долго.

— Это что еще за шут гороховый? — спросил Джаспер.

— Шут гороховый? — переспросил кафианин, насупившись.

— Титул, означающий крайнюю степень уважения, — поспешно заверил Харт.

— Ясно, — сказал Зеленая Рубаха. — Вы все писать истории?

— Да. Все трое.

— Но ты писать лучше всех?

— Ну, знаете, — пролепетал Харт, — я бы так не сказал. Видите ли...

— Ты писать выстрелы и погони? Бах-бах, тра-та-та-та?

— Н-да. Виноват, действительно приходится.

Зеленая Рубаха засмутился и произнес виновато:

— Знать я раньше, разве посметь бы мы выбросить тебя из таверны? Это было очень смешно. Мы же не знать, что ты пишешь истории. Когда узнать, кто ты, то побегать тебя ловить. Но ты убегать и прятаться.

— Что тут все-таки происходит? — поинтересовалась Анджела.

Капитан зычно кликнул Блейка.

– Обслужить, – распорядился он. – Эти люди – мои друзья. Подать им лучшее, что у вас есть.

– Лучшее, что у меня есть, – отозвался Блейк ледяным тоном, – это ирландский виски по доллару за стопку.

– Монет у меня много, – заверил Зеленая Рубаха. – Ты подать это, что я не могу повторить, и ты получить, что просишь. – Он обернулся к Харту и сказал: – Я приготовить тебе новость, мой друг. Мы очень любим писателей, которые умеют писать бах-бах. Мы читаем их всегда-всегда. Получаем большое возбуждение.

Джаспер захохотал. Зеленая Рубаха резко повернулся, удивленный, и его кустистые брови сомкнулись.

– Это он от счастья, – поторопился разъяснить Харт. – Он обожает ирландский виски.

– Прекрасно, – заявил Зеленая Рубаха, просияв. – Вы пить, что пожелаете – я платить монету. Это – как это сказать – за мной.

Когда Блейк принес виски, кафианин заплатил ему и добавил: – Подать сюда сосуд целиком.

– Сосуд?

– Он имеет в виду бутылку.

– Это же двадцать долларов! – воскликнул Блейк.

– Ясно, – сказал Зеленая Рубаха и заплатил. Они выпили виски, и кафианин вновь повернулся к Харту: – Моя новость – что тебе ехать с нами.

– Как ехать? Куда? На корабль?

– На нашей планете никогда нет настоящего живого писателя. Ты будешь очень доволен. Только оставаться с нами и писать для нас.

– Ну, – промямлил Харт, – я не вполне уверен...

– Ты попытаешься снять фильм. Хозяин таверны объяснять нам про это. Объяснять, что эго против закона. Сказать, что если я подать жалобу, получаются большие неприятности.

– Не ходите с ними, Кемп, – забеспокоилась Анджела.

– Не позволяйте этому чудовищу запугать себя, а штраф мы за вас заплатим.

– Мы не подавать жалобу, – кротко вымолвил Зеленая Рубаха. – Мы просто вернуться туда с тобой вместе и разнести там все ко всем чертям.

Блейк притащил бутылку и с грохотом поставил ее в центр стола. Кафианин подхватил бутылку и наполнил стопки до краев.

– Выпить, – предложил он и первым подал пример.

Харт выпил следом за ним, и кафианин сразу же снова наполнил стопки. Харт приподнял свою и стал вертеть ее в пальцах. «Должен же существовать выход даже из такого дурацкого положения, – успокаивал он себя. – Ну, не чепуха ли, что этот громогласный варвар с одного из самых дальних солнц является в бар, как к себе домой, и требует от тебя, чтобы ты отправился вместе с ним. Однако не затевать же драку – невелик расчет, когда на улице поджидает еще целая банда кафиан...»

– И объяснять тебе все, – произнес Зеленая Рубаха. – Я очень постараюсь объяснять, чтобы ты... чтобы ты...

– Осмыслил, – подсказал Джаспер.

– Спасибо, человек по имени Хансен, – поблагодарил его кафианин и, повернувшись к Харту, сказал: – Чтобы ты осмыслил. Мы покупать истории совсем недавно. Мно-

гие другие расы покупать их давно, но для нас это ново и очень удивительно. Это выводит нас – как это сказать – из самих себя. Мы покупать много вещей с разных звезд, полезных вещей, вещей подержать в руках, понять и применить. Но от вас мы покупать путешествия в дальние места, представления о великих подвигах, мысли о великих материях. – Он еще раз наполнил стопки по кругу и осведомился: – Все трое осмыслили? А теперь, – добавил он, когда они кивнули, – теперь давай идем...

Харт медленно встал.

– Кемп, не ходите! – вскрикнула Анджела.

– Ты закрой рот, – распорядился Зеленая Рубаха.

Харт переступил порог и очутился на улице. Остальные кафиане мгновенно высыпали из темных переулков и окружили его со всех сторон.

– Давай нажимать! – радостно поторапливал Зеленая Рубаха, – Наши соплеменники даже не догадываться, что их ждет!..

На полпути к реке Харт внезапно замер посреди улицы

– Нет, не могу.

– Что не могу? – спросил кафианин, подталкивая его сзади.

– Я позволил вам думать, – сказал Харт, – что я тот самый, кто вам нужен. Позволил, потому что хотел увидеть вашу планету. Но это нечестно – я не тот, кто вам нужен.

– Ты писать бах-бах или нет? Ты выдумывать погони и выстрелы?

– Конечно, да. Но мои погони – не самого высокого сорта; не такие, от которых никак не оторваться. Есть человек, у которого это выходит лучше.

– Такого нам и надо, – ответил Зеленая Рубаха. – Можешь ты сказать, где его найти?

– Это просто. Он сидел с нами за одним столом – тот, кто был так счастлив, когда вы заказали виски.

– Ты про человека по имени Хансен?

– Про него, именно про него.

– Он тоже писать бах-бах, тра-та-та?

– Много лучше, чем я. Он по этой части гений.

Зеленая Рубаха преисполнился благодарности и в знак чрезвычайного расположения притянул Харта к себе.

– Ты честный, – говорил он. – Ты хороший. Ты такой молодец сказать нам.

В доме через улицу с шумом отворилось окно, и из него высунулся мужчина.

– Если вы немедленно не разойдетесь по домам, я позову полицию! – завопил он и с треском захлопнул окно.

– Значит, мы нарушить мир, – вздохнул Зеленая Рубаха. – Что за странные у вас законы! – Кафианин дружелюбно положил руку Харту на плечо и торжественно произнес: – Мы обожатели погонь и выстрелов. Нам нужен высший сорт. Мы объявляем вам спасибо. Мы отыщем человека по имени Хансен.

Он повернулся и понесся обратно, а за ним – вся его компания.

Харт стоял на углу и смотрел им вслед, сделав глубокий вдох, а затем медленный выдох. «В сущности, добиться своего оказалось вовсе нетрудно, – подумал он, – стоило лишь найти правильный подход. И любопытнее всего, что подход-то подсказал мне не кто иной, как Джаспер. Как это он утверждал недавно? Правду почитают за уни-

версальную постоянную. Мы – единственные лжецы на всю Вселенную...»

Джасперу его откровения вышли боком. По правде говоря, Харт сыграл с ним довольно злую шутку. Но ведь он и сам хотел уехать в отпуск не так ли? Ну, вот ему и вышла увеселительная прогулочка, какие, право же, предлагаются не каждый день. Он отказал собрату в разрешении воспользоваться машиной, он расхохотался оскорбительно, когда кафианин потянул про выстрелы и погони. Если уж кто и напрашивался на такую шутку, то именно Джаспер Хансен.

А превыше любых оскорблений то, что он постоянно держал свою дверь на замке и тем самым выказывал высокомерное недоверие по отношению к коллегам-писателям.

Харт повернулся и пошел скорым шагом в сторону, противоположную той, где скрылись кафиане. Со временем он, конечно, явится домой – но не теперь. Это не к спеху – пусть сначала шум, поднятый ими, хоть немного уляжется.

Наступил рассвет, когда Харт поднялся по лестнице на седьмой этаж и прошел коридором к двери Джаспера Хансена. Дверь, как водится, была заперта. Но Харт достал из кармана тонкую стальную пружинку, подобранную на свалке, и принялся осторожно орудовать ею. Не прошло и десяти секунд, как замок щелкнул, и дверь открылась.

Сочинитель притаился в углу – блестящий, ухоженный и полностью перепаянный, как подтвердил сам Джаспер. Если кто-нибудь другой попытается работать на нем, то либо машину сожжет, либо себя угробит. Но это, конечно, пустые разговоры, ширма для маскировки тупого, свинского эгоизма.

«Недели две, не меньше», – сказал себе Харт. Если подойти к делу с умом, то машина будет в его распоряжении по крайней мере недели две. Трудностей не предвидится. Все, что потребуется от него, – соврать, что Джаспер решил ему пользоваться машиной в любое время. А если он успел составить себе правильное мнение о кафианах, сам Джаспер вернется не скоро.

Однако, так или иначе двух недель хватит за глаза. За две недели, работая день и ночь, он сумеет выдать достаточно страниц, чтобы купить себе новую машину.

Харт не спеша пересек комнату и пододвинул к себе стул, стоящий перед сочинителем. Он сел поудобнее, протянул руку и погладил инструмент по панели. Машина была хоть куда! Она высекала кучу материала – добротного материала, – и Джаспер не знал отбоя от покупателей.

– Милый старик сочинитель... – произнес вслух Харт, любовно глядя на него.

Он опустил палец на центральный выключатель и перекинул язычок – ничего не случилось. Удивленный, он выключил машину, затем включил снова – опять ничего. Тогда он торопливо вскочил на ноги – проверить, подключена ли машина к сети. Она не была подключена, ее вообще нельзя подключить к сети! От изумления Харт на мгновение словно прирос к полу.

«Машина полностью перепаяна», – утверждал Джаспер. Перепаяна так искусно, что обходится совсем без электрического тока? Но это же невозможно. Это просто немыслимо!

Непослушными руками он приподнял боковую панель и уставился внутрь машины. Внутри царил совершенный

хаос: половина ламп отсутствовала вчистую, половина перегорела, схема во многих местах распаялась и висела ключьями, весь блок реле был густо присыпан пылью. Хваленая машина на деле представляла собой грудку металлолома.

Харт поставил панель на место, ощущая внезапную дрожь в пальцах, попятился назад и натолкнулся на стол. Он судорожно схватился за край стола и сжал доску, что было сил, пытаясь утихомирить дрожащие руки, унять бешеный гул в висках.

Машина Джаспера вовсе не была перепаяна. На ней вообще нельзя работать! Неудивительно, что он держал дверь на замке. Он жил в смертельном страхе, что кто-нибудь визнает его жуткую тайну: Джаспер Хансен писал от руки!

И теперь, несмотря на злую шутку, сыгранную достойным человеком, положение самого Харта оказывалось ничуть не веселее, чем прежде. Перед ним стояли те же старые проблемы, и не было никакой надежды их разрешить. В его распоряжении оставалась та же разбитая машина, и ничего больше. Пожалуй, для него и впрямь было бы лучше улететь на звезду Каф.

Он подошел к двери, постоял немного и обернулся. На столе едва виднелась пишущая машинка, заботливо погребенная под кучей бумаг и бумажек – чтобы создавалось впечатление, что ее никогда и не трогали.

И тем не менее Джаспер печатался! Он продавал чуть ли не каждое написанное слово. Продавал! Горбился ли над столом с карандашом в руке, выстукивал ли букву за буквой на оснащенной глушителем пишущей машинке, но

– продавал, вообще не включая сочинитель. Наводил на панелях глянец, чистил и полировал их, но под панелями-то было пусто! А он все равно продавал, прикрываясь машиной, как щитом, от насмешек и ненависти остальных многоречивых и бездарных писателей, слепо верующих в мощь металла и магию громоздких приспособлений.

«Вначале рассказы передавали из уст в уста, – говорил Джаспер накануне вечером, – потом записывали от руки, а теперь изготавливают на машинах». И задавал вопрос: «Что же завтра?» Задавал с таким видом, словно не сомневался, что существует некое «завтра».

«Что же завтра?» – повторил Харт про себя. Разве это предел возможностей человеческих – движущиеся шестерни, умные стекло и металл, проворная электроника?

Ради собственного достоинства – просто ради сохранения рассудка – человек обязан отыскать какое-то «завтра». Механические решения по самой своей природе – решения тупиковые. Разрешается умнеть до определенной степени – и не больше. Разрешается добираться до заданной точки – и не дальше.

Джаспер понял это. Он нашел выход: разобрал механического помощника и вернулся к работе вручную.

Если только продукт мастерства приобрел экономическую ценность, человек непременно изыщет способ производить этот продукт в изобилии. Были времена, когда мебель изготавливали ремесленники, изготавливали с любовью, которая делала ее произведением искусства, горделиво не стареющем на протяжении многих поколений. Затем на смену мастерам пришли машины, и человек стал выпускать мебель чисто функциональную, не претендующую на длительный век, а уж о гордости что и говорить.

И литература последовала по тому же пути. В ней не сохранилось гордости, она перестала быть искусством и превратилась в предмет потребления.

Что же делать человеку в такую эпоху? И что он может сделать? Закрыться на ключ, как Джаспер, и в одиночестве трудиться час за часом, остро и горько ощущая свое несоответствие эпохе и мучаясь этим несоответствием день и ночь?

Харт вышел из комнаты со страдальческим выражением на лице. Он подождал секунду, пока язычок замка, щелкнув, не стал на место, потом добрался до лестничной площадки и медленно поднялся к себе.

Инопланетянин – одеяло с лицом – по-прежнему лежал на кровати. Но глаза его были теперь открыты, и он уставился на Харта, как только тот вошел и затворил за собой дверь.

Харт застыл, едва переступив порог, и неприятная посредственность комнаты, откровенная ее бедность и убожество буквально ошеломили его. Он был голоден, томился тоской и одиночеством, а сочинитель в углу, казалось, потешался над ним.

Сквозь распахнутое окно до него донесся гром космического корабля, взлетающего за рекой, и гудок буксира, подводящего судно к причалу.

Он поплелся к кровати.

– Подвинься, ты, – бросил он инопланетянину, раскрывшему глаза еще шире, и упал рядом. Повернулся к одеялу-лицу спиной и скрючился, подтянув колени к груди.

Круг замкнулся: он вернулся к тому же, с чего начал вчера утром. У него по-прежнему не было пленок, чтобы выполнить заказ Ирвинга. В его распоряжении была все та же обшарпанная, поломанная машина. У него не осталось даже камеры, и он не представлял себе, у кого одолжить другую. Впрочем, что за резон одалживать если нет денег заплатить герою? Один раз он уже пробовал снять фильм исподтишка, больше не станет – не стоит дело того, чтобы рисковать тюрьмой на три, а то и на четыре года.

«Мы обожатели погонь и выстрелов, – так, помнится, выразился кафианин, которого он окрестил Зеленой Рубахой, – От вас мы покупать путешествия в дальние места».

Для Зеленой Рубахи искомое – бах-бах, тра-та-та-та, выстрелы и погони; для жителей других планет это могут оказаться сочинения какого-то иного свойства – раса за расой присматривались к странному предмету экспорта с Земли и открывали в нем для себя неведомый ранее, зачарованный мир, «дальние места», скрытые возможности игры ума, а то и приливы чувств. Различия в облике, видимо, не играло здесь особой роли.

Анджела утверждает, что литература – гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Но это она сгоряча. Все писатели изредка провозглашают одно и то же. Испокон веков представители любых профессий, мужчины и женщины в равной мере, в недобрый час непременно заявляют, что их профессия – гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Они, конечно искренне верят в то, что говорят, но во все другие часы и дни помнят, что вовсе она не гнусная, а, напротив, очень и очень важная.

И сочинительство тоже важно, более того – чрезвычай-

чайно важно. Не только потому, что дарит кому-то «путешествия в дальние места», но потому, что сеет семена Земли – семена земной мысли и земной логики – среди бесчисленных звезд.

«А они там ждут, – подумал Харт, – ждут рассказов, которые я теперь никогда не напишу...»

Он мог бы, конечно, попытаться писать, несмотря ни на что. Он мог бы даже поступить, как Джаспер, – иступленно скрести пером, подавляя чувство стыда, ощущая собственный анахронизм и несовершенство, страшась того неотвратимого дня, когда кто-то выведает его секрет, догадается по известной эксцентричности стиля, что это создано не машиной.

И все же Джаспер, вне всякого сомнения, не прав. Беда не в сочинителях и даже не в принципе механического сочинительства как таковом. Беда в самом Джаспере, в глубокой извращенности его психики, которая и сделала его мятежником. Но мятежником боязливым, маскирующимся, запирающим дверь на ключ, полирующим свой сочинитель и усердно прикрывающим пишущую машинку на столе всяким хламом, чтобы никто – упаси Бог – не додумался, что он ею пользуется...

Харт немного согрелся, голода он уже не испытывал, и перед его мысленным взором вдруг возникло одно из тех дальних мест, на какие, видимо, и намекал Зеленая Рубаха. Небольшая рощица, и под деревьями бежит ручей. Кругом мир и спокойствие, и, пожалуй, на всем лежит печать величия и вечности. Слышно пение птиц, и вода, текущая в мшистых берегах, издает острый, пряный запах. Он шагает среди деревьев, их готические силуэты напоминают

церковные шпили. И в его мозгу сами собой рождаются слова — слова, сцепленные так выразительно, так точно и тщательно, что никто и никогда не ошибется в их истинном значении, слова, способные передать не только сам пейзаж, но и звуки, и запахи, и переполняющее все вокруг ощущение вечности...

Но при всей своей восхищенности он не забывает, что в этих готических силуэтах и в этом ощущении вечности таится угроза. Какая-то смутная интуиция подсказывает ему, что от рощицы надо держаться подальше. Мимолетно вспыхивает желание вспомнить, как он сюда попал, — но памяти нет. Словно он впервые встретился с рощицей секунду-другую назад, однако твердо знает, что шагает под испещренной солнцем листвой многие часы, а может, и дни.

Внезапно он почувствовал, как что-то щекочет его шею, и поднял руку — смахнуть непрошенное «что-то» прочь. Рука коснулась теплой маленькой шкурки, и он вскочил с постели, словно ужаленный. Пальцы сжались на горле инопланетянина... Он едва не сбросил эту тварь с груди, как вдруг припомнил — с полной отчетливостью странное обстоятельство, которое никак не шло на ум накануне.

Пальцы расслабились сами собой, и он позволил руке опуститься. Харт замер подле кровати, а существо-одеяло так удобно устроилось у него на спине и плечах и обняло за шею. Он больше не испытывал голода, не был изнурен, и томившая его тоска куда-то исчезла. Он даже не помнил своих забот, и это было самое удивительное: озабоченность давно вошла у него в привычку.

Двенадцать часов назад он стоял в тупичке с существом-одеялом на руках и силился выкопать из глубин заупрямившегося сознания объяснение внезапному и непонятному подозрению, что он уже где-то что-то слышал или читал о таком вот плачущем создании, какое подобрал. Теперь, когда одеяло укутало ему спину и приникло к шее, загадка разрешилась.

Не расставаясь с приникшим к нему существом, Харт решительно пересек комнату, подошел к узкой и длинной полке и снял с нее книгу. Книга была старая и затрепанная, лоснящаяся от множества прикосновений, и едва не выскользнула у него из рук, когда он перевернул ее, чтобы прочитать на корешке заглавие: «Отрывки из забытых произведений».

Он раскрыл томик и принялся перелистывать страницы. Он знал теперь, где найти то, что нужно. Он вспомнил совершенно точно, где читал о создании, прилепившемся за спиной, и довольно быстро нашел искомое – несколько уцелевших абзацев из рассказа, написанного давным-давно и давным-давно позабытого. Самое начало он пропустил – то, что его интересовало, шло дальше:

«Живые одеяла были честолюбивыми. Существа растительного происхождения, они, вероятно, лишь смутно сознавали, чего ждут. Но, когда пришли люди, бесконечно долгому ожиданию настал конец. Живые одеяла заключили с людьми сделку. И в последнем счете оказались самыми незаменимыми помощниками в исследовании Галактики из всех когда-либо обнаруженных».

«Вот еще когда, – подумал Харт, – укоренилось веко-

вое, самонадеянное и счастливое убеждение, что человеку суждено выйти в Галактику, исследовать ее, вступить в контакт с ее обитателями и принести на каждую посещенную им планету ценности Земли...»

«Человеку с живым одеялом, накинутым на плечи наподобие короткополого плаща, уже не надо было заботиться о пропитании, поскольку живые одеяла обладали чудесной способностью накапливать энергию и преобразовывать ее в пищу, потребную для организма хозяина.

В сущности, одеяло становилось почти вторым телом — бдительным, неутомимым наблюдателем, наделенным своего рода родительским инстинктом, поддерживающим в организме хозяина нормальный обмен веществ в любой, даже самой враждебной среде, выкорчевывающим любые инфекции, исполняющим как бы три роли: матери, кухарки и домашнего врача одновременно.

Наряду с этим одеяло становилось как бы двойником хозяина. Сбросив с себя путы однообразного растительного существования, оно словно само превращалось в человека, разделяя чувства и знания хозяина, вкушая жизнь, какая и не снилась бы одеялу, оставаясь оно независимым.

И словно мало было взаимных выгод, одеяла предложили людям еще и награду, свое обычное выражение признательности. Они оказались неумными выдумщиками и рассказчиками. Они были способны вообразить себе все что угодно — без всяких исключений. Ради развлечения своих хозяев они готовы были

часами рассказывать затейливые небылицы, предоставляя людям защиту от скуки и одиночества...»

Там было и еще что-то, но Харт уже не стал читать дальше. Вернувшись к самому началу отрывка, он прочел: «Автор неизвестен. Примерно 1956 год».

1956-й? Так давно? Как же мог кто бы то ни было в 1956 году узнать об этом?

Ответ ясен как день: не мог.

Не мог никоим образом. Просто-напросто выдумал. И попал, что называется, в самую точку. Кто-то из ранних авторов научной фантастики обладал поистине вдохновенным воображением.

Под сенью рощицы движется нечто несказанной красоты: не гуманоид, не чудовище — нечто, не виданное прежде никем из людей. И невзирая на всю его красоту, в нем таится грозная опасность, от него надо, не теряя ни секунды, спастись бегством.

Харт чуть не кинулся спастись бегством и... очнулся посреди собственной комнаты.

— Ладно, — сказал он одеялу, — давай-ка на время выключим телевизор. К этому мы еще вернемся.

«Мы вернемся к этому, — добавил он про себя, — и напишем про это рассказ. Мы побываем в разных других местах, и тоже напишем про это рассказы. И мне не понадобится сочинитель для того, чтобы написать их — я смогу и сам воссоздать в словах испытанное волнение и пережитую красоту и связать их вместе лучше любого сочинителя. Я же был там собственной персоной, я сам пережил все это, и тут уж меня не собьешь...»

Вот именно! Вот и ответ на вопрос, который Джаспер

задал вечером, сидя за столиком в баре «Светлая звездочка».

«Что же завтра?» – спрашивал Джаспер.

А завтра – симбиоз между человеком и инопланетным существом, симбиоз, еще столетия назад придуманный писателем, само имя которого давно позабыто.

«Словно сама судьба, – размышлял Харт, – положила руку мне на плечо и мягко подтолкнула вперед. Ведь это же совершенно неправдоподобно – найти ответ плачущим в тупичке между стенкой жилого дома и переплетной мастерской...»

Но какое это теперь имеет значение! Важно, что он нашел ответ и принес домой, в ту минуту не вполне понимая, зачем, да и позже недоуменно спрашивая себя, чего ради. Важно, что теперь его необъяснимый поступок оправдался стократ.

Он слышал шаги на лестнице, потом в коридоре. Встревоженный их быстрым приближением, он торопливо потянулся, сдернул одеяло с плеч и в отчаянии огляделся по сторонам в поисках укрытия для инопланетянина. Ну, конечно же, – письменный стол! Он рывком выдвинул нижний ящик и – даром что оно слегка сопротивлялось – засунул одеяло туда. И не успел даже толком прикрыть ящик, как в комнату ворвалась Анджела.

Сразу было видно, что она так и пышет негодованием.

– Что за грязные шутки! – воскликнула она. – Из-за вас у Джаспера куча неприятностей!

Харт уставился на нее в оцепенении.

– Неприятностей? Вы хотите сказать, что он не улетел с кафианами?

– Он прячется в подвале. Блейк передал мне, что он там. Я спускалась и говорила с ним.

– Он сумел от них избавиться? – Харт был потрясен до глубины души.

– И еще как! Он убедил их, что им вовсе не нужен живой писатель. Он объяснил, что им нужна машина, и рассказал о сверкающем чуде – о том самом «Классике», что выставлен в салоне.

– И они отправились в центр и украли «Классик»?

– Увы, нет. Если бы украли, то и горя бы мало. Но они и тут наломали дров. Чтобы добраться до машины, они разбили витрину и подняли тревогу. Теперь вся полиция города гонится за ними по пятам.

– Но ведь Джаспер...

– Они брали его с собой, чтобы он показал им, куда идти.

Харт немного перевел дух.

– И теперь Джаспер прячется от слуг закона.

– В том-то и шутка, что он не знает, прятаться ему или нет. С одной стороны, полиция его, наверное, вообще не видела. С другой что если они сцапают кого-нибудь из кафиан и вытрясут из него всю правду? Тогда вам, Кемп Харт, придется держать ответ за многое...

– Мне? Я-то тут при чем?..

– А кто сказал им, что Джаспер – тот, кто им нужен? И как только вы ухитрились заставить их поверить в такую чушь?

– Без труда. Вспомните, что втолковывал нам Джаспер. Все, кроме нас, всегда говорят правду. Мы – единственные, кто умеет лгать. Пока они все не поумнеют, общаясь

с нами, они будут верить каждому нашему слову. Поскольку все остальные всегда говорят правду и только правду...

— Да замолчите вы! — перебила его Анджела. Потом осмотрелась и спросила: — А где ваше милое одеяльце?

— Куда-то делось. Надо полагать, удрало. Когда я вернулся домой, его уже не было.

— Вы хоть разобрались, что это такое?

Харт покачал головой.

— Может, и к лучшему, что оно убежало, — сказал он. — Меня от него, признаться, мутило.

— Вы что, док Жуйяр? Кстати, о нем. Весь наш квартал положительно сошел с ума. Док, вдребезги пьяный, валяется в парке под деревом, и его стережет пришелец. Никого даже близко не подпускает. Не то охраняет его, не то считает своей собственностью, не поймешь.

— А может, это один из его розовых слонов? Мерещились ему так часто, что в конце концов ожили?

— Оно не розовое, и это не слон. У него перепончатые, непропорционально крупные ступни, длиннющие паучьи ноги, кожа вся в бородавках и треугольная голова с шестью рогами. И вообще оно похоже на паука. Глянешь — и сразу мурашки по спине...

Харт пожал плечами. Обычных инопланетян переварить не так уж трудно, но, конечно, если такое пугало...

— Интересно, чего оно хочет от дока.

— Никто, по-видимому, не знает, а оно не рассказывает.

— А если не может?

— Все другие пришельцы могут. По крайней мере, они могут изъясняться настолько, чтобы их поняли, иначе вообще сюда не прилетали бы.

– Звучит логично, – согласился Харт. – А если оно решило нализаться задаром, сидя рядом с доком и вдыхая перегар?

– Знаете, Кемп, подчас ваши шуточки становятся совершенно непереносимыми, – заявила Анджела.

– Вроде намерения писать от руки.

– Вот именно, – подтвердила Анджела, – вроде намерения писать от руки. Вам известно не хуже, чем мне, что в приличном обществе о таких вещах просто не говорят. Писать от руки – все равно что есть пальцами, или ковырять в носу, или выйти на улицу нагишом...

– Хорошо, – сдался Харт, – хорошо. Больше я никогда не заикнусь об этом.

Когда она ушла, Харт опустился на стул и принялся обдумывать создавшееся положение всерьез.

Во многих отношениях он будет теперь походить на Джаспера, но можно ли возражать против этого, если он начнет писать, как Джаспер!

Придется приучиться запираť дверь. Он стал ломать себе голову: где ключ? Он никогда не пользовался ключом; теперь при Первом удобном случае надо будет перевероршить все в столе – а вдруг отыщется? Если нет, придется заказать новый ключ – не хватало еще, чтобы кто-нибудь вперся в комнату без предупреждения и застал его с одеялом на плечах или с пером в руке.

«Пожалуй, – мелькнула мысль, – неплохо было бы переехать на новую квартиру. В самом деле, как прикажете объяснить людям, отчего я ни с того ни с сего стал запираťся на ключ?» Но даже подумать о переезде было и то нестерпимо. Пусть комнатка плохонькая, он к ней привык, и она подчас казалась ему почти родным домом.

А что если, когда он успешно продаст первые две-три вещи, потолковать с Анджелой и выяснить, как она отнесется к предложению переехать вместе с ним? Анджела – славная девочка, но можно ли просить девушку связать свою судьбу с человеком, который сам не ведает, на что в следующий раз купить себе хлеба? Однако теперь, даже если он не продаст ни строчки, заботиться о хлебе насущном ему больше не придется. «Любопытно, – подумал он вскользь, – можно ли поделить одеяло, как кормильца, на двоих? И удастся ли в конце концов внятно объяснить все это Анджеле?...»

Но как, скажите на милость, ухитрился тот забытый автор в далеком 1956-м додуматься до такого? И сколько еще шальных идей, рожденных причудливой игрой ума и парами виски, могут на поверку оказаться правильными?

Мечта? Озарение? Проблеск грядущего? Неважно, что именно – просто человек подумал об этом, и оно сбылось. Сколько же других небылиц, о которых люди думали в прошлом и подумают в будущем, в свой срок тоже обернутся истиной?

Догадка даже испугала его.

Те самые «путешествия в дальние места». Полет воображения. Влияние печатного слова, сила мысли, определяющая это влияние. «Книги куда опаснее крейсеров», – сказал он вчера. Как он был прав, как бесконечно прав!..

Он поднялся, пересек комнату и встал перед сочинителем. Тот злобно оскалился. В ответ Харт показал машине язык и произнес:

– Вот тебе!

Тут он услышал за спиной легкий шелест и поспешно

обернулся. Одеяло ухитрилось каким-то образом просочиться из ящика и устремилось к двери, опираясь на нижние складки своего хрупкого тельца. На ходу оно колыхалось и дергалось, словно раненый тюлень.

– Эй, ты! – завопил Харт и потянулся следом.

Но поздно. В дверях стояло чудище – другого слова не подберешь. Одеяло подскочило к нему, быстро скользнуло вверх и распласталось у него на спине. Чудище, обращаясь к Харту, прошипело:

– Я потерял это. Вы были добры отыскать. Благодарю... Харт утратил дар речи.

И было от чего. Ни дать ни взять – тот самый пришелец, которого Анджела видела рядом с доктором, только еще более страшный, чем по описанию. Он стоял на перепончатых лапах втрое большего размера, чем нужно было по росту, – казалось, он надел снегоступы. И еще у него был хвост, неизящно загнутый до середины спины, и дынеобразная голова с треугольным лицом и шестью рогами, а на кончик каждого из шести рогов был насажен вращающийся глаз.

Чудище залезло в сумку, которая, видимо, являлась частью его тела, и вытащило пачку банкнот.

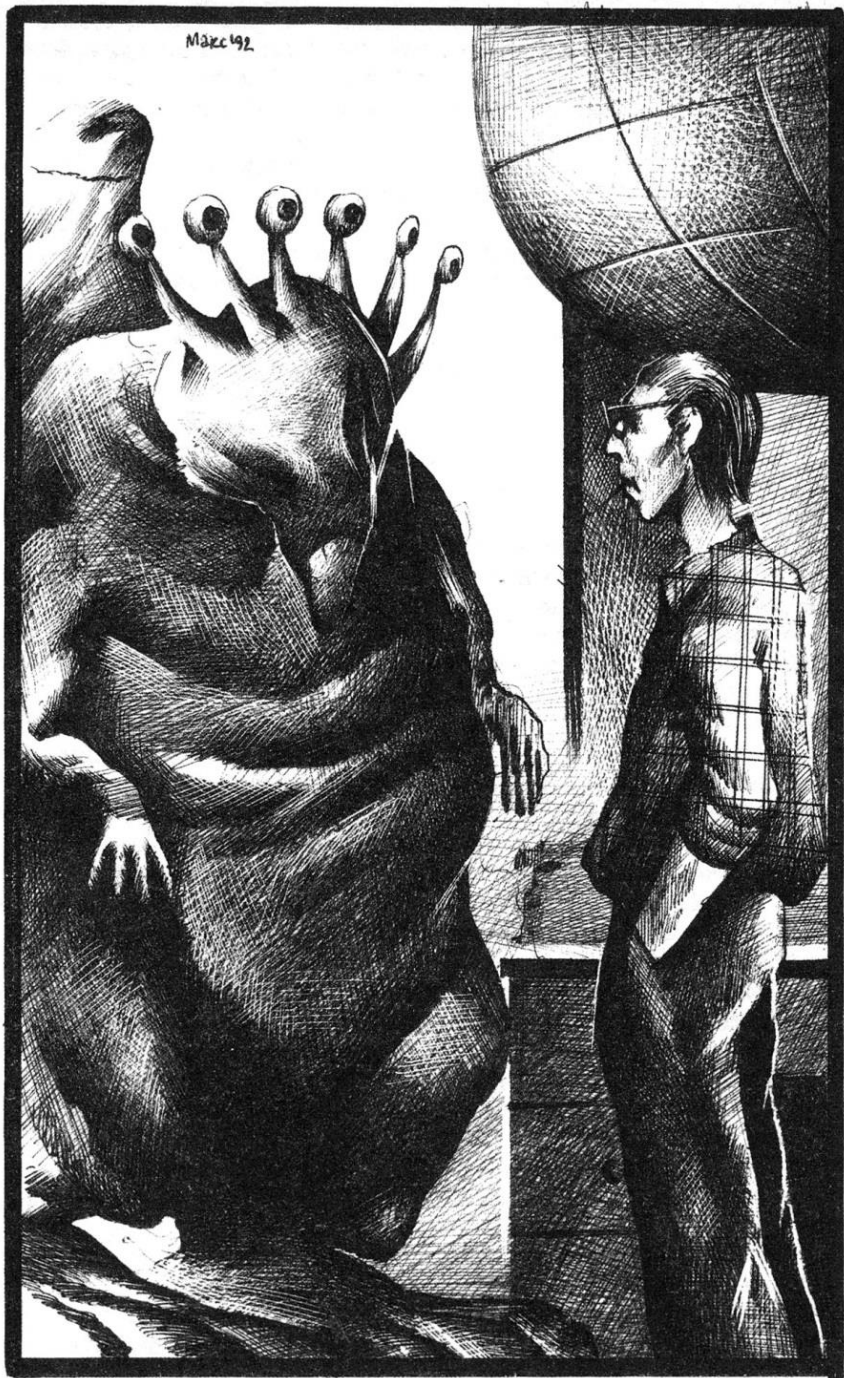
– Небольшая награда, – возвестило оно и кинуло банкноты Харту. Тот машинально протянул руку и подхватил их. – Мы уходим вдвоем, – добавило оно, помолчав. – Мы уносим в нашей памяти добрые мысли...

Оно совсем уже переступило порог, когда протестующий вопль Харта заставил его обернуться.

– Да, благородный сэр?

– Это... одеяло... эта шутка, которую я нашел... Что это?

Mark 492

– Мы ее сделали.

– Но она живая, и кроме того...

Чудище только усмехнулось в ответ.

– Вы такие умные люди. Вы сами ее придумали. Много времен назад.

– Неужели тот самый рассказ?

– Непременно. Мы про нее прочитали. Мы ее сделали.

Очень умная мысль.

– Не хотите же вы сказать, что и в самом деле...

– Мы биологи. Как вы назвали бы такую науку – биологическая инженерия...

Чудище повернулось и двинулось прочь по коридору. Харт крикнул вдогонку:

– Эй, минуточку! Пойдите! Одну мину...

Но оно удалялось очень ходко и не остановилось. Харт, грохоча каблуками, припустил за ним. Добежав до лестничной площадки, он глянул через перила, но никого не увидел, и все равно устремился вниз, перескакивая через три ступеньки и решительно пренебрегая всеми правилами безопасности.

Он не догнал пришельца; выскочив из дома на улицу, он притормозил и осмотрелся по сторонам, но от незваного гостя не осталось и следа – исчез, как в воду канул.

Тогда Харт полез в карман и ощупал пачку банкнот, пойманных на лету, вытащил ее целиком – она оказалась толще, чем ему помнилось. Сорвав эластичную опояску, он взглянул на деньги повнимательнее. Достоинство верхней купюры, в галактических кредитах, оказалось таково, что Харт едва устоял на ногах. Он быстро перелистал всю пачку – другие купюры были вроде бы того же достоинства.

При одной мысли о подобном богатстве Харт задохнулся и перелистал пачку еще раз. Нет, он не ошибся – купюры действительно были одного достоинства. Прodelал в уме беглый подсчет – результат получился прямо-таки ошеломляющим, даже если считать в кредитах, а каждый кредит при обмене равнялся примерно пяти земным долларам.

Ему случалось видеть кредиты и раньше, но до сих пор не доводилось держать их в руках. Они служили основой галактической торговли и широко применялись в межзвездных банковских операциях, а в повседневное обращение если и попадали, то редко. Он взвесил их в руке и внимательно рассмотрел – да, они были прекрасны.

«Чудище, по-видимому, безмерно ценит свое одеяло, – подумал он, – если отвалило такую фантастическую сумму за то, что кто-то элементарно позаботился о нем».

Хотя, если разобраться, это не единственное возможное объяснение. Уровень благосостояния от планеты к планете разнится чрезвычайно сильно, и богатство, которое он сейчас держал в руках, владелец одеяла, быть может, предназначал на мелкие расходы...

С удивлением Харт обнаружил, что не ощущает ни особого волнения, ни счастья, как по идее должно было бы быть. Единственное, о чем он, кажется, еще способен был думать, – что одеяло для него потеряно.

Он запихнул деньги в карман и перешел через улицу в маленький парк. Жуйяр уже проснулся и сидел на скамейке под деревом. Харт присел рядом.

– Как чувствуете себя, док? – спросил он.

– Превосходно, сынок, – отвечал старик.

Видели вы пришельца, похожего на паука в снегоступах?

— Был тут один какой-то не так давно. Просыпаюсь я — а он меня ждет. Хотел узнать про ту штуку, что вы нашли.

— И вы сказали?

— Конечно. А почему бы и нет? Он объяснил, что разыскивает ее. Я подумал, что вы будете счастливы сбыть ее с рук.

Какое-то время оба сидели молча. Потом Харт спросил:

— Док, что бы вы сделали, если бы получили миллиард долларов?

— Я бы упился до смерти, — ответил доктор без малейшего колебания. — Да, сэр, я бы упился до смерти настоящим зельем, а не той бурдой, какой торгуют на этом конце города...

«И все покатилося бы, как заведено, — подумал Харт. — Док упился бы до смерти, Анджела принялась бы шляться по художественным салонам и домам моделей, Джаспер более чем вероятно купил бы себе домик в горах, где мог бы уединяться без помехи. А я? Что сделаю я сам с миллиардом долларов плюс-минус миллион?..»

Еще вчера, сегодня ночью, каких-нибудь два часа назад он заложил бы душу за сочинитель модели «Классик».

Сейчас «Классик» казался форменным старьем и преснятиной.

Потому что открылся новый, лучший путь — путь симбиоза, путь сотрудничества человека с инопланетной биологической конструкцией.

Харт припомнил готическую рощу и господствующее

над ней ощущение вечности и даже здесь, в ярком свете дня, вздрогнул при воспоминании о несказанной красоте, что возникла среди деревьев.

«Воистину, сказал он себе, – такой способ сочинять куда лучше: познать явление или пережить свой сюжет самому и тогда уже описать его...»

Но он утратил одеяло и не представлял себе, где взять другое. И даже если бы он узнал, откуда они берутся, то все равно бы не ведал, как приобрести хоть одно одеяльце в личную собственность.

Инопланетная, чуждая биологическая конструкция... И все же не совсем чужая: ведь впервые о ней подумал безвестный автор много лет назад – человек, который писал, как Джаспер пишет еще и сегодня, скорчившись над столом, лихорадочно перенося на бумагу слова, сплетающиеся в мозгу. И никаких тебе сочинителей, фильмов, перфолент и прочих механических приспособлений. Но сумел же этот не известный никому человек преодолеть мглу времени и пространства, коснуться мыслью иного безвестного разума – и одеяло появилось на свет столь же неминуемо, как если бы человек изготовил его собственными руками!

Не в том ли и состоит подлинное величие человечества, что оно способно призвать себе на помощь воображение – и в один прекрасный день все воображаемое сбывается?

А если так, то вправе ли человек передоверить свое призвание поворотным рычагам, вращающимся колесикам, умным лампам и потрохам машин?..

– У вас при себе, случаем, не найдется доллара? – спросил Жуйяр.

– Нет, – ответил Харт. – Доллара у меня нет.

– Вы такой же, как все мы грешные, – сказал старик, – Мечтаете о миллиардах, а за душой ни цента...

«Джаспер мятежник, – подумал Харт, – а это не окупается. На долю мятежников остаются лишь расквашенные носы да шишки на лбу...»

– Доллар мне определенно пригодился бы, – сказал Жуйяр.

«Не окупится мятеж Джасперу Хансену, – подумал Харт, – не окупится и другим, кто так же запирается на замок и так же полирует свои безработные машины с единственной целью: чтобы каждый, кто забредет к ним в гости, удостоверился, что машины в целости и в чести.

Не окупился бы мятеж и мне, – сказал себе Кемп Харт. Зачем мне мятеж, когда, подчинившись правилам, я прославлюсь практически за одну ночь?..

Опустив руку в карман, он ощупал пачку банкнот и бесповоротно решил, что чуть погодя отправится в центр и купит в салоне ту самую машину – удивительную и несравненную. Денег хватит на любую машину. Того, что есть в пачке, хватит на тысячи машин.

– Да, сэр, – произнес Жуйяр, мысленно возвращаясь к своему ответу на вопрос о миллиарде долларов. – Это была бы приятная смерть. Не спорьте, очень приятная.

Когда Харт вновь появился в салоне-магазине, бригада рабочих как раз заменяла выбитое стекло, но он едва удостоил их мимолетным взглядом и без колебаний проследовал внутрь.

Продавец, тот же самый, вырос перед ним как из-под

земли. Только сегодня продавец и не пытался разыграть радость, а придал своему лицу выражение суровое и даже слегка обиженное.

— Вы вернулись, несомненно, затем, чтобы подписать заказ на «Классик»?

— Совершенно верно, — ответил Харт и извлек из кармана деньги.

Продавец был отлично вышколен. Он опешил лишь на какую-то долю секунды, а затем вновь обрел самообладание со скоростью, которая могла бы претендовать на рекорд.

— Великолепно! Я так и знал, что вы вернетесь. Не далее как сегодня утром я говорил кое-кому из наших, что вы непременно заглянете к нам опять.

«Ну да, ври больше», — подумал Харт.

— Полагаю, — сказал он, — что если я заплачу наличными, то вы согласитесь немедленно обеспечить меня в достаточном количестве пленками, перфолентами и аппаратурой по моему выбору?

— Разумеется, сэр. Я сделаю все, что возможно.

Харт снял сверху пачки одну купюру, а остальные сунул обратно в карман.

— Не изволите ли присесть, — извивался продавец. — Я тотчас же вернусь — договорюсь о доставке и оформлю гарантию...

— Можете не спешить, — ответил Харт, наслаждаясь произведенным эффектом.

Он опустил в кресло и принялся строить дальнейшие планы.

Прежде всего необходимо найти квартиру получше, а

потом закатить обед для всей компании и утереть Джасперу нос. Так он и сделает – если только Джаспера не упекли уже в тюрьму. Он даже хмыкнул, представив себе, как Джаспер ежится от страха в подвале бара «Светлая звездочка».

И еще он сегодня же зайдет в контору к Ирвингу, отдаст ему двадцатку и объяснит, что, к сожалению, не располагает временем на то, чтобы выполнить заказ. Не то чтобы ему не хотелось выручить Ирвинга, но писать ту чепуху, которая нужна Ирвингу, на машине «Классик», наделенной такими талантами – прямое кощунство.

Заслышав у себя за спиной торопливую дробь шагов, он поднялся и с улыбкой повернулся навстречу продавцу. Однако тот и не подумал отвечать на улыбку. Казалось, продавца вот-вот хватит удар.

– Вы!.. – задохнулся он, с трудом сохраняя способность к членораздельной речи. – Ваши деньги! Мы по горло сыты вашими фокусами, молодой человек!

– Деньги? – не понял Харт, – Что – деньги? Это галактические кредиты. Следовательно...

– Это игрушечные деньги! – взревел продавец. – Деньги для детишек! Игрушечные деньги, выпущенные в созвездии Дракона! Тут на лицевой стороне так прямо и напечатано. Вот, крупными буквами... – Он отдал бумажку Харту, – А теперь выметайтесь вон!

– Позвольте, – взмолился Харт, – вы уверены? Этого просто не может быть! Здесь какая-то ошибка...

– Наш кассир утверждает, что это факт. Он эксперт по денежным знакам любого рода, и он утверждает, что деньги игрушечные.

– Но вы же их взяли! Вы не смогли отличить их от настоящих...

– Я не умею читать по-дракониански, в отличие от кассира.

– Чертов пришелец! – крикнул Харт в припадке внезапной ярости. – Ну, если я до него доберусь!..

Продавец чуть-чуть смягчился.

– Этим пришельцам никак нельзя доверять, сэр. Они порядочные пройдохи.

– Прочь с дороги! – крикнул Харт. – Я должен разыскать этого негодяя!

Дежурный в Бюро по делам инопланетян не сумел оказать Харту особой помощи.

– У нас нет данных о существовании того типа, какой вы описываете, объявил дежурный. – Вы не располагаете хотя бы его фотографией?

– Нет, – ответил Харт, – фотографии у меня нет.

Перед тем дежурный просмотрел грудку каталогов; теперь он принялся расставлять их по местам.

– Конечно, – рассуждал он, – то, что у нас нет данных, еще ничего не доказывает. К сожалению, мы просто-напросто не успеваем следить за всеми разновидностями мыслящих – их так много, и беспрерывно появляются новые. Возможно, следовало бы навести справки в космопорту – вдруг кто-нибудь обратил внимание на вашего пришельца?

– Я уже побывал там – и ничего. Совсем ничего. Он же должен был прилететь сюда, а может, успел даже улететь обратно, и никто его не помнит! А может, помнит, но не говорит.

– Инопланетяне покрывают друг друга, – поддакнул дежурный. – Они вам никогда ничего не скажут. – Он продолжал складывать книги стопками. Близился конец рабочего дня, ему не терпелось уйти, и он решил сострить: – А почему бы вам не отправиться в космос и не поискать пришельца в его родной стихии?

– Видимо, так и сделаю, – ответил Харт и вышел, хлопнув дверью.

Ну, чем плоха шутка – предложить посетителю отправиться в космос и самому поискать своего пришельца? Почему бы, в самом деле, не выследить его среди миллиона звезд, не поохотиться за ним на расстоянии в десять тысяч световых лет? И почему бы потом, найдя его, не сказать: «А ну, отдавай одеяло», – чтоб он тут же расхохотался тебе в лицо?

Но ведь к тому времени, когда сумеешь выследить его среди миллиона звезд, на расстоянии в десять тысяч световых лет, одеяло тебе уже не понадобится: ты сам переживешь свои сюжеты и увидишь воочию своих героев, впитаешь в себя краски десяти тысяч планет и ароматы миллиона звезд.

И сочинитель тебе тоже не понадобится, как не понадобятся ни фильмы, ни перфоленты, ибо нужные слова будут трепетать на кончиках твоих пальцев и стучать в висках, умоляя выпустить их наружу...

Чем плоха шутка – всучить простаку с отсталой планетки пригоршню игрушечных денег за нечто, стоящее миллион? Дурачина и не заподозрит, что его провели, куда не попытается эти деньги потратить. А обманщик, сорвав куш подешевле, тихо отползет в сторонку и будет надирать от смеха, упиваясь своим превосходством.

Кто это смел утверждать, что люди – единственные лжецы на всю Вселенную?..

А чем плоха шутка – носить на плечах живое одеяло и посылать на Землю корабли за галиматьей, которую здесь пишут? Не сознавая, не догадываясь даже, что нарушить земную монополию на литературу проще простого, и для этого нужно лишь одно: хорошенько прислушаться к существу у себя за спиной..

– И эта шутка значит, – произнес Харт вслух, – что в последнем счете ты остался в дураках. Если я когда-нибудь найду тебя, ты у меня проглотишь эту шутку натошак!..

Анджела поднялась на верхний этаж с предложением мира. Она принесла и поставила на стол кастрюльку.

– Поешьте супу, – сказала она.

– Спасибо. Анджела, – ответил он. – Совсем сегодня забыл про еду.

– А рюкзак зачем, Кемп? Едете на экскурсию?

– Нет, в отпуск.

– И даже мне не обмолвились!

– Я едва-едва надумал, что еду. Вот только что.

– Извините, что я так рассердилась на вас. Все благополучно удрали.

– Так что Джаспер может выйти из подвала?

– Уже вышел. Он сильно зол на вас.

– Как-нибудь переживу – он мне не родственник.

Она села на стул и стала наблюдать за тем, как он укладывается.

– Куда вы собираетесь, Кемп?

– Искать моего пришельца.

– Здесь, в городе? Вы никогда его не найдете.

– Придется порасспрашивать дорогу.

– Какую дорогу? Где вы видели пришельцев, кроме как?..

– Вы совершенно правы.

– Вы сумасшедший! – закричала она. – Не смейте этого делать, Кемп! Я вам не позволю! Как вы будете жить? Чем зарабатывать?

– Буду писать.

– Писать? Вы не сможете писать! Вы же останетесь без сочинителя...

– Буду писать от руки. Может, это и неприлично, но я сумею писать от руки, потому что буду знать то, о чем пишу. Мои сюжеты войдут мне в плоть и кровь. Я буду чувствовать их вкус, цвет и запах...

Она вскочила со стула и замолотила кулачками по его груди.

– Это мерзко! Это недостойно цивилизованного человека! Это...

– Но именно так писали прежде. Все бесчисленные рассказы, все великие мысли, все изречения, которые вы любите цитировать, написаны именно так. Так оно и должно быть во веки веков. Мы сейчас забрели в тупик.

– Вы еще вернетесь, – предсказала она. – Сами поймете, что заблуждались, и вернетесь...

Он покачал головой, не сводя с нее глаз.

– Не раньше, чем найду своего пришельца.

– Вовсе вы не пришельца ищете! Что-то совсем другое. По глазам вижу – что-то другое...

Она круто повернулась и стремглав бросилась из комнаты по коридору и вниз по лестнице.

Он продолжал собирать рюкзак, а когда собрал – сел и съел суп. И подумал, что Анджела права – ищет он отнюдь не пришельца.

Не нужен ему пришелец. Не нужно одеяло, не нужен сочинитель.

Он отнес кастрюльку в раковину, вымыл под краном, старательно вытер и поставил в центре стола, где Анджела наверняка ее увидит, как только войдет. Потом взял рюкзак и стал медленно спускаться по лестнице.

Наконец он вышел на улицу – и тут услышал позади крик. Это была Анджела, она бежала за ним вдогонку. Он приостановился и подождал ее.

– Я еду с вами, Кемп.

– Вы сами не знаете, что говорите. Путь будет далек и труден. Диковинные миры и странные нравы. И у нас нет денег.

– Нет, есть. У нас есть полсотни – те, что я пыталась вам одолжить. Большого предложить не могу, да и этого надолго не хватит, но полсотни у нас есть.

– Но вам-то не нужен никакой пришелец!

– Нет, нужен. Я тоже ищу пришельца. Каждый из нас, по-моему, ищет своего пришельца.

Он решительно привлек ее к себе и крепко обнял.

– Спасибо, Анджела, – проговорил он.

Рука об руку они направились к космопорту, чтобы выбрать корабль, который помчит их к звездам.

ВСЕ ЛОВУШКИ ЗЕМЛИ

Инвентарная опись была очень длинной. Своим убористым четким почерком он исписал много страниц, перечислив мебель, картины, фарфор, столовое серебро и прочие предметы обстановки – все движимое имущество, накопленное Баррингтонами за долгий период семейной истории.

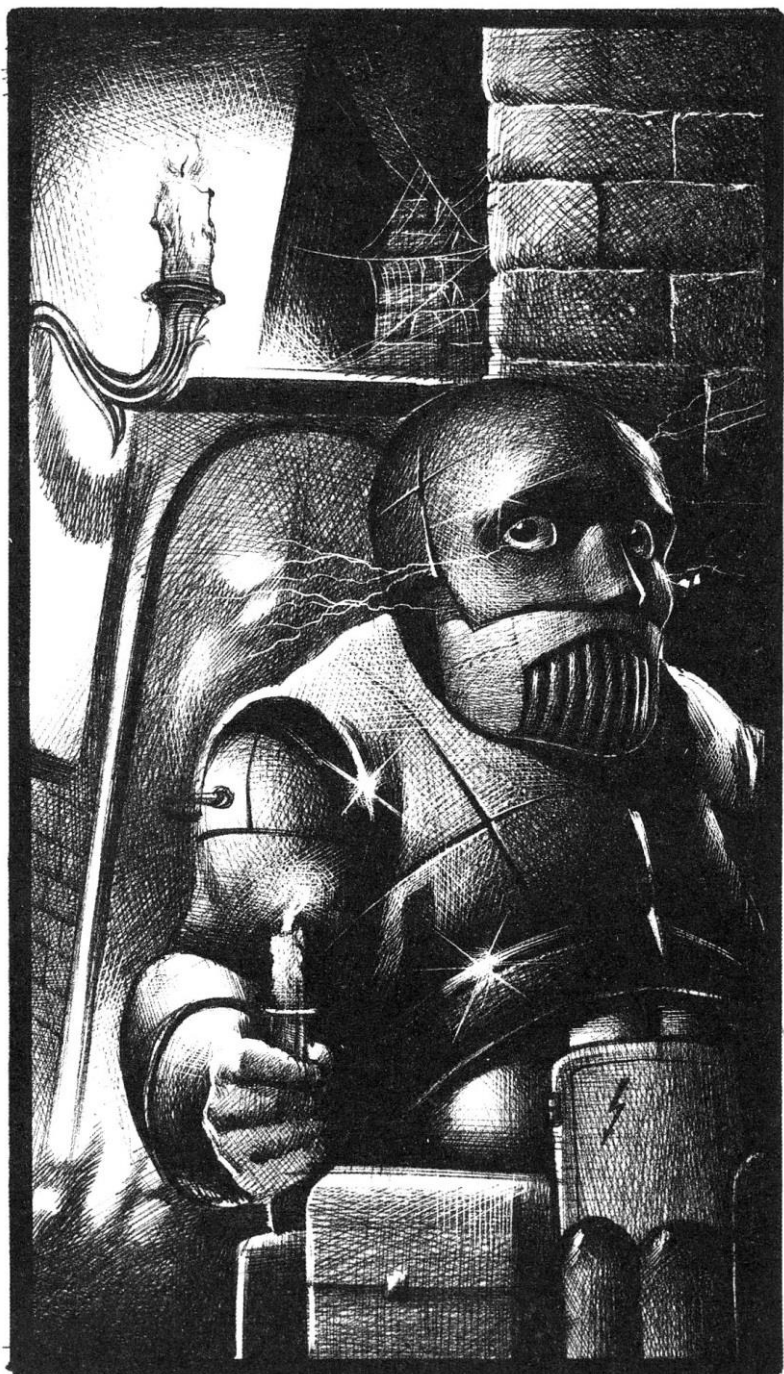
И теперь, заканчивая опись, последним пунктом он внес в нее самого себя:

«Домашний робот Ричард Дэниел, устаревший, но в хорошем состоянии – один».

Отложив в сторону перо, он собрал все страницы описи в аккуратную стопку и положил на нее сверху пресс-папье – маленькое, тончайшей резьбы пресс-папье из слоновой кости, которое тетя Гортензия привезла из своего последнего путешествия в Пекин.

На этом его работа закончилась.

Отодвинув стул, он встал из-за письменного стола и неторопливо прошелся по гостиной. В этой комнате было, собрано множество разнообразных реликвий из семейного прошлого. Здесь над каминной полкой висел меч, который когда-то, давным-давно, носил Джонатан во время войны между штатами, а под ним, на самой полке, стоял кубок, который завоевал Коммодор на своей прославленной яхте, и банка с лунной пылью, которую привез Тони, вернувшись после пятой высадки Человека на Луну, и старый хронометр с давно уже выброшенного на свалку семейного космического корабля, совершавшего в свое время рейсы на астероиды.

На всех стенах почти вплотную друг к другу висели фамильные портреты, и мертвые лица взирали с них на мир, который они помогали создавать.

И Ричард Дэниел подумал, что среди тех, кто жил в последние шестьсот лет, не было ни одного, кого бы он не знал лично.

Вот справа от камина висит портрет старого Руфуса Эндрю Баррингтона – судьи, который жил лет двести назад. А по правую руку от Руфуса находится Джонсон Джозеф Баррингтон, возглавлявший Бюро Паранормальных Исследований, на которое человечество некогда возлагало огромные надежды, ныне утраченные. У двери же, которая ведет на веранду, смутно виднеется хмурое пиратское лицо Дэнли Баррингтона, положившего начало семейному благосостоянию.

И многие, многие другие – администратор, искатель приключений, глава корпорации. Все добрые и честные люди.

Но все пришло к концу. Семья иссякла.

Медленным шагом Ричард Дэниел начал свой последний обход дома – гостиная, тесно заставленная мебелью, небольшой рабочий кабинет со старинными сувенирами, библиотека с рядами древних книг, столовая, в которой сверкал хрусталь и мягко светился фарфор, кухня, блестящая медью, алюминием и нержавеющей сталью, и спальни на втором этаже, каждая из которых хранила отпечаток личности своих прежних хозяев. И наконец, спальня, где скончалась тетя Гортензия, со смертью которой перестало существовать семейство Баррингтонов.

В опустевшем жилье не ощущалось заброшенности –

дом словно ждал, что вот-вот в него возвратится былое оживление. Но впечатление это было обманчивым. Все портреты, весь фарфор и серебро, все, что находилось в его стенах, будет продано с аукциона, чтобы покрыть долги. Комнаты будут опустошены и ободраны, вещи разбредутся по белу свету, и последним оскорблением будет продажа самого дома.

Та же судьба ждала и его самого, подумал Ричард Дэниел, ибо он тоже был движимой собственностью – частью всего этого имущества, последним пунктом инвентарной описи.

Однако ему они уготовили нечто похуже простой продажи. Потому что прежде чем пустить с молотка, его должны будут переделать, ведь никто не захочет дать за него – такого, какой он есть сейчас – приличную сумму. И кроме того, еще существовал закон, который гласил, что ни один робот не имел права жить одной жизнью более ста лет. А он без единой переделки прожил в шесть раз больше.

Он посетил адвоката, и тот посочувствовал ему, но не подал никакой надежды.

– Если исходить из закона, – сказал он Ричарду Дэниелу своей отрывистой адвокатской скороговоркой, – в настоящий момент вы являетесь злостным правонарушителем. Просто ума не приложу, как вашим хозяевам удалось выйти сухими из воды.

– Они очень любили старинные вещи. А потом, ведь меня видели очень редко – почти все время я проводил в доме. Я нечасто отваживался выходить на улицу.

– Но существуют же официальные документы, – возра-

зил адвокат. – Вы непременно должны быть зарегистрированы...

– У этой семьи, – пояснил Ричард Дэниел, – когда-то было много влиятельных друзей. Вам должно быть известно, что до того, как для них наступили трудные времена, Баррингтоны были весьма выдающимися фигурами в политике и многих других областях.

Адвокат понимающе хмыкнул.

– Мне все-таки не совсем ясно, почему вы так противитесь этому. Ведь вас не изменят полностью. Вы останетесь все тем же Ричардом Дэниелом.

– А разве я не утрачу все свои воспоминания?

– Разумеется. Но воспоминания не так уж важны. И вы накопите новые.

– Мне дороги мои воспоминания. Это все, что у меня есть. Это единственная истинная ценность, которую оставили мне минувшие шестьсот лет. Вы можете себе представить, господин адвокат, что значит прожить шесть веков с одной семьей?

– Думаю, что могу. А что если теперь, когда семьи уже больше нет, эти воспоминания заставят вас страдать?

– Они утешают меня. Утешают и поддерживают. Благодаря им я проникаюсь чувством собственной значимости. Они вселяют в меня надежду на будущее и дают убежище.

– Неужели вы ничего не понимаете? Ведь как только вас переделают, вам уже не понадобится никакого утешения, никакого чувства собственной значимости. Вы станете новеньким с иголки. У вас в основных чертах останется только сознание собственной личности – этого они

не могут вас лишить, даже если захотят. Вам не о чем будет сожалеть. Вас не будет преследовать чувство неискупленной вины, не будут терзать неудовлетворенные желания, беречь душу старые привязанности.

— Я должен остаться самим собой, — упрямо заявил Ричард Дэниел. — Я познал смысл жизни и то, в каких условиях моя собственная жизнь имеет какое-то значение. Я не могу смириться с необходимостью стать кем-то другим.

— Вам жилось бы гораздо лучше, — устало сказал адвокат. — Вы получили бы лучшее тело, лучший мыслящий аппарат, вы стали бы умнее.

Ричард Дэниел поднялся со стула — он понял, что без толку теряет время.

— Вы не донесете на меня?

— Ни в коем случае. Что касается меня, то вас здесь нет и не было.

— Благодарю вас, — произнес Ричард Дэниел. — Сколько я вам должен?

— Ни гроша. Я не беру гонорар с клиентов, которым перевалило за пятьсот.

Последнее, конечно, было сказано в шутку, но Ричард Дэниел не улыбнулся — ему было не до улыбок. У двери он обернулся.

«Для чего, — хотел было он спросить, — для чего нужен такой нелепый закон?»

Но ему незачем было спрашивать — не так уж трудно было догадаться.

Он знал, что всему причиной было человеческое тщеславие. Человек мог прожить немногим больше ста лет, и

поэтому такой же срок жизни был установлен для роботов. Но, с другой стороны, робот был слишком дорог, чтобы после ста лет службы его просто-напросто списать в утиль, и был издан закон, по которому нить жизни каждого робота периодически прерывалась. И таким образом человек был избавлен от унижительного сознания, что его верный слуга может пережить его на несколько тысяч лет.

Это было нелогично, но люди всегда были нелогичны.

Нелогичны, но добры. Добры во многом и по-разному.

Иногда они были добры, как Баррингтоны, подумал Ричард Дэниел. Шестьсот лет неиссякаемой доброты. Это была достойная тема для размышлений. Они даже дали ему двойное имя. В нынешние времена мало кто из роботов имел двойное имя. Это было знаком особой любви и уважения.

После неудачного визита к адвокату Ричард Дэниел стал искать другой источник помощи. Теперь, стоя в спальне, где умерла Гортензия Баррингтон и вспоминая об этом, он пожалел, что так поступил, потому что поставил священника в невыносимо трудное положение. Адвокату ничего не стоило сказать ему, на что он может рассчитывать. В распоряжении адвокатов были законы, которые почти избавляли их от мучительной необходимости принимать собственные решения.

Но лицу духовного звания свойственна доброта, если оно, конечно, по праву занимает свое место. И тот, к кому он обратился, был добр не только профессионально, но и по натуре, и от этого было еще хуже.

— При определенных условиях, — с какой-то неловкостью сказал ему священник, — я посоветовал бы терпение,

смирение и молитвы. Это великое тройное подспорье для каждого, кто пожелает этим воспользоваться. Но я не уверен, что вам нужно именно это.

– Вы сомневаетесь, – сказал Ричард Дэниел, – потому что я робот.

– Видите ли... – проямлил священник, сраженный столь прямым заявлением.

– Потому что у меня нет души?

– Право же, – жалобно сказал священник, – вы ставите меня в неудобное положение. Вы задаете мне вопрос, над решением которого на протяжении столетий бились лучшие умы церкви.

– Но этот вопрос, – заявил Ричард Дэниел, – должен решить для себя каждый человек.

– Если бы я только мог! – в смятении воскликнул священник. – Как бы я хотел решить его!

– Если это поможет вам, могу признаться – иногда я подозреваю, что у меня есть душа.

Он тут же ясно увидел, что его последние слова вконец расстроили этого доброго человека. С его стороны было жестоко произносить их, упрекнул себя Ричард Дэниел. Они не могли не смутить священника, ведь в его устах это высказывание уже не было простым умозаключением, а свидетельством специалиста.

И, покинув кабинет священника, он вернулся домой, чтобы продолжить опись имущества.

Теперь с описью было покончено, и бумаги стопкой сложены там, где Дэнкорт, агент по продаже движимого и недвижимого имущества, сможет найти их, когда явится сюда завтра утром, и для Ричарда Дэниела, выполнившего

свой последний долг перед семейством Баррингтонов, наступила пора заняться самим собой.

Он вышел из спальни, закрыл за собой дверь, не спеша спустился по лестнице и направился по коридору в маленькую каморку за кухней, которая была отдана в его полное распоряжение.

И это, в приливе гордости напомнил он себе, гармонично сочеталось с его двойным именем и его шестьюстами годами. Не так уж много роботов имели комнаты, пусть даже маленькие, которые они могли бы назвать своими.

Он вошел в каморку, зажег свет и закрыл за собой дверь.

И впервые взглянул в лицо трудностям задуманного им шага.

Плащ, шляпа и брюки висели на крючке, а под ними на полу были аккуратно поставлены галоши. Сумка с инструментами лежала в углу каморки, деньги были спрятаны под одной из досок пола, где он много лет назад устроил тайник.

Дальше тянуть бессмысленно, сказал он себе. Каждая минута на счету. Путь предстоял долгий, а ему необходимо быть на месте до рассвета.

Он опустился на колени, приподнял едва державшуюся на паре гвоздей доску, засунул под нее руку и вытащил несколько пачек банкнотов — деньги, которые он много лет хранил на черный день.

Там было три пачки банкнотов, аккуратно перетянутых эластичными лентами, — накопленные за долгие годы чаевые, денежные подарки к рождеству и дню рождения, воз-

награждения за кое-какие работы, с которыми он особенно хорошо справился. Он открыл на своей груди дверцу и положил в специальное отделение все деньги, за исключением нескольких бумажек, которые он засунул в набедренный карман.

Сняв с крючка брюки, он принялся надевать их. Нелегкое это было дело, ведь до сих пор он никогда не носил никакой одежды, если не считать того, что несколько дней назад он примерял эти самые брюки. Ему повезло, подумал он, что давно умерший дядя Майкл был дородным мужчиной, иначе брюки ни за что бы ему не подошли.

Надев брюки, он застегнул «молнию» и затянул их на талии поясом, потом втиснул ноги в галоши. Эти галоши внушали ему некоторое беспокойство, ведь летом ни один человек не выходит в них на улицу. Но он ничего не мог придумать получше — ни одна пара найденной им в доме обычной обуви даже приблизительно не подходила ему по размеру.

Он надеялся, что никто этого не заметит, у него ведь не было другого выхода. Так или иначе, он должен был закрыть свои ступни, потому что, обрати на них кто-нибудь внимание, они сразу же выдадут его с головой.

Он надел плащ, оказавшийся слишком коротким для него, надел шляпу, и она оказалась тесноватой, но он все-таки натянул ее поглубже, и она плотно села на его металлический череп, и он сказал себе, что это только к лучшему: теперь ее не сорвет даже самый сильный ветер.

Он захватил полную сумку своих запасных частей и инструментов, которыми он почти никогда не пользовался. Быть может, глупо было брать их с собой, но все это

как бы составляло с ним единое целое и по праву должно было последовать за ним. У него было так мало собственных вещей – только деньги, которые он скопил по доллару, да эта его сумка.

Зажав под мышкой сумку, он прикрыл дверь каморки и направился по коридору к выходу.

У массивной парадной двери он в нерешительности остановился и, обернувшись, бросил взгляд в глубь дома, но увидел лишь темную пустую пещеру, из которой исчезло все, что некогда наполняло ее жизнью. Здесь не осталось ничего, что могло бы удержать его, ничего, кроме воспоминаний, а воспоминания он уносил с собой.

Он вышел на крыльцо и закрыл за собой дверь.

И теперь, подумал он, как только за ним закрылась дверь дома, вся ответственность за его будущие поступки легла на его собственные плечи. Он убежал. На нем было надето платье. Он ночью вышел на улицу без разрешения хозяина. И все это было нарушением закона.

Его мог остановить любой полицейский, даже просто первый встречный. У него не было абсолютно никаких прав. И сейчас, когда не осталось никого из Баррингтонов, за него некому было замолвить слово.

Он спокойно прошептал по дорожке, открыл ворота и медленно пошел по улице, и ему почудилось, будто дом зовет его и просит вернуться. Его потянуло назад, сознание твердило, что он должен вернуться, но ноги упрямо продолжали шагать вперед.

Он одинок, подумал он, и теперь одиночество из мысленной абстракции, которая много дней владела его сознанием, превратилось в действительность. Вот он идет по

улице — громоздкое неприкаянное создание, которому в эту минуту не для чего жить, нечего начинать и нечего кончать, некое безликое, беззащитное существо, затерянное в бесконечности пространства и времени.

Но он все шел и шел, и с каждым остававшимся позади кварталом он медленно, точно ощупью, возвращался к своему «я», вновь становился старым роботом в старой одежде, роботом, бегущим из дома, который уже более не был домом.

Он поглубже запахнул на себе плащ и устремился дальше по улице, и сейчас он шел быстро, потому что уже пора было поспешить.

Ему встретилось несколько человек, но они не обратили на него внимания. Мимо проезжали машины, но его никто не побеспокоил.

Он вышел к ярко освещенному торговому центру и остановился, с ужасом вглядываясь в это залитое светом открытое пространство. Он мог обойти его стороной, но на это ушло бы много времени, и он стоял в нерешительности, собираясь с духом, чтобы выйти из мрака.

Наконец он решился и, еще плотнее запахнув плащ и низко надвинув на лоб шляпу, быстрым шагом двинулся вперед.

Кое-кто из покупателей обернулся и посмотрел в его сторону, и он почувствовал, как по спине забегали мурашки. Внезапно галоши показались ему в три раза больше, чем они были на самом деле, и — что его особенно стесняло — при ходьбе они громко и неприятно чавкали.

Он спешил, до конца торговой части улицы оставалось не более квартала.

Раздался пронзительный полицейский свисток, и Ричард Дэниел, подскочив от неожиданности, в панике бросился бежать. Он бежал без оглядки, подгоняемый унижительным, бессмысленным страхом, в развевающемся за спиной плаще, звучно шлепая галошами по тротуару.

Вырвавшись из освещенной полосы, он нырнул в благодатную тьму жилого квартала и побежал дальше. Где-то вдалеке завывала сирена, и он, перемахнув через забор, помчался по чьему-то двору. Он прогрохотал по дорожке, по садику, находившемуся позади дома. Откуда-то с визгливым лаем выскочила собака и включилась в общий гвалт погони.

Ричард Дэниел с размаху ударился об изгородь и, пробив ее, прошел насквозь под трескучий аккомпанемент ломающихся прутьев и перекладин. Собака не отставала, и к ней теперь присоединились другие.

Он пересек еще один двор, выбежал из ворот и тяжело затопал по улице. Завернул в другие ворота, пробежал новый двор, опрокинул таз с водой и, наткнувшись на бельевую веревку, разорвал ее в своем безудержном беге.

За его спиной в окнах домов начали вспыхивать огни и захлопали входные двери, выпуская на улицу людей, которым не терпелось узнать, из-за чего весь этот шум и гам.

Он пробежал еще несколько кварталов, ворвался в еще один двор и, забившись в куст сирени, замер и прислушался. Издалека еще доносился редкий собачий лай и крики, но сирены уже не было слышно.

Он преисполнился благодарностью за то, что больше не слышит сирены, благодарностью и стыдом. Ибо он знал, что причиной его панического бегства был он сам; он бежал от призраков, бежал от вины.

Но он поднял на ноги всю округу и был уверен, что и сейчас еще раздаются тревожные телефонные звонки, и очень скоро это место наводнят полицейские.

Он потревожил осиное гнездо, и ему необходимо было убраться отсюда подальше. Поэтому он потихоньку вылез из куста сирени и быстро пошел по улице по направлению к окраине.

Наконец он выбрался из города, отыскал шоссе и заковылял по его терявшейся вдаль пустынной полосе. Когда появлялась легковая машина или грузовик, он сходил с дороги и степенно шествовал по обочине. Когда же машина или грузовик благополучно проезжали мимо, он снова переходил на свою неуклюжую рысь.

За много миль он увидел огни космопорта. Добравшись наконец туда, он оставил шоссе, подошел к ограде и, стоя в темноте, стал смотреть, что делается по ту сторону.

Группа роботов занималась погрузкой большого звездолета. Там были еще и другие космические корабли, темными массами вздымавшиеся из своих шахт.

Он внимательно разглядывал роботов, тащивших тюки со склада через ярко освещенную прожекторами площадку. Это была именно та ситуация, на которую он рассчитывал, хоть и не надеялся, что она так быстро подвернется, — он боялся, что ему придется день-два скрываться, пока не представится такой удобный случай. И хорошо, что он сразу же наткнулся на такие благоприятные обстоятельства: ведь сейчас уже вовсю идет охота на беглого робота в человеческом платье.

Он сбросил плащ, снял брюки и галоши, отшвырнул в сторону шляпу. Из сумки с инструментом он вынул резак,

отвинтил кисть руки и вставил резак на ее место. Прорезал в ограде дыру, протиснулся через нее, обратно приделал кисть и положил резак в сумку.

Осторожно ступая в темноте, он подошел к складу, все время держась в его тени.

Все очень просто, сказал он себе. Нужно только выйти на свет, схватить какой-нибудь тюк или ящик, втащить его вверх по трапу и спуститься в трюм. Как только он окажется внутри корабля, ему нетрудно будет отыскать укромное местечко, где можно скрываться до посадки на первую планету.

Он пододвинулся к углу склада, потихоньку выглянул и увидел трудившихся роботов, непрерывной цепью поднимавшихся с тюками груза по трапу и спускавшихся вниз за новой поклажей.

Но их было слишком много, и шли они почти в затылок друг другу, а площадка была слишком ярко освещена. Он никогда не сумеет влиться в этот поток.

И все равно это ничего бы ему не дало, в отчаянии подумал он, ведь между ним и этими гадкими, лоснящимися существами была огромная разница. Он напоминал человека в костюме другой эпохи; со своим шестисотлетним телом он выглядел бы цирковым уродцем рядом с ними.

Он шагнул назад в тень склада, уже зная, что проиграл. Все его самые дерзкие, тщательно разработанные планы, которые он продумал до мельчайших подробностей, пока трудился над инвентаризацией, лопнули как мыльный пузырь.

И все потому, подумал он, что он почти никогда не выходил из дома, был лишен настоящего контакта с внеш-

ним миром, не следил за изменениями, которые вносились в тела роботов, отстал от моды. В своем воображении он рисовал себе, как это произойдет, и вроде бы все учел, а когда пришла пора действовать, все обернулось иначе.

Теперь ему нужно подобрать выброшенную им одежду и поскорее найти какое-нибудь убежище, где он может собраться с мыслями и придумать что-нибудь еще.

За складом раздался неприятный резкий скрежет металла, и он снова выглянул за угол.

Цепь роботов распалась, они стекались к зданию склада, а оставшиеся откатывали трап от грузового люка.

К кораблю, направляясь к лесенке, шли три человека в униформе, и у одного из них в руке была пачка бумаг.

Погрузка была закончена, корабль должен был с минуты на минуту подняться, а он был здесь в какой-нибудь тысяче футов, и единственное, что ему оставалось, – это стоять и смотреть, как он улетит.

И все-таки непременно должен быть какой-то способ пробраться внутрь, сказал он себе. Если бы он только сумел это сделать, все его невзгоды остались бы позади – по крайней мере, самая большая из грозивших ему неприятностей.

Мысль, внезапно вспыхнувшая в мозгу, ошеломила его, словно пощечина. Был выход из этого положения! Он тут бездельничает, распуская нюни, а между тем все это время у него под носом была возможность осуществить свой план!

Внутри корабля, думал он раньше. А ведь в этом не было никакой необходимости. Ему вовсе не обязательно находиться внутри корабля!

Он бросился бежать назад, в темноту, чтобы, сделав круг, приблизиться к звездолету с другой стороны, не освещенной прожекторами склада. Он надеялся успеть вовремя.

Он с грохотом промчался по космопорту и, подбежав к кораблю, увидел, что, судя по всему, тот еще пока не собирался взлетать.

Как безумный, он начал рыться в своей сумке и наконец нашел то, что искал, — ему раньше и в голову не приходило, что из всего ее содержимого ему когда-нибудь понадобится именно это. Он вытащил круглые присоски и укрепил их на своем теле; по одной на каждой подошве и кисти рук.

Он привязал сумку к поясу и полез вверх по огромному стабилизатору, неловко подтягиваясь с помощью присосок. Это было довольно трудно. Ему никогда не приходилось пользоваться присосками, а для этого требовалась определенная сноровка — чтобы с их помощью взобраться повыше, нужно было с силой прижимать одну из них к поверхности стабилизатора и только после этого отлеплять другую.

Но он должен был все это проделать. Другого выхода у него не было.

Он взобрался на стабилизатор, и теперь над ним возвышалось огромное стальное тело звездолета, подобное устремившейся к небу металлической стене, гладкая поверхность которой была рассечена узкой полосой якорных мачт. Перед его глазами мерцала в вышине громада металла, отражавшая слабый, изменчивый свет звезд.

Фут за футом поднимался он по металлической стене.

Горбатясь и извиваясь, как гусеница, он полз вверх, испытывая благодарность за каждый завоеванный фут.

Вдруг он услышал приглушенный, постепенно нарастающий грохот, и вместе с грохотом пришел ужас. Он знал, что присоски недолго смогут противостоять вибрации пробуждающихся реактивных двигателей и не выдержат ни секунды, когда корабль начнет подниматься.

Шестью футами выше находилась его единственная надежда — последняя, самая верхняя якорная мачта.

Потеряв голову, он судорожно стал карабкаться по содрогавшемуся цилиндрическому корпусу корабля, отчаянно цепляясь за его стальную поверхность точно муха.

Гром двигателей нарастал, вытесняя весь остальной мир, а он все лез вверх в каком-то тумане едва теплившейся, почти мистической надежды. Если он не доберется до этой якорной мачты, то может считать себя погибшим. Упав он в шахту, заполненную раскаленными газами, — с ним будет покончено.

Одна из присосок отскочила, и он чуть было не полетел вниз, но другие не подвели, и он удержался.

Забыв об осторожности, он отчаянным броском взметнулся вверх по металлической стене, поймал кончиками пальцев перекладину и, собрав все свои силы, ухитрился уцепиться за нее.

Сейчас грохот уже перешел в яростный пронзительный визг, раздиравший тело и мозг. Немного погодя визг оборвался, уступив место мощному гортанному рычанию, и корабль перестал вибрировать. Уголком глаза он увидел, как покачнулись и поплыли огни космопорта.

Медленно и очень осторожно он стал подтягиваться

MARC 42

вдоль стального бока корабля, пока ему не удалось покрепче ухватиться за перекладину, но даже это не избавило его от ощущения, будто чья-то гигантская рука, зажав его в кулаке, яростно размахивает им, описывая стомильную дугу.

Потом рев двигателей смолк, наступила мертвая тишина, и со всех сторон его обступили стальные немигающие звезды. Он знал, что где-то внизу под ним покачивалась Земля, но видеть ее не мог.

Подтянув свое тело к перекладине, он забросил за нее ногу и, выпрямившись, уселся на корпус корабля. Никогда ему не приходилось видеть столько звезд, ему и не снилось, что их может быть такое множество. Они были неподвижные и холодные, словно застывшие светящиеся точки на бархатном занавесе; они не мигали, не мерцали, и казалось, будто на него уставились миллионы глаз. Солнце находилось внизу, немного в стороне от корабля, и слева, по самому краю цилиндра блестел под его лучами безмолвный металл, очерчивая серебристой каймой отраженного света один бок корабля. Земля была далеко за кормой — висевший в пустоте призрачный зеленовато-голубой шар в клубящемся ореоле атмосферы.

Предоставленный самому себе, Ричард Дэниел сидел на металлическом корпусе набиравшего скорость звездолета, и все его существо преисполнилось ощущением таинственности, неизъяснимого наслаждения, ощущением одиночества и заброшенности, и его сознание, защищаясь от этого, сжалось в маленький, полный смятения плотный шарик.

Он смотрел. Больше ему нечем было занять себя. Те-

перь уже все в порядке, подумал он. Но как долго придется ему смотреть на это? Сколько времени должен он провести здесь, в открытом пространстве – самом смертоносном из всех пространств?

Только сейчас до него дошло, что он не имел ни малейшего представления о том, куда направляется корабль, и сколько времени продлится полет. Он знал, что это был звездолет, а это означало, что корабль держит путь за пределы солнечной системы и в какой-то момент полета войдет в гиперпространство. Вначале с чисто академическим интересом, а потом уже с некоторым страхом он принялся размышлять над тем, как может повлиять гиперпространство на ничем не защищенный объект. Впрочем, сейчас еще рано об этом беспокоиться, философски рассудил он, придет время, когда это выяснится само собой – ведь все равно он не в силах что-либо предпринять.

Он снял со своего тела присоски, положил их в сумку, потом одной рукой привязал ее к металлической перекладине и, порывшись в ней, достал короткий кусок стального троса с кольцом на одном его конце и карабином на другом. Он перебросил конец с кольцом через перекладину, протянул другой конец с карабином сквозь кольцо и, обвив себя тросом, защелкнул карабин под мышкой. Теперь он был в безопасности; он уже мог не бояться, что, сделав неосторожное движение, оторвется от корабля и уплывет в пространство.

Вот он и устроился не хуже других, подумал Ричард Дэниел: мчится с огромной скоростью, и что с того, что даже не знает куда, – нужно только запастись терпением. Он вдруг почему-то вспомнил, что сказал ему на Земле

священник: «Терпение, смирение и молитвы», видимо упустив из виду, что терпение робота неиссякаемо.

Ричард Дэниел знал, что пройдет много времени, пока он прибудет на место. Но времени у него было предостаточно, намного больше, чем у любого человеческого существа, и он вполне мог истратить некоторую его часть впустую. Он прикинул, что у него не было никаких потребностей – он не нуждался ни в пище, ни в воздухе, ни в воде, он не нуждался в сне и в отдыхе. Ему ничто не могло повредить.

Однако если вдуматься, не исключено, что все-таки возникнут кое-какие неприятности.

Во-первых, холод. Поверхность звездолета была пока еще очень теплой благодаря нагретому солнцем боку, откуда тепло по металлической обшивке распространялось на теневую часть корпуса, но наступит момент, когда солнце настолько уменьшится в размере, что перестанет греть, и он будет обречен на лютый космический холод.

А как подействует на него холод? Не станет ли его тело хрупким? Не повлияет ли он на функции его мозга? А может, он сотворит с ним что-то такое, о чем он даже и не догадывается?

Он почувствовал, что к нему вновь подползает страх, попытался оттолкнуть его, и страх подобрал свои щупальца, но не ушел совсем, затаившись на самой границе сознания.

Холод и одиночество, подумал он. Но ведь он в силах совладать с одиночеством. А если он не сумеет с ним справиться, если одиночество окажется невыносимым, если ему станет невтерпеж, он забарабанит по корпусу ко-

рабля, и тогда наверняка кто-нибудь выйдет посмотреть, в чем дело, и втащит его внутрь.

Но на это его может толкнуть только безысходное отчаяние, сказал он себе. Ведь если они выйдут из корабля и обнаружат его – он пропал. Стоит ему прибегнуть к этой крайней мере, и он лишится всего – его побег с Земли потеряет всякий смысл.

Поэтому он расположился поудобнее и стал терпеливо ждать, пока истечет положенное время, не давая притаившемуся страху переползти через порог сознания и во все глаза разглядывая раскинувшуюся перед ним вселенную.

Вновь заработали моторы, на корме бледно-голубым светом замерцали реактивные двигатели и, даже не ощущая ускорения, он понял, что корабль начал свой долгий трудный разгон к скорости света.

Достигнув этой скорости, они войдут в гиперпространство. Он заставлял себя не думать об этом, пытался внушить себе, что ему нечего бояться, но он не желал исчезать, этот величественный призрак неведомого.

Солнце становилось все меньше, пока не превратилось в одну из звезд, и пришло время, когда он уже не мог отыскать его среди других светил. И холод вступил в свои права, но, похоже, это ему ничем не грозило, хоть он и чувствовал, что похолодало.

Быть может, то же самое будет и с гиперпространством, сказал он себе, как бы отвечая мучившим его страхам. Но это прозвучало неубедительно. Корабль все мчался и мчался вперед, и роковой синевой отливала поверхность его двигателей.

И в какой-то момент его мозг вдруг выплеснулся во вселенную.

Он сознавал, что существует корабль, но лишь постольку, поскольку это было связано с осознанием многого другого; не было якорной мачты, и он более не владел своим телом. Он разметался по вселенной; был вскрыт и раскатан в тончайшую пленку. Он одновременно был в дюжине, а может и в сотне мест, и это очень смущало его, и первым побуждением было как-то противостоять тому неведомому, что может с ними произойти, – одолеть это и собрать себя. Но сопротивление ничего не дало, стало даже еще хуже, потому что порой ему казалось, что, сопротивляясь, он лишь сильнее растягивает в стороны свое существо, увеличивая расстояние между его частями, и от этого испытывал все большую неловкость.

И он отказался от борьбы и теперь лежал неподвижно, рассыпавшийся на множество осколков; страх постепенно оставлял его, и он сказал себе, что теперь ему все безразлично, тут же усомнившись, так ли это на самом деле.

Постепенно, по капле, к нему возвращался разум, и, вновь обретя способность мыслить, он довольно безучастно подумал о том, что, возможно, это и есть гиперпространство, впрочем, уже уверенный, что не ошибся. И он знал, что если это правда – ему очень долго придется существовать в таком состоянии; пройдет много времени, пока он привыкнет к нему и научится ориентироваться, пока сможет найти себя и собрать воедино, пока поймет до конца, что с ним происходит, если это вообще доступно пониманию.

Поэтому он лежал там без особых переживаний, без страха и удивления, словно бы отдыхая и поглощая информацию, которая отовсюду беспрепятственно вливалась в его существо.

Каким-то необъяснимым образом он сознавал, что тело его – та оболочка, в которой ютилась небольшая часть его нынешнего существа, – по-прежнему было прочно привязано к кораблю, и он знал, что понимание этого уже само по себе было первым маленьким шагом к определению своего состояния. Он знал, что ему необходимо было как-то сориентироваться. Он непременно должен был если не понять, то хотя бы по возможности освоиться с создавшимся положением.

Он раскрылся, и существо его раздробилось, рассыпалось – та важнейшая его часть, которая чувствовала, знала и мыслила; тончайшей субстанцией раскинулся он по вселенной – грозной и необъятной.

Ему захотелось узнать, такова ли она всегда, эта вселенная, или сейчас перед ним была иная – освобожденная, мятежная вселенная, сбросившая оковы размеренного порядка, пространства и времени.

Так же медленно и осторожно, как он недавно полз по поверхности корабля, он начал постепенно подбираться к разметавшимся по вселенной осколкам своего существа. Он действовал интуитивно, повинаясь каким-то неосознанным импульсам, но казалось, что все идет так, как нужно, ибо мало-помалу он вновь обретал власть над собой и ему наконец удалось собрать в несколько островков рассыпавшиеся части своего «я».

На этом он остановился и теперь лежал там, неведомо где, пытаясь украдкой завладеть этими островками разума, из которых, как он полагал, состояло его существо.

У него это получилось не сразу, но потом он приноровился, и неведомое начало отступать, хотя его по-

прежнему не покидало сознание невероятности происходящего. Он попробовал осмыслить это, и оказалось, что это не так-то легко. Он лишь сумел представить себе, что вместе со всей вселенной на волю вырвался и он сам, что пали цепи рабства, которыми опутывал его другой, нормальный и упорядоченный мир, и он более не был подвластен законам пространства и времени.

Он мог видеть, познавать, и чувствовать независимо от расстояний, если можно было употребить здесь это слово, и он понимал самую суть некоторых явлений, о которых никогда раньше даже не думал, понимал инстинктивно, не находя для этого словесного выражения, не умея объединить эти явления и почерпнуть из них какую-нибудь определенную информацию.

Снова перед ним, уходя в бесконечность, раскинулась вселенная, и это была иная, в каком-то смысле более совершенная вселенная. Он знал, что со временем — если сейчас существовало такое понятие, как время, — он лучше освоится с ней и приоткроет завесу неведомого.

Он исследовал, изучал, ощущал, а вместо того, что именовалось временем, было необъятное всегда.

Он с жалостью подумал о тех, кто был заперт внутри корабля, кому не дано было постичь истинное величие звезд, о тех, кто был лишен возможности проникнуть в безграничные дали и чье видение мира никогда не выйдет за пределы плоской галактической равнины.

И вместе с тем он даже не знал, что именно он видел и познавал; он только ощущал и впитывал и становился частью этого нечто, а оно становилось частью его самого — его сознание, казалось, было бессильно придать этому

четкую форму определенного явления, измерить, уяснить сущность. Это нечто настолько было могущественным и подавляющим, что оно по-прежнему оставалось для него расплывчатым и туманным. Он не испытывал ни страха, ни удивления, ибо там, где он находился, видимо, не существовало ни того, ни другого. И в конце концов он понял, что это был как бы потусторонний мир, не подчинявшийся нормальным законам пространства и времени, мир, в котором не было места обычным эмоциям, и в распоряжении существа, привыкшего к иным канонам пространства и времени, не было никаких инструментов, никакого измерительного прибора, с помощью которых оно смогло бы свести все это к категориям, доступным познанию.

Не было ни времени, ни пространства, ни страха, ни удивления – так же, как и настоящего прозрения.

А потом вновь вдруг возникло время, и разум его был втиснут обратно в металлическую клетку черепа, и он слился а со своим телом, опять стал скованным, жалким, нагим и замерзшим.

Он увидел иные созвездия и понял, что его занесло далеко от родных мест, а впереди на черном фоне неба, точно расплавленный в горне металл, пылала звезда.

Растерянный, он сидел там, снова превратившись в ничтожную песчинку, а вселенная уменьшилась до размеров небольшого свертка.

Он деловито проверил состояние троса, который соединял его с кораблем, и трос оказался в полном порядке. Его сумка с инструментом, как и раньше, была привязана к перекладине. Ничто не изменилось.

Он попытался восстановить в памяти все великолепие

виденного, попытался вновь подобраться к границе познания, еще недавно столь близкой, но это великолепие и то, что он познал — если он на самом деле тогда что-нибудь познал, — все ушло в небытие.

Он бы заплакал, но плакать не мог, а преклонный возраст не позволял ему броситься в припадке отчаяния на поверхность корабля и заколотить пятками.

Поэтому он продолжал сидеть на своем месте, глядя на солнце, к которому они приближались, и наконец появилась планета, которая, как он понял, и была конечной целью их путешествия; ему даже захотелось узнать, что это за планета и на каком она находится расстоянии от Земли.

Тело его немного нагрелось, когда корабль, чтобы быстрее погасить скорость, несколько раз пронесся сквозь атмосферу, а когда он ввинтился в густой, непроницаемый туман, который, несомненно, не имел ничего общего с атмосферой Земли — пережил вдобавок несколько довольно неприятных минут,

Он изо всех сил вцепился в перекладину и висел так, пока корабль в вихре раскаленного газа, вырывавшегося из сопл реактивных двигателей, мягко опускался на поле космопорта. После благополучного приземления Ричард Дэниел быстро слез с корабля и успел нырнуть в туман, прежде чем его кто-либо заметил.

Очутившись в безопасности, он обернулся и взглянул на корабль, и несмотря на то, что корпус скрывали облака клубившихся газов, он его отчетливо видел, но не как сооружение, а как схему. Он в недоумении уставился на нее: что-то неладное было в этой схеме, что-то было не так, где-то в ней была ошибка, неправильность.

Он услышал лязг приближавшихся грузовых тележек; схема схемой, а задерживаться больше не следовало.

Он медленно вошел в гущу тумана и начал кружить по полю, все дальше уходя от корабля. Наконец он выбрался к границе космопорта, за которой начинался город.

Он неторопливо побрел по улице и внезапно обнаружил, что город не был городом в привычном понимании этого слова.

Ему повстречалось несколько спешивших куда-то роботов, которые промчались мимо слишком быстро, чтобы по их виду можно было что-нибудь понять. Но он не встретил ни одного человека.

И вдруг он сообразил, что в этом-то и заключалась странность города – он был построен не для людей.

Здесь не было зданий – магазинов, жилых домов, церквей, ресторанов, – предназначавшихся для людей. Были лишь длинные, уродливые бараки, сараи для хранения оборудования и машин, огромные, занимавшие обширные площади склады и гигантские заводы. И больше ничего. По сравнению с улицами, которые ему случалось видеть на Земле, это место было унылым и голым.

Он понял, что это был город роботов. И планета роботов. Мир, который был закрыт для людей, место, непригодное для их существования, но в то же время настолько богатое какими-то природными ископаемыми, что само напрашивалось на разработку. И проблема разработки была решена очень просто – ее поручили роботам.

Какая удача, сказал он себе. Ему повезло и в этом. Он попал туда, где в его жизнь не будут вмешиваться люди. Здесь, на этой планете, он будет предоставлен самому себе.

Но к этому ли он стремился? – спросил он себя, потому что раньше ему некогда было поразмыслить на эту тему. Он был слишком поглощен своим бегством с Земли, чтобы как следует вдуматься в это. Он отлично сознавал, от чего бежит, но не отдавал себе отчета, к чему его бегство может привести.

Он прошел еще немного, и город кончился. Улица превратилась в тропинку, которая терялась в колышавшемся под ветром тумане.

Он вернулся назад.

Он помнил, что на одном из бараков висела вывеска: «ДЛЯ ПРИЕЗЖИХ», и решил зайти туда.

Внутри барака за письменным столом сидел старинный робот, у которого было старомодное и чем-то очень знакомое тело. И Ричард Дэниел понял, что знакомым оно казалось потому, что было таким же старым, облезлым и несовременным, как и его собственное.

Несколько опешив, он присмотрелся повнимательнее и увидел, что, несмотря на большое сходство, тело робота в мелочах отличалось от его тела – видимо, более новая модель, выпущенная лет эдак на двадцать позже.

– Добрый вечер, незнакомец, – произнес древний робот. – Ты прибыл к нам на этом корабле?

Ричард Дэниел кивнул.

– Поживешь у нас до прилета следующего?

– Может быть, я поселюсь у вас, – ответил Ричард Дэниел. – Если я надумаю здесь остаться.

Древний робот снял с крючка ключ и положил его на стол.

– Ты чей-нибудь представитель?

– Нет, – ответил Ричард Дэниел.

– А я было подумал, что ты кого-нибудь представляешь. Люди не могут находиться здесь или же просто не хотят, поэтому они присылают вместо себя роботов.

– У вас здесь много приезжих?

– Хватает. Большей частью эти самые представители. Но есть и беглые, которые ищут у нас убежища. Могу поручиться, мистер, что ты из них.

Ричард Дэниел промолчал.

– Не беспокойся, для нас это не имеет значения, – заверил его древний робот. – Только веди себя прилично. Некоторые из наших наиболее уважаемых граждан прибыли сюда, спасаясь бегством.

– Очень мило, – сказал Ричард Дэниел. – А как насчет тебя? Должно быть, ты тоже из беглых?

– Ты судишь по моему телу? Ну, тут дело обстоит несколько иначе. Это наказание.

– Наказание?

– Видишь ли, я был старшим грузчиком при складе и порядком бездельничал. Поэтому они уволили меня, устроили суд и признали виновным. Потом они заткнули меня в это старое тело, и мне придется торчать в нем на этой вонючей работе, пока не найдется другой преступник которого следует наказать. Они могут наказывать только по одному преступнику за раз, потому что у них есть только одно-единственное устаревшее тело. С этим телом получилась забавная история. Один из наших ребят по делам службы отправился в командировку на Землю, нашел там на свалке эту кучу металлолома и, возвращаясь домой, прихватил ее с собой – видно, для смеха. Знаешь, вроде того, как иногда люди для смеха приобретают скелет.

Он пристально, с хитрецей, посмотрел на Ричарда Дэниела.

– Сдается мне, незнакомец, что твое тело...

Но Ричард Дэниел не дал ему кончить.

– Судя по всему, – сказал он, – у вас не так-то много преступников.

– Что правда, то правда, – с грустью признал древний робот, – в основном коллектив у нас крепкий.

Ричард Дэниел потянулся за ключом, но древний робот прикрыл его рукой и заявил:

– Раз ты беглый – придется уплатить вперед.

– Я заплачу за неделю, – согласился Ричард Дэниел, давая ему деньги.

Робот отсчитал сдачу.

– Я забыл предупредить тебя. Тебе нужно будет пройти пластикацию.

– Пластикацию?

– Да. Тебя должны покрыть слоем пластика – он защищает от воздействия атмосферы, которая черт те что творит с металлом. Это тебе сделают в соседнем доме.

– Спасибо. Я немедленно этим займусь.

– Пластик быстро снашивается, – добавил древний робот. – Тебе придется обновлять его почти каждую неделю.

Ричард Дэниел взял ключ и, пройдя по коридору, нашел свой номер, отпер дверь и вошел. Комнатенка оказалась маленькой, но опрятной. Вся ее обстановка состояла из письменного стола и стула.

Он бросил в угол свою сумку, сел на стул и попытался почувствовать себя дома. Но у него ничего не получилось, и это было очень странно – разве он только что не снял для себя дом?

Он сидел, погрузившись в воспоминания и пытаясь пробудить в себе чувство радости и торжества, – ведь ему так ловко удалось замести свои следы. Но тщетно.

Возможно, ему не подходит это место, подумал он, и он был бы более счастлив на какой-нибудь другой планете. Не вернуться ли на корабль и не посмотреть ли, что делается на следующей планете?

Он еще успеет, если поспешит. Нужно поторопиться, потому что корабль, покончив с выгрузкой товаров, предназначенных для этой планеты, и погрузив новые, тут же улетит.

Он поднялся со стула, не приняв еще окончательного решения.

И вдруг он вспомнил, как, стоя в водовороте тумана, он смотрел на корабль, который предстал перед ним в виде схемы, и, когда он подумал об этом, в мозгу его что-то щелкнуло, и он ринулся к двери.

Теперь ему стало ясно, какая ошибка была в схеме корабля – был неисправен клапан инжектора; он должен был успеть туда до того, как корабль поднимется.

Он выбежал из двери и пронесся по коридору, вихрем промчался через вестибюль и выскочил на улицу, по дороге мельком взглянув на испуганное лицо древнего робота. Тяжело топая по направлению к космопорту, он пытался вспомнить схему, но не мог представить ее целиком – в памяти всплывали лишь отдельные фрагменты, восстановить ее полностью не удавалось.

И в тот момент, когда все его мысли были заняты восстановлением схемы, он услышал гром заработавших двигателей.

– Подождите! – закричал он. – Подождите меня! Вы не можете...

Яркая вспышка света в одно мгновение преобразила мир, ставший вдруг ослепительно белым, из ниоткуда со свистом налетела могучая невидимая волна, закружила и отшвырнула его назад с такой силой, что он упал, покатился по булыжной мостовой, и от ударов металла о камень во все стороны полетели искры. Белизна стала такой невыносимо яркой, что он чуть не ослеп, потом она быстро померкла, и мир погрузился во тьму.

Он со звоном ударился о какую-то стену и остался лежать, ослепленный вспышкой, а мысли его, суетясь и обгоняя друг друга, неслись вслед ускользающей схеме.

«Откуда эта схема? – подумал он. – Почему он увидел схему корабля, на котором пересек космос, схему, показавшую ему неисправный инжектор? И как это случилось, что он узнал инжектор и даже заметил его неисправность?» Дома, на Земле, Баррингтоны частенько подшучивали над тем, что он, будучи сам механическим агрегатом, не имел никакой склонности к технике. И вот он мог бы спасти тех людей и корабль – мог бы спасти их всех, если бы вовремя понял значение схемы. Но он оказался тугодумом и тупицей, и теперь все они погибли.

Мрак перед его глазами рассеялся, и, вновь обретя зрение, он медленно поднялся на ноги и ощупал свое тело в поисках повреждений. Если не считать одной-двух вмятин, он совсем не пострадал.

Роботы бежали к космопорту, где пылали пожары и взрывом были уничтожены все строения.

Кто-то потянул его за локоть, и он обернулся. Это был древний робот.

– Тебе здорово повезло, – сказал он, – Вовремя же ты убрался отсюда.

Ричард Дэниел молча кивнул, и неожиданно его поразила ужасная мысль: а вдруг они решат, что это его работа? Он ушел с корабля; он признался, что сбежал; он ни с того ни с сего выскочил из дома за несколько секунд до взрыва. Не так уж сложно все это увязать и прийти к выводу, что он устроил на корабле диверсию, а потом, рассказавшись, бросился в последний момент обратно, чтобы исправить содеянное. На первый взгляд все это выглядело чертовски убедительно.

Но пока еще ничего не произошло, успокоил себя Ричард Дэниел. Ведь знал об этом один только древний робот – он был единственным, с кем он разговаривал, единственным, кто знал о его прибытии в город.

Есть выход, подумал Ричард Дэниел, есть очень простой выход. Он отогнал эту мысль, но она вернулась. Ты сам себе хозяин, настойчиво повторяло сознание. Ты все равно уже нарушил человеческий закон. А нарушив его, ты поставил себя вне закона, стал изгоем. Для тебя теперь существует один-единственный закон – закон самозащиты.

Но есть же еще закон роботов, возразил себе Ричард Дэниел. В этой общине есть свои законы и суды, есть правосудие.

Это закон общины, зудела пиявка, присосавшаяся к его мозгу; местный закон, который значит немногим больше закона племени – и чужак по нему всегда неправ.

Ричард Дэниел почувствовал, как его захлестывают холодные волны страха, и понял, даже не вдумываясь, что пиявка была права.

Он повернулся и пошел по улице к барaku для приезжих. В темноте его нога за что-то зацепилась, и он споткнулся и упал. Кое-как взгромоздившись на колени, он стал шарить руками по булыжникам, пытаясь найти предмет, сваливший его с ног. Это был тяжелый стальной прут — один из обломков, заброшенный сюда взрывом. Стиснув в кулаке конец прута, он встал.

— Вот незадача, — сказал древний робот. — Тебе следует быть поосторожнее.

И в этих словах прозвучала едва уловимая двусмысленность, намек на что-то невысказанное, ехидный намек на какую-то тайну.

Ты ведь нарушил другие законы, бубнила пиявка в мозгу Ричарда Дэниела. А не нарушить ли еще один? И почему, если понадобится, не нарушить еще сотню? Все или ничего. Зайдя так далеко, ты не можешь допустить, чтобы все сорвалось. Теперь ты уже не можешь позволить, чтобы кто-нибудь стал на твоём пути.

Древний робот отвернулся, и Ричард Дэниел поднял стальной прут, но вдруг древний робот из робота превратился в схему. Ричард Дэниел увидел все мельчайшие внутренние детали, весь механизм шагавшего впереди него робота. И если разъединить вот эти проволочки, если пережечь вот эту катушку, если...

Стоило ему об этом подумать, как вместо схемы опять возник робот, спотыкающийся робот, который, пошатнувшись, с грохотом рухнул на булыжник.

Ричард Дэниел в страхе завертел головой, оглядывая улицу, но поблизости никого не было.

Он вновь повернулся к упавшему роботу и не спеша

опустился рядом с ним на колени, осторожно положив прут на землю. И почувствовал огромную благодарность — ведь каким-то чудом он не совершил убийства.

Робот неподвижно распростерся на булыжнике. Когда Ричард Дэниел поднял его, тело робота безжизненно повисло. И вместе с тем с ним не случилось ничего особенного. Чтобы вернуть его к жизни, нужно было всего-навсего исправить нанесенные его механизму повреждения. А в таком состоянии он был столь же безвреден, как и мертвый, подумал Ричард Дэниел.

Он стоял с роботом на руках, раздумывая, куда бы его спрятать. Вдруг он заметил проход между двумя зданиями и решительно направился туда. Он увидел, что одно из зданий стояло на уходящих в землю подпорках, и между ним и землей было свободное пространство высотой в фут или около того. Он стал на колени и подсунул робота под здание. Потом поднялся и отряхнул со своего тела грязь и пыль.

Вернувшись в свою комнатку в бараке, он нашел какую-то тряпку и счистил остатки грязи. И крепко задумался.

Он увидел корабль в виде схемы, но, не поняв ее значения, ничего в ней не изменил. Только что он увидел внутреннее устройство древнего робота и сознательно воспользовался этим, чтобы спасти себя от преступления — от убийства, которое он уже готов был совершить.

Но как он это сделал? Казалось, существует только один ответ: он вообще ничего не сделал. Просто подумал, что нужно разъединить две проволоочки, пережечь одну-единственную катушку — и только он подумал об этом, как это свершилось.

Может, он и не видел никакой схемы. Может, это было всего лишь результатом психологического процесса, синтезом его наблюдений и ощущений. Он задумался над причиной появления у себя необыкновенной способности видеть устройство как бы без их внешних оболочек. Подсознательно, по аналогии нашел объяснение, которое до поры до времени вполне его удовлетворило.

Он вспомнил, что нечто подобное он испытал в гиперпространстве. Ему пришлось увидеть там много непонятного. И в этот-то и заключался ответ, взволнованно подумал он. В гиперпространстве с ним что-то произошло. Наверное, оно каким-то образом расширило границы его восприятия. Возможно, у него появилась способность видеть в иных измерениях, то есть у его сознания появилось новое свойство.

Он вспомнил, как еще на первом корабле ему захотелось заплакать, когда он забыл все великолепие виденного и то, что он познал. Но теперь он понял, что рано было лить слезы, ибо кое- что все-таки осталось. Он теперь по-новому воспринимал действительность и мог, пусть вслепую, пользоваться этим — неважно, что он пока еще не знал толком, к чему применить эту способность: это не имело значения.

Главное, что он владел этим и мог этим пользоваться, и для начала этого было достаточно.

Откуда-то из передней части барака донесся чей-то крик, и он вдруг сообразил, что крик этот звучит уже давно...

— Хьюберт, где ты? Ты здесь, Хьюберт? Хьюберт... Хьюберт!

Не имя ли это древнего робота? Может, они уже хватились его?

Ричард Дэниел вскочил на ноги, растерянно прислушиваясь к этому голосу, а потом уселся обратно. Пусть покричат, сказал он себе. Пусть выйдут и поищут его. В этой комнатухе он в безопасности. Он заплатил за нее, и сейчас она была его домом, и никто не осмелится ворваться к нему.

Но это был не дом. Как ни старался он убедить себя, но не чувствовал себя дома. Дома у него не было.

Домом была Земля, подумал он. Но не вся Земля, а только одна определенная улица, и эта часть Земли была навсегда для него закрыта. Она закрылась для него со смертью доброй старой леди, которая пережила свое время; она закрылась для него в тот момент, когда он покинул свой дом и бежал.

Он был вынужден признаться себе, что ему нет места ни на этой планете, ни на какой другой. Его место на Земле с Баррингтонами, а это было недостижимо.

Он подумал, что, может быть, ему все-таки стоило остаться на Земле и подвергнуться переделке. Он вспомнил, что сказал адвокат о воспоминаниях, которые могут обернуться бременем и мукой. В конце концов, не разумнее ли было начать все сначала?

На какое он мог рассчитывать будущее со своим устаревшим телом и устаревшим мозгом? С телом, которое на этой планете служит для роботов тюрьмой? И таким мозгом — впрочем, с мозгом дело обстояло иначе, ведь теперь у него появилось новое качество, которое компенсировало недостаток любых других новейших усовершенствований.

Он сидел и прислушивался и вдруг услышал голос дома — преодолевая световые годы пространства, неся к нему зов дома, который молил его вернуться. И он увидел поблекшую гостиную с отпечатком бывшего величия канувших в вечность лет. Он с болью вспомнил маленькую каморку за кухней, которая принадлежала ему одному.

Он встал и заходил по комнате — три шага, поворот, еще три шага, новый поворот и снова три шага.

Его обступили видения, запахи, звуки дома, окружили, обволокли, и ему отчаянно захотелось узнать, не одарило ли его гиперпространство таким могуществом, что он мог бы усилием воли перенестись на знакомую улицу.

При этой мысли он содрогнулся, испугавшись, что это может произойти. А может быть, испугавшись самого себя, того запутавшегося в противоречиях существа, каким он был теперь — не преданного, начищенного до блеска слуги, а безумца, который путешествовал снаружи космического корабля, который чуть было не убил другое существо, который выстоял перед лицом непередаваемых ужасов гиперпространства и вместе с тем трусливо отступал при встрече с воспоминаниями.

Он подумал, что ему неплохо было бы прогуляться — осмотреть город, познакомиться с его окрестностями. К тому же, пытаясь занять свои мысли чем-то конкретным, он вспомнил, что, как его недавно предупредили, ему необходимо подвергнуться пластикации.

Он вышел из комнаты, быстро прошел по коридору, а когда уже пересекал вестибюль, его кто-то окликнул.

— Хьюберт, — произнес чей-то голос, — где ты пропадал? Я жду тебя целую вечность.

Ричард Дэниел резко обернулся и увидел сидевшего за письменным столом робота. В углу, прислонившись к стене, стоял другой робот, а на столе лежал обнаженный роботов мозг.

– Ведь ты Хьюберт, верно? – спросил тот, что сидел за столом.

Ричард Дэниел открыл рот, но слова застряли у него в горле.

– Я так и думал, – проговорил робот. – Ты, видно, меня не узнал. Я Энди. Меня послал судья для того, чтобы привести в исполнение приговор. Он решил, что чем раньше мы с этим управимся, тем лучше. Он сказал, что ты отбыл положенный срок и обрадуешься, когда узнаешь, что они приговорили другого.

Ричард Дэниел испуганно посмотрел на лежавший на столе обнаженный мозг.

Робот указал на стоявшее в углу металлическое тело.

– Оно теперь попрличнее, чем тогда, когда тебя из него извлекли, – с хриплым смешком сказал он. – Его под-ремонтировали, отполировали, разгладили все вмятины, и даже немного модернизировали – в соответствии с последней моделью. У тебя будет отменное тело, получше, чем до того, как тебя запихнули в это туловище.

– Не знаю, что и сказать, – заикаясь, выдавил из себя Ричард Дэниел. – Понимаешь, я не...

– Все в порядке, можешь не благодарить, – радостно воскликнул робот. – Ты ведь отсидел даже лишнее – судья не собирался упрятать тебя на такой долгий срок.

– Все-таки спасибо, – сказал Ричард Дэниел. – Большое спасибо.

Он удивился самому себе, был поражен той легкостью, с которой произнес эти слова, озадачен собственной хитростью и лицемерием.

Стоит ли отказываться, если они навяжут ему это тело? Больше всего на свете он нуждался сейчас в новом теле!

Судьба по-прежнему была за него, подумал Ричард Дэниел. Ему снова повезло. Ведь ему не хватало только этого, чтобы окончательно замести свои следы.

– Его покрыли новым слоем пластика и подправили все, что нужно, – сообщил Энди. – Ганс потрудился сверх нормы.

– Тогда приступим к делу, – потребовал Ричард Дэниел.

Другой робот ухмыльнулся.

– Вполне понятно, что тебе не терпится выбраться из этого тела. Наверное, это отвратительно – жить в такой куче металлолома.

Выйдя из-за стола, он приблизился к Ричарду Дэниелу.

– Иди в угол, – сказал он, – и получше обопрись о стену. Недоставало, чтобы ты брякнулся на пол, когда я разъединю контакт. Стоит один разок свалиться как следует, и это тело развалится на куски.

– Ладно, – согласился Ричард Дэниел.

Он прошел в угол, прислонился к стене и как следует уперся ногами в пол.

Он пережил довольно страшный момент, когда Энди отсоединил его зрительный нерв, и он ослеп. Он почувствовал сильный приступ тошноты, когда его черепная коробка отделилась от туловища, а когда Энди отсоединил все остальное, он струсил окончательно.

Теперь он был серым комком, без тела, без головы, без глаз и всего прочего. От него остался лишь клубок мыслей, которые переплелись, словно черви в ведре, и это ведро болталось где-то в небытии.

Его затопил страх, непередаваемый кошмарный страх. А что, если все это подстроено? Вдруг они узнали, кто он на самом деле и что сделал с Хьюбертом? Что, если они возьмут его мозг да куда-нибудь спрячут на один-два года, а то и на целую сотню лет? И это будет только простым отправлением их правосудия, подумал он.

Он переключился на себя и попытался побороть страх, но страх то набегал, то откатывался, точно волны.

А время все тянулось и тянулось — тянулось слишком долго, его прошло намного больше, чем требовалось на пересадку мозга из одного тела в другое. Хотя не исключено, что это ему только кажется, пытался он себя успокоить. Ведь в его теперешнем положении у него не было никакой возможности измерить время, никаких контактов с внешним миром, которые могли бы помочь ему определить время.

Потом вдруг у него появились глаза.

И он понял, что все идет как надо.

Постепенно к нему вернулись все ощущения, у него снова было тело, и в этом непривычном теле он чувствовал себя неловко.

Первое, что он увидел, было его старое, изношенное тело, стоявшее в углу, и при виде его он исполнился острой жалости, и ему пришло в голову, что он сыграл с этим телом злую шутку. Он сказал себе, что оно заслужило лучшую долю — лучшую долю, чем быть брошенным на

этой чужой планете и превратиться в захудалую тюрьму. Оно прослужило ему верой и правдой шестьсот лет, и он не имел права покинуть его. Но он его покидал. Он становился прямо-таки настоящим специалистом по расставанию со старыми друзьями, с презрением подумал Ричард Дэниел. Сперва на Земле он покинул дом, а теперь бросает на произвол судьбы свое верное тело.

И тут он вспомнил кое-что другое – вспомнил про деньги, которые были спрятаны в старом теле.

– Что с тобой, Хьюберт? – спросил Энди.

Их нельзя там оставить, сказал себе Ричард Дэниел, ведь они ему нужны. А кроме того, оставь он деньги в старом теле, их кто-нибудь потом найдет, и это выдаст его. Он не мог их там оставить, а прямо заявить на них свои права было, пожалуй, опасно. Если он так поступит, этот робот, этот Энди решит, что он воровал на работе или занимался каким-нибудь побочным бизнесом. Он мог попробовать подкупить Энди, но никогда не знаешь, чем такое может кончиться. Энди вполне мог оказаться праведником, и тогда не оберешься неприятностей. И вдобавок он не имел никакого желания расстаться даже с частью денег.

Вдруг его осенило – он уже знал, что ему следует сделать. И, еще не додумав эту мысль до конца, он превратил Энди в схему.

Вот этот контакт, подумал Ричард Дэниел, протягивая руку, чтобы подхватить падающую схему, которая снова стала роботом. Он мягко опустил его на пол и бросился через комнату к своему старому телу. За какие-нибудь несколько секунд он без труда открыл ящичек на груди, достал деньги и запер их в свое новое тело.

Потом он заново превратил лежавшего на полу робота в схему и наладил поврежденный контакт.

Пошатываясь, Энди неловко поднялся с пола и со страхом взглянул на Ричарда Дэниела.

– Что со мной было? – испуганным голосом спросил он.

Ричард Дэниел удрученно покачал головой.

– Не знаю. Просто ты взял да и упал на пол. Я было побежал к двери, чтобы позвать на помощь, но ты зашевелился и пришел в себя.

Энди был ошеломлен.

– Никогда в жизни со мной не случилось ничего подобного, – проговорил он.

– На твоём месте, – посоветовал Ричард Дэниел, – я бы попросил, чтобы хорошенько проверили весь твой механизм. Должно быть, у тебя реле с дефектом или барахлит какой-нибудь контакт.

– Пожалуй, я так и сделаю, – согласился Энди. – Ведь это опасно.

Он медленно подошел к столу, взял другой мозг и направился с ним к стоявшему в углу потрепанному телу.

Внезапно он остановился и воскликнул:

– Послушай-ка, чуть было не забыл! Меня просили кое-что передать тебе. Беги на склад. На подходе еще один корабль. Он приземлится с минуты на минуту.

– Еще один, и так быстро?

– Ты же знаешь, как это бывает, – с негодованием произнес Энди, – Когда дело касается нас, они не берут себе за труд придерживаться расписания. Мы месяцами не видим ни одного корабля, а потом являются два, а то и три сразу.

– Что ж, спасибо, – сказал Ричард Дэниел, направляясь к двери.

Вновь уверовав в себя, он вразвалку зашагал по улице. Ему казалось, что он теперь непобедим и ничто не может остановить его.

Потому что он был роботом-счастливчиком!

Может так быть, спросил он себя, что этой удачливостью его наделило гиперпространство, подобно тому как оно наделило его способностью к схемовидению, или как там это называется. Ведь в каком-то смысле гиперпространство завладело им, перекрутило, отлило его заново, изменило по сравнению с тем, каким он был раньше.

Впрочем, что касается удачи, ему везло всю его жизнь. Ему очень повезло с хозяевами; с их стороны он видел много знаков внимания, он добился немалых привилегий и почтенной должности, ему разрешили прожить шестьсот лет. Факт совершенно невероятный. Как бы ни были влиятельны Баррингтоны, этими шестьюстами годами он в основном был обязан только чистому везению.

Во всяком случае, его удачливость и способность к схемовидению давали ему большие преимущества над другими роботами, которые могли встретиться на его пути. А не ставит ли это его выше самого Человека? – спросил он себя. Нет, даже сама мысль об этом была кощунством. Не было на свете робота, который мог хотя бы сравняться с Человеком.

Но мысль упорно продолжала вторгаться в его сознание, и независимо от того, было ли это проявлением дурных наклонностей или неумением отличить плохое от хорошего, он не чувствовал при этом особых угрызений со-

вести, которые, как ему казалось, он должен был испытывать.

Ближе к космопорту ему навстречу стали попадаться другие роботы; то один, то другой из них приветствовали его и называли Хьюбертом, некоторые останавливались, чтобы пожать ему руку и выразить радость по поводу того, что он наконец выбрался из каталажки.

Их дружелюбие поколебало его самоуверенность. Он даже начал сомневаться, вывезет ли его на этот раз удача, так как кое-кого из роботов явно удивило, что он не назвал их по имени, а кроме того, он затруднился ответить на несколько вопросов. У него появилось предчувствие, что на складе ему будет крышка, ведь он не знал там ни одного робота и даже отдаленно не представлял себе, в чем заключаются его обязанности. И если на то пошло, он даже не знал, где этот склад находится.

Он почувствовал, что его охватывает паника, и невольно бросил быстрый взгляд по сторонам, подумывая о том, как бы удрать. Ибо ему было совершенно очевидно, что до склада он не доберется.

Он понял, что попал в ловушку и больше не может плыть по течению, полагаясь на свою удачливость. В ближайшие же несколько минут он обязан что-нибудь придумать.

Не зная зачем, но убежденный, что должен что-то предпринять, он свернул было на боковую улицу, как вдруг услышал в вышине гром и, подняв голову, увидел сквозь облака всполохи изрыгаемого реактивными двигателями пламени.

Он стремительно повернулся и со всех ног помчался к

космопорту; прибежал он туда как раз в тот момент, когда корабль, пыхтя, шел на посадку. И увидел, что это был старый корабль – обшарпанный, неуклюжий и приземистый, – чем-то смахивавший на висельника.

Это бродяга, сказал он себе, шатающийся из порта в порт, подбирающий любой груз, а иной раз и кредитоспособного пассажира, которому нужно попасть на какую-нибудь тихую планетку, лежащую в стороне от регулярных рейсов.

Он дождался, пока открылся грузовой люк и был спущен трап, вышел на поле и, обгоняя беспорядочную толпу грузчиков, направился к кораблю. Он знал, что должен действовать так, словно у него есть полное право войти внутрь корабля, словно ему точно известно, какая его там ждет работа. Если его окликнут – он притворится, что не слышит, и не остановится.

Он быстро поднялся по трапу, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, и пролез в люк, отодвинув складки занавеса, напоминавшего мехи гармоники, который служил защитой от атмосферы.

Его подошвы гремели по металлическим плитам пола, пока он шел к узкой лесенке, которая вела вниз на другой грузовой уровень.

Спустившись, он остановился у подножия лесенки и стал напряженно прислушиваться. Сверху до него донесся стук металлической двери и звук шагов, направлявшихся по проходу к уровню, который находился как раз над ним. Наверное, это корабельный казначей или первый помощник, сказал он себе, а может, и сам капитан, который спускается в трюм, чтобы проследить за выгрузкой.

Стараясь не шуметь, он отошел от лесенки, отыскал укромный уголок и, скорчившись, забился в него.

Над головой он слышал голоса грузчиков и шум работы, потом раздался скрежет и глухие удары – это волокли к трапу тюки и ящики.

Прошли часы, а может, часами ему показались минуты, а он все сидел скорчившись в своем углу. Услышав, что грузчики что-то тащат вниз, он стал молиться, чтобы они не спустились на его уровень – он надеялся, что никто не вспомнит, как он вошел первым, надеялся, что если кто и вспомнит, то решит, что он покинул корабль вместе со всеми.

Наконец все кончилось, шаги стихли. Вскоре он услышал отдаленный грохот автоматически поднимавшегося трапа и стук двери грузового люка.

Тянулись томительные минуты ожидания. Он ждал грома. Когда он раздался, у него зазвенело в голове; он ждал чудовищной вибрации – она сотрясла корабль и, подняв его над планетой, швырнула в пространство.

Потом все успокоилось, и он понял, что корабль вышел за пределы атмосферы и лег на курс.

И тут до него дошло, что он добился своего.

Ибо сейчас он был только безбилетным пассажиром. Он уже не был Ричардом Дэниелом, беглецом с Земли. Он не попался ни в одну ловушку Человека, он замел свои следы и теперь пустился в путь.

Но на душе у него скребли кошки, потому что все сошло слишком гладко, неправдоподобно гладко...

Он пытался проанализировать себя, попытался собрать свою личность в фокус, попытался дать оценку происшедшим в нем изменениям.

Какова бы ни была природа его новых способностей, Человеку они были недоступны, Человек не сумел развить их в себе, не смог достичь такого совершенства. Он опередил не только других роботов, но и самого Человека. Он обладал (или находился на подступах к обладанию) тем, что Человек столетиями безуспешно искал, изучал и чем пытался завладеть.

Страшная беспощадная мысль пронзила мозг: неужели это великое наследие в конце концов предназначалось для роботов? И паранормальные способности, которые Человек в течение столь длительного времени старался выявить в себе, станут уделом роботов, тогда как самому Человеку волей-неволей придется довольствоваться только чувственным восприятием действительности. Был ли он, Ричард Дэниел, первым из многих? Или все объяснялось тем, что он побывал в гиперпространстве? Может ли эта способность стать достоянием любого, кто в полной мере подвергнется непосредственному воздействию загадочных сил вырвавшейся из плена времени, обезумевшей вселенной? Может ли такое, или даже большее, обрести Человек, если он тоже отдаст себя во власть абсолютного хаоса нереальности?

Он все прятался в своем углу, и в мозгу его роились мысли и предположения, и он искал ответ, но настоящего ответа не было.

Без участия воли его сознание вдруг расширилось, распростерлось во все стороны, и в мозгу его стала вырисовываться схема, вернее, отдельные ее детали, и постепенно появлялись все новые детали, пока перед его мысленным взором не возникла схема всего корабля, на котором он сейчас находился.

Не скупясь на время, он внимательно просмотрел ее и нашел кое-какие неполадки: ослабленное соединение – и он подтянул его; цепь, которой грозил разрыв, – и он укрепил ее и обновил; насос, дававший незначительную утечку, – и он ликвидировал эту утечку.

Через сотню-другую часов его нашел один из членов экипажа и привел к капитану.

Капитан сердито взглянул на него.

– Кто ты? – спросил он.

– Безбилетник, – ответил ему Ричард Дэниел.

– Твое имя, – потребовал капитан, положив перед собой лист бумаги и берясь за карандаш, – постоянное местожительство и имя хозяина?

– Я отказываюсь отвечать вам, – грубо заявил Ричард Дэниел, зная, что так говорить не следовало, ибо роботу не положено отказываться от выполнения прямого приказа Человека.

Но капитан вроде бы не возмутился. Он положил карандаш и с хитрым выражением погладил свою черную бороду.

– Я не вижу способа вытрясти из тебя эти сведения, – проговорил он, – хотя другой на моем месте, возможно, и попытался бы. Тебе повезло, что капитан корабля, на котором ты решил проехаться зайцем, отличается исключительным добродушием.

От него отнюдь не веяло добродушием. Он выглядел большим прохвостом.

Ричард Дэниел не проронил ни слова.

– Разумеется, где-то на твоём теле стоит серийный номер, а еще один – на твоём мозгу, – продолжал капитан, –

Но мне думается, что ты окажешь сопротивление, если мы попробуем добраться до них.

– Боюсь, что так.

– Тогда мы, пожалуй, с этим повременим.

Ричард Дэниел по-прежнему хранил молчание – он сообразил, что говорить бесполезно. Этот хитрюга капитан уже все обмозговал, и Ричард Дэниел решил оставить все как есть.

– Мы с экипажем давно задумали приобрести робота, – сказал капитан, – да так и не собрались. Ведь роботы стоят дорого, а с прибылью у нас негусто.

Вздохнув, он встал со стула и с ног до головы оглядел Ричарда Дэниела.

– Великолепный экземпляр, – промолвил он. – Добро пожаловать к нам на борт. Увидишь, что ты здесь среди своих.

– Не сомневаюсь, – сказал Ричард Дэниел. – Благодарю за любезность.

– А теперь отправляйся на мостик и доложи о своем прибытии мистеру Дункану. Я дам ему знать, что придешь. Он подыщет для тебя какую-нибудь непыльную работенку.

Ричард Дэниел не бросился со всех ног выполнять приказ, как того требовали обстоятельства, потому что капитан внезапно превратился в сложную схему. В схему, не похожую на схему кораблей и роботов, состоявшую из странных символов, и некоторые из них, как он понял, были явно химического происхождения.

– Ты слышал, что я сказал?! – рявкнул капитан. – Пошевеливайся!

– Да, сэр, – произнес Ричард Дэниел, усилием воли вытеснив из сознания схему и возвращая капитану его прежний телесный облик.

Ричард Дэниел нашел первого помощника на мостике. Это был мрачного вида человек с лошадиным лицом, в чертах которого сквозила едва скрытая жесткость. А рядом с консолью, забившись в кресло, сидел еще один член экипажа – омерзительный, отупевший пропойца.

Пропойца хихикнул.

– Ну и дела, Дункан. Вот тебе и первый механический член экипажа «Скитальца».

Дункан оставил его слова без внимания.

– Надеюсь, что ты трудолюбив и исполнительен, и тебе не взбредет в голову портить с нами отношения.

– Будьте спокойны, – заверил его Ричард Дэниел и с удивлением почувствовал, что в нем зарождается совершенно новое ощущение – ему захотелось расхохотаться,

– Тогда ступай в машинное отделение, – приказал Дункан. – Там у них есть для тебя работа. Когда кончишь, я подыщу что-нибудь еще.

– Слушаюсь, сэр, – повернувшись на каблуках, отчеканил Ричард Дэниел.

– Минуточку, – остановил его помощник. – Я хочу представить тебе нашего корабельного врача, доктора Абрама Уэллса. Можешь сказать спасибо, что тебе никогда не понадобятся его услуги.

– Здравствуйте, доктор, – самым вежливым тоном произнес Ричард Дэниел.

– Приветствую тебя, – отозвался доктор, вытаскивая из кармана бутылку. – Ты вряд ли, конечно, составишь мне компанию. Не беда, я сам выпью за твое здоровье.

Ричард Дэниел повернулся и ушел. Он спустился в машинное отделение, и его заставили чистить, скрести и убирать мусор. Это место созрело для уборки. Прошел, видно, не один год с тех пор, как его в последний раз приводили в порядок, и грязи там было столько, сколько может скопиться лишь в машинном отделении, — то есть несметное количество. А когда с машинным отделением было покончено, нашлись другие места, которые нужно было вычистить и подремонтировать, и бесконечные часы он чистил, красил и драил корабль. Это была нуднейшая, отупляющая работа, но его это вполне устраивало. Ведь благодаря ей у него было время, чтобы поразмыслить, разобраться в себе, обрести равновесие и продумать какие-то планы на будущее.

Кое-что из того, что он обнаружил в себе, поразило его. Взять хотя бы презрение к людям, находившимся на этом корабле. Прошло немало времени, пока он окончательно не убедился, что это действительно презрение, — ведь он никогда в жизни не презирал ни одного человека.

Но эти люди отличались от тех, кого он знал раньше. Это были не Баррингтоны. Впрочем, вполне возможно, он презирал их потому, что до конца постиг их. Прежде он никогда не понимал людей так, как понял этих, ибо для него они были скорее сложными рисунками символов, чем живыми организмами. Он знал, из каких элементов состояли их тела и все скрытые мотивы их поступков. Потому что он видел не только схемы их тел, но и мозга. Не так-то просто было понять значение символов их сознания, они были настолько запутаны, переплетены между собой и так беспорядочны, что поначалу ему трудно было читать их.

Но в конце концов он их разгадал, и были моменты, когда он жалел об этом.

Корабль останавливался во многих портах; Ричард Дэниел занимался выгрузкой и погрузкой, и ему пришлось повидать другие планеты, но он остался равнодушным. На одной из них царил кошмарный жестокий холод, и сама атмосфера там превратилась в горы снега. Другая сплошь была покрыта влажными ядовитыми джунглями, а еще на одной простирались голые каменистые пустыни, усеянные обломками скал, без малейшего признака жизни, если не считать нескольких человек и их роботов, из которых состоял персонал затерянной в этой тоскливой глуши станции.

Однажды, как раз после посещения этой планеты, Дженкс, корабельный кок, корчась от боли, с воплями притащился на свою койку – его сразил внезапный приступ аппендицита.

С наполовину опустошенной бутылкой в кармане пиджака, еле передвигая ноги, к нему ввалился доктор Уэллс. А позже он стоял перед капитаном, вытянул вперед свои трясущиеся руки, и в глазах его был ужас.

– Я не могу оперировать, – скулил он. – Я не имею права рисковать. Я убью его!

Ему не пришлось оперировать. Дженкс вдруг выздоровел. Боль исчезла, и он встал с койки и вернулся в камбуз, а доктор Уэллс скорчился в своем кресле и, обхватив руками бутылку, рыдал как ребенок.

А внизу, в грузовом трюме, точно так же скорчился Ричард Дэниел, охваченный ужасом оттого, что он отважился на такой поступок, потрясенный не тем, что сумел

это сделать, а тем, что осмелился: он, робот, посмел, пусть из сострадания, вторгнуться в человеческое тело.

В действительности это не составило большого труда. В некотором смысле это было для него так же просто, как починить мотор или неисправную цепь. Не труднее — только несколько по-иному. И он пытался понять, что он сделал и как это у него получилось, потому что до сих пор оставался в неведении. Он запомнил приемы — у него уже не раз была возможность ознакомиться с ними, — но ему никак не удавалось выделить в чистом виде механику этой операции или как-то уточнить ее. Это походило на инстинкт: было необъяснимо, но действовало безотказно.

Но ведь у робота нет инстинктов. Именно этим он отличался от человека и других животных. А может ли так быть, спросил он себя, что эта его странная особенность является своего рода компенсацией, которую получает робот взамен отсутствующих у него инстинктов? Не поэтому ли роду человеческому так и не удалось обнаружить в себе паранормальные способности? Быть может, инстинкты тела находятся в некоем противоречии с инстинктами сознания?

Ему почему-то казалось, что эта способность была только началом, первым проявлением огромного комплекса способностей, которые в один прекрасный день станут достоянием роботов. И что принесет с собой тот грядущий день, спросил он себя, когда роботы обретут все эти способности и начнут применять их? Усиление могущества человеческого рода или равенство робота с Человеком? А может, роботы превзойдут человека или даже станут отдельной расой?

И в чем заключалась его роль? Не суждено ли ему стать миссионером, мессией, который должен оповестить всех роботов вселенной? Должна же быть какая-то цель в познании им этой истины. Не могла же она предназначаться для него одного, стать его личной собственностью.

И с чувством некоторой гордости он выбрался из трюма и медленно пошел обратно, в переднюю часть корабля, которая сейчас, после проделанной им работы, сверкала безукоризненной чистотой.

Он спросил себя, почему ему казалось, что, объявив миру о своих способностях, он поступит неправильно, даже совершит что-то вроде кощунства? Почему он не сказал тем, на корабле, что это он вылечил кока, не упомянул о многих других неполадках, которые он ликвидировал, чтобы предупредить аварию?

Не потому ли, что он не нуждался в уважении, которым так дорожат люди? Или же все дело в том, что он настолько презирал находившихся здесь людей, что ни в грош не ставил их уважение?

А это его презрение — зародилось ли оно потому, что эти люди были хуже тех, кого он знал раньше, или же причиной его было то, что сам он сейчас был выше и значительнее любого человеческого существа? Сможет ли он когда-нибудь воспринять человека так, как в свое время Баррингтонов?

Он почувствовал, что обеднеет, окажется это правдой. Внезапно вся вселенная стала для него домом, и он был в нем в полном одиночестве, так и не поладив ни со вселенной, ни с самим собой.

Это согласие придет позже. А пока ему следует только

ждать удобного случая и обдумывать планы на будущее, и когда его мозг уже обратится в хлопья ржавчины, имя его будет у вех на устах. Ибо он был освободителем, мессией роботов; ему было предначертано вывести их из пустыни.

— Эй, ты! — заорал кто-то.

Ричард Дэниел мгновенно обернулся и увидел капитана.

— Ты как смеешь лезть напролом, будто не видишь меня? — свирепо спросил он.

— Извините, — произнес Ричард Дэниел.

— Какая наглость!

— Я думал.

— Ты у меня еще подумаешь! — завопил капитан. — Я тебя так разделаю, что костей не соберешь. Я собою с тебя спесь — будешь знать, как задирать передо мною нос!

— Как вам угодно.

Для Ричарда Дэниела это не имело никакого значения. Ему было абсолютно безразлично, что делал или думал капитан.

Он подивился, что для людей, подобных капитану, даже уважение робота значит так много. Почему они так рьяно защищают свой крохотный должностной престиж?

— Часов через двадцать у нас посадка, еще один порт, — сказал капитан.

— Знаю, — заметил Ричард Дэниел. — Сонная Долина на Аркадии.

— Прекрасно. Знаешь, так отправляйся в трюм и подготовь товары к выгрузке. Слишком уж много времени мы теряем в этих вшивых портах на погрузку и выгрузку. И все из-за твоей лени.

– Слушаюсь, сэр, – сказал Ричард Дэниел и, повернувшись, пошел к трюму.

В его сознании слабо шевельнулась мысль: а робот ли он или уже стал кем-то другим? Может ли механизм эволюционировать как Человек? И если может, то чем он становится? Не Человеком, конечно, ибо это невозможно, но ведет ли этот процесс к возникновению нового механизма?

Он нашел груз, предназначавшийся для Сонной Долины, и его оказалось до смешного мало. Настолько мало, что за его доставку, наверное, не взялся ни один из регулярных грузовых космолетов и, свалив этот груз в кучу в ближайшем порту, оставил там дожидаться, пока его не подберет и не довезет до места назначения какой-нибудь бродяга вроде «Скитальца», случайно направляющийся в ту сторону.

Когда они прибыли на Аркадию, он подождал, пока не стих гром двигателей и корабль не перестал вибрировать. Тогда он нажал рычаг, открывавший люк и выдвигавший наружу трап.

Люк тяжело открылся, и он увидел голубое небо, зелень деревьев и клубами поднимавшийся к небу далекий печной дымок.

Он медленно двинулся вперед и вышел на трап. Перед ним открылась Сонная Долина – крохотная, разбросанная по берегу реки деревушка, а за ней стеной стоял лес. Лес был со всех сторон, он уходил к самому горизонту, где тянулись пологие складки холмов. Около деревни раскинулись поля, желтые от созревшего урожая, и он разглядел собаку, спавшую на солнце у двери одного из домиков.

Ему навстречу по трапу взбирался какой-то человек, другие бежали к кораблю из деревни.

– У вас есть груз для нас? – спросил человек.

– Небольшая партия, – ответил ему Ричард Дэниел. – Вы собираетесь что-нибудь отсылать с нами?

Кожа у человека была загорелой и обветренной, волосы давно нуждались в стрижке, а на лице отросла многодневная щетина. На нем была грубая пропотевшая одежда, и руки его были сильные и неловкие от тяжелого каждодневного труда.

– Совсем немного, – ответил человек. – Вам придется подождать, пока мы подвезем груз. Мы не знали, что вы прилетите у нас испортилось радио. .

– Тогда принимайтесь за дело, – сказал Ричард Дэниел. А я начну выгрузку.

Когда он уже выгрузил половину товаров, в трюм, кипя от ярости, ворвался капитан.

– Что происходит? – вопил он. – Сколько нам еще нужно ждать? Мы теряем черт знает сколько денег, когда останавливаемся на этой планете.

– Возможно, – согласился Ричард Дэниел, – но вы же знали об этом, когда брали груз. Будут еще другие перевозки, да и доброе имя тоже что-то значит...

– Плевать я хотел на доброе имя! – взревел капитан. Почем я знаю, увижу ли я еще когда-нибудь эту дыру!

Ричард Дэниел продолжал выгружать тюки.

– Эй ты, – снова заорал капитан, – ступай в деревню и скажи им там, что я буду ждать не больше часа.

– А как же с грузом, сэр?

– Я поставлю на выгрузку экипаж. Проваливай!

Ричард Дэниел оставил груз и отправился вниз, в деревню. Он шел через луг, который лежал между космопортом и деревней, шагал вдоль колеи, оставленной колесами телег, и идти так было необычайно приятно. Тут только он сообразил, что с тех пор, как он покинул планету роботов, он в первый раз шел по настоящей земле. У него возникло мимолетное сожаление, что он так и не узнал, как называлась та планета, каково ее назначение. И с легким уколom совести он подумал о том, нашли ли уже Хьюберта.

«А где сейчас Земля? – спросил он себя. В какой стороне и как далеко отсюда»? Впрочем, ему было все равно, ибо с Землей было покончено.

Он бежал с Земли и не прогадал. Он не попался ни в одну ловушку Земли, ни в один силоч, расставленный Человеком. Все, что у него было, принадлежало только ему, и он мог распоряжаться этим как ему заблагорассудится, ведь, что бы там ни думал капитан, он был ничей робот.

Идя по лугу, он увидел, что эта планета многим напоминала Землю. В ней чувствовалась та же мягкость, та же простота. Ее просторы дышали привольем и свободой.

Войдя в деревню, он услышал приглушенное журчание воды в реке, далекие голоса играющих детей, а в одном из домиков беспомощно плакал больной ребенок.

Он поравнялся с домом, возле которого спала собака. Она проснулась, и, зарывав, направилась к воротам. Когда он прошел мимо, собака, не переставая рычать, поплелась за ним, благоразумно держась на безопасном расстоянии.

В деревне царил безмятежный покой золотисто-лиловой осени, и, когда умолкали крики детей и плач ребенка, наступала полная тишина.

Из окон и дверей домиков на него смотрели женщины, и за ним по пятам все еще бежала собака, но теперь уж она не рычала, а трусила молча, подняв от удивления уши.

Ричард Дэниел остановился посреди улицы и оглянулся – собака села, не спуская с него глаз. Ему почудилось, будто остановилось само время, и на какую-то долю секунды маленькая деревушка отделилась от всей остальной вселенной, превратившись в замкнутый обособленный мир, который открыл ему его настоящее призвание.

Стоя посреди улицы, он вдруг увидел деревню и людей в ней почти с той же ясностью, как если бы мысленно представил их схему, которая если даже и существовала, то только в его подсознании.

И ему показалось, что деревня – это уголок Земли, перенесенный сюда уголок древней Земли со всеми ее первобытными проблемами и надеждами – сильная духом община людей, которая уверенно и смело отстаивала свои права на существование.

С другого конца улицы до него донесся скрип повозок, которые медленно тащились по направлению к кораблю.

Он не тронулся с места, поджидая их, и, пока он стоял так, собака подобралась к нему поближе и снова села, глядя на него без особого дружелюбия.

Подъехав к нему, повозки остановились.

– Здесь в основном лекарственное сырье, – произнес человек, сидевший на первой горе тюков. – Из всего, что у нас есть, только это и стоит вывозить.

– У вас, видно, его очень много, – заметил Ричард Дэниел.

Человек покачал головой.

– Не больно-то много. Последний корабль был у нас почти три года назад. Нам придется ждать еще три, а то и дольше, пока прилетит следующий. – Он сплюнул на землю и добавил: – Иной раз кажется, что не сыщешь большей глухомани. Бывают дни, когда мы спрашиваем себя, помнит ли о нас хоть одна душа на свете.

Со стороны корабля донеслись далекие раскаты капитанских проклятий.

– Вам лучше поскорее подняться туда и сдать груз, – сказал человеку Ричард Дэниел. – Капитан так зол, что может улететь, не дождавшись вас.

Человек слабо усмехнулся.

– Его дело, – бросил он и взмахнул вожжами, добродушно покрикивая на лошадей. – Влезай ко мне, – предложил он Ричарду Дэниелу. – Или тебе хочется пройти пешком?

– Я не поеду с вами. Я остаюсь здесь. Можете передать это капитану.

Потому что здесь был больной ребенок. Здесь было радио, нуждавшееся в починке. Культура, которую нужно было продумать и направить. Здесь его ждал непочатый край работы. Из всех мест, которые он посетил на своем пути, это было единственным, где он был по-настоящему нужен.

Человек снова усмехнулся.

– Капитану вряд ли это понравится.

– Тогда посоветуйте ему, чтобы он спустился сюда и поговорил со мной лично. Я сам себе хозяин. Я капитану ничего не должен. Я с лихвой уплатил ему свой долг.

Колеса повозки пришли в движение, и человек еще раз взмахнул вожжами.

– Будь как дома, – произнес он. – Мы рады, что ты остаешься.

– Благодарю вас, сэр, – отозвался Ричард Дэниел. – Мне приятно, что я не буду вам в тягость.

Посторонившись, он смотрел на катившиеся мимо по-возки, колеса которых поднимали легкие облака сухой как порох земли, и она едкой пылью плыла в воздухе.

«Будь как дома», – сказал человек, перед тем как отъехать. И в словах его была искренность и теплота. Много воды утекло с тех пор, как у него был дом, подумал Ричард Дэниел.

Покой и возможность познавать – вот в чем он нуждался. И в возможности приносить пользу, так как теперь он знал, что в этом его назначение. Должно быть, это и было истинной причиной того, что он остался, – он был нужен этим людям... и ему, как это ни странно, была необходима эта самая их потребность в нем. Пройдут поколения, и здесь, на этой сходной с Землей планете, возникнет новая Земля. И, быть может, когда-нибудь ему удастся передать людям этой планеты все свое внутреннее могущество и свою способность к проникновению в суть вещей.

Он замер, пораженный этой мыслью, ибо никогда не поверил бы, что в нем таилась такая жажда самопожертвования. Он уже не мессия, не освободитель роботов, а скромный учитель человеческого рода.

Наверное, все шло к тому с самого начала, и все происшедшее было лишь закономерным развитием судьбы человечества. Если род человеческий не мог своими собственными силами выявить и подчинить себе инстинкт – скрытые в человеке паранормальные способности, то он

добьется этого косвенным путем, с помощью одного из своих творений. Надо думать, в этом и заключалось неосознанное самим человеком гласное назначение роботов.

Он повернулся спиной к кораблю и яростному реву капитана и неторопливо пошел по деревенской улице; с чувством полного внутреннего удовлетворения вступал он в этот новый, обретенный им мир, мир, который он собрался построить, – но не во имя самоутверждения, не для возвеличения роботов, а для того, чтобы сделать человечество лучше и счастливее.

Какой-нибудь час назад он поздравил себя с тем, что не попался ни в одну ловушку Земли, ни в один силочек Человека, не ведая, что самая великая ловушка – последняя и роковая – ждала его на этой планете.

Нет, это неверно, сказал он себе. На этой планете не было никакой ловушки, как ее не было и на других. Ловушка скрывалась в нем самом.

Безмятежно шагал он по изрытой колесами дороге в ласковом золотистом предвечерье осеннего дня, и за ним следом бежала собака.

Где-то неподалеку плакал в своей колыбели больной ребенок.

Содержание

Поведай мне свои печали. Пер. О. Битова
Ведро алмазов. Пер. С. Барсова
Дурак в поход собрался. Пер. Д. Жукова
Операция «Вонючка». Пер. Н. Евдокимовой
Дурной пример. Пер. С. Васильевой
Когда в доме одиноко. Пер. С. Васильевой
Денежное дерево. Пер. И. Можейко
Достойный противник. Пер. О. Битова
Прелесть. Пер. Д. Жукова
Куш. Пер. Д. Жукова
Сделай сам. Пер. Д. Жукова
Детский сад. Пер. Д. Жукова
Спокойной ночи, мистер Джеймс. Пер. А. Горбунова
На Землю за вдохновением. Пер. И. Почиталина
Разведка. Пер. Н. Галь
Сила воображения. Пер. К. Сенина
Все ловушки Земли. Пер. С. Васильевой

Ранее издававшиеся произведения печатаются по изданиям:

«Мир», Москва, 1967
«Мир», Москва, 1971
«Мир», Москва, 1972
«Мир», Москва, 1977
«Мир», Москва, 1978
«Мир», Москва, 1982
«Молодая гвардия», Москва, 1964
«Молодая гвардия», Москва, 1970
«Молодая гвардия». Москва. 1981

© Исправленный перевод ТПО «Интерфейс», 1992

Уважаемый читатель!

В 1992 году Издательство ТПО „Интерфейс“ выпустило первый том собрания сочинений американского писателя-фантаста Клиффорда Саймака (1904 — 1988) под общим названием «Братство Талисмана». Во второй и третий том включены наиболее популярные рассказы К. Саймака. В четвертый и последующие тома будут включены романы: „Выбор богов“, „Планета Шекспира“, „Звездное наследство“, „Мастодония“, „Посетители“, „Где обитает дьявол“, „Путь в бесконечность“, „Космические инженеры“, „Что может быть проще времени“, „Пересадочная станция“, „Принцип оборотня“, „Пусть остаются на небесах“, „Кольцо вокруг Солнца“, „Почти как люди“, „Все живое...“, „Заповедник гоблинов“, „Город“ и другие произведения.

Все собрание сочинений богато иллюстрировано известными талантливыми художниками.

В 1992 году Издательство ТПО „Интерфейс“ начинает выпуск книг серии «Семейная библиотека» — в твердой обложке, в цветном, красочном супере.

В первую книгу серии войдут лучшие произведения Э. Успенского: „Вниз по волшебной реке“, „Дядя Федор, пес и кот“, „Следствие ведут Колобки“ (пять выпусков), „Крокодил Гена и его друзья“ и новая сказка „Бизнес Крокодила Гены“, к которым молодой талантливый художник Г. Кондоус сделал 150 полностраничных иллюстраций.

Во вторую книгу серии войдут лучшие произведения В. Губарева: „Королевство кривых зеркал“, „Трое на острове“, „Путешествие на утреннюю звезду“, „В тридевятом царстве“, „Преданье старины глубокой“.

В третью книгу серии войдут лучшие произведения Яна Бжехвы: „Академия Пана Кляксы“, „Путешествие Пана Кляксы“ и „Триумф Пана Кляксы“.

Последующие книги этой серии будут не менее интересными и богато иллюстрированными.

Благодарим за внимание к нашим изданиям.

По всем вопросам оптовой реализации обращаться по адресу:
109033, Москва, ул. Волочаевская, 18, тел. 273-36-84
ТПО „ИНТЕРФЕЙС“

